

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

№ 1-2-3. ЯНВАРЬ-ФЕВРАЛЬ-МАРТЪ 1918.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
I. В. И. Волгинъ. Жанъ Мелье и его завѣщаніе.	5
II. П. С. Батуриный. Записки (1780—1798 г.г.). Съ предисл. Б. Л. Модзалевскаго.	47
III. И. А. Линниченко. Прерванный юбилей.	79
IV. А. А. Сидоровъ. Изъ записокъ московскаго цензора (1909—1917 г.).	93
V. И. Х. Шванебахъ. Записки сановника. (Политика П. А. Столыпина и Вторая Государственная Дума).	115
VI. М. Е. Федорова. Московскій отдѣлъ Священной дружины. .	139
VII. М. М. Клевенскій. И. С. Тургеневъ въ каррикатурахъ и пародіяхъ (съ рисунками).	185
VIII. А. С. Поляковъ. Царь-Миротворецъ.	219
IX. Изъ переписки московскихъ славянофиловъ; А. И. Кошелевъ и И. С. Аксаковъ. Съ предисл. А. А. Кизеветтера. .	231
X. М. А. Цявловскій. Московская охранка въ 1915 г.	251
XI. И. В. Генералъ Духонинъ въ Ставкѣ.	289
XII. В. Н. Карякинъ. Московская охранка о А. И. Шингаревѣ (1891—1915 г.).	309
XIII. <i>Материалы для библиографіи</i> . 1) Жалоба дворянъ (114). 2) Николай II и Падеревскій (138). 3) «Безсмысленныя мечтанія» (184). 4) «Эмпирическій законъ» (184). 5) Доходы великаго князя (218). 6) Эпитафія Александру III (230). 7) Пропущенная строфа (230). 8) Павелъ I (250). 9) Къ характеристикѣ Александра II (250). 10) Изъ афоризмовъ Плева (287). 11) Дружескія рѣчи (288). 12) Запрещеніе Н. Г. Чернышевскому выѣзда за границу (288). Современныя стихотворенія по поводу отлученія <i>Д. Ч. Тод</i> <i>стого</i> отъ цер <i>квы</i> (314). 14) Левъ и ослы (385). 15) <i>Полуби</i> побѣдители (386).	
XIV. Критика и библиографія. В. Н. Перцевъ. И. С. Гольдинъ. Паденіе сословно-земскаго строя въ прусской монархіи. Е. В. Тарла. П. Митрофановъ, Леопольдъ II Австрійскій. Выѣшняя политика. Т. I. В. М. Фишеръ. К. Тіандеръ. Общій курсъ исторіи античныхъ и западныхъ литературъ. И. Н. Розановъ. Пушкинисты. Вып. II. П. Стебницкій. С. Ефремовъ. Исторія украинскаго письменства. А. Л. Фовицкій. Бар. Н. В. Дризень. Сорокъ лѣтъ театра. Б. Д. Федоровъ. А. Тунъ. Исторія революціоннаго движенія въ Россіи В. Н. Фишеръ. Б. Садовскій. Ледоходъ.	317
XV. Объявленія.	

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ и ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

(Годъ изданія VI)

Свѣтъ
В

мяти
емевскаго.

№ 1—3. Январь—Мартъ. 1918.

М О С К В А.

Типографія Т-ва Рябушаникихъ Сграстной бульв., Путинковскій пр., д.

1 9 1 8.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
I. В. И. Волгинъ. Жанъ Мелье и его завѣщаніе.	5
II. П. С. Батуринъ. Записки (1780—1798 г.г.). Съ предисл. Б. Л. Модзалевскаго.	47
III. И. А. Лининченко. Прерванный юбилей.	79
IV. А. А. Сидоровъ. Изъ записокъ московскаго цензора (1909—1917 г.).	93
V. Записки сановника. (Политика П. А. Столыпина и Вторая Государственная Дума).	115
VI. М. Е. Оедорова. Московскій отдѣлъ Священной дружины. .	139
VII. М. М. Клевенскій. И. С. Тургеневъ въ каррикатурахъ и пародіяхъ (съ рисунками).	185
VIII. А. С. Поляковъ. Царь-Миротворецъ.	219
IX. Изъ переписки московскихъ славянофиловъ; А. И. Кошелевъ и И. С. Аксаковъ. Съ предисл. А. А. Кизеветтера. .	231
X. М. А. Цявловскій. Московская охранка въ 1915 г.	251
XI. И. В. Генераль Духонинъ въ Ставкѣ.	289
XII. В. Н. Карякинъ. Московская охранка о А. И. Шингаревѣ (1891—1915 г.).	309
XIII. Мелочи прошлаго. 1) Жалоба дворянъ (114). 2) Николай II и Падеревскій (138). 3) «Безсмысленныя мечтанія» (184). 4) «Эмпирическій законъ» (184). 5) Доходы великаго князя (218). 6) Эпитафія Александру III (230). 7) Пропущенная строфа (230). 8) Павелъ I (250). 9) Къ характеристикѣ Александра II (250). 10) Изъ афоризмовъ Плеве (287). 11) Дружескія рѣчи (288). 12) Запрещеніе Н. Г. Чернышевскому выѣзда за границу (288). Современныя стихотворенія по поводу отлученія Л. Н. Толстого отъ церкви. 13) Живые цвѣты (314). 14) Левъ и ослы (385). 15) Голуби побѣдители (386).	
XIV. Критика и библіографія. В. Н. Перцевъ. И. С. Гольдинъ. Паденіе сословно-земскаго строя въ прусской монархіи. Е. В. Тарле. П. Митрофановъ, Леопольдъ II Вып. II. Австрійскій. Внѣшняя политика. Т. I. В. М. Фишеръ. К. Тиандеръ. Общій курсъ исторіи античныхъ и западныхъ литературъ. И. Н. Розановъ. Пушкинисты.	

П. С т е б н и ц к і й. С. Ефремовъ. Історія українського письменства. А. Л. Ф о в и ц к і й. Бар. Н. В. Дризень. Сорокъ лѣтъ театра. Б. Д. О е д о р о в ъ. А. Тунъ. Історія революціоннаго движенія въ Россіи. В. М. Ф и ш е р ъ. Б. Садовскій. Ледоходъ.	317
XV. Объявленія.	

Отъ редакціи «Голоса Минувшаго».

Общее собраніе членовъ товарищескаго издательства, редакціи и сотрудниковъ «Голоса Минувшаго», состоявшееся 5 декабря 1917 г., выражаетъ исполненный глубочайшаго негодованія протестъ противъ ареста редактора «Былое» В. Л. Бурцева и шлетъ горячій привѣтъ послѣднему.

Да здравствуетъ неутомимый борецъ со старымъ режимомъ, безстрашный обличитель его злодѣяній, и да сгинетъ скорѣе новый режимъ позорнаго насилія надъ вольнымъ словомъ и человѣческой личностью.

Жанъ Мелье и его «Завѣщаніе».

Въ ряду французскихъ социалистовъ XVIII в. (до революціи) Жанъ Мелье представляетъ собой фигуру въ высшей степени своеобразную. Въ то время, какъ для остальныхъ социализмъ—свѣтлая мечта, осуществленіе которой возможно лишь въ неопредѣленномъ будущемъ (Морелли), а то и вовсе невозможно (Мабли), для Мелье социализмъ—вопросъ современности, борьба за социализмъ—задача непосредственной дѣятельности. Говоря коротко, онъ единственный социалистъ-революціонеръ дореволюціонной Франціи. Пропаганда, объединеніе угнетенныхъ, борьба съ высшими классами—эти идеи сближаютъ его гораздо больше, чѣмъ кого-либо изъ его современниковъ, съ социалистами XIX в.

Не менѣе интересенъ Мелье и въ другомъ отношеніи: со стороны своихъ философскихъ идей. Скромный сельскій священникъ, онъ въ то же время рѣшительный и послѣдовательный атеистъ, для котораго всякая религія—лишь лицемѣрная сказка, придуманная высшими, чтобы держать въ уздѣ низшихъ, одинъ изъ самыхъ реальныхъ проповѣдниковъ матеріализма во Франціи XVIII в.¹⁾

Сказаннаго, думается, достаточно, чтобы понять интересъ, который представляетъ изученіе его «Завѣщанія».

I.

Точныхъ свѣдѣній о жизни Мелье имѣется чрезвычайно мало. Въ своей «Исторіи литературы XVIII в.» Геттнеръ выражаетъ даже сомнѣніе въ самомъ его существованіи и называетъ «Завѣщаніе» мнимымъ. Въ настоящее время, благодаря труду Р. Шарля, издавшаго «Завѣщаніе» въ 1864 г. впервые въ полномъ видѣ, мы уже не можемъ относиться къ Мелье такъ скептически. И все же мы почти ничего о немъ не знаемъ. Невозможно даже при-

¹⁾ «Завѣщаніе» Мелье написано въ концѣ 20-хъ или началѣ 30-хъ гг. а «Естественная исторія души» де-ля-Меттри лишь въ 1745.

близительно сказать, въ какой обстановкѣ прошло его дѣтство. По однимъ свѣдѣніямъ его отецъ былъ рабочій, по другимъ—владѣлецъ шерстяной мануфактуры. Наиболѣе правдоподобнымъ будетъ, пожалуй, если мы, переводя термины XVIII в. на современный языкъ, назовемъ отца Мелье кустаремъ. Но это предположеніе даетъ еще очень мало основаній для сужденія о степени состоятельности семьи Мелье.

Родился Мелье въ деревнѣ Мазерни въ Шампани, въ 1664 или въ 1678 г. Его раннее дѣтство прошло въ той же деревнѣ; здѣсь же онъ получилъ первоначальное образованіе у мѣстнаго священника, который затѣмъ помѣстилъ его въ семинарію. Семинарія несомнѣнно дала Мелье очень много: тотъ философскій и литературный матеріалъ, съ которымъ онъ все время оперируетъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ безспорно семинарскій. Мы будемъ еще имѣть случай въ этомъ убѣдиться.

По окончаніи семинаріи Мелье получилъ приходъ Этрепиньи и Бю въ Шампани, гдѣ и прожилъ почти безвыѣздно до самой своей смерти. Жилъ онъ очень уединенно, посѣщалъ только двухъ сосѣднихъ священниковъ, свой досугъ посвящалъ чтенію и перечитыванію немногихъ любимыхъ авторовъ. Доходъ тратилъ на милостыню и былъ любимъ прихожанами, съ которыми никогда не дѣлился своими сомнѣніями, былъ очень старателенъ въ исполненіи священническихъ обязанностей.

Библіотена Мелье не отличалась большимъ богатствомъ. Библія, Монтэнь, отцы церкви и Фенелонъ, таково по даннымъ Р. Шарля, было ея содержаніе. Но, судя по цитатамъ «Завѣщанія», его эрудиція была довольно обширна. Наболѣе изученная и наболѣе часто цитируемая имъ книга, это—библія. Отношеніе къ ней у Мелье двойственное. Въ общемъ, это книга, по его мнѣнію, наполненная глупыми и смѣшными, а подчасъ и вредными сказками. Но находя въ ней мысли, сходныя со своими, Мелье охотно пользуется цитатами изъ библіи для подкрѣпленія своихъ доводовъ. Экклезіастъ далъ ему въ этомъ отношеніи много цѣннаго, притомъ въ чрезвычайно яркой и выразительной формѣ. Знакома ему также литература отцовъ и учителей церкви, но ими онъ не интересуется и пользуется гораздо меньше.

Первое мѣсто послѣ библіи занимаютъ въ цитатахъ Мелье латинскіе и греческіе классики, причемъ больше первые, чѣмъ вторые. Лукрецій—одинъ изъ наболѣе чтимыхъ имъ авторовъ. Знакомы ему также Вергилій, Овидій, Лукіанъ, Ливій, Тацитъ и пр. Всѣмъ этимъ онъ, конечно, обязанъ семинарской наукѣ. Изъ той же семинаріи вынесъ Мелье знакомство съ французскими проповѣдниками XVI—XVII вв., вообще съ французской

богословской и философской литературой. Опроверженію философіи Декарта и Мальбранша онъ посвящаетъ цѣлыя главы «Завѣщанія». Изъ французскихъ свѣтскихъ писателей чаще всѣхъ цитируется Монтанъ; это для Мелье почти непререкаемый авторитетъ. Но подъ руками у него были во время составленія «Завѣщанія» и болѣе близкіе по времени авторы, напр., Лабрюйеръ. Изъ политическихъ писателей онъ знаетъ де-Комина и очень многія современныя ему книги: *Ésprit de Mazarin*, *Espion turc*, *Salut de l'Europe en 1694*, Телемака и т. д. Странно, что Мелье ни разу не упоминаетъ имени своего прямого предшественника (въ философскомъ отношеніи) Гассенди. Тѣмъ болѣе странно, что во французской школѣ XVII в. Гассенди имѣлъ многочисленныхъ послѣдователей и не могъ остаться совершенно неизвѣстнымъ Мелье. Въ связи съ этимъ любопытно отмѣтить двѣ черты, рѣзко отдѣляющія Мелье отъ позднѣйшихъ французскихъ просвѣтителей: незначительность естественно-научныхъ познаній и незнакомство съ англійской философской литературой.

Отъ библіотеки Мелье намъ необходимо теперь обратиться къ той обстановкѣ, въ которой онъ прожилъ всю свою сознательную жизнь. Она заслуживаетъ самаго пристальнаго вниманія со стороны всякаго, кто хочетъ понять такое своеобразное произведеніе, какъ «Завѣщаніе».

Французская деревня конца XVII и начала XVIII в. изучена далеко не такъ хорошо, какъ деревня предъ-революціоннаго періода. Мало того, что мы не имѣемъ для этой эпохи такихъ историко-статистическихъ работъ, какъ труды Лучицкаго, Магіон'а и др.; у насъ нѣтъ вообще ни одного сколько нибудь обстоятельнаго изслѣдованія. Поэтому, поневолѣ приходится обращаться непосредственно къ показаніямъ современниковъ.

Для общей характеристики положенія крестьянства въ концѣ царствованія Людовика XVI очень часто пользуются одной цитатой изъ Лабрюйера. Начнемъ съ нея и мы, чтобы затѣмъ уже перейти къ деталямъ. «Всматриваясь въ наши поля,—говоритъ Лабрюйеръ, мы видимъ, что они усеяны множествомъ какихъ-то животныхъ, самцовъ и самокъ, съ смуглымъ, синевато-багровымъ цвѣтомъ кожи, перепачканныхъ землею и совершенно сожженныхъ солнцемъ; всѣ они точно прикрѣплены къ землѣ, которую роютъ и переворачиваютъ съ непобѣдимымъ упорствомъ. Они обладаютъ чѣмъ-то въ родѣ членораздѣльной рѣчи, и когда кто-либо изъ нихъ подымается на ноги, то у него оказывается человѣческое лицо; и дѣйствительно, это—люди. На ночь они прячутся въ свои логовища, гдѣ они живутъ, питаются чернымъ

хлѣбомъ, водой и кореньями»¹⁾—Ясно, что изъ этой, несомнѣнно очень яркой и художественной характеристики трудно извлечь какія-либо конкретныя данныя. За полученіемъ ихъ намъ придется обратиться къ другимъ источникамъ: къ докладнымъ запискамъ различнаго рода чиновниковъ, спеціально командировавшихся въ провинціи для изученія ихъ экономическаго положенія, а также къ заявленіямъ хорошо знакомыхъ съ экономической жизнью страны государственныхъ дѣятелей, въ родѣ Вобана. Къ счастью всѣ эти данныя совпадаютъ вполнѣ во всемъ существенномъ. На основаніи ихъ общая картина экономическаго положенія деревни можетъ быть восстановлена съ значительной степенью точности. Въ качествѣ образца возьмемъ двѣ записки: одна принадлежитъ комиссарамъ, посланнымъ въ Орлеанъ и Мэнъ для изученія положенія откуповъ (1686 г.)²⁾, другая—Вобану (1696 г.).

Общій хозяйственный кризисъ, общее обѣдненіе деревни—одинаково рѣшительно подчеркиваются въ обѣихъ запискахъ. Одинъ изъ признаковъ благосостоянія—ростъ населенія, говорятъ комиссары; во всѣхъ изслѣдованныхъ мѣстностяхъ наблюдается обратное явленіе: населеніе уменьшается, значительная часть его обращается въ нищихъ и погибаетъ отъ болѣзней и голода. Всюду печальныя картины: дома разрушены и не восстанавливаются, число cabarets уменьшается вслѣдствіе бездоходности. Крестьянъ-собственниковъ больше не существуетъ. Зажиточные арендаторы исчезли, ихъ замѣнили половники. Прежде фермеры имѣли все, что необходимо для эксплуатаціи фермы: скоть, какъ для работы, такъ и для навоза, извѣстное число рабочихъ и нѣкоторый свободный капиталъ, который позволялъ имъ хранить хлѣбъ и продавать его въ то время, когда это выгодно. Этотъ типъ фермера-капиталиста, жалуются комиссары, вытѣсненъ бѣдняками métayers, у которыхъ нѣтъ ничего. Хозяева должны давать имъ ссуду на пропитаніе, снабжать ихъ скотомъ, платить за нихъ taille, и на покрытіе всѣхъ этихъ долговъ часто даже не хватаетъ ихъ доли урожая. Эти полунищія не могутъ хорошо обрабатывать землю; малѣйшее стихійное бѣдствіе: болѣзнь, градъ, падежъ скота или еще какая-нибудь случайность окончательно выбиваютъ ихъ изъ колеи и заставляютъ прибѣгать къ милостынѣ. Очевидно, это—настоящій сельскій пролетаріатъ не только, такъ сказать, въ скрытомъ состояніи.

Параллельныя измѣненія происходятъ и въ быту крестьянъ. Потребленіе падаетъ: въ иныхъ мѣстностяхъ крестьяне пита-

¹⁾ Labrujère, II, 97.

²⁾ Mémoires des intendants ,p.p. Boislesle, t. I, p. 782 и сл.

ются исключительно чернымъ хлѣбомъ, а иногда и того не имѣютъ—варятъ корни папоротника и ѣдятъ его съ ячменной и овсяной мукой. Скотъ страшно упалъ въ цѣнѣ, такъ какъ крестьяне выводятъ его на рынокъ въ излишнемъ количествѣ. Но тому, кто желаетъ наглядно убѣдиться въ нищетѣ крестьянина, слѣдуетъ заглянуть въ его жилище. Онъ увидитъ, что единственная одежда крестьянина—на немъ, да и та никуда не годится, мебели никакой, запасовъ—никакихъ, все свидѣтельствуетъ о крайней нуждѣ. А между тѣмъ, заключаютъ комиссары, предвосхищая идеи фیزیократовъ, эта нужда отражается на всемъ, между прочимъ и на промышленности, такъ какъ спросъ на ея продукты сокращается.

Записка Вобана¹⁾ позволяетъ намъ перейти въ мѣстность, болѣе близкую къ Шампани. Это описаніе округа *Vezelag*, въ которомъ у Вобана было нѣсколько помѣстій и который онъ могъ, слѣдовательно, знать очень хорошо по непосредственнымъ наблюденіямъ. Картина—та же. Крестьяне не имѣютъ ни одного клочка собственной земли. Арендаторы—несомнѣнные пролетаріи, у нихъ нѣтъ ничего для веденія хозяйства. Землевладѣльцы должны выручать ихъ изъ долговъ, снабжать скотомъ. Крестьяне ѣдятъ мясо не чаще трехъ разъ въ году, а иногда и того не удастся. Послѣдствія: физическое и нравственное вырожденіе населенія, болѣзненность и повышенная смертность съ одной стороны, попрошайничество и отчаяніе, съ другой. И т. д., и т. д.

Данныя выбранныхъ нами двухъ записокъ, провѣренныя и дополненныя путемъ сравненія съ другими данными того же рода (напр. съ указаніями извѣстнаго экономиста XVII в. Буагильбера²⁾), даютъ такую схему. Обезземеленіе крестьянъ—собственниковъ; исчезновеніе класса зажиточныхъ арендаторовъ; крайне низкій жизненный уровень массы сельскаго населенія—половниковъ, стоящихъ вѣчно на порогѣ нищеты; наконецъ, сокращеніе площади обрабатываемой земли. Такимъ образомъ мы имѣемъ передъ собой картину общаго экономическаго упадка деревни. Очевидно, къ серединѣ XVII в. въ ней произошла уже нѣкоторая дифференціація: изъ массы крестьянства выдѣлились фермеры-капиталисты и наемные рабочіе. Но суть хозяйственнаго кризиса деревни отнюдь не въ ней, не въ этой дифференціаціи. Наоборотъ, въ связи съ кризисомъ происходитъ извѣстная нивеллировка деревенскаго населенія въ сторону половничества. Зажиточныхъ людей не видно, всѣ уравни-

¹⁾ Mémoires des intendants, I, 738.

²⁾ Boisguillebert въ изд. Daire, Collection des économistes, II, 189 и др.

ваются въ общей нищетѣ и цѣпляются за землю, лишь какъ за единственное спасеніе отъ необходимости итти по міру.

Въ чемъ же причина этого страннаго на первый взглядъ явленія?—Несомнѣнно въ томъ, что у французскаго крестьянина XVII в., еще въ очень малой степени страдавшаго отъ эксплуататора-капиталиста, было два эксплуататора, гораздо болѣе страшныхъ: государство и дворянство. Если мы припомнимъ, какіе чрезвычайные расходы,—вѣрнѣе сказать, какое чрезвычайное расточеніе народныхъ силъ и средствъ,—производились правительствомъ Людовика XIV во вторую половину этого блестящаго царствованія, если мы примемъ во вниманіе, что всей своей тяжестью эти расходы ложились на плечи крестьянской массы, то намъ станетъ понятно, что государственная эксплуатация именно въ изучаемый нами періодъ должна была достигнуть наивысшаго напряженія. Давленіе государственнаго прессы сильно давало себя чувствовать и раньше, задерживая нормальное хозяйственное развитіе деревни. Въ концѣ XVII в. оно достигло такихъ размѣровъ, что положеніе всѣхъ слоевъ деревенскаго населенія стало невыносимымъ. Для капиталистической эксплуатации не могло быть мѣста тамъ, гдѣ всѣ соки выжимались эксплуатацией государственной. Люди, обладавшіе капиталомъ и прилагавшіе этотъ капиталъ къ обработкѣ земли, или разорялись, или бѣжали изъ деревни, предпочитая искать для своихъ средствъ другое помѣщеніе, которое приносило бы болѣе вѣрный доходъ. Но это бѣгство капиталовъ изъ деревни отнюдь не облегчало положеніе рядовой массы крестьянства и сельскаго пролетаріата. Разоренное поборами крестьянство продавало свою землю за безцѣнокъ, превращалось въ полонишковъ или пополняло кадры сельскаго пролетаріата. Сельскій пролетаріатъ, въ свою очередь, вмѣстѣ съ исчезновеніемъ изъ деревни капиталистовъ-предпринимателей, терялъ лишь возможность заработка, но не пріобрѣталъ ни собственной земли, ни орудій производства. Его положеніе становилось безвыходнымъ. Только ничтожная часть пролетаризованнаго крестьянства могла найти заработокъ въ промышленности, такъ какъ и спросъ на рабочія руки былъ еще, при слабомъ развитіи капитализма, очень низокъ, и законъ объ обязательномъ ученичествѣ преграждалъ дорогу во многія отрасли производства. Не мудрено, что, теряя послѣднюю связь съ землей, крестьянинъ тѣмъ самымъ почти навѣрняка превращался въ нищаго и бродягу.

Мы говорили пока лишь объ эксплуатациі государственной. Но не надо забывать, что наряду съ нею и въ томъ же направле-

ніи дѣйствовала эксплуатація феодальная. Несмотря на то, что крѣпостное право исчезло уже почти во всей Франціи, остатки феодализма въ видѣ разнаго рода поборовъ и повинностей, еще сильно давали себя чувствовать. Для объективнаго наблюдателя феодальный гнетъ конца XVII в. долженъ неизбѣжно представляться чѣмъ-то не имѣющимъ крупнаго значенія по сравненію съ гнетомъ государственнымъ. Бремя, наложенное на крестьянъ государствомъ, прогрессивно возрастая, достигло, казалось, своего кульминаціоннаго пункта. Феодальныя права, наоборотъ, постепенно отмирали, и феодальныя вычеты изъ крестьянскаго дохода становились все меньше. Такъ обстоитъ дѣло для объективныхъ наблюдателей со стороны. Но врядъ ли таковы были чувства крестьянъ. Скорѣе наоборотъ: чѣмъ хуже вообще жилось крестьянину, тѣмъ большее значеніе приобреталъ для него каждый часъ его труда, каждая вырученная или сбереженная имъ копейка. И отдавать этотъ часъ, эту копейку сеньеру—это должно было совсѣмъ выводить изъ себя и безъ того озлобленнаго, изголодавашагося крестьянина.

Въ Шампани остатки феодализма держались особенно упорно и, вѣроятно, чувствовались особенно болѣзненно. До самой революціи въ Шампани сохранился *servage*, сохранился цѣлый рядъ рѣдкихъ въ остальной Франціи феодальныхъ повинностей. А между тѣмъ и нищета крестьянъ достигла тамъ едва ли не крайней для всей Франціи степени. Поражающую бѣдность Шампани отмѣчаютъ даже наканунѣ революціи, когда въ общемъ положеніе крестьянства значительно улучшилось. Познакомившись въ самыхъ общихъ чертахъ со средой, въ которой жилъ Мелье, мы можемъ теперь вернуться къ его біографіи.—Бѣдной событіями жизни сельскаго священника суждено было закончиться очень яркимъ драматическимъ эпизодомъ, чрезвычайно характернымъ для его отношенія къ этой средѣ.

Сеньеръ той деревни, въ которой жилъ Мелье,—де-Клери обидѣлъ чѣмъ-то своихъ крестьянъ. Мелье не пожелалъ произнести обычной молитвы за сеньера. Тогда де-Клери пожаловался архіепископу реймскому; кардиналъ сдѣлалъ Мелье надлежащее внушеніе. На слѣдующее воскресенье Мелье взошелъ на кафедру и сказалъ: «Вотъ обычная судьба бѣдныхъ деревенскихъ священниковъ; архіепископы ихъ презираютъ и даже не выслушиваютъ; они сами—сеньеры, и ихъ уши открыты только для знати. Итакъ, помолимся за нашего сеньера. Будемъ просить Бога о его обращеніи, чтобы онъ впредь не обижалъ бѣдныхъ и не грабилъ сиротъ». Сеньеръ, присутствовавшій при этой своеобразной молитвѣ, принесъ новую жалобу. На этотъ разъ архіепис-

скопъ, вызвавъ Мелье, обошелся съ нимъ очень грубо. Съ этого момента кюрэ и сеньеръ жили въ открытой войнѣ. Цѣлый рядъ оскорбленій въ соединеніи съ сознаниемъ собственнаго безсилія, полнѣйшей невозможности съ ними бороться, сдѣлали жизнь интеллигентнаго и самолюбиваго священника совершенно невозможной. Смерть стала казаться ему единственнымъ достойнымъ выходомъ изъ создавшагося положенія, въ 1729 г. онъ умерилъ себя голодомъ.

Во всемъ этомъ эпизодѣ для личности Мелье характерны та твердость и рѣшительность, съ которой онъ выступилъ противъ сеньера, его неспособность итти на уступки, приспособляться къ обстоятельствамъ,—неспособность, стоившая ему жизни. Что же касается того факта, что священникъ оказался на сторонѣ крестьянъ противъ сеньера, то въ немъ нѣтъ ничего особенно неожиданнаго и страннаго. Сельское духовенство по самому своему положенію стояло ближе къ крестьянской массѣ, чѣмъ къ привилегированнымъ. Доля его въ громаднхъ доходахъ перваго сословія была слишкомъ ничтожна, чтобы оно могло чувствовать себя солидарнымъ съ духовной знатью, жившей по-княжески. А ничтожное содержаніе, скудная жизнь, презрительное отношеніе свѣтскихъ и духовныхъ магнатовъ, постоянное общеніе съ народомъ создавали почву для духовнаго сближенія съ угнетенной массой, для искренняго и глубокаго проникновенія ея интересами. Эта черта отмѣчается всѣми изслѣдователями, касавшимися роли духовенства въ до-революціонной Франціи.

Просто уйти изъ жизни, признавъ себя побѣжденнымъ, Мелье не могъ. Чтобы спокойно умереть, ему нужно было сознаніе, что и послѣ смерти онъ будетъ продолжать борьбу со своимъ врагомъ. Конечно, не съ сеньеромъ де-Клери, а со всѣмъ тѣмъ строемъ общественныхъ отношеній, характерныя особенности котораго такъ болѣзненно дали ему себя почувствовать въ послѣдніе дни его жизни. Теперь, уходя изъ жизни, онъ чувствовалъ себя въ силахъ сдѣлать то, на что не могъ рѣшиться раньше: открыто сказать все, что онъ думаетъ о человѣческихъ отношеніяхъ, о религіи, государствѣ и общественномъ строѣ. У него давно уже все обдуманно: объ этомъ свидѣтельствуетъ удивительная ясность и простота выраженія мысли, не знающей колебаній и сомнѣній. И вотъ, всецѣло проникнутый мыслью о близкой смерти, онъ пишетъ свое «Завѣщаніе». «Я почти не принимаю уже участія въ томъ, что дѣлается въ мірѣ», пишетъ онъ въ концѣ книги «мертвецы—а я теперь съ ними—не беспокоятся и не заботятся ни о чемъ».

Закончивъ книгу, Мелье переписалъ ее въ трехъ экземплярахъ и принялъ мѣры къ тому, чтобы она не затерялась.

Дѣйствительно, «Завѣщаніе» не пропало. Въ скоромъ времени въ Парижѣ было уже болѣе сотни экземпляровъ. Но дальнѣйшая его судьба очень печальна. Въ 1735 г. Thiériot сообщилъ о немъ Вольтеру, который сначала не обратилъ на это сообщеніе никакого вниманія. Только 27 лѣтъ спустя Вольтеръ напечаталъ выдержки изъ первой части «Завѣщанія», выбросивъ все, что находилъ слишкомъ рѣзкимъ. Мелье—соціалистъ и атеистъ—не попалъ въ изданіе Вольтера. Кромѣ Вольтера отрывки изъ «Завѣщанія» были изданы Гольбахомъ и Сильвентъ-Марешалемъ. Всѣ эти изданія вѣроятно вытѣснили съ рынка полныя рукописныя копіи «Завѣщанія». Лишь въ серединѣ XIX в. Р. Шарлю удалось найти случайно одинъ экземпляръ у голландскаго антикварія. Благодаря этой находкѣ, въ 1864 г. «Завѣщаніе» было впервые напечатано полностью.

II.

Планъ «Завѣщанія» очень своеобразенъ и не вполне выдержанъ. На всей книгѣ лежитъ отпечатокъ, хотя и продуманной, но слѣпной работы. Многочисленные повторенія, совершенно излишнія, производятъ досадное впечатлѣніе. Иногда повторяется не только разъ высказанная мысль, но прямо цѣлый отрывокъ, цѣлая цѣпь мыслей, и притомъ буквально тѣми же словами. Несмотря на этотъ недостатокъ, основную нить изложенія не трудно уловить. Центральная идея «Завѣщанія»—ложность религіи вообще, христіанства въ частности. Этого тезиса авторъ не теряетъ изъ виду на всемъ протяженіи своего сочиненія, представляющаго собою какъ бы полный сводъ всѣхъ возможныхъ доказательствъ его справедливости: историческихъ, моральныхъ, метафизическихъ.

Чтобы понять, почему религія заняла у Мелье такое центральное положеніе, необходимо познакомиться съ тѣмъ, какую роль приписываетъ онъ ей въ исторіи человѣческихъ обществъ,—точнѣе говоря, въ исторіи царящей въ нихъ вѣчно несправедливости. Въ соціально-политическихъ идеяхъ «Завѣщанія»—ключъ къ его пониманію. Съ нихъ мы и начнемъ наше изложеніе.

Критерій, съ которымъ Мелье подходитъ къ анализу общественнаго строя,—чисто моральный. Величайшія блага для людей: миръ, доброжелательное отношеніе другъ къ другу, справедливость. Это—источники человѣческаго счастья. Самое ужасное въ жизни—раздоры, злоба, ложь, несправедливость, лицемеріе и тиранія. Они разрушаютъ въ людяхъ все лучшее и являются источникомъ всѣхъ пороковъ и бѣдствій, среди которыхъ люди проводятъ свою жизнь. Весь жизненный опытъ свидѣтельствуешь,

что въ мірѣ царятъ ложь и несправедливость. Тѣ, кто какъ будто поставленъ для осуществленія справедливости,—они-то какъ разъ наиболѣе преступны, они на мѣсто справедливости поставили беззаконіе. Слезы обиженныхъ и страданія народа, угнетаемаго богатыми и сильными, внушаютъ такое отвращеніе и презрѣніе къ жизни, что можно воскликнуть вмѣстѣ съ Соломономъ: *laudavi magis mortuos quam viventes et feliciorum utroque judicavi, qui necdum natus est nec vidit mala, quae sub sole fiunt* ¹⁾.

Исходя изъ этихъ общихъ положеній, Мелье въ цѣломъ рядѣ главъ (43—59) подробно разбираетъ важнѣйшія «mala» общественной жизни.

Первое зло—непропорціональное распредѣленіе благъ между сословіями. Одни какъ будто рождены, чтобы тиранически господствовать надъ другими и получать въ жизни всякія удовольствія, а другіе — чтобы быть ничтожными, жалкими рабами и стонать всю свою жизнь подъ бременемъ труда и нищеты. Эта непропорціональность совершенно несправедлива, ибо она не основывается ни на какихъ личныхъ заслугахъ. Ссылаться на заслуги предковъ тоже не приходится. Если мы подумаемъ о происхожденіи дворянскихъ и княжескихъ фамилій, то найдемъ, что предки людей, которые столько кричать о своей знатности, были люди кроваваго, жестокаго, тираническаго, предательскаго, воровскаго, отцеубійскаго. Чтобы этимъ преступникамъ придать видъ героевъ, придумали очень простое средство: вмѣсто слова разбой ставятъ слово завоеваніе.

Всѣ люди равны по природѣ. Всѣ имѣютъ равное право жить и ходить по землѣ, пользоваться своей естественной свободой и нѣкоторой частью благъ земныхъ, занимаясь полезнымъ трудомъ. Зависимость между людьми, которая однихъ черезчуръ возвышаетъ, а другихъ унижаетъ, явно противорѣчитъ естественному праву. Мало того, она сѣетъ гордость, высокомеріе, тщеславіе, надменность въ однихъ, а въ другихъ порождаетъ ненависть, гнѣвъ, желаніе мести. Какъ языческая, такъ и христіанская философія одинаково признаютъ естественное равенство людей. Примѣръ—Сенека, съ одной, и Евангеліе, съ другой стороны. «Кто хочетъ быть первымъ среди васъ, да будетъ послѣднимъ», сказалъ Христосъ. Не гордиться слѣдовало бы своей знатностью, а стыдиться ея.

Итакъ преимущества, которыми знатные пользуются передъ народомъ,—несправедливы. Отмѣтимъ здѣсь, что слово народъ (*peuple*) для Мелье синонимъ слова крестьянинъ (*païsan*). Первое, очевидно незамѣтно для самого автора, замѣняется вторымъ.

¹⁾ Le Testament de Jean Meslier, Amsterdam, 1864, I, 5.

Народъ, т.-е. крестьяне, это—рабы знатныхъ. Нѣтъ ничего болѣе жалкаго и несчастнаго. Онъ работаетъ на знатныхъ и, напрягая всѣ свои силы, едва вырабатываетъ на пропитаніе самому себѣ. Дворяне недовольны еще, что пользуются почетомъ, что имъ принадлежать лучшія земли—они стремятся хитростью или силой отнять у другихъ ихъ достояніе. Они заставляютъ платить себѣ подати, отбывать барщину и оказывать различныя услуги. Самый маленькій дворянинъ заставляетъ крестьянъ трепетать передъ собою, старается урвать, что только можетъ, то у одного то у другого изъ нихъ. Они—настоящіе черви; какъ черви, они пожираютъ простой народъ. Бѣдные люди были бы счастливы, если бы ихъ не мучилъ этотъ злой гадъ; они будутъ вѣчно несчастны, если отъ него не отдѣлаются. «Вамъ говорятъ о дьяволахъ, дорогіе друзья; васъ пугаютъ однимъ только именемъ дьявола, васъ заставили повѣрить, что дьяволы—самыя злыя и отвратительныя существа, что они—худшіе враги человѣческаго рода, что они стараются только о томъ, чтобы погубить людей и сдѣлать навѣки несчастными въ аду. Но знайте, что для васъ нѣтъ болѣе злыхъ дьяволовъ, чѣмъ тѣ люди, о которыхъ я сейчасъ говорю; у васъ нѣтъ худшихъ и злѣйшихъ враговъ, чѣмъ знатные, великіе и богатые: они васъ грабятъ, они васъ мучаютъ, они дѣлаютъ васъ несчастными». Живописцы ошибаются, рисуя дьяволовъ въ видѣ безобразныхъ, противныхъ чудовищъ. Ихъ слѣдуетъ изображать въ видѣ этихъ прекрасныхъ господъ или въ видѣ прелестныхъ дамъ и дѣвицъ, наряженныхъ, напудренныхъ, завитыхъ и блистающихъ золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями. Дьяволы, которыхъ рисуютъ проповѣдники и художники, существуютъ лишь въ воображеніи, они могутъ внушать страхъ только дѣтямъ и невѣждамъ, они не могутъ причинить реальнаго зла. А эти дамы и господа вполне реальны, какъ реально причиняемое ими зло ¹⁾).

Второе зло особенно процвѣтаетъ во Франціи и состоитъ въ томъ, что на счетъ народа живетъ множество людей, совершенно для него бесполезныхъ. Но этого мало: обязанность многихъ изъ нихъ въ томъ и состоитъ, чтобы грабить и угнетать народъ. Это относится, конечно, не только къ нищимъ по профессіи, это относится также и къ богатымъ бездѣльникамъ. Подъ тѣмъ предлогомъ, что у нихъ достаточно доходовъ, они живутъ въ непрерывной праздности, заботясь лишь о прогулкахъ, играхъ, развлеченіяхъ, снѣ и ѣдѣ.

Самый многочисленный разрядъ тунеядцевъ—*духовенство*. Ис-

¹⁾ Testament, II, 169—181.

ключеніе дѣлаетъ Мелье только для священниковъ и епископовъ, такъ какъ въ числѣ ихъ обязанностей есть одна, дѣйствительно полезная для общества—моральное воспитаніе паствы. Всѣ же остальные—а въ римской церкви, добавляетъ Мелье, ихъ много и притомъ самыхъ различныхъ сортовъ—какую пользу приносятъ они міру?—Никакой. Какія услуги оказываютъ они обществу?—Никакихъ. Что они дѣлаютъ въ приходахъ?—Ничего. А между тѣмъ именно эти элементы духовенства наиболѣе обезпечены въ матерьяльномъ отношеніи. Особенно странно смотрѣть на монаховъ. Они даютъ обѣтъ бѣдности и отреченія отъ міра съ его тщетой и суетой, ихъ долгъ—умерщвленіе плоти и покаяніе, а въ то же время они обладаютъ богатствами и живутъ въ свое удовольствіе. У нихъ роскошные сады, дворцы, кухни, въ которыхъ имѣется все, чего только они могутъ пожелать. У нихъ значительныя имѣнія, имъ же идетъ часть десятинъ, и часто они еще пользуются сенъеріальными правами. Словомъ, они въ изобиліи жнутъ, гдѣ не сѣяли, и собираютъ, гдѣ не разсыпали. Какое безуміе содержать этихъ людей на счетъ труда другихъ. Ибо, хотя они и обладаютъ богатствами, но эти богатства приносятъ доходы, лишь благодаря труду другихъ людей».

Помимо людей безполезныхъ на общественный счетъ содержатся и такіе, которые приносятъ народу явный вредъ. Къ числу ихъ Мелье относитъ юристовъ, откупщиковъ, винныхъ надсмотрщиковъ, сборщиковъ податей и, наконецъ, «плутовъ, каналій и мошенниковъ соляного и табачнаго надзора, которые шатаются по странѣ и разыскиваютъ свою добычу». Всѣ они радуются разоренію бѣдныхъ людей и веселятся, когда могутъ кого-либо захватить въ свои лапы. Во Франціи не меньше 40 или 50 тысячъ людей, грабящихъ народъ подъ тѣмъ предлогомъ, что они служатъ королю и собираютъ его deniers. Но къ этому числу нужно еще прибавить солдатъ.

«Природа достаточно плодородна, съ сочувствіемъ цитируетъ Мелье Фенелона, чтобы дать все, что нужно, безконечному числу умѣренныхъ и трудолюбивыхъ людей, но гордость, изнѣженность и тунеядство однихъ повергаютъ другихъ въ бѣдность и нищету» ¹⁾.

Переходя отъ критики соціальнаго строя стараго порядка къ критикѣ строя политическаго, мы должны сдѣлать одно предварительное замѣчаніе. Принципіальная критика абсолютизма незамѣтнымъ образомъ сливается у Мелье съ критикой его конкретныхъ проявленій во Франціи начала XVIII в. Обѣ стороны такъ тѣсно сплетены другъ съ другомъ, что пытаются ихъ разъ-

¹⁾ Testament, II, 182—210.

едлнить, значило бы произвести насиліе надъ мыслью Мелье, лишить ее ея характерной своеобразности. Мелье въ критикѣ общественныхъ отношеній менѣе всего отвлеченный мыслитель; это—человѣкъ, который непосредственно испытываетъ отъ нихъ страданіе. Страданіе онъ и изливаетъ въ своей книгѣ. Страданіе и вызываемыя имъ чувства: гнѣвъ, ненависть, иногда отчаяніе—таковъ ея основной тонъ. Освобождая мысль Мелье отъ этой окраски чувства, мы неизбѣжно представили бы его «Завѣщаніе» въ совершенно искаженномъ видѣ.

Всѣ властители, всѣ короли и князья-тираны, таково его основное положеніе. Они властвуютъ надъ всей землей и безъ конца угнетаютъ подвластные себѣ народы своими законами и повинностями. Они такъ далеко заходятъ въ своей гордости и наглости, что приводятъ въ защиту своихъ законовъ и повелѣній одинъ единственный доводъ: такова наша воля или по-латыни: *sic volo, sic jubeo, stat pro ratione voluntas*. Еще пророкъ Самуилъ далъ прекрасную характеристику царской власти, предсказавъ израильтянамъ, какія мученія ждутъ ихъ отъ царей. Этотъ пророкъ, замѣчаетъ Мелье, любилъ справедливость и потому не любилъ царской власти. И ни одно пророчество не исполнилось въ такой мѣрѣ, какъ это. Особенно ясно это можно видѣть на примѣрѣ Франціи. Короли—какъ бы маленькіе боги; ихъ льстецы убѣждаютъ ихъ, что имъ принадлежитъ абсолютная власть надъ жизнью и имуществомъ подданныхъ. И они не жалѣютъ ни этой жизни ни этого имущества: они приносятъ все въ жертву своей славы, своему честолюбію, своей жадности или своей мстительности. Чего только они не дѣлаютъ, чтобы получить все золото и серебро подданныхъ. Они налагаютъ подъ разными пустыми и ложными предлогами подати, добавочныя подати, вспомога-тельные подати и т. д.; они ихъ удваиваютъ и утраиваютъ по своей прихоти. Если же народъ не можетъ платить, то въ деревни по-сылаются солдаты и подобныя имъ каналы, которые выколачиваютъ подати, причемъ народъ долженъ еще ихъ содержать на свой счетъ. Напрасно ссылаться на бѣдность—жалобъ не выслушиваютъ, а если и обращаютъ на нихъ вниманіе, то на манеръ Ровоама, который отвѣтилъ народу, жаловавшемуся на чрезмѣрныя тягости, наложенныя его отцомъ: «*pater meus coecidit vos flagellis, ego autem loedam vos scorpionibus*». Принципъ королей и и ихъ первыхъ министровъ извѣстенъ: необходимо высосать народъ, сдѣлать его нищимъ, чтобы держать его въ покорности. Налоги—великоколѣпная вещь еще и въ другомъ отношеніи: они сѣютъ раздоры среди народа. Распредѣленіе *taille* въ приходахъ—вѣчныя ссоры и ненависть. Эти несчастные, ссорясь другъ съ дру-

гомъ, отвлекаются отъ единственной и истинной причины зла— короля и его министровъ. Они не имѣютъ достаточно смѣлости, чтобы объединиться и общими усиліями свергнуть его одного человѣка; они не осмѣливаются даже роптать открыто противъ него; и своему чувству гнѣва и злобы они даютъ выходъ во взаимной грызнѣ.

Но прямые налоги—только часть того, что народъ платитъ королю. Имѣются еще налоги на различные товары: на вино, на мясо, на водку, на пиво, на масло, на шерсть, на кожу, на соль, на бумагу и на табакъ; приходится платить за право ввозить и вывозить товаръ, за вѣнчаніе, крестины, похороны и т. д., и т. д. Для торговли необходимо имѣть невѣроятное количество всевозможныхъ документовъ. Эти документы можно смѣло назвать «знакомъ звѣря», о которомъ говорится въ Апокалипсисѣ. Если кто-либо, торгуя безъ документовъ, попадетъ въ руки стражъ этого звѣря-короля, то ему грозитъ конфискація товара, тюрьма галеры; иногда даже позорная смерть. Если бы это было возможно, то король навѣрное заставилъ бы платить за вѣтеръ и за тучи.

Абсолютизмъ разрушаетъ благосостояніе народныхъ массъ не одними налогами. Войны въ этомъ отношеніи не менѣе важны. Когда у королей является желаніе расширить свои владѣнія, то эта прихоть удовлетворяется ими на счетъ жизни и имущества бѣднаго люда. Для армій нужны солдаты—ихъ берутъ, по доброй волѣ или противъ воли—какъ придется; для содержанія армій нужны деньги и провіантъ—и это берутъ. Мало того. Народъ подвергается постояннымъ насиліямъ и грабежамъ со стороны солдатъ собственной арміи.

Ни одинъ король не былъ такимъ абсолютнымъ повелителемъ и ни одинъ не сдѣлалъ своего народа такимъ несчастнымъ, какъ Людовикъ XIV. Ни одинъ король не пролилъ столько крови, не разорилъ столько провинцій и городовъ. Сколько вдовъ и сиротъ проливаютъ изъ-за него слезы. И его прозвали великимъ! Конечно, не за великія и достойныя похвалы дѣянія—такихъ за нимъ нѣтъ,—а за великія несправедливости, великія опустошенія, великія убійства, виновникомъ которыхъ онъ былъ.

Въ видѣ общаго вывода Мелье вновь повторяетъ свой основной тезисъ: всѣ короли—тираны, въ особенности короли Франціи. Не народы созданы для правителей, а правители для народовъ; ихъ можно съ полнымъ правомъ назвать слугами общества. Но, если такъ, то обязанность правителей состоитъ въ обеспеченіи народамъ спокойствія и безопасности, хотя бы цѣною собственной жизни. Даже защитники абсолютизма (напр. Ришелье) признаютъ,

что цѣль короля—благо народа. Ясно, какъ мало соотвѣтствуетъ дѣйствительность этому идеалу»¹⁾).

Въ изложенныхъ нами частяхъ «Завѣщанія» Мелье является исключительно въ роли критика социальныхъ и политическихъ основъ стараго порядка. Правда, и здѣсь мы уже встрѣтили два положенія, которыя, послѣдовательно развитыя, могутъ вывести далеко за эти предѣлы. Это, во-первыхъ, та мысль, что право пользоваться продуктами—частью благъ земныхъ—связано съ обязанностью заниматься полезнымъ трудомъ; и во-вторыхъ, признаніе экономической истины, что не капиталъ, а исключительно трудъ является источникомъ дохода.

Мы рассмотримъ эти положенія ниже, въ связи съ социалистическими идеями Мелье. Теперь же остановимся на двухъ вопросахъ: что новаго по сравненію съ остальной оппозиціонной публицистикой конца XVII и начала XVIII в. даетъ намъ Мелье въ критикѣ стараго порядка, что оригинально въ этой критикѣ? подъ какими вліяніями сложились взгляды Мелье на сословный строй и особенно на абсолютную монархію? Если мы будемъ сравнивать Мелье съ тѣмъ единственно вліятельнымъ на рубежѣ XVII и XVIII вв., направленіемъ оппозиціи, которое представлено Вобаномъ и Буагильберомъ, то мы найдемъ между ними два весьма существенныхъ различія. Вобанъ и Буагильберъ, обсуждая причины бѣдственнаго положенія французскаго народа, все свое вниманіе сосредоточиваютъ на одной сторонѣ вопроса—на государственной эксплуатаціи, эксплуатація феодальная затронута ими въ весьма слабой мѣрѣ. Возможно, что эта неравномѣрность обусловлена отчасти социальнымъ положеніемъ авторовъ—мы знаемъ напр., что Вобанъ самъ былъ очень крупнымъ землевладѣльцемъ. Но несомнѣнно, здѣсь могла дѣйствовать и другая причина, отмѣченная уже выше: для Вобана и Буагильбера, какъ для наблюдателей со стороны, феодальная эксплуатація могла казаться чѣмъ-то малозначительнымъ по сравненію съ тяжкимъ бременемъ, наложеннымъ на крестьянъ государственной властью. Мелье же, стоя гораздо ближе ихъ и по своему социальному положенію, и по своему настроенію, къ крестьянской массѣ, не могъ, подобно имъ, видѣть единственную причину зла въ ложномъ направленіи правительственной политики, не могъ игнорировать феодальныхъ поборовъ, какъ ни были они *относительно* ничтожны.

Есть и еще одно, не менѣе важное, различіе. При всей рѣзкости своихъ нападокъ на правительство, и Вобанъ, и Буагиль-

¹⁾ Testament, II, 238—281.

беръ совершенно не затрагиваютъ принциповъ абсолютизма. Критикуя недостатки администраціи, они остаются монархистами. Ихъ идеалъ ничѣмъ не отличается отъ идеала Фенелона: монархъ, любящій свой народъ, не обременяющій его налогами, заботящійся о его благосостояніи и тщательно контролирующій чиновниковъ. Мелье гораздо болѣе радикаленъ. Онъ болѣе пессимистически и въ то же время болѣе реалистически смотритъ на монархію: пророчество Самуила всегда оправдывалось—добрыхъ монарховъ нѣтъ.

Отмѣтимъ здѣсь же, что Мелье настолько же оптимистъ по отношенію къ народу, насколько пессимистъ по отношенію къ правящимъ. У него нѣтъ совершенно того страха передъ народной массой, который такъ характеренъ для народолюбивой интеллигенціи даже болѣе поздней поры—середины и конца XVIII в. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Мелье былъ бы возмущенъ до глубины души знаменитой фразой Руссо о томъ, что рабовъ надо сначала сдѣлать *достойными* свободы и *способными* ее переносить, а затѣмъ уже ихъ освобождать. Во всей французской публицистикѣ XVIII в. врядъ ли можно найти болѣе рѣшительнаго демократа, болѣе послѣдовательнаго защитника интересовъ крестьянской массы.

Съ этимъ тѣсно связана еще одна особенность «Завѣщанія», о ней уже приходилось говорить. Это—то чувство, которымъ пропитана каждая его строка. Оно не имѣетъ ничего общаго съ чувствительностью, столь свойственной XVIII в. вообще, школѣ Руссо въ частности. Не слезоточивое состраданіе къ обездоленнымъ, а ненависть къ угнетателямъ составляетъ пафосъ «Завѣщанія»,—та ненависть, которая одна только дѣлаетъ возможными революціи. Отвѣтивъ на первый вопросъ, мы уже отчасти подготовили отвѣтъ на второй. Ясно, что не въ книгахъ, а въ живой жизни—источникъ революціоннаго настроенія Мелье. Только непосредственная близость къ народу, только дѣйствительное страданіе его страданіями сдѣлали изъ Мелье демократа и революціонера. Въ той же жизни и источникъ его односторонности. Народъ для него—крестьянство. Городовъ и городского населенія какъ будто вовсе не существуетъ. Разумѣется, было бы нелѣпо ставить это въ упрекъ Мелье. Условія его личной жизни сложились такъ, что деревня съ неизбежностью выдвигалась на первый планъ. А развитіе промышленнаго пролетаріата не достигло еще такой степени, чтобы вывести мысль Мелье за предѣлы личнаго кругозора.

Переходимъ къ литературнымъ вліяніямъ. Мелье, какъ мы видѣли, отнюдь не былъ невѣждой, и книжныя знанія послужили

ему великолѣпнымъ орудіемъ въ той работѣ, основное направленіе и цѣль которой были даны жизнью. Не говоря уже о томъ, что онъ прибѣгаетъ часто—можно сказать, чаще, чѣмъ слѣдуетъ—къ длиннѣйшимъ цитатамъ, иной разъ ничего не прибавляющимъ къ кратко изложенной и по обыкновенію рѣзко сформулированной мысли самого Мелье, мы легко можемъ замѣтить вліяніе предшественниковъ и въ оригинальныхъ мѣстахъ «Завѣщанія». Особенно рѣзко бросается въ глаза это вліяніе тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о монархіи вообще, гдѣ излагается, такъ сказать, теорія монархіи. Совершенно ясно, что всѣ основныя положенія этой теоріи заимствованы у монархомаховъ XVI в.¹⁾, притомъ почти въ неизмѣнной формѣ. Правда, у монархомаховъ имѣется отсутствующая у Мелье классификація монарховъ на *politice regentes* и *tyranice regentes*, т.-е. правящихъ по законамъ и тирановъ. Для Мелье же *bon roi* или *politice regent*—лишь идеаль, всѣ же реальные короли—тираны. Но и эта мысль Мелье является лишь дальнѣйшимъ развитіемъ мысли Отмана, утверждающаго, что неограниченная власть имѣетъ естественную тенденцію къ тираніи, и особенно Ла-Бозси, у котораго эти два понятія совершенно сливаются.

Близость Мелье къ монархомахамъ любопытно отмѣтить. Къ вопросу объ ихъ вліяніи намъ еще придется вернуться.

III.

Съ критикой тѣхъ основъ стараго порядка, которыя должна была скорѣе разрушить Великая Революція, сплетается у Мелье и критика частной собственности и семьи, началъ, оказавшихся для той же революціи священными и неприкосновенными. Для самого Мелье грань, отдѣляющая принципы, въ его время уже отживавшіе отъ тѣхъ, которымъ была суждена еще долгая жизнь и долгое господство, совершенно нечувствительна. Но намъ, въ цѣляхъ ясности и отчетливости изложенія, приходится выдѣлить социалистическую критику общества и коммунистическія идеи Мелье изъ всей совокупности его социальнo-политическихъ идей.

Одно изъ самыхъ распространенныхъ золъ общественной жизни состоитъ въ томъ, что всѣ блага и богатства земли находятся въ частномъ владѣніи²⁾. При частномъ владѣніи и пользованіи богатствами каждый стремится имѣть ихъ какъ можно больше

¹⁾ Ср. *Gierke*, I. *Althusius*, 144—148; *Lahitte*. *De la democratie chez les prédicateurs de la Ligue*, 275.

²⁾ Testament, II, 210.

и приобрѣтать ихъ какими угодно средствами; ибо жадность ненасытна и пробуждаетъ въ человѣкѣ всѣ его порочныя склонности. Частная собственность, это—какъ бы открытая дверь для ея дѣятельности. Люди, частью чтобы только обезопасить себя отъ нужды, частью чтобы достигнуть возможности удовлетворять всѣ свои желанія, ведутъ ожесточенную борьбу за богатство. Самые сильные, хитрые, ловкіе, а часто самые злые, недостойные, побѣждаютъ въ этой борьбѣ и захватываютъ въ свои руки жизненные блага. Возникаетъ вопіющее неравенство: одни имѣютъ больше, другіе меньше, иногда одни имѣютъ все, другіе ничего; у однихъ прекрасная пища, одежда, жилище, а у другихъ нѣтъ пристанища, они погибаютъ отъ холода и голода. Одни живутъ въ вѣчной радости, другіе въ вѣчномъ уныніи, на долю однихъ достается почетъ, другимъ остается униженіе. Одни ничего не дѣлаютъ, но зато отдыхаютъ, гуляютъ, спятъ, сколько угодно, и жирѣютъ въ пріятной праздности, другіе изнемогаютъ отъ труда, не имѣютъ отдыха ни днемъ ни ночью, проливаютъ свой потъ и свою кровь, чтобы только имѣть возможность просуществовать. Словомъ, одни живутъ въ блаженствѣ и въ изобиліи, какъ будто въ раю, другіе въ страданіяхъ и въ нуждѣ—въ настоящемъ аду. И они совсѣмъ рядомъ, адъ и рай. Ихъ часто отдѣляетъ другъ отъ друга только ширина улицы или простая стѣна. Но что наиболѣе отвратительно, заслуживающіе райскаго блаженства очень часто страдаютъ въ аду, а заслуживающіе адскихъ мукъ преспокойнѣйшимъ образомъ пользуются блаженствомъ рая. Въ этомъ мірѣ злые награждаются, а добрые получаютъ наказаніе. Но это еще не все: неравенство въ распредѣленіи богатствъ порождаетъ среди людей зависть и взаимную ненависть. Начинаются ропотъ, жалобы, смуты, возстанія, словомъ, неисчислимый рядъ бѣдствій.

Тѣ, у кого нѣтъ даже самаго необходимаго, вынуждены для поддержанія своего существованія прибѣгать къ такимъ средствамъ, какъ воровство, убійство, грабежъ и т. п. Бѣдность отцовъ отражается и на дѣтяхъ. Отцы необразованные, плохо воспитанные, голодные не имѣютъ ни желанія ни возможности лучше воспитывать, обучать и кормить своихъ дѣтей. Поэтому они и живутъ всю жизнь въ невѣжествѣ, грубости, грязи, нищетѣ.

Итакъ, частная собственность и неизбѣжно съ нею связанная конкуренція—источники неисчислимыхъ золъ и бѣдствій. Невольно возникаетъ вопросъ: нарисованная Мелье картина борьбы за существованіе, въ которой побѣждаютъ болѣе приспособленные, т.-е., болѣе хитрые и злые, является ли результатомъ наблюденій надъ окружающею жизнью, или это только чисто теоретическое построеніе, имѣющее цѣлью объяснить происхожденіе неравен-

ства и заимствованное изъ какого-либо литературнаго источника. На вопросъ, поставленный въ такой формѣ, трудно дать опредѣленный отвѣтъ. Несомнѣнно, въ приведенномъ отрывкѣ «Завѣщанія» очень мало конкретнаго; читая его, чувствуешь, что рѣчь идетъ о нѣкоторомъ универсальномъ законѣ, а не о жизненномъ процессѣ, неопредѣленно наблюдаемомъ авторомъ. Лишь тамъ, гдѣ Мелье переходитъ къ изображенію самого неравенства, слышится нота сочувствія реальному человѣческому страданію. Къ тому же съ теоріями, считающими частную собственность причиной неравенства, Мелье несомнѣнно былъ знакомъ еще въ семинаріи: недаромъ же онъ изучалъ классиковъ. Но если мы даже признаемъ теорію Мелье простымъ заимствованіемъ, то это не освободитъ насъ отъ необходимости отвѣтить на новый вопросъ: что предрасполагало Мелье къ принятію именно этой теоріи? Если мы и здѣсь попытаемся отвернуться отъ жизни, то намъ останется одинъ исходъ—свалить все на случайности самопроизвольнаго переселенія идей.

Мы указывали, что въ серединѣ XVII в. капиталистическія формы начали уже проникать въ сельское хозяйство. Трудно судить, какъ далеко зашла пролетаризація крестьянства ко времени Мелье. Капиталистическое развитіе деревни, какъ мы видѣли, сильно тормозилось общими условіями стараго порядка. Но вызванный этими условіями кризисъ вовсе не былъ благопріятенъ для низшаго слоя деревенскаго населенія. Въ частности пролетаризація, распродажа крестьянскихъ участковъ лишь ускорила благодаря кризису. При этомъ, вслѣдствіе слабаго спроса на рабочія руки, пролетаризація была равносильна обнищанію и принимала такія формы, которыя должны были особенно сильно дѣйствовать на умы современниковъ.

Эти-то впечатлѣнія и были, думается, источникомъ отрицательнаго отношенія Мелье къ институту частной собственности. Фактъ обезземеленія, подмѣченный въ сравнительно узкой области, послужилъ толчкомъ, заставившимъ мысль Мелье работать въ этомъ направленіи, заставившимъ его вспомнить старую теорію и утвердиться въ ней. Такъ получился универсальный законъ, объясняющій происхожденіе неравенства вообще.

Итакъ, самая основная норма современнаго общественнаго строя является матерью всѣхъ золъ. Какъ же его перестроить, какія новыя основы ему дать? Теоретическая почва, на которой воздвигается у Мелье зданіе идеальнаго общества, намъ уже отчасти извѣстна. Мы знаемъ съ одной стороны, что «природа можетъ дать пропитаніе неограниченному количеству людей», съ другой стороны, что единственный источникъ дохода—человѣ-

ческий трудъ. Какъ выводъ изъ этихъ двухъ положеній получается норма естественнаго права: всѣ имѣютъ равное право на часть благъ земныхъ, но при условіи выполненія обязанности трудиться. Равенство въ трудѣ и наслажденіи—вотъ цѣль и смыслъ коммунистическаго идеала Мелье. Его коммунизмъ не ограничивается поэтому сферой производства, но простирается и на потребление. Люди должны владѣть всѣми благами и богатствами земли сообща и на равныхъ правахъ и пользоваться ими также сообща и равномерно ¹⁾. Всѣ жители одной мѣстности, напр. одного города или одного прихода должны составлять какъ бы одну семью. Они должны любить другъ друга, какъ братья и сестры, должны жить вмѣстѣ, пользоваться одинаковой или подобной пищей, имѣть одинаково хорошее жилище, одинаково хорошую одежду. Но, съ другой стороны, всѣ обязаны принимать участіе въ трудѣ, каждый сообразно своей спеціальности. Работы должны распредѣляться между членами общины по временамъ года, въ зависимости отъ потребности въ тѣхъ или иныхъ продуктахъ и отъ удобства ихъ производства.

Какъ видимъ, Мелье совершенно чужда идея права на трудъ. Трудъ—это обязанность. Говорить о правѣ на трудъ въ его идеальномъ обществѣ нѣтъ поэтому никакого смысла. А частичными улучшениями современнаго общества онъ не интересуется, да, повидимому, и не считаетъ ихъ возможными. Впрочемъ, идея права на трудъ настолько тѣсно связана въ своемъ происхожденіи съ развитіемъ промышленнаго пролетаріата, съ существованіемъ резервной рабочей арміи и періодическими кризисами, что ея отсутствіе у писателя начала XVIII в. понятно и само по себѣ, безъ дальнѣйшихъ объясненій.

Въ приведенной нами схемѣ коммунистической ячейки большую роль играютъ моральныя чувства. Можно подумать, что на взаимной любви и должно держаться это маленькое общество. Мы имѣли бы тогда передъ собою разновидность коммунистическаго анархизма съ ярко выраженной моральной окраской. Но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. Мелье вполне признаетъ необходимость власти. Никакое человеческое общество, говоритъ онъ, даже будучи хорошо организовано, не можетъ само собой сохранять порядокъ безъ нѣкоторой зависимости между его членами, безъ подчиненности однихъ другимъ. Эта необходимая подчиненность не должна лишь нарушать закона справедливости; она не должна однихъ черезчуръ возвышать, а другихъ унижать, однимъ давать много, а другимъ ничего. Иначе она обращается

¹⁾ Testament, II, 210.

въ тиранію. Такая справедливая субординація должна существовать и въ коммунистическомъ обществѣ. Функціи власти сводятся по видимому къ организаціи производства и распредѣленія. Точныхъ указаній на это у Мелье нѣтъ, но это необходимо вытекаетъ изъ его оптимистическаго взгляда на нравственное развитіе людей при коммунистическомъ строѣ.

Между отдѣльными общинами должна существовать федеративная связь. Для сохраненія мира и для взаимной помощи въ случаѣ нужды онѣ заключаютъ союзы. Безъ взаимной помощи ихъ благосостояніе не прочно.

Остается неяснымъ вопросъ, какъ представляетъ себѣ Мелье организацію власти. Съ одной стороны, руководство общиной должно, по его мнѣнію, принадлежать наиболѣе мудрымъ и опытнымъ; въ одномъ мѣстѣ онъ даже прямо говоритъ—старцамъ. Съ другой стороны онъ защищаетъ выборное начало. Думалъ ли онъ, что при выборахъ естественно выдвинутся опытные старцы, или предполагалъ какое-либо ограниченіе избирательнаго права, сказать трудно. Возможно, что надъ деталями онъ вообще не задумывался. Интересно, что такое же сочетаніе двухъ принциповъ—демократическаго и патріархальнаго, находимъ мы въ самой разработанной социалистической системѣ XVIII в.—у Морелли. Что касается Мелье, то у него тутъ сказалось несомнѣнно вліяніе того института, по типу котораго онъ строитъ свою ячейку, т.-е. семьи. Но въ томъ же вопросѣ объ организаціи власти имѣется между Мелье и Морелли важное различіе: Морелли—проповѣдникъ централистическаго социализма, Мелье—федеративнаго. Эта особенность въ системѣ Мелье объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что во всѣхъ своихъ построеніяхъ онъ исходитъ изъ круга крестьянскихъ, сельско-хозяйственныхъ отношеній. У него нѣтъ сознанія необходимости широкой, народно-хозяйственной организаціи, такъ какъ самая идея народнаго хозяйства находится за предѣлами его кругозора. Вообще экономическая дѣйствительность XVIII в. далеко не въ такой степени благопріятствовала распространенію идей централистическаго социализма, какъ торгово-промышленное развитіе XIX в.

Какъ матеріальныя, такъ и нравственныя послѣдствія замѣны личной собственности коллективной будутъ поразительны и покажутся неожиданными для бѣдняковъ. Никто ни въ чемъ не будетъ нуждаться, всякій будетъ получать въ общинѣ необходимыя для него и для его дѣтей пищу, одежду и жилище. Не будетъ обмановъ и уловокъ, къ которымъ теперь прибѣгаютъ, чтобы поддѣть ближняго, не будетъ процессовъ, исчезнетъ зависть, такъ какъ всѣ будутъ приблизительно равны. Не будетъ

кражъ, грабежей и убійствъ, никто не будетъ стремиться къ чужому кошельку, такъ какъ это не будетъ нужно. Никому не придется надрываться въ чрезмѣрной работѣ; всѣ будутъ работать, никто не будетъ празднымъ, и поэтому каждый будетъ работать только за себя. «Вы удивляетесь, бѣдные люди. Вы спрашиваете, почему же вамъ приходится столько трудиться и столько страдать? Причина очень проста. Вы содержите своимъ трудомъ безконечное количество тунеядцевъ, и не только ихъ самихъ, но и ихъ прислужниковъ. Вы доставляете имъ все необходимое для ихъ существованія и для ихъ удовольствій. Если же трудъ будетъ распределенъ между всѣми людьми, то ваша доля труда неизбежно сократится. Вы будете жить счастливѣе, а трудиться меньше». Мало сказать, что люди будутъ счастливѣе: если захотятъ, они смогутъ жить роскошно. Имъ будетъ очень легко построить себѣ повсюду дворцы, развести прекрасные сады, они смогутъ улучшить способы обработки земли и получать благодаря этому изобильные урожаи.

Словомъ, Мелье предвидитъ при осуществленіи коммунистическаго строя грандіозный подъемъ производительныхъ силъ и быстрое повышеніе уровня общаго благосостоянія. Мысль, общая почти всѣмъ безъ исключенія социалистическимъ писателямъ; наиболѣе подробно она развита изъ утопистовъ—у Фурье, изъ современныхъ социалистовъ—у Бебеля. Аскетическое противоположеніе изобилія и добродѣтели, которое мы встрѣчаемъ напр. у Мабли, у Руссо, Мелье совершенно чуждо, какъ чужда ему вся христіанская мораль съ ея проповѣдью самоотреченія и смиренія. Наоборотъ, возможность удовлетворять всѣ свойственныя человѣку потребности—лучшая гарантія добродѣтели. Въ экономическомъ отношеніи коммунизмъ Мелье не реакціонеръ, а прогрессивенъ, поскольку, разумѣется, мы его разсматриваемъ съ точки зрѣнія намѣреній автора, а не съ точки зрѣнія объективныхъ послѣдствій его осуществленія во Франціи начала XVIII в.

Брака, въ смыслѣ юридической связи, въ будущемъ обществѣ не должно быть. Женщины и мужчины будутъ въ этомъ отношеніи совершенно свободны. Они будутъ сходиться другъ съ другомъ, исключительно слѣдуя взаимному влеченію. Когда они почувствуютъ, что имъ тяжело жить вмѣстѣ, или что у нихъ явилось влеченіе къ кому-либо другому, они будутъ свободно расходиться и заключать новые союзы. Тогда не будетъ несчастныхъ браковъ, не будетъ семейныхъ раздоровъ; какъ только люди перестанутъ удовлетворять другъ друга, они разойдутся, и только. Единственнымъ мотивомъ брачнаго сожителства будетъ симпатія и

доброжелательство. Улучшится и положеніе дѣтей. Они не будутъ, какъ часто бываетъ теперь, съ самаго ранняго дѣтства страдать отъ нужды, голода и холода. Община будетъ содержать ихъ на свой счетъ, будетъ заботиться объ ихъ воспитаніи и образованіи. Цѣлью общественнаго воспитанія должна служить добродѣтель и честность, цѣлью образованія—пріобрѣтеніе полезныхъ для общества знаній.

Здѣсь приходится отмѣтить одну реакціонную черточку—стремленіе нравственно нивелировать людей при помощи воспитанія. Всѣ люди должны руководствоваться въ своей жизни одною и той же моралью, одними и тѣми же правилами поведенія. Они не будутъ тогда видѣть своего блага въ различныхъ вещахъ, не будетъ между ними споровъ и раздоровъ, всѣ будутъ единодушно стремиться къ одному и тому же, одинаково понимаемому благу. Мелье не чувствуетъ, что его идеаль—полнѣйшее прекращеніе умственной и нравственной жизни человѣчества, застой, за которымъ неизбѣжно слѣдуетъ разложеніе. Это стремленіе къ единообразію чувствуется и у Морелли, хотя оно вовсе не связано принципиально съ идеей общественнаго воспитанія. Скорѣе всего, въ немъ слѣдуетъ видѣть бессознательный протестъ враждебной капитализму мысли противъ надвигающейся выѣстъ съ нимъ городской культуры, пестроты быстро смѣняющихся идей, настроеній, вкусовъ и модъ.

Замѣчательно, что часть «Завѣщанія», посвященная развитію социалистическихъ идей, чрезвычайно бѣдна цитатами. Лишь у очень немногихъ изъ знакомыхъ ему писателей могъ Мелье почерпнуть аргументы въ пользу коммунизма. Сенека, Овидій, Паскаль и Дѣянія Апостоловъ—вогъ вся литература, которой онъ здѣсь пользуется. Ему мало чисто теоретическихъ доказательствъ. Онъ ищетъ историческихъ примѣровъ и находитъ ихъ въ описаніи миѣческаго «золотого вѣка» классической литературы. Трудно сказать, вѣритъ ли онъ самъ въ то, что это дѣйствительная исторія, или, не вѣря, просто пользуется легендой, какъ иллюстраціей къ собственнымъ разсужденіямъ. Писатели XVIII в. вообще поражаютъ своимъ легковѣріемъ по отношенію къ историческимъ легендамъ, легковѣріемъ, которое какъ-то странно сочетается съ крайнимъ скептицизмомъ по отношенію къ легендамъ религіознымъ. Такую же смѣсь легковѣрія со скептицизмомъ находимъ мы у Мелье. Строго, можно сказать, придиричиво, критикуя христіанскую легенду, онъ цѣликомъ остается на почвѣ чисто легендарной исторіи. Тѣмъ не менѣе, въ данномъ случаѣ онъ, кажется, не относится къ «золотому вѣку» вполне серьезно. Слишкомъ быстро проходитъ онъ мимо этого мѣва, не прибавляя

отъ себя ни одного слова къ цитатамъ изъ Сенеки и Овидія. При своей начитанности въ классической литературѣ и цитатъ онъ могъ бы привести несравненно больше. Вѣдь если бы онъ придавалъ серьезное значеніе «золотому вѣку», то эта идея должна бы занять центральное мѣсто въ его философій исторіи, какое она занимаетъ, напр., у Руссо или Мабли. Ничего подобнаго у Мелье мы не находимъ.

Съ большимъ вниманіемъ останавливается Мелье на разсказѣ Дѣяній о первыхъ временахъ христіанства. Повидимому, говоритъ онъ, христіанская религія въ началѣ своего существованія стремилась къ осуществленію идеала коммунизма, какъ лучшей формы общежитія. Видно это не только изъ того, что она проповѣдывала принципы равенства и братства, но и изъ того, какъ жили первые христіане. Они отдавали все, что имѣли, въ общее пользованіе, и среди нихъ не было бѣдныхъ. Они изгнали понятіе о личной собственности: если у кого-либо изъ нихъ была земля, домъ или иное имущество, то онъ продавалъ все и деньги приносилъ апостоламъ, которые распредѣляли ихъ между всѣми, сообразно потребностямъ каждаго. Но эта общность недолго среди нихъ просуществовала; жадность скоро проникла въ ихъ сердца и раздѣлила ихъ, вернувъ въ прежнее состояніе. Тѣмъ не менѣе, чтобы не уничтожать совершенно самый главный членъ своего символа вѣры, который они должны были бы охранять больше всѣхъ прочихъ, они его оставили, придавъ ему совершенно извращенный смыслъ. Они связали слово *communio*¹⁾ съ воображаемыми духовными благами, съ однимъ изъ своихъ таинствъ и такимъ путемъ обошли главное положеніе своей религіи: Это сдѣлали, навѣрное, тѣ изъ первыхъ христіанъ, которые занимали среди нихъ почетныя мѣста и больше другихъ поживились на счетъ общаго имущества.

Не ограничиваясь прошлымъ, Мелье старается и въ современности найти примѣры примѣненія коммунистическаго принципа. И находитъ, хотя нельзя назвать эту находку особенно удачной. Въ настоящее время, говоритъ онъ, общность имуществъ сохранили одни монахи; какъ люди благоразумные, они поняли значеніе коммунизма. И посмотрите, каковы результаты. Они ни въ чемъ не нуждаются, ихъ дома похожи на дворцы королей, ихъ сады—земной рай, дворъ—полная чаша. Если бы они вздумали уничтожить общность имуществъ и раздѣлили ихъ между собою, то каждый изъ нихъ въ отдѣльности сталъ бы доступенъ, какъ и всѣ прочіе люди, всѣмъ неудобствамъ и бѣдствіямъ жизни.

¹⁾ Commun—общій, communion—причастіе.

Приводя этотъ примѣръ, Мелье не замѣчаетъ, что онъ противорѣчить самому себѣ. Вѣдь раньше, говоря о монахахъ, онъ указывалъ, какъ на причину ихъ благосостоянія на эксплуатацію ими народнаго труда. Они—тунеядцы, живущіе на общественный счетъ. И если имъ, дѣйствительно, выгодноѣ эксплуатировать народъ сообща, а не порознь, то это не аргументъ въ пользу коммунизма. Одинъ изъ историковъ французскаго социализма XVII—XVIII в.в. — Гуго — высказываетъ предположеніе, даже увѣренность, что Мелье былъ хорошо знакомъ съ крестьянскими коммунами (*communautes agricoles*) и вдохновлялся этимъ образцомъ при построении своей идеальной общины¹⁾.

Единственно, чѣмъ подкрѣплено это предположеніе—это указаніе Гуго на существованіе такихъ коммунъ въ Шампани въ началѣ XVIII в. Откуда заимствовано это указаніе, Гуго не говоритъ. Между тѣмъ, оно противорѣчитъ тексту «Завѣщанія». Мелье говоритъ очень ясно и опредѣленно: «если у приходовъ или у свѣтскихъ общинъ осталась нѣкоторая часть имуществъ въ общемъ владѣніи, то это такая мелочь, о которой не стоитъ и говорить». Очевидно, ему извѣстны лишь остатки общиннаго землевладѣнія, сохранившіеся почти повсемѣстно до его времени, а тѣхъ коммунъ, о которыхъ говоритъ Гуго, онъ вовсе не знаетъ. У социалистическихъ и склонныхъ къ социализму писателей XVIII в. мы чаще всего встрѣчаемъ описанія овернскихъ коммунъ. Есть указанія на то, что такія же ассоціаціи встрѣчались и коегдѣ въ другихъ мѣстахъ. Но относительно Шампани мы не встрѣтили въ литературѣ ни одного указанія. Если же ихъ не было въ Шампани, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Мелье о нихъ не знаетъ, такъ какъ заговорили о нихъ значительно позже. Да и по существу онѣ далеко не такъ соотвѣтствуютъ идеалу Мелье, какъ можно подумать на основаніи словъ Гуго. Это были сельско-хозяйственныя коопераціи съ довольно послѣдовательно проведенной общностью имуществъ, но и съ эксплуатаціей наемнаго труда. Впрочемъ, въ XVIII в. онѣ находились уже въ процессѣ постепеннаго разложенія.

Гораздо болѣе удивительно, что у Мелье отсутствуетъ фигура «добраго дикаря». Идеализація дикарей, главнымъ образомъ американскихъ, не знающихъ частной собственности, не понимающихъ словъ «мое» и «твое», начинается какъ разъ съ первыхъ десятилѣтій XVIII в. Наибольшая роль въ популяризаціи дикаря принадлежала въ этотъ періодъ отцамъ-иезуитамъ. А Мелье, если вѣрить даннымъ Р. Шарля, и во время деревенской жизни

¹⁾ *Бернштейнъ, Гуго, Каутскій и др., Предшественники новѣйшаго социализма, русск. переводъ, II, 342.*

сохранялъ связи съ іезуитскими кругами, завязавшіяся, вѣроятно, еще въ семинаріи.

И быть дикарей, и, въ особенности, социальный строй Парагвая въ іезуитскомъ изображеніи могли бы послужить для Мелье гораздо болѣе подходящими примѣрами, чѣмъ процвѣтаніе монастырей. Если онъ не упоминаетъ ни о томъ, ни о другомъ, то, повидимому, лишь потому, что идеализація дикаря, какъ и легенда «золотого вѣка» плохо вязалась съ его общими философско-историческими взглядами. Но объ этомъ придется еще говорить ниже.

Источникъ отрицательнаго отношенія Мелье къ частной собственности мы склонны видѣть, какъ уже было сказано, въ пролетаризаціи крестьянства, особенно рѣзко и болѣзненно чувствовавшейся на рубежѣ XVII и XVIII вв. Отрицаніе частной собственности, конечно, уже само по себѣ предрасполагаетъ къ признанію коммунистическаго принципа, какъ ея логической противоположности. Остатки общиннаго землевладѣнія, въ связи съ элементами общиннаго самоуправленія, должны были толкать мысль Мелье въ томъ же направленіи. Недаромъ община—приходъ является у Мелье основной ячейкой коммунистическаго строя. Но все-таки врядъ ли онъ могъ бы дойти самостоятельно до строго послѣдовательнаго коммунизма, не будь у него подъ руками уже готовыхъ формулъ. Эти формулы, извѣстныя ему со школьных лѣтъ (изъ классической и христіанской литературы), теперь превратились, подъ дѣйствіемъ болѣзненныхъ впечатлѣній жизни, въ боевые лозунги, получили вновь значеніе живого идеала. Въ этомъ смыслѣ вліяніе «золотого вѣка» классиковъ не слѣдуетъ игнорировать.

Что касается современной ему социалистической литературы, то Мелье ея, кажется, вовсе не знаетъ. Самымъ распространеннымъ способомъ пропаганды социалистическихъ идей были въ началѣ XVIII в. фантастическіе романы. Нѣкоторые изъ нихъ, напр. «Histoire des Sevarambes» Верраса, по мелочной разрисовкѣ государства будущаго могутъ быть сопоставлены съ современными утопіями въ родѣ извѣстнаго романа Беллами. Ни объ одномъ изъ этихъ романовъ, если не считать «Телемака», Мелье ни разу не упоминаетъ.

IV.

Итакъ, весь общественный строй пропитанъ несправедливостью. Какъ будто двѣ разныя расы людей живутъ въ обществѣ. Одна ничего не дѣлаетъ, наслаждается и повелѣваетъ, другая трудится, страдаетъ и повинуется. И первыхъ несравненно меньше,

чѣмъ вторыхъ. Какимъ же образомъ держится эта явная несправедливость? Какимъ образомъ меньшинство ухитряется властвовать надъ большинствомъ и эксплуатировать его? Почему угнетенные терпятъ и повинуются?

Само собою разумѣется, что сильные міра пользуются для поддержанія выгоднаго имъ порядка прямымъ насиліемъ ¹⁾. Примѣръ такого насилія представляетъ собой существующая государственная организація. Что дѣлаютъ короли для поддержанія своей власти? Они накидываютъ на страну сѣть чиновниковъ: интендантовъ, губернаторовъ и т. п., которые обязаны блюсти королевскіе интересы. Всякій, кто осмѣлится сопротивляться королевской власти, подвергается риску быть схваченнымъ этими чиновниками и погибнуть.

Но такія средства не имѣли бы большого значенія, если бы народы, одураченные хитрой ложью, не подставляли добровольно свои шеи подъ ярмо. Эта ложь—заблужденія и предразсудки, объединяемая въ одно цѣлое подъ названіемъ религіи. Сильные люди—хитрые и ловкіе политики. Злоупотребляя легковѣріемъ и невѣжествомъ массъ, они легко убѣждаютъ ихъ во всемъ, въ чемъ только захотятъ, а затѣмъ заставляютъ принять съ покорностью и уваженіемъ свои законы. Истинный источникъ всѣхъ бѣдствій, всѣхъ недостатковъ человѣческаго общества—въ тѣсномъ союзѣ двухъ видовъ лжецовъ: духовенства и свѣтскихъ правителей. Первые—духовенство—заставили себя почитать, какъ людей исключительной святости, какъ божественныхъ посланниковъ, открывающихъ волю божества прочимъ людямъ, вторые—свѣтскіе властители—при помощи первыхъ заставили признать свои законы священными и неприкосновенными, какъ бы данными самимъ Богомъ. Такъ называемые служители религіи подъ предлогомъ, что они доставляютъ людямъ духовныя блага божественной милости, отнимаютъ у нихъ несравненно болѣе реальныя блага, подъ предлогомъ, что они ведутъ людей къ нему и заботятся объ ихъ вѣчномъ спасеніи, мѣшаютъ людямъ пользоваться счастьемъ здѣсь на землѣ. Они будто бы желаютъ гарантировать людей отъ воображаемыхъ мукъ несуществующаго ада, и въ то же время заставляютъ ихъ въ этой жизни, единственно реальной, испытывать страданія дѣйствительнаго ада. Будущая жизнь, это—только средство держать людей въ страхѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ не давать имъ приходиться въ отчаяніе.

Иному можетъ показаться, что религія и политика не могутъ приспособиться другъ къ другу. Религіозная кротость должна

¹⁾ Testament, I, 7—15.

осуждать жестокость и несправедливость тиранін; съ другой стороны, мудрая политика должна бороться съ предразсудками религіи. Это должно было бы быть, но этого нѣтъ въ дѣйствительности. Религія поддерживаетъ правительство, хуже котораго не можетъ быть; правительство поддерживаетъ религію, глупѣе которой не можетъ быть. Духовные приказываютъ повиноваться властямъ, какъ поставленнымъ отъ Бога, подъ страхомъ проклятія и вѣчнаго осужденія. Свѣтскіе властители заставляютъ относиться къ духовнымъ съ почтеніемъ, обезпечиваютъ имъ хорошіе доходы и поддерживаютъ предразсудки, которые проповѣдуютъ священники.

Безконечно мудрый, добрый и справедливый Богъ не можетъ поддерживать такое вопіющее зло, какъ социальное неравенство или какъ тиранія королей¹⁾. А представители Бога на землѣ—папы, епископы, проповѣдники—не только не защищаютъ народа, но, наоборотъ, являются самыми наглыми льстецами тирановъ. Они такъ гремятъ на своихъ каѳедрахъ противъ малѣйшихъ пороковъ, которые они находятъ у народа, и они нѣмѣютъ (*ils sont des chiens muets*), когда видятъ невѣроятные пороки и злодѣянія королей. Они учатъ, что короли поставлены Богомъ, что тотъ, кто имъ противится, противится Божьему повелѣнію. Они молятся ежедневно за жизнь тирановъ, они молятся за успѣхи ихъ войскъ, а въ случаѣ побѣды устраиваютъ торжественныя процессіи, поютъ *Te Deum*, благодаря Бога за тѣ убійства и опустошенія, которыя удалось совершить.

Взглядъ на религію, какъ на средство держать массу въ покорности, очень распространенъ среди писателей-соціалистовъ. И объективныя причины такого отношенія къ религіи вполне понятны. Роль господствующихъ церквей, какъ пособницъ государственной власти, положеніе, занятое ими въ социальной борьбѣ, словомъ, все то, о чемъ говорилъ еще Мелье, его достаточно объясняютъ. Но трудно найти другого писателя, у котораго борьба противъ религіи носила бы такой страстный и злобный характеръ, какъ у Мелье. Въ его злобныхъ нападкахъ чувствуется личное страданіе. Это и неудивительно. Вѣдь всю жизнь ему приходилось проповѣдывать то, что онъ объявлялъ теперь въ торжественной предсмертной исповѣди ложью и лицемеріемъ. И надо думать, долго ему приходилось лгать и лицемерить, не въ послѣдніе дни жизни потерялъ онъ вѣру въ то, что долженъ былъ официально защищать. Какую муку вынесъ этотъ человѣкъ, такой прямой и нравственно чуткій по своей натурѣ! Съ настроеніемъ кающа-

1) Testament. II. 181 и 287.

гося грѣшника приступалъ онъ къ своей исповѣди—«Завѣщанію». Ложь религіи, это не былъ для него чей-то чужой грѣхъ; нѣтъ, это его собственная тяжкая вина. Страстное покаяніе—вотъ что скрывается у него подъ страстнымъ обличеніемъ.

Итакъ, религія и существующій строй общественныхъ отношеній тѣсно связаны, какъ въ настоящемъ, такъ и въ самомъ своемъ происхожденіи. Какъ же мы должны представлять себѣ конкретно процессъ возникновенія религіи? И прежде всего, что было до ея появленія? Мелье нигдѣ не даетъ опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Но у него есть любопытное біологическое положеніе, изъ котораго можно сдѣлать соотвѣтствующій соціологическій выводъ. Производительная сила природы чрезвычайно велика ¹⁾: новыя растенія, новыя поколѣнія людей и животныхъ непрерывно появляются и наполняютъ землю. Если бы въ мірѣ не было зла, не было смерти и болѣзни, если бы люди и животныя не вредили другъ другу, то они размножились бы до невѣроятныхъ размѣровъ. Земля не могла бы дать имъ достаточно питанія, и они вынуждены были бы умирать отъ голода. Такимъ образомъ Мелье признаетъ неизбежность борьбы за существованіе въ животномъ мірѣ. Но, если такъ, то и первобытное состояніе должно бы ему представляться въ видѣ *bellum omnium contra omnes*. Его невниманіе къ идеѣ первобытнаго коммунизма, золотого вѣка, его равнодушіе къ идеализаціи дикаря, какъ будто тоже говорятъ въ пользу этого предположенія. Правда, это такъ непохоже на социалистовъ XVIII в. (напр., Морелли, Мабли) не признавать коммунизма въ прошломъ, въ естественномъ состояніи. Но это вовсе не такъ неожиданно, если припомнить симпатіи Мелье къ Лукрецію. Къ сожалѣнію, мы можемъ лишь строить предположенія. Самъ Мелье совершенно игнорируетъ идею естественнаго состоянія, какъ игнорируетъ и другую идею, еще болѣе популярную въ XVIII в.—идею общественнаго договора.

Вернемся къ тому, что у Мелье есть. Первая религіозная представленія людей имѣютъ своимъ источникомъ невѣжество. Древніе, напр., вѣрили въ то, что люди, чѣмъ-либо отличившіеся при жизни, послѣ смерти становятся богами. Они вѣрили и во многія другія нелѣпости. Но пока это были только суевѣрія, не имѣющія серьезнаго значенія. Затѣмъ изъ общей массы выдѣлились люди умные, честолюбивые, жадные къ богатству. Замѣтивъ, какъ прочіе люди легковѣрны, они вздумали воспользоваться ихъ легковѣріемъ для корыстныхъ цѣлей. Выдавая себя за боговъ или за

¹⁾ Testament, III, 366.

посланниковъ боговъ, они заставили людей повиноваться своимъ приказаніямъ, какъ велѣніямъ божества, и пріобрѣли такимъ способомъ власть, а вмѣстѣ съ нею почетъ и богатство.

Весь этотъ экскурсъ въ прошлое, разумѣется, въ высшей степени наивенъ и фантастиченъ. Зато въ своихъ разсужденіяхъ о настоящемъ и возможномъ будущемъ Мелье большій реалистъ, чѣмъ многіе социалисты XIX в. Онъ прекрасно понимаетъ, что поведеніе различныхъ общественныхъ группъ зависитъ отъ ихъ интересовъ, что одни слои общества уже по самому своему положенію являются защитниками существующаго порядка, а другіе естественными его противниками.

Нѣтъ никого, говоритъ онъ, кто бы рѣшился выступить на борьбу со зломъ: одни не хотятъ, другіе не могутъ. О короляхъ и знати говорить нечего—они сами носители этого зла. Но развѣ захотятъ бороться съ несправедливостью тѣ люди, которые занимаютъ какія-либо свѣтскія или духовныя должности? Вѣдь отъ расположенія князей зависитъ ихъ благосостояніе, а всякій больше думаетъ о своемъ благѣ, чѣмъ о благѣ общественномъ. Не станутъ бороться и богатые скупцы, ибо благодаря покровительству власти имѣютъ они свои ростовщическіе доходы. Наконецъ, не станутъ бороться всѣ тѣ, кто любитъ сладкую жизнь, ея удобства и удовольствія, ибо борьба связана съ мученіями и преслѣдованіями. Тѣмъ же страхомъ преслѣдованій объясняется молчаніе людей умныхъ и просвѣщенныхъ, знающихъ всю пустоту религіи и всю несправедливость законовъ, но не рѣшающихся итти на вѣрную гибель.

Таковы тѣ группы людей, которые *не хотятъ* бороться со зломъ. Теперь перейдемъ къ тѣмъ, кто *не можетъ* бороться. Это—бѣдные люди, выносящіе на плечахъ все бремя существующаго порядка. Почему же они терпятъ? Во-первыхъ, потому, что они невѣжественны. Они не могутъ распутать сѣть заблужденій, въ которой ихъ умышленно держатъ. Живя въ вѣчной нищетѣ, въ вѣчномъ тяжеломъ трудѣ, не получая никакого образованія, они почти совершенно неспособны понять, что ихъ бѣдственное положеніе противорѣчитъ правамъ человѣка. Во-вторыхъ, они терпятъ потому, что они разрознены, между ними нѣтъ солидарности. А въ дѣлѣ такой важности, какъ борьба съ угнетателями, необходимо взаимное довѣріе и сплоченность.

Положеніе получается какъ будто безвыходное. И дѣйствительно, у Мелье нѣтъ-нѣтъ, да и зазвучить пессимистическая нотка, особенно въ концѣ «Завѣщанія», гдѣ онъ прощается съ міромъ. Но въ общемъ все-же примириться съ тѣмъ, что люди зашли въ какой-то ужасный тупикъ, Мелье не можетъ. Слишкомъ

сильна въ немъ вѣра въ человѣка и въ силу его разума. Анализъ реальныхъ отношеній далъ печальный результатъ (для начала XVIII в. весьма близкій къ истинѣ). Представленія о томъ, что сами эти реальныя отношенія измѣняются въ процессѣ исторіи, у Мелье нѣтъ. Идея эволюціи ему совершенно чужда.

Чтобы спасти вѣру въ будущее человѣчества, остается, слѣдовательно, одно: пожертвовать предшествующимъ анализомъ, отказаться отъ реализма во имя раціонализма, не смущаясь возникающими противорѣчіями.

Если главную опору существующаго строя составляет невѣжество, то въ эту сторону и должны быть направлены всѣ усилія. Но кто же займется просвѣщеніемъ массъ? Самъ народъ не можетъ выпутаться изъ сѣти заблужденій безъ посторонней помощи—приходится возложить всѣ надежды на просвѣщенныхъ людей. Мелье категорически заявляетъ: *они должны*. Если они не осмѣлятся, въ виду грозящаго имъ наказанія, сказать истину при жизни, то они могутъ засвидѣтельствовать ее, какъ онъ, передъ смертю. Мелье не рассчитываетъ на то, что такихъ людей найдется много. Онъ хорошо знаетъ, что люди образованные въ большинствѣ случаевъ являются прислужниками сильныхъ, что они льстятъ правителямъ и оправдываютъ ихъ беззаконія ¹⁾. Онъ хорошо знаетъ и то, что книги, враждебныя религіи и государству, не доходятъ до народа, что народу даютъ лишь книги благочестивыхъ невѣждъ и лицемѣрныхъ обманщиковъ. И все же онъ вѣритъ въ торжество справедливости, ибо вѣритъ во всепобѣждающую силу истины.

Слишкомъ долго народы терпѣли; пора имъ узнать правду. Двѣ вещи слѣдуетъ проповѣдывать. Во-первыхъ, для того, чтобы пріобрѣсти знанія, полезныя для общества, необходимо слѣдовать единственно свѣту человѣческаго разума. Во-вторыхъ, для того, чтобы установить хорошіе законы, необходимо слѣдовать единственно правиламъ справедливости и естественнаго равенства.

Допустимъ, что истина восторжествовала, что народъ освободился отъ религіи. Какъ представляетъ себѣ Мелье дальнѣйшій ходъ дѣла.

Прежде всего нужно замѣтить, что освобожденіе отъ христіанства для Мелье не только умственное, но и нравственное освобожденіе человѣка. Христіанская мораль служитъ той же цѣли поработенію добрыхъ злыми. Прославленіемъ страданій и признаніемъ любви къ страданіямъ за добродѣтель и осужденіемъ естественныхъ влеченій физической природы человѣка, этими

1) Testament, I, 27.

двумя положеніями она какъ бы совѣтуетъ терпѣливо сносить голодь и холодъ, угнетеніе и униженіе. Стремиться къ благамъ жизни, бороться за нихъ—грѣхъ; покоряться своей несчастной участи—добродѣтель. Но хуже всего—повелѣніе любить своихъ враговъ и дѣлать имъ добро. Это правило явно покровительствуетъ злымъ и содѣйствуетъ угнетенію добрыхъ. Оно противорѣчитъ естественному праву, здравому разсудку, справедливости. Вполнѣ естественно ненавидѣть зло и защищаться отъ несправедливости. Проповѣдывать такія правила морали значитъ связывать руки добрымъ и давать полную свободу злымъ. Только освободившись отъ этой морали, угнетенные поймутъ, что они имѣютъ право стремиться къ счастью здѣсь на землѣ, что они имѣютъ право бороться за это счастье. А лишь борьба и можетъ ихъ освободить.

Первое условіе успѣшности борьбы—единодушіе, солидарность. «Объединяйтесь же, народы!» восклицаетъ Мелье. Если всѣ народы, всѣ города и провинціи хорошо сговорятся, если они составятъ общій заговоръ для освобожденія отъ общаго рабства, то тираны будутъ скоро уничтожены. «Васъ губить то, что вы сражаетесь другъ противъ друга вмѣсто того, чтобы сражаться въ однихъ рядахъ за общее дѣло. Вы должны послѣдовать примѣру храбрыхъ голландцевъ и швейцарцевъ: у васъ не меньше поводовъ къ возстанію». Все зависитъ отъ народа, все держится на немъ. «У знатныхъ не было бы больше богатствъ, чѣмъ у васъ, если бы вы не давали имъ своего богатства; у нихъ не было бы больше власти, чѣмъ у васъ, если бы вы не хотѣли подчиняться ихъ законамъ. Ваши дѣти, ваши родные, ваши друзья служатъ тиранамъ; безъ нихъ и безъ васъ они не могли бы обойтись». «Они пользуются вашими силами противъ васъ же самихъ». ¹⁾

Что касается способовъ борьбы, то Мелье считаетъ законнымъ всякій актъ, направленный противъ тирановъ, вплоть до тираноубійства. Иногда у него прорываются прямо кровожадныя нотки. «Я хотѣлъ бы обладать силой Геркулеса, чтобы истребить эти чудовища несправедливости... Вѣдь придаютъ суровымъ наказаніямъ разбойниковъ, которые грабятъ на большой дорогѣ... А духовенство, князья и сильные міра заслуживаютъ еще большихъ наказаній, это самые злые воры и самые худшіе убійцы».

Въ древности говорили, что старыхъ тирановъ не бываетъ. Люди не были тогда такъ слабы, чтобы позволять тиранамъ долго жить и царствовать. Теперь не то. Люди нечувствительно привыкли къ рабству, имъ кажется, что рабство—ихъ естественное состо-

¹⁾ Testament, III. 391.

яніе. Поэтому-то гордость тирановъ все возрастаетъ, ихъ власть становится все невыносимѣе. «Гдѣ благородные тираноубійцы минувшихъ временъ? Гдѣ Брутъ и Кассій? Гдѣ убійцы Калигулы?.. Нѣтъ у насъ болѣе Жаковъ Клеманъ и Равальяковъ, нѣтъ этихъ великихъ людей, этихъ благородныхъ душъ, которые шли на смерть за счастье своей родины, которые доблестную гибель предпочитали позорной жизни».

Какъ видимъ, Мелье оправдываетъ тираноубійство и съ точки зрѣнія справедливости и съ точки зрѣнія цѣлесообразности. Историкъ католической Лиги Лабиттъ не совсѣмъ правъ, когда говоритъ, что идеи Лиги не были восприняты восемнадцатымъ вѣкомъ ни съ своей религіозной ни съ политической стороны¹⁾. Скорѣе идеи Лиги, чѣмъ идеи протестантовъ-монархомаховъ, отразились въ той апологіи тираноубійства, которую мы только что цитировали. Познакомился ли Мелье съ теоріями монархомаховъ непосредственно, или черезъ руки воспринявшихъ эти теоріи публицистовъ XVII в., сказать трудно. Наиболѣе сильный доводъ противъ перваго предположенія состоитъ въ томъ, что Мелье ни разу не цитируетъ монархомаховъ, тогда какъ современники извѣстны ему очень хорошо. Въ томъ же, что публицистика XVII в. была въ сильнѣйшей степени пропитана идеями монархомаховъ, нѣтъ сомнѣнія; чтобы убѣдиться, достаточно просмотрѣть хотя бы только тѣ отрывки изъ *Esprit de Mazarin*, *Espion turc* и т. п., которые приведены у Мелье. Но есть доводы въ пользу непосредственнаго вліянія монархомаховъ. Во-первыхъ, въ семинаріи Мелье долженъ былъ познакомиться съ исторіей французскаго проповѣдничества, а слѣдовательно и съ дѣятельностью Лиги. Во-вторыхъ, весь изложенный нами отрывокъ «Завѣщанія» удивительно напоминаетъ памфлетъ проповѣдника Лиги Буше *De justa abdicatione Henrici tertii*. И основная мысль этого памфлета та же, что у Мелье: всякое частное лицо имѣетъ право, даже обязано убить тирана, и имя Жака Клемана невольно вызываетъ сопоставленіе. Даже въ деталяхъ, въ оборотахъ рѣчи чувствуется сходство. Если даже всѣ эти совпаденія считать случайными, то одно остается несомнѣннымъ: восхваленіе героевъ Лиги, представленіе о Клеманѣ и Равальякѣ, какъ о мученикахъ за счастье родины могло перейти къ Мелье только отъ писателей Лиги.

Наряду съ тираноубійствомъ Мелье признаетъ возможной и безкровную борьбу. Чтобы изсушить корни тираніи, говоритъ онъ, достаточно лишить ихъ питательныхъ соковъ, которые они

¹⁾ Labitte, 359.

извлекають изъ народнаго труда. «Не давайте ничего гордымъ и бесполезнымъ бездѣльникамъ, не давайте ничего монахамъ и духовенству, не давайте ничего дворянамъ, которые васъ презирають, не давайте ничего тиранамъ, которые васъ угнетаютъ. Пусть ваши дѣти, ваши родные и друзья перестанутъ имъ служить. И вы увидите, какъ эти люди завянутъ подобно травѣ, корни которой не получаютъ соковъ изъ земли».

Это уже идея пассивной революціи—бойкота, не менѣе удивительная въ устахъ священника начала XVIII в., чѣмъ проповѣдь международнаго объединенія угнетенныхъ.

Въ XVIII в. социальнo-политическія идеи Мелье не получили широкой извѣстности, такъ какъ и Вольтеръ, и другіе издатели этой стороной Завѣщанія не интересовались. Время революціоннаго социализма, социализма борьбы, а не мечты было еще очень далеко. Насколько былъ забытъ Мелье, какъ политическій писатель, свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ. Въ эпоху Конвента одинъ изъ рѣшительнѣйшихъ демократовъ—Анахарсисъ Клоотцъ предложилъ воздвигнуть статую Мелье. Но и самъ Клоотцъ, и принявшій его предложеніе Конвентъ цѣнили въ Мелье лишь его анти-религіозныя идеи. Декретъ Конвента мотивированъ тѣмъ, что Мелье былъ первый священникъ, отказавшійся отъ религіозныхъ заблужденій. Если бы Конвентъ имѣлъ представленіе о подлинномъ Мелье, то онъ долженъ былъ бы оцѣнить по заслугамъ—конечно, не социализмъ Мелье, а хотя бы его вражду къ тираніи.

V.

Зная, какую роль отводить Мелье религіи въ своей социальнoй философіи, мы теперь легко поймемъ, почему опроверженіе религіи занимаетъ такое мѣсто въ его трудѣ, почему этой задачей опредѣляется самый планъ «Завѣщанія».

Часть доводовъ, приводимыхъ Мелье противъ христіанства, мы уже рассмотрѣли. Эти доводы можно назвать социологическимъ и этическимъ. Всю остальную аргументацію приходится раздѣлить на два отдѣла. Первый направленъ специально противъ христіанства и содержитъ въ себѣ критику достовѣрности священныxъ книгъ, критику христіанской доктрины—ученія о троичности, о грѣхопадѣніи, объ искупленіи—и критику таинствъ. Второй отдѣлъ представляетъ собою опроверженіе ученій, лежащихъ въ основѣ всякой религіи,—ученія о Богѣ и о безсмертіи души. Для насъ наиболѣе интересенъ второй отдѣлъ, ибо именно здѣсь изложены наиболѣе полно философскіе взгляды Мелье. Попытаемся ихъ выдѣлить и по возможности систематизировать.

Первый, не подлежащій никакому сомнѣнію, принципъ состоитъ въ томъ, что міръ существуетъ реально. Это ясно и очевидно. Быть послѣдовательнымъ скептикомъ, сомнѣваться во всемъ, значить отказываться отъ свѣта человѣческаго разума и становиться въ противорѣчіе съ естественнымъ чувствомъ¹⁾. На такого человѣка, если только такіе есть, нужно смотрѣть просто, какъ на сумасшедшаго. Но ихъ нѣтъ: всякій, какимъ бы скептикомъ онъ ни былъ, знаетъ, что есть разница между удовольствіемъ и страданіемъ, между кускомъ хлѣба и простымъ булыжникомъ. Пирронизмъ—скорѣе праздная игра ума, чѣмъ искреннее убѣжденіе.

Итакъ, бытіе существуетъ. Но если оно существуетъ, то оно и существовало вѣчно. Оно не могло когда-либо начать существовать. Оно не могло начать существовать само по себѣ, такъ какъ то, что не существуетъ, не можетъ себѣ дать существованія. Оно не могло получить начала отъ другого бытія, такъ какъ, когда бытіе не существовало, то не существовало никакое бытіе. Это вѣчное бытіе, бытіе вообще, и есть сущность всѣхъ вещей, ибо ясно, что безъ него не могла бы существовать ни одна вещь, что всякая вещь есть participatio бытія.

Богопоклонники скажутъ, что это вѣчное бытіе и есть ихъ Богъ, что матеріальное и чувственное бытіе не вѣчно, что оно не могло бы существовать, если бы его не создалъ Богъ. Противъ этого можно привести слѣдующіе доводы. Во-первыхъ, предположеніе о существованіи не матеріальной субстанции—Бога произвольно и недоказуемо. Во-вторыхъ, если бытіе вѣчно, то вѣчность скорѣе можно приписать существу реальному, а не воображаемому. Въ-третьихъ, гипотеза творенія матеріальнаго міра нематеріальнымъ существомъ страдаетъ неустранимыми противорѣчіями. Наконецъ, бытіе должно находиться во всѣхъ вещахъ, какъ ихъ сущность, изъ него онѣ возникли и къ нему въ концѣ концовъ возвращаются. Матерія и есть то, что находится во всѣхъ вещахъ, матерія—единственно реальная сущность; слѣдовательно, бытіе есть матерія²⁾. Если такъ, то все, что было сказано о бытіи, приложимо и къ матеріи. Матерія вѣчна, ея существованіе не зависитъ ни отъ какого другого бытія, она—первопричина всего сущаго. Насколько теорія, признающая божество, противорѣчива и неразумна, настолько эта теорія проста, ясна и послѣдовательна.

Матерія дѣлима; матерія способна къ движенію и движется. Въ результатъ движенія различныхъ частей матеріи возникаютъ

¹⁾ Testament, II, 324.

²⁾ Testament, II, 324.

новыя ихъ комбинаціи, новыя вещи. Все въ природѣ происходитъ по естественнымъ законамъ движенія матеріи, все объясняется различнымъ сочетаніемъ, конфигураціей и модификаціей ея частей. Матерія движется сама по себѣ; никакой внѣшней причины, вызывающей ея движеніе, не существуетъ. Мелье признаетъ, что не легко понять, въ чемъ первая причина движенія. Но, во всякомъ случаѣ, отказываясь отъ попытки объяснить движеніе изъ свойствъ самой матеріи, прибѣгая къ содѣйствію идеи Бога, мы попадаемъ въ еще худшее положеніе. смѣшно отвергать наиболѣе вѣроятное подъ тѣмъ предлогомъ, что мы не все понимаемъ, и замѣнять менѣе вѣроятнымъ и еще болѣе непонятнымъ. Ни одного серьезнаго аргумента противъ того положенія, что движеніе есть свойство самой матеріи, привести нельзя.

Основной принципъ движенія матеріи—тенденція къ прямолинейности, такъ какъ такое движеніе самое простое и естественное. Но пространство наполнено матеріей, и частица, движущаяся по прямой линіи, встрѣчаетъ препятствія въ своемъ движеніи, а потому вынуждена двигаться по круговой(?). Такъ образуются вихри матеріи. Этой формой движенія объясняется форма земли, солнца, луны и планетъ.

Вліяніе теоріи Декарта на это объясненіе несомнѣнно, да Мелье и самъ указываетъ на картезіанцевъ, какъ на своихъ учителей въ этомъ отношеніи. Вѣроятно, тѣмъ же вліяніемъ объясняется, почему понятіе атома, хорошо извѣстное Мелье изъ Лукреція, такъ мало имъ примѣняется. Съ другой стороны также несомнѣнно незнакомство Мелье съ теоріей Ньютона: о законѣ тяготѣнія онъ не имѣетъ никакого представленія. Буль этотъ законъ ему извѣстенъ, всемірное тяготѣніе заняло бы въ его системѣ то мѣсто, которое въ системѣ Лукреція занимаетъ равномерное паденіе атомовъ: оно явилось бы въ качествѣ первой причины движенія. Но Мелье, какъ мы видѣли, отказывается ее указать. Что теорія Лукреція, по своей крайней наивности, была уже для него неприемлема, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: при всей ограниченности своихъ познаній въ физикѣ и механикѣ все же онъ человѣкъ XVII в., прошедшій школу картезіанства.

Если единственное реальное бытіе—матерія, то и человѣческая душа, которая несомнѣнно реальна, которая даетъ движеніе и силу человѣческому тѣлу, въ существованіи которой никто не можетъ сомнѣваться,—тоже матерія ¹⁾. Мы не можемъ пред-

¹⁾ Testament. II. 273.

ставить себѣ реальное существо, которое не имѣло бы тѣла и не занимало бы нѣкотораго пространства. Это не удивительно, такъ какъ нельзя представить себѣ бытіе, лишенное всѣхъ свойствъ бытія. Поэтому то всѣ древніе философы утверждали, что душа матеріальна, и только новые провели между тѣломъ и духомъ какую-то грань. Въ чемъ же они нашли между ними разницу?— Ни мысль, ни желаніе, ни чувство не имѣютъ протяженія, говорятъ они; они ни круглы, ни четырехугольны, ихъ нельзя разрѣзать на части. Изъ этого они заключаютъ, что сама душа непротяженна. Такъ у нихъ получаются двѣ субстанции: одна протяженная—матерія, другая только мыслящая—духъ. Жизнь души—мышленіе, жизнь тѣла—движеніе.

Такъ ли силенъ и неопровержимъ этотъ аргументъ? Предположимъ, что мыслить и чувствуетъ матерія. Изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что мысль, какъ и матерія, должна быть протяженной и дѣлимой. Движеніе есть одна изъ модификацій матеріи; между тѣмъ движеніе не есть само по себѣ нѣчто круглое или четырехугольное, движеніе нельзя разрѣзать на части. Слѣдовательно, вовсе не всѣ модификаціи матеріи протяженны. Модификаціи матеріи не могутъ обладать всѣми свойствами матеріи. Если такъ, то и непротяженная мысль можетъ быть модификаціей матеріи. Пойдемъ дальше. Сущность души мысль, жизнь души—мышленіе, говорятъ философы. Но мысль это—дѣйствіе души; какъ же она можетъ быть сущностью души? Душа можетъ существовать, не мысля. О чемъ мыслить душа ребенка во чревѣ матери? Онъ ничего не знаетъ, такъ какъ ничего еще не ощущалъ. Естественно, что онъ не можетъ ни о чемъ мыслить, а душой онъ, конечно, обладаетъ.

Представленіе о нематеріальности души ни на чемъ не основано и противорѣчиво. Но и помимо этого противъ него можно привести цѣлый рядъ доводовъ. Предполагая нематеріальность души, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ затрудненій, вытекающихъ изъ необходимости объяснить взаимодѣйствіе души и тѣла. Душа и тѣло, какъ двѣ разныя субстанции, должны имѣть двѣ разныя жизни. На самомъ дѣлѣ душа и тѣло образуютъ единое, живое существо. Тѣсная связь между ними несомнѣнна для всѣхъ философовъ. Мы мыслимъ при помощи нашего мозга, видимъ при помощи глазъ, чувствуемъ страданіе или удовольствіе всѣмъ своимъ тѣломъ. Отнимите у насъ всѣ органы, и что останется отъ нашей жизни? гдѣ будутъ наши мысли, наши страданія и наслажденія?—Конечно, ихъ не будетъ вовсе. Различныя модификаціи матеріи тѣла вызываютъ въ душѣ тѣ или иныя мысли. Развѣ это возможно, если душа и тѣло различны по самой своей

субстанціи? Какъ можетъ матеріальная субстанція дѣйствовать на духовную? И наоборотъ, духовная на матеріальную? Всѣ эти затрудненія чувствуютъ защитники нематеріальности души. И чтобы выйти изъ нихъ, прибѣгаютъ къ гипотезѣ еще болѣе непонятной, прибѣгаютъ къ тому, что всегда ихъ выручаетъ—къ Богу. То, что мы называемъ душой, есть по мнѣнію Мелье, лишь нѣкоторое количество очень тонкой, легкой и подвижной матеріи ¹⁾; будучи смѣшана извѣстнымъ образомъ съ болѣе грубой матеріей, она образуетъ органическое тѣло, которому своимъ непрерывнымъ движеніемъ даетъ жизнь и чувствительность. Ближе проникнуть въ ея природу очень трудно. Мышленіе происходитъ въ матеріи нашего мозга. Но это не есть опредѣленное количество матеріи, это—нѣкоторое свойственное ей внутреннее движеніе, нѣкоторая модификація матеріи. Однако нельзя сказать, что живетъ и мыслить матерія вообще. Нѣтъ, живетъ и мыслить человѣкъ, точно такъ же, какъ болѣетъ и голодаетъ человѣкъ, а не матерія. Камень, кусокъ дерева или кукла не живутъ и не мыслятъ. Мыслить и чувствовать можетъ лишь существо одушевленное, т.-е., одаренное особой, дающей жизнь матеріей—душой.

Безсмертіе души Мелье категорически отрицаетъ. Прежде всего, душа способна къ измѣненіямъ, мѣняются мысли, чувства, желанія. А все, что можетъ измѣняться, доступно разрушенію. Затѣмъ невозможно себя представить, куда дѣнется душа послѣ смерти тѣла? И въ чемъ будетъ состоять ея жизнь безъ тѣла? Предположить же, подобно Пифагору, что душа переселяется изъ одного тѣла въ другое, совершенно нелѣпо. Это—безумныя бредни, а не мудрость. Наконецъ, если душа матеріальна, то она должна разрушаться вмѣстѣ съ разрушеніемъ остальной матеріи тѣла. Такъ какъ это матерія особенно легкая и подвижная, то, вѣроятно, она, освободившись отъ тѣла, разсѣивается въ воздухъ, подобно пару или подобно пламени тухнувшей свѣчи.

Нетрудно догадаться, откуда заимствовалъ Мелье основы своей теоріи души. Тѣмъ болѣе, что онъ посвящаетъ даже отдѣльную главу цитатамъ изъ своего учителя. Этотъ учитель—Лукрецій. Душа—тонкая матерія; ощущеніе и мышленіе—формы движенія; мыслить не матерія, а живой организмъ; послѣ смерти душа исчезаетъ подобно пару—все это взято у Лукреція въ совершенно неизмѣненномъ видѣ. Только въ постановкѣ вопроса о взаимодействіи души и тѣла чувствуются болѣе новые, картезіанскіе мотивы, да еще положеніе о чувственномъ происхожденіи познанія непосредственно заимствовано у Монтэня.

¹⁾ Testament, III, 364.

Мелье приписываетъ мышленіе и чувствованіе тому же началу, которое даетъ и жизнь. Изъ этого необходимо вытекаетъ признаніе одушевленности животныхъ и растений, какъ живыхъ организмовъ. Мелье готовъ допустить, что растенія могутъ даже мыслить. Но особенно подробно останавливается онъ на душѣ животныхъ, и опять-таки подъ вліяніемъ картезіанства. Не желая признать за животными права на обладаніе душой въ спиритуалистическомъ смыслѣ, и въ то же время не допуская, чтобы сама матерія могла чувствовать и мыслить, картезіанцы приходятъ къ совершенно абсурдному выводу, говоритъ Мелье. Животныя, по ихъ мнѣнію ничего не чувствуютъ; они ѣдятъ, не испытывая удовольствія, кричатъ, не испытывая страданія, ничего не желаютъ, ничего не боятся и т. д.

Животныя не могутъ выражать своихъ чувствъ на языкѣ, понятномъ для насъ, это правда. Но изъ этого нельзя заключить, что они не имѣютъ чувствъ. Идя такимъ путемъ, мы, пожалуй, въ концѣ-концовъ заявимъ, что ирокезы и японцы тоже лишь бездушныя машины. На самомъ дѣлѣ животныя имѣютъ свой естественный языкъ, они понимаютъ другъ друга, если принадлежать къ одному виду, онѣ зовутъ другъ друга, отвѣчаютъ другъ другу. Мало того, у нихъ есть общественная жизнь. Они знаютъ другъ друга и разговариваютъ между собою. И т. д., и т. д. И все это дѣлаютъ бездушныя машины? Предполагать это—чистѣйшее безуміе, и сторонники такихъ взглядовъ заслуживаютъ не опроверженія, а насмѣшки.

Недаромъ Мелье такъ усердно занимается критикой этого пункта картезіанской философіи. Она важна для него не столько сама по себѣ, сколько какъ сильный аргументъ противъ спиритуализма. Міръ животныхъ—это позиція, добровольно сданная Декартомъ матеріализму. Животныя не обладаютъ душой, онѣ—цѣликомъ матерія. Стоитъ доказать, что онѣ чувствуютъ, и получается неизбѣжный выводъ: чувствуетъ матерія. Доказать же это не такъ трудно, и очень соблазнительно воспользоваться такимъ легкимъ способомъ побѣдить противника, обративъ въ свою пользу его же собственную аргументацію.

Ощущеніе есть нѣкоторое специфическое движеніе матеріи. Но какъ же происходитъ, что это движеніе сознается, какъ ощущение? Мелье понимаетъ возможность такого вопроса, но даже не пытается на него какъ-либо отвѣтить, ссылаясь на непознаваемость процесса познанія. Не слѣдуетъ удивляться, говоритъ онъ, что для насъ остается непонятнымъ, какъ такая-то и такая-то модификація матеріи вызываетъ въ насъ такое-то и такое-то ощу-

щеніе ¹⁾. Наше познаніе приспособлено къ познаванію внѣшняго міра, а не къ познаванію самого себя. Для поясненія своей мысли Мелье приводитъ такое сравненіе. Глазъ устроенъ такъ, чтобы имъ можно было видѣть то, что находится внѣ его, но видѣть самого себя онъ не можетъ. Точно также принципъ познанія не можетъ быть доступенъ самому же познанію. Превращеніе модификаціи матеріи въ ощущеніе и есть такой непознаваемый принципъ познанія.

Чтобы закончить изложеніе философскихъ идей «Завѣщанія», намъ необходимо остановиться еще на аргументахъ, приводимыхъ Мелье противъ бытія Божія. Эти аргументы тѣсно связаны съ такъ называемыми доказательствами бытія Божія, помѣщаемыми во всѣхъ катехизисахъ. Понятно, что необходимость полемизировать со схоластиками заводитъ самого Мелье въ дебри схоластики. Мы за нимъ туда не послѣдуемъ. Но одинъ аргументъ имѣетъ самостоятельное значеніе и очень важенъ для пониманія того процесса, который превратилъ христіанскаго священника въ воинствующаго матеріалиста. Это—какъ бы связующее звено между чисто-философскими и социальными идеями Мелье.

Въ мірѣ вообще и въ человѣческой жизни, въ частности, царитъ зло, какъ физическое, такъ и нравственное: пороки, злоба, страданія и болѣзни, мучительная смерть. Невозможно допустить, чтобы всеблагой и всемогущій Богъ, создавая міръ, пожелалъ страданій для своего собственнаго творенія. Въ такомъ случаѣ, какъ же примирить эти несомнѣнно существующія страданія съ его благостью? Для разрѣшенія этого противорѣчія богопочклонникамъ приходится прибѣгать къ теоріямъ, оправдывающимъ зло міра какими-то особенными цѣлями Бога. Впрочемъ иногда они просто заявляютъ: пусть человѣкъ восхищается тѣмъ, что онъ понимаетъ, и молчитъ по поводу того, чего не понимаетъ. Основное положеніе всѣхъ оправдывающихъ зло теорій состоитъ въ томъ, что Богъ терпитъ зло, чтобы изъ него извлечь добро. *Melius judicavit*, говоритъ Августинъ, *de malis bona facere, quam mala nulla esse permittere*. Въ чемъ же состоитъ то благо, которое извлекается изъ зла? Зло—страданія. Страданія посылаются богомъ грѣшникамъ въ наказаніе за грѣхи, а праведникамъ для испытанія ихъ добродѣтели. За страданія всѣ будутъ вознаграждены въ будущей жизни. Эти разсужденія, говоритъ Мелье, не имѣютъ никакой цѣны. Ложно уже основное положеніе, ибо *non sunt facienda mala, ut eveniant bona*. Всемогущій Богъ могъ бы дать людямъ всѣ блага, не прибѣгая къ помощи зла. Въмѣсто

¹⁾ Testament, III, 149; выраженіе не совсѣмъ удачное для матеріалиста.

того, чтобы наказывать грѣшниковъ страданіемъ и такимъ путемъ приводить ихъ къ благу—исправленію, всемогущій Богъ могъ бы совсѣмъ уничтожить самый грѣхъ. Почему богопоклонники говорятъ, что Богъ гнѣвается на грѣхи людей, если онъ самъ творитъ это зло для высшаго блага? Сверхъ того, наказаніе не имѣетъ смысла, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ страданія дѣлаютъ людей не лучше, но хуже. Наконецъ, если даже допустить, что существуютъ какія-то блага будущей жизни, то и тогда нужно признать, что эти блага вовсе не необходимо связаны съ страданіями, какъ вознагражденіе за нихъ, но не могли бы быть даны Богомъ и безъ предшествующихъ страданій. И люди въ глубинѣ души никогда не могутъ примириться съ этой теоріей, такъ какъ они всегда молятъ бога объ избавленіи отъ страданій. Если еще можно примириться со страданіями грѣшниковъ, то страданія людей невинныхъ и добродѣтельныхъ ничѣмъ не могутъ быть оправданы. Тѣмъ болѣе, что блага будущей жизни—чистѣйшая фантазія.

Послѣдній доводъ, приводимый богопоклонниками въ оправданіе зла, состоитъ въ томъ, что зло, царящее въ мірѣ, даетъ возможность проявиться во всей полнотѣ справедливости и милосердію Божію. Это—возмущаетъ Мелье. Что можно сказать о врачѣ, который, чтобы показать свое искусство врачеванія, началъ бы распространять заразительныя болѣзни? А такой доводъ приводитъ вполне серьезно апостоль Павелъ въ своемъ посланіи къ римлянамъ.

Итакъ, всѣ эти теоріи—софистика. Можно еще себя представить, что люди, не обладающіе всемогуществомъ, прибѣгаютъ иногда къ злу, чтобы достигнуть блага, напр. къ кровопусканію для излеченія отъ болѣзни. Но Богъ всемогущій и всеблагій не могъ бы допустить въ созданномъ Имъ мірѣ малѣйшаго зла, тѣмъ болѣе страданія невинныхъ. Слѣдовательно, если существуетъ зло, то нѣтъ Бога ¹⁾.

Мы сказали, что видимъ въ этомъ аргументѣ связующее звено между философскими и социальными идеями Мелье. Эту мысль необходимо нѣсколько пояснить.

Уже неоднократно приходилось указывать, что страданіе оскорбленнаго нравственнаго чувства, ненависть къ царящей въ мірѣ несправедливости составляютъ основной тонъ «Завѣщанія». Ближайшій, непосредственный источникъ этого страданія—окружавшая Мелье жизненная среда: социальный и политическій строй современной ему Франціи. Противъ нихъ и борется Мелье

1) Testament. III. 267—268.

главнымъ образомъ. Если бы онъ былъ менѣе цѣльнымъ человекомъ и менѣе послѣдовательнымъ мыслителемъ, то, быть можетъ, на этомъ бы и остановился. Но его мысль неуклонно продолжала работать въ томъ же, разѣ данномъ, направленіи. Религія покровительствуетъ общественному неравенству, санкціонируетъ зло—слѣдовательно, она не можетъ быть истиной. Надо пересмотрѣть ея принципы, воспринятые вѣрой, съ точки зрѣнія человѣческаго разума. Богъ терпитъ зло и несправедливость, Богъ даже создалъ весь пропитанный несправедливостью міровой порядокъ—само понятіе Бога, какъ существа всесовершеннаго, рушится. Надо пересмотрѣть доказательства бытія Божія съ той же точки зрѣнія. И Мелье продѣлываетъ съ помощью того философскаго багажа, какой у него имѣется, разрушительную критическую работу, какъ надъ христіанствомъ, такъ и надъ основными принципами всякой религіи. Вмѣстѣ съ ними онъ отвергаетъ и спиритуализмъ, такъ тѣсно съ ними сросшійся, берущій ихъ подъ свою философскую защиту.

Разрушивъ до основанія свое офиціальное міросозерцаніе, Мелье неизбежно долженъ былъ притти къ его противоположности—къ матеріализму. Только эта система была совершенно свободна отъ всѣхъ тѣхъ фантомовъ, которые онъ отвергъ безповоротно, только она отрицала до конца всякія религіозныя представленія. Слѣдовательно, только въ ней могла заключаться для него чистая истина. Основы матеріалистической системы были передъ нимъ въ готовомъ видѣ—«О природѣ вещей» Лукреція. Оставалось лишь развить ихъ и переработать въ духѣ картезіанства, школу котораго онъ не даромъ прошелъ. Конечно, не въ духѣ метафизики Декарта, а въ духѣ его натурфилософіи.

Вяч. Волгинъ.

Записки П. С. Батурина.

(1780—1798).

Хотя авторъ настоящихъ Записокъ, въ подлинной ихъ рукописи, и скрылъ свое имя подъ инициалами Г. С. С. Б., но этотъ шифръ легко поддавался разбору при ознакомленіи съ самымъ содержаніемъ повѣствованія: «Господинъ Статскій Совѣтникъ Батуринъ».

Только исключительно счастливая случайность,—тотъ фатумъ, который такъ часто сопровождаетъ жизнь книгъ и рукописей, спасъ Записки Батурина, хотя и въ одной лишь ихъ части, отъ уничтоженія: нѣсколько лѣтъ тому назадъ извѣстной историкъ искусства и просвѣщенный любитель родной старины, художникъ Степанъ Петровичъ Яремичъ, разбираясь въ Кіевѣ, на Подолѣ, въ старомъ книжномъ и бумажномъ хламѣ, продававшемся у какого-то старьевщика, извлекъ оттуда и затѣмъ приобрѣлъ уже сильно поврежденную временемъ и сыростью рукописную тетрадь съ заглавіемъ: «Жизнь и похождение Г. С. С. Б. Повѣсть справедливая. Часть III». Эта-то обреченная на вѣрную и уже близкую гибель тетрадь и заключаетъ въ себѣ любопытныя Записки Батурина, печатаемые нами ниже, съ любезнаго разрѣшенія С. П. Яремича ¹⁾.

Какъ видно изъ заглавія спасенной тетради, Записки были написаны въ трехъ частяхъ или тетрадяхъ, изъ которыхъ С. П. Яремичу удалось спасти лишь послѣднюю, III часть, обнимающую годы 1780—1798: двѣ первыхъ, содержащія въ себѣ, какъ можно догадываться, рассказъ о семьѣ автора, объ его дѣтствѣ, воспитаніи, службѣ рядовымъ въ гвардіи и офицеромъ въ арміи. равно какъ и объ участіи его въ войнахъ Семилѣтней и Первой Турецкой, погибли ²⁾. Нельзя не пожалѣть объ этомъ: зная изъ сохранившейся части Записокъ, какъ подробно, откровенно и,

¹⁾ Подлинникъ Записокъ будетъ переданъ въ Академію Наукъ.

²⁾ II часть Записокъ кончалась рассказомъ о пребываніи Батурина въ Вильнѣ (Жизнь и похождение...., рукоп., стр. 192).

главное, правдиво рассказываетъ авторъ обо всѣхъ обстоятельствахъ своей, обильной происшествіями разнообразнаго характера жизни, надо полагать, что и въ погибшихъ главахъ своихъ мемуаровъ онъ велъ повѣствованіе свое съ тѣмъ же эпическимъ безпристрастіемъ и спокойствіемъ и съ такою же подкупающею правдивостію и, при хорошей памяти, далъ тамъ любопытную и цѣнную бытовую и историческую картину. Впрочемъ, зная по опыту, какъ много погибло у насъ памятниковъ даже перво-степеннаго значенія,шедшихъ изъ культурныхъ и обширныхъ семей, не слѣдуетъ особенно удивляться, что подобная участь постигла и двѣ тетради Записокъ безсемейнаго бобыля Батурина, умершаго, къ тому же, уже болѣе ста лѣтъ тому назадъ, вдали отъ родины, въ полужужомъ тогда Минскѣ. Прежде, чѣмъ говорить подробнѣе о самыхъ Запискахъ, считаемъ необходимымъ рассказать немудреную біографію ихъ автора: она облегчитъ намъ пониманіе самыхъ Записокъ и ближе введетъ въ кругъ отношеній и интересовъ нашего мемуариста,—этого рядового по внѣшнимъ жизненнымъ фактамъ служилаго человѣка Екатерининской эпохи, человѣка, проникнутаго типичнымъ для своего времени стремленіемъ къ просвѣщенію, къ литературѣ и театру, а въ области своей служебной дѣятельности старавшагося проводить на дѣлѣ идеи просвѣщеннаго абсолютизма, коихъ представительницею считала себя Екатерина II, а за нею и ея агенты.

Пафнугій Сергѣевичъ Батуриный родился въ 1740 или 1741 г., т.-е., на грани царствованій мрачной Анны Іоанновны и жизне-радостной Елизаветы Петровны¹⁾. Происходилъ онъ изъ дворянской семьи²⁾, но о родителяхъ его намъ ничего не извѣстно, какъ неизвѣстно и то, къ помѣщикамъ какой именно губерніи они принадлежали, такъ какъ у П. С. Батурина,—рѣдкое въ тѣ вре-

¹⁾ При дальнѣйшемъ изложеніи внѣшнихъ фактовъ біографіи Батурина мы пользуемся единственнымъ для того источникомъ, оказавшимся въ нашемъ распоряженіи,—его послужнымъ спискомъ, сохранившимся въ дѣлахъ Сенатскаго Архива, гдѣ онъ найденъ былъ нами при любезной помощи Секретаря Архива *Н. А. Мурзанова* (Отд. формул. списковъ, списки о службѣ состоящихъ по Воронежской губерніи за 1800 годъ, № 61, л. 3 об.—5); этотъ списокъ, составленный со словъ самого Батурина, можетъ служить лишнимъ примѣромъ его правдивости: онъ не далъ *точныхъ*, но, какъ это часто бывало, невѣрныхъ свѣдѣній и далъ своей служебной карьеры (перемѣщений, производства въ чины), ограничившись лишь указаніемъ годовъ, а относительно производства въ чины коллежскаго и статскаго совѣтника не указалъ даже и годовъ, написавъ, что ихъ онъ «въ точности не упомянуть».

²⁾ Родъ Батуриныхъ—древній дворянскій родъ, ведущій себя отъ легендарнаго выходца изъ Венгріи Батугерда; къ этому роду принадлежалъ, между прочимъ, старшій современникъ П. С. Батурина—извѣстный авантюристъ Іосафатъ Батуриный, погибшій на о. Формозѣ, въ шайкѣ другого авантюриста—Беніовскаго (1771 г.).

меняявленіе,—не было ни недвижимаго имѣнія, ни крестьянъ. Службу свою началъ онъ въ 1754 г. въ лейбъ-гвардіи Конномъ полку, изъ вахмистровъ котораго, черезъ пять лѣтъ службы, былъ выпущенъ «въ полевые полки» поручикомъ (1759). Тогда былъ разгаръ Семилѣтней войны (1756—1762), въ которой Батуринъ и принималъ участіе,—для него неудачное, ибо въ одномъ изъ сраженій, въ предѣлахъ Пруссіи, онъ былъ взятъ въ плѣнъ и «претерпѣлъ семимѣсячное полонное содержаніе». Въ 1763 году, въ началѣ царствованія Екатерины II, онъ вышелъ въ отставку—«съ награжденіемъ капитанскаго чина»—и пробылъ не у дѣлъ около семи лѣтъ. Быть можетъ въ эту именно эпоху своей жизни онъ побывалъ «въ чужихъ краяхъ»; изъ упоминаній въ III части Записокъ мы знаемъ, что онъ былъ въ Марсели и на Львовскихъ контрактахъ. Въ 1770 году Батуринъ, какъ значится въ его послужномъ спискѣ, былъ «таки опредѣленъ въ военную службу тѣмъ же чиномъ» и принималъ участіе въ Первой Турецкой войнѣ (1769—1774), которая также не прошла для него благополучно: «при осадѣ г. Ибраилова, на штурмѣ», онъ былъ «раненъ тяжелою пулею въ руку»¹⁾, послѣ чего былъ отправленъ, на время излѣченія этой раны, въ корпусъ войскъ, состоявшихъ подъ командою генералъ-майора М. Н. Кречетникова,—будущаго начальника Батурина по службѣ его въ Калугѣ, Тулѣ, Кіевѣ и на Волыни.—16 января 1771 г. Батуринъ произведенъ былъ въ секундъ-майоры и въ этомъ же чинѣ былъ и въ 1776 г., когда служилъ въ Апшеронскомъ пѣхотномъ полку²⁾. Получивъ, затѣмъ, чинъ премьеръ-майора (28 июня 1777 г.), онъ въ 1779 г. служилъ въ Ревельскомъ пѣхотномъ полку³⁾ и вскорѣ произведенъ былъ въ подполковники (24 ноября 1781 г.)⁴⁾.

1780-мъ годомъ, т.-е., временемъ службы въ Ревельскомъ полку, которымъ Батуринъ временно командовалъ послѣ бри-

¹⁾ Дѣйствія русскихъ войскъ подъ Браиловымъ, начавшіеся 18 января 1770 г., продолжались въ теченіе почти всего года; бомбардировка крѣпости началась 27 сентября, продолжалась 17 и 22 октября, а 24 октября штурмъ русскихъ войскъ окончился для нихъ неудачно, послѣ чего осада была снята, и городъ былъ занятъ лишь 10 ноября, послѣ его оставленія турками.

²⁾ Списокъ Военному Департаменту на 1776 годъ, С.-Пб. 1776, стр. 125.—Въ «Исторіи Апшеронскаго полка. 1700—1892», составленной Л. Богуславскимъ и изданной Княземъ Великимъ Георгіемъ Михайловичемъ (С.-Пб. 1892), имя Пафпутія Батурина упоминается лишь однажды—въ спискахъ бывшихъ офицеровъ полка—съ указаніемъ, что онъ служилъ въ полку въ 1776—1777 г. (т. III). Разсказъ же о *полковникѣ* Батуринѣ, вызвавшемъ своею нерѣшительностію и даже трусостию негодованіе Суворова (іюнь 1773), помѣщенный въ I томѣ «Исторіи» (стр. 149—152), относится къ *Петру Ивановичу* Батуринѣ, бывшему полковникомъ съ 1771 г. и впоследствии Георгіевскому кавалеру.

³⁾ Списокъ Военному Департаменту на 1779 г., С.-Пб. 1779, стр. 95.

⁴⁾ Тоже на 1782 г., С.-Пб. 1782, стр. 106.

гадира барона Е. Е. Ферзена (произведеннаго тогда въ генераль-майоры), и до назначенія новаго полкового командира,—открывается дошедшая до насъ III часть его Записокъ, изъ коихъ можно почерпнуть уже подробныя свѣдѣнія о его служебныхъ и житейскихъ обстоятельствахъ.

Взявъ изъ полка отпускъ въ Петербургъ, Батуринъ свидѣлся здѣсь «съ давнимъ своимъ благодѣтелемъ» М. Н. Кречетниковымъ—тогда уже Калужскимъ и Тульскимъ генераль-губернаторомъ,—и получилъ отъ него приглашеніе перейти на службу подъ его начальство. Не рѣшившись сразу принять это предложеніе, Батуринъ, между тѣмъ, вышелъ въ отставку «тѣмъ же чиномъ» (1782 г.), послѣ чего около года провелъ въ Петербургѣ. Разскажу о своемъ здѣсь пребываніи, о знакомствахъ своихъ, литературныхъ занятіяхъ (сотрудничествѣ въ «Собесѣдникѣ Любигелей Россійскаго Слова») и о піесахъ своихъ для театра Батуринъ посвящаетъ начало III части своихъ Записокъ, которое нельзя не признать весьма любопытнымъ. Между тѣмъ, въ 1783 г. онъ рѣшилъ воспользоваться приглашеніемъ Кречетникова и получилъ мѣсто Совѣтника въ Калужской Палатѣ Гражданскаго Суда или, какъ говорили короче,—въ Гражданской Палатѣ. Въ Калугѣ Кречетниковъ поручилъ Батурину, между прочимъ, завѣдываніе мѣстнымъ театромъ, существовавшимъ уже съ 1777 г., и образованіе и веденіе казенной типографіи, которую отдалъ ему въ «собственную пользу». Для обоихъ этихъ учрежденій Батуринъ оказался человѣкомъ, какъ нельзя болѣе подходящимъ и полезнымъ,—что можно усмотрѣть изъ его Записокъ. Этою ихъ частію, по сообщенію С. П. Яремича, воспользовался, въ отношеніи повѣствованія Батурина о Калужскомъ театрѣ, мѣстный изслѣдователь, Д. А. Малининъ въ брошюрѣ своей «Начало театра въ Калугѣ. (Къ исторіи Калужскаго театра въ XVIII в.)», (Калуга. 1912, стр. 24—32). «Съ конца 1783 г.», пишетъ г. Малининъ: «начинается второй періодъ, блестящая эра въ исторіи Калужскаго театра за XVIII вѣкъ. Съ этого года поступаетъ на службу въ Калугу, по уговору Кречетникова, Совѣтникомъ Гражданской Палаты подполковникъ Пафнутій Сергѣевичъ Батуринъ.... Любя искусство и будучи тонкимъ знатокомъ театрального дѣла, Батуринъ принялся съ кипучей энергіей за руководство театромъ и произвелъ въ немъ полную реорганизацію въ постановкѣ дѣла. Онъ обратилъ главное вниманіе на технику игры актеровъ и на практическую выучку ихъ... Эта задача, поставленная имъ на очередь, была не легка, требовала настойчивости въ осуществленіи и не обошлась безъ борьбы. Батурину пришлось столкнуться съ артистическимъ самолюбіемъ..., но

онъ «не считался съ этимъ, самъ руководилъ репетиціями и настойчиво принуждалъ прочитывать наставленія, относящіяся до извѣстной роли. И его энергичность и очевидность преимущества игры по правиламъ руководства взяли верхъ... Дѣятельность П. С. Батурина въ этомъ направленіи заслуживаетъ тѣмъ болѣе быть отмѣченной, что теоретическія основанія въ постановкѣ пьесъ и игры актеровъ и въ столицахъ начали примѣняться только съ 1779 г., когда была учреждена подъ руководствомъ Дмитревскаго драматическая школа. Для провинціи же это было явленіемъ исключительнымъ.—Батуринъ не оставилъ безъ вниманія и репертуара театра», стараясь «снабдевать актеровъ своихъ лучшими операми и комедіями, а при томъ осмѣлился имъ дать сыграть и своихъ двѣ пьесы»... Заботы о театрѣ его директора, труды по усовершенствованію техники игры актеровъ и умѣлый подборъ репертуара сопровождались вполне заслуженнымъ успѣхомъ театра въ Калужскомъ обществѣ. Онъ завоевалъ себѣ общія симпатіи и сдѣлался необходимой принадлежностью общественной жизни. «До сего за чудо почиталось видѣть молодое купечество на балахъ, въ театрѣ, на бѣгахъ и другихъ спектакляхъ»,—приводитъ г. Малининъ слова Зельницкаго (1804) и продолжаетъ: «а теперь, когда зашла рѣчь о пожертвованіяхъ на постройку новаго театральнаго зданія, Батурина удалось въ теченіе неполнаго года собрать до 4 тысячъ рублей, что было, несомнѣнно, много въ малоинтеллигентной Калугѣ и могло случиться только при шумной популярности театра въ городѣ». Разсказавъ, далѣе, неудачу, которая постигла проектъ Батурина о постройкѣ театра въ центрѣ Калуги, г. Малининъ заканчиваетъ: «такъ печально разыгралась эта «обыкновенная исторія». Театръ былъ оставленъ отъ Батурина, такъ много для него поработавшаго»¹⁾...

Не менѣе плодотворна была дѣятельность Батурина и по завѣдыванію имъ Калужскою типографіею, въ коей онъ не только наладилъ печатаніе различныхъ «казенныхъ дѣлъ и надобностей», но занялся и частнымъ издательствомъ книгъ,—которыя являются нервенцами Калужскаго печатнаго станка. Особенно интересна выясняющаяся изъ Записокъ Батурина исторія изданія любопытнаго и уже давно привлекавшаго къ себѣ вниманіе историковъ нашего масонства «Исслѣдованія книги о Зablужденіяхъ и истинѣ», написаннаго, какъ это теперь оказалось, Батуринымъ²⁾.

Прослуживъ въ Калужской Гражданской Палатѣ около 5 лѣтъ, Батуринъ переведенъ былъ Кречетниковымъ, вслѣдствіе

¹⁾ Назв. соч., стр. 24—32.

²⁾ Объ этомъ см. подробнѣе ниже, въ примѣчаніи къ соответствующему мѣсту Записокъ Батурина.

столкновенія съ Предсѣдателемъ Палаты, въ Калужское же Губернское Правленіе, а затѣмъ, когда Кречетниковъ перенесъ свою резиденцію въ Тулу, онъ перевелъ туда и Батурина, опредѣливъ его въ Палату Уголовнаго Суда ¹⁾, а когда освободилась соотвѣтствующая вакансія,—въ Тульское Губернское Правленіе Совѣтникомъ же. Наконецъ, въ 1790 году Батуринъ еще разъ перемѣнилъ мѣсто своей службы, будучи переведенъ Директоромъ Экономіи Кіевской губерніи. Поселившись въ Кіевѣ, Батуринъ не безъ приключеній,—о которыхъ онъ откровенно рассказываетъ въ Запискахъ своихъ,—прослужилъ здѣсь около трехъ лѣтъ—до 1793 года, когда, по желанію того же Кречетникова, былъ назначенъ Предсѣдателемъ Уголовнаго Суда во вновь образованное тогда (13 апрѣля 1793 г.), послѣ присоединенія къ Россіи части Польши, Изяславское намѣстничество ²⁾, составившееся изъ Волыни и части Подоліи; въ 1795 году оно было раздѣлено на намѣстничества Волынское и Подольское,—и Батуринъ опредѣленъ былъ Предсѣдателемъ въ Волынскую Палату Уголовнаго Суда. О дѣятельности своей по этой должности въ новоприсоединенномъ краѣ онъ далъ такое показаніе въ своемъ послужномъ списокѣ: «До открытія въ той губерніи по образу Высочайшихъ учрежденій правленія возложено на него было наблюденіе за всѣми Польскими судами, въ оной губерніи находившимися,—вслѣдствіе чего онъ исправлялъ дѣла уголовныя, гражданскія и, за неопредѣленіемъ Вице-Губернатора, правилъ казенною частью ³⁾, по которой содѣйствовалъ въ устройствѣ уѣздныхъ казначействъ, снабжая ихъ по разнымъ сборамъ окладными книтами. При сихъ его заботахъ произвелъ многія слѣдствія по дѣламъ мятежниковъ и препятствующихъ распространенію греко-россійской вѣры; и по всѣмъ симъ дѣламъ, какъ самимъ имъ произведеннымъ, такъ и изъ судовъ вступившимъ, онъ самъ, Предсѣдатель, и безъ Секретарей совершилъ до ста опредѣленій, содержащихъ по тѣмъ дѣламъ положенія, и съ нужными къ онымъ экстрактами, которымъ дѣламъ и книги у него, за подписаніемъ Главнаго Суда, хранятся.—Управлялъ Комиссіей, устроенною для казенныхъ доходовъ, разбирательства правъ на секвестрованные имѣнія и для сочиненія камеральнаго

¹⁾ Въ Мѣсяцесловѣ на 1789 г. Батуринъ значится еще Совѣтникомъ Калужской Палаты Гражданскаго Суда (стр. 139), а въ Мѣсяцесловѣ на 1790 г.—уже Совѣтникомъ Тульской Палаты Уголовнаго Суда, въ томъ же чинѣ подполковника (стр. 215).

²⁾ Князь Н. Туркестановъ, Губернскій служебникъ, С.-Пб. 1869 г., стр. 94.—Опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Сенатскомъ Archivѣ, Отд. III, т. I, С.-Пб. 1910 г., стр. 85 № 273 и стр. 225.—Послужной списокъ Батурина за 1800 г.

³⁾ Т.-е., дѣлами, относящимися до казны, до Казенной Палаты. Б. М.

описанія (губерніи). Сверхъ сего, по приказанію Генераль-Губернатора, сдѣлалъ назначенія законовъ, особо всякому присутственному мѣсту принадлежащихъ, по коимъ оныя мѣста руководствоваться должны. А по составленіи изъ Палатъ Уголовной и Гражданской Главнаго Суда онъ предсѣдательствовалъ въ 1-мъ Департаментѣ, съ Польскими засѣдателями, 1797 г. мая отъ 1-го по іюль мѣсяць, и на обоихъ языкахъ произвелъ немалое число дѣлъ; по выборѣ же, въ сходство Высочайшаго указа, Польскимъ дворянствомъ своихъ Предсѣдателей, пожалована была ему, до опредѣленія къ должности, пенсія получаемаго имъ жалованья.

Пожалованіе это состоялось 8 іюня 1797 г. ¹⁾, а черезъ 5 мѣсяцевъ (21 ноября 1797 г.) ²⁾ былъ данъ именной указъ Сенату, коимъ Батуринъ, безъ его вѣдома и желанія, назначенъ былъ, на вакансію Предсѣдателемъ 2-го Департамента Воронежской Палаты Суда и Расправы. Не согласившись туда ѣхать, онъ совсѣмъ былъ отставленъ отъ службы, уже безъ пенсіи, и уѣхалъ снова въ Москву, къ теткѣ своей—Д. Б. Киселевой. Но здѣсь скука отъ непривычной бездѣятельности и дурное съ нимъ обращеніе тетки заставили его вновь просить Генераль-Прокурора о предоставленіи ему службы, что и было исполнено: 28 апрѣля 1798 г. послѣдовалъ вторичный указъ, назначавшій Батурина Предсѣдателемъ во 2-й Департаментъ Воронежской Палаты Суда и Расправы ³⁾.

Служеніе Батурина на Волыни было для него болѣе благоприятно, чѣмъ въ Калугѣ или Кіевѣ: «за усердную и ревностную службу» онъ былъ пожалованъ, 22 сентября 1795 г., орденомъ Владиміра 4-й степени, а 28 іюня 1796 г. ⁴⁾ произведенъ былъ изъ коллежскихъ въ статскіе совѣтники—чинъ, немаловажный въ тѣ времена; по переводѣ же въ Воронежъ онъ былъ награжденъ, 23 февраля 1800 г., орденомъ Анны 2-го класса⁵⁾. Все это, казалось бы, обѣщало Батурина дальнѣйшія преуспѣянія по службѣ, продолжать которую онъ и могъ,—едва достигнувъ, къ началу царствованія Александра I, 60-лѣтняго возраста,—и долженъ былъ, такъ какъ не владѣлъ собственнымъ недвижимымъ имѣніемъ, а отъ тетки своей, Д. Б. Киселевой, пользовался лишь небольшимъ денежнымъ пособіемъ; однако, онъ прослужилъ въ Воронежѣ, кажется недолго; по крайней мѣрѣ смерть застигла его

¹⁾ «Сенатскій Архивъ», т. I, стр. 240.

²⁾ Тамъ же, стр. 318.

³⁾ Тамъ же, стр. 398 и послужной списокъ 1800 г.

⁴⁾ Списокъ состоящимъ въ гражданской службѣ чинамъ второго... и пятого классовъ на 1801 г., стр. 76.

⁵⁾ Послужной списокъ 1800 года въ Сенатскомъ Архивѣ.

далеко оттуда—въ Минскѣ, гдѣ онъ скончался въ ночь съ 22 на 23 октября 1803 года ¹⁾).

Записки Батурина, въ дошедшей до насъ части, обрываются на полусловѣ ²⁾),—на разсказѣ о томъ, какъ авторъ, получивъ въ Москвѣ указъ отъ 28 апрѣля 1798 г. о назначеніи своемъ на службу въ Воронежъ, разстался со своею престарѣлою теткою, Д. Б. Киселевой. Такимъ образомъ, повѣствованіе его, въ послѣдней своей части, было почти современно описываемымъ событіямъ и довело разсказъ о нихъ до самыхъ послѣднихъ лѣтъ жизни автора. Записки переписаны, рукою писца, на бумагѣ съ водянымъ знакомъ 1800 года и имѣютъ довольно многочисленныя автографическія редакціонныя поправки и дополненія самого Батурина. Изъ этого должно вывести заключеніе, что воспоминанія о прожитой жизни онъ предался уже незадолго до смерти,--- вѣроятно уже по выходѣ своемъ въ окончательную отставку,--- быть можетъ, въ Минскѣ. Рукопись писана на голубоватой писчей бумагѣ, занимаетъ 224 страницы и, на оборотѣ заглавнаго, титульнаго листа, имѣетъ помѣтку рукою Батурина: «всѣ собственныя имена и прозванія должны служить быть назначены только одними начальными буквами». Это замѣчаніе, намѣренное скрытіе въ заглавіи своего имени, а также нѣкоторая литературная или книжная изысканность этого самаго заглавія: «Жизнь и похождение Г. С. С. Б. Повѣсть справедливая» даютъ намъ поводъ предположить, что авторъ, составляя свои правдивыя воспоминанія, преслѣдовалъ не только мемуарную, чисто-историческую задачу, но имѣлъ въ виду и цѣли литературныя, что онъ предполагалъ *напечатать* свою автобіографію: въ ней онъ могъ видѣть много поучительнаго, назидательнаго и, какъ человѣкъ литературный, могъ желать примѣромъ своей жизни, богатой приключеніями, «похожденіемъ»,—по его выраженію,—послужить на пользу другимъ или просто дать современникамъ занимательное чтеніе. Въ послѣднемъ предположеніи еще болѣе утверждаетъ насъ существованіе одного, совершенно аналогичнаго Запискамъ Батурина памятника, изданнаго анонимно въ Москвѣ въ 1790 г. подъ заглавіемъ: «Похожденіе нѣкотораго Россіянина, истинная повѣсть имъ самимъ писанная». Какъ выяснилъ проф. М. П. Петровскій, напомнившій въ наши дни объ этихъ «забытыхъ мемуарахъ» и сдѣлавшій имъ оцѣнку, послѣдняя книжка принад-

¹⁾ Выписки изъ дѣлъ Архива Капитула Орденовъ, сдѣланныя Д. И. Шлуномъ и принадлежавшія покойному В. В. Руммелю, стр. 29.

²⁾ Въ тетради вырваны въ концѣ послѣдніе листы, а сохранившіеся—испорчены сыростью.

лежить перу Петра Захаровича Хомякова¹⁾.—Хомяковъ былъ сверстникомъ Батурина,—лишь года на два его моложе,—также служилъ въ военной службѣ (въ Куринскомъ полку) и также, какъ и Батуринъ или другой современникъ ихъ обоихъ—Болотовъ, участвовалъ въ Семилѣтней и Первой Турецкой войнамъ. По собственному сообщенію Хомякова, «не тщетное какое-либо честолюбіе побудило автора издать въ свѣтъ описаніе своей жизни и случившихся перемѣнъ въ оной съ самаго рожденія и даже до сего времени, но любовь къ своимъ соотечественникамъ» и желаніе «показать, что сколь онъ ни обязанъ должностію, но остающееся свободное время проводить не въ праздности и не въ занятіяхъ какими-нибудь тщетностями, противными благонаравію». Такъ же, какъ и Батуринъ, Хомяковъ сообщаетъ точныя и вѣрныя хронологическія даты нѣкоторыхъ событій, что придаетъ его мемуарамъ историческую цѣнность; но наименованія мѣста рожденія, полковъ, дѣйствующихъ лицъ и многихъ географическихъ мѣстностей Хомяковъ обозначаетъ однѣми первыми буквами, что, какъ мы видѣли, считалъ необходимымъ сдѣлать и Батуринъ, помѣстившій впереди Записокъ своихъ соотвѣтствующую оговорку. Въ самомъ способѣ повѣствованія,—строга хронологическомъ,—Батурина и Хомякова, въ стилѣ и характерѣ ихъ разсказа замѣчается, равнымъ образомъ, значительная близость, сходство. Все это убѣждаетъ насъ въ томъ, что книжка Хомякова могла послужить для Батурина примѣромъ, образцомъ, навести его на мысль написать свою «жизнь и похождение»²⁾.

Какъ бы то ни было, воспоминанія Батурина—цѣнный вкладъ въ нашу мемуарную литературу XVIII вѣка, уже обладающую такимъ неподражаемымъ памятникомъ, какимъ являются Записки Болотова, а вѣрнѣе—въ тотъ разрядъ литературныхъ произведеній XVIII столѣтія, который, по справедливому выраженію проф. М. П. Петровскаго въ примѣненіи къ мемуарамъ Хомякова, «занимаетъ средину между дневникомъ и повѣстью». Значеніе такихъ произведеній прекрасно выяснено въ предисловіи къ названной статьѣ покойнаго профессора; сужденія его вполне примѣнимы и къ «Повѣсти справедливой» Батурина, съ тою лишь разницею, что кругъ отношеній, знакомствъ и умственныхъ запросовъ, равно какъ и служебное положеніе и дѣятельность

¹⁾ См. статью М. П. Петровскаго: «Забытые мемуары П. З. Хомякова»—«Журн. Мин. Нар. Просв.», 1901 г., № 8, и отд. отт., С.-Пб. 1901, 8°, 62 стр., Книжка Хомякова издана была въ 2-хъ частяхъ: I—8+181 стр., II—2+272 стр., in—120.

²⁾ Не представляется невозможнымъ, въ виду участія обоихъ авторовъ въ однѣхъ и тѣхъ же кампаніяхъ Турецкой войны 1771—1773 гг., и ихъ личное знакомство.

Батурина, занимавшаго довольно видные бюрократическіе посты, были значительно выше, чѣмъ у Хомякова,—и если *литературная* цѣнность ихъ одинакова, то *историческое* значеніе Записокъ Батурина соотвѣтственно гораздо выше. Особенно должны быть оцѣнены сообщенія автора о его литературной и театральной дѣятельности въ Петербургѣ и въ Калугѣ, о театрѣ Дмитревскаго, о типографской работѣ и изданіяхъ Батурина, его рассказы о Державинѣ, Кречетниковѣ, Туттолминѣ и Беклешовѣ, о служебныхъ отношеніяхъ и дѣятельности въ Калугѣ, Тулѣ, Кіевѣ, Житомирѣ, о курьезномъ представленіи Императору Павлу, о неудавшемся знакомствѣ со Сперанскимъ,—наконецъ, и едва ли не главнымъ образомъ,—та бытовая красочность, жизненная правдивость, которыми отличается «повѣсть» Батурина.

Для облегченія и удобства чтенія мы раздѣлили повѣствованіе автора на IX главъ и предпослали каждой изъ нихъ краткій перечень ихъ содержанія; самый же текстъ Записокъ оставленъ нами въ полной неприкосновенности, съ сохраненіемъ всѣхъ *характерныхъ* особенностей правописанія подлинной рукописи, но безъ сохраненія грубыхъ орфографическихъ ошибокъ и безъ толковой пунктуациі переписчика. Все цѣнное по существу изъ зачеркнутаго авторомъ нами возстановлено, при чемъ эти зачеркнутыя мѣста заключены въ прямые скобки.

За предоставленіе рукописи въ наше распоряженіе приносимъ сердечную благодарность многоуважаемому Степану Петровичу Яремичу, а также Николаю Емельяновичу Макаренку, благодаря безкорыстной любезности котораго мы получили возможность заняться изученіемъ и приготовленіемъ къ изданію Записокъ Батурина.

Б. Модзалевскій.

Жизнь и похождение Г. С. С. Б.

Повѣсть справедливая

писанная имъ самимъ.

Томъ III¹⁾.

I.

1780. Прибытіе Ревельскаго полка въ м. Легаль, въ Ливоніи.—Назначеніе Батурина командовать полкомъ до прибытія полковника Д.—Отъѣздъ въ отпускъ въ Петербургъ.—Свиданіе съ М. Н. Кречетниковымъ.—Выходъ въ отставку съ чиномъ подполковника.—Игра въ карты и знакомство съ игрокомъ Е. С. Жилинымъ, г. Д. и др.—Сочиненіе комедіи и отдача ея на театръ И. А. Дмитревскому.—Сочиненіе комедіи «Бездушникъ» и продажа ея Дмитревскому.—Столкновеніе съ Директоромъ Театровъ камеръ-юнкеромъ П. В. Мятлевымъ.—В. И. Левашевъ и фаворитъ А. П. Ермоловъ.—«Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова».—Ода Державина «Фелицъ» и ея критика Батуринымъ.—Обращеніе къ М. Н. Кречетникову съ просьбою о мѣстѣ.—П. О. Апраксинъ и его предложенія.—Потѣшка къ брату въ подмосковную.

Мы пришли съ полкомъ нашимъ въ мѣстечко Легаль, лежащее въ Ливоніи, за сто верстъ отъ Ревеля; въ семь послѣднемъ [мы] содержали караулъ нѣсколько мѣсяцевъ и потомъ получили повелѣніе итти въ Оренбаумъ²⁾, куда не доходя за нѣсколько маршей, бригадиръ Ферзенъ³⁾, извѣстившись о произвожденіи его въ генераль-маіоры, отправился въ Петербургъ, а я остался полковымъ командиромъ до прибытія назначеннаго въ полкъ нашъ полковника Д.⁴⁾, который, чрезъ нѣсколько времени пріѣхавъ, заставилъ весь полкъ почувствовать, сколь много онъ потерялъ въ перемѣнѣ прежняго своего начальника, бригадiera Ферзена. Новый нашъ полковникъ совсѣмъ не разумѣлъ службы и не только ни мало не пекся объ оной, но поведеніемъ своимъ совершенно оную въ полку разстроилъ. Онъ, по склонности своей,

¹⁾ Это—титульный листъ рукописи; передъ началомъ текста—снова приведено это же заглавіе, но безъ словъ «писанная имъ самимъ». На оборотѣ титульнаго листа рукою Батурина написано: «Всѣ собственныя имена и прозванія должны быть назначены только одними начальными буквами».

²⁾ Т.-е. Ораніенбаумъ, въ 40 верстахъ отъ Петербурга.

³⁾ Баронъ Ермолай Егоровичъ Ферзенъ (род. 1742, ум. послѣ 1801). Эстляндскій дворянинъ, въ службу записанъ былъ въ 1755 г., учился въ Сухопутномъ шляхетномъ корпусѣ, откуда въ 1761 г. выпущенъ былъ въ Преображенскій полкъ; выйдя въ армію подполковникомъ (1770 г.), 17 марта 1774 г. былъ произведенъ въ полковники и назначенъ въ Ревельскій пѣхотный полкъ, съ которымъ участвовалъ въ походахъ противъ Польскихъ конфедератовъ, за отличіе былъ произведенъ въ бригадиры (1779) и генераль-маіоры (1780). Впослѣдствіи былъ генераломъ-отъ-инфантеріи.

⁴⁾ Александръ Ивановичъ Дивовъ, бывший въ службѣ съ 1766 г., полковникомъ былъ съ 1 января 1781 г.; въ 1783 г. служилъ въ Ревельскомъ пѣхотномъ полку. (Списокъ Воинскому Департаменту на 1783 г., стр. 82).

больше упражнялся въ горячихъ напиткахъ ¹⁾, нежели помышлялъ о содержаніи военнаго порядка въ вѣренномъ ему полку, отчего оплошность, лѣность и нерадѣніе заступили мѣсто бодрости, опрятности солдатъ и исправности всѣхъ чиновъ. Многіе офицеры, служившіе въ полку съ отличностью, пошли въ отставку. Я принужденъ былъ отпроситься на нѣкоторое время въ отпускъ и жить въ Петербургѣ ²⁾ я увидѣлся съ давнимъ своимъ благодѣтелемъ Михайлою Никитичемъ Кречетниковымъ ³⁾, которой ужъ былъ генераль-губернаторомъ Калужской и Тульской губерній; онъ мнѣ совѣтовалъ оставить военную службу и опредѣлиться въ штатскую въ губерніяхъ, имъ управляемыхъ, обѣщая доставить мнѣ выгодное мѣсто. Я хотя имѣлъ болѣе склонности къ штатской службѣ, нежели къ военной, ибо сія не совсѣмъ согласовалась съ покойнымъ и мирнымъ моимъ расположеніемъ,—однако, служить въ намѣстничествѣ мнѣ не хотѣлось, и для того долго колебался согласиться на предложеніе его, такъ что онъ, при отъѣздѣ своемъ изъ Петербурга, оставя меня въ нерѣшимости, сказалъ мнѣ, что если я вздумаю послѣдовать его совѣтамъ, то бѣ я къ нему писалъ и былъ бы увѣренъ, что подъ начальствомъ его мнѣ мѣсто всегда готово будетъ.

Скоро послѣ того нашему полку сказано было походы на Турецкую границу; по несчастію, мои обстоятельства тогда были въ совершенной разстройкѣ: я не имѣлъ ни лошадей ни экипажа, а отъ полковника ожидать помощи было невозможно; къ тому же, видя состояніе, въ каковомъ полкѣ нашъ находился, я принужденъ былъ, сверхъ желанія моего, подать прошеніе въ отставку. Меня отставили тѣмъ же чиномъ, потому что уже сія отставка моя была не первая⁴⁾.

Я увидѣлъ себя опять въ весьма въ дурномъ положеніи и хотя увѣренъ былъ, что Кречетниковъ опредѣлитъ меня въ намѣстничество, однакожъ не принялъ еще рѣшительнаго намѣренія установить свое жилище въ губернскомъ городѣ ⁵⁾, гдѣ я мнилъ

¹⁾ Написано по зачеркнутому [къ горячимъ напиткамъ больше упражнялся, въ приношеніи жертвы любимому своему божеству Бахусу].

²⁾ На полѣ здѣсь сдѣлана слѣдующая приписка Батурина: «Предшественное долженствуетъ быть внесено въ концѣ второго тома, а сей начатъ отъ сей замѣтки».

³⁾ М. Н. Кречетниковъ, съ 1793 г.—графъ, родился въ 1729 г., бывший псковскій губернаторъ, потомъ правитель тверского намѣстничества и генераль-губернаторъ калужскій и тульскій, рязанскій (1778) и кіевскій (1790); умеръ 9-го мая 1793 г. О немъ будутъ частыя упоминанія далѣе, такъ какъ онъ покровительствовалъ Батурину. Много разсказовъ о Кречетниковѣ и въ «Запискахъ» Болотова.

⁴⁾ См. въ предисловіи.

⁵⁾ Калугѣ, гдѣ жилъ Кречетниковъ, какъ генераль-губернаторъ.

найти маленькую столицу, подражающую пышностью, честолюбіемъ и прочими тщетностями большимъ столицамъ; тѣмъ паче сія мысль причиняла мнѣ неудовольствія, что мнѣ казалось, что сей малый списокъ съ большихъ картинъ будетъ мнѣ представляться всегда въ одинаковомъ видѣ, безъ всякихъ переменъ и оттѣнковъ, которые въ государственныхъ столицахъ творять оныя, разнообразностію политическихъ и нравственныхъ явленій, пріятными и любопытными. Я старался прожить въ Петербургѣ какимъ-нибудь благопристойнымъ средствомъ. Игра была къ тому самое легчайшее, которымъ такое великое множество людей не только что живутъ выгодно и хорошо, но еще и составляютъ счастье свое. Мнѣ было нѣсколько пріятелей, которые ссужали меня деньгами и брали въ части, когда держали банкъ; но, не смотря на добрую ихъ волю мнѣ помочь, мое состояніе было весьма тѣсное, ибо, такъ какъ изъ прежнихъ происшествій въ моей жизни значить, я не умѣлъ и не былъ способенъ происками или какимъ-либо проницательствомъ преклонять счастье въ свою пользу.

Между тѣмъ, бывая на игрѣ у г. Жилина ¹⁾, я имѣлъ случай узнать нѣкотораго г. Д., происшедшаго отъ смѣшенія Колмыцкой породы съ Россійскою; хотя нѣкоторые сказывали, что Азіятское его начало есть болѣе знаменито, нежели Русское; но со всѣмъ тѣмъ онъ здѣлалъ входъ свой въ свѣтъ службою, не очень много значащею: одни говорили, что онъ былъ у двора мумшинскимъ ²⁾ помощникомъ; другіе, что будто истопникомъ; однакожъ, я симъ злословіямъ, а особливо послѣднему, не вѣрилъ. Ибо, видя его, ставящаго тысячами на карты, я не могъ никакъ себѣ представить, чтобы тѣ жъ самыя руки, которыя кочергою въ печи мѣшали, могли такъ же золотомъ поворачивать, какъ угольями; но какъ бы то ни было, онъ уже имѣлъ тогда чинъ Титулярнаго Совѣтника, и по причинѣ своихъ денегъ, выигрышемъ пріобрѣтенныхъ, имѣлъ съ лучшими людьми знакомство и довольно фамиліярнаго обхожденія. По несчастію, онъ часто держивалъ банкъ съ Жилинымъ и Никаноромъ Аркадьевичемъ Аннинковымъ ³⁾, которые, по доброму ихъ ко мнѣ разположенію, бирали меня въ часть ихъ; а онъ никогда не соглашался принять меня въ свою. Г. полукамыкъ хотя и былъ, по большой игрѣ его, пріятель игрокамъ, однакожъ мало любимъ. Обхожденіе его грубое нѣсколько пахло происхожденіемъ и прежнимъ его упражненіемъ, а разговоры его, не довольно замысловатые, нерѣдко подавали поводъ

¹⁾ Евдокимъ Степановичъ Жилинъ (см. ниже).

²⁾ Т.-е. «мундшенскимъ». Б. М.

³⁾ Авторъ, вѣроятно, ошибся: надо читать: Аркадіемъ Никаноровичемъ; офицеръ лейбъ-гвардіи Коннаго полка, онъ былъ впоследствии генералъ-маіоромъ.

надъ нимъ смѣяться; и въ самомъ дѣлѣ, въ рѣчахъ его означалась нѣкоторая особливость, а понятіе его находилось въ такой тѣсной окружности, что онъ мало могъ о чемъ обстоятельно говорить, кромѣ однѣхъ картъ; потому разговоры его по большей части и не во время игры были о картахъ, и онъ имѣлъ даръ пересказать игру давнихъ лѣтъ въ исправной точности и помнилъ не только бывшія у него тогда на рукахъ карты, но и у всѣхъ тѣхъ, которые съ нимъ въ партіи бывали, такъ что слушателямъ казалось, что онъ говорилъ про ту игру, которую онъ только что кончилъ; а потомъ весьма странно было слышать отъ него, что онъ ту игру игралъ тысяча семь сотъ въ такомъ-то году, и что отъ того времени по настоящее его повѣствованіе прошло уже около пяти, шести, а иногда и десяти лѣтъ. Жесткими своими чувствованіями онъ иногда по игрѣ причинялъ мнѣ досаду; но я, не имѣвъ права требовать отъ него, чтобъ онъ былъ для меня снисходительнымъ, когда онъ для всѣхъ таковымъ не былъ, презиралъ какъ выигранное имъ богатство, такъ скудобу мыслей и чувствованій его. Но одинъ вечеръ, когда онъ не хотѣлъ согласиться, чтобъ я былъ, по желанію товарищей его, во всемъ банкѣ въ части,—нѣкоторые мои пріятели знали, что я нѣсколько тогда упражнялся въ писаніи, подали мнѣ мысль здѣлать комедію, въ которой бы характеръ его былъ описанъ.

Я воспользовался сею мыслию, а паче удобностію снимать черты съ столь отмѣннаго оригинала, къ чему еще и другія особы, игравшія въ той компаніи меня поощряли. Я опредѣлилъ сцену у Евдокима Степановича Жилина; хотя онъ былъ изъ ремесленныхъ игроковъ, однако жъ человѣкъ добродушный и честный; это самый тотъ, которой ко мнѣ съ Дьяконовымъ въ Петербургѣ, при отправленіи моемъ въ чужіе края, пріѣзживалъ играть и о чемъ я въ первомъ томѣ сей моей исторіи упоминалъ.

Всѣхъ дѣйствующихъ лицъ взялъ изъ игроковъ, обыкновенно въ домѣ его играющихъ, не прилагая ни къ кому изображеній, могущихъ произвести малѣйшую непріятность, хотя бы кто и могъ быть познаемъ; ибо я никакихъ особъ, ни сходственностей съ оными представить не желалъ, но только описать одинъ оригинальный характеръ г. Д. подъ именемъ Булдырхина; сіе названіе для того ему дано, что у него были булдыри на лбу, которые еще придавали нѣкоторую отмѣнность особѣ его, составленной совокупленіемъ началъ съ двухъ частей свѣта. Я написалъ въ сей пьесѣ то, что во время собранія игроковъ въ домѣ Жилина происходило, прибавя отъ себя одну интригу, состоящую въ томъ, что г. Булдырхинъ сватался вмѣсто племянницы Домосѣдова на слугѣ его, который представлялъ вмѣстѣ и слугу, и мнимую

племянницу Домосѣдова. Всѣ желали, чтобъ сія комедія представлена была на театрѣ,—и я отдалъ ее г. Дмитревскому, содержанию тогда вольнаго театра ¹⁾. Такъ случилось, что роль Булдырхина досталась играть актеру изъ Воспитательнаго сиротскаго дома и такимъ же образомъ помѣшаннаго въ происхожденіи своемъ, каковъ былъ самъ Булдырхинъ ²⁾; а потому и сходство его съ оригиналомъ такъ было ощутительно, что при явленіи сего актера на театрѣ многимъ казалось, что г. Булдырхинъ хотѣлъ самъ роль свою сыграть.

Зрѣлище сіе было довольно забавно, но такое чувствительное сходство здѣлало, что комедія упала и почтена была за сатиру лицъ, въ ней находящихся. Обыкновенно люди отъ удовлетворенія желаній ихъ переходятъ къ новому возбужденію отъ предлоговъ, болѣе или менѣе надъ ними дѣйствующихъ; потому удовольствованное желаніе видѣть осмѣяннаго Булдырхина уступило мѣсто сожалѣнію о немъ; такъ что самыя тѣ, которые преподавали сошты въ сочиненіи комедіи, говорили, что шутка сія выходила изъ предѣловъ, въ которыхъ заключаться долженствовала, и что особенности слишкомъ были обнаружены. Такимъ образомъ, за угожденіе моимъ пріятелямъ, вмѣсто похвалы, я имѣлъ огорченіе видѣть піесу мою опороченную.

Сіе разстрогало самолюбіе мое и заставило меня написать «Бездушника»³⁾, комедію характерную, въ пяти дѣйствіяхъ, главную роль коей я списалъ также съ одного моего пріятеля, которой своимъ коварствомъ, корыстолюбіемъ и чернотою души своей довольно былъ извѣстенъ. Пребываніе мое въ Петербургѣ безо всякаго ресурса внушило мнѣ мысль найти отъ трудовъ моихъ, которые я употребилъ на сіе сочиненіе, нѣкоторую денежную помощь на мое содержаніе. Я здѣлалъ о семъ откровеніе г. Дмитревскому, который, разсмотревъ комедію, ее одобрилъ; мы съ нимъ уговорились, чтобы мнѣ получить за нее двестъ рублей и билетъ для входа въ театръ; при какомъ нашемъ условіи онъ мнѣ и вручилъ половину денегъ напередъ, а послѣднюю половину я долженъ былъ получить послѣ представленія; однакожъ, прежде, нежели роли были выучены, и комедія приготовлена къ

¹⁾ Частный, бывший Книпперовскій театръ Иванъ Аванасьевичъ Дмитревскій (род. 1733, ум. 1821) содержалъ въ 1783 г. въ теченіе первыхъ 7 мѣсяцевъ,—слѣдовательно, и постановка комедіи Батурина, неизвѣстной намъ по имени и, повидимому, оставшейся ненапечатанною, относится къ январю—июлю 1783 г. См. В. Н. Всеволодскій (Гернгроссъ), «Исторія театральнаго образованія въ Россіи», т. I, 1913, стр. 298—307.

²⁾ Тогда изъ питомцевъ Воспитательнаго дома выдѣлялись актеры: Крутицкій, Гамбуровъ, Рахмановъ (прославившійся въ роляхъ Бригадира и Скотинина) и Максимъ Волковъ. Б. М.

³⁾ Эта комедія Батурина также напечатана не была.

представленію, послѣдовала въ содержаніи сего вольнаго театра непредвидимая перемѣна: повелѣно было театр у Дмитревскаго взять и присоединить къ придворному, надъ которымъ сдѣланъ былъ Директоромъ камеръ-юнкеръ М. ¹⁾. Комедія моя вошла въ вѣдомство и подъ разсмотрѣніе сего новаго правителя забавныхъ дѣлъ, и я принужденъ былъ пріѣхать къ нему для требованія исполненія договора моего съ Дмитревскимъ. Г. М. принялъ меня не очень благосклонно и, несмотря на то, что я ему объявилъ, что я имѣю чинъ подполковника, но по нѣкоторому стеченію обстоятельствъ пріѣхалъ къ нему [въ видѣ театральнаго сочинителя] просить его, чтобъ онъ или взялъ комедію на тѣхъ условіяхъ, на какихъ Дмитревскій хотѣлъ ее играть, или бы мнѣ возвратилъ ее; но г. Директоръ, принявъ на себя важность театральнаго героя, сказалъ мнѣ, что онъ посмотритъ комедію. Я ему отвѣчалъ, что какъ г. Д[митревскій] ее смотрѣлъ, то онъ можетъ смѣло положиться на его въ театральныхъ представленіяхъ знаніи и вкусу, но сіе подчиненіе приписываемаго имъ самимъ себѣ самовластія надъ произведеніями театральными ему не понравилось, и я, примѣтя, что гордая величавость, подъ которою онъ себя настроилъ, стала превращаться въ раздраженіе, спѣшилъ ему сказать, что моя піеса тѣмъ болѣе заслуживаетъ его уваженія, что она есть на Рускомъ языкѣ въ родѣ изъ карактерныхъ, первая оригинальная; но театральной начальникъ, будучи ужъ замѣчаніемъ моимъ о бесполезности разсматриванія имъ моей комедіи недоволенъ и притворяясь быть посвященнымъ въ пріятныхъ таинствахъ музъ, сказалъ мнѣ весьма сухо, что онъ знаетъ судить о піесахъ лучше Дмитревскаго, и что онъ теперь рѣшительнаго ничего мнѣ сказать не можетъ.

Я поѣхалъ отъ высокомысленнаго правителя театральными служителями, удивляясь странности судьбы своей, что она, наконецъ, и въ собственномъ моемъ отечествѣ заставила меня играть роль коммическаго автора и найти превыспренняго Директора, который, зная, что я благородной и заслуженной человѣкъ, трактовалъ меня такъ, какъ послѣдняго переписчика нотъ. [Въ подобныхъ сему моихъ обстоятельствахъ въ Марселѣ ²⁾ Капронъ, будучи и не благороднымъ человѣкомъ, обходился со мною далеко снисходительнѣе и съ благороднѣйшими чувствованіями].

Желаніе получить за мою комедію деньги, которыхъ у меня ничего не было, принудило меня еще ѣхать къ повелителю войска, об-

¹⁾ Петръ Васильевичъ Мятлевъ, директоръ «надъ всѣми зрѣлищами» съ 17-го іюля 1783 г. (П. Араповъ, «Лѣтопись Русскаго театра», стр. 90).

²⁾ Смотри во второмъ томѣ, стр. (Примѣч. Батурина, также зачеркнутое).

мундированнаго въ геройскіе старинныхъ римлянъ кафтаны или вооруженнаго смычками; но какъ онъ ужъ въ первомъ моемъ къ нему визитѣ не былъ предупрежденъ въ мою пользу, то и въ семь послѣднемъ казался быть въ обхожденіи своемъ со мною еще грубѣе и на требованіе мое отдать мнѣ двѣсти рублей—упорнѣе. Итакъ мое посѣщеніе къ Директору забавниковъ осталось безъ успѣха, и я, наконецъ, съ трудомъ могъ выручить назадъ свою комедію, на которой ужъ было подписано его, Директора, рукою, чтобъ для представленія оной учить роли. Мнѣ очень жаль было, что я не получилъ за нее денегъ, для того болѣе, что я хотѣлъ возратить Дмитревскому тѣ, которыя онъ мнѣ за нее заплатилъ.

Я имѣлъ, по благосклонности ко мнѣ В. И. Левашева ¹⁾, во многихъ случаяхъ вѣрное къ нему прибѣжище и находилъ всегда снисходительную помощь, чуждую отъ всякихъ околичностей, которыя бы могли заставить чувствовать разницу моего положенія съ тѣмъ, въ которомъ онъ находился, и я не столько иногда чувствовалъ самое его мнѣ воспомоществованіе, сколько утѣшенія отъ образа, какимъ оно было здѣлано. Братъ его Θ . И. ²⁾ (тогда былъ капитанъ гвардіи) также, по пріязни своей ко мнѣ и по почтеннѣйшимъ чувствамъ своимъ, немало облегчалъ мое состояніе. Въ домѣ у нихъ спознакомился со мною и здѣлался мнѣ пріятелемъ А. П. Ермоловъ ³⁾, бывшій потомъ фаворитомъ, который былъ тогда только еще сержантъ Семеновскаго полку; сходственность со стороны недостатковъ и положенія нашего здѣлало, что мы имѣли болѣе между собою одинъ къ другому довѣренности, нежели съ тѣми, которые въ томъ подобны намъ не были. Онъ ко мнѣ прихаживалъ дѣлать иногда скудное число денегъ, которыя кто-нибудь изъ насъ имѣлъ; и когда произвели его въ офицеры, тогда я такъ тому радовался, какъ бы лично со мною послѣдовало какое благополучіе; но я крайне заблуждалъ почитать дружбою такое знакомство, которое ни на какихъ душевныхъ качествахъ основано не было, а произошло только по такимъ обстоятель-

¹⁾ Василій Ивановичъ Левашевъ (род. 1740, ум. 1804),—съ 8-го іюля 1777 г.—флигель-адъютантъ импер. Екатерины II, затѣмъ генераль-поручикъ, командиръ Семеновскаго полка, впоследствии оберъ-егермейстеръ.

²⁾ Федоръ Ивановичъ Левашевъ (род. 1751 г., ум. 1819), съ 21 апрѣля 1785 г.—флигель-адъютантъ импер. Екатерины, впоследствии сенаторъ.

³⁾ Александръ Петровичъ Ермоловъ (род. 1754 г., ум. 1834 г. въ Вѣнѣ), генераль-адъютантъ Потемкина, 21-го апрѣля 1785 г. назначенный флигель-адъютантомъ Екатерины II полковникъ, затѣмъ камергеръ и генераль-поручикъ; въ 1786 г., 16 іюля, отправился за границу на 5 лѣтъ, по возвращеніи откуда жилъ въ Москвѣ и женился на княжнѣ Е. М. Голицыной, а въ 1800 г. навсегда уѣхалъ за-границу. По словамъ Гельбига, Ермоловъ во время своего фавора «вездѣ ведъ себя съ похвальною скромностію, которой всѣ удивлялись въ то время» (См. А. С. Ермоловъ. Родъ Ермоловыхъ, М. 1913, стр. 41—42).

ствамъ, которыя обыкновенно заставляютъ насъ имѣть соединеніе съ находящимися въ подобномъ положеніи нашему. Я скоро буду имѣть случай видѣть мнимаго друга своего, возведеннаго на высоту щастія, и увѣриться, что почти все люди, хотя бы кто изъ нихъ отлѣннаго былъ разума и чувствованій, однако, съ переменною щастія, переменяетъ не только моральныя свойства, но даже и физическую существенность свою. Самолюбіе и тщеславіе приуждаетъ ихъ съ презрѣніемъ обращать взоръ свой на тѣсной кругъ прежняго знакомства и стараться забыть изподній горизонтъ, въ коемъ они пресмыкались, изъ котораго вдругъ нечаянность и слѣпое щастіе перенесли ихъ въ сферу возвышенную.

Въ то время зачалось изданіемъ періодическое сочиненіе «Собесѣдника» ¹⁾, въ первомъ томѣ коего напечатана была ода «Фелиція» ²⁾, которая была съ возхищеніемъ похваляема, и все кричали, что она есть отличное произведеніе или феноменъ въ Россійской словесности. Къ такому излишеству и неумѣренности похвалъ способствовали болѣе предлогъ оды, нежели красота самаго сочиненія, ибо часто ласкательство, а особливо тамъ, гдѣ оно бываетъ путемъ къ щастію, всегда поспѣшаетъ воспользоваться случаемъ и достигнуть цѣли своей; слѣдственно, хвалить оду «Фелицы» было то жъ самое, что хвалить то божество, которое она возпѣвала. Я по склонности моей изыскивать во всякой вещи точности и опредѣлять ей настоящую цѣну, хотя согласенъ былъ съ похвалами, или знаніемъ или подражательнымъ притворствомъ возглашаемыми оныя, однако жъ нѣкоторыя мысли и фигуры сочинителя, несмотря на украшеніе ихъ рифмами, не согласовались съ существомъ предметовъ, ими представляемыхъ. Ибо часто въ стихотвореніи выраженія не свойственны мыслямъ или сѣи не свойственны выраженія и никакой внятности не представляющія, посредствомъ стиховъ, рифмами заостренныхъ, проходятъ за замысловатыя, тонкія и глубокія, хотя онѣ иногда

¹⁾ «Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова»—журналъ, предпринятый книжницею Е. Р. Дашковой въ апрѣлѣ 1783 г. при участіи Екатерины II. Вышло XVI частей въ 1783—1784 гг.

²⁾ «Ода къ Премудрой Киргизкайскакой Царевнѣ Фелицѣ, писанная нѣкоторымъ татарскимъ Мурзою, издавна поселившимся въ Москвѣ, а живущимъ по дѣламъ въ Санктпетербургѣ. Переведена съ арабскаго языка, 1782 г.» была напечатана въ началѣ I части «Собесѣдника». За нее Державинъ получилъ отъ Императрицы золотую, осыпанную брилліантами табакерку, наполненную 500 червонцами. По словамъ Я. К. Грота, «Ода произвела много шума при Дворѣ и въ Петербургскомъ обществѣ. Екатерина разсылала ее (конечно въ отдѣльныхъ оттискахъ) къ своимъ приближеннымъ и въ каждомъ экземплярѣ подчеркивала то, что прямѣе относилось къ лицу, которому онъ былъ назначенъ. Слава Державина утвердилась» и «вообще это сочиненіе имѣло рѣшительное вліяніе на всю дальнѣйшую судьбу поэта» (Сочиненія Державина, т. I. С.-Пб. 1861 г., стр. 131).

кроме пустаго звука, въ себѣ ничего не содержатъ, и если обнажить таковыя стихи и отнять отъ нихъ рифмы, то всякому разногласность и насильственное ихъ соединеніе примѣтитъ бѣдетъ можно. Въ слѣдствіе такого разсужденія, предпріялъ я здѣлать замѣчанія на нѣкоторыя фигуры и стихи «Фелицѣ» и на другія сочиненія перваго тома ¹⁾, въ коемъ нѣкоторыя содержащіяся стихотворенія не имѣли такъ, какъ ода «Фелицѣ», пріятности слога, легкости въ стихахъ и остроту въ мысляхъ, чтобъ наградить посредственныя мѣста, въ нихъ находящіяся. Однакожь, дабы не огорчить сочинителей, а особливо писателя «Фелицѣ», я критику свою представилъ не съ тѣмъ утвердительнымъ и рѣшительнымъ тономъ, какъ обыкновенно Зоили или Аристархи дѣлаютъ (ибо не былъ я таковымъ), но выдалъ оную подъ скромнымъ названіемъ «Недоумѣніе невѣжды, желающаго пріобрѣсть просвѣщеніе» ²⁾. Нѣкоторые, участвовавшіе въ снабженіи первый томъ матеріалами, съ благопріятствомъ въ послѣдующемъ томѣ разрѣшеніемъ моихъ недоумѣній отвѣтствовали, за что я искренне ощущалъ благодарность и хотѣлъ посредствомъ того же «Собесѣдника» изъяснить имъ оную. Но послѣ, какъ сочинитель «Фелицѣ», вмѣсто снисходительнаго возраженія на мои замѣчанія или ихъ равнодушнаго презрѣнія, такъ, какъ онаго недостойныхъ, отвѣтствовалъ жестокосердо и весьма несходно съ тѣми чувствованіями, которыя блистаютъ въ одѣ «Фелицѣ»: опредѣлилъ высечь меня ботожьемъ, здѣлавъ притомъ заключеніе, что когда я опорочилъ любимой его напитокъ лимонатъ, воспѣваемой имъ въ одѣ, слѣдственно я есть пьяница, преданной страсти горькаго напитка,—тогда уже ни какихъ споровъ и критику принимать было не велѣно, и я не могъ благо-

¹⁾ «Собесѣдника».

²⁾ Статья-письмо Батурина, безъ подписи его имени, а лишь съ помѣтою въ концѣ: «Іюня 12 дня 1783. Шлиссельбургъ» появилась въ IV части «Собесѣдника Любителей Россійскаго Слова» (стр. 11—26) подъ заглавіемъ «Сумнительныя предложенія Господамъ издателямъ Собесѣдника отъ одного Невѣжды, желающаго пріобрѣсть просвѣщеніе». «Фелицы» касалась лишь первая часть письма Батурина; эта часть перепечатана Я. К. Гротомъ въ Сочиненіяхъ Державина, т. VII, стр. 506—507, при вызванныхъ этимъ письмомъ «Возраженіяхъ неизвѣстному критику «Державина, Богдановича и Дмитріева, которыя были напечатаны въ «Собесѣдникѣ» вмѣстѣ съ письмомъ Батурина (въ видѣ примѣчаній къ нему, подъ строкою); послѣднее очевидно было сообщено Державину, Богдановичу и Дмитріеву еще въ рукописи. Часть разбора Батурина напечатана и въ I томѣ Сочиненій Державина, въ примѣчаніяхъ Я. К. Грота къ «Фелицѣ» (т. I, стр. 136, 141—142).—Имя Батурина, какъ автора «Сумнительнаго предложенія», оставалось неизвѣстнымъ до сего времени и акад. Гроту, и Неустроеву, и критикамъ послѣдняго: Л. Н. Майкову и Н. М. Петровскому («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1898 г., № 1, стр. 94, и «Извѣстія Отд. Русск. яз. и слов.» 1907 г., т. XII, кн. 2, стр. 307—308). Ср. также статью Я. К. Грота: «Фелица и Собесѣдникъ» въ «Современникѣ» 1845 г., т. XXXVIII, № 4, стр. 38—87.

склоннымъ сочинителямъ ни изъяснить моею благодарности, ни принести оправданія въ суровомъ обо мнѣ опредѣленіи автора «Фелици» ¹⁾).

Хотя я еще имѣлъ щастіе доставить въ послѣдующіе томы «Собесѣдника» кой какія бездѣлки ²⁾ и сочинить двѣ театральныя піесы ³⁾, но со всѣмъ тѣмъ упражненія мои въ литературѣ, такъ, какъ и карточная игра, не подавали мнѣ никакого средства къ содержанію себя, и я, наконецъ, видя невозможность жить въ Петербургѣ, писалъ къ генераль-губернатору Кречетникову, что я рѣшился вступить въ штатскую службу, прося его, чтобъ онъ опредѣлилъ меня въ намѣстничествахъ, имъ управляемыхъ; я скоро получилъ отвѣтъ съ благосклоннымъ обнадеживаніемъ, что я буду имѣть хорошее мѣсто, и чтобъ я немедленно къ нему пріѣхалъ. Собраться въ сію дорогу было для меня не безъ затрудненія, потому что находился безъ денегъ, а часто беспокоить пріятелей своихъ было для меня тягостно и несносно. По щастію моему я здѣлалъ знакомство съ П. Ф. Апраксинымъ ⁴⁾; онъ, узнавъ о намѣреніи моемъ удалиться изъ Петербурга въ намѣстничество, отвращалъ меня отъ того и приглашалъ быть ему

¹⁾ Слова Батурина не точны. Вотъ что писалъ ему Державинъ въ своихъ «Возраженіяхъ»: 1) «Ежели нѣтъ у Господина Невѣжды прекрасной женщины, которая бы пріятными своими объятіями нѣжила его осязаніе; то не благоволилъ ли онъ приказать себя кому хорошенько ожечь или высѣчь. Когда сіе ему сдѣлаетъ хотя небольшую боль, то вѣроятно всѣхъ ученыхъ доказательствъ, изъ собственнаго своего опыта познаетъ онъ, что оскорблять чувства, слѣдовательно и нѣжить можно. 2) Ни мало ни противорѣча тому, что хорошая поэзія пріятна во всякое время года, кажется, въ шуточномъ слогѣ удовольствіе, происходящее отъ нее, не пристойно сравнено съ тѣмъ, которое получается лѣтнею порою отъ лимонада, яко отъ напитка пріятнаго, сладкаго и прохладительнаго, слѣдовательно и нѣкоторую пользу приносящаго, тѣмъ болѣе, ежели Мураза, писавшій сію оду, не охотникъ до крѣпкихъ напитковъ, которые никогда у него въ умѣ никакого удовольствія не составляютъ, какъ-то у сего Невѣжды лимонадъ, а потому и сравненіе сіе измѣрялъ онъ по своему аршину» и т. д. («Собесѣдникъ», ч. IV, стр. 13 и соч. Державина, т. VII, стр. 506—507). Свои возраженія Державинъ оканчивалъ такъ: «Въ протчемъ, не коротко зная сочинителя, напрасно господинъ Невѣжда сожалѣетъ и заботится о немъ, что яко бы сдѣлалъ ему какую-то скуку возбужденіемъ его отъ сна похвалъ поднесенною своею свѣчкою: ибо свѣча его, какъ кажется, худо просвѣщаетъ, а сочинитель—человѣкъ сырой. спитъ всегда крѣпко и мало слушаетъ похвалъ; то и не огорчается, если кто и вздумаетъ пресѣкать оныя. Ежели жъ кто его и разбудитъ не дѣльно, то онъ безъ всякаго однаго сердца открывается: поди, братецъ, со своими пустяками отъ меня прочь и не мѣшай мнѣ спать» (См. «Собесѣдникъ», стр. 14—15 и Соч. Держ., тамъ же, стр. 508).

²⁾ «Бездѣлки» эти не были подписаны именемъ Батурина и опредѣлять ихъ можно только гадательно, безъ достаточныхъ основаній, какъ, напр., въ ч. X, стр. 145—158: «Щастливое излѣченіе зараженнаго болѣзнію сочинять» (авторъ ея нуждается, пишетъ комедіи, живетъ въ Петербургѣ), и др.

³⁾ См. выше. Б. М.

⁴⁾ Вѣроятно, графъ Петръ Ѳеодоровичъ Апраксинъ, впослѣдствіи генераль-лейтенантъ, умершій въ 1813 г.

помощникомъ въ строеніи торговаго его дому и войти въ какое-нибудь прибыльное предпріятіе. Я весьма много благодарилъ за добросердечіе его; но, скучась не имѣть вѣрнаго ничего своего и будучи увѣренъ испытаніями своими, что нещастіе, а можетъ и характеръ мой не могутъ позволить мнѣ снискать благополучіе способами, мнѣ не свойственными, отрекся отъ его предложенія. Онъ имѣлъ столько дружбы или, лучше сказать, добродушія, что снабдилъ меня нужными деньгами на дорогу, и я изъ его дому, которой онъ нанималъ въ двухъ верстахъ отъ Петербурга, поѣхалъ въ Москву.

Неудовольствіе тетки моей ¹⁾ на брата ²⁾ еще продолжалось, а ко мнѣ и совсѣмъ она была худого расположенія; слѣдственно, пріемъ ея меня не очень былъ ласкателенъ. Я поѣхалъ къ брату, которой, такъ какъ (это было) въ лѣтнее время, жилъ въ своей маленькой подъ Москвою деревнишкѣ; по щастію, я недолго отягощалъ его моимъ пребываніемъ, потому что скоро получилъ отъ Кречетникова письмо, коимъ онъ меня увѣдомлялъ что я ужъ опредѣленъ, и чтобъ я ѣхалъ къ своему мѣсту ³⁾.

II.

1783 г. Отъѣздъ въ Калугу на мѣсто Совѣтника Палаты Гражданскаго Суда.—Калуга.—Составъ служащихъ въ Палатѣ: Предсѣдатель, его Товарищъ и Секретарь.—Трудность дѣятельности судьи.—Любовная исторія.—Завѣдываніе Калужскимъ театромъ и типографіею.—Переводъ «Руководства игры театральной» Рикобони.—Сочиненіе комедіи «Любовная досада» и др.

Я весьма былъ радъ сему случаю, потому что чрезъ то освобождался быть въ тягость брату и теткѣ. И для того я немедленно отправился въ Калугу, гдѣ г. Губернаторъ принялъ меня весьма благосклонно, просилъ, чтобъ я всякой день его посѣщалъ, у него обѣдалъ бы и ужиналъ, что я съ охотою, по долгу и по благодарности моей, исполнялъ исправно; онъ чрезъ нѣсколько времени сдѣлалъ ко мнѣ привычку и желалъ, чтобъ я всегда съ нимъ былъ вмѣстѣ.

Калуга была тогда столицей обѣихъ намѣстничествъ: Тульскаго и Калужскаго и наполнена знатными оныхъ дворянскими фамиліями; стеченіе сего многолюдства, установленныя собранія, клубы и театръ, на коемъ играли хорошіе актеры, дѣлали пребываніе въ Калугѣ довольно веселымъ.

Я опредѣленъ былъ въ Гражданскую Палату Совѣтникомъ.

¹⁾ Дарья Борисовны Киселевой, вдовы подпоручика Петра Киселева; намъ не извѣстно, была ли она теткою Батурина со стороны отца или его матери.

²⁾ О братѣ Батурина, умершемъ въ концѣ 1790-хъ гг. (см. ниже), намъ ничего не извѣстно.

³⁾ Совѣтника Калужской Палаты Гражданскаго Суда.

При первомъ моемъ входѣ въ судилище я почувствовалъ нѣкое священное движеніе въ душѣ моей, происходящее отъ воображенія, что отъ должности судящихъ зависитъ благосостояніе и жизнь человѣка; и съ взволнованіемъ духа увидѣлъ, что собратіи мои, устами коихъ справедливость и законъ возвѣщались, не имѣли никакого понятія о важной своей должности и не заботились, дабы съ познаніемъ оной и совѣстію, не подверженной справедливому нареканію, отправлять обязанность свою; я нашелъ ихъ совершенно не знающими законовъ, не умѣющими мыслить и разсуждать о дѣлахъ, сужденію ихъ подлежащихъ.

Предсѣдатель нашъ былъ нѣмецъ ¹⁾, которой не только не зналъ законовъ, но по природѣ своей и не много разумѣлъ языкъ Руской. Онъ былъ любимецъ Генераль-Губернатора, а потому и думалъ, что къ отправленію его должности другаго ничего не нужно, какъ безмѣрное самолюбіе и гордость, которою онъ отягощалъ въ обхожденіи сочленовъ своихъ, и коихъ онъ умѣлъ такъ поработить кредитомъ своимъ и Намѣстника, что они безмолвно, а иногда и не читавъ, подписывали всѣ бумаги, которыя Секретарь ²⁾, написавъ по своемумыслию своему, предлагалъ къ Нѣмецкому Предсѣдателю на мнимую апробацію, потому что сей, по незнанію своему языка и законовъ, принужденъ былъ отдать ему всю свою повѣренность и принимать все за дѣльное, что онъ представлялъ ему. Товарищъ мой, другой Совѣтникъ, также былъ Нѣмецъ ³⁾; онъ Россійской языкъ зналъ немного получше Предсѣдателя, но въ невѣдѣніи законовъ ему не уступалъ; два Ассесора хотя и были Рускіе⁴⁾,—однако, имѣли самыя тѣ же недостатки къ сужденію дѣлъ, какіе и первые двое; можетъ быть находились въ нихъ и другія качества, не способствующія къ чистому отправленію дѣлъ, но по глубокости незнанія своего употреблять ихъ были не въ состояніи, а потому и почитали вѣрнымъ оракуламъ все, что Секретарь имъ сказывалъ, и должность ихъ въ Палатѣ состояла только въ томъ, чтобы резолюціи, написанныя Секретаремъ и внесенныя въ журналъ, вписывать съ подобострастною точностію въ докладной реестръ, съ коего долженствуетъ быть написанъ журналъ, а не съ сего докладной реестръ, какъ въ той Палатѣ дѣлалось.

Я, оглядѣвъ собратій моихъ, положилъ твердое намѣреніе не быть имъ подобнымъ и не занимать такимъ недостойнымъ образомъ важное мѣсто судящаго о участи ближняго своего; а напротивъ то-

¹⁾ Статскій совѣтникъ Ефремъ Ефремовичъ Мейснеръ, кавалеръ Владиміра 3 степени («Мѣсяцесловъ» 1788 г., стр. 145).

²⁾ Секретаремъ въ Палатѣ Гражданскаго Суда былъ Василій Борисовъ.

³⁾ Надворный совѣтникъ Христофоръ Григорьевичъ Фонштегъ.

⁴⁾ Аврамъ Тимофеевичъ Щербачовъ и Матвѣй Курендовичъ.

го, всѣми силами стараться пріобрѣсть достаточное знаніе въ законахъ, дабы, согласно съ оными, съ справедливостію и совѣстію опредѣлять сужденія мои. Но сколько мнѣ затрудненій къ тому предстояло! Въ какомъ источникѣ оное познаніе черпать надлежало, мнѣ было не извѣстно, ибо законовъ печатныхъ не много тогда было и тѣ, кромѣ нѣкоторыхъ указныхъ книгъ, печатаны были порознь и не во всякомъ присутственномъ мѣстѣ находились. Секретари, хотя имѣли нѣкоторыя собранія подъ названіемъ «Свода законовъ», но они съ ревностію хранили ихъ отъ желающихъ познать оныя, а паче отъ присутствующихъ,—подобно древнимъ Гіерофантамъ, хранившимъ тайны свои, дабы не потерять уваженія отъ несмысленныхъ; такъ и секретари судебныхъ мѣстъ, дабы они могли руководствовать въ дѣлахъ судящими и быть указателями законовъ, по мѣрѣ прибыли, имъ отъ такого присвоенія приносящей, укрывали законы отъ присутствующихъ. Нашъ Секретарь по многимъ отъ меня прозьбамъ, наконецъ, велѣлъ,—конечно съ умысла,—списать для меня Сводъ тяжёбныхъ дѣлъ законовъ такому писцу, которой почти грамотѣ не умѣлъ, такъ что я, со всѣмъ моимъ прилежаніемъ, понять, что онъ намаралъ, не могъ и половины разумѣть, что въ томъ Сводѣ содержалось, а потому и труды мои на понятіе такого безобразнаго писанія были безплодны, и я уже старался узнать сколько возможно законы способомъ выписокъ оныхъ, дѣлаемыхъ Секретаремъ подъ экстрактами дѣлъ; я всегда ихъ прочитывалъ и въ особливую для себя тетрадь по матеріямъ вписывалъ, что Секретарямъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ я присудствовалъ, весьма было непріятно.

Теперь я вступаю въ описаніе части жизни моей, которая, хотя не такъ занимательна, какъ можетъ быть та, въ которой описаны заблужденія молодости моей и превратности, мною испытанныя,—однакожъ, заслуживаетъ нѣкотораго вниманія по причинѣ сопряженія въ оной политическихъ обстоятельствъ съ частными; но прежде, нежели начать повѣствованіе новаго моего шествія по пути, Оемидою начертанному, я расскажу еще одно случившееся со мною любовное происшествіе и о ничтожныхъ или по крайности маловажныхъ моихъ упражненіяхъ до того времени, пока пріобрѣтенное мною нѣкоторое познаніе въ дѣлахъ и законахъ позволили мнѣ поступать согласно званію моему.

Я здѣлалъ знакомство съ однимъ чиновникомъ, котораго домъ считался изъ лучшихъ домовъ дворянства; имѣющаго тамъ пребываніе свое. Онъ имѣлъ у себя сестру, хотя уже не первой молодости, однако довольно прелестей имѣвшую, чтобы возбудить нѣжныя чувствованія [а паче въ такомъ человѣкѣ, которой почиталъ оныя первѣйшею надобностію]. Пріятное удовольствіе

видѣть особу, имѣющую право мнѣ нравиться, скоро превратилось въ любовь, которую я, также будучи ужъ въ лѣтахъ цѣломудрія, то есть, близу уже сорока лѣтъ, почувствовать могъ. Я старался узнать разположеніе ея и примѣтилъ, что маленькіе мои ей угожденія и знаки привязанности къ ней не были ей противны; однако жъ, я безпокоился тѣмъ, что одинъ нашъ братъ Совѣтникъ былъ нѣсколько фамиліярнымъ въ домѣ и съ нею; а особливо при здравствованіи и при прощаніи употребляемые ими поцѣлуи приводили меня въ нѣкоторое сомнѣніе. Я не только не могъ такими же привѣтствіями пользоваться, но не имѣлъ смѣлости въ подобныхъ случаяхъ и руки поцѣловать. Однако жъ, я продолжалъ стараться поспѣшностію моею ко всѣмъ маленькимъ услугамъ, которыя отъ вниманія къ занимающей насъ особѣ происходятъ, показывать ей, сколько я былъ ею тронутъ; между тѣмъ, соперникъ мой принужденъ былъ по послѣдствію несчастнаго съ нимъ приключенія удалиться и я, не имѣвъ больше преграды къ снисканію ея благосклонности, достигъ, наконецъ, до пріобрѣтенія ея дружбы, которая увѣнчала желанія мои. Но, несмотря на сіе, тайныя наши свиданія были затруднительны и опасны. Братъ ея былъ горячъ и вспыльчивъ; проницаніе его было не на высокой степени, а потому онъ иногда нѣкоторыя вольности почиталъ позволительнымъ обычаемъ, а иногда знаки дружеской привязанности, сопровождаемая съ скромностію и заключающіеся въ исправномъ окруженіи благопристойности, признавалъ поступками подозрительными; отъ сего часто смотрѣлъ на дѣйствія мои, изъясляющія дружбу мою къ нему и почтительную преданность сестры его такъ, какъ на хитрость, страстію внушенную, для полученія удовольворенія въ желаніяхъ своихъ; и мы принуждены были употреблять всевозможную осторожность въ свиданіяхъ нашихъ. Я не имѣлъ къ тому другого средства, какъ прихаживать въ домъ моей любезной тогда, когда уже всѣ спали, и какъ оной былъ въ два этажа, то и должно мнѣ было лазить въ покои ея въ окошко по веревкѣ, и мнилъ наслаждаться совершеннымъ благополучіемъ и быть единственнымъ обладателемъ сердца ея. Она меня увѣряла, что одна только безмѣрная страсть понудила ее мнѣ всѣмъ пожертвовать и закрыть глаза на опасности и на всю неблагопристойность моихъ ея посѣщеній, въ чаяніи въ томъ, что я оправдаю ея сильнѣйшую ко мнѣ любовь и возьму то средство, которое прекратитъ наше мученіе скрывать взаимную нашу страсть и опасность, которой мы подвергаемся: я—быть отъ людей убитымъ или, по крайности, изувѣченнымъ, а она—лишиться доброй своей славы и поссориться съ родственниками своими, а для того и заклинала меня, чтобы я какъ можно

скорѣе, наконецъ, доказалъ ей любовь мою. Наша дружба, хотя здѣлалась безо всякихъ условій по самопроизвольному съ обѣихъ сторонъ побужденію, и я никакой обязанности не имѣлъ выполнить ея требованіе; однако, я не далекъ былъ согласиться на то, чего она желала. Неискренность и лукавство, несмотря на хитрость, имѣ свойственную, часто незапною неосторожностію, состоящею иногда въ одномъ словѣ или ухваткѣ или взглядѣ, сами себѣ измѣняютъ; моя красавица мгновеннымъ ослабленіемъ своего притворства и, конечно, непреодолимымъ побужденіемъ пріятному послѣдованію истинныхъ своихъ чувствованій, подала мнѣ нечаянно причину примѣтить, что я былъ не такъ счастливъ, какъ воображалъ, и что одинъ молодой человѣкъ, живущій у нихъ въ домѣ, имѣлъ съ нею согласіе, подобное моему. Сіе открытіе много меня безпокоило, и хотя всѣ замѣчанія оправдывали подозрѣнія мои, однако жъ, я не допускалъ ихъ возмущать сердце мое, покуда я не могъ имѣть несомнѣннаго доказательства, избличающаго невѣрность ея. Сперва мнѣ казалось очень странно, чтобъ женщина такого состоянія хотѣла имѣть двѣ интриги и подвергаться непріятному отъ нихъ послѣдствію, но, размысливъ поприлежниѣ, увидѣлъ, что сіе происходило отъ того, что, какъ она была дѣвица такихъ лѣтъ, которыя въ разборѣ жениховъ мало оставляютъ времени, то она и старалась притворною любовію, будто принудившею ее учинить страстное пожертвованіе мнимому любовнику, почитающему себя любимымъ, привлечь его въ супружественное обязательство; но какъ при такой ея политической любви она, можетъ быть, имѣла склонность справедливую, то и старалась согласить такіе два противныя дѣйствія, дабы, при удовлетвореніи сердечныхъ своихъ желаній, найти, наконецъ, человѣка, которой бы избавилъ ее дѣвическаго званія. Думая такимъ образомъ найти причину поведенія провинціальной моей Дюльцинеи, я старался въ томъ удостовѣриться; для того одинъ день, какъ она приглашала меня прити въ обыкновенное время, сказалъ ей, что будто нѣкое обстоятельство мнѣ тотъ вечеръ прити къ ней препятствуетъ,—однако жъ, буду стараться не лишить себя того удовольствія, и есть ли будетъ не опоздаю, то приду; и для того, пропустивъ время столько, сколько надлежало, чтобъ она могла быть увѣрена, что я уже не буду, пошолъ къ ней въ томъ разумѣ, не найду ли съ нею домашняго ея любовника, утѣшающаго ее въ скукѣ, причиненной отсутствіемъ моимъ.

Въ самомъ дѣлѣ, подшедь подъ стѣну ея спальни и вскарабкавшись кое-какъ безъ веревки къ окошку, я услышалъ въ комнатѣ тихимъ голосомъ разговоры, которые не оставляли мнѣ

никакого о томъ сомнѣнія, о чемъ я узнать старался. Я хотѣлъ было удалиться, никогда ее не видать и навсегда забыть лукавую любовницу, которая столь была искусна ослѣплять любовниковъ своихъ, которыхъ она готовила въ свои супруги и удовлетворяетъ сердечнымъ своимъ склонностямъ. Однако жъ, разсудилъ лучше прервать ихъ увеселеніе и вскочить къ нимъ въ горницу, чтобы осыпать упреками непостоянную, а маленькаго щастливца ударами трости своей; но запертыя свнутри окончины мнѣ то произвести въ дѣйствіе помѣшали; я стучалъ въ стекла, чтобъ мнѣ отворили, но мнѣ ничего не отвѣтствовало; шумъ былъ бесполезенъ и опасенъ. И такъ, я пошелъ домой съ досадою и горестію въ сердцѣ моемъ; любовь, которую я къ ней чувствовалъ, не позволяла мнѣ исполнить того намѣренія, которое я тотчасъ было предпріялъ, чтобъ удалиться навсегда отъ нея, а положилъ съ нею изъясниться и стараться склонить ее оставить помощника, коего она мнѣ выбрала. На другой день я получилъ отъ нея письмо, въ коемъ она мнѣ описывала сожалѣніе, что я къ ней не могъ придти, что она ждала меня очень долго и, помышляя безпрестанно о восхитительномъ удовольствіи, которое она со мною имѣть лѣстилась, наконецъ заснула. Мнѣ легко можно было изъ сего видѣть лукавство, которое она употребляла, чтобы извиниться въ томъ, что мнѣ окошко неотворила, и чтобъ увѣрить меня, что будто у ней никто не былъ ионаспала, когда я приходилъ и стучалъ въ окончину. Напротивъ того я съ сердцовъ въ отвѣтъ своемъ описалъ все ея коварство и презрительной ея поступокъ, ей не приличествующіе, прибавя къ тому, что хотя бы я и долженъ былъ престать ее любить и прервать всякое съ нею сношеніе, но какъ я имѣю большую къ ней страсть, то дѣлать ей сего не въ силахъ, что я желаю обо всемъ съ нею изъясниться, и чтобъ для того она назначила мнѣ время. Она мнѣ на то не отвѣчала, а когда я, по обыкновенію моему, къ нимъ пріѣхалъ въ домъ, тогда она притворилась быть нездоровой и имѣть видъ печальной, съ отчаянностію смѣшенной, и казалась притомъ взглядывать на меня съ нѣкоторой робостію. Я нашелъ случай спросить ее, съ полнымъ ли удовольствіемъ она ту ночь проводила; она мнѣ отвѣчала, что я очень несправедливъ и жестокъ, и что есть ли я хочу придти къ ней слѣдующую ночь, то я увижу, что я въ большемъ заблужденіи. Я сказалъ, что я на то согласенъ, лишь бы только она не такъ крѣпко спала. И дѣйствительно, при семъ моемъ ее посѣщеніи, я нашелъ ее ожидающую меня; она мнѣ дѣлала премножество нѣжныхъ ласковостей, говоря притомъ, какъ она много несчастлива, что я могъ взять такіа противныя свойству ея и любви, которую она ко мнѣ имѣетъ, мысли; причемъ

всячески старалась увѣрить меня, что прошлую ночь, ожидая меня, такъ крѣпко заснула, что не слыхала какъ я въ окно стучалъ. Я, видя, что она къ выведенію меня по мнѣнію ея изъ заблужденія не имѣла ничего другаго сказать, то, чтобъ досадныя чувствованія отдалить отъ пріятныхъ, которыя свиданіе мое съ нею во мнѣ возбуждало, притворился будто вѣрить оправданіямъ ея. По совершенію мира нашего любовь моя къ ней много убавилась: я всегда извинялъ слабости женщинъ, происходящія отъ нѣжности сердца, но не могъ прощать лицемѣрства и коварнаго обхожденія. Сперва я отдавалъ слабости ея начетъ больше любви и вольному разсужденію, нежели низкой причинѣ порока; но, увидя поведеніе ея, столь мало согласующееся съ тѣми чувствованіями, которыя я ей приписывалъ, утвердился въ намѣреніи своемъ уклониться отъ торжественнаго съ нею обязательства, которое бы необходимо больше горести, нежели услажденія могло пролить на жизнь мою.

А послѣ того скоро я имѣлъ въ посѣщеніи любовницы моей очень не забавное для меня происшествіе, которое приписываю къ ревности соперника моего и мщенію за презрѣніе, мною ему оказываемое. Въ одну ночь, какъ, по обыкновенію моему, лѣзъ по стѣнѣ, держась за веревку, чтобы достигнуть до окошка, я ощутилъ по себѣ ударъ дубиной, которой принудилъ меня тотчасъ сброситься на землю, и, увидя себя окруженнымъ нѣсколькими людьми и дворецкимъ, которые, упрекая мнѣ безчестіе, будто наносимое дому ихъ, хотѣли дѣлать мнѣ еще нѣсколько ударовъ имѣющимся въ рукахъ у нихъ дреколѣмъ; но я тотчасъ, отскочивъ къ близъ стоящему забору, сталъ защищаться шпагою, которую я всегда при себѣ имѣлъ, и повторялъ наступающимъ на меня, что первой, которой приблизится ко мнѣ, будетъ отправленъ на тотъ свѣтъ; угрозы мои и сверкающее оружіе удержало ихъ стремленіе и дало мнѣ время нѣсколько удалиться отъ дому. Они, не отваживаясь уже больше дѣлать среди улицы на меня нападенія, которое бы казалось больше грабежемъ, нежели заступаніемъ за мнимую честь дома ихъ, пустили на меня большую собаку, стерегущую дворъ ихъ, отъ которой я не могъ иначе оборониться, какъ проткнуть ее насквозь шпагою, и потомъ, не видя больше ни двухъ, ни четвероножныхъ непріятелей, на меня нападающихъ, пошелъ съ непріятнымъ размышленіемъ, что любовь моя кончилась трагикомическимъ приключеніемъ; для того, что послѣ сего случая я уже положилъ прекратить ночныя и дневныя мои посѣщенія красавицы. Братъ ея, узнавъ о всемъ, что въ ту ночь произошло, на другой день отправилъ ее въ деревню, а самъ, не много поживъ еще въ городѣ, чтобъ скорымъ и нечаян-

нымъ отбытіемъ не подать причины о таковомъ неожиданномъ его отсутствіи насмѣшливымъ или лукавымъ толкованіемъ, перенесъ пребываніе свое въ Москву.

Сожалѣніе мое о разлученіи нашемъ мнѣ было бы больше отяготительно, если бы оно не умѣрялось мыслью о невѣрности и лукавствѣ моей красавицы, предвзявшей сдѣлать изъ меня щитъ для прикрытія и славы, и страсти своей.

Послѣ, находясь въ Москвѣ по причинѣ прибытія туда Двора, я съѣхался съ ней въ одномъ домѣ; сія нечаянная встрѣча подала намъ случай возобновить наше знакомство. Она жила одна въ домѣ нѣкоего своего родственника, и я могъ безъ всякаго помѣшательства къ ней ѣздить; однако-жъ, примѣтя интригу ея, чтобъ меня принудить, такъ, какъ человѣка, имѣющаго тѣсную дружбу съ дѣвицею, окончить оную тою развязкою, каковою обыкновенно подобныя знакомства оканчиваются,—удалился отъ нея навсегда.

При отправленіи должности моей я имѣлъ отъ Намѣстника ¹⁾ два особенныя порученія: одно—управлять театромъ ²⁾, а другое—типографіею ³⁾, которую онъ, по представленію моему, учредилъ

¹⁾ М. Н. Кречетникова.

²⁾ О Калужскомъ театрѣ см. цитированную въ Предисловіи брошюру Д. А. Малинина: «Начало театра въ Калугѣ. (Къ исторіи Калужскаго театра въ XVIII вѣкѣ)», Калуга, Губернская Типо-Литографія, 1912 г., 8°, 42 стр., Ц. 20 коп. Въ этой работѣ г. Малининъ, по сообщенію С. П. Яремича, использовалъ настоящія страницы Записокъ Батурина, касающіяся дѣятельности послѣдняго въ роли руководителя Калужскаго театра, поставивъ въ связь эти страницы съ другими историческими данными по тому же вопросу,—между прочимъ и архивными документами, опустивъ, однако, изъ виду упоминанія и рассказы о театрѣ въ Калугѣ, находящіеся въ Запискахъ А. Т. Болотова.

³⁾ Сводъ свѣдѣній о Калужской типографіи данъ въ работахъ В. П. Семенникова: 1) «Литература и книгопечатаніе въ провинціи со времени возникновенія гражданскихъ типографій по 1807 годъ» въ «Русскомъ Библіофилѣ» 1911 г., № 6—8 (и отд. отт.) и 2) «Библиографическій списокъ книгъ, напечатанныхъ въ провинціи со времени возникновенія гражданскихъ типографій по 1807 годъ»,—тамъ же, 1912 г., № 2—3 (и отд. отт.). Исторія Калужской типографіи рассказана въ первой статьѣ В. П. Семенникова, подъ № III (стр. 16—20 оттиска), съ приведеніемъ источниковъ, а во второй—данъ перечень изданій типографіи, съ пятью снимками съ четырехъ изъ нихъ,—въ томъ числѣ три снимками съ двухъ книжекъ сочиненныхъ, какъ видно изъ нижеслѣдующаго, именно Батуринымъ: 1) «Колумбъ въ Америкѣ. Въ Калугѣ. Съ дозволенія указнаго. 1786 года» и 2) «Краткое повѣствованіе о Аравлянахъ. Въ Калугѣ. Съ дозволенія указнаго. 1787 года» (I. с., № 2, при стр. 48; отд. отт., при стр. 2). В. П. Семенниковъ перечисляетъ всего 5 книжекъ, напечатанныхъ въ типографіи за время 1785—1788 г., т.-е., за періодъ управленія ею Батурина, а именно, кромѣ указанныхъ выше двухъ, еще: «Собраніе разныхъ нравоучительныхъ повѣствованій и басенъ. Переводъ съ нѣмецкаго», 1785 г. (принадлежащее, какъ теперь выясняется, также Батурину, включившему въ сборникъ нѣсколько басенъ своего собственнаго сочиненія), и два изданія комической оперы князя Д. П. Горчакова. Что же касается сочиненнаго Батуринымъ «возраженія на книгу о заблужденіяхъ и истинѣ, содержащую науку Мартинистовъ, обнаруживающее таинственные ихъ числа и прочія

при Губернскомъ Правленіи и отдалъ ее мнѣ въ собственную мою пользу. Хотя сіе отвлекало меня отъ старанія и трудовъ пріобрѣсть нужное познаніе, относящееся до званія моего; но, по склонности моей къ музыкѣ, театру и литературѣ,—предметы, коими по управленію театра и въ содержаніи типографіи заниматься долженъ былъ, я съ удовольствіемъ дѣлилъ время мое между должности и сими упражненіями, стараясь привести театр и типографію въ лучшее состояніе.

Актеры ¹⁾ хотя играли изрядно, однако жъ далеко были отъ совершенства искусства своего. Я написалъ имъ Руководство игры театральной, которое перевелъ изъ славнаго итальянскаго автора и актера Рикобонія, содержащее многія весьма нужныя наставленія для актеровъ, какъ-то, напримѣръ: о тѣлодвиженіи, голосѣ, театральной понятіи, чувствіяхъ, любовникахъ, роляхъ карактерныхъ, роляхъ смѣшныхъ и низкихъ; о возбужденіи смѣха, движеніи лица, игрѣ театральной и, наконецъ, о соглашеніи игры вообще между актерами, находящимися на сценѣ. Сей театральной катихизисъ находился въ репетиционной залѣ и, во время репетиціи роль, лежалъ на столѣ развернуть, дабы всякой актеръ могъ видѣть правила, относящіяся до роли его. Сперва самолюбіе актеровъ моихъ было тѣмъ не довольно: имъ казалось странно, что человѣкъ, которой не есть самъ актеръ, могъ имъ указывать, какъ дѣйствовать имъ въ роляхъ, и поправлять игру ихъ; однако жъ, скоро увидѣли, сколь много полезны имъ были данныя отъ меня правила: они почувствовали розницу играть наудачу или рутинною съ познаніемъ прямого театрального искусства. Одна только актриса, которая была съ Московскаго театра, а потому и думала, что она была лучше всѣхъ, презирала или, лучше сказать, не понимала наставленія, начертанныя въ Руководствѣ; и я на репетиціи долженъ былъ ее принуждать относящіяся наставленія до роли ея прочитывать; но, видя, что она ни доброй воли, ни разуму столько не имѣла, чтобъ понять правила игры ея, не принуждалъ больше ее къ тому, почему она и осталась навсегда такою же дурною актрисою, какою прежде была.

нелѣпости» (см. ниже), а также «нѣкоторыхъ одъ и словъ проповѣдниковъ Калужскихъ и Тульскихъ», напечатанныхъ въ Калужской типографіи, то таковыя г. Семенникову остались неизвѣстными.

¹⁾ Отсюда до словъ: «Относящіяся до роли ихъ»—напечатано С. П. Яремичемъ въ статьѣ его: «О театральныхъ постановкахъ въ XVIII вѣкѣ»—«Старые Годы» 1911 г., июль—сентябрь стр. 131. О Рикобони-отцѣ и сынѣ—и о ихъ сочиненіяхъ по теоріи театрального искусства см. въ книгѣ князя С. М. Волконскаго: «Выразительный человѣкъ», С.-Пб., стр. 164, примѣч.

Я старался снабжать актеровъ своихъ лучшими операми и комедіями; а при томъ осмѣлился имъ дать сыграть и своихъ двѣ піесы, которыя я, конечно, въ число лучшихъ не полагаю. Къ сочиненію оныхъ я почерпнулъ идею изъ французскихъ и изъ итальянскихъ авторовъ; каждая изъ нихъ была въ одномъ дѣйствіи, — первая подъ названіемъ: «Любовная досада» ¹⁾, была основана больше на чувствіяхъ, нежели на дѣйствіи; сюжетъ ея состоялъ въ томъ, что одна дѣвушка совершенныхъ лѣтъ, живучи по своей волѣ, вздумала сдѣлаться менторомъ ²⁾ одного молодого человѣка, нѣсколько ея моложе, и научить его хорошаго и благопристойнаго обхожденія съ женщинами; но любовь, вкравшись въ сердце ея, изъ наставницы сдѣлала любовницу; ученикъ ея такъ же влюбился въ нее, но уроки скромности, которые онъ отъ нея получалъ, не допускали его сдѣлать ей откровеніе; а она при ласковостяхъ своихъ, ему оказываемыхъ, думала, что наставленія ея должны только относиться къ другимъ женщинамъ, а не къ ней; но, видя, что онъ ни слова о любви ей не говоритъ, пришла на него въ досаду, которую молодой человѣкъ приписалъ къ ея капрису, и самъ съ досады уѣхалъ въ Петербургъ, что любовницу его такъ разсердило, что она съ досады вышла замужъ. Молодой человѣкъ, услыша о семъ, старался забыть такую, которая, по мнѣнію его, не имѣетъ любви къ нему; однако жъ, такъ случилось, что она скоро овдовѣла, при каковомъ извѣстіи чувствованія его возобновились, и онъ тотчасъ поскакалъ въ Москву, чтобъ въ страсти своей ей сдѣлать откровенность. Но, пріѣхавъ въ Москву, невѣрные слухи увѣдомили его, что будто она опять сговорила итти замужъ; она, съ своей стороны, узнавъ, что онъ возвратился въ Москву, а у ней не былъ, съ досады въ самомъ дѣлѣ одному изъ сватающихся за нее дала слово итти за него; но послѣ они нашли случай изъясниться и узнать, что они съ начала самаго ихъ знакомства другъ друга любить не преставали, что они были въ заблужденіи, и что одна только пустая досада была причиною всему ихъ мученію.

Другая піеса ³⁾ состояла въ томъ, что одинъ любитель рѣдкостей имѣлъ у себя дочь, въ которую влюбленъ былъ одинъ небогатой женихъ; и чтобъ выиграть дружбу отца и склонить его выдать ее за него, онъ изыскивалъ для него всякія рѣдкости и находилъ средства покусать ихъ, чтобъ дѣлать ему подарки, чѣмъ и дѣйствительно успѣлъ получить отъ него обѣщаніе выдать за него дочь свою; но до совершенія брака ихъ онъ принужденъ

¹⁾ Напечатана не была. Б. М.

²⁾ Т.-е., менторомъ, руководителемъ.

³⁾ Она тоже, повидимому, не была издана.

былъ, чтобы не потерять хорошаго разположенія къ себѣ будущаго тестя и тѣмъ не лишиться невѣсты своей, доставать всякія вещи, имѣющія подобіе древности, а сіе и было причиною обману, сдѣланному ему слугою его, которой былъ также влюбленъ въ служанку невѣсты господина своего, и которую побѣждать ему было надобно деньгами, а не рѣдкостями; для того, согласясь съ однимъ мошенникомъ, вздумалъ, чтобы ему переобразиться въ древняго какого ни есть истукана, которой продать барину своему для подарка будущему тестю, и когда онъ будетъ принесенъ къ любителю рѣдкостей, тогда у него что-нибудь украсть, способомъ чего довольно будетъ имѣть денегъ для полученія успѣха въ любви своей. Для сего и разсудили сдѣлать изъ картузной бумаги голову, которую влюбленному слугѣ надлежало надѣть на свою, по самые плечи, и залѣзть въ ящикъ, изъ коего бы одна голова была видна. И лишь только слышалъ баринъ его, что продаютъ истукана, представляющаго древняго идола, по разнымъ выдумкамъ, гдѣ взять денегъ, наконецъ, для подарка отцу невѣсты, купилъ онаго и продавца, сказавшагося великимъ собирателемъ рѣдкостей, привелъ къ нареченному тестю, чтобы тотъ прочелъ ему реестръ своихъ рѣдкостей, а самъ пошелъ заставить поспѣшить принести скорѣе истукана. Между тѣмъ, мнимый продавецъ онаго читаетъ реестръ свой, на которое чтеніе, по названіи всякой вымышленной фальшивымъ продавцомъ рѣдкости, служанка дѣлаетъ свои примѣчанія. Продавецъ читаетъ:

«Нохти на подобіе кошечьихъ когтей, коими одна богомолка въ старину у дѣвокъ своихъ глаза царапала».

Служанка замѣчаетъ: «Хорошо, что нынѣ етова нѣтъ, а то многія наши бы сестры отъ глазъ своихъ прибыли не имѣли».

«Карманное зеркало, которое уменьшеніемъ рта, увеличиваніемъ глазъ прибавляетъ красоты и притомъ научаетъ всѣ черты лица такъ передѣлывать, что и дурное можетъ казаться пріятнѣйшимъ; оно выдуманно одною щеголихою, а приведено въ совершенство нѣкимъ самолюбомъ».—

—«Что за рѣдкость! нынѣ почти у всѣхъ щеголихъ и щеголей есть такія зеркала!»

«Камень, который тускнеть при всякой учиненной отъ жены невѣрности, составленной однимъ ревнивымъ».

Служанка на сіе говоритъ, что этакіе камни нынѣ не нужны, потому что нынѣ и безъ камней невѣрности барынь извѣстны, потому что онѣ интригъ своихъ не только не скрываютъ, но еще и тешатся ими.

«Кусокъ дерева, корень котораго былъ въ сердцѣ жены: а сучья росли изъ головы мужа».

Служанка: «Нынче етова дерева, какъ дровъ, вездѣ много».

Потомъ приносятъ ящикъ съ болваномъ и становятъ его стоймя, и какъ въ верхнемъ концѣ онаго доски нѣтъ, то изъ онаго и видна голова бумажная, надѣта на слугу, а туловища за доскою ящика, которая отворяется и затворяется, не видно. Женихъ уводитъ продавца, чтобъ ему заплатить деньги, а любитель древности остается съ истуканомъ, осматриваетъ его и уходитъ въ кабинетъ свой, чтобъ принести книги, по коимъ можно было бы узнать, какое божество или ироя тотъ истуканъ представляетъ; тѣмъ временемъ, какъ слуга, преображенной въ истукана, остается съ служанкою, для которой любовь заставила сіе мошенничество сдѣлать, кличетъ любезную свою, чтобъ она къ нему подошла; но она, испугавшись, уходитъ сказать барину, что идолъ говорить; а слуга, между тѣмъ, выскочивъ изъ ящика, уноситъ со стола табакерку и одинъ подсвѣчникъ; послѣ чего тотчасъ приходитъ господинъ съ служанкою и бранить ее за пустые ея бредни; но она его увѣряетъ, что она точно слышала, какъ истуканъ его говорилъ, и отъ того же страха, которой причинили ей разговоры его, уходитъ: а господинъ ея, оставшись съ истуканомъ, подходитъ къ ящику, чтобы его разтворить и посмотрѣть, нѣтъ ли какойнибудь на болванѣ надписи, но слуга, боясь, чтобъ онъ, отворя ящикъ, вмѣсто болвана не увидѣлъ живого человѣка, сталъ трестъ головою, чтобъ испугать его, отъ чего сей и въ самомъ дѣлѣ испугался и кликалъ къ себѣ людей, а слуга, увидя, что его узнаютъ, выскочилъ изъ ящика и ушелъ. Послѣ сего будущій зять его приходитъ и рассказываетъ, что обоихъ мошенниковъ, которые ихъ обманули продажею истукана, поймали, коихъ тотчасъ и приводятъ на сцену: тутъ онъ узнаетъ своего слугу, которой признается, что любовь заставила его сдѣлать сію неудачную выдумку, чтобы чѣмъ-нибудь подарить на именины любовницу свою; ихъ отводятъ для наказанія, и слуга, прощаясь съ любовницей своей, которая больше любитъ деньги, нежели его, говоритъ ей: «Прощай, сокрушительница сердца и спины моей»; а та ему отвѣчаетъ: «Прощай, смѣшной волокита и глупой воръ!» Потомъ господинъ ея объявляетъ, что, сыгравши свадьбу, они всѣ поѣдутъ въ деревню, гдѣ онъ будетъ стараться о приобрѣтеніи естественныхъ рѣдкихъ твореній, и слѣдовать вездѣ за природою, гдѣ она устраиваетъ свои чудеса; а служанка оканчиваетъ піесу, сказавъ, что любовныя чудеса превосходятъ всѣхъ на свѣтѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Прерванный юбилей.

50-лѣтній юбилей Университета св. Владиміра въ 1884 г. прошелъ при совершенно необычной обстановкѣ и ознаменовался рядомъ скандаловъ. Юбилей совпалъ съ введеніемъ полицейскаго университетскаго устава 1884 г., отмѣнившего университетскую автономію, признававшего студентовъ одиночными посѣтителеми университетовъ, запретившаго студенческія сходки, собранія, кружки, общества, введеніемъ назначеніе не только университетской администраціи, ректора, декановъ, но и профессоровъ, замѣнившего проректора инспекторомъ и его помощниками, введеніемъ въ университетъ гонорарную систему платы за слушаніе лекцій, студенческіе паспорта-матрикулы; началась и чистка университетовъ, увольненіе наиболѣе популярныхъ профессоровъ, заподозрѣнныхъ въ либерализмъ; студенты были всецѣло предоставлены вѣдѣнію полиціи. Студенчество университета св. Владиміра считалось однимъ изъ самыхъ безпокойныхъ. Въ концѣ 70 и въ началѣ 80 годовъ въ университетѣ происходили постоянныя сходки по всевозможнымъ поводамъ общимъ и частнымъ.

Ректоромъ университета былъ тогда проф. Н. К. Ренненкампфъ (юристъ), болѣе извѣстный какъ ловкій дѣлецъ, чѣмъ какъ ученый—членъ совѣта разныхъ банковъ, товарищъ городского головы, а потомъ и городской голова г. Кіева, человекъ умный и ловкій, *persona grata* у начальства, но среди студентовъ пользовавшійся совершенно опредѣленной репутаціей. Проректоромъ (инспектора еще не успѣли назначить) былъ проф. зоологіи Паульсенъ.

Юбилей предполагалось отпраздновать торжественно. Исторія университета за истекшее 50-лѣтіе и актовая рѣчь были поручены проф. М. Ф. Владимірскому-Буданову, біографическій словарь профессоровъ университета и академическіе списки составлены были проф. В. С. Иконниковымъ. Разосланы были приглашенія разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ, бывшимъ профессорамъ и студентамъ, ожидали прибытія нѣкоторыхъ

министровъ. Однако университетское начальство получило какія-то секретныя свѣдѣнія, будто студенты готовятся устроить во время юбилея скандалъ. На этой почвѣ произошелъ конфликтъ между университетскимъ начальствомъ и тогдашнимъ кievскимъ генераль-губернаторомъ А. Р. Дрентельномъ.

Дрентельнъ былъ человѣкъ честный и прямой; какъ человѣкъ военный, онъ смотрѣлъ прямо въ лицо долгу, ненавидѣлъ пути окольные, дипломатію, всегда подозрѣвающую больше дѣйствительнаго. Университетское начальство предлагало совершенно исключить присутствіе студентовъ на юбилей, генераль-губернаторъ находилъ крайне страннымъ университетскій юбилей безъ студентовъ университета. Не знаю почему, но побѣда осталась на сторонѣ университетскаго начальства, и ни одинъ студентъ входного билета на юбилей не получилъ. Мало того, университетское зданіе огородили веревочными загражденіями, около которыхъ разставили патрули городскихъ и жандармовъ. Такимъ образомъ, уже на основаніи этихъ внѣшнихъ признаковъ были подготовлены къ убѣжденію, что ожидаются какіе-то безпорядки.

Насколько помню, юбилейныя торжества должны были продолжаться два дня. На первый день назначена была литургія и молебствіе въ университетской церкви, на второй—торжественный юбилейный актъ и обѣдъ приглашеннымъ гостямъ въ одной изъ университетскихъ залъ.

Зданіе университета св. Владиміра—лучшее изъ нашихъ университетскихъ зданій. Это грандіозная постройка Николаевского времени, съ колоннами и перистелемъ по фасаду. Зданіе почти равный четырехсторонникъ съ большимъ внутреннимъ дворомъ. Задняя часть зданія выходитъ въ громаднѣйшій университетскій садъ, боковыя стороны въ два двора, южный и сѣверный. Университетская усадьба занимаетъ цѣлый обширный кварталъ. Фасадъ—на Большую Владимірскую, одна сторона идетъ по Бибииковскому Бульвару, задняя (ограда Ботаническаго сада) по Безаковской улицѣ, лѣвая по Караваевской улицѣ (усадьба имѣетъ форму параллелограмма—широкая сторона по Б. Владимірской, узкая—по Безаковской). Противъ фасада университета черезъ дорогу площадь. Въ дни моего студенчества площадь эта представляла собою пустырь. Днемъ по ней происходило ученіе солдатъ, ночью на ней дежурили воришки, нападавшіе на смѣльчаковъ, рисковавшихъ для сокращенія пути съ бульвара на Шулявскую пересѣчь площадь по діагонали. Впослѣдствіи часть площади была отрѣзана подъ улицу (Алексѣевскую), а на большей части ея, по совѣту Бразильскаго Императора Донъ-Педро, посѣтившаго университетъ и обратившаго вниманіе на

уродливый пустырь передъ красивымъ зданіемъ—устроенъ былъ скверъ (Николаевскій—въ немъ теперь стоитъ памятникъ Императору Николаю I). Въ качествѣ бывшаго студента, имѣвшаго кромѣ того прикосновеніе къ университету, я получилъ, хотя и съ немалымъ трудомъ, билетъ на юбилейныя торжества. Дѣло въ томъ, что еще до юбилея, какъ я уже рассказывалъ выше, усадьба университетская была ограждена мертвой и живой оградой. Переступить за нее можно было, только имѣя входной билетъ университета, а билеты эти выдавались въ канцеляріи университета. Создавалось положеніе очень курьезное. Получить билетъ можно было, только въ университетѣ, а пройти въ университетъ можно было, только, имѣя билетъ. Не помню уже, какимъ образомъ, но билетъ входной я все же получилъ и былъ поэтому вполне увѣренъ, что попаду на юбилей. Оказалось однако, что одного билета входного было недостаточно для права входа на торжество. Одѣлся я, по моему убѣжденію, вполне торжественно и чинно, въ мой лучшій черный сюртукъ и во всю остальную такую же амуницію, черный галстукъ, привелъ себя во всѣхъ отношеніяхъ въ полный порядокъ и по Фундуклеевской и Большой Владимірской дошелъ до первой заставы на пересѣченіи Бибиковского Бульвара и Большой Владимірской, гдѣ начинался заборъ университетскаго южнаго двора. Здѣсь, подлѣ подвижной ограды, снимавшейся при проѣздѣ парныхъ экипажей высокопоставленныхъ гостей, стояли всяческія стражи, конныя и пѣшія, околотовые надзиратели и даже сами пристава; имъ я и показалъ мой passe, по внимательномъ разсмотрѣніи коего, былъ пропущенъ на тротуаръ за веревочную ограду.

Въ обширномъ университетскомъ перронѣ, кромѣ швейцара и служителей, находился проректоръ университета, какъ я тотчасъ, на личномъ примѣрѣ убѣдился, находившійся тамъ не столько для почетной встрѣчи гостей, сколько въ цѣляхъ полицейскаго контроля—дабы не проскользнулъ на юбилей опасный элементъ.

Раздѣлся я въ перронѣ, снялъ лѣтнее пальто, предъявилъ швейцару мой входной билетъ и только собрался подняться по лѣстницѣ, ведущей въ университетскій залъ, какъ проректоръ остановилъ меня, и заявилъ, что въ сюртукѣ нельзя итти въ залъ. Я попробовалъ протестовать, доказывать, что мой костюмъ вполне приличенъ и торжественъ, но Паульсонъ, хотя лично меня знавшій, былъ неумолимъ. Признаюсь, я былъ такимъ нелѣпымъ распоряженіемъ дотога раздосадованъ, что будь у меня ножницы, я бы тотчасъ же пожертвовалъ моимъ новымъ сюртукомъ и на глазахъ проректора превратилъ бы его во фракъ. Но у меня

не было ни ножницъ ни булавокъ, коими я могъ бы подколотъ фалды сюртука и на время соорудить изъ него habit, и мнѣ пришлось съ позоромъ оставить перронъ.

Выхожу изъ университета взбѣшенный—причина столь страннаго (вѣдь не всѣ же обладаютъ фраккомъ) распоряженія для меня пока была непонятна. Стою и думаю, что же дѣлать.

Недалеко отъ университета жила близкая мнѣ съ дѣтства семья—вдова профессора университета, съ сыномъ которой мы росли вмѣстѣ и видались ежедневно. Отправляюсь туда и рассказываю о происшедшемъ со мною инцидентъ. «А вотъ что, говоритъ мнѣ старушка, вѣдь у меня есть мужнинъ фракъ. Попробуйте-ка его примѣрить». Горничная изъ какихъ-то сундуковъ въ кладовой достаетъ насквозь пропитанный табачнымъ и нафталиновымъ запахомъ старомодный, но еще сохранившійся, фракъ. Пробую его примѣрить. Покойный профессоръ былъ почти моего роста, но по крайней мѣрѣ въ три раза меня толще; фалды его я могъ бы легко застегнуть на спинѣ: для меня это былъ скорѣе кулъ, чѣмъ фракъ. Фигура моя въ профессорскомъ фракѣ была такъ комична, что и старушка, и служанка, увидавъ меня въ семь одѣяній, покатались со смѣха. А все-таки это былъ фракъ, и à la guerre comme à la guerre университетскому начальству нуженъ былъ не хорошо сидѣвшій костюмъ, а почему-то только костюмъ опредѣленной формы, такъ сказать мундиръ благонадежности, и я рѣшилъ, въ цѣляхъ redactio ad absurdum университетское распоряженіе, итти снова въ университетъ во фракѣ, хотя и рисковалъ моимъ костюмомъ возбудить смѣхъ юбилейныхъ гостей. Но меня взяло зло, да была и надежда, что въ толпѣ странность моего костюма не обратитъ на себя вниманія—спрячусь за чьей-нибудь широкой спиной.

Вышло какъ по-писаному. Меня, теперь фрачнаго, пропустили въ залъ безпрепятственно и безъ всякой критики искусства моего портного.

Большая университетская зала была полна народа—много мундировъ статскихъ и военныхъ, и ни одного студента. Правда, и студенты тогда еще не носили формы, введенной уставомъ 1884 г., а онъ еще не вступилъ въ силу, но 1) студенты устава 63 г. ходили въ костюмахъ самаго разнообразнаго покроя и образа, отъ сюртука до чемерки и поддевки; 2) фракъ при тогдашнемъ демократическомъ направленіи студентовъ считался костюмомъ неприличнымъ, лакейскимъ, его, да и то, такъ сказать, подъ сурдинку, носили паничи, дѣти богатыхъ родителей, имѣвшіе входъ въ аристократическіе салоны Липкинской soït disant знати, да эти паничи были всѣ на перечетѣ; 3) опытный глазъ узналъ бы студента во

всякомъ переодѣваніи (даже нищіе на улицѣ насъ узнавали и просили: г. студентъ, подайте несчастному пропойцѣ на шкаликъ!)

Этимъ-то обстоятельствомъ и объясняется требованіе фрака отъ статской публики. Студенты-фрачники, коихъ въ университетѣ была горсть, такимъ образомъ въ глазахъ университетскаго начальства были вполнѣ благонамѣренны, а неблагонадежные элементы за отсутствіемъ фрака на юбилей проникнуть не могли. Въдь большинство неблагонадежныхъ не имѣло средствъ даже для проката фрака.

Въ первомъ ряду сидѣли: митрополитъ, архіерен, К. П. Побѣдоносцевъ, генераль-губернаторъ Дрентельнъ и другія власть имущія лица. Не знаю отъ кого и какъ (въ залѣ, конечно, у меня была масса знакомыхъ), но я уже успѣлъ узнать, что карету Побѣдоносцева по дорогѣ въ университетъ, несмотря на стражу и патрули, бомбардировали камнями, а недопущенные на юбилей студенты съ пѣніемъ студенческихъ пѣсень толпами ходили по Крещатику, ловко избѣгая конныхъ и пѣшихъ стражниковъ.

Актъ прошелъ самымъ казеннымъ образомъ. Характерно было то, что, хотя секретаремъ было прочитано постановленіе о награжденіи студентовъ медалями за сочиненія, никому, за отсутствіемъ студентовъ, медали, какъ это бываетъ обыкновенно на университетскихъ актахъ, вручены не были.

Рядомъ съ университетской залой находятся по прямой линіи двѣ другія залы—малая библіотечная, отдѣляющая залъ отъ большой библіотечной, такой же величины, какъ и большой залъ для торжественныхъ собраній. Въ большой библіотечной залѣ кромѣ книжныхъ шкафовъ, набитыхъ книгами, находится рядъ столовъ-шкафовъ для атласовъ, кипсековъ, гравюръ и т. д. На этихъ столахъ устроена была закуска, весьма однако примитивная—нѣсколько бутылокъ водки, тарелки съ селедкой, колбасой, и другими дешевыми (по тогдашнему) пищевыми *aperitifs*. Въ малой залѣ были накрыты столы для обѣда, сервированные по всей формѣ тарелками и разнообразными по формѣ, до шампанскихъ бокаловъ включительно, рюмками.

Насъ пригласили въ большую библіотечную залу. Мы, ничтоже сумняся, обратились къ закускѣ, предвкушая предстоящій обѣдъ. Актъ все же продолжался нѣсколько часовъ, и юбилейная публика порядочно проголодалась. Вилочъ, ножей и рюмочъ было счетомъ, два-три десятка, закусокъ въ обрѣзъ; пришлось брать скудную пищу и питіе съ бою. Въ пылу сраженія мы не замѣтили, что тѣ другіе, чиномъ постарше, въ библіотечную большую залу не пошли, а остались въ малой библіотечной залѣ; лишь только

мы перешли въ закусочную, двери изъ нея въ малую библиотечную залу заперли, и у дверей сталъ помощникъ проректора.

Урвали мы съ закусочнаго стола кто что досталь—водка и соленыя закуски еще болѣе развили наши аппетиты, и мы двинулись къ двери, ведшей въ малый залъ; не тутъ-то было. Университетскій церберъ сталъ у двери, разставилъ руки и ноги образомъ креста Андрея Первозваннаго, и насъ въ залъ обѣденный не пустили. Такимъ образомъ масса публики, человѣкъ 100—200, осталась за бортомъ. Въ числѣ неудостоенныхъ чести попасть въ залъ оказались депутаты разныхъ университетовъ. Старѣйшій изъ профессоровъ того же Кіевскаго университета, А. А. Федотовъ-Чеховскій, мѣстный полицмейстеръ и др. Напрасно мы стыдили суба, требуя пропуска хотя бы отдѣльных лицъ въ залъ; онъ очевидно, получилъ соотвѣтственныя инструкции высшаго начальства, былъ твердъ какъ скала, и ревниво оберегалъ своей грузной персоной входъ въ завѣтный залъ. Пришлось *faire bonne mine au mauvais jeu* и остаться солоно похлебавши въ закусочной. Насъ притомъ одолѣло любопытство узнать, что же будетъ дальше, и мы рѣшили дожидаться конца обѣда, обмѣниваясь не особенно лестными замѣчаніями по поводу своеобразнаго гостепріимства нашей *Alma Mater*, вмѣсто пищи предложившей своимъ птенцамъ старую тюремную пытку жаждой—соленая закуска скоро себя сказала.

Въ долгомъ времени, аль вскорѣ, но за дверьми обѣденнаго зала внезапно прекратились стукъ тарелокъ, звяканіе вилокъ и ножей, звонъ рюмокъ—насталъ, очевидно, моментъ рѣчей. Раздались, въ отвѣтъ на чей то тостъ, крики «ура», и двери быстро распахнулись, дабы дать возможность и заштатной публикѣ—по старому за музыкантскимъ столомъ—своими голосами усилить привѣтственные клики. Но мы въ нашемъ настроеніи готовы были скорѣе кричать: *pereat*, чѣмъ ура.

При каждомъ тостѣ повторялось то же. Предвидя скоро конецъ питанія высокопоставленныхъ гостей, мы столпились у двери, и одинъ изъ нашихъ товарищей по остракизму, присяжный повѣренный Делюсто, маленькій и хромой, изъ-подъ рукъ суба вскочилъ въ обѣденный залъ, быстро схватилъ со стола первое, что ему попало, и бросился обратно къ намъ. Въ одной рукѣ онъ потрясалъ бутылкой шампанскаго, въ другой двумя бутылками зельтерской воды. Вотъ тогда-то мы и разразились громкимъ ура въ честь смѣльчака и даже покачали героя, начавшаго намъ разливать влагу въ рюмки и черепки тарелокъ и блюдецекъ.

Послышался стукъ отодвигаемыхъ стульевъ—обѣдъ, стало быть, пришелъ къ концу; двери въ обѣденный залъ гостепріимно

раскрылись, и мы могли изъ закуской перейти въ обѣденную. Правда, обѣдъ весь былъ съѣденъ, но лакеи обносили публику кофеемъ, гостепріимно предложеннымъ и намъ.

Часть публики уже поднялась съ мѣстъ, но многіе, въ томъ числѣ духовенство, генераль-губернаторъ, университетское начальство—хозяева торжества, еще сидѣли за столомъ.

Тосты главные всѣ уже были сказаны, но, видимо, оставались еще какіе-то. Поднимается ректоръ университета и, поднявъ бокалъ шампанскаго, провозглашаетъ тостъ «за здоровье студентовъ!».

«Стоящихъ на улицѣ», внезапно прерываетъ тостъ ректора чей-то зычный гласъ.

Произошло общее смятеніе. Генералитетъ и духовенство поднялись съ своихъ мѣстъ. Субы бросились по тому направленію, откуда раздался возгласъ. Рядомъ со мной стоялъ одинъ изъ моихъ товарищей, котораго чуть было не схватили, заподозрѣвъ въ немъ виновника скандала. Но другіе завѣрили, что настоящій виновникъ скандала послѣ произнесеннаго имъ выкрика стремглавъ бросился по лѣстницѣ къ выходу. Я по голосу тотчасъ узналъ кричавшаго, да и стоялъ онъ недалеко отъ меня. Но, разумѣется, не намъ было его выдавать. Большинство изъ насъ, хотя и неспособные на скандалъ, втайнѣ сочувствовали скандалисту, онъ вѣдь только громко выразилъ то, что мы про себя повторяли во время тоста ректора.

Вскорѣ послѣ того одинъ изъ профессоровъ университета, человѣкъ вполнѣ уважаемый, крупный ученый, крайне популярный среди студентовъ, а потому и находившійся на замѣчаніи у начальства, получаетъ письмо съ подробнымъ изложеніемъ всего инцидента на актѣ. Письмо было подписано à la lettre фамиліей скандалиста. Профессоръ этотъ, часто имѣвшій недоразумѣнія съ начальствомъ, въ виду слуховъ о предстоящихъ на юбилей безпорядкахъ, зная хорошо, что лица, имѣвшія противъ него зубъ, не преминутъ доказать его участіе въ подготовкѣ скандаловъ, буде они произойдутъ, задолго до юбилея оставилъ Кіевъ и уѣхалъ въ научную командировку. Получивъ странное письмо отъ лица, фамилія котораго ему была неизвѣстна, профессоръ рѣшилъ, что это, вѣроятно, провокація, и препроводилъ письмо, куда слѣдуетъ.

Автора письма разыскали и привлекли къ допросу. «Почему вы написали это письмо N..N.?»

—«Желалъ уважаемому лицу сообщить настоящую картину всего происшедшаго на юбилей».

—«Вы писали еще кому нибудь?»

- «Да, я разослалъ 40 такихъ писемъ».
 — «Кому же вы еще писали?»
 — «Да вотъ одной дамѣ въ Черниговъ».
 — «А что дѣлаетъ эта дама?»
 — «Что дѣлаетъ? Винтитъ».
 — «Съ кѣмъ вы вообще водитесь?»
 — «Да больше съ офицерами N-скаго полка».
 — «Почему такое знакомство?»
 — «Они не дураки выпить».

Начальство растерялось. Что это за субъектъ? Дурачокъ, комедіантъ, или нахаль? Докладываютъ объ инцидентѣ и допросѣ генераль-губернатору. Послѣдній призываетъ къ себѣ скандалиста, допрашиваетъ его и приходитъ къ убѣжденію въ его полной безвредности. Отчитавъ его хорошенько, А. Р. Дрентельнъ отпускаетъ его съ миромъ. Вдругъ отпускаемый на волю обращается къ генераль-губернатору съ такими словами: «Ваше В-во! У меня къ Вамъ просьба!» «Что такое?» «Я слыхалъ, что у Васъ открывается мѣсто личнаго секретаря; не могу ли я занять это мѣсто?» А. Р. пожалъ плечами. «Ну, ступайте». «Ваше В-ство, позвольте мнѣ идти въ церковь». «Идите, только не въ соборъ». «Нѣтъ, Ваше В-ство, позвольте мнѣ идти въ соборъ, я привыкъ туда ходить, тамъ бываютъ многіе изъ моихъ знакомыхъ».

Чтобъ объяснить столь снисходительное отношеніе Дрентельна къ скандалисту, нужно знать эпизодъ, происшедшій вечеромъ, въ день юбилейнаго акта и обѣда, прерваннаго зычнымъ возгласомъ защитника студентовъ, не попавшихъ, благодаря опасеніямъ университетскаго начальства, на юбилей своей *Alma Mater*.

Вечеромъ въ квартирѣ ректора собралось нѣсколько человекъ его ближайшихъ пріятелей и знакомыхъ, профессоровъ университета и юбилейныхъ гостей. Въ числѣ ихъ былъ и одинъ изъ адъютантовъ Дрентельна, N. Домъ ректора находился на Кузнечной улицѣ, перпендикулярной къ Шулявской. Вдоль всей Кузнечной улицы тянулся бульваръ, имѣвшій разѣздъ только по срединѣ улицы, довольно далеко отъ дома ректора; по обѣимъ сторонамъ бульвара шли мостовыя.

Пріятели мирно сидѣли за кофеемъ, ликерами и шампанскимъ. Вдругъ неожиданно послышался звонъ битаго стекла, и въ комнату съ улицы посыпались камни, разбившіе окна, осколками которыхъ были легко ранены нѣкоторые изъ присутствовавшихъ, въ томъ числѣ и профессоръ N.

Демонстрацію эту произвели студенты, не попавшіе на юбилей. Раздѣлившись на небольшія группы, они съ четырехъ сторонъ

подошли къ квартирѣ ректора и стали бомбардировать ее камнями, взятыми съ мостовой.

Въ предвкушеніи безпорядковъ въ разныхъ концахъ города, въ томъ числѣ и въ полицейскомъ участкѣ, находившемся противъ университета, на Караваевской, въ домѣ проф. Рахманинова, были сдѣланы патрули казаковъ. Когда началась осада ректорской квартиры, мѣстные полицейскіе (телефоновъ тогда еще не было) бросились за помощью въ участокъ. Казаки, вылетѣвъ на помощь, но не зная точно мѣстоположенія дома ректора, разогнались на лѣвую сторону улицы (отъ Шулявской), въ то время, какъ домъ ректора находится на ея правой сторонѣ. Войску пришлось такимъ образомъ мчаться до разѣзда, чтобы повернуть на правую сторону къ дому ректора. Этимъ воспользовались осаждавшіе—увидѣвъ мчавшихся казаковъ и имѣя порядочно *Vorsprung'a*, они бросились вразсыпную и быстро разсѣялись по сосѣднимъ улицамъ. Долетѣвъ до осажденного дома, казаки нашли только слѣды бомбардировки, но не нашли осаждавшихъ ¹⁾.

Лишь только кончилась осада и появилась вооруженная помощь, осажденные, совершенно растерявшіеся, пришли въ себя; раненымъ (раны были только легкими порѣзами) оказали помощь, но пострадавшіе, особенно проф. N. были очень раздражены, и дали волю своему раздраженію. Особенно горячился проф. N., обвинявшій во всѣхъ безпорядкахъ генераль-губернатора. За своего патрона вступился его адъютантъ, противники обмѣнялись жестокими словами, и пылкій военный нанесъ профессору оскорбленіе дѣйствіемъ. Профессоръ ухватился за стулъ и разбилъ его на головѣ противника. Воюющихъ разняли присутствовавшіе. Инцидентъ этотъ конечно на слѣдующій день сталъ притчей во языцѣхъ.

Когда послѣ этого фатальнаго дня настало слѣдующее утро, входныя двери ректорскаго дома оказались вымазанными такой вонючей жидкостью, что ее нельзя было смыть никакими очистительными средствами, и пришлось выломать не только двери, но и самыя лутки.

Такъ кончился пиръ сей бѣдою.

Старый нашъ лѣтописецъ, приступая къ описанію событій временъ Даниіла Галицкаго, далъ слѣдующій заголовокъ этой эпохѣ разрухи:

«Начнемъ же сказать бесчисленныя рати и многіе мятежи».

¹⁾ Нѣсколько лѣтъ позже, въ генераль-губернаторство Драгомирова, произошли новые университетскіе безпорядки, для усмиренія которыхъ университетское начальство потребовало отъ генераль-губернатора военной помощи. Драгомировъ телеграфировалъ центральной власти: «ходить въ походъ, непріятеля не видѣлъ».

На слѣдующій день послѣ окончившагося скандаломъ юбилейнаго обѣда нѣсколько десятковъ старыхъ товарищей разныхъ факультетовъ, жившихъ въ Кіевѣ, и пріѣзжихъ, собрались въ гостиницу Грандъ-Отель для совмѣстнаго обѣда.

Устройство обѣда взялъ на себя одинъ изъ нашихъ товарищей, тогда еще подававшій надежды. Прекрасно окончивъ университетъ, онъ получилъ золотую медаль за работу по политической экономіи, былъ ¹⁾ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію, зналъ отлично иностранные языки, хорошо говорилъ, и изъ него могъ бы выйти очень дѣльный, даже блестящій, профессоръ. Еще на послѣднемъ курсѣ университета онъ женился. Тестъ его, крупный землевладѣлецъ, былъ не вполнѣ нормаленъ и сильно разстроилъ свое состояніе; его опутали всевозможные аферисты, и онъ едва не потерялъ всего, что получилъ по наслѣдству, такъ какъ по слабоумію, подписывалъ все рѣшительно, что ему представляли для подписи члены завладѣвшей имъ шайки. Зять взялъ дѣла въ свои руки, привелъ ихъ быстро въ порядокъ, расплатился съ долгами, отбилъ отъ зловредной шайки и очистилъ весьма крупную сумму денегъ. Это обстоятельство его и погубило; онъ запустилъ свои занятія, сталъ по-нучивать, безъ толка тратить деньги и опомнился только тогда, когда отъ крупнаго состоянія уцѣлѣли только остатки. Съ наукой онъ покончилъ счеты, зарылся въ деревенской глуши, не имѣя возможности вести въ городѣ прежняго широкаго *train*'а, и совершенно облѣнился.

Обѣдъ нашъ прошелъ очень оживленно, тѣмъ болѣе, что устроитель его принялъ все шампанское на свой счетъ, и оно лилось рѣкою. Въ другихъ помѣщеніяхъ гостиницы одновременно собрались для совмѣстнаго обѣда другія компаніи бывшихъ сту-

¹⁾ Работа его была написана на тему, заданную проф. Н. Х. Бунге (бывшимъ впослѣдствіи Министромъ Финансовъ и предсѣдателемъ Совѣта Министровъ) о свеклосахарной промышленности въ Юго-Западномъ Краѣ.

Зная отлично нѣмецкій языкъ, авторъ перевелъ свою работу по-нѣмецки и послалъ ее въ нѣмецкій спеціальнй журналъ, издававшійся въ Баваріи въ районѣ сахарнаго производства. Работу отпечатали и прислали даже автору небольшой гонораръ (спеціальные журналы въ Германіи или совсѣмъ не платятъ авторамъ за статьи, или даютъ гонораръ совсѣмъ ничтожный, 20—30 марокъ за печатный листъ). Проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ. Вдругъ авторъ получаетъ письмо отъ редактора нѣмецкаго журнала, въ которомъ была отпечатана его статья, слѣдующаго содержания: «М. Г. Разсмотрѣвъ внимательно Вашу работу, мы нашли, что она по своимъ качествамъ подходитъ ко второй категоріи гонорара, между тѣмъ какъ мы ее рассчитывали по четвертой. Посему досылаемъ Вамъ разницу и просимъ Васъ продолжать у насъ Ваше цѣнное сотрудничество». Это мнѣ напомнило Гоголевскаго нѣмца, долго думавшаго, какъ ему сдѣлать шпоры, чтобы онѣ стоили двадцать пять рублей.

дентовъ, заходившихъ къ намъ съ привѣтствіями, а мы отвѣчали имъ такими же визитами.

Въ одной изъ залъ обѣдали два члена Государственнаго Совета, пріѣхавшіе на юбилей, Галаганъ и Стояновскій.

Первый, крупный землевладѣлецъ Полтавской и Черниговской губерніи, мѣстный общественный дѣятель, хотя воспитывался въ Петербургскомъ университетѣ, но имѣлъ непосредственное отношеніе и къ мѣстному Кіевскому просвѣщенію, какъ учредитель средне-учебнаго заведенія въ Кіевѣ—Коллегіи Павла Галагана (которой онъ завѣщалъ значительную часть своего большого состоянія). Второй, извѣстный судебный дѣятель эпохи введенія судебныхъ реформъ, началъ свое образованіе въ Кіевскомъ университетѣ, хотя и окончилъ университетъ Петербургскій. Наша компанія отправилась съ бокалами привѣтствовать почтенныхъ старцевъ, при чемъ Стояновскій произнесъ намъ небольшую рѣчь, пожелалъ прожить жизнь такъ же счастливо, какъ онъ прожилъ свою.

Забывъ объ инцидентѣ на юбилейномъ актѣ, мы, пустившись въ воспоминанія о нашемъ студенческомъ времени, за бокалами провели не мало часовъ. *Tempi passati*, но не стыжусь сознаться, что возліанія Бахусу, къ которымъ я вообще былъ мало привыченъ, произвели на меня такое дѣйствіе, что я на слѣдующій день помнилъ событія только до времени оставленія лира. Укладывавшій меня спать братъ рассказывалъ, что, засыпая, я ему предложилъ положить старый университетскій уставъ налѣво, а новый направо, куда послѣдній дѣйствительно и легъ, на тридцать съ лишнимъ лѣтъ развративъ нашу университетскую жизнь. Юбилей кончился судомъ надъ студентами; хотя судъ былъ университетскій, но въ числѣ осужденныхъ студенты, подозрѣваемые какъ участники безпорядковъ, были раздѣлены на три категоріи—одни уволены безъ права поступленія въ высшія учебныя заведенія—т.-е., получили такъ называемый волчій билетъ; другіе—съ правомъ перехода (если только ихъ примутъ) въ другіе университеты и высшія учебныя заведенія, третьимъ сдѣлали только выговоръ. Въ число осужденныхъ по второй категоріи попалъ мой братъ, не знавшій ничего о готовившихся безпорядкахъ и все утро юбилейное проведенный въ кофейнѣ Семадени за игрою на бильярдѣ. Но нужно же было найти виновныхъ. На него показалъ субъ-инспекторъ вѣроятно потому, что рѣдко видѣлъ его въ университетѣ...

Вскорѣ послѣ злополучнаго юбилея я переѣхалъ на жительство въ одинъ изъ южныхъ городовъ. Однажды получаю повѣстку отъ жандармскаго управленія съ требованіемъ явиться туда.

на слѣдующій день. Никакихъ прегрѣшеній по политической части я за собою не зналъ, но я помнилъ отлично старый анекдотъ о зайцѣ и верблюдѣ—доказывай потомъ, что ты заяцъ, а не верблюдъ,—а потому и чувствовалъ себя не вполне спокойнымъ.

Прихожу; просятъ меня въ кабинетъ какого то начальства. «Знаете ли вы N. (называется одинъ изъ моихъ университетскихъ товарищей)? «Да, конечно, это мой университетскій товарищъ». «Вы были на юбилейномъ актѣ университета св. Владиміра. Видѣли вы на актѣ N.?» «Право, не помню. Тамъ было такъ много народа, столько знакомыхъ, что не могу опредѣленно сказать, видѣлъ ли я его, или нѣтъ». Этимъ мой допросъ и кончился. Отвѣтъ мой на запросъ былъ совершенно добросовѣстный. Я дѣйствительно ясно не помнилъ, былъ ли N. на актѣ, или нѣтъ. Скоро послѣ того ѣду въ Кіевъ; захожу къ моему товарищу и рассказываю ему объ учиненномъ мнѣ запросѣ. Оказывается, дѣло было въ слѣдующемъ. N. поступилъ въ университетъ годомъ позже меня на одинъ со мною факультетъ. Человѣкъ онъ былъ работающій и талантливый. На одномъ изъ младшихъ курсовъ онъ попалъ въ какую-то студенческую исторію, былъ арестованъ и сосланъ въ Архангельскую губернію, гдѣ и пробылъ года два. Вина за нимъ была небольшая. Такъ какъ ему разрѣшили наконецъ вернуться въ Кіевъ, онъ снова поступилъ въ университетъ на тотъ же факультетъ. Въ теченіе курса онъ получилъ двѣ золотыя медали за свои ученые работы, обѣ напечатанныя въ ученыхъ запискахъ университета. Однако хлопоты факультета объ оставленіи его при университетѣ не увѣнчались успѣхомъ, такъ какъ формуляръ его содержалъ указаніе на какой-то политической, хотя и неважный, проступокъ.

Пришлось ему искать иного рода дѣятельности. Благодаря разнымъ знакомствамъ въ судебномъ мірѣ ему удалось получить мѣсто секретаря Съѣзда Мировыхъ судей.

По своей должности онъ пользовался небольшою квартиркой въ одну комнату при Съѣздѣ. Запоздавъ «по независимымъ обстоятельствамъ», онъ окончилъ университетъ какъ разъ передъ юбилеемъ и долженъ былъ получить на актѣ одну изъ присужденныхъ ему золотыхъ медалей. Однако, хотя онъ на юбилейномъ актѣ и присутствовалъ, но не вышелъ получить своей награды.

Послѣ цѣлаго ряда скандаловъ на юбилеѣ, началось по поводу ихъ слѣдствіе. Виновныхъ, за исключеніемъ скандалиста на юбилейномъ обѣдѣ, о которомъ мы говорили выше, подыскать не удалось. Начали подозрѣвать всѣхъ «подозрѣваемыхъ», за которыми въ прошломъ водились разные грѣшки. На N. поступилъ доносъ, что въ его квартирѣ собирались студенты-заговор-

щики, и что онъ вмѣстѣ съ другими скандалистами бросалъ камни въ карету Побѣдоносцева.

Н., доказывая свое alibi, утверждалъ, что въ то время, когда происходила бомбардировка оберъ-прокурорской кареты, онъ находился въ зданіи университета, гдѣ его видѣли разные знакомые. Въ числѣ видѣвшихъ его въ университетской залѣ онъ указалъ на меня. Къ счастью, онъ сидѣлъ въ залѣ рядомъ съ знакомымъ прокуроромъ окружнаго суда, подтвердившимъ его alibi.

Судьба этого моего товарища, которому, къ сожалѣнію, не удалось выйти въ профессора, на что онъ имѣлъ всѣ данныя, была очень оригинальна. Изъ Съѣзда онъ перешелъ въ Окружный судъ секретаремъ. Умный, дѣятельный, энергичный, онъ вездѣ выделялся своими способностями. Несмотря на массу официальной работы, онъ какимъ-то образомъ находилъ время для ученыхъ занятій и отъ времени до времени печаталъ ученые статьи и рецензіи въ разныхъ научныхъ изданіяхъ. Случилось такъ, что въ управленіи генераль-губернатора понадобились данныя о правахъ городовъ юго-западнаго края на сервитуты. Служившіе въ канцеляріи чиновники такихъ данныхъ отыскать не могли. Кто-то указалъ на моего товарища, какъ на человѣка, хорошо знакомаго съ этимъ вопросомъ. Обратились къ нему. Началъ онъ поиски въ архивѣ генераль-губернатора и извлекъ оттуда обширный матеріалъ по данному вопросу. Въ короткое сравнительно время онъ по этому запросу составилъ обширную, очень обстоятельную записку.

Ознакомившись съ нею, А. Р. Дрентельнъ предложилъ ему мѣсто начальника отдѣленія въ своей канцеляріи. Черезъ нѣкоторое время Н., способный и дѣловитый котораго ярко выдавались, получилъ мѣсто очень отвѣтственное, правителя канцеляріи генераль-губернатора, и конечно пошелъ бы значительно дальше по административной лѣстницѣ, но, къ сожалѣнію, рано погибъ—пребываніе въ ссылкѣ на крайнемъ сѣверѣ подорвало его здоровье.

Иную судьбу испыталъ товарищъ, зычнымъ возгласомъ котораго такъ скандально окончилось юбилейное торжество.

Человѣкъ не безъ способностей, онъ однако отличался полной безшабашностью. По окончаніи университета, онъ вздумалъ поступить на службу въ канцелярію губернатора. Благодаря связямъ, ему это удалось. При поступленіи на службу необходимо принесть присягу. По закону при принесеніи присяги долженъ присутствовать губернаторъ, но, конечно, этого никогда не бываетъ. Читаетъ кандидату въ чиновники—текстъ присяги священникъ. Вдругъ присягавшій начинаетъ вступать съ священникомъ въ

пререканія по поводу текста присяги. «Что же это значитъ? Если я стану брать взятки, или совершу какое-нибудь преступленіе, за меня отвѣтитъ Богъ?» (Нужно замѣтить, что присягавшій былъ человѣкъ религіозный, не пропускавшій ни одной всенощной и обѣдни). Священникъ пришелъ въ ужасъ отъ кощунственныхъ словъ будущаго чиновника, и доложилъ начальству объ инцидентѣ. Дѣлу хода не дали, но кандидатъ желаемаго мѣста не получилъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Однажды въ Петербургѣ совершенно неожиданно встрѣчаю на Невскомъ этого моего товарища. «Ты какимъ образомъ здѣсь, откуда?» «Изъ омута, братецъ, изъ омута. Изъ Е. консисторіи». Пріѣхалъ онъ искать перемѣны службы, или по какимъ инымъ дѣламъ, не знаю, но дальше я потерялъ его слѣды.

И. А. Линниченко.

Предстоящій юбилей Кіевскаго университета въ 1884 г., совпавшій съ моментомъ введенія новаго университетскаго устава, вызывалъ большую тревогу у кіевскихъ властей, ожидавшихъ протеста и демонстрацій со стороны волновавшагося студенчества и либеральныхъ круговъ общества. Ожиданія кіевской администраціи сбылись, какъ объ этомъ рассказываетъ И. А. Л.—ко. Въ дополненіе къ его воспоминаніямъ мы позволимъ себѣ указать на недавно опубликованную г. Бороздинымъ¹⁾ официальную переписку между Попеч. кіевск. уч. окр. Голубцовымъ и Мин. Нар. Просв. И. Д. Деляновымъ съ одной стороны и между кіевскимъ губернаторомъ Гудимъ-Левковичемъ и Начальникомъ жандарм. упр. Новицкимъ съ Департаментомъ полиціи—съ другой стороны. Эта переписка на ряду съ возваніями студентовъ²⁾ характеризуетъ настроеніе студенчества въ моментъ юбилея. Донесенія Голубцова и Новицкаго даютъ и официальную версію разсказа о студенческой демонстраціи.

Въ настоящей книжкѣ нашего журнала³⁾ приводится еще одно подробное и любопытное донесеніе Новицкаго (не опубликованное г. Бороздинымъ), которое, кромѣ свидѣтельства о демонстраціи даетъ подробный разсказъ о инцидентѣ между проф. Субботинымъ и адъютантомъ ген.-губ. Треповымъ, о чемъ говоритъ кратко и И. А. Линниченко въ своихъ воспоминаніяхъ (стр. 87).

Ред.

¹⁾ «Былое» № 3 (25), 1917 г., стр. 156—165.

²⁾ Тамъ же, стр. 161, 162.

³⁾ См. ст. А. Полякова «Царь-миротворецъ».

Изъ записокъ московскаго цензора.

(1909—1917)

Въ концѣ января 1909 г. былъ подписанъ указъ о моемъ назначеніи предсѣдателемъ московскаго комитета по дѣламъ печати, а въ 20-хъ числахъ февраля я пріѣхалъ въ Москву. При моемъ назначеніи мнѣ было сказано въ Петроградѣ, что московскій комитетъ въ разрѣзъ съ новыми правилами о печати (24 ноября 1905 г.) уклоняется отъ возбужденія судебныхъ дѣлъ, прибѣгая чрезъ посредство генераль-губернатора къ административному воздѣйствію на печать, и что комитетъ вообще находится въ сильной зависимости отъ генераль-губернатора ген. Гершельмана. Мнѣ было поручено направить дѣятельность комитета по судебному пути и, оказывая внѣшнее вниманіе и почтеніе ген. Гершельману, какъ генераль-губернатору, ослабить зависимость отъ него комитета и руководиться не его указаніями, а указаніями изъ Петрограда.

Находясь въ Петроградѣ въ концѣ 1908 г., когда рѣшался вопросъ о моемъ назначеніи въ Москву, я заѣзжалъ къ пріѣзжавшему туда въ то время ген. Гершельману и былъ принятъ имъ холодно, какъ человѣкъ, назначаемый въ Москву не по его выбору и желанію.

Пріѣхавъ въ Москву, я не засталъ ген. Гершельмана: онъ уѣхалъ въ Петроградъ, гдѣ пробылъ довольно долго. Когда онъ вернулся, и я явился къ нему, онъ встрѣтилъ меня словами:

- Ну, вотъ, вы въ дѣло входите, а я ухожу.
- Какъ, ваше высокопревосходительство?
- Я назначенъ командующимъ войсками въ Вильно.
- А военнымъ министромъ назначенъ ген. Сухомлиновъ,— сказалъ я.

Гершельманъ измѣнился въ лицѣ и спросилъ меня, откуда я знаю объ этомъ.

- Изъ сегодняшнихъ газетъ.

— Газеты много врутъ,—сказаль онъ съ раздраженіемъ. Какая газета объ этомъ пишетъ?

— Всѣ: это—агентская телеграмма.

Гершельманъ сталъ судорожно перебирать руками лежавшія у него на столѣ газеты и бумаги, отыскивая послѣдніе номера газетъ.

Я сказаль о Сухомлиновѣ, не зная, что взволную этимъ Гершельмана. Въ концѣ 1908 г., когда я былъ въ Петроградѣ, было ясно, что отношенія между Столыпинымъ и Гершельманомъ недружественныя, но тогда не было рѣчи о возможности скорого ухода изъ Москвы Гершельмана. Вскорѣ отношенія между ними еще болѣе обострились, и Столыпинъ добился удаленія Гершельмана изъ Москвы. Сильнымъ орудіемъ въ рукахъ Столыпина въ борьбѣ съ Гершельманомъ явилось распоряженіе послѣдняго о наказаніяхъ за храненіе запрещенныхъ книгъ, сдѣланное въ самомъ концѣ 1908 г. или въ началѣ 1909 г. Это распоряженіе, вызвавшее при своемъ появленіи много толковъ, устанавливало наказуемость и для тѣхъ, у кого былъ бы найденъ даже одинъ экземпляръ запрещенной книги. Въ этомъ было усмотрѣно грубое превышеніе власти со стороны Гершельмана, такъ какъ имѣлось сенатское разъясненіе, въ силу котораго держаніе одного экземпляра запрещенной книги не могло быть наказуемо, а наказывалось распространеніе запрещенныхъ произведеній печати.

Получивъ назначеніе въ Вильно, ген. Гершельманъ не терялъ надежды въ ближайшее время занять, противъ желанія Столыпина, должность военнаго министра, такъ какъ въ то время былъ поднятъ вопросъ объ уходѣ военнаго министра Ридигера, и Гершельмана поддерживали его друзья и противники Столыпина, но Сухомлиновъ перебилъ у него должность военнаго министра. Обо всемъ этомъ мнѣ рассказали потомъ, а когда я въ первый разъ увидѣлся съ ген. Гершельманомъ въ Москвѣ, я не зналъ этого и нечаянно задѣлъ его большое мѣсто своимъ сообщеніемъ о Сухомлиновѣ.

Уходъ ген. Гершельмана изъ Москвы облегчалъ мое положеніе. Полномочія генераль-губернатора были раздѣлены между губернаторомъ и градоначальникомъ. Борьба съ генераль-губернаторомъ была бы нелегкимъ дѣломъ; борьба же съ губернаторомъ и градоначальникомъ въ то время не представила бы особыхъ затрудненій, если бы они захотѣли вмѣшиваться въ дѣла комитета, но я долженъ сказать, что съ ихъ стороны не дѣлалось серьезныхъ попытокъ оказывать давленіе на комитетъ. Съ губернаторомъ В. Ф. Джунковскимъ у меня сложились вполне ровныя и корректныя отношенія. Въ общемъ таковы же были отношенія

и съ градоначальникомъ А. А. Адриановымъ, хотя вначалѣ онъ, повидимому, косился на то, что я держался въ сторонѣ отъ градоначальства и придалъ дѣятельности комитета независимый отъ градоначальства характеръ. Но серьезныхъ шаговъ, насколько я знаю, къ измѣненію создавшагося положенія онъ не предпринималъ. Въ этомъ отношеніи характеренъ лишь слѣдующій случай.

Въ августѣ 1909 г. проѣзжалъ черезъ Москву въ Крымъ Николай II съ семьей. На дебаркадерѣ бывшаго царскаго павильона Николаевской желѣзной дороги были выстроены начальники московскихъ административныхъ и судебныхъ учреждений. Царь подходилъ къ каждому изъ насъ, начальниковъ учреждений, каждый называлъ свою должность и фамилію, а царь предлагалъ вопросы въ родѣ слѣдующихъ: давно ли вы служите, давно ли въ Москвѣ, ваше учреждение—въ какомъ же министерствѣ? Когда Николай II подошелъ ко мнѣ, и я назвалъ свою должность и фамилію, онъ спросилъ меня: «вы состоите при градоначальникѣ?»

— При главномъ управленіи по дѣламъ печати,—отвѣтилъ я.

А ген. Адриановъ поправилъ меня: «при генераль-губернаторѣ», но Николай II не разслышалъ словъ А. А. Адрианова, произнесенныхъ довольно тихо, и сказалъ мнѣ: «значить, сами по себѣ». Подалъ руку, онъ сдѣлалъ шагъ къ стоявшему рядомъ со мной.

Къ отходу поѣзда, когда царь долженъ былъ направиться къ своему вагону, къ этому вагону подвели волостныхъ старшинъ, ихъ подталкивали, а они что-то вяло бормотали. Я разслышалъ слова: «одна надежда на тебя», но вѣры и энтузіазма въ тонѣ, которыми они говорили, не было.

Въ пріѣзды царской семьи въ Москву въ августѣ 1912 г. и въ маѣ и въ августѣ 1913 года я бывалъ на встрѣчахъ, проводахъ, обѣдахъ въ Кремлѣ и на другихъ торжествахъ. Все происходило по церемоніалу. Говорили, что на открытіе памятника Александру III въ маѣ 1913 г. командующій войсками П. А. Плеве явился одѣтымъ не по формѣ, за что получилъ замѣчаніе: полагалось, чтобы брюки были въ сапогахъ, а онъ явился съ брюками на выпускъ, или наоборотъ. Къ одному изъ царскихъ обѣдовъ въ Кремлѣ забыли приготовить постныя кушанья для высшаго духовенства, которое, какъ монашествующее, не можетъ ѣсть скоромнаго. Рассказывали, что, когда подали черепаховый супъ, митрополитъ Владиміръ спросилъ епископа Трифона:

— А черепаха-то—тварь скоромная или постная?

— Земноводные не отнесены въ писаніи ни къ скоромнымъ

ни къ постнымъ,—будто бы отвѣтилъ Трифонъ, а услышавшій этотъ разговоръ гр. Фредериксъ, какъ говорили, замѣтилъ по этому поводу Владимиру:

— Владыка, надо ѣсть все, что подаютъ во дворцѣ.

Происходилъ ли, въ самомъ дѣлѣ, такой разговоръ, не знаю, но въ то время ходилъ рассказъ объ этомъ разговорѣ, а отсутствіемъ постныхъ блюдъ нѣкоторые возмущались, видя въ этомъ невниманіе къ духовенству.

Былъ я на встрѣчахъ и проводахъ Николая II и въ 1914 г., когда онъ два раза пріѣзжалъ въ Москву послѣ начала войны. Въ первый его пріѣздъ въ ближайшіе дни послѣ объявленія войны нервы у него были, видимо, сильно натянуты. При отъѣздѣ на вокзалъ онъ остановился около меня, отдавая какое-то распоряженіе одному изъ бывшихъ съ нимъ генераловъ. Его нервность бросалась въ глаза. Онъ сильно нервничалъ за обѣдней въ Успенскомъ соборѣ, и по окончаніи обѣдни подозвалъ къ себѣ управляющаго московской синодальной конторой Ф. П. Степанова. Свидѣтель этой сцены передавалъ мнѣ, что Николай II въ сильномъ возбужденіи кричалъ на Степанова:

— Государыня и я не могли молиться. Это—безобразіе. Это вы съ вашимъ Кастальскимъ (регентъ московскаго синодальнаго хора) развели отъ Варшавы до Перми эти оперные мотивы. У меня въ Царскомъ простые солдаты поютъ лучше вашихъ ученыхъ пѣвчихъ...

Говорили, что Ф. П. Степановъ послѣ этого хотѣлъ подать прошеніе объ отставкѣ, но Елизавета Федоровна, которой сообщилъ объ этомъ намѣреніи Ф. П.—его братъ ген. М. П. Степановъ, занимавшій должность «состоящаго» при ней, потребовала, чтобы Ф. П. Степановъ не подавалъ прошенія объ отставкѣ, находя просьбу объ отставкѣ при такихъ условіяхъ демонстраціей, и вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщала уладить дѣло. Очевидно, благодаря ей, Ф. П. Степановъ вскорѣ получилъ компенсацію въ видѣ званія почетнаго опекуна.

Во второй пріѣздъ въ Москву послѣ начала войны Николай II производилъ въ манежѣ смотръ призваннымъ въ войска запаснымъ. По недостатку у интендантства форменной одежды установленнаго образца запасные были въ разнообразныхъ формахъ. Рассказывали, что царь обратилъ вниманіе на это разнообразіе обмундированія и спросилъ командующаго войсками ген. Сандецкаго о причинахъ такого разнообразія. Говорили, что ген. Сандецкій отвѣтилъ:

— Чтобы показать вашему величеству различные образцы формъ.

Въ началѣ войны было много разговоровъ по поводу того,

что во дворцѣ въ Нескучномъ саду тайно живетъ братъ Александры и Елизаветы Федоровны принцъ гессенскій. Близкіе къ Елизаветѣ Федоровнѣ увѣряли, что тамъ жилъ одно время не принцъ гессенскій, а графъ Бѣлевскій, служившій по Красному Кресту,—сынъ отъ морганатическаго брака вел. кн. Алексѣя Александровича и фрейлины Жуковской, дочери поэта В. А. Жуковскаго.

Много также говорили объ особенномъ вниманіи, которое оказывали Елизавета Федоровна и ея сестра Александра плѣннымъ нѣмцамъ при посѣщеніи госпиталей, а въ концѣ 1916 г. попечительство о военно-плѣнныхъ, находившееся подъ предсѣдательствомъ Александры Федоровны, разослало циркуляръ о лучшемъ обращеніи съ плѣнными. Командующій войсками омскаго военнаго округа Сухомлиновъ (братъ бывшаго военнаго министра) отдалъ приказъ на основаніи этого циркуляра, начинавшійся со словъ «по повелѣнію государыни императрицы Александры Федоровны» и призывавшій къ лучшему обращенію съ плѣнными. Приказъ былъ редактированъ такъ, что при существованіи слуховъ объ особенномъ вниманіи Александры Федоровны къ плѣннымъ нѣмцамъ этимъ приказомъ подтверждались эти слухи. Приказъ появился въ «Развѣдчикѣ» и «Новомъ Времени», а затѣмъ въ нѣкоторыхъ московскихъ изданіяхъ. Послѣдовало строгое распоряженіе по военной цензурѣ не допускать перепечатки этого приказа. Я какъ разъ былъ въ Петроградѣ, когда разыгрывалась эта исторія. Говорили, что Александра Федоровна пришла въ изступленіе, узнавъ объ этомъ приказѣ и появленіи его въ газетахъ, и кричала: «сослать цензора въ Сибирь». Дѣло кончилось тѣмъ, что предсѣдатель главной военно-цензурной комиссіи ген. Звонниковъ былъ уволенъ отъ этой должности.

Елизаветѣ Федоровнѣ я, выражаясь прежнимъ официальнымъ слогомъ, представлялся въ первый разъ вскорѣ послѣ своего приѣзда въ Москву въ 1909 г. Она въ разговорѣ со мной интересовалась дѣтской литературой, говорила, что любитъ русскія сказки и что посылаетъ эти сказки за-границу своимъ маленькимъ родственникамъ. Въ то время она еще не носила страннаго костюма дьякониссы и производила впечатлѣніе изящной женщины. Она держала себя просто, была любезна и обходительна, но ея нерусскій выговоръ странно и смѣшно звучалъ въ стѣнахъ кремлевскаго дворца, гдѣ я былъ у нея.

Судьба избавила меня отъ треній, а можетъ быть, и столкновений съ ген. Гершельманомъ, которыя, вѣроятно, возникли бы, если бы онъ не былъ переведенъ въ Вильно вскорѣ послѣ моего приѣзда въ Москву. Я ожидалъ, что, исполняя петроградскія указанія, встрѣчу противодѣйствіе и въ самомъ комитетѣ со

стороны, если не всѣхъ, то части членовъ его, привыкшихъ къ установившемуся порядку веденія дѣла. Но оказалось, что безусловнымъ противникомъ новшествъ и глубокимъ консерваторомъ во всемъ изъ членовъ комитета былъ только одинъ С. И. Соколовъ, старѣйшій цензоръ, бывшій личный секретарь Каткова. Онъ не сочувствовалъ моимъ «реформаторскимъ» начинаніямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно некрасовскому цензору, гордился тѣмъ, что «на начальство роптать не дерзаетъ, не умѣетъ», и съ его стороны я не встрѣтилъ активного отпора.

Такимъ образомъ, дѣятельность комитета безъ сообыхъ треній пошла по новому руслу. Комитетъ возбуждалъ судебныя дѣла, но стоялъ совершенно въ сторонѣ отъ административныхъ взысканій, налагавшихся градоначальникомъ, впрочемъ, сравнительно рѣдко въ 1909, 1910 и 1911 годахъ. Иногда бывали волненія въ комитетѣ изъ-за жалобъ въ Петроградъ на нѣкоторыя московскія книги и газеты: такъ, напр., много жалобъ въ 1911 г. вызвала книга «Великая Реформа»¹⁾. Приходилось давать объясненія въ томъ смыслѣ, что въ произведеніяхъ печати, вызвавшихъ жалобы, нѣтъ состава преступленія, почему комитетомъ и не были приняты мѣры противъ нихъ.

Принято считать, что въ тотъ періодъ времени, о которомъ идетъ рѣчь, Столыпинымъ производился «нажимъ на законъ», но этотъ «нажимъ» въ вѣдомствѣ печати облекался во всякомъ случаѣ въ то время въ закономѣрныя, — хотя бы съ внѣшней стороны, — формы. Тогдашній начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати А. В. Бельгардъ стремился придать дѣятельности вѣдомства правовой характеръ и отчасти научно-библіографическій, поручивъ учрежденіямъ по дѣламъ печати веденіе научно-библіографической регистраціи произведеній печати, устраивая выставки печатныхъ произведеній и т. п. Но общая внутренняя политика становилась все болѣе реакціонной, правовые принципы отходили все болѣе въ тѣнь, въ министерствѣ все упорнѣе стали говорить о томъ, что главное управленіе печати не хочетъ или не умѣетъ бороться съ нею.

Въ началѣ 1912 г. выдвинулся вопросъ о Распутинѣ. Комитету было предложено наложить аресты на нѣсколько номеровъ газетъ со статьями о немъ и на брошюру о немъ М. А. Новоселова. Аресты эти было предложено произвести на основаніи 1001 ст. Ул. о Нак. (порнографія), хотя наличность порнографіи въ арестованныхъ статьяхъ и брошюрѣ, разоблачавшихъ развратность Распутина въ очень сдержанныхъ формахъ, была весьма

¹⁾ См. о ней въ отдѣлѣ «Мелочи прошлаго».

сомнительна. Тогда шутили по этому поводу, что самъ Распутинъ и его фамилія, очевидно, настолько порнографичны, что одно упоминаніе о нихъ влечетъ за собой примѣненіе 1001 ст. Ул. о Нак. Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ въ это время уже Макаровъ. Отношенія между нимъ и А. В. Бельгардомъ, повидимому, были шероховатыя, и А. В. Бельгардъ ушелъ съ должности начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, а его мѣсто занялъ бывший саратовскій губернаторъ гр. С. С. Татищевъ. Татищевъ пользовался репутаціей строгаго законника-формалиста и человѣка весьма правыхъ взглядовъ. Но бывший саратовскій епископъ Гермогенъ, одна изъ самыхъ яркихъ фигуръ контръ-революціоннаго движенія 1905 и послѣдующихъ годовъ, находилъ его недостаточно правымъ. Между ними завязалась борьба, и гр. Татищевъ былъ вынужденъ выйти въ отставку. Вскорѣ затѣмъ Гермогенъ разошелся со своимъ бывшимъ другомъ Распутинымъ и былъ сосланъ въ Журовицкій монастырь.

Московскій цензоръ Соколовъ, какъ клерикалъ, рѣзко относился къ Татищеву за его борьбу съ Гермогеномъ. Онъ говорилъ, что Татищевъ не Татищевъ, а Тѣтищевъ, производя его фамилію отъ слова «тать». Назначеніе Татищева начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати ошеломило его. Онъ волновался, боялся, что до Татищева дойдетъ слухъ, что онъ бранилъ его, спозаранку сталъ забираться въ комитетъ въ форменномъ вицъ-мундирѣ при орденахъ и медаляхъ, ожидая пріѣзда Татищева, и умеръ отъ удара, не дождавшись его.

Вступивъ въ должность начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, гр. Татищевъ выказалъ незнакомство съ литературой, съ исторіей русской общественной мысли, очень одно-стороннее и грубое пониманіе законовъ при отсутствіи навыка къ юридическому мышленію. Онъ сильно нажималъ педаль. Комитетъ то и дѣло получалъ отъ него бумаги, а я лично письма съ наставленіями строже слѣдить за печатью, съ замѣчаніями за невозбужденіе судебныхъ дѣлъ, съ предупрежденіями, основанными на сообщеніяхъ департамента полиціи, о томъ, что предстоитъ выходъ въ свѣтъ различныхъ «неблагодѣтельныхъ» и «вредныхъ» изданій. Значительная часть дѣлъ, возбуждавшихся по его требованію, проваливалась въ судахъ, а между тѣмъ, не дождавшись исхода этихъ дѣлъ въ судъ, онъ «ставилъ на видъ» комитету невозбужденіе этихъ дѣлъ. Такъ, напримѣръ, было со II томомъ «Разсказовъ» г-жи Милицыной. Судъ снялъ арестъ съ этой книги, а Академія Наукъ увѣнчала ее преміей. Принимая иногда на себя роль сената, онъ давалъ въ своихъ бумагахъ

и письмахъ ко мнѣ весьма докторальнымъ тономъ «разъясненія» различныхъ статей закона и, конечно, эти разъясненія при всей докторальности тона были очень слабы. Онъ настаивалъ на болѣе строгомъ примѣненіи ген. Адріановымъ административныхъ взысканій и въ то время, какъ его предмѣстникъ былъ сторонникомъ независимости учреждений по дѣламъ печати отъ мѣстной администрации, гр. Татищевъ создавалъ такую зависимость. Служба становилась непріятной и тяжелой, и я сталъ думать о томъ, какъ бы дотянуть до конца 1913 года, когда кончался срокъ выслуги мною пенсіи.

Гр. Татищевъ ввелъ широкое примѣненіе 3 пункта 1034⁴ ст. Ул. о Наказ., каравшей за «завѣдомо ложные слухи, возбуждающіе враждебное отношеніе къ правительству». Раньше эта статья почти не примѣнялась вслѣдствіе крайней трудности доказать на судѣ «завѣдомость». Давъ этой статьѣ широкое примѣненіе, гр. Татищевъ, очевидно, вошелъ въ соглашеніе съ Щегловитовымъ, давшимъ указанія по поводу ея судамъ. На основаніи п. 3. ст. 1034⁴ Ул. о Наказ. состоялось привлеченіе къ судебной отвѣтственности В. А. Маклакова за его статью по дѣлу Бейлиса, помѣщенную въ «Русской Мысли».

Лѣтомъ 1913 г. въ Москвѣ появилась социалистическая газета «Нашъ путь». Передъ появленіемъ ея комитетъ получилъ предписаніе главнаго управленія наблюдать за нею съ удесятенной строгостью. Къ этому предписанію была приложена копія съ извѣщеніемъ департамента полиціи на имя главнаго управленія о томъ, что вскорѣ будетъ выходить названная газета при ближайшемъ участіи Малиновскаго.

Газета доставлялась въ комитетъ очень рано: въ 3—3½ ч. утра. Въ комитетѣ дежурный членъ принимался тотчасъ за чтеніе и передавалъ затѣмъ мнѣ по телефону свое заключеніе, подлежитъ ли аресту номеръ или нѣтъ. Изъ вышедшихъ приблизительно 15 номеровъ «Нашего пути» только 2 или 3 не были арестованы. Въ случаяхъ ареста объ этомъ немедленно передавалось по телефону инспектору типографій, а инспекторъ сообщалъ въ полицейскій участокъ, въ районѣ котораго находилась типографія, печатавшая «Нашъ путь». Вблизи типографіи помѣщалась полицейская засада, имѣвшая въ своемъ распоряженіи автомобиль. Получивъ приказъ изъ участка, полицейскіе бросались въ типографію арестовывать номеръ. Если оказывалось, что часть экземпляровъ газеты уже выпущена изъ типографіи, полицейскіе мчались на автомобилѣ ловить эти экземпляры. Такъ разыгрывалась эта, какъ теперь оказывается, сущая комедія: «Нашъ путь» издавался, какъ теперь разоблачено въ печати, на средства департамента полиціи.

Если гр. С. С. Татищевъ былъ совершенно не подготовленъ къ должности начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, то при ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ оказалось, что онъ былъ трудолюбивымъ и безусловно добросовѣстнымъ человекомъ, старавшимся вникнуть въ тѣ дѣла и вопросы, съ которыми ему пришлось имѣть дѣло. Съ теченіемъ времени его кругозоръ замѣтно расширился, взгляды его на многое измѣнились и, какъ тогда шутя говорили, онъ «полѣвѣлъ». Но Н. А. Маклаковъ не «лѣвѣлъ»: онъ требовалъ усиленныхъ каръ для печати, въ чемъ Татищевъ все болѣе расходился съ нимъ. По заведенному порядку, министру внутреннихъ дѣлъ ежедневно представлялись «Освѣдомительнымъ Бюро», а послѣ преобразованія этого «Бюро» въ «Бюро печати» этимъ послѣднимъ, выписки изъ всѣхъ русскихъ газетъ. Когда въ 20-хъ числахъ сентября 1914 г. гр. Татищевъ былъ въ Москвѣ, мнѣ были сообщены по телефону изъ Петрограда для передачи Татищеву помѣты Маклакова на этихъ выпискахъ, касавшіяся московскихъ газетъ.

По поводу замѣтки «Русскаго Слова»—«Министерство народнаго здравія», въ которой говорилось объ обсужденіи вопроса объ образованіи этого министерства въ совѣтѣ министровъ, Маклаковъ написалъ: «Неправда. 6 и 6 голосовъ. Перевѣсъ даетъ только голосъ предсѣдателя», а потому—оштрафовать. По поводу статьи «Утра Россіи»—«О польско-еврейскихъ отношеніяхъ» Маклаковъ сдѣлалъ помѣтку: «Какая автономія!»—Оштрафовать. По поводу замѣтки «Русскихъ Вѣдомостей»—«Къ аресту Бурцева» Маклаковъ положилъ резолюцію: «Надо оштрафовать, какъ завѣдомую ложь. Этотъ вопросъ въ совѣтѣ министровъ совѣмъ не обсуждался». Кромѣ того, Маклаковъ требовалъ оштрафованія «Русскихъ Вѣдомостей» за передовую статью въ номерѣ отъ 20 сентября и за «Письмо въ редакцію», подписанное буквой В., и «Утра Россіи» за статью «На поляхъ сраженій». Татищевъ нашелъ, что ни за одну изъ этихъ статей нѣтъ основаній налагать административныя взысканія, но потомъ, насколько помню, Маклаковъ настоялъ на оштрафованіи «Русскихъ Вѣдомостей» за вышеупомянутыя статьи. «Русскія Вѣдомости» онъ особенно не любилъ.

Въ день появленія въ газетахъ воззванія великаго князя Николая Николаевича къ полякамъ Татищевъ тоже былъ въ Москвѣ. Мнѣ телефонировали изъ Петрограда: «передайте графу отъ имени министра (Н. А. Маклакова) и сами примите къ руководству и исполненію, что воззваніе великаго князя надлежитъ понимать въ предѣлахъ предоставленія полякамъ городского и земскаго самоуправленія; къ этому министръ добавилъ, что

таково не только его личное мнѣніе, но и всего совѣта министровъ». Между тѣмъ, несомнѣнно, воззваніе шло гораздо дальше городского и земскаго самоуправленія, и, вѣроятно, единства мнѣній по этому вопросу въ совѣтѣ министровъ не было. Татищевъ, когда я передалъ ему петроградское сообщеніе, пожавъ плечами, сказалъ:

— Разъ это сообщается отъ имени министра, скажите редакторамъ, что такова точка зрѣнія правительства.

Въ мартѣ 1915 г. умеръ Татищевъ отъ зараженія крови вслѣдствіе порѣза бритвой, а въ апрѣлѣ пріѣхалъ въ Москву Н. А. Маклаковъ и вызвалъ меня къ себѣ.

— Я долженъ сказать вашему превосходительству,—началъ онъ, когда я явился къ нему, а я подумалъ: «значить, дѣло плохо, если министръ титулуется подчиненнаго вашимъ превосходительствомъ», что московская печать крайне распушена, что можетъ повлечь для васъ серьезныя послѣдствія. Теперь во время войны особенно необходимо патріотическое настроеніе общества, а между тѣмъ московская печать производитъ «распылъ» этого настроенія.

Онъ распространился на эту тему, упомянулъ о томъ, что германскія войска зашли далеко вглубь (Гродно) въ такомъ тонѣ, точно въ этомъ была повинна московская печать, а не Сухомлиновъ и Мясоѣдовъ. —Вотъ, напримѣръ, это «Утро» («Утро Россіи»), «Утро»,—кончилъ онъ свое словоизліяніе,—а эта профессорская газета («Русск. Вѣдомости»)!

Слова «профессорская газета» онъ не произнесъ, а прошипѣлъ. Я отвѣтилъ ему, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нарушается дѣйствующій законъ, примѣняются мѣры воздѣйствія, что «Русскія Вѣдомости»—органъ «кадетскаго» направленія, но въ общемъ сдержанный, и къ этой газетѣ... Но онъ рѣзко перебилъ меня: «Вотъ и вы о законѣ. Покойный графъ Татищевъ тоже все ссылался на статьи закона, а я говорилъ ему, что теперь всѣ статьи закона бездѣйствуютъ за исключеніемъ единственной, которая называется «голова со здоровымъ смысломъ на плечахъ»...

Находившійся при этомъ разговорѣ ген. Адріановъ, видя, что дѣло обостряется, перебилъ Маклакова:

— А вы, ваше высокопревосходительство, еще говорили мнѣ о «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

— Ахъ, да,—сказалъ Маклаковъ, переходя въ спокойный тонъ,—скажите, пожалуйста, редактору «Московскихъ Вѣдомостей», что со стороны officialнаго органа совершенно недопустима эта травля Саблера, эти выходки противъ архіереевъ («Московск. Вѣд.» называли московскаго викарія Дмитрія «архіе-

реемъ съ крашеной бородой)... Итакъ, надѣюсь, ваше превосходительство, что вы примете всѣ необходимыя мѣры.

Не передавая подробностей, я предупредилъ А. А. Мануилова, что Н. А. Маклаковъ сильно раздраженъ противъ «Русскихъ Вѣдомостей».

Нѣсколько дней спустя послѣ этого разговора съ Маклаковымъ въ Москву неожиданно былъ назначенъ главноначальствующимъ кн. Юсуповъ, которому было поручено командованіе войсками и завѣдываніе гражданскимъ управленіемъ.

Назначеніе кн. Юсупова находилось въ связи съ удаленіемъ изъ Москвы ген. Сандецкаго. А. Г. Сандецкій, относившійся крайне враждебно къ проявленію общественной инициативы въ дѣлѣ призрѣнія раненыхъ, былъ недоволенъ и вмѣшательствомъ въ это дѣло «этой бабы», какъ онъ выражался,—Елизаветы Федоровны. Имъ было сдѣлано относительно раненыхъ нѣсколько дикихъ распоряженій: такъ, напр., онъ распорядился устроить въ отдѣленіи Лефортовскаго госпиталя на Введенскихъ горахъ, чтобы увеличить вмѣстимость этого отдѣленія, нары для раненыхъ въ нѣсколько ярусовъ. Не говоря о томъ, что въ случаѣ осуществленія этого распоряженія раненымъ пришлось бы дышать очень спертымъ воздухомъ, для нихъ было бы очень затруднительно взбираться въ верхніе ярусы и спускаться оттуда. Врачи сообщили объ этомъ распоряженіи Елизаветѣ Федоровнѣ, и она отмѣнила распоряженіе Сандецкаго. Затѣмъ имъ былъ изданъ приказъ о томъ, чтобы патрули «хватали» на улицахъ раненыхъ. Этотъ приказъ былъ редактированъ такъ, что въ случаѣ исполненія его раненые не могли бы ходить изъ лазаретовъ на перевязку, въ баню, въ церковь или на прогулку, чтобы подышать воздухомъ. И этотъ приказъ былъ отмѣненъ. Отношенія между Сандецкимъ и Елизаветой Федоровной обострились, и онъ былъ удаленъ изъ Москвы.

Какъ говорили, Марья Федоровна и Ксенія Александровна, на дочери которой женатъ принимавшій участіе въ убійствѣ Распутина сынъ кн. Юсупова, узнавъ объ уходѣ Сандецкаго, рѣшили назначить въ Москву главноначальствующимъ кн. Юсупова. Если это вѣрно, то назначеніе кн. Юсупова въ Москву было послѣднимъ назначеніемъ подъ вліяніемъ Марьи Федоровны, такъ какъ съ лѣта 1915 г. ея вліяніе на сына окончательно падаетъ, и она переселяется изъ Петрограда въ Кіевъ.

Кн. Юсуповъ, ставъ главноначальствующимъ въ Москвѣ, опредѣленно высказался въ томъ смыслѣ, что онъ хочетъ установить съ печатью мирныя отношенія и будетъ избѣгать административнаго воздѣйствія на нее.

Прошло недѣли три съ прїѣзда кн. Юсупова въ Москву, и я получилъ официальное письмо отъ временно исполняющаго должность начальника главнаго управленія по дѣламъ печати А. В. Муромцева о томъ, чтобы «неотступно просить» князя отъ имени Маклакова объ оштрафованіи «Русскихъ Вѣдомостей» за замѣтку о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ и организаціи контроля надъ ихъ дѣятельностью. Я поѣхалъ съ письмомъ къ кн. Юсупову, у котораго засталъ А. А. Адріанова. Юсуповъ спросилъ меня, вижу ли я основаніе для штрафа. Я отвѣтилъ отрицательно. Ген. Адріановъ сказалъ, что и онъ не видитъ.

— Напишите, — рѣшилъ Юсуповъ, — что я согласился бы оштрафовать, если бы было доказано, что сообщаемыя свѣдѣнія ложны, а можетъ быть, они вѣрны, — можетъ быть, эти свѣдѣнія дало министерство финансовъ.

Такъ я и отвѣтилъ, а нѣсколько дней спустя поѣхалъ въ Петроградъ познакомиться съ новымъ начальникомъ по дѣламъ печати А. А. Катенинымъ. Въ Петроградѣ мнѣ было объявлено, что Маклаковъ рѣшилъ «Русск. Вѣд.» закрыть, а меня уволить. Я самъ думалъ объ отставкѣ, и переходѣ на частную службу, но выходить въ отставку по капризу Маклакова и притомъ, не имѣя никакого мѣста, я не хотѣлъ. Я рѣшилъ лично переговорить съ Маклаковымъ, записался на пріемъ къ нему, попросивъ сообщить мнѣ по телеграфу въ Москву, когда именно я буду принять Маклаковымъ, а самъ поѣхалъ въ Москву за матеріаломъ, необходимымъ для объясненій съ Маклаковымъ. Передъ отъѣздомъ я побывалъ у товарища министра В. Ф. Джунковскаго, который сказалъ, что закрытіе «Русск. Вѣд.» — дѣло нежелательное, и что онъ переговоритъ съ Маклаковымъ по этому вопросу и лично обо мнѣ. На слѣдующій день по прїѣздѣ въ Москву я получилъ телеграмму отъ В. Ф. Джунковскаго: «дѣло принимаетъ благопріятный оборотъ», а одинъ изъ московскихъ общественныхъ дѣятелей, съ которымъ я говорилъ въ Москвѣ по поводу всей этой исторіи, сказалъ мнѣ: «имѣйте въ виду при объясненіи съ Н. А. Маклаковымъ, что онъ трусъ». А еще черезъ день, когда я ночью писалъ объяснительную записку, съ которой собирался явиться къ Маклакову, раздался телефонный звонокъ, и дежурившій въ военной цензурѣ членъ комитета сообщилъ мнѣ, что въ присланной въ военную цензуру гранкѣ «Голоса Москвы» помѣщено извѣстіе объ увольненіи Маклакова. Я спросилъ по телефону «Русское Слово», вѣрно ли это сообщеніе, и получилъ утвердительный отвѣтъ.

Между тѣмъ въ Москвѣ начались разговоры по поводу выпущеннаго московскимъ комитетомъ «Краснаго Креста» по снаб-

женію раненыхъ произведеніями печати сборника «Война и Русь». Дѣло въ томъ, что въ сборникѣ былъ помѣщенъ портретъ Николая II въ черномъ ободкѣ: портретъ былъ сдѣланъ на фонѣ карты Россіи, и отъ фигуры бывшаго царя падала тѣнь на эту карту. Рядомъ съ этимъ портретомъ былъ напечатанъ портретъ Николая Николаевича: Н. Н. былъ изображенъ въ лучахъ сіяющаго солнца, а подъ портретомъ—войска и мальчикъ въ казачьей формѣ верхомъ на лошади. Въ этихъ двухъ изображеніяхъ видѣли такой смыслъ: конецъ царствованія Николая II, воцареніе наследника, регентство Николая Николаевича. Кн. Юсуповъ рѣшилъ, что этотъ инцидентъ не слѣдуетъ раздувать, что надо закрыть глаза, но просилъ меня во всякомъ случаѣ переговорить съ новымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ кн. Щербатовымъ. Хотя Маклаковъ сошелъ со сцены и, слѣдовательно, вопросъ о моемъ увольненіи отпадалъ, тѣмъ не менѣе я рѣшилъ поѣхать въ Петроградъ, чтобы разобраться въ новомъ положеніи, создавшемся послѣ ухода Маклакова.

Первымъ вопросомъ кн. Щербатова, когда я пришелъ къ нему, былъ вопросъ объ оштрафованіи «Русск. Вѣд». Послѣ отказа кн. Юсупова оштрафовать эту газету Маклаковъ не успокоился, и было предложено наложить штрафъ московскому градоначальнику. Вслѣдствіе увольненія въ связи съ нѣмецкимъ погромомъ ген. Адрианова должность градоначальника временно исполнялъ ген. Золотаревъ. Онъ медлилъ исполнить требованіе Маклакова, говорилъ, что онъ «калифъ на часъ»: на-дняхъ, молъ, пріѣдетъ новый градоначальникъ, пусть и штрафуетъ. Дѣло, такимъ образомъ, затянулось, и штрафъ на «Русск. Вѣд» былъ наложенъ въ день увольненія Маклакова, а сообщеніе объ этомъ штрафѣ появилось въ газетахъ дня два спустя, когда министерствомъ внутреннихъ дѣлъ управлялъ уже кн. Щербатовъ. Отвѣчая на его вопросъ, я рассказалъ ему всю исторію наложенія этого штрафа.

— Штрафъ наложенъ неправильно,—сказалъ онъ,—я отмѣню (и, дѣйствительно, отмѣнилъ). А вотъ,—продолжалъ онъ,—сейчасъ я узналъ, что градоначальникъ еще наложилъ штрафъ на «Вечернія Извѣстія» за замѣтку о переѣздѣ Маклакова съ министерской дачи. Я не понимаю, въ чемъ тутъ дѣло.

Я не зналъ объ этомъ штрафѣ, но, взявъ въ руки переданный мнѣ кн. Щербатовымъ номеръ газеты, высказалъ предположеніе, что газета подверглась оштрафованію за то, что подъ замѣткой о переѣздѣ Маклакова было напечатано буквами вверхъ ногами «волею Аллаха».

— А я и не замѣтилъ,—отвѣтилъ онъ,—вѣдь это надо въ

микроскопъ смотрѣть. По воробьямъ изъ пушекъ не стрѣляютъ. И этотъ штрафъ надо отмѣнить, да и вообще скажите градоначальнику, чтобы онъ не штрафовалъ газетъ безъ предварительнаго сношенія со мною по телефону.

Кн. Щербатовъ, назначенный министромъ противъ своего желанія, и назначенный его товарищемъ по министерству товарищъ председателя Государственной Думы кн. Волконскій, видимо, хотѣли измѣнить положеніе печати. Былъ снятъ не оформленный и не опубликованный, но фактически существовавшій съ 1912 г. запретъ писать о Распутинѣ, печать заговорила о немъ. Одновременно съ этимъ новый военный министръ ген. Поливановъ высказался противъ обращенія военной цензуры въ политическую, въ этомъ смыслѣ послѣдовало разъясненіе начальника штаба верховнаго главнокомандующаго ген. Янушкевича, и военнымъ цензорамъ было предписано руководиться исключительно военной точкой зрѣнія. Но председатель совѣта министровъ И. Л. Горемыкинъ не раздѣлялъ взглядовъ кн. Щербатова и ген. Поливанова: по его настоянію, возобновилось наложеніе административныхъ штрафовъ на газеты. Онъ испросилъ высочайшее повелѣніе на запрещеніе печати сообщать о предполагаемыхъ переменахъ на высшихъ должностяхъ. Онъ вошелъ съ докладомъ къ Николаю II объ отмѣнѣ распоряженія ген. Янушкевича, поставившаго военную цензуру въ рамки военныхъ интересовъ. Наконецъ, онъ поручилъ главному управленію по дѣламъ печати выработать проектъ общей предварительной политической цензуры. Слухъ объ этомъ порученіи проникъ въ печать, и появился рядъ рѣзкихъ статей противъ этой мѣры. Правительство заявило въ печати, что предположенія объ этой мѣрѣ не возникало, но на дѣлѣ оно было.

Послѣ 3½-мѣсячнаго управленія министерствомъ вн. дѣлъ кн. Щербатовъ, нѣсколько разъ въ теченіе этого времени просившій объ увольненіи, былъ уволенъ, а затѣмъ послѣдовало увольненіе и ген. Поливанова. Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ А. Н. Хвостовъ, но недолго послѣ этого удержался и Горемыкинъ: его замѣнилъ Б. В. Штюрмеръ. Сейчасъ послѣ своего назначенія Хвостовъ поѣхалъ въ свое орловское имѣніе, гдѣ пробылъ нѣсколько дней, а возвращаясь оттуда черезъ Москву, распорядился собрать на курскомъ вокзалѣ всѣхъ старшихъ московскихъ чиновъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Войдя въ залъ, въ которомъ мы были собраны, А. Н. Хвостовъ обернулся лицомъ къ жандармамъ, а къ остальнымъ спиною. Онъ разсыпался въ комплиментахъ передъ жандармами, а затѣмъ обошелъ остальныхъ, подавая, молча, руку. Когда Хвостовъ

вышелъ изъ зала, слышались насмѣшки и колкости на его счетъ. Въ этотъ день Москва была объявлена на военномъ положеніи. На вокзалѣ былъ командующій войсками ген. Мрозовскій, получившій съ введеніемъ военнаго положенія широкія права, и тутъ же, на вокзалѣ, знакомившійся съ собравшимися по случаю проѣзда Хвостова чинами министерства внутреннихъ дѣлъ.

Вскорѣ послѣ проѣзда А. Н. Хвостова черезъ Москву я поѣхалъ въ Петроградъ. Тамъ по всему было видно, что фактически Хвостовъ управлялъ министерствомъ не одинъ, а вдвоемъ съ новымъ товарищемъ министра С. П. Бѣлецкимъ, который при Макаровѣ былъ директоромъ департамента полиціи. Начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати А. А. Катенинъ сейчасъ-же по вступленіи Хвостова въ управленіе министерствомъ былъ устраненъ отъ должности, а затѣмъ даже высланъ изъ Петрограда подъ видомъ командировки.

Устранивъ Катенина, Хвостовъ поручилъ временно завѣдывать главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати главному редактору «Правительственнаго Вѣстника» кн. С. П. Урусову, автору книгъ по коневодству, а затѣмъ назначилъ на эту должность бывшаго директора департамента полиціи сенатора Судейкина, пробывшаго начальникомъ вѣдомства печати мѣсяца четыре.

Все говорило о томъ, что Горемыкинъ, Хвостовъ и Бѣлецкій хотятъ сильно сжать печать, и что они считаютъ дѣятельность военной цензуры недостаточно ограждающей интересы политики.

Смягченный при кн. Щербатовѣ нажимъ на военную цензуру со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ, при Хвостовѣ усилился въ предѣлахъ, превосходившихъ эти предѣлы при Маклаковѣ, и въ Москвѣ стало легче производить этотъ нажимъ, потому что было введено военное положеніе, которое расширило права командующаго. Неоформленное до кн. Щербатова, а имъ отмѣненное, запрещеніе писать о Распутинѣ при Хвостовѣ получило подтвержденіе и было изложено имъ въ телеграммѣ, составленной въ весьма категорическихъ выраженіяхъ. Ген. Мрозовскій пробовалъ было протестовать противъ этого распоряженія. «Что за новая высочайшая особа этотъ Грышка, почему онъ неприкосновененъ»,—говорилъ Мрозовскій, выговаривая на польскій ладъ слово «Гришка», но въ концѣ-концовъ уступилъ петроградскимъ требованіямъ. Какъ извѣстно, А. Н. Хвостовъ, пробывшій министромъ 5 мѣсяцевъ, къ концу своей министерской карьеры разошелся съ Бѣлецкимъ, своимъ товарищемъ по должности и однимъ изъ ближайшихъ друзей Распутина, и пытался бороться съ Распутинымъ, но закрѣпленіе неприкосновенности Гришки въ печати связано съ именемъ Хвостова.

Передъ своимъ уходомъ Хвостовъ успѣлъ перевести московскаго градоначальника Климовича на должность директора департамента полиціи. Назначенный вмѣсто ген. Климовича московскимъ градоначальникомъ В. Н. Шебеко пріѣхалъ въ Москву въ очень воинственномъ настроеніи. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе искренняго человѣка, но совсѣмъ не подготовленнаго къ серьезному дѣлу: повидимому, онъ считалъ власть градоначальника безпредѣльною и былъ готовъ стремительно сокрушить и московскую печать, и комитетъ по дѣламъ печати, но его пылъ и задоръ встрѣтили противоудѣйствіе со стороны ген. Мрозовскаго. Послѣдній считалъ себя полновластнымъ хозяиномъ Москвы и видѣлъ въ рвеніи Шебеко посягательство на свою власть и прерогативы.

Вскорѣ послѣ назначенія Шебеко пріѣхалъ въ Москву новый министръ внутреннихъ дѣлъ Б. В. Штюрмеръ и остановился въ «Национальной гостиницѣ». Я встрѣчалъ въ Петроградѣ у знакомыхъ его жену и его брата. М-ме Штюрмеръ производила впечатлѣніе властной женщины. Самого Б. В. Штюрмера я не видалъ до его назначенія министромъ внутреннихъ дѣлъ. Люди, знавшіе его раньше, говорили, что со дня назначенія его председателемъ совѣта министровъ онъ какъ-то сразу сильно постарѣлъ. Когда я познакомился съ нимъ,—это былъ старикъ съ дребезжающимъ голосомъ, сѣменившій ногами. Онъ страдалъ въ это время старческой безсонницей, назначалъ иногда пріемы у себя въ 5 часовъ утра, въ 6—7 утра будилъ по телефону своихъ ближайшихъ подчиненныхъ, а днемъ нѣсколько разъ на него находилъ сонъ, и онъ засыпалъ на короткое время въ креслѣ или на диванѣ. Я попалъ къ нему, видимо, въ такой моментъ, когда имъ овладѣла сонливость: онъ смотрѣлъ на меня посоловѣвшими глазами и, видимо, дѣлалъ усиліе, чтобы они не закрылись.

Я заговорилъ съ нимъ по поводу одной курьезной исторіи, которая тогда разыгралась. На буквѣ «Р» въ заглавіи газеты «Русское Слово» имѣется цифра маленькаго размѣра. Эта цифра означаетъ № ротационной машины, на которой отпечатанъ данный экземпляръ газеты. Кто-то обратилъ вниманіе на эти мало-замѣтныя цифры, и по поводу этихъ цифръ пошли толки и слухи: по одной версіи, эти цифры—являлись какими-то «шпіонскими знаками», по другой—оцѣнкой нашего положенія на фронтѣ по 12-бальной системѣ. Кто-то прислалъ посланіе объ этомъ въ комитетъ и председателю военно-цензурной комиссіи.

Предполагая, что Штюрмеру могутъ быть переданы эти слухи, я выяснилъ ему значеніе цифръ на буквѣ «Р».

— А это дѣйствительно такъ?—спросилъ онъ.

— Да, такъ.

— Больше у васъ ничего особенно выдающагося? Мнѣ было бы очень пріятно поговорить съ вами, но у меня сейчасъ засѣданіе по продовольственному дѣлу.

Мы распрощались, и онъ, вѣроятно, поторопился заснуть передъ засѣданіемъ. вмѣстѣ со Штюмеромъ пріѣзжалъ въ Москву С. Я. Гурляндъ, ближайшій совѣтникъ и сотрудникъ Штюмера. Оставивъ амплуа либеральнаго фельетониста московскихъ «Новостей Дня», которое онъ занималъ въ первой половинѣ 90-хъ годовъ XIX в., подписываясь подъ фельетонами «Арсеній Г.», Гурляндъ занялъ каведру въ Ярославскомъ лицѣ. Въ Ярославлѣ Гурляндъ сталъ часто бывать въ домѣ Штюмера, который былъ тогда ярославскимъ губернаторомъ. Когда Штюмеру было поручено произвести «ревизію» тверского земства, Штюмеръ взялъ себѣ въ помощники Гурлянда. Это было при Плеве, и съ тѣхъ поръ Гурляндъ перешелъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Значительно превосходя Штюмера образованіемъ, способностями и сообразительностью, Гурляндъ, несомнѣнно, помогъ Штюмеру выдвинуться въ предсѣдатели совѣта министровъ, и былъ его суфлеромъ, когда онъ получилъ власть, но въ послѣднія недѣли нахожденія его у власти разошелся съ нимъ. Изъ всѣхъ «слугъ стараго режима», подлежащихъ аресту, удалось скрыться, насколько я знаю, одному Гурлянду.

Съ назначеніемъ Штюмера предсѣдателемъ совѣта министровъ и особенно съ тѣхъ поръ, когда онъ получилъ портфель министра внутреннихъ дѣлъ, Гурляндъ, и раньше игравшій роль въ дѣлахъ печати, пріобрѣлъ большое вліяніе на эти дѣла.

При Штюмерѣ возобновились разговоры о томъ, что военная цензура слишкомъ либеральна, что мало ограждаетъ общегосударственные интересы, и что московская печать распушена. Толки о распушенности московской печати отчасти поддерживались петроградскимъ комитетомъ по дѣламъ печати, который заявлялъ, что его усилія въ борьбѣ съ печатью парализуются Москвой, гдѣ печать ведетъ себя очень развязно, а отчасти и нѣкоторыми петроградскими газетами, помѣщавшими на своихъ столбцахъ жалобы на то, что въ Петроградѣ запрещаются появляющіяся въ московской печати статьи и сообщенія.

Что касается «распушенности» московской печати, то Маклаковъ обвинялъ въ этомъ лично меня, а при Штюмерѣ видѣли причину этой «распушенности» въ томъ, что въ Москвѣ неполная военная цензура, т.-е., подлежатъ военной цензурѣ только статьи и замѣтки, имѣющія связь съ войной, арміей и флотомъ. Надо замѣтить, что къ числу такихъ статей и замѣтокъ относи-

лись и сообщенія о «народныхъ волненіяхъ» и о Распутинѣ, но и такое расширеніе сферы военной цензуры признавалось недостаточнымъ, и было рѣшено ввести въ Москвѣ полную военную цензуру. Лѣтомъ 1916 г. Штюмеръ былъ уволенъ отъ должности предсѣдателя совѣта министровъ, а еще раньше онъ былъ перемѣщенъ съ должности министерства внутреннихъ дѣлъ на должность министра иностранныхъ дѣлъ, а министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ А. А. Хвостовъ, дядя А. Н. Хвостова. А. А. Хвостова я встрѣчалъ въ Петроградѣ у знакомыхъ до его назначенія министромъ внутреннихъ дѣлъ: въ роли министра я не видалъ его и, насколько знаю, онъ мало вліялъ на дѣла министерства, предоставляя широкую самостоятельность начальникамъ вѣдомствъ.

А. Ф. Треповъ, занявшій послѣ Штюмера должность предсѣдателя совѣта министровъ, видимо, пытался, улучшить отношенія правительства съ Государственной Думой и съ печатью. Не знаю закулисной стороны исторіи его попытокъ улучшить отношенія съ Думой, но что касается печати, то онъ встрѣтилъ опредѣленное противодѣйствіе со стороны А. Д. Протопопова, послѣдняго министра внутреннихъ дѣлъ стараго режима.

Совершилось убійство Распутина. Первое извѣстіе объ этомъ появилось въ петроградскихъ вечернихъ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ». Мнѣ было передано изъ Петрограда по телефону, что это извѣстіе «не отвѣчаетъ дѣйствительности, а потому не подлежитъ оглашенію», но петроградская и московская печать стала писать объ этомъ убійствѣ, называя лишь Распутина не по фамиліи, а «лицомъ». Прошло дня 3—4, и послѣдовало распоряженіе въ Петроградѣ, переданное и въ Москву, что объ убійствѣ Распутина и свѣхъ связанныхъ съ этимъ дѣломъ обстоятельствахъ запрещается печатать и безъ упоминанія фамиліи Распутина.

За нѣсколько времени до убійства Распутина Елизавета Федоровна ѣздила къ своей сестрѣ убѣждать ее прогнать Распутина, но не имѣла успѣха. Между сестрами произошла, повидимому, серьезная размолвка. Вернувшись въ Москву, Елизавета Федоровна сейчасъ же уѣхала въ Саровскую пустынь, чтобы тамъ успокоиться отъ пережитыхъ волненій. Въ то время въ извѣстной части московскаго общества много говорили объ этомъ. Когда совершилось убійство, Елизавета Федоровна телеграфировала въ Петроградъ своему воспитаннику вел. кн. Дмитрію Павловичу, затѣмъ высланному изъ Петрограда, спрашивая о подробностяхъ убійства, и кн. Юсуповой, утѣшая ее. Послѣдняя телеграмма кончалась словами: «Да укрѣпитъ Господь вашего сына!» Кто-то изъ военно-телеграфныхъ цензоровъ сказалъ объ этихъ телеграм-

махъ одному изъ цензоровъ по печати. Начались разговоры, пошли слухи въ городѣ, при чемъ городскіе слухи нѣсколько переиначивали содержаніе телеграммъ. Ген. Мрозовскій сдѣлалъ замѣчаніе за разглашенія этихъ телеграммъ председателю московской военно-цензурной комиссіи ген. Добровольскому и мнѣ.

Съ А. Д. Протопоповымъ я познакомился вскорѣ послѣ его назначенія министромъ внутреннихъ дѣлъ при его возвращеніи изъ Ставки черезъ Москву въ Петроградъ. Я былъ принятъ имъ при его отъѣздѣ изъ Москвы въ салонномъ вагонѣ. Мнѣ пришлось нѣсколько времени подождать въ гостиной вагона, такъ какъ въ это время онъ разговаривалъ въ кабинетѣ съ В. Н. Шебеко. Въ гостиной были дочь Протопопова, ея мужъ офицеръ Митрофановъ и его родственникъ въ формѣ военнаго врача, а также тогдашній директоръ департамента общихъ дѣлъ П. П. Стремоуховъ. Г-жа Митрофанова говорила, что ея отецъ сильно похудѣлъ со времени назначенія министромъ.

— Потому что очень много работаетъ,—замѣтилъ Стремоуховъ. Вообще, русскіе государственные люди работаютъ гораздо больше иностранныхъ. Вотъ, напримѣръ, Гладстонъ посвящалъ государственной работѣ сравнительно небольшое число часовъ, игралъ каждый день 2 часа въ лаунъ-теннисъ. А что сказали-бы у насъ, если бы узнали, что министръ играетъ въ лаунъ-теннисъ!..

Изъ кабинета вышелъ Шебеко, и я былъ принятъ Протопоповымъ съ салонной любезностью. Онъ просилъ меня передать редакторамъ газетъ, что правительство рѣшило повысить твердыя цѣны на хлѣбъ, и сказалъ (о чемъ я зналъ), что имѣлъ въ градоначальствѣ бесѣду съ представителями московской печати. Послѣ этого онъ всталъ, поднялъ руки на архіерейскій манеръ и произнесъ:

— Тяжелое время! Да спасетъ насъ всѣхъ Господь и да хранить васъ Богъ!

Въ первый разъ мнѣ пришлось получить отъ министра архіерейское благословеніе, и мнѣ показалось, что Протопоповъ актерствуетъ.

Въ Петроградѣ начались усиленныя репрессіи противъ печати, и Протопоповъ настаивалъ на усиленіи репрессій въ Москвѣ—къ концу января 1917 г. я поѣхалъ въ Петроградъ. Тогдашній начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, В. А. Удинцевъ спросилъ меня, хочу-ли я видѣться съ Протопоповымъ. Я отвѣтилъ, что у меня нѣтъ дѣла къ министру.

— Да его и трудно поймать,—замѣтилъ Удинцевъ. Онъ не умѣетъ распределять своего времени, и недавно, когда мнѣ надо

было съ нимъ повидаться, и онъ назначилъ мнѣ пріемъ въ 11 ч. утра, я попалъ къ нему только къ 7 вечера, потерявъ въ ожиданіи болѣе 7 часовъ. Но совѣтую вамъ повидаться съ товарищемъ министра Куколь-Яснопольскимъ.

Куколь былъ назначенъ Протопоповымъ товарищемъ министра изъ числа старыхъ министерскихъ чиновниковъ. Онъ сидѣлъ въ квартирѣ Протопопова, подписывалъ менѣе важныя бумаги «за министра» и принималъ по менѣе важнымъ дѣламъ просителей и докладчиковъ. Онъ былъ исполнителемъ, но вліянія не имѣлъ. Вліятельнымъ совѣтникомъ и вдохновителемъ Протопопова былъ находившійся за кулисами П. Г. Курловъ.

Когда я пріѣхалъ къ Куколю, онъ заговорилъ объ уходѣ Удинцева и возвращеніи на должность начальника главнаго управленія по дѣламъ печати А. А. Катенина, о революціонномъ настроеніи печати, о томъ, что печать «разложила» не только низы, но и верхі общества.

Не успѣлъ онъ произнести этой фразы, какъ предъ нами предсталъ бывший короткое время министромъ земледѣлія гр. А. А. Бобринскій, съ которымъ я встрѣчался во время своей службы въ Кіевѣ. Я не замѣтилъ, какъ онъ вошелъ, потому что сидѣлъ спиной къ входной двери. Въ то время, когда я здоровался съ гр. Бобринскимъ, появился и Протопоповъ, очевидно, шедшій за нимъ.

— Г-нъ Сидоровъ?—спросилъ меня Протопоповъ. (Вѣроятно, Куколь шепнулъ ему, кто я, такъ какъ онъ врядъ-ли могъ-бы узнать меня послѣ мимолетнаго знакомства въ Москвѣ). Я отвѣтилъ утвердительно.

— Пустяки, — заговорилъ Протопоповъ истерическимъ тономъ, — пустяки! Говорятъ, что пустяки! А я говорю, что это не пустяки! (Онъ поднялъ руку, грозя пальцемъ). Какіе пустяки, если печать разложила не только низы, но и верхи...

— Я только что говорилъ объ этомъ, почтительно перебилъ Куколь.

Я чувствовалъ, что губы у меня искажены судорогой оттого, что Протопоповъ близко наклонилъ къ моему лицу свое истерически-искаженное лицо съ дико-вытаращенными глазами. Онъ быстро подаль мнѣ руку и стремительно удалился въ ту дверь, въ которую за минуту-двѣ до того ушелъ гр. Бобринскій. Мнѣ объяснили, что одинъ изъ «пунктиковъ» Протопопова заключался въ томъ, что печать распропагандировала великихъ князей («печать разложила не только низы, но и верхи»). Одни говорили: министр-сумасшедшій, другіе сравнивали его съ сержантомъ Шубинымъ: императрица Елизавета Петровна какъ-то

обратила вниманіе на стоявшаго на часахъ у дворца сержанта Шубина и потрепала его по щекѣ; опьяненный лаской царицы, Шубинъ нанялъ тройку и велѣлъ мчать себя по городу, крича «дави народъ, дави народъ». Говорили, что попавъ въ фаворъ, бывшій парижскій бульвардье изъ гвардейскихъ офицеровъ и салонный шармеръ Протопоповъ пришелъ въ ражъ и потерялъ здравый смыслъ.

Новый начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати А. А. Катенинъ предложилъ мнѣ перейти на должность председателя петроградскаго комитета. По личнымъ соображеніямъ и согласился на это перемѣщеніе. 26 февраля мнѣ телефонировали изъ Петрограда, чтобы ускорить отъѣздъ изъ Москвы. Я отвѣтилъ, что выѣду 4 марта.

Между тѣмъ, по слухамъ начавшіяся 23 февраля волненія въ Петроградѣ усиливались. 27 февраля днемъ я спросилъ по телефону одного изъ чиновниковъ главнаго управленія по дѣламъ печати о положеніи въ Петроградѣ и получилъ отвѣтъ, что тамъ успокаивается. Вечеромъ въ этотъ день, по распоряженію ген. Мрозовскаго, были приглашены редакторы ежедневныхъ газетъ въ военно-цензурную комиссію. Они сообщили объ образованіи исполнительнаго комитета при Государственной Думѣ и выразили желаніе напечатать объ этомъ. Спрошенный по телефону по этому поводу ген. Мрозовскій отвѣтилъ отказомъ. Послѣ ухода редакторовъ изъ комиссіи я спросилъ московское отдѣленіе «Петроградскаго Телеграфнаго Агентства», не получено-ли имъ извѣстій о положеніи дѣлъ въ Петроградѣ. Отдѣленіе отвѣтило, что получаютъ заграничныя телеграммы, но о томъ, что происходитъ въ Петроградѣ, нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Я протелефонировалъ въ петроградскій комитетъ по дѣламъ печати. Оказавшійся у телефона дежурный цензоръ сказалъ: «полная анархія, войска перешли на сторону населенія». 28 февраля газеты въ Москвѣ не вышли. Взволнованный этимъ ген. Мрозовскій протелефонировалъ мнѣ утромъ, чтобы я съ председателемъ военно-цензурной комиссіи ген. Добровольскимъ явился къ нему къ 4 ч. дня и чтобы пригласить къ этому времени къ нему представителей ежедневныхъ изданій. Когда я явился къ этому времени, въ домѣ командующаго чувствовалась растерянность, и, очевидно, ген. Мрозовскій уже зналъ, что страница русской исторіи перевернулась, такъ что говорить съ редакторами ему собственно было не о чемъ. На слѣдующій день, 1 марта, власть въ Москвѣ перешла въ новыя руки, ген. Мрозовскій былъ подвергнутъ домашнему аресту, а я, конечно, въ Петроградъ на новую должность не поѣхалъ.

Послѣдней бумагой, полученной комитетомъ при старомъ режимѣ, была присланная главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати жалоба ярославскаго губернатора кн. Оболенскаго (брата жены Н. А. Маклакова) на то, что московская печать разжигаетъ революціонный духъ въ населеніи ярославской губерніи. Эта бумага получилась 24 или 25 февраля. Нѣкоторое время послѣ революціи комитетъ продолжалъ номинально существовать, но, разумѣется, бездѣйствовалъ, а въ апрѣлѣ я получилъ предложеніе отъ комиссара г. Москвы Н. М. Кишкина сдать помѣщеніе и дѣла комитета новой власти, послѣ чего я вышелъ въ отставку: такъ закончилась моя служебно-цензурная эпопея.

А. Сидоровъ.

Мелочи прошлаго.

Жалоба дворянъ.

Господину Предсѣдателю Московскаго Комитета по дѣламъ печати.

Совѣтъ «Кружка Дворянъ», согласно постановленія своего Общаго Собранія, покорнѣйше просить Васъ, Милостивый Государь, обратить серьезное вниманіе на изданіе Исторической Комиссіи Учебнаго Отдѣла О. Р. Т. З. «Великая реформа 1861 г.», ¹⁾ выпущенное въ Москвѣ и, слѣдовательно, подлежащее сужденію предсѣдательствуемаго Вами Комитета. Книга эта, по мнѣнію «Кружка Дворянъ», представляя собою злобный памфлетъ противъ дворянскаго сословія, возбуждая сословныя страсти, не лишена въ то же время и порнографическаго оттѣнка.

Совѣтъ «Кружка» покорнѣйше просить Васъ, не найдете ли Вы цѣлесообразнымъ предложить содержаніе изданія на обсужденіе Комитета и о послѣдующемъ не оставить увѣдомленіемъ.

Предсѣдатель Совѣта: *Алексѣй Плещеевъ.*

Секретарь Совѣта: *Ив. Купчиновъ.*

1911 г., марта 28 дня.

№ 285.

Арбатъ, Дурновскій пер., д., № 12.

¹⁾ Редакція А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова и В. И. Пичеты. Изданіе Т-ва Сытина.

Записки сановника ¹⁾.

Политика П. А. Столыпина и Вторая Государственная Дума.

С.-Петербургъ. 31 мая 1907 года.

Мысль о томъ, какъ правительство развяжется со 2-ю Думою, и боязнь, какъ бы П. А. Столыпинъ не поймался на кадетскую удочку, меня тревожила давно. Что Столыпинъ не разбирается въ «русской революціи», было очевидно съ момента роспуска 1-й Думы и призыва его на постъ премьера. На всякія заявленія о неразрывной связи кадетовъ съ террористами и предательствѣ кадетской тактики онъ всегда отвѣчалъ, что это обстоятельство онъ учитываетъ, что вторая Дума будетъ хуже первой, что ее придется распустить и т. д. Но при всемъ этомъ въ Столыпинѣ явственно было желаніе, если не искать прямого сближенія съ кадетствомъ, то по крайней мѣрѣ по возможности подлаживаться подъ его требованія. Онъ вѣрилъ и продолжаетъ вѣрить въ возможность упроченія въ Россіи демократическаго конституціоннаго

¹⁾ Записки эти, имѣющія первостепенное общественное значеніе, принадлежатъ перу П. Х. Шванебаха, одного изъ вдохновителей политики Николая II. Въ 1904 г. Шванебахъ, бывший въ то время министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, явился виднымъ членомъ кружка Горемыкина и Стишинскаго, боровшагося противъ возрастающаго въ то время вліянія Витте, и вмѣстѣ съ тѣмъ обвинявшаго Ермолова въ конституціонныхъ стремленіяхъ. Когда въ маѣ 1905 г. вліянію Витте былъ нанесенъ сильный ударъ, подъ предсѣдательствомъ Горемыкина былъ образованъ совѣтъ по дѣламъ сельскаго хозяйства, Ермоловъ уволенъ отъ должности министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ и во главѣ этого министерства, названнаго тогда главнымъ управленіемъ, былъ поставленъ Шванебахъ. Къ осени снова возобладало вліяніе Витте, Горемыкинъ устранился отъ дѣлъ, а Шванебахъ былъ уволенъ отъ должности главноуправляющаго земледѣліемъ и государственныхъ имуществъ и назначенъ членомъ государственнаго совѣта. Съ паденіемъ кабинета Витте въ апрѣлѣ 1906 г. и назначеніемъ Горемыкина предсѣдателемъ совѣта министровъ Шванебахъ занялъ должность государственнаго контролера, которую сохранилъ и въ замѣнившемъ кабинетъ Горемыкина кабинетѣ Столыпина, но вскорѣ разошелся со Столыпинымъ и въ маѣ 1907 г. былъ уволенъ отъ должности государственнаго контролера, въ скоромъ времени послѣ чего умеръ. Противъ Столыпина Шванебахъ велъ оживленную агитацію разными путями и способами и въ цѣляхъ ея, между прочимъ, распространять среди «правыхъ» приво-димыя «записки».

строю; пуще всего боится упрековъ въ реакціи (не желая понять, что реакція въ силу естественнаго закона должна неизбежно завершить русскую революцію) и мечтаетъ о какой-то роли примирителя между революціею и монархическою властью.

Эта тенденція сказалась еще въ іюлѣ 1906 г., когда Столыпинъ готовъ уже былъ принять въ министерство «общественныхъ дѣятелей», которые, подѣ личиною октябризма или мирно-обновленства, превратили бы его министерство въ кадетское. Что изъ такого министерства онъ былъ бы самъ выпертъ черезъ 6 недѣль, это я ему говорилъ въ тотъ день, когда онъ отправлялся къ государю доложить о министерской комбинаціи. Разрѣшившійся ночью кронштадтскій бунтъ заставилъ бросить эту мысль.

Но Столыпинъ не унялся въ своихъ стремленіяхъ задобрить кадетовъ. 11 августа онъ предложилъ на обсужденіе совѣта министровъ вопросъ о томъ: не разрѣшить ли кадетамъ партійный съѣздъ въ С.-Петербургѣ? Это въ то время, когда противъ кадетовъ 1-й Думы начаты были судебныя преслѣдованія за выборгское воззваніе! Я былъ настолько ошеломленъ и возмущенъ поставленнымъ вопросомъ, что сказалъ Столыпину, модифицируя слова Taleyrand: «c'est plus qu'un crime, c'est une faute, c'est plus qu'une faute, c'est une betise».

Тѣмъ не менѣе въ совѣтѣ г.г. кадеты—Извольскій, Филосовъ, сколько мнѣ помнится, и кн. Васильчиковъ высказались за допущеніе съѣзда. 12 августа было покушеніе на дачѣ Столыпина, ицѣной ужаснаго несчастья, обрушившагося на его семью и унесшаго много неповинныхъ жертвъ, Столыпинъ былъ спасенъ отъ не только роковой, но прямо-таки смѣшной ошибки.

Подъ непосредственнымъ давленіемъ государя, который потребовалъ организациі военно-полевыхъ судовъ и быстрой репрессіи террористическихъ злодѣяній, Столыпинъ подобралъ возжи и на время, по крайней мѣрѣ, предсталъ предъ лицомъ Россіи въ обликѣ сильнаго и послѣдовательнаго борца за порядокъ. Къ нему стали сыпаться телеграммы и привѣтствія. Но характерны были его отвѣты: всегда въ смыслѣ обѣщанія реформъ и неукоснительнаго храненія либеральнаго курса.

Пошла спѣшная, лихорадочная реформаторская дѣятельность. Столыпинъ начерталъ себѣ какой-то календарь междудумья, въ которомъ, въ родѣ расписанія экзаменовъ, распланировалъ, чуть ли не по днямъ, всю реформаторскую работу правительства. Канцеляріямъ были заданы уроки съ такимъ расчетомъ, чтобы ко времени созыва Думы подоспѣлъ букетъ готовыхъ реформъ по всѣмъ отраслямъ управленія. Не думаю, чтобы когда-либо

болѣе наивная мысль подвизалась на самыхъ верхахъ государственнаго управленія.

Симптоматичнымъ съ точки зрѣнія столыпинскаго міросозерцанія оказался «вопросикъ по дѣлу о свободѣ совѣсти», который въ октябрѣ былъ внесенъ въ нашъ совѣтъ. Эта изумительная элукубрація была сочинена директоромъ департамента иностран. исповѣд. Владимировымъ, чиновникомъ, который съ назначеніемъ на эту должность впервые, должно быть, узналъ о существованіи религіи. Онъ выписалъ себѣ цѣлую гурьбу брошюркъ и съ помощью ихъ и того, что было наговорено «libres penseur'ами и жидами 1-й Думы, поставилъ на обсужденіе Совѣта министровъ систематическій рядъ вопросовъ, въ родѣ, напр., слѣдующихъ:

1) должно ли объявить свободу перехода въ еврейство и въ язычество?

2) Должно ли разрѣшать *enterrement civil*?

3) Какъ будутъ оформливаться вновь «изобрѣтаемая» религіи: явочнымъ или концессионнымъ порядкомъ?

Даже въ нашей нетребовательной средѣ этотъ «вопросикъ» вызвалъ какъ восклицанія, такъ и насмѣшки.

«Вы не имѣете права,—сказалъ я Столыпину,—даже вопросы ставить на этомъ жаргонѣ! Неужели вы не видите, насколько такими вопросами вы глубоко оскорбляете религіозное чувство массы? И для чего это? Только, чтобы показать евреямъ и атеистамъ, что «правительство не лыкомъ шито и не заражено религіознымъ обскурантизмомъ»?

Но упрямство премьера взяло верхъ надъ всякими увѣщаніями, и въ числѣ другихъ изготавленъ цѣлый рядъ никому рѣшительно не нужныхъ законопроектовъ о свободѣ совѣсти, *ad usum* людей, давно отъ таковой эманципировавшихся.

Довольно рѣзкимъ поворотомъ въ Столыпинѣ было начало ноября. Тутъ совпало два обстоятельства: во 1) пресловутый инцидентъ Гурко-Лидваль и 2) начало избирательной кампаніи.

Съ дѣломъ Гурко-Лидваль Столыпинъ опѣшилъ самымъ невѣроятнымъ образомъ. Предъ грязью газетныхъ нападокъ въ немъ возмутился кристально-чистый человѣкъ и подавилъ разумнаго политика. Лично крайне антипатичнаго ему Гурко онъ отдалъ безъ оглядки на растерзаніе жидовской прессы и, чтобы только не заподозрили его, Столыпина, въ желаніи укрыться отъ нападокъ, онъ снялъ съ газетъ всякую и безъ того уже достаточно слабую узду.

Въ сторону прессовой сатурналіи была использована и начавшаяся выборная кампанія. Разгулъ былъ полный, и отрав

стала повсемѣстно разливаться широко и ничѣмъ не стѣсняемою струею.

О необходимости сдерживать и укрощать расхившагося звѣря забыли, всѣ помыслы направили въ сторону Думы. Что скажутъ тамъ, какой отвѣтъ дать на вопросы, какъ встрѣтить обвиненія, которыя будутъ предъявлены правительству? Какъ бы не потерять либеральное и прогрессивное лицо?

Вскорѣ послѣ этого (въ началѣ января) начались прямые сношенія Столыпина съ кадетами, въ частности, съ Милюковымъ. На свиданіе съ Милюковымъ Столыпинъ испросилъ согласіе государя (который ему сказалъ: дѣлайте такъ, какъ Богъ на душу положить) и сообщилъ намъ въ Совѣтѣ. Разговоръ премьера съ вожакомъ кадетовъ вращался все около довольно нелѣпаго вопроса о «легализаціи» кадетской партіи, при условіи принятія партіей такой программы, которая была бы пріемлема для правительства. Въ основѣ этого разговора, едва ли понятнаго для того, кто не посвященъ въ наши условности, лежитъ ученіе о «легальныхъ и «нелегальныхъ политическихъ партіяхъ», основанное на примѣненіи къ партіямъ юридическихъ нормъ объ обществахъ и союзахъ. Ученіе это дѣтское и нелѣпое, ибо оно игнорируетъ то, что партія—это не союзъ и не общество, а общественное явленіе и притомъ анонимное, неуловимое, мѣняющееся.

По поводу несоціацій Милюкова со Столыпинымъ я не удержался сказать послѣднему, что эти несоціаціи мнѣ представляются въ родѣ того, какъ будто волки зоологическаго сада явились бы депутаціею отъ имени всего волчьяго племени съ предложеніемъ перейти въ травоядные—съ тѣмъ, чтобы правительство разъ навсегда обязалось прекратить всякія облавы на волковъ.

Все, о чемъ сказано выше, настолько меня тревожило, что я рѣшился о своихъ опасеніяхъ сообщить государю. Бывши со всеподданнѣйшимъ докладомъ въ Царскомъ Селѣ за нѣсколько дней до Рождественскихъ праздниковъ, я попросилъ государя назначить мнѣ особый докладъ по обще-политическому вопросу. Спустя почти мѣсяцъ, 13 января, камердинеръ государя извѣстилъ меня по телефону о приглашеніи въ тотъ же день къ 6 час. вечера.

Вотъ то, что я сказалъ государю: «Прошу ваше императорское величество вѣрить, что то, что я имѣю вамъ доложить, отнюдь не внушено мнѣ чувствомъ страха или боязни за будущее...

— Это я знаю! Ваше безпристрастіе мнѣ извѣстно.

— Думаю я, что въ томъ... положеніи, въ какомъ мы находимся, нельзя достаточно готовиться къ грядущимъ событіямъ и всесторонне ихъ взвѣшивать. Въ настоящее время, государь, ваши министры неустанно заняты подготовленіемъ матеріала

для предстоящей совместной работы съ Государственной Думой. Къ этому прилагаются добросовѣстные старанія, и всѣ мы трудимся, не покладая рукъ. Однако никто не въ состояніи сказать, удастся ли намъ осуществить наши надежды на совместную плодотворную работу. Зависитъ это не отъ насъ однихъ, но и отъ Думы. Между тѣмъ кто же можетъ сказать теперь, что будетъ представлять изъ себя 2-я Дума; не будетъ ли она такою же, какою была первая, а то, того и гляди, быть можетъ, менѣе еще работоспособная и болѣе революціонная?

Вотъ поэтому опасно было бы всѣ наши планы будущаго строить на однихъ оптимистическихъ расчетахъ. Надо считаться и съ возможностью быстраго разлада съ Думою. Военная исторія учитъ, что много сраженій было проиграно потому, что полководцы составляли себѣ предвзятое представленіе о предстоящемъ сраженіи. На дѣлѣ же выходитъ иначе, и тогда являлась растерянность, приводившая къ пораженію. Мы должны быть обезпечены отъ этого. Необходимо теперь же, раньше чѣмъ мы будемъ вовлечены въ думскую игру, построить, такъ сказать, вторую оборонительную линію фортовъ, на которой и произойдетъ дѣйствіе тогда, когда удержаться на первыхъ позиціяхъ будетъ невозможно. Только ясное сознаніе, полная убѣжденность, что эти вторыя позиціи правильно избраны и надлежащимъ образомъ укрѣплены, обезпечить вашимъ слугамъ и спокойствіе духа и полную увѣренность въ работѣ. Это необходимо какъ на тотъ случай, что дѣло съ Думой сладится, ибо обезпеченный тылъ предохраняетъ насъ отъ всякихъ недопустимыхъ компромиссовъ и роняющихъ достоинство правительства соглашеній, такъ и въ томъ случаѣ, къ сожалѣнію, болѣе вѣроятномъ, если бъ совместная работа съ Думой оказалась невозможной.

То, что я позволяю себѣ говорить, не есть призывъ къ двоедушію и къ макіавелизму. Это реальная политика, предвидѣнія, это, государь, вашъ царственный долгъ...

— Вы, обо всемъ этомъ говорили съ П. А. Столыпинымъ?

— Нѣтъ, государь! И не говорилъ я потому, что П. А. настолько поглощенъ своею реформаторскою мыслью и настолько желаетъ осуществить свои планы, при содѣйствіи Думы, что у меня прямо-таки духу не хватило направлять его на путь столь необходимаго, однако, раздвоенія мысли.

— Вы можете быть, правы.

— Но я прошу разрѣшенія В. И. В. настоящий разговоръ передать во всей подробности П. А.

— Конечно.

— Въ чемъ же, В. И. В., должна заключаться эта вторая

оборонительная линія, на которую я позволяю себѣ указывать? Скажутъ, пожалуй, что если 2-я Дума окажется революціонною и неработоспособною, то и надо будетъ повторить то, что было сдѣлано 9 іюня 1906 года. Но въ томъ-то и дѣло, что простой роспускъ Думы ничего не разрѣшаетъ и вывести Россію изъ заколдованнаго круга революціонной смуты не можетъ. Вы не можете, государь, Россію, такъ сказать, разыграть третій разъ въ избирательную лотерею. Россія вамъ этого не простила бы. Подумайте, государь, о той огромной массѣ населенія, которая активно себя не проявляетъ, но отлично чувствуетъ, что она отдана на съѣденіе политиканствующей братѣ. Какъ!—скажутъ эти люди,—краткая только передышка, а тамъ опять выборная сатурналія, гдѣ мы окажемся безсильными противъ происковъ организованныхъ шаекъ революціонеровъ всякихъ толковъ! Да, подумайте, государь, о томъ положеніи, въ которомъ окажется ваше правительство, коли роспускъ 2-й Думы будетъ простымъ сколкомъ роспуска первой. Опять сѣсть законодательствовать по ст. 87 Осн. Зак.! Да, вы не найдете министровъ, которые бы согласились выполнить настолько же тернистую, какъ и бесплодную задачу. Нѣтъ, государь, роспускъ 2-й Думы, если отъ этого ожидать государственной пользы, долженъ быть *поворотомъ* въ нашей политикѣ. Теперь вѣдь до очевидности ясно, что зло въ нашемъ положеніи не въ томъ, если позволите прибѣгнуть къ сравненію,—что паровозъ не функционируетъ правильно, а въ томъ, что паровозъ стоитъ на рельсахъ, упирающихся въ тупикъ. Чтобы достигнуть цѣли, чтобы организовать представительство, необходимое Россіи, надо дать задній ходъ, дабы выйти на путь, идущій впередъ, но идущій туда правильнымъ ходомъ. Роспускъ 2-й Думы долженъ быть связанъ съ установленіемъ новаго режима, конечно, далеко не окончательнаго, но настолько ясно намѣченнаго, чтобы онъ служилъ переходною стадіею къ будущему російскому строю.

Въ сихъ видахъ я считалъ бы безусловно нужнымъ слѣдующее:

1) Изданіе новаго избирательнаго закона.

2) Созывъ, на основаніи сего закона, новой Думы, въ срокъ, не ближе года, дабы правительство имѣло возможность вести борьбу съ терроромъ, внѣ непосредственныхъ заботъ о думскихъ притязаніяхъ.

3) Сохраненіе, при роспускѣ Думы, Государственнаго Совѣта въ качествѣ законосовѣщательнаго органа. Въ какомъ порядкѣ слѣдуетъ издать новый избирательный законъ? Кто говорить, что для этого слѣдуетъ созвать Земскій Соборъ. Но вѣдь это изъ области политическаго романтизма. Что можетъ быть въ дѣйствительности сегодня Земскій Соборъ? (Государь

и я en unisson отвѣтили на это—«собраніе бояръ въ пиджакахъ»). Государственный Совѣтъ? Но вѣдь Государственный Совѣтъ имѣетъ одинъ, весьма существенный, въ отношеніи выполненія предполагаемой задачи, недостатокъ. Въ немъ слишкомъ много лицъ—поклонниковъ политическихъ формулъ. А тутъ не въ формулахъ дѣло, а въ осуществленіи высокой степени практической задачи.

Остается, слѣдовательно, одно только — выработка закона существующимъ правительствомъ, при содѣйствіи выбранныхъ ad hoc лицъ. Законъ же надо издать одновременно съ роспускомъ Думы, создавая тѣмъ въ этотъ моментъ fait accompli, что и дать общественному мнѣнію твердую почву.

Необходимо, государь, чтобы вы повелѣли всѣмъ этимъ заняться теперь же, чтобы все до мельчайшихъ подробностей было готово до собранія Думы. Разъ начнется думская сутолока, будетъ поздно заниматься дѣломъ, требующимъ первѣе всего полнѣйшаго спокойствія и хладнокровнаго политическаго анализа.

Государь меня выслушалъ очень внимательно и сказалъ, что о многомъ изъ того, о чемъ я говорилъ, онъ уже самъ думалъ, но что мое изложеніе стройно излагаетъ всю предстоящую къ рѣшенію проблему. Государь упомянулъ и о томъ, что Крыжановскому поручена выработка новаго избирательнаго закона. Указанія же на какое-либо принятое рѣшеніе въ словахъ и въ тонѣ государя не было.

На слѣдующій день я передалъ Столыпину мой разговоръ. «Vous enfauser une porte ouverte»—сказалъ онъ мнѣ, не входя однако въ существо вопроса. Ясно было, что мысль о систематической работѣ въ два фронта представлялась ему антипатичной, или, вѣрнѣе говоря, выходитъ за границы его природы.

Тѣмъ не менѣе, въ ближайшемъ закрытомъ засѣданіи Совѣта премьеръ Столыпинъ вкратцѣ повторилъ то, что я ему передалъ изъ моего разговора съ государемъ, какъ бы въ качествѣ программы исходящей отъ него, Столыпина. Этимъ бѣглымъ и случайнымъ заявленіемъ все однако и кончилось, и хотя послѣ того я нѣсколько разъ возвращался къ поднятому мною вопросу—каждый разъ дѣло тушилось заявленіями въ родѣ того, что о томъ, что предстоитъ дѣлать въ будущемъ, «даже своей подушкѣ говорить нельзя». Эта наивная таинственность въ оберганіи секретъ полишенеля продолжала господствовать въ нашемъ кабинетѣ и во время думской сессіи, когда не утратившая смыслъ печать вопила о неработоспособной Думѣ,—о «Думѣ народнаго невѣжества», какъ назвалъ ее гр. Бобринскій,—и о необходимости измѣненія нелѣпаго выборнаго закона.

У государя я былъ за нѣсколько дней до открытія думской сессіи. Прощаясь со мной государь сказалъ: «До свиданья, до Думы... а, можетъ быть, и послѣ Думы». То же государь далѣе еще и фирмативно сказадь мнѣ послѣ всеподданнѣйшаго доклада 23 марта. Отправляясь къ этому докладу, я о немъ предупредилъ Столыпина, сказавъ ему, что разговоръ съ государемъ можетъ коснуться общей политики; что ввиду этого я желалъ бы знать, какого курса намѣренъ держаться онъ, Столыпинъ. Я прибавилъ, что буду очень радъ, если наша точка зрѣнія окажется общою; но что ни въ какомъ случаѣ я съ государемъ не буду говорить въ иномъ смыслѣ, какъ въ томъ, какой я признаю правильнымъ. Главная опасность, сказалъ я Столыпину, заключается въ томъ, что, оберегая Думу, которая служитъ очагомъ для революціоннаго настроенія и движенія, вы неминуемо подготавливаете такую реакцію, которая смететъ и народное представительство, и всякія реформаторскія начинанія. Я бы желалъ, чтобы Думу распустили не какой-нибудь генераль-маіоръ Отчаянный, а вы, потому что въ такомъ случаѣ будетъ вѣра въ разумную прогрессивность. Но мнѣ бы хотѣлось знать одно: принадлежите ли вы къ числу тѣхъ, кто допускаетъ мысль о возможности *настоящую*, невѣжественную Думу, путемъ, такъ сказать, парламентской врачебной гимнастики обратить въ работоспособный законодательный органъ? Съ своей стороны такую мысль я признаю верхомъ политическаго симилизма, и притомъ до крайности опаснаго. Къ тому, чтобы поставить этотъ вопросъ, я имѣлъ полное основаніе, потому что теорію о Думѣ, какъ о школѣ конституціонализма для страны, и о пересозданіи 2-й Думы въ трудоспособный парламентъ, — проповѣдывалъ на всѣ лады Александръ Столыпинъ въ его доносельзя пошлыхъ замѣткахъ, печатаемыхъ въ «Нов. Времени». Нельзя же было въ этихъ замѣткахъ не искать отголоска мыслей премьера.

П. А. Столыпинъ увѣрилъ меня, что онъ окончательно убѣжденъ въ негодности Думы, никакихъ надеждъ на нее не возлагалъ и не возлагаетъ и, что роспускъ лишь вопросъ времени. Когда наступитъ моментъ роспуска—это уже дѣло лично мое, моего внутренняго сознанія. Тутъ нужно или вѣрить мнѣ, или до-вѣриться кому другому. Въ этомъ отношеніи я никакихъ трансакцій допустить не могу, и кто не согласенъ мнѣ подчиниться, тотъ долженъ, невзирая на дружбу и на личное уваженіе, отойти въ сторону.

Подчеркивать это, сказалъ я, нѣтъ надобности, я столь же мало готовъ итти въ одной упряжи съ лицомъ, держащимъ не-**правильный** по моему мнѣнію курсъ, какъ и вы.

Въ бесѣдѣ со мною Столыпинъ произвелъ на меня впечатлѣніе странное. Онъ, конечно, принадлежитъ къ породѣ политическихъ мистиковъ, вѣрующихъ въ наитіе. Требуя довѣрія себѣ, онъ, повидимому, не понимаетъ, что довѣріе можетъ основываться только на политически проанализированномъ планѣ. «Я вѣрю въ свою звѣзду и въ безошибочность своихъ инструкцій. Увѣруйте и вы или отходите въ сторону». Вмѣстѣ съ тѣмъ успѣхи Столыпина на думской трибунѣ, видимо, мирять его съ самою Думою. У него все болѣе стало проявляться какое-то морбидное влеченіе къ Думѣ, словно похоть беременной женщины. Нервная ненависть, легко переходящая у эксцентричныхъ женщинъ во влюбленность, все болѣе овладѣвала имъ и въ отношеніяхъ къ корифеямъ кадетской партіи. Передавая въ Совѣтѣ о своихъ телефонныхъ бесѣдахъ и о свиданіяхъ съ Челноковымъ, Гессеномъ и Головинымъ, въ бѣдномъ Столыпинѣ проявлялось какое-то кскетство удовольствія, ни дать ни взять, дамочка, повѣствующая о своихъ флиртахъ.

Въ разговорѣ съ государемъ 23 марта я сказалъ приблизительно слѣдующее: «Политика правительства, въ отношеніи къ Думѣ заключающаяся повидимому въ томъ, чтобы довести страну до надлежащей думской сатурналіи, можетъ продлиться до какого нибудь открытаго революціоннаго выступленія.

Тактика эта не лишена нѣкоторыхъ неудобствъ и даже опасности.

Во 1) пока министерство «бережетъ Думу», оно въ глазахъ многихъ остается въ сильномъ подозрѣніи политической наивности и даже недомыслія. Правительству приписываютъ несуразную мысль Думу обратить въ «работоспособное учрежденіе»; такое же предположеніе роняетъ правительство въ глазахъ людей трезвой политической мысли.

Во 2) никогда не знаешь, что можетъ случиться, пока правительство, напрягая все стараніе къ тому, чтобы найти общій съ Думою языкъ, ослабляетъ бдительность въ сторону революціи. Какъ на примѣръ, поступить со всегда возможными анти-еврейскими движеніями въ западномъ краѣ? Тутъ недалеко и до междоусобицы, и каково будетъ положеніе правительства, если бы ему пришлось, оберегая евреевъ, укрощать русскихъ людей? Вотъ почему затягивать совершенно неотвратимый роспускъ Думы—опасно. Съ этимъ согласился государь, на мое же возобновленное указаніе на счетъ необходимости подготовить роспускъ въ томъ порядкѣ, какъ было говорено 13 января, государь не отвѣчалъ и, насколько я могъ замѣтить, мои настоянія показались ему назойливыми.

Когда собралась въ концѣ февраля Дума и ея фізіономія опредѣлилась, мнѣ показалось, что моментъ ея роспуска долженъ будетъ наступить въ исходѣ 6-й недѣли великаго поста. Такое предположеніе основывалось на естественномъ развитіи думской психологіи: сперва надо думцамъ снюхаться, потомъ другъ друга раскочать, выработать при растущей наглости надлежащую тактику выступленія. Опредѣляя срокъ роспуска непосредственно наканунѣ пасхальнаго перерыва занятій, я руководствовался и убѣжденіемъ, что у правительства не угасла же послѣдняя искра предусмотрительности; чего ради отпускать депутатовъ на агитаціонныя гастроли на мѣста? Разъ отъ Думы нечего ждать, то къ чему же содержать на казенный счетъ революціонныхъ агитаторовъ, которымъ руки будутъ совершенно развязаны во время праздниковъ?

Въ расцѣнкѣ прогрессивнаго раскачиванія Думы я ошибся всего на нѣсколько дней. Въ понедѣльникъ на страстной, по поводу обсужденія какого-то проекта о контингентѣ, социаль-демократъ армянинъ Зурабовъ въ рѣчи своей оскорбилъ армію, а предсѣдатель Головинъ усугубилъ еще гнусную выходку кавказца.

Въ Думѣ произошла невѣроятная перебранка. Присутствовавшій въ засѣданіи военный министръ демонстративно покинулъ залъ со своимъ штабомъ. Щегловитовъ, Философовъ и я удалились вмѣстѣ съ ними. Растерянный Головинъ прибылъ къ намъ въ павильонъ и сталъ пробовать уладить дѣло. Я принялъ этого жалкаго господина на рогаину: «Вы должны понять, г-нъ Предсѣдатель, что дѣло не столько въ армянинѣ, сколько въ вашемъ отношеніи къ этому возмутительному дѣлу. Нѣтъ парламента въ мірѣ, гдѣ бы предсѣдатель не сумѣлъ бы дать грозный отпоръ оскорбленію, нанесенному національной арміи! Вы допустили то, что нигдѣ бы не было мыслимо!» Оставляю въ сторонѣ всѣ перипетіи этого злополучнаго дѣла, которое благодаря столыпинской тактикѣ беречь, во что-бы то ни стало, Думу, не получило неблагоприятнаго для сей послѣдней исхода. Отмѣчу только слѣдующее: вернувшись въ 8 час. домой изъ Думы, куда я поѣхалъ въ 11 час. утра, и зная, что А. Ф. Редигеръ долженъ быть на слѣдующее утро у государя съ докладомъ, я написалъ военному министру слѣдующее письмо:

«Простите, что я рѣшаюсь обезпокоить настоящимъ письмомъ, но меня мучитъ опасеніе, что при докладѣ государю императору о сегодняшнемъ засѣданіи Думы и о возмутительномъ тамъ инцидентѣ, вы могли бы не удѣлить достаточно вниманія тому, что происходило въ Думѣ, раньше чѣмъ разыгрался этотъ ин-

цидентъ. Имѣю я въ виду тотъ способъ защиты законопроекта о контингентѣ со стороны нѣкоторыхъ изъ вліятельныхъ членовъ Думы, которые по данному дѣлу выступали въ качествѣ «сторонниковъ правительства».

«Типичными въ этомъ отношеніи оказались въ особенности г.г. Кузьминъ-Караваевъ, Кутлеръ и представитель польскаго кола Коницъ: «Подчеркнувъ съ особенною злобностью всю свою ненависть къ русскому правительству, поименованные ораторы, вызвавъ этимъ аплодисменты враговъ правительства, милостиво за тѣмъ изъявили согласіе на принятіе законопроекта, главнымъ образомъ потому, чтобы не дать правительству основанія къ роспуску Думы по одіозному для сей послѣдней поводу».

Можно ли себѣ представить положеніе болѣе чудовищное: правительство не нуждается въ согласіи Думы для призыва новобранцевъ, и тѣмъ не менѣе оно покупаетъ это согласіе цѣною тѣхъ унижительныхъ для него рѣчей, которыя пришлось выслушать отъ открытыхъ враговъ русской государственности и народности. «Остаюсь при глубокомъ убѣжденіи, что пока у насъ не будетъ Думы, способной оберегать честь и достоинство русскаго знамени, зная это должно быть внѣ досягаемости людей, не имѣющихъ права именовать себя «народными представителями». Письмо это, какъ сообщилъ мнѣ А. Ф. Редигеръ, на слѣдующій день было имъ показано государю, который по этому поводу замѣтилъ, что онъ меня по этому письму узнаетъ. Вечеромъ было засѣданіе Совѣта, на которомъ Столыпинъ, побывавшій днемъ въ Царскомъ Селѣ, сообщилъ, что государь передалъ Совѣту министровъ рѣшеніе вопроса, распускать ли или нѣтъ Думу по поводу зурабовскаго инцидента.

Насколько мнѣ помнится, я первый отвѣтилъ на поставленный вопросъ, высказавшись за роспускъ. При этомъ было указано на то, что зурабовскому инциденту я придаю значеніе второстепенное; роспускъ Думы необходимъ потому, что отъ нея никакой полезной работы ждать нельзя; опасность же ея, какъ революціоннаго очага, растетъ со дня на день. Продолжать бессмысленную игру шахматную съ Думой—значить только отодвигать тотъ моментъ, когда для правительства, развязавшагося съ Думою, откроется возможность заняться систематическою работою устроения нашихъ дѣлъ.

Никто изъ коллегъ къ моему мнѣнію не присоединился. Затрудняюсь изложить сколько-нибудь ясно аргументы моихъ оппонентовъ, среди коихъ постоянно и вплоть до самой послѣдней минуты отличался особенною многорѣчивостью и думопреклоненіемъ Д. А. Философовъ. Тутъ роль играло и идолопоклонство

конституціонной формулѣ и какіе-то расчеты на возможность образованія «работоспособнаго центра,» на что могло бы опираться правительство. По поводу этого «работоспособнаго центра» въ одномъ изъ послѣдующихъ засѣданій рекордъ побилъ добрейшій кн. Васильчиковъ, объяснившій намъ, что при нѣкоторой политической ловкости правительства такой центръ могъ бы быть образованъ по слѣдующему рецепту: «кадеты, одобренные октябристами, съ подсыпкою правыхъ, плюсъ польское коло и мусульманское коло. Оба эти кола должны быть «куплены»—чѣмъ? этого почтенный князь, видимо, придавая этой сторонѣ дѣла второстепенное значеніе, не объяснилъ. Записываю этотъ инцидентъ не безъ нѣкотораго смущенія. Если эти замѣтки современемъ будутъ кѣмъ-либо прочтены, то читатель съ трудомъ повѣритъ, что такого рода дѣтскія сужденія могли высказываться въ русскомъ Совѣтѣ Министровъ въ эпоху величайшаго, какъ надо было бы думать, напряженія государственной мысли. Къ сожалѣнію, эта мысль дѣйствительно рождала элукубраціи вродѣ только что отмѣченной. Комбинація вродѣ придуманной кн. Васильчиковымъ, всегда находила отзывчивое отношеніе со стороны моего сосѣда А. И. Извольскаго вынесшаго изъ долгаго пребыванія въ конституціонныхъ странахъ непоколебимое убѣжденіе, что вся соль парламентской политики заключается въ ловкихъ коалиціонныхъ маневрахъ. Сколько ни твердилъ я маститому дипломату что всѣ его утонченности ни къ мѣсту въ «парламентѣ», гдѣ засѣдаютъ Нечитайло, Пьяныхъ, Пройда, Али-Баба и 40 разбойниковъ, полсотни смертоубійцъ и т. д., что не слѣдуетъ, какъ говорятъ французы, «prendre des vessies pour des lanternes (считать черное бѣлымъ)», онъ былъ непоколебимъ и, сардонически посматривая на меня черезъ одноглазку, ясно давалъ мнѣ понимать, что въ политикѣ я ни бельмеса не понимаю. Бывши все время стойкимъ поборникомъ неприкосновенности Думы, А. П. Извольскій сталъ склоняться къ идеѣ о роспускѣ подъ вліяніемъ одного событія, о которомъ онъ, придя разъ въ Совѣтъ, сообщилъ намъ съ видимымъ оживленіемъ: «я все время, сказалъ онъ, былъ противъ роспуска Думы, потому что не усматривалъ для этого такихъ причинъ, которыя могли бы убѣдить Европу въ корректности русскаго правительства. Но вотъ на-дняхъ въ Португаліи парламентъ былъ распущенъ безъ всякихъ поводовъ и причины, просто потому, что онъ оказался ни къ чему не годнымъ. Мнѣ кажется, что ввиду такого прецедента и для насъ было бы возможно поступить по примѣру Португаліи...» Возвращаясь къ нашему засѣданію 18 апрѣля и полагаю, что въ основѣ всѣхъ уклонныхъ сужденій лежалъ все-таки тотъ параличъ воли, то

уклонение отъ твердыхъ и быстрыхъ рѣшеній, которые, какъ болѣзнь, заразили всѣхъ нашихъ современныхъ политическихъ дѣятелей. Куропаткинская тактика! Не опережать событія, съ тѣмъ, чтобы господствовать надъ ними, а ожидать, пока толкающія васъ событія не навяжутъ вамъ рѣшенія... Почитаю однако долгомъ выдѣлить мнѣніе, заявленное В. Н. Коковцевымъ «О роспускѣ въ настоящій моментъ», сказалъ онъ, «нельзя и говорить, по той причинѣ, что мы къ роспуску не подготовлены. Та подготовительная работа, о которой у насъ заговаривали, но всегда не иначе, какъ прикладывая перстъ къ губамъ—не сдѣлана; да къ ней даже и не приступали. Поэтому, поневолѣ, вопросъ о роспускѣ приходится снять съ очереди. Съ этимъ, понятно, долженъ согласиться и я». И такимъ образомъ совѣтъ вынесъ единогласное рѣшеніе о не роспускѣ Думы.

Тутъ, однако, Столыпинъ заявилъ, что вопросъ объ условіяхъ роспуска долженъ быть поставленъ на ближайшую очередь самаго тайнаго «конспиративнаго» обсужденія. Столыпинъ при этомъ началъ съ того, что конечно весь планъ этого дѣла у него готовъ съ перваго дня думской сессіи; что еслибъ онъ не подготовился, то его прямо-таки надо бы повѣсить; и что Крыжановскій уже подготовилъ три разныхъ схемы избирательнаго закона. Рѣшить на какой изъ этихъ схемъ остановиться—это дѣло двухъ вечеровъ, ибо мудрить въ дѣлѣ этомъ не приходится; все должно обойтись безъ профессоровъ и безъ экспертовъ.

Признаюсь, что въ жизни мнѣ не приходилось выслушивать болѣе легкомысленнаго заявленія. Столыпинъ, видимо, все сводилъ къ изданію новаго избирательнаго закона, не понимая, или дѣлая видъ, что не понимаетъ, что далеко не въ этомъ дѣло; что надо же когда нибудь высказаться о самыхъ основахъ преслѣдуемой политики.

Однако и послѣ рѣшенія приступить къ дѣлу все продолжало идти тѣмъ же медленнымъ темпомъ, какъ будто мы не находились подъ дамокловымъ мечомъ ежечасно могущаго разыгратъ думскаго инцидента, который вопросъ о роспускѣ снова бы поставилъ ребромъ. Лишь недѣлю спустя мы собрались на первое «конспиративное» засѣданіе.

Въ промежутокъ, въ пятницу на страстной, растущій антагонизмъ между Столыпинымъ и мною привелъ къ разговору съ нимъ, очень сдержанному по формѣ, но крайне рѣзкому по существу. Ссылаясь на доходящіе до него рассказы объ осужденіи мною всей его политики, Столыпинъ прямо заявилъ мнѣ, что мнѣ слѣдовало бы выбыть изъ кабинета. Я думаю, что на мѣстѣ Столыпина я поступилъ бы также, однако нѣсколько иначе. Стоя во

главѣ солидарнаго министерства, я бы постарался поставить дѣло такъ, чтобы самая эта солидарность не была пустымъ звукомъ. И первѣе всего я бы вложилъ всю душу свою въ то, чтобы свою политическую линію сдѣлать дѣйствительно общимъ лозунгомъ всѣхъ коллегъ. Стоять же около государственнаго руля въ столь грозное время и чувствовать во всѣхъ дѣйствіяхъ кормчаго дряблую нерѣшимость и вѣчное страшное желаніе покорить сердца противниковъ уступчивостью—это тягчайшее наказаніе!

И почему бы, дѣйствительно, думалъ я, не отойти въ сторону? Вліять я сколько нибудь на Столыпина потерялъ возможность. Да ввиду глубочайшаго различія не столько въ нашемъ міровоззрѣніи, сколько въ пріемахъ мышленія—возможность эта едва ли даже когда-либо существовала. За что же мнѣ нести отвѣтственность за политику, которая, въ лучшемъ случаѣ является безцѣльнымъ вращеніемъ въ кругѣ, а въ худшемъ грозитъ роковыми послѣдствіями? Если я не поддавался этимъ мыслямъ, то потому, что мой выходъ изъ кабинета былъ бы учтенъ общественнымъ мнѣніемъ, какъ торжество кадетствующаго въ немъ направленія. Затѣмъ, не взирая на это, я согласился бы уйти, но не при тѣхъ условіяхъ, какія создавались разговоромъ со Столыпинымъ. Дѣло было бы истолковано такъ, что меня выжили изъ-за моей несговорчивости, изъ за-того, что я будто подкапывался подъ Столыпина и т. д. Коли уходить, то не иначе, какъ по дѣлу или вопросу, ясно показывающему, что не въ личныхъ счетахъ дѣло, а по коренному разногласію, ясному для всякаго.

Вотъ почему я очень спокойно сказалъ Столыпину, что я противъ оставленія своего поста ничего не имѣю и предоставляю ему доложить государю о причинахъ, по которымъ, перемѣна въ составѣ кабинета необходима. Столыпинъ моментально далъ отбой, и этотъ разговоръ, продлившись еще съ полчаса, внѣшнимъ образомъ какъ бы замелъ слѣды только что обнаружившагося разрыва. Вскорѣ послѣ этого произошелъ въ Совѣтѣ болѣе рѣзкій инцидентъ личнаго порядка.

Столыпинъ произнесъ въ Думѣ свою, программную рѣчь по аграрному вопросу. Я не касаюсь существа этой крайне неудачной рѣчи, въ которой рѣзко обнаружилась растущая двусмысленность столыпинской политики и его желаніе, во что бы то ни стало, перекинуть мостикъ въ сторону революціонныхъ аграрныхъ притязаній. Объ этой рѣчи Столыпинъ въ Совѣтѣ не совѣщался и сочинилъ онъ ее наканунѣ засѣданія вмѣстѣ съ кн. Васильчиковымъ. Въ рѣчи былъ между прочимъ *passus* по адресу крестьянскаго банка такого содержанія, что обвиненія Банка, заявленныя въ Думѣ, онъ, Столыпинъ, признаетъ достаточно вѣскими.

Явившись въ засѣданіе Совѣта, В. Н. Коковцевъ сдѣлалъ сперва какое то безразличное заявленіе, объяснилъ, что ничѣмъ не мотивированная критика учрежденія, за которое онъ отвѣтствуетъ, представляется тѣмъ болѣе недопустимою, что отрицательныя сужденія о Банкѣ были произнесены безъ всякихъ предупрежденій и предварительныхъ объясненій. Свое дальнѣйшее пребываніе на посту министра финансовъ Коковцевъ признаетъ послѣ этого невозможнымъ и потому проситъ Столыпина доложить государю просьбу объ увольненіи, которую онъ тутъ же вручилъ премьеру.

Коковцевъ, не взирая на огромное внутреннее волненіе, сохранилъ полное самообладаніе. Не такъ Столыпинъ, въ которомъ видимо прорвалось все затаенное озлобленіе противъ Коковцева. У него прорвалась фраза въ такомъ родѣ: вы воспользовались этимъ инцидентомъ, не имѣющимъ вовсе того характера, какой вы приписываете ему, чтобы поставить меня въ затруднительное положеніе въ пору наиболѣе трудную! Столыпинъ принялъ письмо, показавъ этимъ, что вовсе не намѣренъ принять на себя инициативу примиренія.

Я пустился въ посредничество. Указавъ сначала на то, что при нѣкоторой снисходительности была бы полная возможность слова, сказанныя о Крестьянскомъ банкѣ, подвести подъ общую самокритику правительственнаго аппарата, я указалъ главнымъ образомъ на то, что въ настоящій моментъ, когда намъ предстоитъ обогнуть мысль «бурь», никто изъ экипажа не вправѣ уклоняться отъ вахты, и что, какъ бы ни расцѣпывать инцидентъ по существу, развязка его должна быть отложена до поры, когда обогнувши наиболѣе опасныя рифы, мы увидимъ передъ собою открытый океанъ, съ успокаивающимися, какъ всѣ мы надѣемся, волнами, а быть можетъ набѣгающій шквалъ.

Коковцевъ отозвался на мою мысль, изъявивъ готовность на заключеніе перемирія, впредь до разрѣшенія ближайшей политической задачи.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ начались въ первыхъ числахъ мая наши «конспиративныя» совѣщанія. Я долженъ прежде всего отмѣтить одну особенность этихъ совѣщаній: они не оставили по себѣ никакого видимаго слѣда. Въ совѣщаніяхъ участвовали одни только министры; устраненъ былъ даже управляющій дѣлами Совѣта Н. В. Плеве, искуснѣйшій протоколистъ и бытописатель обычныхъ нашихъ засѣданій. Вѣроятно нѣкоторые изъ коллегъ составятъ замѣтки о преніяхъ, происходившихъ въ «конспиративныхъ совѣщаніяхъ». Это будетъ все, что отъ нихъ перейдетъ въ потомство: ни журналы, ни меморіи, ни протоколы.

составлено не было; и государю о результатахъ нашихъ занятій доложено было на словахъ Столыпина. Не думаю, чтобы насчиталось много случаевъ въ исторіи принятія столь рѣшительной мѣры, при столь безусловномъ отсутствіи того, что могло бы дать потомству понятіе о происходившихъ сужденіяхъ и о возникавшихъ по дѣлу разномысліяхъ.

Къ сожалѣнію, мною не было сдѣлано замѣтокъ по каждому отдѣльному засѣданію. Возможно поэтому, что въ послѣдующемъ изложеніи ходъ нашихъ преній изображенъ въ порядкѣ нѣсколько болѣе систематическомъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Со стороны Столыпина явственно господствовало стремленіе ограничить наши сужденія принятіемъ одной изъ трехъ избирательныхъ схемъ, подготовленныхъ Крыжановскимъ. При этомъ въ первыхъ засѣданіяхъ получалось такое впечатлѣніе, что моментъ роспуска Думы отошелъ вдаль, ибо разговоры все опять сбивались на возможность образованія работоспособнаго центра, на какія-то совѣщанія съ вожаками кадетовъ, на утвержденіе бюджета, на мѣры предосторожности при лѣтнемъ вакантѣ Думы. Столыпинъ опять пожалъ сомнительные парламентскіе лавры своею рѣчью по аграрному вопросу и видимо прислушивался къ пѣнію кадетскихъ сиренъ. Меня коробила та безцеремонность, съ которою всякіе Челноковы, Струве и Гессены вызывали Столыпина къ телефону, и мнѣ все болѣе и болѣе представлялось, что нуженъ будетъ какой-нибудь изъ ряда выходящій скандалъ, дабы его вынудить расклеваться съ Думою. Насколько въ Столыпинѣ живо было думофильство, это доказываютъ, между прочимъ, крайне безтактичныя «замѣтки» его брата Александра.

По настоянію Коковцева, моему разбору избирательныхъ схемъ было предпослано сужденіе по двумъ кореннымъ вопросамъ: 1) слѣдуетъ ли изданіе новаго избирательнаго закона связать съ самымъ роспускомъ Думы, и 2) какой долженъ быть промежутокъ до созыва 3-й Думы?

Поставивъ эти вопросы, Коковцевъ предварительно имѣлъ по нимъ подробную бесѣду съ государемъ, причемъ самымъ рѣшительнымъ образомъ высказался за то: чтобы избирательный законъ, келейно разработанный *à quatre mains* Крыжановскимъ и Столыпинымъ, не былъ поднесенъ къ утвержденію государя, но чтобы въ указѣ о роспускѣ Думы, былъ лишь указанъ срокъ ея созыва (по мнѣнію Коковцева въ январѣ—февралѣ 1908 г.) и было бы объяснено, что выборы будутъ произведены по закону, который Государственнымъ Совѣтомъ будетъ поднесенъ на утвержденіе государя. За симъ, по мысли Коковцева Государственный Совѣтъ не долженъ былъ быть распущенъ въ междудумье, но долженъ

былъ бы функционировать въ качествѣ законосовѣщательнаго органа. Я къ этой схемѣ присоединился, несмотря на то, что проведеніе избирательнаго закона чрезъ Государственный Совѣтъ не согласовалось съ тѣми предположеніями, которыя я излагалъ государю 13 января. Но въ то время рѣчь шла о безотлагательной выработкѣ закона, безъ всякой однако торопливости, ибо до думской сессіи оставалось еще времени шесть недѣль. Къ тому же и тогда имѣлъ въ виду выработать законъ не однимъ только кабинетомъ, но и лицами, особеннымъ царскимъ довѣріемъ призванными къ этой работѣ. Теперь же, подошедши вплотную къ роспуску Думы, разработка выборнаго закона становилась, практически говоря, равнозначащею октроированію закона, подготовленнымъ Крыжановскимъ, безъ всякой возможности обдумать дѣло и критически къ нему отнестись. Вотъ почему я вправѣ былъ сказать Столыпину въ одномъ изъ первыхъ «конспиративныхъ» засѣданій, что намъ приходится собакъ кормить, когда уже пора выступать на охоту; что мы своевременно заблаговременно не подготовились къ предстоящему экзамену.

Столыпинъ такимъ заявленіемъ былъ очень раздраженъ. Видимо, что онъ этотъ законъ, который промелькнулъ лишь передъ кабинетомъ, ставилъ гвоздемъ всей своей политики *coup d'état*, проведеннымъ имъ въ полнѣйшей самостоятельности по какому-то едва ли не диктаторскому полномочію.

Свою точку зрѣнія я развивалъ въ Совѣтѣ подробно. Было признано, что роспускъ Думы съ провозглашеніемъ новаго избирательнаго закона есть *coup d'état*, но что безъ такового выйти изъ заколдованнаго круга, созданнаго нелѣпымъ избирательнымъ закономъ гр. Витте, нѣтъ возможности. Всѣ, слѣдовательно, были согласны съ тѣмъ, что намъ надо подать государю совѣтъ произвести этотъ *coup d'état* съ принятіемъ передъ страной и исторіей всей отвѣтственности за этотъ совѣтъ.

Затѣмъ мои сужденія были таковы: дѣлать *coup d'état* только ради того, чтобы исправить дефекты избирательной системы и притомъ дѣйствуя въ семъ отношеніи наспѣхъ и, такъ сказать, ощупью,—было бы крупною политическою ошибкою. Это все равно, какъ бы рѣшаться на операцію и ограничиться тѣмъ, что поцарапать кожу пациента. Мы, 13 человекъ, отрѣзанныхъ нашею келейностью отъ всякаго общенія съ постороннимъ государственнымъ опытомъ, мы слишкомъ рискуемъ тѣмъ, что государя стѣснимъ въ принятіи болѣе дѣйствительныхъ мѣръ чѣмъ одно только исправленіе избирательной системы. Мы несомнѣнно дошли до поворота: страна, вся здравомыслящая часть населенія поняла, что не одно только избирательное производство нуждается

въ исправленіи, но что не менѣе важно исправить самый думскій строй, для того чтобы Думу эманципировать отъ гнета черни и инородческихъ элементовъ.

Развѣ можно такую расширенную задачу рѣшить келейно, въ кругу лицъ, утомленныхъ текущею работою? Мы заграждаемъ государю идти къ болѣе полному и разумному повороту. Повороту не въ сторону абсолютизма, а въ сторону устроения представительнаго строя, глубоко скомпрометированнаго первою и второю хулиганскою Думою. То, что намъ предлагаетъ П. А. Столыпинъ—это не болѣе какъ политическій *coup d'état*. Разъединивъ оба шага—ропускъ и изданіе избирательнаго закона,—мы дали бы монарху возможность использовать моментъ для дѣйствительно созидательной работы, для созданія новаго русла государственной жизни Россіи.

Главнѣйшее и нѣсколько разъ повторенное возраженіе Столыпина на мое предложеніе заключалось въ томъ, будто его исполненіе вызоветъ такую всеобщую бурю, которая прямо-таки смететъ Государственный Совѣтъ. «Никто изъ насъ до Государственнаго Совѣта не дождеть», повторялъ Столыпинъ; «Совѣтъ взорвутъ бомбами!»

Эти возраженія показались мнѣ прямо таки недобросовѣстными. «Понять не могу—сказалъ я—такія опасенія! Вѣрно то, что мое предложеніе будетъ болѣе одіозно для кадетъ. Но вѣдь кадеты, сколь бы они ни были возмущены, сами бомбъ не бросаютъ. Для бомбовщиковъ же, для которыхъ министерство Маклакова мало-бы отличалось отъ министерства Столыпина, я думаю совершенно безразлично, въ какомъ порядкѣ будетъ изданъ избирательный законъ. Да надо же, наконецъ, бросить опасенія насчетъ впечатлѣнія и оцѣнки дѣйствій и рѣшеній правительства со стороны крайнихъ партій и кадетъ и считаться съ оцѣнкой огромной массы населенія, изстрадавшагося отъ революціи и политической агитаціи. Вѣдь масса населенія, при всемъ своемъ безразличіи, не можетъ не отнестись отрицательно къ закону, составленному келейно и наспѣхъ. и не можетъ не почувствовать успокоенія, узнавши при роспускѣ Думы, что новая избирательная потеря не начнется тотчасъ же и что самыя условія выборовъ должны быть установлены въ обычномъ совѣщательномъ порядкѣ.

Пренія по вопросу о порядкѣ изданія избирательнаго закона привели къ слѣдующему дѣленію голосовъ: 1) Коковцевъ и я, какъ объяснено только что.

2) Братъ Извольскіе—объявить о роспускѣ, ничего не говоря объ измѣненіи избирательнаго закона. Затѣмъ, смотря по

общественному настроенію, какое обнаружится—издать новый законъ или остаться при старомъ.

3) Щегловитовъ—третью Думу созвать по старому закону. Тутъ главнымъ аргументомъ послужило заявленіе, съ котораго Крыжановскій началъ свой докладъ о подготовленныхъ избирательныхъ схемахъ—что нѣтъ той схемы, которая могла-бы обезпечить консервативные выборы; что все зависитъ не отъ закона, а отъ общественнаго настроенія, и что пока общество останется настроеннымъ революціонно и выборы, какой бы ни издай законъ, будутъ революціонными.

4) Всѣ остальные министры примкнули къ мнѣнію Столыпина, причемъ очень характерной оказалась позиція Философова; онъ предлагалъ рѣшеніе вопроса оставить открытымъ впредь до момента роспуска,—а тамъ рѣшить, произвести ли выборы по старому, или по новому закону. «Какъ же такъ, спросили его, тогда же—въ одну ночь и составить этотъ законъ?»:

Установивши такое разномысліе, было рѣшено, что Столыпинъ о немъ доложить государю и передать общую нашу просьбу, чтобы Е. И. В. благоугодно было окончательно рѣшить вопросъ въ засѣданіи подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ, усиливъ составъ Совѣта министровъ приглашеніемъ нѣкоторыхъ членовъ Государственнаго Совѣта. Тутъ же былъ составленъ списокъ лицъ, коихъ Столыпинъ рекомендуетъ вниманію государя. Въ этотъ списокъ попали: Горемыкинъ, Акимовъ, Голубевъ, Гончаровъ, Ермоловъ, Самаринъ, Пихно, кажется Витте и нѣкоторые другіе. Условились еще о слѣдующемъ: что никто изъ насъ не долженъ подымать портфельнаго вопроса въ томъ случаѣ, если его мнѣніе не принято государемъ. Государь же не долженъ быть стѣсненъ въ своемъ рѣшеніи соображеніями персональными. Каждый изъ насъ напередъ подчиняется рѣшенію государя и будетъ продолжать участвовать въ обсужденіи дѣла, хотя оно и шло-бы въ иномъ противъ его мнѣнія направленіи.

Я было предложилъ, чтобы о нашемъ разногласіи былъ составленъ журналъ или меморія. Не потому, сказалъ я, чтобы кто изъ насъ сомнѣвался въ полной объективности передачи нашихъ мнѣній предсѣдателемъ, а потому только, что недопустимо, чтобы о дѣлѣ столь крупнаго историческаго значенія не сохранился бы слѣдъ. На это Столыпинъ отвѣчалъ съ нескрываемою запальчивостью: «съ этимъ я никакъ соглашаться не могу! Какая цѣль такой меморіи»? Желаніе имѣть оправданіе для себя на тотъ случай, что рѣшеніе, состоявшееся въ пользу вашихъ противниковъ привело къ неудовлетворительнымъ результатамъ! Послѣ этихъ преній мы перешли въ присутствіи Крыжановскаго къ разсмотрѣнію его избирательныхъ схемъ.

Но въ промежутокъ между засѣданіями, посвященными этому вопросу, произошелъ инцидентъ, который рѣшительнѣе и быстрѣе, чѣмъ намѣчалъ Столыпинъ, привелъ къ роспуску Думы. Въ воскресенье 20 мая мы были экстренно созваны въ засѣданіе, въ которомъ Щегловитовъ и приглашенный имъ прокуроръ судебной палаты Камышанскій сообщили о результатѣ разбора бумагъ, найденныхъ въ квартирѣ члена Думы Озолъ при обыскѣ 8 мая.

О дѣлѣ этомъ я не пишу, такъ какъ все сюда относящееся изложено въ постановленіи судебного слѣдователя о привлеченіи къ слѣдствію членовъ соц.-дем. партіи, прочитанномъ въ Думѣ 1 іюня.

21 мая вечеромъ я былъ у государя со всеподданнѣйшимъ докладомъ и въ теченіе цѣлаго часа объяснялъ Е. И. В. нашу, мою и Коковцева точку зрѣнія въ вопросѣ роспуска Думы и изданія избирательнаго закона. Я указывалъ на то: 1) что изданіе закона безъ надлежащаго его обсужденія—недопустимо; получится впечатлѣніе важнаго государственнаго акта, принимаемаго какъ бы украдкою. «Это будетъ», сказалъ я, простите государь, откровенное слово, не по царски!»¹⁾ 2) что окружать дѣло особенной таинственностью не слѣдуетъ. Напротивъ, слухъ о подготовленіи новаго избирательнаго закона долженъ былъ бы просачиваться во всеобщее свѣдѣніе. Вѣдь Россія ждала этотъ законъ, какъ манну небесную. Игра въ жмурки тутъ была совсѣмъ неумѣстна. Удастся все то, что нѣсколько подготовлено въ общественномъ сознаніи. Къ чему же поэтому весь такъ называемый *сoup d'état* суживать? При столыпинской комбинаціи царская власть лишаетъ себя возможности использовать всѣ шансы даннаго момента для болѣе прочнаго шага въ устроеніи Россіи. 3) Опасеніе, что революція сорветъ работу Государственнаго Совѣта, что никто изъ насъ даже до Михайловской площади не дойдетъ—лишены всякаго основанія; ихъ даже можно назвать вздорными. 4) Нельзя управлять безъ учреждений. Въ Госуд. Сов. начала формироваться крупная работоспособная группа, съ опредѣленнымъ политическимъ направленіемъ. Роспускъ Государственнаго Совѣта и его бездѣйствіе приведутъ этотъ органъ къ окончательной

¹⁾ Я долженъ объяснить здѣсь разнорѣчіе между теперешними предложеніями и тѣми, которыя я дѣлалъ 13 января; когда я высказался за автономное изданіе избирательнаго закона безъ Государственнаго Совѣта.

Въ то время я имѣлъ въ виду подготовку этого дѣла такимъ составомъ лицъ, которыя *de facto* явились бы тѣмъ-же Государственнымъ Совѣтомъ, на которомъ я и настаивалъ теперь, говоря о проведеніи закона чрезъ Государственный Совѣтъ; кромѣ того, я и тогда думалъ, что избирательный законъ далеко не исчерпываетъ всего того, что могло бы быть сдѣлано для упроченія представительнаго строя.

атрофіи. 5) И это едва ли не наиболѣе существенное,—нельзя тотчасъ же ввергать Россію въ новую избирательную пляску, да притомъ еще осенью, въ пору которая съ психологической и бытовой точки зрѣнія наиболѣе благопріятствуетъ революціоннымъ сплоченіямъ и выступленіямъ. «Это все равно, что накладывать горчичникъ на воспаленное мѣсто».

Тутъ меня государь прервалъ: «Этого мнѣ вамъ и доказывать не надо! Я самъ слишкомъ убѣжденъ въ томъ, что пускаться, почти безъ перерыва, въ новую избирательную кампанію было бы невозможно». Въ дальнѣйшемъ я говорилъ государю о необходимости, при принятіи важныхъ государственныхъ рѣшеній, бросить этотъ вѣчный страхъ передъ оцѣнкою, какую эти рѣшенія встрѣтятъ со стороны кадетовъ. Кадеты это—перекати-поле; судьбы Россіи рѣшатъ не политики, а пока безмолвно дремлющія силы стихійнаго консерватизма страны.

Посмотрите на море, государь, (мы сидѣли передъ открытымъ окномъ)—оно неподвижно, спокойно; но какая въ немъ всепопавляющая сила. Сумѣйте поставить турбину для использованія этой силы, и, какъ Архимедовымъ рычагомъ, вы сдвинете вселенную...»

Этотъ разговоръ, который государь испещрялъ оживленными вставками, былъ очень задушевенъ.

Прощаясь, государь крѣпко пожалъ мнѣ руку и сказалъ: «Я васъ благодарю, я васъ душевно благодарю!»

Въ Петербургѣ, послѣ этого у насъ стали перемежаться засѣданія съ Камышанскимъ по дѣлу Озоля, которое должно было дать формальный поводъ для роспуска Думы, и засѣданія, для окончательнаго обсужденія вопроса о порядкѣ изданія выработаннаго закона.

Здѣсь, это было едва ли не на слѣдующій день моего разговора съ государемъ—произошелъ такой инцидентъ: Столыпинъ объявилъ, что онъ въ такомъ только случаѣ останется министромъ, если государь приметъ его формулу. «Я могу, сказалъ онъ, играть только на своемъ инструментѣ; если меня до этого не допустить, то пусть государь выбираетъ другого».

Коковцевъ и я, мы были возмущены такимъ заявленіемъ, шедшимъ вразрѣзъ съ нашимъ соглашеніемъ. Оба мы и высказали и притомъ въ словахъ довольно рѣзкихъ.

«Вы возобновляете то же давленіе на государя, какое на него произвелъ гр. Витте передъ 17 октября?» сказалъ я.

Въ зависимости отъ такой постановки, насъ не удивило, что и мысль объ окончательномъ обсужденіи дѣла подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя оказалась устраненною. Въмѣсто

этого, по повелѣнію государя окончательное обсужденіе состоялось съ привлеченіемъ членовъ Государственного Совѣта Горемыкина, Акимова, Ермолова и Булыгина. Въ трехъ засѣданіяхъ былъ обсужденъ сперва вопросъ о порядкѣ изданія избирательнаго закона, а затѣмъ и самый проектъ по существу. И тутъ ни протоколовъ ни журналовъ составлено не было. Обсужденіе было вяло и отнюдь не соотвѣтствовало важности переживаемаго историческаго момента.

За нашу формулу *категорически* высказался одинъ только Горемыкинъ, стоявшій при этомъ за созывъ 3-й Думы не ранѣе октября 1908 г. Но онъ обезсилилъ свою позицію тѣмъ, что высказавшись за изданіе избирательнаго закона чрезъ Государственный Совѣтъ, онъ не устранился отъ разсматриванія законопроектвъ по существу.

Очень слабымъ оказался Акимовъ. Я былъ у него между 1-мъ и 2-мъ засѣданіемъ и вынесъ впечатлѣніе, что онъ мало понимаетъ положеніе и только норовитъ, какъ бы уйти отъ нареканій, если бы въ дѣло оказался втянуть Государственный Совѣтъ.

Четыре представителя Государственного Совѣта оказались представителями импотентности учрежденія. Тутъ не было и пробы выдвинуть Совѣтъ на подобающую ему роль. Всѣ четыре приглашенные высказались за то, чтобы законъ не издавать при самомъ роспускѣ; но такое мнѣніе носило скорѣй академическій характеръ, ибо разговоры о дальнѣйшихъ путяхъ осуществленія терялись въ пескахъ вялыхъ и нерѣшительныхъ соображеній.

Не буду излагать въ подробности сужденій по законопроектамъ—какъ раньше бывшихъ въ нашемъ тѣсномъ министерскомъ составѣ, такъ и сужденій съ 4-мъ приглашенными.

Крыжановскимъ были разработаны 3 схемы: 1).

1) Проектъ, въ которомъ начало куріальныхъ выборовъ было доведено до конца.

2) Проектъ, такъ называемый «безстыжій», гдѣ торжество консерватизма должно обезпечиваться численнымъ преобладаніемъ въ губернскомъ избирательномъ собраніи (въ губ.—мѣшкѣ) землевладѣльческаго элемента. (Этотъ проектъ въ концѣ-концовъ оказался принятымъ).

3) Проектъ, выборъ депутатовъ земскими собраніями и городскими думами.

Этотъ проектъ былъ устранинъ съ мѣста, послѣ двухъ-трехъ

¹⁾ Нельзя не остановиться на этой работѣ въ три фронта. Крыжановскій явился въ засѣданіе, какъ портной съ разными образчиками матерій для костюма на выборъ. Какая глѣна «государственнымъ работникамъ», готовымъ принимать къ исполненію такіе заказы?

словъ самага поверхностнаго сужденія. Первые выборы по этой системѣ—такъ было сказано, и могутъ пожалуй оказаться консервативными, потому что теперь всѣ земства поправѣли. Но земства также могутъ и полѣвѣть, и при тѣсной связи земства съ Думою очень трудно будетъ сію послѣднюю распустить.

Отмѣчу то, что сказано было Крыжановскимъ во вступительной рѣчи по 3-мъ схемамъ: гарантіи ни одна изъ нихъ не даетъ, рѣшается дѣло не избирательный законъ, а общественное настроеніе. Пока оно остается революціоннымъ, и Дума будетъ революціонная, каковъ бы ни былъ изданъ законъ.

О дальнѣйшихъ сужденіяхъ по законопроектамъ распространяться не буду. Не скажу, чтобы они отличались глубиной. Да вѣдь краткость срока, самое заданіе создать, не что-либо принципиально пріемлемое, а лишь добиться того, чтобы обеспечить, хотя бы на сей разъ торжество умѣренныхъ элементовъ—ставило дѣло на своеобразную почву. Законопроектъ, отредактированный Крыжановскимъ (не помню къ 1-й или 2-й схемѣ) разъ былъ бѣгло прочитанъ въ засѣданіи. Окончательная редакція была дѣломъ Крыжановскаго, и законъ мы увидѣли въ готовомъ видѣ уже съ надписью Государя «утверждаю», когда въ ночь передъ роспускомъ документъ вернулся изъ Петергофа.

Въ понедѣльникъ 29 мая въ (уже Елагинскомъ) дворцѣ Столыпинъ объявилъ намъ, что государь окончательно согласился съ его предложеніемъ. Тутъ же было рѣшено Думѣ предъявить въ пятницу 14 іюня требованіе о привлеченіи къ слѣдствію Озоля и его сподвижниковъ. Такъ оно и было исполнено, причемъ послѣ этого заявленія, носившаго и въ представленіи Думы характеръ ультиматума, Столыпинъ намъ заявилъ, что для дачи отвѣта онъ дастъ Думѣ срокъ до субботы 6 час. вечера. Дума передала правительственное заявленіе въ комиссію, и дѣло пошло въ затяжку.

Въ субботу въ 10 час. вечера мы собрались на Елагиномъ. Столыпинъ поставилъ вопросъ: распустить Думу въ воскресенье утромъ или ждать отвѣта Думской комиссіи, т.-е., прибавить Думѣ лишній день жизни. За это очень распинался только что побывавшій у Столыпина Мих. Алекс. Стаховичъ, объяснившій премьеру, будто роспускъ Думы, послѣ того, что послѣдняя выдастъ не всѣхъ, а только 8 обвиняемыхъ, будетъ особенно для правительства выигрышнымъ.

За придачу понедѣльника горячо, но сумбурно говорилъ Философовъ. Онъ напомнилъ мнѣ M-me Dubarry на жаргонѣ съ пресловутымъ «encore un moment, monsieur le bourreau». На-

оборотъ, прямо-таки возмущался мыслью объ отсрочкѣ бар. Фредериксъ, впервые по этому дѣлу поднявшій голосъ въ Совѣтѣ.

Быль приглашенъ полк. Герасимовъ, начальникъ сыскаго отдѣленія, для освѣщенія дѣла съ точки зрѣнія полицейской. Онъ категорически высказался за безотлагательный роспускъ Думы. Тѣмъ временемъ дали знать Столыпину по телефону, что къ нему ѣдутъ кадеты: Маклаковъ, Челноковъ, Струве и Булгаковъ. Насъ удивили эти негоціаціи *in extremis*, и мы всячески уговаривали П. А. не терять времени съ кадетскими эмисарами. Однако онъ съ этими просидѣлъ часъ и 20 минутъ.

Когда эта *entretiens* кончилась, былъ уже второй часъ. Мы стали ждать возвращенія изъ Петергофа курьера, посланнаго туда съ манифестомъ и избирательнымъ закономъ. Акты эти съ подписью государя прибыли въ 2 часа ночи. Приложено къ нимъ было письмо государя, которое Столыпинъ прочелъ намъ «не справившись сперва съ его содержаніемъ и не отдавая себѣ отчета, насколько государь экзасперированъ несчастною политикою «береженія Думы».

«Утвердилъ только законъ о выборахъ, такъ какъ приложенія никогда не утверждались мною. Я ждалъ цѣлый день извѣщеній вашихъ о роспускѣ проклятой Думы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ сердце чуюло, что дѣло выйдетъ не чисто, а пойдетъ въ затяжку. *Это недопустимо*. Дума должна, завтра, въ воскресенье утромъ, быть распущена. Рѣшимость и твердость».

Мелочи прошлаго.

Николай II и Падеревскій¹⁾.

Послѣ концерта скрипача Падеревского въ Зимнемъ дворцѣ Николай II выразилъ свое восхищеніе и удовольствіе по поводу того, что такое впечатлѣніе произвела на него игра *русскаго*. «Простите, Ваше Величество, но я—полякъ», отвѣтилъ Падеревскій. Этотъ отвѣтъ вызвалъ взрывъ злобы въ Николаѣ и обошелся Падеревскому высылкою въ 24 часа изъ Петербурга съ запретомъ въ него возвращаться.

¹⁾ Революціонная Россія. 1902—1905 г.г.

Московскій Отдѣлъ Священной Дружины.

(По даннымъ Архива Секретнаго Отдѣленія Канцеляріи Московскаго Ген.-Губернатора).

Вопросъ о Священной Дружинѣ, ея составѣ, характерѣ и дѣятельности—одинъ изъ темныхъ вопросовъ въ нашей исторической литературѣ. До послѣдняго времени о Священной Дружинѣ знали и судили лишь по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, разсыпаннымъ въ дневникахъ, воспоминаніяхъ, газетныхъ и журнальныхъ извѣстіяхъ¹⁾. Впервые, эти данныя были сведены въ одно цѣлое и обработаны въ книгѣ В. Я. Богучарскаго. «Изъ исторіи политической борьбы въ 70-хъ и 80-хъ гг. XIX в.», въ результатѣ чего общая фizioномія Священной Дружины и ея роль въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія стала вырисовываться болѣе отчетливо. Особенно посчастливилось одному моменту въ исторіи Священной Дружины—переговорамъ дружинниковъ съ партіей Народной Воли. Этотъ вопросъ весьма подробно освѣщенъ въ той же книгѣ Богучарскаго и въ особенности на страницахъ «Былого» лицами прямо и косвенно принимавшими участіе въ этихъ переговорахъ²⁾. Конечно, это свидѣтельства частью лишь

¹⁾ Щеголевъ. «Послѣ 1-го марта 1881 г.» Былое 1907 г. Мартъ.

Ивановъ. «Къ характеристикѣ общественныхъ настроеній въ началѣ 80-хъ годовъ». Былое 1907. Сентябрь.

Ю. Карцевъ. Семь лѣтъ на ближнемъ Востокѣ.

Дневникъ гр. П. А. Валуева. Сборн. «О Минувшемъ» и «Минувшіе Годы» 1908. Октябрь.

Ген. Шебеко. Хроника социалистическаго движенія.

Сборникъ «Наша страна» СПБ. 1907. Исповѣдь г-жи О—й.

Розенбергъ. Журналисты безвременья (Письма М. Е. Салтыкова къ Бѣлоголовому) М. 1917.

Кистяковский. Страницы прошлаго. М. 1912.

«Народная Воля». № 8—9. Февраль 1882 г.

Бѣлоголовый. Воспоминанія. Крапоткинъ. Записки революціонера

Вогуль. «Кое что о Св. Дружинѣ». Рѣчь 1911 г. Августъ.

Статьи Крапоткина въ журналѣ «Le Revolte» 1881 г. Октябрь.

²⁾ Богучарскій. Изъ ист. полит. борьбы. М. 1912.

Николадзе. Переговоры Св. Др. съ партіей Нар. Воли въ 1882 г. Петрогр. 1917 г.

Бороздинъ. «О революціонномъ движеніи въ Россіи». Былое 1907. Октябрь.

одного лагеря—революціоннаго, частью—самихъ парламентаровъ, вдохновители же ихъ, представители Священной Дружины, предпочитали и объ этомъ событіи, какъ и о многихъ другихъ, хранить гробовое молчаніе. Впрочемъ, въ послѣднее время и изъ ихъ лагеря вышелъ чрезвычайно интересный документъ—«Дневникъ Смѣльскаго»—одного изъ участниковъ Дружины ¹⁾. Это единственное пока откровенное свидѣтельство изъ нѣдръ самой Дружины, пріоткрывшее завѣсу надъ многими сторонами ея дѣятельности, познакомившее насъ съ бытомъ Дружины, съ ея внутренней жизнью, ея дѣятелями и отчасти съ той внѣшней формой, которая была придана этой организаціи. Однако авторъ дневника не былъ посвященъ во всѣ тайны Священной Дружины, ко многимъ ея планамъ, начинаніямъ онъ доступа не имѣлъ, многія детали и немаловажныя подробности самой конструкции Дружины были отъ него скрыты; поэтому, если въ конечномъ итогѣ этихъ историческихъ данныхъ о Св. Дружинѣ, ея обликъ постепенно и выдвигается изъ тумана прошлаго, то все же въ немъ остается еще много загадочнаго и невыясненнаго.

А вмѣстѣ съ тѣмъ исторія Священной Дружины это—любопытнѣйшій эпизодъ въ жизни русскаго общества, это—своеобразное выступленіе на арену политической борьбы опредѣленныхъ общественныхъ круговъ для подавленія революціонной «крамолы». Послѣ 1-го марта 1881 года въ правящихъ сферахъ господствовало убѣжденіе, что пресловутая «крамола» залила широкой волной русское государство, что революціонеры сильны, и въ лицѣ своихъ неувомимыхъ руководителей—Исполнительнаго Комитета Партіи Народной Воли, разставили всюду сѣти царю и его приснымъ...

Процессъ первомартовцевъ отнюдь не открылъ имъ глаза на дѣйствительное положеніе вещей, наоборотъ—противъ горсточки русской революціонной молодежи, только что обнаружи-

Дебагорій-Мокріевичъ. «Къ вопросу о переговорахъ Исп. К-та партіи Н. В. съ Добр. Охраной» Былое 1907. Апрѣль.

Василевскій-Плохадскій. «Еще къ вопросу о переговорахъ Исп. К-та...» Былое 1907. Августъ.

Документы и матеріалы къ исторіи переговоровъ Исп. К-та со Свящ. Дружиной. Былое 1907. Сентябрь.

Русская Мысль. Январь. 1911 г.

Николадзе. Освобожденіе Чернышевскаго. Былое 1906. сентябрь.

Революціонная Россія № 54. Воспоминанія Михайловскаго.

Кистяковскій. Органъ Земскаго Союза «Вольное Слово». Русск. М. 1912. XI.

Богучарскій. Земскій Союзъ или Священная Дружина. Русск. М. 1912. IX.

Богучарскій. Въ заключеніе полемики. Русск. М. 1913. II.

¹⁾ Голосъ Минувшаго. 1916 г. 1—6 кн.

вшей необычайное величіе духа, глубину нравственной силы и чистоту своихъ побужденій и помысловъ—оказывается недостаточнымъ весь государственно-полицейскій аппаратъ, при помощи котораго могло бороться и боролось правительство. Понадобилось еще усиленіе этого лагеря общественными элементами, преданными царю и готовыми охранять устоя самодержавія. Таковыя нашлись и организовались въ общество—Священной Дружины. Бороться съ революціонерами и въ особенности съ ихъ гнѣздомъ—Исполнительнымъ Комитетомъ—вплоть до его уничтоженія, всѣми мѣрами и средствами—вотъ задача Св. Дружины. Поэтому сыскъ и шпіонажъ (доходившій на дѣлѣ до явнаго обмана, какъ на примѣръ, —при переговорахъ съ партіей Народной Воли), а въ случаѣ надобности—даже организованныя убійства входили въ кругъ общепринятыхъ въ Дружинѣ методовъ борьбы. Дѣятельность преданныхъ престолу добровольцевъ отнюдь, однако, не должна были сливаться съ дѣятельностью полиции, наоборотъ—послѣдней они не довѣряли, считали ея усилія безплодными и безцѣльными, а съ тайнымъ революционнымъ обществомъ находили возможнымъ бороться, лишь прикрывшись такой же конспираціей. Вотъ почему Священная Дружина съ перваго момента своего существованія является тайнымъ, нелегальнымъ обществомъ, строго законспирированнымъ, съ рѣзко реакціонной дѣятельностью, съ мрачной таинственной организаціей. Тѣ общественные круги, которымъ принадлежитъ честь этой достойной затѣи, относятся къ наиболѣе высокопоставленнымъ сферамъ. Это были лица изъ придворной и свѣтской аристократіи и высшаго чиновничества, сановная русская знать, выдвинувшая изъ своей среды и устроителей и руководителей и наибольшее количество активныхъ членовъ Св. Дружины. И если сыскная дѣятельность официальной полиціи вызывала всегда глубокое презрѣніе и негодованіе, то нельзя не признать, что добровольцы—любители изъ аристократическихъ круговъ, посвятивъ себя доносамъ и шпіонажу, сыграли мало достойную роль. И врядъ ли былъ правъ одинъ изъ видныхъ дружинниковъ, говоря—«я не изъ числа тѣхъ, чтобы подвергаться въ будущемъ посмѣянію исторіи. Исторія не будетъ имѣть малѣйшихъ поводовъ къ посрамленію дѣяній общества» ¹⁾... Это было сказано слишкомъ смѣло и слишкомъ преждевременно, но, впрочемъ не всѣ члены Св. Дружины были такъ самоувѣренны, не всѣ такъ оцѣнивали историческую роль своего тайнаго общества, иначе теперь, когда Священная Дружина сдѣлалась уже достояніемъ

¹⁾ Слова Шмидта изъ Дневника Смѣтльскаго («Гол. Мин.» 1916 гн. 1. стр. 236).

исторіи, они не замалчивали бы такъ упорно своихъ дѣяній. Переписка по дѣламъ Св. Др., отчеты о совѣщаніяхъ членовъ ея отдѣловъ, донесенія, записки, уставы, присяги и прочіе «официальные» документы,—я не говорю уже о вѣроятно существующихъ воспоминаніяхъ и мемуарахъ ея дѣятелей и руководителей,—остаются до сихъ поръ почти совершенно неизвѣстными исторіи и—или уничтожены, или продолжаютъ тщательно храниться въ семейныхъ архивахъ ея членовъ. Близость той высокопоставленной среды, въ которой была создана Священная Дружина, съ правительственными кругами, до послѣдняго времени стоявшими у власти, помогали укрывать отъ общественнаго суда и критики тайны ихъ прошлаго. Съ тѣмъ большимъ интересомъ будутъ встрѣчены сейчасъ новыя свѣдѣнія о Священной Дружинѣ.

Въ этой статьѣ мы предлагаемъ вниманію читателей еще не опубликованные документы о Священной Дружинѣ, найденные въ одномъ изъ политическихъ архивовъ—въ Секретномъ Отдѣленіи Канцеляріи Московск. Генералъ-Губернатора. Документы эти освѣщаютъ, главнымъ образомъ, одинъ изъ самыхъ темныхъ пунктовъ въ исторіи Священной Дружины—ея организацію, не касаясь бытовыхъ подробностей и историческихъ моментовъ ея существованія; не факты и событія, а лишь данныя объ устройствѣ и составѣ Дружины можемъ мы почерпнуть изъ нихъ. При этомъ достовѣрность этихъ данныхъ несомнѣнна: передъ нами не какія либо сообщенія и донесенія о Св. Др., а документы, принадлежавшіе самой Дружинѣ, вышедшіе изъ нѣдръ ея тайной канцеляріи. Уставы, формы присяги, циркуляры изъ Центральнахъ организацій, списки членовъ общества, причѣмъ все это касается Московскаго Отдѣла Священной Дружины—вотъ характеръ публикуемыхъ документовъ. Очевидно передъ нами—«официальный» архивъ Московской Дружины, или, вѣрнѣе, его часть, такъ какъ документовъ не много, и подборъ ихъ носитъ случайный характеръ. Но какимъ образомъ столь конспиративная организація, какъ Священная Дружина, помѣщаетъ свои самыя сокровенныя тайны (устройство общества—уставы, списки его членовъ) въ такомъ неподходящемъ мѣстѣ какъ архивъ, хотя бы и Секретный, Моск. Ген.-Губернатора? Что общаго между нелегальнымъ, тайнымъ обществомъ, зачастую враждебнымъ полиціи, но въ то же время послѣдней не подвѣдомственнымъ, для нея недосягаемымъ, и правительственными полицейскими учрежденіями—законными и официальными? Однако, эта странность объясняется весьма просто—бумаги Св. Др. очутились въ Канцеляріи Московскаго Ген. Губернатора случайно, благодаря ряду слѣдующихъ обстоятельствъ:—выйдя изъ великовѣтскаго при-

дворнаго мірка, Священная Дружина нашла сочувствующихъ среди аристократическихъ круговъ, т.-е. тѣхъ, откуда обыкновенно замѣщались всѣ высшіе административные, служебные посты и должности. Такимъ образомъ крупные правительственные чиновники и администраторы являлись нерѣдко носителями идей Священной Дружины, а ихъ начальническое положеніе способствовало пополненію рядовъ дружинниковъ подчиненными имъ чиновниками: участіе въ Священной Дружинѣ въ такихъ случаяхъ было тѣсно связано съ служебнымъ успѣхомъ и съ карьерой. Но мы будемъ имѣть еще случай наглядно удостовѣриться, какое магическое вліяніе имѣли личныя убѣжденія начальника для подчиненныхъ и зависимыхъ... Итакъ, чиновный міръ не былъ чуждъ Священной Дружинѣ; большое участіе принимали въ ней и служащіе при Московскомъ Генераль-Губернаторѣ, и это было понятно, такъ какъ тогдашній Генераль-Губернаторъ, князь Владимиръ Андреевичъ Долгоруковъ, былъ виднымъ членомъ Священной Дружины и организаторомъ ея Московскаго Отдѣла. Должно-быть, онъ самъ, или кто-либо изъ его чиновниковъ, игравшихъ крупную роль въ Дружинѣ и ведшихъ ея дѣлопроизводство, оставили въ Канцеляріи Генераль-Губернатора, можетъ быть для храненія, пачку документовъ, принадлежавшихъ Священной Дружинѣ; бумаги эти были затѣмъ приобщены къ тѣмъ секретнымъ документамъ—шифрованнымъ письмамъ, телеграммамъ, нелегальнымъ заграничнымъ и русскимъ журналамъ и прокламаціямъ,—которые хранились особо, лично у Генераль-губернатора, безъ внесенія въ опись. Послѣ смерти Долгорукова они перешли съ другими дѣлами къ его преемнику, также бережно ихъ укрывавшему, и лишь теперь, послѣ разборки архива Секретныхъ дѣлъ канцеляріи московскаго генераль-губернатора, могутъ появиться въ печати.

I.

Священная Дружина возникла въ Петербургѣ въ апрѣлѣ 1881 года—съ благословенія Александра III и при его денежной поддержкѣ, при горячемъ сочувствіи, если не прямомъ участіи великихъ князей Владимира и Алексѣя, Побѣдоносцева и гр. Игнатьева, при ближайшемъ руководствѣ кн. Воронцова-Дашкова, Шувалова, Демидова (Санъ Донато), Левашева и другихъ высокопоставленныхъ лицъ ¹⁾.

Такъ какъ устроители имѣли въ виду законспирировать

¹⁾ См. Богучарскій. Изъ исторіи политической борьбы.
«Дневникъ Смѣльского».
«Дневникъ гр. Валуева».

свой кружокъ, обставить его возможно большей таинственностью и мрачностью, причемъ подражали въ этомъ всѣмъ имъ извѣстнымъ «тайнымъ обществамъ» отъ западныхъ массоновъ и карбонаровъ,—до русскихъ революціонныхъ организацій, зная о послѣднихъ лишь по наслышкѣ, то естественно, что успѣха большого они въ этомъ не достигли: внутренняя конструкція Дружины отличалась необычайной громоздкостью и запутанностью, а внѣшняя форма поражала чудачествомъ и безсмысленностью. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно познакомиться съ тѣмъ обрядомъ, которымъ сопровождалось вступленіе новаго члена, или какъ онъ назывался, брата—въ Дружину. Вступавшій въ общество долженъ былъ въ присутствіи такъ называемаго старшаго брата—болѣе отвѣтственнаго члена Дружины, руководившаго кромѣ него еще 4-мя братьями (такъ наз. «пятерка») — произнести слѣдующую клятву ¹⁾:

«Во имя Отца и Сына и Св. Духа, я (званіе, имя отчество и фамилія), вступая отнынѣ въ С. Д., посвящаю себя всецѣло охранѣ Государя Императора и вмѣстѣ съ тѣмъ разоблаченію и искорененію крамолы, позорящей Русское имя. Обязуюсь подчиняться безпрекословно моему старшему брату и сообщать ему всѣ свѣдѣнія, прямо или косвенно относящіяся до революціонной пропаганды и организаціи, лично мною собранныя или сообщенныя мнѣ младшими моими братьями. Обязуюсь держать въ тайнѣ сей обѣтъ и не разоблачать имени старшаго моего брата и младшихъ моихъ братьевъ. Обязуюсь всѣми средствами содѣйствовать распространенію и преумноженію С. Д., послѣдовательнымъ рядомъ пятерокъ. За дѣйствія же мои и моей пятерки признаю себя отвѣтственнымъ передъ Богомъ и людьми. Въ случаѣ, если какое-либо распоряженіе, переданное свыше черезъ старшаго моего брата, будетъ противорѣчить велѣніямъ моей совѣсти, я обязуюсь чистосердечно сознаться въ семъ старшему моему брату, который воленъ тогда отрѣшить меня отъ С. Д., но и тогда все мнѣ извѣстное я сохраню въ полной и непроницаемой тайнѣ, въ чемъ клянусь на Св. Евангеліи, памятью родителей, жены, дѣтей моихъ и собственной честью. Аминь».

На это старшій братъ обычно отвѣчалъ вступавшему:

— «Настоящимъ обѣтомъ ты лишь подтверждаешь присягу, данную тобой твоему Государю, и вступаешь въ ряды ближайшихъ

¹⁾ Хотя «Присяга братьевъ С. Д. и была напечатана въ «Дневникѣ Смѣльскаго» («Г. М.» 1916. I.), но мы считаемъ возможнымъ перепечатать ее и здѣсь, въ виду во 1-хъ—незначительнаго различія въ текстѣ, и во 2-хъ—потому что въ нашихъ бумагахъ присяга имѣетъ форму обряда, съ отвѣтомъ старшаго брата, въ «Дневникѣ» же и то и другое соединено въ одинъ присяжный текстъ.

и вѣрнѣйшихъ Его тѣлохранителей, готовыхъ ежечасно жертвовать жизнью за Его безопасность и за величіе и благоденствіе Россіи».

Послѣ этого посвящаемый давалъ расписку:

«Присягу братьевъ С. Д. 2-го Отдѣла я произнесъ въ присутствіи старшаго моего брата (звание, имя, отчество, фамилія, адресъ, мѣсяцъ, число, годъ). *Подпись.* «Братъ №—звание, имя, отчество, фамилія, адресъ».

Расписки отправлялись въ верховный органъ Священной Дружины—въ Петербургъ въ Совѣтъ Первыхъ Старшинъ, состоящій изъ пяти членовъ. Каждый членъ Дружины при зачисленіи въ ея ряды получалъ свой опредѣленный номеръ, которымъ и обозначался при всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, связанныхъ съ обществомъ; номера различались въ зависимости отъ положенія и роли въ Дружинѣ того или другого брата, смотря по тому, въ высшую или низшую степень онъ зачислялся.

Такъ главари Дружины—члены Совѣта Первыхъ Старшинъ, назывались первыми пятью номерами и составляли первую степень братьевъ. Остальные члены по своей дѣятельности распадалась на два Отдѣла—I и II. Можно думать, что I-й Отдѣлъ, имѣвшій «спеціальное назначеніе» и состоявшій подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Сов. Перв. Старшинъ, вѣдалъ организаціей Дружины, руководилъ всѣми ея дѣлами, разрабатывалъ планъ дѣятельности, выносилъ рѣшенія. Сообразно этому изъ членовъ I Отдѣла составлялись административные и руководящіе органы Св. Дружины—Центральный Комитетъ, Исполнительный Комитетъ и Организационный Комитетъ. I Отдѣлъ находился только въ Петербургѣ и насчитывалъ около 100 человекъ членовъ, носившихъ номера отъ 6-го до 105-го (2-я степень братьевъ). Функции этихъ органовъ можно опредѣлить лишь приблизительно (чѣмъ выше и значительнѣе была инстанція, тѣмъ болѣе она была законспирирована)—несомнѣнно лишь, что Исполнительный Комитетъ вѣдалъ агентурой, Организационный—устройствомъ Св. Дружины. Во главѣ же этихъ организацій стоялъ Центральный Комитетъ, такъ называемый «верхъ»—высшее учрежденіе, составъ котораго долженъ былъ оставаться неизвѣстнымъ даже для членовъ Исполнительнаго и Организационнаго комитетовъ.

Взаимоотношеніе Центральнаго Комитета и Совѣта Первыхъ Старшинъ остается совершенно необъяснимымъ. Вообще, если составъ Исполнительнаго Комитета (туда входили—кн. Демидовъ Сан.-Донато, гр. Шуваловъ, кн. Ал. Г. Щербатовъ, Безобразовъ и др.), Организационнаго Комитета (среди его членовъ были—П. Ив. Дурново, гр. Левашевъ) и отчасти Центральнаго Комитета

тета (гр. Воронцовъ-Дашковъ, Шуваловъ, Шмидтъ) можетъ быть до нѣкоторой степени возстановленъ, то Совѣтъ Первыхъ Старшинъ до сихъ поръ является совершенно неудовимымъ органомъ. Среди наиболѣе извѣстныхъ и дѣятельныхъ дружинниковъ нѣтъ ни одного, кто имѣли бы номеръ члена Сов. Перв. Старшинъ; такъ гр. Воронцовъ-Дашковъ, центральная фигура Дружины, носившій названіе «Набольшаго» имѣлъ № 6, гр. Левашовъ—№ 7, гр. Шуваловъ—№ 8 и т. д. Невольно напрашивается догадка, что въ составъ Сов. Первыхъ Старшинъ входили лица, не принимавшія активнаго участія въ дѣлахъ Св. Дружины, занимавшія лишь особенно почетныя мѣста, и по своему положенію имѣвшія право верховнаго руководства. Всѣ остальные братья составляли II Отдѣлъ, который, какъ гласитъ Уставъ II Отдѣла ¹⁾, «состоитъ изъ послѣдовательнаго ряда развѣтвляющихся пятерокъ и имѣетъ назначеніе собирать свѣдѣнія о революціонной партіи въ Россіи, изслѣдовать по мѣрѣ силъ и возможности подробности этихъ свѣдѣній и сообщать ихъ вверхъ по линіи». Это были рядовые члены, работники; они или исполняли порученія, переданныя имъ съ «верху» изъ Исполнительнаго К-та и Центральнаго Органа, или сообщали о своихъ дѣйствіяхъ черезъ старшаго брата вверхъ по линіи. Но и среди братьевъ II Отдѣла была строгая субординація: они различались по степенямъ; причемъ братья 3-й степени (ихъ было всего 5 чел.—отъ № 106 по 110) являлись старшими по отношенію къ членамъ Дружины 4-й степени (отъ № 111 по 135), которые распадались на подвѣдомственные имъ пятерки. Въ свою очередь братья 4-й степени состояли въ качествѣ старшихъ братьевъ въ пятеркахъ, составленныхъ изъ дружинниковъ 5-й степени, имѣвшихъ №№ отъ 136-го до 260 и т. д. Получалась цѣлая лѣстница пятерокъ, не сообщавшихся другъ съ другомъ (основное правило Дружины), а лишь связанныхъ черезъ старшаго брата со слѣдующей верхней ступенью организаціи. Такъ постепенно черезъ каждое высшее звено можно было добраться до «верха», остававшагося такимъ образомъ неизвѣстнымъ остальнымъ братьямъ. Каждое сообщеніе, направляющееся снизу вверхъ, или наоборотъ—распоряженіе, идущее сверху внизъ, должно было проходить длинный рядъ послѣдовательныхъ инстанцій, прежде чѣмъ оно достигало по своему назначенію. Чтобы представленіе объ устройствѣ Св. Дружины было полнымъ, нужно прибавить, что схема развѣтвленія нумеровъ членовъ была чрезвычайно широко разработана. Достаточно сказать, что съ 6-й степени братьевъ (носившихъ №№ отъ 261 до 845-го), цѣль

¹⁾ См. Дневникъ Смѣльскаго. «Г. М.» 1916. Кн. I.

дружинники входили, кромѣ пятерокъ, еще въ особые кружки, имѣвшіе свои опредѣленные названія—Успѣхъ, Талмудъ, Геній и т. д. Начальниками этихъ кружковъ назначались братья 6-й степени, а членами—братья низшихъ степеней; отъ начальниковъ кружковъ шла своя особая нумерація—въ каждомъ кружкѣ отъ № 1 до 3905-го; члены ихъ были связаны другъ съ другомъ въ пятерки по степенямъ (отъ 7-й до 11-й) по тому же плану, какъ и братья 3—6 степеней. Братья послѣдней 11-й степени въ свою очередь являлись родоначальниками братьевъ такъ называемый 2-й серіи—отъ каждого изъ нихъ шли по степенямъ (отъ 12 до 16-й) послѣдовательныя пятерки, члены которыхъ также могли имѣть нумерацію отъ 1-го до 3905-го. Отъ братьевъ 16-й степени начиналась по такой же схемѣ 3-я серія братьевъ и т. д.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что организаторы рассчитывали на большое количество участниковъ своего общества. Конечно, въ дѣйствительности Св. Дружина далеко не достигала такихъ размѣровъ: дальше 10-й степени братьевъ 1-й серіи—намъ не приходилось встрѣчать №№-овъ ея членовъ.

Отсылая интересующихся вопросомъ о раздѣленіи членовъ Дружины на степени и серіи къ Уставу II-го Отдѣла, гдѣ имѣется подробный параграфъ о составѣ общества, мы закончимъ разсмотрѣніе схемы внѣшней организаціи Дружины знакомствомъ съ небольшою табличкой (см. табл. № 1), уясняющей порядокъ дѣленія на пятерки. Таблица эта найдена въ бумагахъ кн. Долгорукова и носить названіе «номераціонный листъ для младшихъ братьевъ брата № 107М и ихъ дальнѣйшее развѣтвленіе».

Кн. Долгоруковъ, носившій № 107—являлся старшимъ братомъ пятерки, состоявшей изъ братьевъ 4-й степени отъ № 116—120 включительно. Далѣе № 116-му была подчинена пятерка изъ братьевъ 5-й степени отъ № 161 по 165 включительно, № 117-му—пятерка изъ №№ 166—170 и т. д. Каждый изъ этихъ братьевъ въ свою очередь являлся старшимъ для пятерки, состоявшей изъ 5 членовъ—начальниковъ кружковъ. Дальнѣйшая схема—отъ начальниковъ кружковъ—намъ уже извѣстна.

Очевидно, болѣе низкое положеніе брата по степени накладывало на него и менѣе отвѣтственныя обязанности; такъ въ кружкахъ наиболѣе активными работниками были начальники кружковъ: они должны были наблюдать за дѣятельностью членовъ своихъ кружковъ, за исполненіемъ ими правилъ Св. Дружины; черезъ нихъ шли свѣдѣнія изъ кружковъ вверхъ, на нихъ лежали и обязанности по веденію организаціонныхъ списковъ и проч. Что касается членовъ Св. Дружины болѣе низкихъ степеней, то врядъ ли многіе изъ нихъ принимали активное уча-

120		119		118	
Кабестанъ 486 Н. К.	181	Игра 461 Н. К.	176	Забыва 436 Н. К.	171
Кадастръ 487 Н. К.		Игрокъ 462 Н. К.		Заблужденіе 437 Н. К.	
Калифъ 488 Н. К.		Идея 463 Н. К.		Забѣта 438 Н. К.	
Кальянъ 489 Н. К.		Идолъ 464 Н. К.		Заваръ 439 Н. К.	
Кандидатъ 490 Н. К.		Избавленіе 465 Н. К.		Завлеченіе 440 Н. К.	
Капиталь 491 Н. К.	182	Извѣдъ 466 Н. К.	177	Завоеватель 441 Н. К.	172
Капканъ 492 Н. К.		Извѣстіе 467 Н. К.		Завѣра 442 Н. К.	
Капризъ 493 Н. К.		Измѣръ 468 Н. К.		Завѣса 443 Н. К.	
Картечь 494 Н. К.		Изнапка 469 Н. К.		Завѣтъ 444 Н. К.	
Карьеръ 495 Н. К.		Изразецъ 470 Н. К.		Загадка 445 Н. К.	
Каста 496 Н. К.	183	Изувѣръ 471 Н. К.	178	Загаръ 446 Н. К.	173
Клиперъ 497 Н. К.		Изумрудъ 472 Н. К.		Закалъ 447 Н. К.	
Ковчегъ 498 Н. К.		Инвалидъ 473 Н. К.		Закать 448 Н. К.	
Козырь 499 Н. К.		Инерція 474 Н. К.		Закладъ 449 Н. К.	
Кокарда 500 Н. К.		Ипкогнито 475 Н. К.		Законъ 450 Н. К.	
Колесо 501 Н. К.	184	Интервалъ 476 Н. К.	179	Запасъ 451 Н. К.	174
Колода 502 Н. К.		Интрига 477 Н. К.		Залево 452 Н. К.	
Колоколь 503 Н. К.		Исключеніе 478 Н. К.		Заря 453 Н. К.	
Колосъ 504 Н. К.		Искра 479 Н. К.		Зарядъ 454 Н. К.	
Комплектъ 505 Н. К.		Искренность 480 Н. К.		Заслуга 455 Н. К.	
Контрастъ 506 Н. К.	185	Искушеніе 481 Н. К.	180	Затворъ 456 Н. К.	175
Корифей 507 Н. К.		Искушленіе 482 Н. К.		Защита 457 Н. К.	
Кристалъ 508 Н. К.		Истина 483 Н. К.		Звѣзда 458 Н. К.	
Кружало 509 Н. К.		Источникъ 484 Н. К.		Землякъ 459 Н. К.	
Куртажъ 510 Н. К.		Испѣленіе 485 Н. К.		Знамя 460 Н. К.	

117	Линковский Евгений Осиповичъ.	116	Величковскій Михаилъ Львовичъ.
Жало 411 Н. К.	166	Егеръ 386 Н. К.	161
Жалоба 412 Н. К.		Единеніе 387 Н. К.	Ки. Урусовъ, Федоръ Ми- хайловичъ
Жалость 413 Н. К.		Единоборство 388 Н. К.	
Жаръ 414 Н. К.		Единодержавіе 389 Н. К.	
Живво 415 Н. К.		Единогласіе 390 Н. К.	
Жбанъ 416 Н. К.	167	Единодушіе 391 Н. К.	162.
Жгучій 417 Н. К.		Единоземство 392 Н. К.	Меринъ Юрій Всеволодо- вичъ.
Жезлъ 418 Н. К.		Единомысліе 393 Н. К.	
Желобъ 419 Н. К.		Единство 394 Н. К.	
Желудъ 420 Н. К.		Ежъ 395 Н. К.	
Желѣзо 421 Н. К.	168	Екранъ 396 Н. К.	163
Желѣзнякъ 422 Н. К.		Елбогъ 397 Н. К.	
Жемчугъ 423 Н. К.		Елей 398 Н. К.	
Жердь 424 Н. К.		Еленецъ 399 Н. К.	
Жерло 425 Н. К.		Ель 400 Н. К.	
Жерновъ 426 Н. К.	169	Епалча 401 Н. К.	164
Жертва 427 Н. К.		Еписграфъ 402 Н. К.	
Жестъ 428 Н. К.		Ералашъ 403 Н. К.	
Жетонъ 429 Н. К.		Ергакъ 404 Н. К.	
Живучій 430 Н. К.		Ересь 405 Н. К.	
Жизнь 431 Н. К.	170	Ерлыкъ 406 Н. К.	165
Жилецъ 432 Н. К.		Ертауль 407 Н. К.	
Живво 433 Н. К.		Ершъ 408 Н. К.	
Жеребій 434 Н. К.		Есауль 409 Н. К.	
Жрецъ 435 Н. К.		Ефесъ 410 Н. К.	

№ 107. М. Кн. Долгоруковъ Владимиръ Андреевичъ.

стіе въ дѣлахъ Дружины—возможно, что дѣло ограничивалось лишь ихъ согласіемъ войти въ составъ общества и внесеніемъ въ кассу Дружины членскаго взноса. Изъ дневника Смѣльскаго можно вынести совершенно опредѣленное впечатлѣніе, что дѣятельность Св. Дружины изъ Исполнительнаго Комитета расходилась не столько многочисленными развѣтвленіями внизъ, сколько шла, главнымъ образомъ, черезъ наемныхъ агентовъ и ихъ начальниковъ бригадировъ. Во главѣ этой наемной агентуры стоялъ одинъ изъ братьевъ Св. Дружины, который всѣ данныя агентуры передавалъ высшей инстанціи, такъ называемому попечителю мѣстности—брату, завѣдующему всѣми дѣлами сыска, наблюденія и разслѣдованія въ своей мѣстности; попечитель же сносился уже съ Исполнительнымъ К—томъ и получалъ черезъ него директивы отъ верховнаго органа. Агентура при Св. Дружинѣ была организована нѣсколько позже возникновенія самого общества—въ концѣ іюля, и тогда же Петербургъ и прилегающія къ нему мѣстности были выдѣлены въ особый округъ, названный мѣстностью № 1. Попечителемъ этой мѣстности № 1 былъ сначала князь Демидовъ Санъ-Донато, а затѣмъ (въ ноябрѣ 1881 г.) кн. Ал. Гр. Щербатовъ. Лѣтомъ 1881 года Св. Дружина обосновалась и въ Москвѣ; этому способствовало то обстоятельство, что Александръ III собирался пріѣхать въ іюлѣ въ Москву, и, слѣдовательно, дружинникамъ предстояло и тамъ организовать охрану царя. Къ исторіи возникновенія Дружины въ Москвѣ относится слѣдующее любопытное письмо къ князю Долгорукову графа Игнатьева ¹⁾. Къ сожалѣнію письмо не датировано, но оно, несомнѣнно, было послано въ Москву до образованія тамъ Св. Дружины, такъ какъ въ противномъ случаѣ гр. Шуваловъ, будучи уже связанъ съ Долгоруковымъ узамъ «Священнаго братства», не нуждался бы въ рекомендаціи къ нему графа Игнатьева. Очевидно, Шуваловъ отправился въ Москву съ порученіемъ отъ Сов. Первыхъ Старшинъ образовать отдѣлъ Священной Дружины въ Москвѣ въ виду предстоящаго пріѣзда Государя.

«Душевно уважаемый князь Владимиръ Андреевичъ! —писалъ гр. Игнатьевъ,—въ Петербургѣ составила добровольная агентура противъ нигилистовъ изъ людей съ общественнымъ положеніемъ. Они располагаютъ денежными средствами и заявили, что всецѣло посвящаютъ себя охранѣ Государя и Царской Семьи. Узнавъ, что Государь намѣренъ посѣтить Москву, графъ Шуваловъ (адъютантъ В. К. Владимира Александровича) съ нѣсколь-

¹⁾ Гр. Н. П. Игнатьевъ мин. внутр. дѣлъ съ мая 1881 г. до іюня 1882 г.

кими друзьями своими явился ко мнѣ съ предложеніями отправиться въ Москву и поступить въ распоряженіе Ваше для принятія мѣропріятій по открытію злоумышленниковъ и охраненію Государя. Я не могъ отказать этимъ добровольцамъ новаго рода въ исполненіи ихъ просьбы: снабдить ихъ этими строками для выясненія Вашему Сіятельству ихъ появленія въ Бѣлокаменной.

Душевно уважающій и искренно преданный

Графъ Н. Игнатьевъ.

Да поможетъ Вамъ Богъ!».

Доброе пожеланіе графа исполнилось, и въ сентябрѣ 1881 г. Московскій Отдѣлъ Св. Дружины уже былъ вполне сформированъ. Во главѣ его былъ поставленъ особый органъ, непосредственно зависящій отъ Совѣта Первыхъ Старшинъ—Московскій Мѣстный Комитетъ. Свѣдѣнія, какъ о функціяхъ и составѣ этого Мѣстнаго К—та, такъ и о взаимоотношеніяхъ его съ петербургскими центральными организаціями, въ частности съ Сов. Первыхъ Старшинъ, мы получаемъ изъ Устава этого Комитета, называющагося «Планъ дѣйствія Моск. Мѣстнаго Комитета въ мѣстности № 2».

«Въ составъ этой мѣстности входятъ губерніи: Московская, Владимирская, Ярославская, Костромская, Нижегородская, Рязанская, Тамбовская, Тульская, Калужская, Смоленская, Казанская, Симбирская, Самарская, Саратовская и Астраханская.

1.

Московскій Мѣстный Комитетъ находится въ Москвѣ и состоитъ изъ Предсѣдателя, Вице-Предсѣдателя и нѣсколькихъ членовъ. Должность предсѣдателя замѣщается лицомъ по приглашенію отъ Сов. Первыхъ Старшинъ. На должности Вице-Предсѣдателя и членовъ Комитета лица избираются Предсѣдателемъ онаго. Дѣлопроизводствомъ Комитета завѣдываетъ одинъ изъ членовъ по приглашенію Предсѣдателя. Списки лицъ, избранныхъ въ должности Вице-Предсѣдателя и членовъ, Предсѣдателемъ сообщаются въ Сов. Первыхъ Старшинъ.

2.

Вѣдѣнію Мѣстнаго Комитета подлежатъ: охрана особы Государя Императора во время пребыванія Его Величества въ Москвѣ, личная организація братьевъ Св. Дружины, находящихся въ Московской мѣстности; ближайшія указанія братьямъ по предмету распространенія и преумноженія Св. Др. образованіемъ новыхъ

пятерокъ; передача братьямъ всѣхъ распоряженій отъ Сов. Первыхъ Старшинъ; получение отъ братьевъ сообщеній и приходо-расходная касса.

3.

Комитетъ утверждаетъ, согласно § III п. 7 и § 8 Инструкціи Св. Др. для II Отдѣла представляемыхъ братьями кандидатовъ въ члены С. Д. Въ Комитетѣ совершенно секретно ведутся списки всѣхъ братьевъ, съ указаніемъ пятерокъ и мѣстожительства братьевъ. Присяжныя расписки вновь принятыхъ братьевъ представляются въ Моск. Мѣстный Комитетъ, и Предсѣдателемъ онаго доставляются въ Сов. Первыхъ Старшинъ черезъ Петербургскій Организационный Комитетъ.

4.

Если бы М. К., независимо правилъ, установленныхъ Инструкціей С. Д. для II Отдѣла, признавалъ нужнымъ снабдить братьевъ новыми указаніями по предмету порядка собиранія ими свѣдѣній и сообщенія оныхъ въ Верхъ, то предположенія свои представляетъ на утвержденіе въ С. П. С.

5.

Всѣ сообщенія отъ братьевъ въ порядкѣ, установленномъ Инструкціей для II Отдѣла, поступаютъ въ М. К. Изъ свѣдѣній, поступающихъ отъ братьевъ въ Комитетъ, Предсѣдатель сообщаетъ мѣстнымъ властямъ тѣ изъ нихъ, которыя онъ признаетъ нужнымъ, сохраняя за этими сообщеніями вполнѣ частный характеръ. Если по нѣкоторымъ изъ полученныхъ отъ братьевъ сообщеній, Комитетъ признаетъ нужнымъ имѣть дополнительное разъясненіе, то даетъ это порученіе въ ту же пятерку, откуда свѣдѣнія поступили, или въ другую по своему усмотрѣнію. 1-го и 15-го чиселъ каждаго мѣсяца Комитетъ доставляетъ въ С. П. С. краткій перечень по Губерніямъ поступившихъ въ теченіе двухъ недѣль сообщеній съ указаніемъ, сдѣланныхъ по онымъ распоряженіямъ. Въ перечняхъ этихъ должны быть означены всѣ имена, встрѣчающіеся въ сообщеніяхъ, мѣста, указанная въ оныхъ, и также номеръ дѣла мѣстнаго архива. Указанія же на болѣе крупныя факты Комитета сообщаетъ С. П. С. немедленно.

6.

Комитетъ, устанавливаетъ порядокъ письменныхъ сношеній съ братьями, т.-е., способы доставленія корреспонденціи между

братьями и Комитетомъ, для чего назначаетъ въ вѣдѣніе нѣкоторыхъ братьевъ, по избранію комитета, станцію. На станціи эта корреспонденція должна доставляться въ двухъ конвертахъ съ надписью на наружномъ имени отчества и фамиліи брата, завѣдующаго станціей, а на внутреннемъ литеръ М. К. (Мѣстному Комитету), если корреспонденція идетъ отъ братьевъ; если же корреспонденція направляется изъ Комитета, то на внутреннемъ конвертѣ выставляется номеръ и кличка брата, къ которому слѣдуетъ конвертъ. На станціяхъ всѣ поступающіе конверты запечатываются въ общій конвертъ съ надписью лица, къ которому конверты слѣдуютъ. Слѣдующіе въ М. К. конверты адресуются со станціи на имя предсѣдателя Комитета, или лица, указаннаго Предсѣдателемъ. Если окажется возможнымъ, желательно, чтобы пересылка корреспонденціи по почтѣ была наивозможно ограниченная, для достиженія настоятельно необходимаго сохраненія тайны организаціи и ея дѣятельности.

7.

Завѣдываніе кассой Комитета и веденіе денежныхъ книгъ возлагается на одного изъ братьевъ по избранію Комитета. Въ принятіи въ кассу суммы завѣдывающимъ выдается квитанція, и расходъ производится по ордеру Комитета. Повѣрка суммы, книгъ и документовъ производится Комитетомъ не менѣе одного раза въ мѣсяцъ. 10-го числа каждаго мѣсяца М. К. доставляетъ въ С. П. С. краткую вѣдомость о движеніи суммы въ теченіе предыдущаго мѣсяца.

8.

По открытіи дѣйствій Комитета, оный составляетъ планъ охраны Особы Государя Императора и смѣтное исчисленіе потребныхъ на годъ расходовъ и представляетъ оныя въ С. П. С.

9.

Если бы М. К. признанъ быль полезнымъ и возможнымъ губерніи Саратовскую, Самарскую, Астраханскую, Симбирскую и Казанскую выдѣлить изъ Московской Мѣстности съ учрежденіемъ отдѣльнаго въ оныхъ Мѣстнаго Комитета, а равно, если бы это признавалось полезнымъ и для другихъ нѣкоторыхъ губерній, то предположено по этому предмету съ указаніемъ практическихъ способовъ осуществленія оныхъ представлять въ С. П. С.

10.

Если бы М. К., независимо тѣхъ свѣдѣній, которыя будутъ поступать отъ братьевъ, призналъ нужнымъ усилить этотъ видъ

дѣятельности въ Москвѣ и ближайшихъ ея окрестностяхъ черезъ учрежденіе въ этихъ мѣстахъ секретно—агентурной организаціи, то свои соображенія съ проектомъ этой организаціи, съ планомъ дѣйствій оной и со смѣтнымъ исчисленіемъ потребныхъ годовыхъ на этотъ предметъ расходовъ представляетъ въ С. П. С.

11.

По всѣмъ предметамъ, не вошедшимъ въ настоящій планъ, Комитетъ руководствуется Инструкціей С. Др. для II Отдѣла.

Съ подлиннымъ вѣрно Д. И. К. ¹⁾ 127/bis.

22 сент. 1881 г.

Таковъ былъ Уставъ, опредѣляющій функціи и положеніе Главнаго Московскаго Учрежденія въ Священной Дружинѣ. Что же касается братьевъ-москвичей, то ихъ дѣятельность и организація была та же, что и въ Петербургѣ, т.-е., опредѣлялась уже намъ извѣстной «Инструкціей С. Д. для братьевъ II Отд.».

Интересно отмѣтить, что сношенія между Комитетомъ и братьями происходили, главнымъ образомъ, письменно, причемъ для этой переписки былъ, конечно, установленъ особый шифръ, и письма старательно зашифровывались ²⁾. Способъ сообщеній былъ разработанъ и доведенъ до свѣдѣнія всѣхъ членовъ Московской Дружины уже въ октябрѣ, въ одномъ изъ первыхъ циркуляровъ М. М. К—та.

«Московскій Мѣстный Комитетъ Св. Дружины, гласитъ этотъ циркуляръ за № 2,—открывъ свои дѣйствія, покорнѣйше просить братьевъ С. Д., проживающихъ въ мѣстности, подвѣдомственной М. М. К., а именно: въ городѣ Москвѣ и губерніяхъ Москов-

¹⁾ М. б.—дѣлопроизводитель Исполнительнаго Комитета.

²⁾ Среди найденныхъ документовъ Св. Др. имѣются—и лента шифра (см. приложенную табличку № 2) и слѣдующій ключъ къ нему:

«Способъ употребленія шифра».

1) Установивъ ленточку съ цифрами такъ, чтобы цифры приходились прямо подъ буквами алфавита, зашифрованное письмо начинаютъ съ того числа, которое находится подъ крестомъ, заканчивающимъ русскій или французскій алфавитъ, смотря потому, на какомъ языкѣ пишется письмо. Это число обозначаетъ ключъ шифра.

2) Числа: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9—не имѣютъ никакого значенія.

3) Всякое число, ограждаемое двумя такими числами, обозначаетъ уже не букву, а число, взятое въ прямомъ его значеніи. Такъ напр., чтобы написать 20 августа, число 20 пишется такъ 2. 20. 4. или 9. 20. 5.

4) Такимъ же образомъ поступаютъ при переѣмѣнѣ шифра: Число, обозначающее ключъ, напр., 42, ставится между двухъ неизмѣняющихся значеній цифръ—9.42.4.

5) Для обозначенія языка, на которомъ пишется письмо, въ началѣ французскаго слова ставится буква F, въ началѣ же русскаго—буква А.

6) Предоставляется мѣнять ключи шифра произвольно.

ской, Владимирской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Рязанской, Тамбовской, Тульской, Калужской и Смоленской:

1. Всѣ сообщенія, какъ о принятыхъ новыхъ братьяхъ, съ доставленіемъ ихъ присяжныхъ расписокъ, ходатайствъ о принятіи новыхъ братьевъ, пожертвованія и во всѣхъ случаяхъ, относящихся до Св. Дружины—обращать письменно на станцію въ Москву, Тверская, Медвѣжій переулокъ, домъ Мерлиной. Г. Ивану Петровичу Капралову ¹⁾.

2. Всѣ сообщенія должны быть отправляемы въ двухъ конвертахъ: во внутреннемъ, заключающемъ въ себѣ самое сообщеніе, должно писать на мѣстѣ адреса «М. М. К. отъ брата № такой то» и «мѣсяцъ и число сообщенія»—на наружномъ, адресъ станціи и слова «въ собственныя руки».

3. Каждому брату С. Д. обязательно сообщать по вышеизложенному адресу о перемѣнѣ своего мѣста жительства.

4. О полученіи сего циркуляра братья обязаны извѣстить М. М. К. слѣдующимъ образомъ: «Циркуляръ № 2 получилъ братъ № такой то».

5. О содержаніи сего циркуляра братья должны извѣстить своихъ младшихъ братьевъ, и увѣдомленія ихъ объ этомъ по вышеписанной формѣ просить отъ себя доставить на станцію.

Подлинный утвержденъ М. М. К.

За М. М. К. братъ № 689 Н. К. Талмудъ ²⁾.

Циркуляръ помѣченъ 19-мъ октября—слѣдовательно, къ этому времени Московскій Отдѣлъ Св. Дружины уже исполнѣ организованъ и началъ дѣйствовать.

II

Немаловажный вопросъ о составѣ дружинниковъ въ Москвѣ можетъ быть освѣщенъ особенно подробно, благодаря исключительно интереснымъ документамъ изъ ген.-губернаторскаго архива, спискамъ членовъ Дружины. О существованіи такихъ списковъ мы узнаемъ еще изъ 3-го пункта Устава М. М. К., но до сихъ поръ они не были извѣстны, и имена дружинниковъ, за исключеніемъ наиболѣе крупныхъ и видныхъ дѣятелей, оставались нераскрытыми. Такимъ образомъ теперь мы имѣемъ возможность впервые познакомиться съ составомъ Московской Дружины *въ ся цѣломъ*

¹⁾ Ив. Петр. Капраловъ не упоминается въ имѣющемся у насъ списокѣ членовъ Св. Дружины: возможно, что адресатъ—лицо вымышленное. или можетъ быть нейтральное. Въ домѣ же Мерлиной въ Медвѣжьемъ пер. по Тверской проживалъ дѣятельнѣйшій членъ Дружины—Юрій Всеволод. Мерлинъ.

²⁾ Братъ № 689 Н. К. Талмудъ это—М. А. Талызинъ (о немъ см. ниже въ комментаріи къ спискамъ).

и это чрезвычайно важно: если отдѣльные имена участниковъ любопытны тѣмъ, что вводятъ насъ въ кругъ опредѣленныхъ живыхъ людей, какъ бы воскрешаютъ бытовую обстановку уже ушедшаго прошлаго, то анализъ списковъ въ цѣломъ позволяетъ ставить и болѣе широкія задачи. На основаніи ихъ мы можемъ опредѣлить—кто, какія общественныя группы и въ какомъ соотношеніи принимали участіе въ Дружинѣ; зная же №№ всѣхъ членовъ Дружины, можно точно установить—каково было это участіе, т.-е., какую роль играли тѣ или иные общественные круги въ пресловутомъ тайномъ обществѣ. Такимъ образомъ, помимо чисто бытового интереса, публикуемые списки имѣютъ и глубокой общественно-историческій интересъ—и въ этомъ, конечно, ихъ главное значеніе.

Списковъ сохранилось два: одинъ изъ нихъ, содержащій 96 фамилій, перечисляетъ братьевъ, живущихъ въ Москвѣ и Московской губерніи, другой—56 человекъ—ведетъ учетъ братьямъ провинціальнымъ, входившимъ въ составъ мѣстности № 2—по городамъ: Нижнему-Новгороду, Тулѣ, Тамбову, Владимиру, Ярославлю и Калугѣ. Время составленія этихъ списковъ трудно опредѣлить точно—вѣроятно къ 1882-му году они уже были закончены.

Списокъ Братьевъ Священной Дружины мѣстности № 2.

Москва.

1. Кн. Владимиръ Андреевичъ Долгоруковъ. № 107 М.
2. Михайлъ Львовичъ Величковскій. № 116 М.
3. Евгенийъ Осиповичъ Янковскій. № 117 М.
4. Семень Сергѣевичъ Подгорѣцкій. № 118 М.
5. Алексѣй Николаевичъ Дьячковъ. № 119 М.
6. Кн. Ѳеодоръ Михайловичъ Урусовъ. № 161 М.
7. Юрій Всеволодовичъ Мерлинъ. № 162 М.
8. Графъ Викторъ Ѳеодоровичъ Келлеръ. № 163 М.
9. Николай Ильичъ Огаревъ. № 164 М.
10. Александръ Адольфовичъ Мейнгардтъ. № 165 М.
11. Николай Дмитріевичъ Селиверстовъ. № 166 М.
12. Владимиръ Карловичъ Шлиппе. № 171 М.
13. Александръ Ѳеодоровичъ Ѳеодоровъ. № 172 М.
14. Семень Егоровичъ Садыковъ. № 436 Н.К. Забава.
15. Александръ Александровичъ Линева. № 437 Н. К. Заблужденіе.
16. Василій Степановичъ Перфильевъ. № 545 Н. К. Милиція.
17. Егоръ Александровичъ Михайловъ. Милиція № 1.
18. Алексѣй Николаевичъ Маклаковъ. Милиція № 2.
19. Гр. Николай Яковлевичъ Стенбокъ-Ферморъ. Милиція № 3.
20. Владимиръ Александровичъ Драшусовъ. № 193.
21. Баронъ Евгенийъ Александровичъ Бистромъ. № 547 Н.К. Молва.
22. Гр. Алексѣй Павловичъ Барановъ. № 626 Н. К. Помощь.
23. Анатолій Ильичъ Чайковскій. Помощь № 1.

24. Сергѣй Филипповичъ Федотовъ. Помощь № 2.
25. Сергѣй Ильичъ Мухановъ. Помощь № 3.
26. Илья Петровичъ Побѣдимовъ. Помощь № 4.
27. Петръ Ильичъ Чайковскій. Помощь № 6.
28. Оедоръ Васильевичъ Перфильевъ. Помощь № 7.
29. Оедоръ Оедоровичъ Арнольдъ. Помощь № 8.
30. Оедоръ Фортунатовичъ Янышевскій. Помощь № 11.
31. Николай Ивановичъ Боткинъ. Помощь № 12.
32. Евгенийъ Эмилиевичъ Маттернъ. Помощь № 13.
33. Ефремъ Тимофеевичъ Родіоновъ. Помощь № 16.
34. Василий Оедоровичъ Вадковскій. Помощь № 17.
35. Дмитрій Васильевичъ Ильинъ. Помощь № 18.
36. Графъ Алексѣй Егоровичъ Комаровскій. № 627. Н. К. Попытка.
37. Николай Александровичъ Винтуловъ. Попытка № 1.
38. Александръ Войновичъ Задонскій. Попытка № 3.
39. Кн. Василий Андреевичъ Трубецкой. Попытка № 4.
40. Кн. Владимиръ Александровъ Голицынъ. Попытка № 5.
41. Василий Алексѣевичъ Шереметевъ. № 690 Н. К. Таранъ.
42. Дмитрій Сергѣевичъ Сипягинъ. Таранъ № 1.
43. Яковъ Ивановичъ Лихачевъ. № 536 Н. К. Магнитъ.
44. Константинъ Абрамовичъ Уткинъ. Магнитъ № 1.
45. Сергѣй Степановичъ Перфильевъ. № 544 Н. К. Мзда.
46. Филиппъ Николаевичъ Шиповъ. № 543 Н. К. Мечъ (bis)
47. Сергѣй Михайловичъ Третьяковъ. № 541. Н. К. Метрономъ.
48. Аркадій Александровичъ Талызинъ. Талмудъ № 1.
49. Павелъ Дмитріевичъ Голохвастовъ. Талмудъ № 2.
50. Петръ Александровичъ Талызинъ. Талмудъ № 3.
51. Александръ Алексѣевичъ Нарышкинъ. Талмудъ № 6.
52. Амедей Людвиговичъ Филиберъ. Талмудъ № 11.
53. Кн. Александръ Сергѣевичъ Оболенскій. Талмудъ № 12.
54. Николай Владимировичъ Рукинъ. Талмудъ № 13.
55. Модестъ Павловичъ Волковъ. Талмудъ № 31.
56. Семенъ Ивановичъ Ляминъ. Талмудъ № 32.
57. Иванъ Александровичъ Анненковъ. Талмудъ № 161.
58. Петръ Ивановичъ Санинъ. Талмудъ № 162.
59. Александръ Николаевичъ Константиновъ. Талмудъ № 163.
60. Иванъ Ивановичъ Шебаевъ. № 629 Н. К. Правда.
61. Владимиръ Семеновичъ Беръ. № 701 Н.К. Торжество(bis)
62. Романъ Романовичъ Фертеръ. Торжество № 1 (bis).
63. Дмитрій Оедоровичъ Фрейтагъ. Торжество № 2 (bis).
64. Робертъ Іоілевичъ Крафтъ. Торжество № 3 (bis).
65. Иванъ Богдановичъ Блисеръ. Торжество № 4 (bis).
66. Александръ Лукичъ Лосевъ. Торжество № 7 (bis).
67. Николай Степановичъ Перновъ. Торжество № 8 (bis).
68. Александръ Семеновичъ Беръ. Торжество № 5 (bis).
69. Романъ Юльевичъ Шульцъ. Торжество № 6 (bis).
70. Григорій Андреевичъ Петрококино. Торжество № 16) (bis.).
71. Эрнестъ Яковлевичъ Цоппе. Торжество № 17 (bis).
72. Митрофанъ Дмитріевичъ Щегловъ. Торжество № 26 (bis).
73. Михаилъ Дмитріевичъ Малининъ. Торжество № 27 (bis).
74. Николай Петровичъ Пастуховъ. Торжество № 28 (bis).
75. Георгій Ефремовичъ Взоровъ. Торжество № 29 (bis).
76. Павелъ Григорьевичъ Шелапутинъ. Торжество № 30 (bis).
77. Баронъ Андрей Львовичъ Кнопъ. Торжество № 141 (bis).
78. Александръ Егоровичъ Войновъ. № 705 Н. К. Тризна (bis)
79. Баронъ Оедоръ Львовичъ Кнопъ. № 704 Н. К. Тревога (bis)
80. Иванъ Карловичъ Прове. Тревога № 1 (bis).
81. Ричардъ Гилль. Тревога № 2 (bis).
82. Арсеній Ивановичъ Ермолаевъ. Тревога № 5 (bis).
83. Петръ Ивановичъ Сабо. Тревога № 1.
84. Дмитрій Васильевичъ Махаловъ. Тревога № 6.
85. Михаилъ Яковлевичъ Каратаевъ. № 702 Н. К. Гормазъ (bis)
86. Николай Ивановичъ Щукинъ. № 703 Н. К. Травля (bis)
87. Николай Аполинаріевичъ Аристарховъ. Травля № 1 (bis).

88. Альбертъ Альбертовичъ Кемпе.	Травля № 2 (bis).
89. Михаилъ Дмитріевичъ Селивановъ.	№ 561 Н. К. Набать.
90. Кн. Александръ Григорьевичъ Щербатовъ.	Упрямецъ № 8 (bis).
91. Исаакъ Малькиель.	Талисманъ № 2. (bis).
92. Гр. Василій Ивановичъ Капнистъ.	Ударъ № 3.
93. Владимиръ Яковлевичъ Купріановъ.	Ура № 32.
94. Владимиръ Александровичъ Колзаковъ.	Ура № 33.
95. Василій Николаевичъ Лепешкинъ.	№ 218 bis.
96. Павелъ Михайловичъ Хрушовъ.	Резервъ № 25.

Къ этому списку можно прибавить еще одного члена, имя котораго сохранилось на небольшой записочкѣ среди общихъ бумагъ— Михаила Александровича Талызина, носившаго № 689 Н. К. Талмудъ.

Списокъ Братьевъ Священной Дружины мѣстности № 2.

Нижній-Новгородъ.

1. Николай Александровичъ Безакъ.	№ 710 Н. К. Убѣжденіе.
2. І. Воскресенскій.	Убѣжденіе № 1.
3. Антонъ Ивановичъ Гринервальдъ.	Убѣжденіе № 2.
4. Александръ Сергѣевичъ Овчинниковъ.	Убѣжденіе № 3.
5. Сергѣй Владимировичъ Есиповъ.	Убѣжденіе № 6.
6. Оедоръ Егоровичъ Эше.	Убѣжденіе № 11.
7. Эмилій Павловичъ Ливень.	Убѣжденіе № 12.
8. Генрихъ Федоровичъ Штюрмеръ.	Убѣжденіе № 13.
9. Рихардъ Карловичъ Мазингъ.	Убѣжденіе № 14.
10. Николай Ивановичъ Кольбергъ.	Убѣжденіе № 15.
11. Павелъ Ивановичъ Стебловъ.	Убѣжденіе № 56.
12. Иванъ Борисовичъ Франкъ.	Убѣжденіе № 57.
13. Николай Густавовичъ Каргеръ.	№ 711 Н.К. Уборъ.
14. Михаилъ Петровичъ Андреевъ.	Уборъ № 1.
15. Владимиръ Васильевичъ Корвинъ-Круковский.	Уборъ № 2.
16. Василій Алексѣевичъ Соболевъ.	№ 712 Н. К. Убранство.
17. Измаиль Ивановичъ Вяхилевъ.	Убранство № 1.
18. Андрей Евлампіевичъ Зайцевъ.	Убранство № 2.
19. Александръ Алексѣевичъ Смирновъ.	Убранство № 3.
20. Степанъ Прокофьевичъ Большаковъ.	Убранство № 4.
21. Николай Александровичъ Бугровъ.	Убранство № 5.
22. Сергѣй Степановичъ Мойтовъ.	Убранство № 16.
23. Степанъ Ивановичъ Зябловъ.	Убранство № 17.
24. Иванъ Яковлевичъ Постниковъ.	Убранство № 18.
25. Устинъ Савичъ Курбатовъ.	Убранство № 19.
26. Маркелъ Александровичъ Дегтеревъ.	Убранство № 20.
27. Андрей Оедоровичъ Духиновъ.	Убранство № 26.
28. Дмитрій Ивановичъ Панютинъ.	№ 713 Н. К. Угаръ.
29. Платонъ Александровичъ Демидовъ.	Угаръ № 1.
30. Леонидъ Ивановичъ Панютинъ.	Угаръ № 2.
31. Алексѣй Максимовичъ Губинъ.	№ 714 Н. К. Угода.
32. Ипполитъ Сергѣевичъ Зыбинъ.	№ 715 Н. К. Удадь.
33. Михаилъ Валерьяновичъ Столыпинъ.	№ 194.

Владимиръ.

1. Гр. Дмитрій Егоровичъ Комаровскій.	№ 716 Н. К. Удача.
2. Іосифъ Михайловичъ Судіенко.	Удача № 1.
3. Александръ Михайловичъ Катанскій.	Удача № 2.
4. Петръ Александровичъ Никитинъ.	Торжество № 36 (bis).
5. Николай Александровичъ Колзаковъ.	Ура № 6.
6. Петръ Дмитріевичъ Бекетовъ.	Упрямецъ № 41.

Калуга.

1. Иванъ Егоровичъ Шевичъ. № 341 Н. К. Геній.
2. Константинъ Оседоровичъ Шраммъ. Геній № 1.
3. Владимиръ Самсоновичъ Сорокинъ. Геній № 2.

Тамбовъ.

1. Василий Петровичъ Давыдовъ. Резервъ № 39.
2. Николай Александровичъ Звегинцовъ. № 688 Н. К. Талисманъ.
3. Генрихъ Карловичъ Гофмейстеръ. № 719 Н. К. Ужась.
4. Кн. Николай Николаевичъ Хованскій. Ура № 1.
5. Петръ Ивановичъ Ильинъ. Ура № 7.

Рязань.

1. Евгений Александровичъ Драшусовъ. № 546 Н. К. Миръ.
2. Дмитрій Владимировичъ Житовъ. Миръ № 1.
3. Николай Павловичъ Ралгинъ. Резервъ № 786.
4. Алексѣй Ивановичъ Гончаровъ. Успѣхъ № 9.

Тула.

1. Рафаилъ Алексѣевичъ Писаревъ. Упрямецъ № 41.
2. Иванъ Юсифовичъ Шатиловъ. Талмудъ № 14.
3. Петръ Алексѣевичъ Нарышкинъ. Талмудъ № 33.

Ярославль.

1. Горбенко. Ура № 7. —

Первымъ въ Московскомъ списокѣ стоитъ имя князя Владимира Андреевича Долгорукова ¹⁾, бывшаго Московскимъ генералъ-губернаторомъ съ 31-го августа 1865-го до февраля 1891 года. Большой баринъ, властный администраторъ, вліятельный «хозяинъ» Москвы, «представлявшій собой,—какъ его характеризуетъ Н. Шатиловъ,—уже тогда отживающій типъ вельможи прежняго времени, отчасти избалованный всеобщимъ поклоненіемъ и раболепствомъ... сибаритъ, любившій женщинъ, хорошій столъ, и не признающій поспѣшности и безпокойства, но въ то же время доступный для cadaго»—князь Долгоруковъ былъ чрезвычайно цѣннымъ руководителемъ для Священной Дружины. Не даромъ почти вся Москва заискивала, передъ всеильнымъ правителемъ, пользовавшимся благосклонностью и въ Петербургѣ... Въ Св. Дружинѣ кн. Долгоруковъ былъ главаремъ, организаторомъ и руководителемъ, состоя председателемъ Московскаго Мѣстнаго Комитета. Его номеръ—107-й—указываетъ, что онъ являлся однимъ изъ 5-ти братьевъ 3-й степени, руководившихъ всѣмъ 2-мъ Отдѣломъ Дружины. Другихъ москвичей—дружинниковъ съ номерами той же степени мы не встрѣчаемъ. Буква «М», стоящая за номеромъ какъ князя Долгорукова, такъ и ряда слѣдующихъ братьевъ, служила, очевидно, показателемъ ихъ принадлежности

¹⁾ Генералъ-адъютантъ; членъ Госуд. Совѣта род. 1810 г. ум. 1891 г. 19 июня.

къ Московскому Мѣстному К—ту (братья далѣе 5-й степени этой отмѣтки не имѣютъ). Вслѣдъ за Долгоруковымъ въ списокъ слѣдуютъ 4 брата слѣдующей 4-й степени, входившіе въ составъ той пятерки, старшимъ братомъ которой былъ генераль-губернаторъ ¹⁾. Это—Михаилъ Львовичъ Величковскій, генераль-маіоръ, состоящій при М. Вн. Дѣлѣ и откомандированный къ московскому генераль-губернатору въ качествѣ чиновника особыхъ порученій (род. 14 февр. 1837 г., ум. 18 дек. 1884 г.) — правая рука кн. Долгорукова. Въ Св. Дружинѣ онъ состоялъ попечителемъ Московской мѣстности и имѣлъ № 116М.

Евгеній Осиповичъ Янковскій—братъ № 117М.—московскій оберъ-полицмейстеръ, занимавшій впослѣдствіи должность Волынскаго губернатора (род. 1826 г., ум. 1895 г.).

Семень Сергѣевичъ Подгорѣцкій — братъ № 118М—почт.-директоръ московскаго почтамта, камергеръ двора; извѣстный своимъ участіемъ во многихъ просвѣтительныхъ обществахъ Москвы—почетный членъ О-ва распространенія полезныхъ книгъ, предсѣдатель Комиссіи публичныхъ народныхъ чтеній, членъ Комитета Московскаго Музея Прикладныхъ знаній (род. 1824 г., ум. 1887 г.).

Алексѣй Николаевичъ Дьячковъ—братъ № 119М—потомственный почетный гражданинъ, гласный Московской Городской Думы, выборный московск. купеческаго сословія, крупный благотворитель.

Слѣдующіе пять братьевъ списка принадлежали къ 5-й степени братьевъ и входили въ составъ пятерки, старшимъ братомъ которой былъ Величковскій. Это были: князь Ѳедоръ Мих. Урусовъ—братъ № 161М—гвардіи полковникъ, адъютантъ, состоящій при Моск. ген.-губернаторѣ. (род. 1842 г.).

Юрій Всеволодовичъ Мерлинъ ²⁾—братъ № 162М—камеръ-юнкеръ, чиновникъ особыхъ порученій при ген.-губернаторѣ; лицо безызвѣстное во всѣхъ кругахъ московскаго общества. Вліятельный и одно время богатый—впослѣдствіи разорившійся—чиновникъ, весьма приближенный къ особѣ князя Долгорукова, любитель-коллекціонеръ, Мерлинъ, по воспоминаніямъ Шатилова не пользовался расположеніемъ современниковъ—«большой силачъ, занимавшійся оккультизмомъ и, какъ онъ увѣрялъ, вѣрившій въ колдовство и въ существованіе различной нечистой силы... онъ былъ очень несимпатичный и злой человѣкъ, полу-

¹⁾ См. вышеприведенную таблицу № 1.

²⁾ О немъ см. Шукинъ. «Воспоминанія» т. 4 стр. 36, 42, 43.

Шатиловъ. Изъ недавняго прошлаго. («Гол. Мин.» 1916 г. октябрь. Стр. 65). «Изъ записной книжки Бахрушина».

чившій, какъ ходилъ слухъ, камеръ-юнкерство за предательство Ишутина, пострадавшаго по дѣлу Каракозова» (ум. въ 1907 г.).

Графъ Викторъ Ѳеодоровичъ Келлеръ—братъ № 163М. (род. 1834 г., ум. 1896 г.) генераль-маіоръ, прикомандированный къ штабу мѣстныхъ войскъ Моск. Военнаго Округа.

Николай Ильичъ Огаревъ—бр. № 164М—небезызвѣстный московскій полицмейстеръ 1-го Отдѣленія, прослужившій 33 года (съ 1856 по 1889-й) на своемъ посту. Вѣрный и преданный служака, онъ умеръ въ 1890 году, 70-лѣтнимъ старикомъ, больной, въ стѣсненномъ матеріальномъ положеніи, имѣя однако въ лицѣ князя Долгорукова покровителя и упорнаго ходатая передъ М. Вн. Дѣль (изъ дѣлъ архива Моск. ген-губ.).

Александръ Адольфовичъ Мейнгардтъ—бр. № 165М—губернскій инженеръ въ строительномъ отдѣлѣ губернскаго правленія; д. с. с. (род. 1825 г., ум. 1894 г.).

Далѣе къ той же 5-й степени братьевъ принадлежали: Николай Дмитріевичъ Селиверстовъ ¹⁾—братъ № 166М—жандармскій генераль съ весьма громкимъ прошлымъ; въ 1878 году онъ недолгое время исполнялъ обязанности шефа Жандармовъ и Главнаго Начальника III Отд. С. Е. И. В. К., затѣмъ занималъ должность пензенскаго губернатора, а въ концѣ 80-хъ годовъ былъ командированъ съ особо-секретными полицейскими цѣлями за границу, гдѣ—въ Парижѣ и былъ убитъ въ 1890 г. эмигрантомъ Падлевскимъ; какъ сообщаетъ Богучарскій въ статьѣ «1878 годъ»—«во время процесса А. А. Лопухина и запроса въ Гос. Думѣ по дѣлу Азефа въ печати вспоминалось убійство Селиверстова и указывалось на прикосновенность къ этому дѣлу знаменитаго Петра Ивановича Рачковскаго».

Въ Св. Дружинѣ Селиверстовъ состоялъ въ пятеркѣ Янковскаго, куда входилъ также и братъ № 171М—Владимиръ Карловичъ Шлиппе (род. 1834 г.)—предводитель дворянства Верейскаго уѣзда (съ 1873 по 1878 г. и вторично—съ 1881 по 1889 г.).

Далѣе въ числѣ братьевъ 5-й степени состояли: Александръ Ѳеодоровичъ Ѳеодоровъ—братъ № 172М, изъ пятерки Подгорѣцкаго, коллежскій регистраторъ, преподаватель Училища Имп. Моск. Театровъ, Владимиръ Александровичъ Драшусовъ—братъ № 193М изъ пятерки неизвѣстнаго брата, имѣвшаго № 122М—кол. ас. въ должности Церемоніймейстера Двора Е. И. В., чиновникъ особыхъ порученій при кн. Долгоруковѣ; въ 1890 г. былъ предводитель дворянства Пронскаго уѣзда—и Василій Николаевичъ

¹⁾ О немъ см.—Семенова Е. П. Въ странѣ изгнанія. Богучарскій 1878 г. («Гол. Мин.» 1917 г. іюль-августъ). Стенографическіе отчеты по дѣлу Азефа.

Лепешкинъ—бр. № 218/bis—изъ пятерки неизвѣстнаго брата № 127/bis—пот. поч. гражданинъ, домовладѣлецъ, благотворитель, бывшій свѣтскимъ директоромъ попечительнаго о тюрьмахъ К—та и сотрудникомъ Николаевского дома въ память цесаревича Н. Ал. (род. въ 1842; извѣстному Лепешкину, основателю общежитія, приходится племянникомъ). Этими лицами заканчивается 5-я степень братьевъ-москвичей, а вмѣстѣ съ тѣмъ, очевидно, ими и исчерпывается составъ М. М. К—та. Слѣдующее за ними мѣсто по роли и положенію въ Св. Дружинѣ занимали братья 6-й степени—начальники кружковъ ¹⁾:

Василій Степ. Перфильевъ—московскій губернаторъ (ум. 1891 г.).

Вас. Ал. Шереметьевъ (р. 1834 г., ум. 1884)—кол. сов. въ должности Егермейстера Двора Е. И. В.; предводитель дворянства Рузскаго уѣзда; въ 1884 г. былъ назначенъ московскимъ губернск. предводителемъ дворянства.

Филиппъ Николаевичъ Шиповъ (р. 1848 г.) кол. ас. въ должности Церемоніймейстера Двора Е. И. В., предводитель дворянства Подольскаго уѣзда; въ 1890 г.—корреспод. Главн. Управленія Государственнаго Коннозаводства по Московской губ.

Графъ Алексѣй Егоровичъ Комаровскій (р. 1841 ум. 1899 г.) с. сов. шталмейстеръ; старшина Англійскаго Клуба, хранитель Оружейной Палаты; съ 1883 г.—въ С. П. Б.—почетный членъ Имп. О-ва для содѣйствія русской торговли и мореходствъ.

Серг. Мих. Третьяковъ (р. 1834 г., ум. 1892 г.) ст. сов. Москвскій Городской Голова (1881—1883 гг.), членъ московскаго Отдѣла Совѣта Торговли и мануфактуръ: выборный Моск. Купеческ. Сословія и проч.; извѣстный собиратель иностранной живописи.

Александръ Александровичъ Линевъ—ст. сов., предсѣдатель Верейской Земской Управы, членъ дворянской опеки, почетный мировой судья.

Гр. Алексѣй Павл. Барановъ—(р. 1847 г., ум. 1890 г.)—тит. сов. въ званіи камеръ-юнкера; товарищ прокурора Моск. Окружнаго Суда.

Сергѣй Степановичъ Перфильевъ—т. с. домовладѣлецъ; товарищъ предсѣдателя Московск. Окружн. Суда; управляющій Импер. Вдовимъ Домомъ, членъ Моск. присутствія Опекунскаго Совѣта.

Мих. Алекс. Талызинъ,—к. ас. въ званіи камеръ-юнкера непремѣнный членъ Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

¹⁾ №№ этихъ, а также и послѣдующихъ братьевъ и названіе кружковъ, въ которые они входили, см. въ вышеприведенныхъ спискахъ.

Яковъ Ивановичъ Лихачевъ (р. 1855 г., ум. 1887 г.) московскій домовладѣлецъ

Михаилъ Дмитріевичъ Селивановъ—надворн. совѣтн.; инженеръ, Инспекторъ Московск. Нижегородск. жел. дор.

Александръ Егоровичъ Войновъ (р. 1862 (?), ум. 1897 г.) пот. поч. гр. домовладѣлецъ; тов. предсѣдателя Моск. купеческ. банка.

Баронъ Ѳеодоръ Львовичъ Кнопъ—домовладѣлецъ, крупный хлопчатобумажный промышленникъ.

Баронъ Евгений Александровичъ Бистромъ—мировой судья.

Владимиръ Семеновичъ Беръ—купецъ, домовладѣлецъ.

Михаилъ Яковлевичъ Каратаевъ—пот. почетн. гражд.

Петръ Ив. Шебаевъ и Сем. Ег. Садыковъ.

Начальниками кружковъ исчерпывались, вѣроятно, активные члены Св. Дружины; далѣе уже шли рядовые братья, группировавшіеся по кружкамъ и пятеркамъ, и врядъ ли особенно дѣятельные. Это были слѣдующія лица:

Алексѣй Николаевичъ Маклаковъ (р. 1838, ум. 1905 г.)—гласный Москов. Городской Думы, докторъ медицины, профессоръ Московск. Университета.

Графъ Ник. Яковлев. Стенбокъ-Ферморъ-Эссенъ (р. 1849 г.)—камеръ-юнкеръ, съ 1878 до 1891 г. исполнялъ обязанности старшаго штатнаго чиновника особыхъ порученій при Моск. Губернаторѣ, а въ 1891-мъ году перешелъ на ту же должность при Моск. Ген.-губ.

Анатолій Ильичъ Чайковскій (р. 1850 г. ум. 1915 г.)—товарищъ прокурора Моск. Окружн. Суда; въ 1890 г. былъ чиновникомъ особыхъ порученій при М-рѣ Вн. Дѣль, а впослѣдствіи—сенаторомъ и нижегородскимъ вице-губернаторомъ.

Сергѣй Филип. Федотовъ,—инженеръ при Губернск. Земской Управѣ, состоящій, для порученія при Ген-губерн., а въ 1890 г. назначенный сверхштатнымъ чиновникомъ особыхъ порученій при немъ же.

Сергѣй Ильичъ Мухановъ (р. 1853 г., ум. 1894 г.) гвард. шт.-ротм., домовладѣлецъ, военный адъютантъ при Моск. Ген.-губернаторѣ; Илья Петр. Побѣдимовъ—тит. сов., домовлад., участковый судебный слѣдователь.

Петръ Ильичъ Чайковскій (р. 1840, ум. 1893 г.)—извѣстный композиторъ.

Ѳед. Вас. Перфильевъ—товарищъ прокурора Моск. Окружн. Суда.

Ѳед. Ѳед. Арнольдъ—товарищъ прокурора Моск. Окружн. Суда.

Оед. Фортунат. Янишевскій—инженеръ при Губ. Земской Управѣ (въ дорожномъ отдѣлѣ).

Ник. Ив. Боткинъ,—кол. рег., состоящій для порученій при Ген-губ.

Евгеній Эмильевъ Маттернъ—домовл.; присяжный повѣренный, присяжный стряпчій Московскаго Коммерческаго Суда.

Ефремъ Тимоф. Родіоновъ—врачъ при Александр.-Маріинск. училищѣ.

Вас. Оед. Вадковскій—кам.-юнкеръ Двора Е. И. В. домовлад.; губ. секрет., состоящій для порученій при ген.-губернаторѣ; въ 1890 г.—былъ назначенъ почетнымъ мировымъ судьей Терской области.

Дм. Вас. Ильинъ (р. 1852 г.)—полковникъ, адъютантъ при Моск. Ген.-губ.

Ник. Алекс. Винтуловъ—ротмистръ лейбъ-гвардіи Кирасирскаго Е. И. В. полка.

Алекс. Войнов. Задонскій—полковникъ кавалергардскаго полка.

Князь Вас. Андр. Трубецкой—былъ прапорщикомъ Нижегород. драгунскаго полка; въ 1881 г. вышелъ въ отставку.

Князь Влад. Алекс. Голицынъ—въ 1895 г.—былъ Моск. уѣздн. предводит. дворянства, предсѣдат. моск. уѣздн. съѣзда, уѣзднаго училищн. Совѣта.

Дмитр. Серг. Сипягинъ—(р. 1853 г., ум. 1902 г.)—предводитель дворянства Волоколамскаго уѣзда; въ 1890 г. и. д. Курляндскаго губернатора, министр. внутрен. дѣлъ, убитъ 2-го апрѣля 1902 года въ зданіи Госуд. Совѣта Балмашевымъ.

Арк. Алекс. Талызинъ (р. 1838 г., ум. 1896 г.)—церемоній-мистеръ, Директоръ Оружейной Палаты.

Павель Дмитріевичъ Голохвастовъ (р. 1838 г., ум. 1892 г.)—сынъ бывшаго попечителя Моск. Учебн. округа, съ 1882 по 1878 годъ занимавшій мѣсто мирового судьи Звенигородск. уѣзда. Происходившій изъ богатой и видной въ Москвѣ аристократической семьи, Павель Дм. однако сохранилъ извѣстность не столько, какъ представитель московскихъ свѣтскихъ круговъ, сколько какъ ученый-любитель, изучавшій, главнымъ образомъ, древній русскій бытъ и исторію литературы ¹⁾.

Петръ Алекс. Талызинъ—(р. 1828 г., ум. 1897 г.)—к. с., членъ Московскаго Окружнаго Суда 2-го Отдѣла.

¹⁾ О немъ и его сочиненіяхъ см.: Языковъ, Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ 12 вып.; «Русскій Архивъ» 1892 г. кн. 8 стр. 566; «Историческій Вѣстникъ» 1892 г. кн. 11-я; «Вѣстникъ Европы» 1907 г. кн. 6-я; Шатиловъ «Изъ недавн. прошлаго» «Гол. Мин.» 1916. январь.

Александръ Алекс. Нарышкинъ—поручикъ, и. д. полкового казначея въ 1-мъ лейбъ-гренадер. Екатерининск. Его Вел. полку; впослѣдствіи—членъ Гос. Сов. и товарищъ министра земледѣлія.

Амедей Людвиговъ Филиберъ—почетный гражд. «Его отецъ—Людвигъ Филиберъ (французъ) послѣ присоединенія Крыма и Новороссіи пріѣхалъ въ Одессу изъ СПБ. вмѣстѣ съ Ришелье и тамъ обосновался; занимался овцеводствомъ на берегу Азовскаго моря, владѣлъ большими участками земли, имѣлъ огромное состояніе. Своему сыну—Амедею и дочерямъ далъ очень хорошее образованіе» ¹⁾.

Князь Алекс. Серг. Оболенскій—поручикъ, впослѣдствіи—предводитель дворянства Аткарскаго уѣзда.

Николай Владим. Рукинъ—дворянинъ, членъ Звенигородской Уѣздной Земской Управы, съ 1884 г. былъ предводителемъ дворянства Звенигородск. уѣзда.

Модестъ Павловичъ Волковъ—домовлад. субалтернъ-офицеръ 1-го лейбъ-гренадерскаго Екатерининскаго Е. И. В. полка.

Сем. Ив. Ляминъ—секретарь Ученаго Отдѣла Общества распространенія техническихъ знаній; въ 93 г. былъ избранъ гласнымъ Московск. Гор. Думы; пот. поч. гражд.

Иванъ Александровичъ Анненковъ—былъ въ 70-хъ годахъ нижегородскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства.

Петръ Ивановичъ Санинъ—пот. поч. гражд. гласный городской думы, выборный московскаго купеческаго сословія, членъ Московск. Отд. Сов. Торговли и Мануфактуръ, старшина Моск. Биржевого Комитета, членъ Совѣта Московской Практической Академіи Наукъ.

Ром. Ром. Ферстеръ—пот. поч. гражд.; председатель комитета Евангелич. Больницы, Директоръ Московскаго Филармоническаго Общества, членъ Высочайше утвержденного попечительства о бѣдныхъ евангелическаго исп.

Алекс. Лукичъ Посевъ—пот. поч. гражд. мануфактуръ-совѣтникъ; членъ Моск. Отд. Совѣта Торговли и Мануф., членъ Московск. конторы Государственн. Банка, учетно ссуднаго к-та по торгово-промышленнымъ кредитамъ членъ попечительн. Сов. Алекс. Коммерч. Уч-ща; директоръ Собиновской мануфактуры.

Романъ Юльевичъ Шульцъ—биржевой маклеръ.

Алекс. Сем. Беръ—колл. сов.; биржевой маклеръ; Членъ Учредитель Благотворит. О-ва при Басманной больн., попечитель дома Воспитанія сиротъ убитыхъ воиновъ и Елисаветинской женской гимн. Мин. Нар. Просв.

¹⁾ Шатиловъ «Изъ недавн. прошл.» «Гол. Мин.» 1916, I, стр. 192.

Эрнестъ Яковлев. Цоппе—биржевой маклеръ,

Николай Петров. Пастуховъ—(р. 1845 г., ум. 1891 г.) поч. гр. домовлад.

Георг. Ефремов. Взоровъ—надв. сов.; младшій землехѣрь 1-го разряда въ Чертежной Межевой Канцеляріи.

Пав. Григ. Шелапутинъ. (р. 1846, ум. 1914) пот. поч. гр., крупный домовладѣлецъ, предсѣдатель О-ва среднихъ торговыхъ рядовъ, извѣстный благотворитель, устроитель гимназіи въ честь своего отца.

Баронъ Андрей Львовичъ Кнопъ—попечитель дома Воспит. Сиротъ Убитыхъ Воиновъ.

Иванъ Карловичъ Прове—крупная фигура въ торгово-промышленномъ мірѣ Москвы: мануфакт.-совѣтн., коммерц.-сов., домовладѣлецъ, московскій 1-й гильдіи купецъ, выборный Московскаго Купеческаго Сословія, членъ Моск. Отд. Сов. Торговли и мануфактуръ, Гласный Московской Городской Думы; директоръ Московск. Страховаго О-ва, Членъ Учетнаго банка по торгово-промышл. кредитамъ, извѣстный благотворитель.

Дмитрій Влад. Махаловъ—домовладѣлецъ.

Альб. Альб. Кемпе—пот. поч. гражд.—директоръ Трехгорнаго Пивовареннаго Товарищества.

Князь Ал. Григ. Щербатовъ—камер.-юнкер., предводитель дворянства Рузскаго уѣзда, впоследствии—предсѣдатель Моск. Общества Сельскаго Хозяйства; землевладѣлецъ.

Исаакъ Малкіель—сынъ богатаго и извѣстнаго въ Москвѣ подрядчика Самуила Малкіеля; домовладѣлецъ.

Графъ Василій Ивановичъ Капнистъ. (Р. 1829 г. ум. 1893 г.)—кам.-юнкеръ; въ 1873 г. былъ помощникомъ Управляющаго Московской Казенной Палатой, съ 1881 г.—состоитъ въ чинѣ камергера Двора Е. И. В., свѣтскимъ директоромъ Попечительнаго о тюрьмахъ Комитета.

Влад. Яковл. Купріяновъ—ротмистръ, чиновникъ при Штабѣ Московскаго Военнаго Округа.

Павель Мих. Хрущовъ—камергеръ Двора Е. И. В.; членъ Московскаго Управленія Общ-ва Краснаго Креста, свѣтскій директоръ Попечит. о тюрьмахъ К-та, Членъ Попечительн. Совѣта заведеній общественнаго призрѣнія, почетный членъ Об-ва распространенія полезныхъ книгъ и проч.; съ 1890 г. сост. въ распоряжен. Оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода.

Провинціальный списокъ включаетъ 55 человекъ дружинниковъ изъ 7-ми городовъ. Изъ нихъ 33 члена—входило въ составъ Нижегородской Свящ. Дружины, а остальные—22—распредѣлялись по шести городамъ, гдѣ, такимъ образомъ, дружинники на-

считывались единицами: во Владимирѣ—6, въ Тамбовѣ—5, въ Рязани—4, въ Калугѣ и Тулѣ—по 3, въ Ярославлѣ—1, и гдѣ къ тому же они почти всѣ были—рядовыми братьями и, слѣдовательно, не играли большой роли въ Дружинѣ.

Нижегородскіе дружинники группировались около Николая Ал. Безака ¹⁾—нижегородскаго губернатора, занимавшаго впоследствии мѣсто Начальника Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ и имѣвшаго чинъ генерал-лейтенанта Генеральн. штаба. Въ Дружинѣ онъ числился Начальникомъ Круга; такое же положеніе занимали—Николай Густав. Каргеръ—нижегородскій полицмейстеръ; Вас. Ал. Соболевъ—нижегородскій городской голова, крупный купецъ.

Дм. Иван. Панютинъ—дворянинъ, вліятельный нижегородскій помѣщикъ; Алексѣй Максим. Губинъ—купецъ, богатый домовладѣлецъ, бывший одно время городскимъ головой; Ив. Серг. Зыбинъ—дѣйств. стат. сов., губернскій предводитель дворянства, почетный мировой судья Нижегородскаго и Васильковскаго уѣздовъ (его сынъ—основатель нижегородскаго «объединеннаго дворянства»).

Остальные братья, кромѣ Мих. Вал. Столыпина—крупнаго помѣщика, предводителя дворянства Лукояновскаго уѣзда, имѣвшаго № 194, т.-е., занимавшаго въ Дружинѣ—мѣсто брата 5-й степени,—были рядовыми членами круговъ.

Серг. Вл. Есиповъ—дворянинъ, помѣщикъ.

Оед. Ег. Эше—педагогъ.

Эм. Павл. Ливень—директоръ Александровскаго дворянскаго банка,

Генр. Оед. Штюмеръ—желѣзнодорожный врачъ, домовладѣл.

Рих. Карл. Мазингъ—помѣщикъ.

Ник. Ив. Кольбергъ—кол. ассес.; фармацевтъ, провизоръ, чиновникъ врачебнаго Отдѣла Нижегород. Управы,

Пав. Петр. Стебловъ—директоръ гимназіи.

Ив. Бор. Франкъ—домовладѣлецъ, хозяинъ большой кузнечной мастерской.

Мих. Петр. Андреевъ—уѣздный предводитель дворянства, предсѣдатель Уѣздной Управы; директоръ Александровск. банка.

Вл. Вас. Корвинъ-Круковский—дворянинъ, помѣщикъ.

Изм. Ив. Выхилевъ (должно быть—Выхиревъ)—крупный купецъ, домовладѣлецъ.

Андр. Евл. Зайцевъ—купецъ, владѣлецъ канатной фабрики.

Ал. Ал. Смирновъ—купецъ, домовладѣлецъ.

¹⁾ Р. 1836 г.

Ст. Прок. Большаковъ—купецъ, домовладѣлецъ.

Ник. Алекс. Бугровъ—знаменитый въ Поволжѣ мукомоль, миллионеръ и извѣстный благотворитель.

Серг. Ст. Майтовъ—директоръ банка.

Ст. Ив. Зябловъ—купецъ.

Ив. Яковл. Постниковъ—купецъ.

Уст. Сав. Курбатовъ—крупный заводчикъ, пароходовладѣлецъ.

Мар. Ал. Дегтеревъ—извѣстный мукомоль, миллионеръ.

Андр. Оед. Духиновъ—богатый самарскій купецъ.

Пл. Ал. Демидовъ—дворянинъ, помѣщикъ.

Леон. Ив. Панютинъ—дв., помѣщикъ.

Во Владимирѣ среди шести братьевъ Свящ. Дружины встрѣчаемъ лишь одного начальника кружка—графа Дм. Ег. Комаровскаго (р. 1837 г., ум. 1901 г.)—бывшаго съ 1877 по 1889 годъ командиромъ 3-ей пѣхотной дивизіи; остальные занимаютъ низшія степени братьевъ. Это—Иос. Мих. Судіенко (р. 1830 г., ум. 1892 г.)—шталмейстеръ двора Е. И. В., владимирскій губернаторъ;

Пав. Дмитр. Бекетовъ—(р. 1844 г.)—состоялъ въ чинѣ церемоніймейстера Двора Е. И. В.

Ал. Мих. Катанскій—подполковникъ, начальникъ Владимирск. Губернск. Жандармскаго Управленія.

Въ Калугѣ извѣстны слѣдующіе братья—Свящ. Друж.; Ив. Ег. Шевичъ—калужскій губернаторъ, состоялъ въ Дружинѣ начальникомъ кружка.

Конст. Оед. Шрамъ—полковникъ, Начальникъ Калужскаго Жандармскаго Управленія;

Въ Тамбовѣ: Давыдовъ Вас. Петр. (р. 1852 г. ум. 1890 г.)—кавалергардъ;

Ник. Ал. Звегинцевъ (или Звягинцевъ)—р. 1848 г.—въ чинѣ кавалергарда.

Князь Хованскій, Ник. Ник. (р. 1836 г., ум. 1886 г.) ст. сов. въ Рязани—Евг. Ал. Драшусовъ—рязанскій помѣщикъ, сынъ профессора Московскаго Университета; въ 1879 г. былъ чиновникомъ особыхъ порученій при московскомъ губернаторѣ. Въ Дружинѣ былъ назначенъ начальникомъ кружка.

Ник. Павл. Ралгинъ—дворянинъ, помѣщикъ.

Въ Тулѣ: Раф. Ал. Писаревъ—(р. 1850 г.) съ 1885 по 1888 былъ предводителемъ дворянства Епифаньевскаго уѣзда.

Шатиловъ Ив. Иос.—дворянинъ, помѣщикъ.

Разсматривая вышеприведенные списки членовъ Священной Дружины съ точки зрѣнія опредѣленныхъ социальныхъ группировокъ, мы получаемъ любопытную картину соотношенія отдѣль-

ныхъ общественныхъ круговъ въ ихъ участіи въ тайномъ обществѣ. Какъ мы уже видѣли выше, въ Москвѣ Священная Дружина концентрировалась около кн. Долгорукова, къ которому съ одной стороны примыкали лица, занимавшія видное административное и служебное положеніе (В. Перфильевъ, Подгорѣцкій, Янковскій, Огаревъ, Селиверстовъ, Келлеръ, Комаровскій, Капнистъ, два М. и А. Талызины), съ другой—крупное московское дворянство, большею частью чиновное и служащее, во главѣ со своими губернскимъ и уѣзднымъ предводителями дворянства (Голицынъ, Хрушовъ, Голохвастовъ, Рукинъ, Шереметьевъ, Шлиппе, Сипягинъ, кн. Щербатовъ, Шиповъ, Линева и Анненковъ). Къ этимъ «сливкамъ» Священной Дружины присоединялись во 1-хъ не менѣе знатные и вліятельные ея члены—крупные чиновники при князѣ Долгоруковѣ (Величковскій, Мерлинъ, Стенбокъ-Ферморъ, кн. Урусовъ, Вадковскій, Драшусовъ) и другіе, занимавшіе болѣе скромное положеніе (Ильинъ, Мухаловъ, Федоровъ и Боткинъ.); затѣмъ—нѣсколько человекъ изъ военныхъ круговъ (кн. Трубецкой, кн. Оболенскій, Нарышкинъ, Купріяновъ, Задонскій, Волковъ, Винтуловъ) и группа судебныхъ во главѣ съ товарищемъ предсѣдателя Моск. Окружнаго Суда (С. Перфильевъ, П. Талызинъ, Ѳ. Перфильевъ, Арнольдъ, гр. Барановъ, А. Чайковскій, Побѣдимовъ, Маттернъ и Бистромъ).

Итакъ, чиновная и чиновническая Москва дала наиболѣе многочисленныхъ и активныхъ участниковъ Дружины—48 человекъ, во главѣ съ ея организаторами и руководителями. Но немаловажную роль въ Священной Дружинѣ сыграло и московское купеческое сословіе, вошедшее въ тайное общество въ лицѣ своихъ виднѣйшихъ представителей—городского головы (С. М. Третьяковъ), гласныхъ Думы, выборныхъ московскаго купеч. сословія, членовъ Совѣта торговли и мануфактуръ (Санинъ, Дьячковъ, Прове), крупныхъ московскихъ купцовъ и благотворителей (Шелапутинъ, Лепешкинъ, Лосевъ) и даже въ лицѣ своихъ интеллигентовъ (Маклаковъ, Ляминъ); къ нимъ могутъ быть присоединены извѣстные въ Москвѣ, хотя и не исконно-московскіе, крупные торгово-промышленники и биржевики (бр. Беръ, бр. Кнопъ, Кемпе, Цоппе, Ферстеръ, Филиберъ, Малькиель, Шульцъ) и почетные граждане, домовладѣльцы, очевидно, происходившіе изъ купческаго сословія (Лихачевъ, Пастуховъ, Махаловъ, Войновъ). Такимъ образомъ, 23 брата Свящ. Дружины, правда, уже значительно менѣе активныхъ, чѣмъ тѣ, которые составляли дворянско-чиновную группу дружинниковъ, выдвинуло изъ своей среды московское купечество. Нѣсколько особнякомъ стоитъ небольшая группа членовъ Дружины изъ интеллигенціи, изъ лицъ

«свободныхъ профессій»—ихъ 7 человѣкъ (Янишевскій, Мейнгардтъ, Селивановъ, Взоровъ, Родіоновъ, Чайковскій, Оедоровъ).

Что касается провинціального списка, то здѣсь составъ Свящ. Дружины былъ болѣе или менѣе однороденъ—всюду во главѣ стояли администраторы съ нѣсколькими крупными чиновниками и около нихъ группировалось мѣстное дворянство, лишь въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ вообще Свящ. Дружина получила широкое распространеніе, значительный контингентъ ея членовъ составилъ изъ лицъ купеческаго сословія. Такъ, здѣсь на ряду съ губернаторомъ и полицмейстеромъ (Безакъ, Каргеръ), мы видимъ большую группу нижегородскихъ дворянъ-помѣщиковъ—11 чел. (Есиповъ, Ливень, Мазингъ, Андреевъ, Корвинъ-Круковскій, Майтовъ, Демидовъ, бр. Панютины, Зыбинъ, Столыпинъ) и чрезвычайно внушительную какъ по количеству, такъ и по составу, компанію нижегородскихъ купцовъ—13 чел. (Франкъ, Соболевъ, Вяхиревъ, Зайцевъ, Смирновъ, Большаковъ, Бугровъ, Зябловъ, Постниковъ, Курбатовъ, Дегтеревъ, Духиновъ, Губинъ). Остальные 4 братьевъ, извѣстные намъ по Нижнему-Новгороду (Эше, Штюмеръ, Кольбергъ, Стебловъ)—могутъ быть отнесены къ лицамъ интеллигентныхъ профессій. Подсчетъ по социальнo-общественнымъ группировкамъ въ другихъ провинціальныхъ городахъ мало интересенъ: членовъ-дружинниковъ тамъ было немного и уже изъ приведенныхъ списковъ мы можемъ убѣдиться, что это были почти исключительно высшіе чиновники и дворяне. Итакъ, подводя итоги социальнoму составу Свящ. Дружины, съ полнымъ правомъ можно сказать, что эта великосвѣтская затѣя нашла себѣ сочувствующихъ, главнымъ образомъ, въ административно-чиновничьихъ и въ дворянскихъ кругахъ, что объясняется отчасти близостью этихъ общественныхъ группъ къ организовавшей Дружину средѣ, отчасти, какъ мы можемъ предположить, служебной зависимостью. Оставляя въ сторонѣ очень незначительную группу дружинниковъ-интеллигентовъ, — которыхъ, очевидно, рядъ случайныхъ условій и обстоятельствъ побудилъ связать себя съ обществомъ по составу, и по тенденціямъ столь чуждымъ ихъ кругу, мы отнюдь не можемъ сказать того же о роли купечества въ Дружинѣ. Несомнѣнно—и сами руководители Св. Друж. охотно и усердно привлекали въ свою организацію богатыхъ московскихъ и поволжскихъ купцовъ, но и купеческое сословіе едва ли отмежевывалось очень упорно и принципиально отъ лестныхъ приглашеній сановниковъ. Должно быть та «высокая компанія», въ составъ которой вводило званіе брата Св. Друж., была далеко не безразлична для купечества: въ добрыхъ отношеніяхъ съ ней оно было явно заинтересовано,

иначе бы въ рядахъ братьевъ-дружинниковъ мы не насчитывали бы такого большого процента представителей торгово-промышленнаго міра...

III.

Таковъ былъ составъ Московскаго Отдѣла Свящ. Дружины; что же касается его дѣятельности, то она почти цѣликомъ сводилась къ агентурѣ, т.-е. собиранію свѣдѣній о революціонерахъ и къ организаціи охраны государя во время его посѣщенія Москвы. Агентура, какъ и въ Петербургѣ, шла двумя путями—черезъ братьевъ путемъ постепеннаго «лѣстничнаго» сообщенія съ верхомъ и черезъ наемныхъ агентовъ. Во главѣ московской агентуры стоялъ Попечитель мѣстности № 2—Михаиль Львовичъ Величковскій и помощникъ начальника агентуры—кн. Урусовъ. Еженедѣльно агентурныя свѣдѣнія черезъ Попечителя мѣстности отправлялись въ Центральный Комитетъ. Однако изъ сохранившихся недѣльныхъ записей тѣхъ свѣдѣній, розысковъ, наблюденій, которые велись агентами, можно убѣдиться, что дѣятельность эта была крайне незначительна, и результаты ея—ничтожны. Впрочемъ и сами дружинники въ этомъ сознавались: среди разбираемыхъ бумагъ сохранился направленный въ Ц. К., «Обзоръ дѣятельности Попечительства мѣстности № 2 за время съ Октября 1881 г.—Марта 1882 г.,» гдѣ читаемъ слѣдующее:

«Приступая къ сообщенію въ Центральный Комитетъ еже-недѣльныхъ перечней, Попечительство мѣстности № 2 считаетъ необходимымъ предпослать краткій обзоръ дѣятельности Московской агентуры со времени открытія дѣйствій М. М. К. Хотя.... болѣе полная организація агентуры значительно замедлилась, но тѣмъ не менѣе доставлявшіеся въ нее матеріалы разрабатывались имѣвшимися наличными средствами, справки же и вопросы, съ которыми обращались къ ней, какъ Попечительство мѣстности № 1, такъ и отдѣльныя личности, принадлежащія къ Свящ. Дружинѣ, не оставались безъ удовлетворенія. Со второй половины октября 1881 г. въ агентуру стали поступать заявленія и сообщенія какъ устныя, такъ и письменныя, сначала отъ братьевъ, находящихся въ Москвѣ, и впослѣдствіи и отъ иногороднихъ. Одна часть этихъ сообщеній по провѣркѣ оставалась безъ дальнѣйшаго движенія по ошибочности или неосновательности заключавшихся въ нихъ данныхъ, другая же давала поводъ къ дальнѣйшимъ разслѣдованіямъ и наблюденіямъ. Болѣе богатые матеріалы стали разрабатываться лишь съ декабря 1881 г. по запросамъ и указаніямъ Попечительства мѣстности № 1 и инспекціи С. П. Д. О.¹⁾, а въ самое послѣднее время по даннымъ,

¹⁾ С. Петербургской Добровольной Охраны—о ней см. ниже.

добываемымъ самой агентурой». Далѣе слѣдуютъ на нѣсколькихъ листахъ мало интересныя свѣдѣнія о дѣлахъ, разслѣдованіемъ которыхъ занималось Моск. Попечительство (напр.—дѣло о кружкѣ Бутурлина, дѣло Полушкина, переданное изъ Петербургскаго Попечительства, дѣло Рагозина и т. д.)—«какъ видно изъ настоящаго обзора», сообщаетъ въ заключеніе составитель, «дѣятельность Попечительства принуждена была ограничиваться до сего времени разрѣшеніемъ отдѣльныхъ, отрывочныхъ задачъ, не имѣющихъ между собою ясно опредѣленной связи. По неимѣнію подходящихъ людей Попечительству не удалось пока проникнуть въ самую глубь революціоннаго движенія и выяснить, хотя бы въ общихъ чертахъ, тѣ кружки и центры, въ которыхъ происходитъ болѣе серьезная террористическая работа.

Свѣдѣнія, доходящія до М. М. К. о настроеніи и дѣятельности подпольныхъ силъ, заключаются лишь въ неопредѣленныхъ, крайне туманныхъ намекахъ и выраженіяхъ о томъ, напримѣръ, что центры движенія перешли въ Москву, что дѣло въ Москвѣ идетъ хорошо, что деньги есть и т. п.»... Этими словами вполне характеризуется агентурная работа М. М. К., и мы считаемъ себя въ правѣ ими ограничиться, не приводя здѣсь самаго содержанія многочисленныхъ агентурныхъ донесеній...

Въ заключеніе остановимся еще на вопросѣ о взаимоотношеніяхъ Свящ. Дружины и Добровольной Охраны, пользуясь при этомъ также неизданными документами изъ бумагъ Священной Дружины. Самая организація Добровольной Охраны и время ея возникновенія—опредѣляется съ большимъ трудомъ.

В. Я. Богучарскій высказалъ мнѣніе, что «антиреволюціонное тайное общество возникло сначала какъ Добровольная Охрана, а затѣмъ и какъ Священная Дружина». Есть, однако, основаніе сомнѣваться въ такой связи этихъ двухъ организацій: Священная Дружина не только не переплетается съ Добровольной Охраной, не только не является тождественной съ ней, но наоборотъ, съ первыхъ же дней своего существованія опредѣленно и точно отграничиваетъ себя отъ Добровольной Охраны и дѣйствуетъ только какъ Священная Дружина: ни въ Уставѣ Дружины, ни въ другихъ ея официальныхъ документахъ, ни въ дневникѣ Смѣльскаго, мы совершенно не видимъ смѣшенія этихъ двухъ названій. Но въ то же время несомнѣнно, что уже въ 1881 г., наряду съ Священной Дружиной и въ связи съ ней, существовала и Добровольная Охрана, чрезвычайно неясная по своимъ задачамъ и дѣятельности: о ней упоминается въ приведенномъ выше донесеніи Московскаго Попечительства—въ концѣ 1881 г. съ декабря въ Петербургѣ дѣйствовала Инспекція Петерб. Добро-

вольной Охраны, посылавшая въ Московскій отдѣлъ Дружины запросы и указанія. Далѣе извѣстно, что въ Москвѣ во время перваго прїѣзда Государя—15—19 іюля существовала Добровольная Охрана, оберегавшая Александра III-го и организованная усиліями Шувалова, а слѣдовательно и Священной Дружины. Такимъ образомъ дѣятельность Добровольной Охраны идетъ первоначально, въ тѣсной связи съ Дружиной, но не сливается съ ней; вѣроятно, главнымъ образомъ, она вѣдала внѣшнюю охрану Государя, по дѣламъ которой и нуждалась въ агентурныхъ свѣдѣніяхъ. Московскаго Попечительства. Но съ конца 1881 года, начала 82-го года Добровольная Охрана начинаетъ замѣтно расти и принимать болѣе опредѣленные характеръ и форму.

Этому способствовало отчасти то разочарованіе и недовольство, которыя уже вызывала Св. Дружина въ обществѣ своей тайной, шпионческо-провокаціонной дѣятельностью. Упреки и нареканія раздавались и среди самихъ членовъ (дневникъ Смѣльскаго) и, что особенно важно, среди задававшей тонъ придворной группы—гр. Толстой, в. кн. Вл. Ал. Въ связи съ этимъ стремленіе—поставить Свящ. Дружину на болѣе легальную почву, придать ей характеръ организаціи болѣе широкой, дѣйствующей открытыми путями и средствами, несомнѣнно уже намѣчалось въ руководящей петербургской группѣ братьевъ. Вполнѣ вѣроятно, что эта тенденція оказала сильное вліяніе на ростъ и измѣненія Добровольной Охраны.

Къ тому же близилось время коронаціи Александръ III.; торжественное событіе должно было произойти въ Москвѣ, гдѣ Священная Дружина отнюдь не была сильна и многочисленна. Подозрительные, видящіе опасность тамъ, гдѣ ея не было, во много разъ переоцѣнившіе силы и возможности революціонныхъ организацій—дружинники были увѣрены (такъ же, впрочемъ, какъ и полиція и правительственныя власти), что партія Народной Воли въ дни коронаціи не замедлитъ предпринять покушеніе на Александра III. Надо было организовать усиленную охрану государя въ Москвѣ во время его тамъ пребыванія, надо было оградить его отъ всякихъ случайностей среди огромной толпы—горсточкѣ тайныхъ заговорщиковъ; нелегальному, строго конспиративному обществу это было не подъ силу. Такъ явилась необходимость расширить, укрѣпить и усилить Добровольную Охрану, и Священная Дружина, въ лицѣ своихъ центральныхъ организацій, беретъ на себя инициативу въ этомъ дѣлѣ. Въ январѣ 1882 года Совѣтъ Первыхъ Старшинъ составилъ и утвердилъ слѣдующій Уставъ Добровольной Охраны для Москвы:

Д. О.

I.

§ 1. Д. О. дѣлится на два вида:

1. Внѣшнюю и
2. Внутреннюю.

§ 2. Первая изъ нихъ, охрана внѣшняя, уличная есть вмѣстѣ съ тѣмъ временная, въ томъ смыслѣ, что учреждается за нѣкоторое время до проѣзда Государя Императора и на время слѣдованія Его Величества по улицамъ. Ея цѣль—предупрежденіе покушенія посредствомъ сосредоточенія на улицахъ возможно большаго числа вполне благонадежныхъ людей, которые обязаны наблюдать за лицами, внушающими подозрѣніе, и въ случаѣ необходимости указывать ихъ полиціи. Одновременно должны охраняться и дома для предупрежденія покушеній посредствомъ выстрѣловъ или брошенныхъ взрывчатыхъ составовъ изъ оконъ, съ крышъ, чердаковъ и т. п.

Примѣчаніе: о внѣшней охранѣ будетъ выработана отдѣльная инструкция.

§ 3. Вторая, внутренняя охрана, домовая, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и постоянная. Она учреждается для негласнаго, но крайне тщательнаго и подробнаго наблюденія за народонаселеніемъ данной мѣстности, клонящагося къ разоблаченію социалистическихъ заговоровъ и предупрежденію политическихъ преступленій, могущихъ послѣдовать во время пребыванія въ Москвѣ Государя Императора.

§ 4. Какъ та, такъ и другая охраны учреждаются въ помощь мѣстной полиціи и дѣйствуютъ параллельно съ нею

II.

§ 5. Дѣлами Д. О. въ Моск. Мѣстн. завѣдуетъ М. М. К.—ть.

§ 6. Городъ дѣлится на участки, согласно полицейскому дѣленію, причемъ участки совершенно совпадаютъ съ полицейскими.

§ 7. Каждыймъ участкомъ завѣдуетъ Участковый Попечитель (У. П.), избираемый М. М. К. изъ братьевъ Св. Дружины.

§ 8. Всѣ участки раздѣляются на три отдѣленія, также тождественныя съ полицейскими.

§ 9. Завѣдываніе этими отдѣленіями поручается Начальникамъ Отдѣленій (Н. О.), которые также избираются М. М. К. изъ братьевъ С. Др.

III.

Кругъ дѣятельности и обязанности Н. О.

§ 10. Н. О. наблюдаетъ за дѣятельностью У. П. своего отдѣленія, даетъ имъ соотвѣтствующія указанія и о болѣе или менѣе успѣшной дѣятельности ихъ сообщаетъ въ М. М. К., причѣмъ ему должны быть хорошо извѣстны всѣ результаты ихъ дѣйствій и всѣ ихъ распоряженія.

§ 11. На обязанности Н. О. лежитъ наблюденіе за равномернымъ и однообразнымъ ходомъ дѣла Д. О. для каковой цѣли ему предоставляется собирать У. П. своего отдѣленія для совместнаго обсужденія могущихъ появиться вопросовъ и затрудненій.

§ 12. Н. О. въ случаѣ нужды имѣетъ право, съ согласія М. М. К., приглашать по взаимному соглашенію бр. С. Д. для исполненія разныхъ порученій по Д. О.

§ 13. Н. О. доводитъ до свѣдѣнія М. М. К. всѣ матеріалы, добываемые У. П.

§ 14. Н. О. служатъ посредниками для сношеній У. П., какъ съ М. М. К., такъ и съ административными лицами, а равно и съ У. П. другихъ отдѣленій.

§ 15. Н. О. участвуютъ въ засѣданіяхъ М. М. К. по дѣламъ Д. О.

IV.

Кругъ дѣятельности и обязанности У. П.

§ 16. Каждый полицейскій участокъ города Москвы имѣетъ своего У. П.

§ 17. Въ случаѣ величины участка, слишкомъ скученнаго населенія, или по другимъ какимъ-либо причинамъ, У. П. можетъ съ согласія М. М. К. избрать себѣ одного, двухъ и болѣе помощниковъ или ходатайствовать передъ М. М. К. о назначеніи ему таковыхъ.

§ 18. У. П. привлекаетъ въ Д. О.: добровольцевъ изъ домовладѣльцевъ и вообще изъ лицъ, проживающихъ во ввѣренномъ ему участкѣ, безъ различія званій и состояній, впольнѣ преданныхъ Правительству и благонадежныхъ въ политическомъ и нравственномъ отношеніяхъ.

§ 19. У. П. обо всемъ происходящемъ въ его участкѣ сообщаетъ черезъ Н. О. въ М. М. К., который уже съ собранными такимъ образомъ данными располагаетъ по своему усмотрѣнію.

§ 20. На обязанностяхъ У. П. лежитъ:—изучить до мельчайшихъ подробностей свой участокъ, какъ со стороны внѣшней, т.-е. расположенія улицъ, домовъ, дворовъ, садовъ, магазиновъ, лавокъ, фабрикъ и т. п., такъ и со стороны внутренней, т.-е. озна-

комиться съ населеніемъ участка, ведя ему по возможности подробные списки и стремясь всѣми силами достичь того, чтобы знать все, дѣлающееся въ участкѣ, помимо дѣятельности въ этомъ отношеніи полиціи.

§ 21. У. П. обязанъ слѣдить за строгимъ исполненіемъ со стороны обывателей всѣхъ циркуляровъ, обязательныхъ распоряженій и другихъ приказаній полиціи и администраціи за послѣдніе года по части наблюденія за улицами и за передвиженіемъ населенія, т.-е. за прѣзжающими, за отѣзжающими, мѣняющими квартиры и т. д.

§ 22. Въ случаяхъ, требующихъ особаго наблюденія, У. П. сообщаетъ черезъ Н. О. въ М. М. К. для перелачи дѣла Агентурѣ.

§ 23. Установленный порядокъ сношеній У. П. съ М. М. К. и административными мѣстными лицами черезъ Н. О. въ случаяхъ особой важности можетъ быть нарушенъ, и У. П. можетъ прямо сноситься съ ними, сообщивъ объ этомъ немедленно Н. О.

§ 24. Дѣятельности У. П. въ предѣлахъ его района предоставляется совершенная ширина и свобода дѣйствій.

§ 25. Кромѣ добровольцевъ, привлекаемыхъ въ Д. О., У. П. имѣетъ особыхъ стражниковъ въ количествѣ, сообразномъ съ потребностями участка.

V.

Добровольцы.

§ 26. Лица, обозначенныя въ § 18 настоящей инструкции, именуются добровольцами и могутъ не принадлежать къ числу бр. Св. Др.

§ 27. На обязанности добровольцевъ лежитъ ближайшее наблюденіе за данной мѣстностью въ участкѣ, предѣлы которой опредѣляются Мѣстнымъ У. П.

§ 28. Добровольцы зависятъ безусловно отъ У. П. и кромѣ ихъ безъ вѣдома У. П. сношенія по Д. О. не имѣютъ ни съ кѣмъ.

§ 29. Добровольцы приглашаются хранить въ тайнѣ устройство Д. О. и ихъ въ оной участіе и исполнять по совѣсти принимаемыя ими на себя обязанности.

Примѣчаніе. Принятое въ С. П. Б.—Д. О. правила обязывать добровольцевъ особымъ торжественнымъ обѣщаніемъ и давать право имѣть фотографическую карточку съ печатью и подписью Оберъ-Полицмейстера, слѣдуетъ принять для Московской охраны.

VI.

Матеріальныя средства.

§ 30. На содержаніе стражникамъ, награжденіе сообщителямъ и прочіе расходы, размѣры которыхъ въ настоящее время опредѣлить невозможно, М. М. К. предполагаетъ ассигновать въ распоряженіе каждаго У. П. по 1500 р. въ годъ, передавъ для непредвидѣнныхъ расходовъ на тотъ же предметъ по 5000 руб. въ годъ каждому Н. О., что въ общей сложности при 40 участкахъ и 3 отдѣленіяхъ составитъ 75.000 р. с.

§ 31. М. М. К. предоставляетъ себѣ право въ случаѣ необходимости расширить эту смѣту, сообразно съ потребностями и съ разрѣшенія С. П. С.

§ 32. И У. П. и Н. О. представляютъ въ М. К. М. каждое 20-е число подробные отчеты въ израсходованіи находящихся въ ихъ распоряженіи суммъ съ оправдательными документами.

Подлинный утвержденъ С. П. С. 26-го января 1882 года и подписанъ бр. № 21.

Съ подлиннымъ вѣрно: «Бр. № 116М.»

Итакъ Уставъ былъ утвержденъ Совѣтомъ Первыхъ Старшинъ, подписанъ братьями дружинниками и въ Петербургѣ и въ Москвѣ, и это обстоятельство, такъ же какъ и содержаніе пунктовъ Устава, не оставляетъ сомнѣнія въ связи, но отнюдь не въ тождественности Д. О. и Св. Др. Эта связь выражалась главнымъ образомъ въ томъ верховномъ руководствѣ, на которое претендовала Дружина въ дѣлахъ Охраны и отчасти въ нѣкоторой общности цѣлей Св. Др. и внутренней Охраны: вѣдь послѣдняя была учреждена—«для негласнаго, но крайне тщательнаго и подробнаго наблюденія за народонаселеніемъ данной мѣстности, клонящагося къ разоблаченію социалистическихъ заговоровъ и предупрежденію политическихъ преступленій»; наконецъ—«добровольцы приглашались хранить въ тайнѣ устройство Д. О.» Правда, отъ этого далеко до «искорененія крамолы», написаннаго на знамени дружинниковъ и до ихъ мрачной клятвы молчанія, но, несомнѣнно, мы имѣемъ дѣло съ навыками и идеями Дружины, перенесенными отъ немногихъ избранныхъ къ широкимъ массамъ, приспособленными къ болѣе открытой, легальной дѣятельности. Съ этой же точки зрѣнія любопытенъ и «Проектъ Инструкціи добровольцамъ» подписанный братомъ № 26 и также выработанный въ нѣдрахъ Св. Дружины, но, очевидно, нѣсколько позже, чѣмъ Уставъ. «Не искоренена еще,—читаемъ мы въ немъ,—шайка гнусныхъ злодѣевъ, навѣки заклеившихъ себя ужасными преступленіями 1-го марта, она жаждетъ новой крови, готовитъ новыя

Преступленія. Презирающіе законъ, смѣющіеся надъ честью и совѣстью, люди эти будутъ сильны лишь до тѣхъ поръ, пока Россія не убѣдится, что лишь дружнымъ противодѣйствіемъ силъ общественныхъ можно положить предѣлъ развитію зла, пока всѣ честные русскіе люди не откликнутся на неоднократные призывы Правительства и, сплотившись въ одно единоецѣлое, не возьмутся за святое дѣло охраненія и защиты священной жизни своего Монарха и неразрывно съ нею связанныхъ благоденствія Россіи и собственнаго благоденствія».

Учрежденное съ вѣдома и одобренія Высшаго Правительства «Общество Добровольной Охраны» пр зываетъ въ ряды своихъ добровольцевъ всѣхъ, желающихъ принести посильный трудъ свой съ борьбой съ подпольными замыслами крамолы.

Долженствуя дѣйствовать, хотя и независимо отъ полиціи, но параллельно съ нею и съ ея вѣдома и содѣйствія, о-во сочло удобными раздѣлить «Москву на участки, согласно полицейскому дѣленію»... Среди другихъ обязательствъ добровольцевъ— слѣдить за «преступными приготовленіями» въ своихъ участкахъ, доносить о замѣченномъ лишь Участковому Попечителю, который уже провѣряетъ эти свѣдѣнія черезъ посредство специальныхъ органовъ, состоящихъ при Центральныхъ Управленіяхъ Общества и сообщаетъ ихъ дальше, любопытны два слѣдующихъ пункта—«каждый изъ нихъ (изъ добровольцевъ) обязуется хранить въ безусловной тайнѣ отъ непосвященныхъ организацію общества, имена лицъ къ нему принадлежащихъ и свое въ немъ участіе» и при поступленіи въ О-во доброволецъ долженъ дать слѣдующее торжественное обѣщаніе: «Принимая приглашеніе участвовать въ Добровольной Охранѣ Священной Особы Государя Императора противъ всякихъ злодѣйскихъ покушеній. обѣщаю исполнять принятыя мною на себя обязанности, по мѣрѣ возможности и силѣ моего разумѣнія, согласно долгу, чести и присягѣ вѣрноподаннаго Русскаго Царя». Знакомые лозунги и тенденціи, хотя значительно смягченные и урѣзанные! Св. Дружина, переживая упадокъ, пыталась перенести свои идеи и навыки въ Д. Охр., которую и стремилась реорганизовать согласно только что приведенному «Уставу». Но трудно сказать, имѣли ли эти документы—Уставъ и Проектъ Инструкціи Д. О.—дѣйствительное значеніе, или они остались лишь проектами, планами, такъ и не вышедшими изъ круга С. Дружины. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Добровольная Охрана, такая, какъ она существовала въ 1882—3 годахъ была сконструирована нѣсколько иначе, чѣмъ гласитъ извѣстный намъ Уставъ, и въ этомъ сыграло, пожалуй, свою роль участіе въ Добровольной Охранѣ дворянство.

Московское дворянство, считавшее охрану особы государя своей исконной задачей, зашевелилось еще въ мартѣ 82 г. и черезъ своихъ предводителей обратилось къ Моск. Ген.-Губернатору съ просьбой—«повергнуть къ стопамъ» Его Величества ихъ горячее желаніе организовать охрану государя въ Москвѣ на время коронаціи. Въ маѣ ген.-губернаторъ былъ въ Петергофѣ, представлялся Александру III и довелъ до его свѣдѣнія обращеніе московскаго дворянства. На это «Е. Имп. Величеству благоугодно было изъявить желаніе, чтобы подвергнуты были обсужденію практическіе способы къ осуществленію всеподданѣйшаго ходатайства». Въ Москвѣ 14-го 15 и 17-го мая были собраны совѣщанія предводителей дворянства и генераль-губернаторъ, на которыхъ и было постановлено «что участіе (дворянства въ дѣлѣ охраны) можетъ принести дѣйствительную пользу, лишь въ томъ случаѣ, если дѣятельность ихъ будетъ согласована съ дѣятельностью мѣстныхъ органовъ административной власти, и если она при этомъ будетъ направляема указаніями высшаго органа этой власти»... (т.-е. Московскаго генераль-губернатора кн. Долгорукова, уже извѣстнаго намъ брата № 107!).

Вообще нужно отмѣтить, что спллой обстоятельствъ какъ случайныхъ (служебное, официальное положеніе), такъ м. б. и преднамѣренныхъ въ центрѣ начинаній московскаго дворянства была поставлена личность генераль-губернатора—активнѣйшаго члена Св. Дружины, а среди дворянскихъ предводителей трое—Синигинъ, Шлиппе и Шереметьевъ—извѣстны намъ какъ члены священнаго братства.

Итакъ по плану, выработанному дворянствомъ, во главѣ охраны долженъ былъ стоять особый органъ—Губернскій Совѣтъ подъ предсѣдательствомъ московск. ген.-губернатора, съ участіемъ моск. губернатора, губ. и уѣздныхъ предводителей дворянства и «прочихъ представителей Военной и Административной власти по приглашенію Предсѣдателя». Кромѣ этого предполагалось учредить Уѣздные Совѣты во главѣ съ уѣздными предводителями дворянства и съ членами—уѣзднымъ исправникомъ и прочими лицами утвержденными предводителемъ дворянства. Всѣ мѣропріятія могли проводиться въ жизнь «послѣ тщательнаго обсуждения ихъ въ Совѣтъ и съ утвержденія г. моск. ген.-губернаторомъ». Эти предположенія были изложены въ запискѣ, отправленной на утвержденіе государю. Въ ней дворяне писали:

«Московское Дворянство, заявивъ желаніе оказать содѣйствіе мѣстнымъ властямъ въ охранѣ Священной Особы государя Императора во время наступающаго коронованія, открыто и всенародно выступаетъ на путь активнаго противодѣйствія Цареубій-

ственнымъ замысламъ шайки злодѣевъ, дерзновенно именующей себя сообществомъ «Народной воли». Въ противность этой лживой, самозванной «Народной Волѣ» волю русскаго народа торжественно выражаетъ дворянское сословіе, искони руководившее и доселѣ руководящее всѣми высокими проявленіями народнаго самосознанія. Выступивъ выразителемъ сего народнаго чувства, дворянство не можетъ, да и конечно не пожелаетъ уклониться отъ практическаго ея осуществленія и отъ сопряженной съ нимъ тяжелой нравственной отвѣтственности.

Какимъ же образомъ осуществить Московское дворянство свое заявленіе, и какими путями предполагаетъ оно содѣйствовать охранѣ Государя Императора? Понятно, что подъ участіемъ въ Государевой охранѣ дворянство разумѣетъ не одно только пополненіе полицейскихъ рядовъ, не одно только сплоченіе вокругъ Государя живую, но безотвѣтную стѣною. Такого рода дѣятельность представляется недостаточною и даже не желательною, не потому собственно, чтобы она могла быть признана несомнѣнною съ достоинствомъ русскаго дворянина, напротивъ того!... но по той, главнымъ образомъ, причинѣ, что при болѣе цѣлесообразномъ и болѣе отвѣтственномъ примѣненіи умственныхъ, нравственныхъ и гражданскихъ силъ дворянства, означенное сословіе могло бы оказать въ дѣлѣ Государевой охраны, сугубую пользу. Да и въ правѣ ли уклониться дворянство отъ болѣе отвѣтственнаго участія въ охранѣ? Дворянство дало примѣръ гражданской самодѣятельности, которому не преминуть послѣдовать и прочія сословія. Дворянству въ качествѣ зачинщика сего благого дѣла, а главнымъ образомъ, въ качествѣ руководящаго сословія, приличествуетъ принять дѣятельное участіе не въ одномъ механизмѣ общественной охраны, но въ организаціи сего механизма, въ руководительствѣ здоровыми общественными силами, поступающими въ составъ онаго и въ долѣ нравственной отвѣтственности, падающей болѣе тяжкимъ бременемъ на устроителей и руководителей, нежели на исполнительныя силы. Въ виду вышеизложенныхъ соображеній, казалось бы въ высшей степени умѣстнымъ не откладывать примѣненія къ дѣлу заявленія Московскаго дворянства. Нѣкоторая поспѣшность желательна еще и потому, во-первыхъ, что самое дѣло общественной охраны потребуетъ и несомнѣнно внимательной и продолжительной подготовки, и, во-вторыхъ, дабы общество могло понять, при опубликованіи означеннаго заявленія, что оно не принадлежитъ къ разряду отвлеченныхъ благопожеланій, но сопряжено съ началомъ практическаго осуществленія. Для сего не представляется необходимымъ выжидать подобныхъ же заявленій со стороны прочихъ сословій.

Таковыя несомнѣнно воспослѣдуютъ и съ тѣмъ большимъ единодушіемъ, чѣмъ съ большей энергіей будетъ приступлено къ первоначальному устройству дворянскаго добровольчества». Далѣе слѣдовалъ уже извѣстный проектъ организаціи Губернскаго и Уѣздныхъ Комитетовъ.

Записка была встрѣчена государемъ благосклонно, но въ планъ устройства Д. О. были внесены верховной властью существенныя поправки: во-1-хъ въ составъ Губернскаго Комитета кромѣ предполагаемыхъ дворянствомъ лицъ обязательно долженъ былъ входить оберъ-полицмейстеръ; т.-е. устанавливался полный контактъ Охраны съ полицейской властью, а затѣмъ Общество ставилось подъ непосредственное руководство и воздѣйствіе правительства ¹⁾: офиціальный «Уставъ Общества Добровольной Охраны», утвержденный Алекс. III, призывалъ въ ряды добровольцевъ всѣхъ лицъ, желающихъ «лично содѣйствовать Правительственнымъ Установленіямъ къ охранѣ Священной Особы Государя Императора и членовъ Императорскаго Дома, а также общественнаго порядка и безопасности въ Имперіи». Такимъ образомъ создавалось частное общество въ помощь правительственной власти. Но главное управленіе—руководящій органъ Д. О., Состоящій изъ ея учредителей—долженъ былъ утверждаться Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, который входилъ въ него въ качествѣ предсѣдателя и главы Общества. Главному управленію уже были подчинены Губернскіе К—ты; только Московскій округъ былъ выдѣленъ какъ самостоятельный со своимъ центральнымъ учрежденіемъ «Особымъ Московскимъ Управленіемъ» однако также подчиненнымъ, хотя и непосредственно правительственной власти. Послѣдній пунктъ Устава гласилъ «Общество прекращаетъ свои дѣйствія по распоряженію Главнаго Управленія, требованіе же о семъ Правительства обращается въ Главное Управленіе къ обязательному исполненію». Такъ Правительство совершенно опредѣленно накладывало свою властную руку на общественное начинаніе, хотя оно и исходило изъ вполне вѣрныхъ круговъ и было явно-патріотическимъ. Организациа Добровольной Охраны, создавшаяся въ результатѣ этихъ совмѣстныхъ усилій—Священной Дружины, московскаго дворянства и правительственной власти, конечно самымъ существеннымъ образомъ отличалась не только отъ самой Св. Дружины, но и отъ того первоначальнаго проекта Д. О., который былъ изложенъ въ извѣстномъ намъ «Уставѣ», составленномъ С. П. С. Священной Дружинѣ пришлось допустить активное вмѣшательство и руководство въ

¹⁾ Эти поправки изложены въ письмѣ гр. Игнатьева отъ 26-го Мая, отправленномъ на имя кн. Долгорукова (изъ Архива Моск. Ген. Губ.).

дѣла своего дѣтища, какимъ все же являлась Добров. Охрана, правительства, войти въ контактъ съ полицейской властью, наконецъ дать мѣсто среди должностныхъ добровольцевъ (участк. попечители, начальники Охраны, члены Губ. и Уѣздн. Комитетовъ и даже члены Особаго Управленія) и лицамъ, постороннимъ Дружинѣ. Но все же еще нѣкоторое время Св. Дружина пытается сохранить за собой нѣкоторую власть и верховный надзоръ за дѣятельностью Д. О. Въ интересахъ послѣдней Московское Попечительство направляетъ свою агентуру и создаетъ «контр-пропаганду» среди широкихъ общественныхъ круговъ и главнымъ образомъ молодежи, привлекая ихъ въ ряды добровольцевъ ¹⁾; сообщая о дѣятельности Св. Дружины Московской Мѣстности (отъ 22 ноября 1882 г.) Ц. К. и С. П. С., Попечитель Мѣстности—Братъ № 116—тутъ же приводитъ подробныя извѣстія и о работѣ въ Добр. Охранѣ, раздѣляя свое донесеніе на три рубрики: свѣдѣнія о Св. Дружинѣ, свѣдѣнія о внутренней Охранѣ и свѣдѣнія объ охранѣ внѣшней. Но періодъ времени съ половины 1882 г.—былъ уже временемъ упадка и внутренней ослабленности Св. Дружины, когда и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ и у государя, да и среди самихъ дружинниковъ существовало явно несочувственное отношеніе къ этому тайному обществу. И если съ этихъ поръ Д. Охрана при поддержкѣ правительственной власти—растетъ, создаетъ свои Комитеты, организуетъ охрану государя, благополучно доведя свое существованіе до коронаціи, правда съ перенесеніемъ центра тяжести въ Охрану внѣшнюю и подчиненіемъ полицейскому руководству, то Священная Дружина быстро распадается, а въ декабрѣ 1882 г. официально прекращаетъ свое существованіе, будучи распущена по приказу Александра III.

М. Федорова.

¹⁾ Объ этомъ свидѣлствуютъ всѣ донесенія Попечительства мѣстности № 2, направленные въ Центральный Комитетъ за 1882 г.

Мелочи прошлаго.

Безмысленныя мечтанія ¹⁾.

Принахмуривъ очи строгія,
 Чтобы въ корни зло пресѣчь,
 Коноводамъ демагогін
 Царь сказалъ такую рѣчь:
 «За благія пожеланія
 Васъ я всѣхъ благодарю;
 Но безмысленны мечтанія
 Власть урѣзать мнѣ, царю.
 Ахъ, калики переходжіе!
 Либералы! дикари!
 Провинціалы толстокожіе!
 Санкюлоты изъ Твери!
 Или вы воображаете
 Въ самомъ дѣлѣ (какъ умно!).
 Что собою представляете
 Вы парламента зерно?
 Далеко зерну до колоса.
 Не пришла еще пора:
 Дамъ пока вамъ право голоса
 Лишь для возгласовъ: ура! »

¹⁾ Эта «Пѣсенка» была широко распространена въ массѣ списковъ въ 1895 г. послѣ знаменитаго пріема 17 января 1895 г. Николаемъ II земской депутаціи.

Эмпирическій законъ въ исторіи царствовавшаго дома.

Нѣкто «старый земецъ» составилъ и напечаталъ въ «Освобожденіи» (1902 г. № 24) слѣдующую поучительную историческую таблицу:

Царствованіе рода государей

<i>изъ Гольштинскаго дома.</i>	<i>Неблагополучно.</i>	<i>Благополучно.</i>
Петръ III.	Конецъ.	Начало.
Екатерина II.	Начало.	Конецъ.
Павель I.	Конецъ.	Начало.
Александръ I.	Начало и конецъ.	—
Николай I.	Начало и конецъ.	—
Александръ II.	Начало и конецъ.	—
Александръ III.	Начало.	Конецъ.
Николай II.	—	Начало.

Мы охотно бы dokonчили таблицу царствовавшаго дома и включили бы въ рубрику «неблагополучно» конецъ царствованія Николая II; очень боимся однако, что дѣятельность большевиковъ дѣлаетъ еще къ сожалѣнію преждевременнымъ подведеніе итоговъ «эмпирическаго закона» русской исторіи. *Ред.*

И. С. Тургеневъ въ карикатурахъ и пародіяхъ.

Въ число вопросовъ, которые ставитъ себѣ исторія литературы, долженъ входить и вопросъ объ отношеніи къ тому или иному писателю его современниковъ. Показатели этого отношенія могутъ быть различны: степень читаемости писателя, отзывы о немъ критики, непосредственныя выраженія читательскихъ чувствъ—все это приходится принимать во вниманіе. Для учета настроеній современниковъ представляютъ интересъ и всякаго рода насмѣшки, порождаемыя дѣятельностью писателей,—въ видѣ карикатуръ, сатирическихъ стихотвореній, пародій и т. п. Изъ нашихъ первоклассныхъ писателей очень много болѣе или менѣе язвительныхъ нападеній подобнаго рода выпало на долю И. С. Тургенева. Тургеневъ, жившій въ боевую, насыщенную полемическимъ жаромъ эпоху, затрагивавшій въ своихъ произведеніяхъ чрезвычайно живыя, волнующія темы, не лишенный нѣкоторыхъ человѣческихъ слабостей, естественно дѣлался очень часто мишенью для остроумія современниковъ,—то негодуящее-возмущеннаго, то добродушно-шутливаго. Правда, многіе изъ сатирическихъ выпадовъ противъ Тургенева не отличаются художественными достоинствами, кое-что и прямо грубо и бездарно,—однако, знакомство со всей совокупностью этихъ произведеній, нынѣ по большей части позабытыхъ, все-таки вводитъ въ атмосферу былыхъ читательскихъ настроеній, прибавляетъ нѣкоторые штрихи въ картину отношеній современниковъ къ Тургеневу. Многія колкія стихотворенія о Тургеневѣ не дошли до насъ, такъ какъ распространялись путемъ устной передачи и не были напечатаны; безъ сомнѣнія, и изъ того, что было опубликовано, не все вошло въ настоящую статью, но, думается, и тотъ матеріалъ, который нами использованъ, даетъ возможность судить о томъ, что именно въ Тургеневѣ, писателѣ и человѣкѣ, представлялось въ свое время наиболѣе заслуживающимъ порицанія или насмѣшки.

I.

Литературная дѣятельность Тургенева до «Отцовъ и дѣтей» вызывала сравнительно мало насмѣшекъ въ стихахъ или рисункахъ, несмотря на то, что въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ былъ расцвѣтъ боевой сатирической журналистики. Въ «Искрѣ» 1861 г. (№ 10) была карикатура по поводу «Наканунъ», но скорѣе лестная, говорящая о большой популярности этого романа. Карикатура носитъ названіе «Женская эмансипація, наэлектризованная романами «Наканунъ» и «Подводный камень». Тургеневъ и Авдѣевъ держать въ рукахъ по тому названныхъ романовъ; отъ книгъ распространяются яркіе лучи свѣта; къ писателямъ движется вдохновенная рать женщинъ со знаменами. Подпись

Женская эмансипація наэлектризованная романами «Наканунъ» и «Подводный камень».

Нѣтъ больше подводныхъ камней!
Нѣтъ больше наканунъ—все сего-
дня!
Нѣтъ больше рапас и mamas!
Нѣтъ больше мужей!

A bas les tyrans!
A bas les lois domestiques!
Да здравствуетъ одинъ законъ:
законъ моды!

Ура!

(И. С. Тургеневъ и М. В. Авдѣевъ).
Искра. 1861 г. № 10.

подъ картиной:—«Нѣтъ больше подводныхъ камней!—Нѣтъ больше наканунъ—все сегодня!—Нѣтъ больше рапас и mamas!—Нѣтъ больше мужей!—A bas les tyrans! A bas les lois domestiques! Да здравствуетъ одинъ законъ: законъ моды!—Ура!» Очевидно, толки о женскомъ вопросѣ, вызванные романами Тургенева и Авдѣева, не представлялись «Искрѣ» достаточно серьезными. Были вызваны романомъ еще кое-какіе шутки, передававшіяся устно. Самъ Тургеневъ вспоминаетъ въ предисловіи къ собранію

романовъ (1880), что по выходѣ «Наканунѣ» появилось нѣсколько эпиграммъ. «Одна острота особенно часто повторялась: мое произведеніе потому-де названо «Наканунѣ», что оно вышло накануне хорошаго романа». И. Анненковъ въ «Литературныхъ воспоминаніяхъ» (изд. 1909 г., стр. 513) рассказываетъ, что свѣтской части публики романъ не понравился: вопросы, поднимаемые романомъ, беспокоили и тревожили. Между этой публикой ходило чье то словцо: это «Наканунѣ» никогда не будетъ имѣть своего завтра.—Разрывъ Тургенева съ «Современникомъ» до извѣстной степени отразился въ «Свисткѣ», который сталъ иногда задѣвать писателя. 7-го января 1861 г. Тургеневъ пишетъ Анненкову: «Потѣшаніе надо мною «Свистка» не удивляетъ меня и могу прибавить не обвиняя нисколько меня не оскорбляетъ» ¹⁾. Что именно имѣеть здѣсь въ виду Тургеневъ? Въ «Свѣсткѣ» за январь 1861 г. находимъ, между прочимъ, такіе стихи.

...Нынче—ужасное время—
Нѣтъ и въ поэтахъ души!
Пишущей братіи племя
Стало собирать барыши.
Всякой живетъ сибаритомъ...
Майковъ, Полонскій и Фетъ—
Подступу къ этимъ пѣнтамъ.
Что называется, нѣтъ!
Дорогъ ужасно Тургеневъ---
Публики первый герой—
Эта Елена, Берсеновъ,
Этотъ Инсаровъ... ой-ой!
Выгрузишь разомъ карманы
И поправляйся потомъ!
На Гончарова романы
Можно бы выстроить домъ...

Эти куплеты носятъ совершенно безобидный характеръ, да и по времени написанія письма Тургенева къ Анненкову видно, что врядъ ли онъ могъ имѣть ихъ въ виду. Гораздо вѣроятнѣе по всѣмъ даннымъ, что Тургеневъ подразумѣвалъ выпады противъ него въ «Свисткѣ» за декабрь 1860 г. Въ помѣщенной тамъ статьѣ «Два графа» говорится, что въ русской литературѣ настало время плутарховскихъ параллелей: Вагнеръ въ «Отечественныхъ Запискахъ» провелъ параллель между природою и Мильномъ Эдвардсомъ, Благовѣщенскій въ «Русскомъ Словѣ»—между Петроніемъ

¹⁾ Анненковъ. «Литературныя воспоминанія», стр. 537.

и пермскими сказочниками. «Новая эра параллелей, такъ сказать, короткое возрожденіе Плутарха совершится тогда, когда появится знаменитая статья г. Тургенева «Борисъ и Кольцовъ»¹⁾. Но такъ какъ появленіе этой статьи скрывается въ туманѣ болѣе или менѣе отдаленнаго грядущаго, то мы намѣрены подготовить къ ней публику нѣсколькими этюдами, не имѣющими такой капитальной важности, какъ будущее произведеніе г. Тургенева, но тѣмъ не менѣе долженствующими знакомить публику съ плутарховскою манерою». Дальше перечисляются темы такихъ «плутарховскихъ параллелей», якобы обѣщанныхъ сотрудниками «Свистка»: «Виллемъ и А. Д. Галаховъ», «Ламорисьеръ и Н. Ф. Павловъ», «В. А. Кокоревъ и Лафитъ», «Жоржъ Зандъ и Евгенія Туръ», «Битва Горациевъ и Куриациевъ и бой 13 декабря 1859 года въ петербургскомъ пассажѣ» и пр.

Когда появились въ свѣтъ «Отцы и дѣти», сатирическая журналистика съ большимъ воодушевленіемъ выступила въ походъ противъ Тургенева; всяческія высмѣиванія Тургенева за «Отцовъ и дѣтей» въ большомъ количествѣ встрѣчаются въ изданіяхъ не только 1862 г., но и нѣсколькихъ слѣдующихъ лѣтъ. Это, конечно, вполне естественно: сатирическая журналистика въ данномъ случаѣ являлась отраженіемъ настроеній значительной части большой прессы. Въ литературной біографіи Тургенева и въ исторіи его личныхъ настроеній появленіе «Отцовъ и дѣтей» и своеобразный эффектъ, произведенный романомъ, занимаютъ исключительно важное мѣсто: поэтому та полемика, которая велась въ свое время противъ «Отцовъ и дѣтей» въ формѣ карикатуръ и пародій, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Въ многочисленныхъ насмѣшкахъ, вызванныхъ «Отцами и дѣтьми», легко замѣтити нѣсколько основныхъ темъ. Тургеневъ въ своемъ романѣ хотѣлъ всячески возвысить «отцовъ» въ ущербъ «дѣтямъ»; типъ Базарова—злостная карикатура, собраніе самыхъ отталкивающихъ свойствъ; авторъ «Отцовъ и дѣтей» долженъ быть причисленъ къ самымъ отъявленнымъ реакціонерамъ—вотъ смыслъ большинства сатирическихъ произведеній, о которыхъ мы говоримъ. Прямо странной кажется теперь полная убѣжденность современниковъ въ томъ, что Тургеневъ—поклонникъ Павла Кирсанова, что этотъ литературный образъ—чуть ли не выраженіе высшихъ идеаловъ романиста. Совершенно не замѣчали явно ироническаго отношенія самого Тургенева къ общественной никчемности и изысканно-изящному бездѣльничеству этого героя, хотя и нелишеннаго авторомъ нѣкоторыхъ положительныхъ качествъ. Полагая, что

¹⁾ О новой статьѣ Тургенева: «Борисъ и Кольцовъ» были публикаціи въ «Русскомъ Словѣ», 1860 г.

Тургеневъ хотѣлъ очернить Базарова и поставить на пьедесталъ Павла Кирсанова,—съ горячностью нападали на Кирсанова, доказывая всяческую его негодность и думая тѣмъ разбить автора. Перейдемъ къ образчикамъ такихъ нападеній. Тутъ мы прежде всего встрѣтимся съ плодовитымъ, великолѣпно владѣвшимъ техникой стиха и зачастую остроумнымъ Д. Д. Минаевымъ. Никто не посвятилъ такъ много сатирическаго вниманія Тургеневу, какъ онъ. Романа «Отцы и дѣти» Минаевъ касается въ цѣломъ рядѣ стихотвореній. Въ стихотвореніи «Отцы и дѣти» авторъ говоритъ, что старый споръ двухъ поколѣній былъ сразу разрѣшенъ романомъ Тургенева.

Кто побѣдилъ? кто лучшихъ правилъ?
Кто уважать себя заставилъ:
Базаровъ ли, Кирсановъ Павелъ.
Ласкающій нашъ слухъ?
Въ его лицо взгляните строже:
Какая нѣжность, тонкость кожи!
Какъ снѣгъ бѣла рука.
Въ рѣчахъ, въ приемахъ—такъ и мѣра,
Величье лондонскаго «сэра»,—
Вѣдь безъ духовъ, безъ несесера
И жизнь ему тяжка.
А что за нравственность! О, боги!
Онъ передъ Оеничкой въ тревогѣ,
Какъ гимназистъ дрожитъ;
За мужика вступаясь въ споръ,
Онъ иногда, при всей конторѣ,
«Du calme, du calme!» твердитъ,
Свое воспитывая тѣло,
Онъ дѣло дѣлаетъ безъ дѣла,
Плѣняя старыхъ дамъ;
Садится въ ванну, спать ложась,
Питаешь ужасъ къ новой расѣ,
Какъ левъ, на Брюлевской террасѣ
Гуляя по утрамъ...

Слѣдуетъ изображеніе циничнаго и грубаго Базарова, а за нимъ вопросъ:

Кто жъ намъ милѣй? Старикъ Кирсановъ,
Любитель фесокъ и кальяновъ,
Россійскій Тогенбургъ?
Иль онъ, другъ черни и базаровъ,
Переродившійся Инсаровъ—

Лягушекъ рѣжущій Базаровъ,
 Неряха и хирургъ?
 Отвѣтъ готовъ: вѣдь мы не даромъ
 Имѣемъ слабость къ русскимъ барамъ—
 Несите жъ имъ вѣнцы!
 И мы, рѣшая все на свѣтъ,
 Вопросы разрѣшили эти...
 Кто намъ милѣй—отцы иль дѣти?
 Отцы! отцы! отцы! ¹⁾.

Въ такомъ же видѣ изображается Кирсановъ и въ стихотворныхъ сценахъ Минаева «Ба! знакомыя все лиц!» Когда появляется на сцену Кирсановъ, за нимъ несутъ дорожную ванну и несессерь. Обращаясь къ присутствующимъ, онъ говоритъ:

Я самъ, voyez donc, признаюсь,
 Тотъ день потеряннымъ считаю,
 Когда безъ ванны обхожусь
 Или ногтей не вычищаю...
 ...Мой тостъ таковъ: всѣ предрасудки
 Падутъ, когда начнетъ народъ
 Мѣнять бѣлье разъ восемь въ сутки
 И въ домѣ ванны заведетъ.
 Тогда исчезнутъ всѣ преданья
 И нигилизмъ съ его враждой,
 И смоемъ пятна отрицанья
 Съ себя мы розовой водою ²⁾.

Въ сценѣ «Униженные и Оскорбленные» («Будильникъ» № 1865. № 48) Минаевъ опять изображаетъ Павла Кирсанова—расфранченнаго, возмущающагося невѣжествомъ и некультурностью Россіи, вздыхающаго по «милрой Брюллевской террасѣ». Онъ спрашиваетъ встрѣчнаго мужика, говоритъ ли тотъ по-французски, возмущается его недоумѣніемъ и т. п. Кромѣ названныхъ стихотвореній Минаева, Павелъ Кирсановъ фигурируетъ еще въ карикатурномъ романѣ «Отцы и дѣти» ³⁾. Карикатуры принадлежатъ А. М. Волкову. «Романъ» состоитъ изъ очень большого числа карикатуръ съ пояснительнымъ текстомъ. Въ карикатурахъ показывается, что Тургеневъ, очернившій дѣтей, совершенно иначе относится къ отцамъ: онъ умываетъ ихъ, причесываетъ, старается показать бѣленькими, надушенными и т. п. На рисункѣ Тургеневъ тщательно умываетъ Павла Кирсанова. Въ романѣ

¹⁾ Думы и пѣсни, Д. Д. Минаева. Спб., 1864.

²⁾ Думы и пѣсни Д. Д. Минаева.

³⁾ «Искра». 1868. №№ 12—20.

«Отцы и дѣти».

Искра. 1868 г.

«Отцы и дѣти».

Искра. 1868 г.

вставлена «Исторія Павла Петровича Кирсанова»: въ дѣтствѣ онъ ѣздитъ верхомъ на дворовомъ, погоняя его кнутикомъ. въ молодости пьянствуетъ, жуируетъ и т. п.

Центральное мѣсто въ произведеніяхъ, посвященныхъ «Отцамъ и дѣти», занимаетъ, конечно, фигура Базарова. Пародіи и карикатуры подчеркиваютъ враждебное отношеніе автора къ Базарову, желаніе его посрамить нигилистовъ этимъ типомъ. Въ только что упоминавшемся карикатурномъ романѣ Тургеневъ на рисунокѣ усердно мажетъ чѣмъ-то чернымъ лицо своему герою. Въ текстѣ поясняется, что Тургеневъ дѣйствуетъ кистью, «вынутой изъ взбаламученной грязи», и что онъ, съ истинно отеческой

«Отцы и дѣти».

Искра. 1868 г.

заботой о своемъ дѣтищѣ, приготовилъ для него и парикъ Степки-Растрепки, и смазанные дегтемъ сапоги, и дурацкій балахонъ. Базаровъ на карикатурахъ всюду изображенъ дикимъ, лохматымъ, въ громадныхъ сапожищахъ. Придя къ Одинцовой, онъ сперва сконфузился, но черезъ минуту «свободно разговаривалъ». Свободный разговоръ состоитъ въ томъ, что Базаровъ положилъ

ноги на столъ. На заключительномъ рисункѣ Тургеневъ и Павелъ Кирсановъ сидятъ въ Дрезденѣ, на Брюллевской террасѣ и дружески разговариваютъ. «Какъ мы разнесли Базарова-то!»—замѣчаетъ Павелъ Петровичъ.—А вотъ изображеніе Базарова въ «Современной пѣснѣ» Минаева (пародія на извѣстное стихотвореніе Д. Давыдова):

...Отрицаньемъ лишь богать
Господинъ Базаровъ.
Осмѣять всегда готовъ
Все на свѣтѣ ровно;
Онъ лягушекъ и котовъ
Рѣжетъ хладнокровно.
А глядишь—нашъ нигилистъ
Съ мужикомъ толкуетъ
И, какъ юный гимназистъ,
 Өеничку цѣлуетъ.
А глядишь—герой то нашъ,
Что учить всѣхъ хочетъ,
Проигравшись въ ералашъ,
Съ горничной хохочетъ.
Чувствомъ нѣжнымъ не блеситъ
Взглядъ его свинцовый,
Только кровь его мутитъ
Тѣло Одинцовой—и т. д.

Въ уже цитировавшихся «Отцахъ или дѣтяхъ» Минаева довольно забавны строки о Базаровѣ.

Героя видно по примѣтамъ,
А въ нигилистѣ мрачномъ этомъ
Геройства нѣтъ слѣда.
Онъ въ красотѣ лишь видитъ формы;
Готовъ уснуть при звукахъ Нормы,
Онъ отрицаетъ и...
Онъ ѣсть и пьетъ, какъ всѣ мы тоже,
Съ Петромъ бесѣдуетъ въ прихожей,
И даже съ горничной, о Боже!
Играть готовъ итти.
Какъ циникъ, самый образцовый,
Онъ станъ madame de-Одинцовой
Къ своей груди прижалъ,
И даже,—дерзость вѣдь какая,—
Гостепріимства правъ не зная,
Однажды Өеню, обнимая,
Въ саду поцѣловалъ.

Въ сценѣ Минаева «Ба! знакомыя все лица!» Базаровъ пьетъ громадное количество чаю, съѣдаетъ 50 бутербродовъ. Отрицаетъ прогрессъ, любовь, честность, искусство. Когда его спрашиваютъ, во что же онъ вѣритъ, онъ говоритъ: «Ну, вотъ:

Я вѣрю въ этотъ бутербродъ.
Я ѣмъ его—и мнѣ довольно».

На замѣчаніе собесѣдницы:

«Базаровъ, скупы вы на рѣчи:
Жуетъ весь вечеръ—и молчитъ»,—

онъ отвѣчаетъ:

«У васъ такія, право, плечи,
Что возбуждаютъ аппетитъ».

Отмѣтимъ еще произведение Минаева «Евгеній Онѣгинъ, романъ въ стихахъ, сокращенный и исправленный по статьямъ новѣйшихъ лжереалистовъ» ¹⁾. Романъ этотъ представляетъ, по-пожалуй, насмѣшку не только надъ Тургеневымъ, сколько надъ Писаревымъ, взявшимъ Базарова подъ свою защиту. Минаевскій Онѣгинъ—это какъ бы Базаровъ въ пониманіи Писарева («герой на Благосвѣтловскій покрой»). Вотъ общая характеристика Онѣгина-Базарова:

Онъ не толкался въ модномъ свѣтѣ,
Прочелъ заглавья многихъ книгъ,
Не размышлялъ о туалетѣ
И никогда волосъ не стригъ.
Умѣлъ онъ въ спорѣ ядовито
Воскликнуть вслухъ: «вотъ дураки то!»
Умѣлъ врага отдѣлать въ пухъ:
«Шекспиръ вашъ—то же, что лопухъ!»
Онъ былъ повсюду наготовѣ
Свалить любой авторитетъ,
Хотя бъ его цѣнили весь свѣтъ.
И скоро критикъ въ «Русскомъ Словѣ»
Съ большою смѣлостью рѣшилъ,
Что онъ уменъ и очень милъ.

Всѣ замѣчанія, которыя дѣлаетъ этотъ Онѣгинъ при чтеніи письма Татьяны—очевидная пародія на критическія статьи Писарева по поводу «Отцовъ и дѣтей».—Ѣдки и довольно остроумны были выступленія противъ «Отцовъ и дѣтей» извѣстнаго поэта-сатирика и переводчика В. Курочкина. Особенной популярностью

¹⁾ «Будильникъ», 1865, № 74.

пользовалась «Рапсодія о нигилизмѣ» ¹⁾. Вступленіе къ рапсодіи хорошо выясняетъ, почему прогрессивно настроенные шестидесятники сочли романъ Тургенева общественно-вреднымъ: Тургеневъ далъ возможность реакціонерамъ ухватиться за кличку «нигилизмъ» и подводить подъ нее все то, что они порицали въ молодомъ поколѣніи. «Происхожденіе, или, лучше сказать, возникновеніе нигилизма доселѣ покрыто еще мракомъ неизвѣстности. Первое вѣяніе духа нигилизма замѣчается въ Орловской губерніи, славной въ географіи россійской имперіи, какъ мѣсто рожденія И. С. Тургенева, который даже временно проживаетъ въ оной губерніи, когда на нѣсколько дней покидаетъ Парижъ, сію вторую родину образованныхъ россіянъ. Духъ нигилизма зоркіе Собакевичи и Ноздревы орловскіе воплощаютъ въ Базаровѣ... Изъ области обыкновенныхъ деревенскихъ сплетенъ и выдумокъ зараза нигилизма переходитъ въ область такъ называемаго литературно-художественнаго вымысла». Напомнимъ начало рапсодіи, изображающее Базарова.

Неожиданно, нежданно,
Какъ зловѣщій запахъ ладана,
Предвѣщающій покойника,
Словно бѣсъ изъ рукомойника
Появлявшійся пустынноикамъ,—
Переставъ бродить по клиникамъ
И начальству сдавъ экзамены
Юный плотью, духомъ каменный,
Родомъ подлый, нрава яраго,
Внукъ кутейника Базарова
Вдругъ въ губернію Орловскую
Всю заразу внесъ бѣсовскую.
Внесъ съ собою онъ циническій
Нѣкій запахъ хирургическій,
Весь пропитанный алкоголемъ
(Въ родѣ запаха, что Гоголемъ
Укрѣпленъ былъ за Петрушкою);
И лягушку за лягушкою
Истреблять пошелъ въ селенія,
Полонъ духа разрушенія.
Чтобъ внутри у всякой гадины
Видѣть всѣ бугры и впадины,
Обзавелся микроскопами,

¹⁾ «Искра», 1863, № 11. Перепечатана въ сборникъ Амфитеатрова, «Забывтый смѣхъ».

Хороводился съ холопами,
 А въ туземныя гостинныя,
 Споконъ вѣка благочинныя
 (Точно такъ же, какъ столичныя),
 Внесъ манеры неприличныя
 И намѣренно-враждебныя
 Разговоры непотребныя.

Возмущенные поведеніемъ Базарова, всѣ Расплюевы, Пѣтухи, Собакевичи и Ноздревы сначала было рѣшили драть Базарова на конюшнѣ. Но затѣмъ, по совѣту Павла Кирсанова, «пріятеля съ сочинителемъ», отправились всѣ къ Тургеневу съ просьбой унять свое чадо, подобно новгородцамъ, ходившимъ съ такой же просьбой къ матери Василия Буслаева.—Злостному намѣренію Тургенева посрамить въ романѣ нигилистовъ посвящено и другое стихотвореніе Курочкина, представляющее одинъ изъ самыхъ первыхъ по времени сатирическихъ откликовъ на романъ:

Молитвой нашей Богъ смягчился;
 Романъ Тургеневъ сочинилъ,—
 И шаръ земной остановился,
 Нарушивъ стройный ходъ свѣтилъ.
 Подъ гнетомъ силы исполинской
 Уже хруститъ земная ось...
 И Чернышевскій, какъ Кречинскій,
 Въ испугѣ крикнулъ: «сорвалось!»
 И нигилистъ за нигилистомъ,
 Какъ вихри снѣжныя съ горы,
 Казнимы хохотомъ и свистомъ,
 Летятъ стремглавъ въ тартарары—и т. д. ¹⁾.

Въ появившемся позднѣе сатирическомъ фельетонѣ «Разговоры нигилиста Базарова съ статскимъ совѣтникомъ Салатушкою» ²⁾ подчеркивается не столько злоба Тургенева противъ нигилистовъ, сколько его непониманіе подлинныхъ стремленій молодого поколѣнія. Въ фельетонѣ Базарова едва можно узнать: такъ его «разнесло». Базаровъ такъ выясняетъ Салатушкѣ свою личность: «Видите ли, въ чемъ дѣло: батюшка мой Иванъ Сергѣевичъ немножко опростоволосился, пустилъ меня поотрицательной. Ну, какой я отрицатель? Я не прочь и любую Феничку поцѣловать, если подвернется подъ руку, не дуракъ и шампанки выпить, хоть бы привелось для этого вести знакомство и бесѣду съ какой-

¹⁾ «Искра», 1862, № 20.

²⁾ Типъ чиновника-карьериста («Записки Салатушки», А. Ф. Писемскаго.

нибудь Кукшиной,—до красивыхъ тѣлъ также охотникъ»... Хотя у Базарова и «рука есть по отрицательной», ибо за него Писаревъ горой стоитъ, онъ въ концѣ концовъ бросилъ всякій нигилизмъ и, занявшись ловлею жизненныхъ благъ, чувствуетъ себя совсѣмъ привольно. Но на замѣчаніе своего собесѣдника, что нигилизмъ—это безуміе, онъ возражаетъ: «Ну, не скажите этого. Конечно, не всякій способенъ вынести призваніе нигилиста, а эти люди не дураки. Даже отставные нигилисты, нашъ братъ, пользуются авансомъ. Потому что эти люди, какъ хотите, все-таки понимаютъ многое. Теперь нашихъ, т.-е. отставныхъ нигилистовъ, много вездѣ, и въ западныхъ губерніяхъ, и по акцизу, и въ другихъ службахъ. Вы слышали, можетъ быть, что нѣкоторый всѣмъ извѣстный сатирикъ оставилъ литературу для другихъ занятій ¹⁾. Но это я говорю только объ отставныхъ нигилистахъ, ех-нигилистахъ. А есть сорта гораздо повыше и получше ихъ—это дѣйствительные нигилисты или нигилисты у дѣлъ—и потомъ еще самый первый сортъ, такъ называемые бурые нигилисты. Папенька мой, Иванъ Сергѣевичъ, этихъ нигилистовъ даже и не предчувствовалъ. Онъ понялъ нигилизмъ только въ той ничтожной формѣ, которую представляетъ собою вашъ покорный слуга, да и ту исказилъ» ²⁾.

Въ рядѣ упомянутыхъ нами сейчасъ произведеній вниманіе авторовъ сосредоточивается на изображеніи Базарова. Въ одномъ стихотвореніи Минаевъ остановился на образѣ Кукшиной, чтобы показать непониманіе авторомъ «Отцовъ и дѣтей» женскаго движенія начала 60-хъ годовъ. Въ этомъ стихотвореніи авторъ обращается къ «женамъ сѣвера» съ совѣтомъ бросить новыя стремленія.

Женщины сѣвера, въ помыслахъ строгія,
 Анны, Варвары, Лукерьи и Софіи!
 Бойтесь вы физики, эмбриологіи,
 И математики, и философіи!
 Бойтесь, какъ язвы, якшаться съ студентами,
 Въ Думѣ на лекціяхъ, въ аудиторіи;
 Но развлекайтесь нарядами, лентами,
 Вмѣсто всеобщей и русской исторіи.
 Лучше держитесь порядка вы стараго!
 Скучно вѣдь думать и чувствовать за-ново.
 Замужъ идите—но не за Базарова,
 А ужъ скорѣе за Павла Кирсанова.

¹⁾ Конечно, имѣется въ виду М. Е. Салтыковъ, который въ 1864 г. вторично, послѣ отставки, поступилъ на службу—управляющимъ казенной палатой.

²⁾ «Искра», 1865, № 26.

Познакомившись съ Кукшиной, авторъ сталъ бояться, что стремленіе женщинъ къ образованію уничтожить въ нихъ опрятность и грацію, привьетъ распушенность нрава и дикость манеръ. Чѣмъ увлекаться новыми идеями, лучше оставаться дамами, пріятными во всѣхъ отношеніяхъ, и Коробочками ¹⁾.

Возмущеніе прогрессивной части общества типомъ Базарова и предполагаемымъ отношеніемъ къ нему автора выразилось въ томъ, что Тургенева послѣ «Отцовъ и дѣтей» нерѣдко называли ретроградомъ, и романъ его ставили на одну доску съ самыми реакціонными произведеніями. Изъ вліятельныхъ критиковъ на такую точку зрѣнія сталъ, какъ извѣстно, М. А. Антоновичъ, проводшій параллель въ статьѣ «Асмодей нашего времени», между романами Тургенева и Асоченскаго. Упреки Тургеневу за реакціонность дѣлались, конечно, и въ сатирическихъ произведеніяхъ. Въ сценахъ Минаева «Ба! знакомыя все лица!», о которыхъ уже шла рѣчь выше, дѣйствующими лицами являются персонажи изъ «Отцовъ и дѣтей» и «Взбаламученнаго моря» Писемскаго. Сопоставленіе «Отцовъ и дѣтей» съ цѣлымъ рядомъ реакціонныхъ романовъ дѣлаетъ Минаевъ въ стихотвореніи «Слово о полку Игоревѣ» ²⁾. Когда на Руси поднялась черная туча нигилизма и заслонила солнце, на борьбу съ нигилизмомъ выступила цѣлая рать рьяныхъ воителей.

...Что не громъ гремитъ за тучею,
Потрясая землю сирую—
«Русскій Вѣстникъ» длань могучую
Поднялъ съ тяжкою сѣкирою,
И, краснѣе цвѣта макова,
Подъ славянскою поддевкою,
Поднимаетъ «День» Аксакова
Булаву съ лихой сноровкою...
Вотъ «Отцы и дѣти» на полѣ
Нигилистовъ поцарапали,
Ихъ нечесанную бороду
Потрепали всласть по городу,
Всѣ отъ малаго до стараго
Рвали за полы Базарова
И предъ тѣмъ врагомъ измученнымъ
Встали «Моремъ взбаламученнымъ».
Поражая племя новое,
Встало «Марево» суровое.

¹⁾ «Искра», 1862, № 15.

²⁾ Вошло въ сборникъ Минаева «Здравія желаю! Стихотворенія отставнаго майора Михаила Бурбонова». Спб., 1867.

Мысль пришла и Боборыкину—
«Дай и я здѣсь штуку выкину»,
И Стебницкаго твореніе
Онъ пустилъ на посрамленіе.
Длилась битва ровно три года.
Изгнанъ врагъ безъ состраданія.
«Нигилистомъ быть—невыгода»,
Порѣшили всѣ изданія.

Въ пародіи «Новѣйшій Репетиловъ», принадлежащій перу неистощимаго Минаева, Репетиловъ рассказываетъ своему пріятелю, что онъ

Когда то былъ славянофилъ,
Кафтанъ съ поддевною и мурмолку носилъ,
Погодина читалъ, потѣлъ надъ Хомяковымъ,
Религіозенъ былъ, ѣлъ постное постомъ...
Потомъ
Ученьемъ заразился новымъ,
Сталъ бредить Чернышевскимъ, Бовымъ,
(Кто этотъ Бовъ?—не могъ досель узнать),
Свистѣть пустился, отрицать...

Послѣ «Отцовъ и дѣтей» все измѣнилось, и Репетиловъ сталъ реакціонеромъ.

Теперь меня на разумъ
Навелъ Тургеневъ, наконецъ;
Теперь я, знай же, мой отецъ,
Съ людьми такими знаюсь, —
Что за разсудокъ свой, ей-Богу, опасаюсь—и т. д.

Оказывается, что Репетиловъ подружился съ Никитой Безрыловымъ, Охочекомоннымъ, Заринымъ, Скарятинимъ и другими представителями охранительнаго направленія ¹⁾.

Въ 1869 г., когда появился «Обрывъ» Гончарова, въ связи съ Волоховымъ опять вспомнили Базарова. Въ «Будильникѣ» (№ 15) былъ напечатанъ «Украденый эпилогъ»—якобы окончаніе романа «Обрывъ», еще не доведеннаго до конца въ «Вѣстникѣ Европы». Эпилогъ состоитъ въ томъ, что Волоховъ умеръ, и его преступную душу черти потащили въ адъ. Тамъ онъ встрѣтился въ одномъ котлѣ съ Базаровымъ, и оба дружно повели нигилистическую бесѣду. Ближайшимъ же ихъ сосѣдомъ въ аду оказался Пустовцевъ (герой романа Асоченскаго).

¹⁾ «Думы и пѣсни Д. Д. Минаева», Спб., 1863.

Упреки Тургеневу, заодно съ Катковымъ, за реакціонность содержатъ и слѣдующія строки изъ сатирическаго фельетона Некрасова «Газетная».

...Образцы изумительной прозы
Замѣчаются въ прессѣ родной:
Тотъ добился успѣха во многомъ
И удачно враговъ обуздаль,
Кто идею свободы съ поджогомъ,
Съ грабежомъ и убійствомъ мѣшалъ;
Тотъ прославился другомъ народа
И мечтаетъ, что пользу принесъ,
Кто на тему: «Вино и свобода»
На народъ напечаталъ доносъ.
Намъ Катковъ предстоитъ великаномъ.
Мы Тургенева кушать зовемъ...

Чтобы покончить съ «Отцами и дѣтьми», упомянемъ еще одну карикатуру, появившуюся въ «Осѣ» ¹⁾. Этотъ сатирическій листокъ, въ которомъ главную роль игралъ Аверкіевъ, былъ очень далекъ отъ прогрессивнаго лагеря. Карикатура Іевлева, о которой мы говоримъ, снабжена подписью: «Нѣтъ сладу ни съ дѣтьми, ни съ отцами». Слева буйствуютъ «дѣти» обоего пола; на ихъ знаменахъ надписи: «Срѣзывать на нѣтъ», «Не надо желѣзныхъ дорогъ», «Эмансипація грудныхъ младенцевъ женскаго пола». Справа наводятъ пушку и грозятъ ружьями отцы. Посрединѣ, безпомощно сложивъ руки на груди, стоитъ Тургеневъ.

II.

Пятилѣтній промежутокъ, отдѣляющій романы «Отцы и дѣти» и «Дымъ», былъ мало производительнымъ для Тургенева: изъ художественныхъ произведеній за это время появились только «Призраки», «Довольно» и «Собака». Весьма вѣроятно, что именно пріемъ, встрѣченный романомъ «Отцы и дѣти» среди читающей публики, былъ причиной этой непроизводительности Тургенева и того желанія оставить совершенно литературную дѣятельность, о которомъ онъ говоритъ въ проникнутомъ меланхоліей очеркѣ «Довольно». Названные нами три произведенія Тургенева, напечатанныя имъ въ эти годы, вызвали кой-какіе отклики въ юмористической журналистикѣ. «Призраки» слегка задѣваетъ Минаевъ въ драматической шуткѣ «Фаустъ на Невѣ». Ску-

¹⁾ «Оса», 1863, № 7. Общую характеристику «Осы» см. въ «Очеркахъ по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія» М. К. Лемке.

чающаго Фауста Мефистофель спрашиваетъ, читаль ли онъ «Призраки». Тотъ отвѣчаетъ: «Быть можетъ. Читаль я много чепухи!» Тогда Мефистофель предлагаетъ Фаусту пронести его надъ всѣми загородными петербургскими садами и гуляньями. Во время этой воздушной прогулки, на манеръ «Призраковъ», Фаустъ въ концѣ концовъ засыпаетъ отъ скуки ¹⁾. Тургеневскому «Довольно» въ значительной своей части посвященъ «Дневникъ темнаго человѣка» въ 56-мъ № «Будильника» за 1865 годъ. Анонимный авторъ проситъ читателей обратить вниманіе на печальное зрѣлище, какъ Тургеневъ добровольно еще при жизни закутывается въ саванъ и прощается съ русской публикой. Тургеневъ въ «Довольно» предается чувствительнымъ изліяніямъ: вспоминаетъ о какой-то барышнѣ, вспоминаетъ, какъ Олегъ, о какой-то лошади, о разныхъ теплыхъ вечерахъ и майскихъ ночахъ съ неизбѣжными соловьями и розами, а въ заключеніе неожиданно увѣряетъ, что Венера Милосская выше принциповъ 89 года. «Огромное мужество для писателя—во-время остановиться и бросить перо. Не всѣ писатели такъ мужественны и осторожны, что очень жаль... Многимъ изъ нихъ еще прежде Тургенева слѣдовало почить отъ литературныхъ трудовъ своихъ—

И думали мы часто,
Когда жъ,—хоть это больно,
Намъ Майковъ скажетъ: «баста!»
А Писемскій:—«довольно!»

Маленькій рассказъ «Собака» вызвалъ довольно рѣзкія порицанія. Въ «Искрѣ» (1866, № 15) за подписью «Мизантропъ» была помѣщена пародія «Пѣтухъ». Пародія, надо сказать, гораздо больше отличается грубой бранчивостью, чѣмъ остроуміемъ: лучшее время «Искры» въ 1866 г. уже прошло. Кромѣ этой пародіи, «Собака» вызвала еще насмѣшливое стихотвореніе въ «Будильникѣ» (1866 г., № 25. Подписано «Меланхоликъ»). Вотъ это стихотвореніе цѣликомъ:

Я прочиталь твою «Собаку»,
И съ этихъ поръ,
Въ моемъ мозгу скребется что-то,
Какъ твой Трезоръ.
Скребется днемъ, скребется ночью
Не отстаетъ
И очень странные вопросы
Мнѣ задаетъ:

¹⁾ «Будильникъ», 1865, № 58.

«Что значить русскій литераторъ?

Зачѣмъ, зачѣмъ

По большей части онъ кончаетъ,

Чортъ знаетъ чѣмъ?

Къ 1864 году относится одно сатирическое стихотвореніе о Тургеневѣ, стоящее особнякомъ отъ другихъ. Оно не было въ свое время опубликовано и имѣетъ въ виду не столько литературную дѣятельность Тургенева, сколько недостатокъ въ его характерѣ гражданскаго мужества. Мы имѣемъ въ виду стихотвореніе Н. П. Огарева «Новая полурыбица въ русской литературѣ», написанное по поводу показаній, данныхъ Тургеневымъ въ сенатѣ о своихъ сношеніяхъ съ эмигрантами—Герценомъ, Огаревымъ и Бакунинымъ¹⁾. Огаревъ счелъ возможнымъ квалифицировать поведеніе Тургенева въ этомъ дѣлѣ, какъ низкое отступничество, что несправедливо. Можетъ быть, Огаревъ не зналъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Такъ, по крайней мѣрѣ, заставляетъ думать то, что въ стихотвореніи говорится о какомъ-то небываломъ представленіи Тургенева государю. Вотъ что написалъ Огаревъ:

Жилъ на свѣтѣ рыцарь модный,
Литераторъ не простой,
Съ виду милый, благородный,
Духомъ робкій и пустой.
Онъ имѣлъ одно видѣнье,
Умъ смутившее ему,
Что къ свободѣ направленье
Поведеть его въ тюрьму.
Но таланта даръ отличный
Да Бѣлинскаго слова
Отъ паденья нравъ тряпичный
Охраняли въ немъ сперва.
И въ пустынь скверно-людной
Онъ сберегъ сердечный жаръ,
Онъ возвысилъ ликъ народный,
Заклеймилъ позоромъ баръ.
Но въ минуту раздраженья
Самолюбьемъ пустымъ
Молодого поколѣнья
Сталъ врагомъ онъ мелочнымъ.

¹⁾ Изложеніе этого дѣла и письмо Тургенева къ Герцену съ объясненіемъ своего поведенія см. въ книгѣ Батуринаго «А. И. Герценъ, его друзья и знакомые», томъ I глава XIX.

Но, тревожась о пощадѣ—
Самъ къ царю онъ написалъ,
Что онъ, преданности ради,
Связи дружбы разорвалъ.
И холопамъ подражая,
Онъ представился къ царю;
Царь сказалъ ему, кивая:
«Очень васъ благодарю».
И пріемъ хоть былъ отраденъ,
Но художникъ со стыда
Скрылся сразу въ Баденъ-Баденъ,
Словно призракъ, безъ слѣда ¹⁾.

Въ 1867 г. въ мартовской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» былъ отпечатанъ «Дымъ». Вотъ что вспоминаетъ Тургеневъ по выходѣ этого романа: «Дымъ» хотя успѣхъ имѣлъ довольно значительный, однако возбудилъ противъ меня большое негодованіе. Особенно сильны были упреки въ недостаткѣ патріотизма, въ оскорбленіи родного края и т. п. Опять появились эпиграммы. Самъ Ѳ. И. Тютчевъ—дружбой котораго я всегда гордился и горжусь донинѣ—счелъ нужнымъ написать стихотвореніе, въ которомъ оплакивалъ ложную дорогу, избранную мною. Оказалось, что я одинаково, хотя и съ различныхъ точекъ зрѣнія, оскорбилъ и правую и лѣвую сторону читающей публики». ²⁾ Упоминаемое Тургеневымъ стихотвореніе Тютчева не относится къ интересующей насъ темѣ: въ немъ нѣтъ никакихъ элементовъ сатиры и смѣха. Изъ другихъ откликовъ на «Дымъ» намъ извѣстны—слѣдующіе. Въ «Искрѣ» 1867 (№ 14) есть карикатура А. М. Волкова. Тургеневъ держитъ на блюдѣ кадильницу, изъ которой идетъ дымъ. На него благоговѣйно взираетъ группа мужчинъ и дамъ. Подпись: «Какой непріятный запахъ—фи!—Дымъ догорающей извѣстности, чадѣ тлѣющаго таланта...—Тссь, господа! и дымъ Тургенева намъ сладокъ и пріятенъ». Тотъ же Волковъ иллюстрировалъ «Дымъ» длиннымъ рядомъ карикатуръ—подобно тому, какъ онъ сдѣлалъ это съ «Отцами и дѣтьми». ³⁾ Волковъ иллюстрировалъ весь романъ съ начала до конца. Въ общемъ получается растянутый и довольно утомительный шаржъ: у карикатуриста не хватало чувства художественной мѣры,

¹⁾ Пародія Огарева напечатана съ пропускомъ въ собраніи его стихотвореній, изд. Сабашниковымъ, томъ I, примѣчанія, стр. 386. За сообщеніе пропущенныхъ въ этомъ изданіи строкъ приносимъ благодарность М. О Гершензону.

²⁾ Предисловіе къ собранію романовъ (1880).

³⁾ «Искра», 1868, № 8, 26—45. Карикатуры Волкова были выпущены и отдѣльнымъ альбомомъ.

и стиль его доходить до чудовищной гиперболичности. Карикатуры снабжены текстомъ. Вотъ, напр., характеристика Литвинова—а вмѣстѣ съ тѣмъ и Тургенева—въ этомъ текстѣ. «Такъ кончились бадень-баденскія похождения нашего героя, замѣчательнаго тѣмъ, что, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, тридцати лѣтъ отъ роду, мыслилъ, чувствовалъ и дѣйствовалъ, какъ тридцатилѣтніе старички начала сороковыхъ годовъ или пятидесятилѣтніе младенцы въ концѣ шестидесятыхъ. Жалкіе люди! Безполезные люди!» Общее заключеніе о романѣ таково: «Это ужъ и не дымъ—это ужъ чортъ знаетъ что такое, какая-то отвратительная помѣсь «Некуда» съ «Маревомъ», погруженная въ самую тину «Взбаламученнаго моря»—сказалъ Литвиновъ, и сказалъ въ первый разъ умное слово». Сопоставленіе «Дыма» съ грубо-реакціонными романами дѣлается и въ юмористическомъ стихотвореніи Л. Пальмина «Въ деревнѣ» ¹⁾. Сущность стихотворенія состоитъ въ томъ, что автору и въ деревнѣ, на лонѣ природы все напоминаетъ «цвѣты словесности родной»; дымокъ, кружащійся надъ избою, заставляетъ его вспоминать «Дымъ»; когда подуетъ вѣтеръ, вспоминается «Повѣтріе» (романъ Авенариуса); если подъ дождемъ некуда сѣсть, ибо все мокро, въ памяти его встаетъ «Некуда»; все въ природѣ говоритъ автору про «благое направленіе», но духъ сомнѣнія шепчетъ ему, что все это пустое «Марев». Впечатлѣніе, которое долженъ былъ произвести новый романъ Тургенева въ аристократически-реакціонной средѣ, изобразилъ Д. Минаевъ въ большомъ стихотвореніи («поэмѣ») «Раутъ» ²⁾. Въ пышномъ домѣ петербургской львицы собрались гости. Минаевъ даетъ сатирическія характеристики этихъ представителей высшаго свѣта. Между прочими

...Былъ тамъ и писатель, часто на чужбину
Бздившій, чтобъ силу черпать въ новой расѣ...
Онъ имѣлъ пристрастье къ Брюллевской террасѣ,
А теперь вернулся (что жъ! мы будемъ хлопать!...)
Авторомъ романа подъ названьемъ «Копоть»...

Раутъ идетъ довольно вяло. Наконецъ, хозяйка, придумывающая, чѣмъ бы еще занять гостей, вспоминаетъ про маститаго романиста и проситъ его познакомить общество съ его послѣднимъ произведеніемъ.

Рукопись съ поклономъ вынулъ изъ кармана,
Сталъ читать онъ главы новаго романа.
Дамы всѣ рѣшили: «Голосъ симпатичный...»

¹⁾ «Будильникъ», 1867, № 25.

²⁾ Д. Минаевъ. Въ сумеркахъ. Сатиры и пѣсни. Спб., 1868.

И къ тому жъ онъ выбралъ эпизодъ отличный:
Ночь. Герой романа бредить до разсвѣта,
Раздраживши нервы запахомъ букета;
Скрыть подъ одѣяломъ лобъ пылавшій хочетъ—
Запахъ, чудный запахъ, дразнить и щекочетъ.
З-а-п-а-хъ. Это слово, отъ волненья красный,
Произносить авторъ съ дрожью сладострастной.
Ароматъ цвѣточный, съ запахомъ букетовъ,
Были постоянно темой русскихъ Фетовъ.
Но въ романѣ новомъ есть глава такая,
Гдѣ сердитый авторъ, юность распекая,
Оргію рисуетъ съ буйной молодежью
И съ цинизмомъ мысли и съ реальной ложью.
Дрогнувъ отъ восторга залъ... рукоплесканья...
Мумии-старухи бросили молчанье.
Автору романа, мигъ удобный выбравъ,
Пожимали руки старцы всѣхъ калибровъ:
Ожилъ сонный раутъ въ оживленныхъ спорахъ,
Точно авторъ бросилъ искру въ самый порохъ...

Въ поэмѣ Минаева «маститый романистъ» читаетъ, какъ мы видимъ, только отрывки изъ своего романа,— и это обстоятельство имѣетъ свои основанія: романъ «Дымъ» въ цѣломъ, конечно, не могъ произвести того впечатлѣнія восторга на реакціонные круги, о которомъ говорить сатирикъ. Можно говорить о восторгахъ реакціонеровъ по поводу «Отцовъ и дѣтей»; что эти восторгавшіеся «поклонники» Тургенева совершенно не поняли смысла романа—это другое дѣло, но фактъ ихъ восхищенія остается фактомъ. Самъ Тургеневъ въ замѣткахъ по поводу «Отцовъ и дѣтей» вспоминалъ объ этомъ такъ: «Я замѣчалъ холодность, доходившую до негодованія, во многихъ мнѣ близкихъ и симпатичныхъ людяхъ; я получилъ поздравленія, чуть не лобзанія, отъ людей противнаго мнѣ лагеря, отъ враговъ». Иначе обстояло дѣло съ «Дымомъ», несмотря на желчное сгущеніе красокъ въ тургеневскомъ изображеніи гейдельбергскаго радикальнаго кружка. Не могли консерваторы восхищаться романомъ, въ которомъ русская бюрократія и высшій кругъ общества изображены въ безпощадно-отрицательномъ освѣщеніи. Мы уже приводили слова Тургенева, что романъ его оскорбилъ «и правую и лѣвую сторону читающей публики» и что особенно сильны были упреки въ недостаткѣ патріотизма. О реакціонныхъ стихахъ по поводу «Дыма» говорить и Г. А. де-Волланъ въ своихъ воспоминаніяхъ, которыхъ намъ еще придется коснуться ниже. А. Д. Галаховъ сооб-

щаетъ одну эпиграмму на романъ, имѣющую въ виду именно недостатокъ патріотизма у Тургенева:

И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ!—
 Намъ вѣкъ минувшій говорить.
 Вѣкъ нынѣшній и въ солнцѣ ищетъ пятенъ
 И смраднымъ «Дымомъ» онъ отечество коптитъ.

Галаховъ добавляетъ, что эту эпиграмму приписывали кн. Вяземскому ¹⁾. Такихъ выходокъ противъ Тургенева со стороны реакціонеровъ, повидимому, было не мало, но онѣ распространялись только устнымъ путемъ и съ теченіемъ времени позабылись.

Съ конца 60-хъ г.г. въ сатирахъ на Тургенева становится все замѣтнѣе новый элементъ: насмѣшки надъ постояннымъ его пребываніемъ за границей. Упоминаніе объ этой сторонѣ жизни Тургенева есть и въ томъ отрывкѣ изъ «Раута» Минаева, который былъ приведенъ. Въ карикатурномъ романѣ Волкова говорится о «россійскихъ литераторахъ-абсентеистахъ». Та роль, которую въ этой склонности Тургенева къ жизни за-границей играла г-жа Віардо, была хорошо извѣстна. Тургеневъ и самъ напоминалъ объ этомъ русской публикѣ; такъ, въ апрѣлѣ 1869 г. въ «Санктъ-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» была напечатана за подписью Тургенева статья «Первое представленіе оперы г-жи Віардо въ Веймарѣ», въ которой знаменитый романистъ съ чрезвычайной обстоятельностью рассказываетъ о постановкѣ оперетки г-жи Віардо «Послѣдній колдунъ», текстъ для которой былъ написанъ по-французски самимъ Тургеневымъ ²⁾. Надо сказать: довольно тяжелое впечатлѣніе производитъ теперь вся эта суетливая озабоченность Тургенева успѣхомъ посредственной оперетки, непріятно думать о томъ, что великій художникъ слова направлялъ свои усилія на писаніе какихъ-то либретто... Извѣстіе о томъ, что Тургеневъ выступилъ въ роли либреттиста, вызвало карикатуру въ «Будильникѣ» (1869, № 17). На карикатурѣ нарисованъ мельникъ, надъ нимъ надпись: «Послѣдній мельникъ-колдунъ» (Опера). Подражаніе оперѣ г. Тургенева «Послѣдній колдунъ». Мельникъ поетъ слѣдующую арію:

Бывало, мельнику житье:
 Колдуешь,—ахають старухи...
 А нынче! что намъ за житье?
 Взять положеніе мое—
 Меня не вывезли и духи!

¹⁾ Сороковые годы. „Историческій Вѣстникъ“, 1892, № 1.

²⁾ Названная статья Тургенева перепечатана въ III-томѣ «Русскихъ Пропилеевъ», изд. Сабашниковыхъ. Тамъ же можно найти и текстъ оперетки въ нѣмецкомъ переводѣ.

Вполнѣ естественно, что отношенія Тургенева къ семьѣ Віардо, хорошо извѣстныя въ Россіи, не могли найти замѣтнаго сатирическаго отраженія въ печати вслѣдствіе интимности этой темы. Устные эпиграммы на этотъ счетъ, конечно, ходили въ обществѣ, и невѣдомые ихъ авторы не стѣснялись. Одну изъ такихъ эпиграммъ привелъ г. Гутьяръ въ статьѣ о Тургеневѣ ¹⁾. Это—чрезвычайно злобное и грубое четверостишіе.

Талантъ онъ свой зарылъ въ «Дворянское гнѣздо».
Съ тѣхъ поръ бездарности на немъ оттѣнокъ жалкій,
И падшій сей талантъ томится приживалкой
У спадшей съ голоса пѣвицы Віардо.

Помимо привязанности Тургенева къ семьѣ Віардо, современникамъ приходила въ голову и другая причина постоянного пребыванія писателя внѣ родины: это—предполагаемая приверженность его ко всему европейскому и отвращеніе отъ русской жизни. Повидимому, значеніе насмѣшки надъ восхищеніемъ Тургенева жизнью въ Германіи имѣетъ такая замѣтка въ «Будильникѣ»: «...Мы уполномочены объявить, что г. Тургеневъ написалъ драму «Ахъ! Бадень-Бадень!» По случаю окончанія этой драмы г. Тургенева посѣтили многія знатныя особы и въ томъ числѣ г. Литвиновъ-Юркевичъ. Драма эта восхитительна дотого, что, слушая ее въ чтеніи, одинъ изъ гостей г. Тургенева опьянѣлъ отъ восторга...» ²⁾ Полнѣйшее отвращеніе къ Россіи приписалъ Тургеневу Достоевскій, создавая пасквильный образъ Кармазинова въ «Бѣсахъ». Достоевскій позаботился о томъ, чтобы всѣ безошибочно могли узнать, въ кого онъ мѣтилъ. Правда, онъ изображаетъ Тургенева маленькимъ старичкомъ, въ то время какъ Тургеневъ былъ гигантъ по росту, но даже и въ наружности Кармазинова есть тургеневскія черты,—припомнимъ густые сѣдые локоны Кармазинова, мясистый носъ, «крикливый, нѣсколько даже женственный, и притомъ съ настоящимъ благороднымъ дворянскимъ присюсюкиваніемъ голосъ», манеру говорить, нѣжно скандируя каждое слово. Не позабыты и такія подробности, какъ манера одѣваться, болѣзненный страхъ эпидемій. Лѣстяція Кармазинову лица говорятъ: «Кто изъ русскихъ людей, изъ писателей, выставилъ столько самыхъ современныхъ типовъ, угадалъ столько самыхъ современныхъ вопросовъ, указалъ именно на тѣ главные современные пункты, изъ которыхъ составляется типъ современнаго дѣятеля? Вы, одинъ вы, и никто другой».

¹⁾ «Тургеневъ и семейство Віардо-Гарсія»—«Вѣстникъ Европы», 1908, 8.

²⁾ «Будильникъ», 1868, № 12.

Нравственный обликъ Кармазинова общеизвѣстенъ; это—средней руки писатель, уже выдохшійся, но безконечно, до омерзительности самолюбивый; онъ чрезвычайно дорожитъ своими связями съ высшимъ обществомъ; онъ можетъ обворожить кого-нибудь своей любезностью, а потомъ оскорбить полнѣйшимъ пренебреженіемъ при первой графинѣ, при первомъ князѣ; онъ болѣзненно трепещетъ передъ русской революціонной молодежью и унизительно къ ней подлизывается, хотя та не обращаетъ на него никакого вниманія; наконецъ, онъ презираетъ до глубины души Россію и называетъ себя съ гордостью нѣмцемъ, а не русскимъ. По поводу послѣдняго не лишнее напомнить сообщеніе Достоевскаго въ письмѣ къ Майкову, что при встрѣчѣ съ нимъ въ Баденѣ въ 1867 г. Тургеневъ сказалъ слѣдующее: «Знайте, что я здѣсь поселился окончательно, что я самъ считаю себя за нѣмца, а не за русскаго и горжусь этимъ». Разумѣется, такія слова Тургеневъ произносилъ лишь въ болѣзненно-разстроенномъ воображеніи Достоевскаго,—слишкомъ ужъ они несообразны. Литературная манера Тургенева пародируется Достоевскимъ въ томъ нелѣпомъ и претенціозномъ произведеніи подъ названіемъ «Мерсі», которое читаетъ Кармазиновъ на вечерѣ въ пользу гувернантокъ¹⁾. Въ этомъ произведеніи авторъ прощается съ публикой, заявляетъ, что навсегда бросаетъ перо, хотя ясно видно, что все это только лманье. «Мерсі»—пародія на «Довольно» и «Призраки» одновременно. Достоевскій издѣвается надъ напряженной надуманностью сюжетовъ, которую онъ считаетъ свойственной Тургеневу, надъ кокетливой изысканностью его описаній, надъ неудачной погоней за глубиной мысли. Приведемъ здѣсь наиболѣе характерныя мѣста пародіи. «Тема... Но кто ее могъ разобрать, эту тему? Это былъ какой-то отчетъ о какихъ-то впечатлѣніяхъ, о какихъ-то воспоминаніяхъ... Много говорилось о любви генія къ какой-то особѣ... Поцѣлуи происходили какъ-то не такъ, какъ у всего человѣчества. Тутъ непременно кругомъ растетъ дрокъ (непременно дрокъ или какая-нибудь такая трава, о которой надобно справляться въ ботаникѣ). При этомъ на небѣ непременно какой-то фіолетовый оттѣнокъ, котораго, конечно, никто никогда не примѣчалъ изъ смертныхъ, т.-е. всѣ видѣли, но не умѣли примѣтить, а «вотъ, дескать, я подглядѣлъ и описываю вамъ, дуракамъ, какъ самую обыкновенную вещь». Дерево, подъ которымъ усѣлась интересная пара, непременно какого-нибудь оранжеваго цвѣта. Сидятъ они гдѣ-то въ Герма-

¹⁾ Кстати. 14-го марта 1871 г. Тургеневъ читалъ на литературномъ утрѣ въ пользу гувернантокъ. (См. «Хронологическую канву для біографіи И. С. Тургенева», Н. М. Гутъера). Не отсюда ли взялись гувернантки и въ «Бѣсахъ».

ніи. Вдругъ, они видятъ Помпея или Кассія наканунѣ сраженія, и обоихъ пронизываетъ холодъ восторга... И вдругъ все исчезаетъ, и великій геній переправляется зимой, въ оттепель, черезъ Волгу. Двѣ съ половиною страницы переправы, но все-таки попадетъ въ прорубь... Когда онъ уже совсѣмъ утопалъ и захлебывался, то передъ нимъ мелькнула льдинка съ горошинку, но чистая и прозрачная, «какъ замороженная слеза», и въ этой льдинкѣ отразилась Германія или, лучше сказать, небо Германіи, и радужною игрой своей отраженіе напомнило ему ту самую слезу, которая «помнишь, скатилась изъ глазъ твоихъ, когда мы сидѣли подъ изумруднымъ деревомъ»... Тутъ опять заключился туманъ, явился Гофманъ, просвистала изъ Шопена русалка, и вдругъ изъ тумана, въ лавровомъ вѣнкѣ, надъ кровлями Рима появился Анкъ-Марцій. Ознобъ восторга охватилъ наши спины, и мы разстались навѣки и т. д., и т. д.»

Поразительное количество злобы и желанія унижить вложено Достоевскимъ въ образъ Кармазинова,—и притомъ въ соединеніи съ тонкой наблюдательностью, съ умѣньемъ попадать въ слабыя мѣста. Въ сравненіи съ Кармазиновымъ совсѣмъ блѣднѣютъ другія литературныя попытки осмѣять Тургенева.

III.

Переходя къ послѣднему десятилѣтію литературной дѣятельности Тургенева, мы должны прежде всего отмѣтить, что довольно много насмѣшекъ вызвала повѣсть «Вешнія воды». Этой повѣсти не повезло и въ современной критикѣ; напр., статья Постнаго (П. Н. Ткачева) въ «Дѣлѣ» даетъ слѣдующее резюме: «...Боже мой! Неужели это поэзія, неужели это художественность? Въ такомъ случаѣ, гдѣ же грань, отдѣляющая поэзію отъ нелѣпости, художественность отъ «не любо не слушай и вратъ не мѣшай?»¹⁾ Сатирическая журналистика сдѣлала рядъ вылазокъ противъ «Вешнихъ водъ», какъ произведенія совершенно слабаго, показывающаго полный упадокъ таланта Тургенева. Минаевъ отозвался такимъ стихотвореніемъ:

Недаромъ онъ въ родной странѣ
Слыветъ «талантомъ»... по преданьямъ;
Заглавье вяжется вполнѣ
Въ его романѣ съ содержаньемъ.
При чтеніи этихъ «Вешнихъ водъ»
И ихъ окончивши, невольно

¹⁾ «Дѣло», 1872, 12.

Читатель скажетъ въ свой чередъ:

«Воды, дѣйствительно, довольно»... ¹⁾

Юмористическій журналъ «Маляръ» помѣстилъ двѣ карикатуры на «Вешнія воды». На одной (1872, № 4) Тургеневъ изображенъ рыболовомъ: онъ стоитъ среди разлившейся весенней воды и своимъ перомъ вылавливаетъ всякую дрянъ, плавающую на поверхности—старые сапоги, дохлыхъ кошекъ и собакъ и т. п. Подпись гласитъ: «Странный, право, народъ теперешніе писаки: все гоняются за какими-то живыми источниками! Между тѣмъ какъ въ потокѣ *вешнихъ водъ* сколько истасканнаго сырья, полнаго новизны, сколько отжившихъ организмовъ, полныхъ жизни!» На другой карикатурѣ (№ 17) Тургеневъ сидитъ въ грустной позѣ, подпершись рукой. На столѣ передъ нимъ книжка «Вѣстникъ Европы», на которую онъ положилъ свое перо. Подписью служить цитата изъ самого Тургенева: «Слабые люди никогда сами не кончаютъ,—все ждутъ конца». Нужно еще добавить, что на столѣ, рядомъ съ книгой, находится женскій башмакъ, а фономъ, на которомъ изображена фигура писателя, является что-то въ родѣ юбки. Очевидно желаніе намекнуть на отношенія Тургенева къ г-жѣ Віардо.—Во влачившей еще свое существованіе «Искрѣ» (журналъ прекратился въ слѣдующемъ году) появилась обширная пародія на «Вешнія воды» подъ заглавіемъ «Пирожница береговъ Рейна или русскій дворянинъ за границей...Тургеневская повѣсть». ²⁾ Пародія подписана «Опасный соперникъ г. Тургенева». Псевдонимъ этотъ принадлежитъ г. Буренину ³⁾. «Пирожница» прямо поражаетъ убогой бездарностью и площадной грубостью своего остроумія. Во вступленіи авторъ, между прочимъ, говоритъ: «Моя «Пирожница» есть не что иное, какъ усугубленныя въ эстетическомъ отношеніи «Вешнія воды». У г. Тургенева Джемма наивна, чиста и дѣвственна; у меня Кора архинаивна, архи-чиста и архи-дѣвственна. У г. Тургенева герой Санинъ—поэтичный Россійскій дворянинъ и очень глупъ; у меня герой Дѣвственниковъ—архи-поэтичный Россійскій дворянинъ и архи-глупъ. У г. Тургенева дочь откупщика г-жа Полозова сладострастна, какъ Мессалина; у меня поповна Проскудія сладострастна, какъ сорокъ тысячъ Мессалинъ и Нероновъ, взятыхъ вмѣстѣ. У г. Тургенева общій тонъ повѣсти преисполненъ наивнаго романтизма сороковыхъ годовъ; въ моемъ произведеніи

¹⁾ Сборникъ Минаева «Разоренное гнѣздо».—«Пѣсни сатиры». Спб.. 1875. Предварительно стихотвореніе было, вѣроятно, напечатано въ какомъ-нибудь юмористическомъ журналѣ.

²⁾ «Искра», 1872, №№ 7—9.

³⁾ «Пирожница» вошла въ сборникъ Буренина «Очерки и пародіи». Спб.. 1874.

«обильно разлитъ романтизмъ годовъ тридцатыхъ. Словомъ, я превзошелъ г. Тургенева во всѣхъ пунктахъ»... Въ самой пародіи особенно замѣтно стремленіе автора высмѣять склонность Тургенева къ мечтательнымъ лирическимъ настроеніямъ, представить эту склонность, какъ блажь барина, которому нечего дѣлать.

Сидя надъ Рейномъ, среди красотъ природы, Дѣвственниковъ впалъ въ «святое» душевное настроеніе. «Вотъ,—думалъ онъ мечтательно,—я сижу тутъ на башнѣ, надо мною голубое небо едва струятся волны Рейна, а тамъ, въ далекомъ моемъ отечествѣ, приказчикъ Власть собираетъ съ моихъ мужичковъ оброкъ, дабы къ Ильину дню препроводить его сюда... Боже, какъ сладко жить! Боже, какъ хорошо устроены міръ!» А вотъ образчикъ того, какъ передается въ пародіи тургеневская лирика любви. «Кора на прощанье бросила Дѣвственникову такой взглядъ, что ему вдругъ почудилось, будто всѣ внутренности его оторвались и улетѣли къ звѣздамъ, сіявшимъ на темной лазури и дробившимся въ тихихъ, ласкающихъ волнахъ Рейна». Передавать подрядъ содержаніе всей этой пошлости, разумѣется, не стоитъ.

Изъ тѣхъ произведеній Тургенева, которыя послѣдовали за «Вешними водами», безсодержательную карикатуру Любовникова вызвалъ рассказъ «Пунинъ и Бабуринъ»¹⁾. Тургеневъ грустно сидитъ у камина. Подписью служатъ слова изъ «Пунина и Бабурина». «Я теперь и старъ и боленъ; рѣдко думаю о прошедшемъ, рѣдко устремляю назадъ мой духовный взоръ. Лишь изрѣдка зимой, сидя неподвижно передъ пылающимъ каминомъ—припоминаю минувшіе годы, событія и лица, и вотъ встаютъ передо мной двѣ личности». На слѣдующей страницѣ изображены—довольно недурно—Пунинъ и Бабуринъ. Реплики, которыми они обмѣниваются, не представляютъ никакого интереса. Кромѣ «Пунина и Бабурина» и «Часовъ» Тургеневъ въ 1874—76 г.г. напечаталъ въ «Вѣстникѣ Европы» цѣлый рядъ мелкихъ замѣтокъ прозаическаго характера, писемъ въ редакцію и т. п. Въ «Будильникѣ» 1876 г. можно найти остроты по поводу незначительности этихъ статей. Въ разныхъ №№ журнала за этотъ годъ печаталась «Емеліада (Обозрѣніе красотъ россійской литературы)» Новаго Баяна. Вотъ выдержки отгуда, касающіяся Тургенева. «...Слава и мужу Тургеневу, что осчастливилъ пріѣздомъ губернію Орловскую. Слава и мужу Стасюлевичу, что получилъ для своего журнала двѣ строчки «Заявленій» мужа Тургенева» (№ 36). Въ № 39 говорится о Тургеневѣ, потчующемъ читателей

¹⁾ «Историческій вѣстникъ», 1892, № 1.

«Вѣстника Европы»» выкопанными изъ ученическаго хлама гимназическими упражненіями въ родѣ «Часовъ» и о томъ, что «читатели не могли простить его «Часовъ», несмотря на громкую его репутацію»; въ № 50-мъ разнымъ издателямъ назначаются новогодніе подарки, въ томъ числѣ «Стасюлевичу-мужу—«пробу пера» мужа Тургенева, случайно открытую на оборотѣ счета старосты въ одной изъ деревень Орловской губерніи, да стекло изъ окна кабинета Ивана Сергѣевича, на коемъ послѣднимъ выведенъ пальцемъ? стекло сіе, нарочито пыльнымъ сохраненное, бережно въ футлярѣ украшенномъ уложено».

Когда появилась «Новь», то, хотя этотъ романъ, касавшійся самыхъ интересныхъ и самыхъ жгучихъ вопросовъ современной общественности, во многихъ вызвалъ чувство неудовлетворенія или раздраженія противъ автора, въ юмористической журналистикѣ это почти не отразилось. Объясняется это явленіе прежде всего состояніемъ, въ которомъ находилась въ концѣ 70-хъ г.г. юмористическая пресса. Боевой сатирической журналистики, поддерживавшей связи съ прогрессивными теченіями общественной мысли, давно не было и въ поминѣ,—она выродилась уже въ 60-хъ г.г. Юмористическія изданія конца 70-хъ г.г. приспособились къ очень невысокому обывательскому уровню, занимались исключительно мелкой обыденщиной и отказывались отъ сложныхъ и спорныхъ общественныхъ темъ. Относительно «Нови» мы нашли только два стихотворенія въ «Будильникѣ», сходныя между собою по содержанію. Первое помѣщено въ № 10 за 1877 г.

Всѣ эти дни читалъ я «Новь»,
И вотъ что, милый другъ, мнѣ больно:
Вѣдь самъ же ты сказалъ—*Довольно*
И вдругъ... опять пустился въ Новь!

Второе стихотвореніе къ насмѣшкѣ надъ тѣмъ, что Тургеневъ продолжаетъ все-таки писать, прибавляетъ еще упрекъ въ незнаніи русской жизни.

Тургеневъ разъ сказалъ: «Довольно!»
Перо забросивъ за бюро,
И все-таки потомъ невольно
Схватился снова за перо...
Съ досады вновь теперь изрекъ онъ
«Довольно! баста!» вѣ себя
Свой бѣлый, серебристый локонъ
Съ капризомъ дѣтскимъ теребя.

Но я пари держу (пари же
Я бъ не рѣшился зря держать),
Что, изучая Русь въ Парижѣ,
Тургеневъ вновь начнетъ писать ¹⁾).

Одну изъ эпиграммъ, вызванныхъ «Новью», вспоминаетъ еще
Галаховъ.

Твердятъ, что новь родить сторицей;
Но, видно, плохи сѣмена,
Иль пересохли за границей:
Въ романѣ «Новь» — полынь одна ²⁾).

Кромѣ упадка сатирической журналистики, говоря о «Нови», приходится принимать во вниманіе еще и другое обстоятельство: послѣдній романъ Тургенева все-таки не вызвалъ такого возмущенія «реакціонностью» автора, какъ «Отцы и дѣти» и «Дымъ». Правда, романъ встрѣтилъ въ критикѣ въ общемъ плохой приѣмъ, такъ что Тургеневъ упалъ духомъ и снова — неизвѣстно въ который разъ — въ письмахъ къ друзьямъ заговорилъ о полномъ отказѣ отъ литературной дѣятельности. Но въ этихъ критическихъ статьяхъ дѣлались большіе упреки за то, что Тургеневъ взялся изображать незнакомую ему среду, за происшедшее отсюда неправдоподобіе изображеній, наконецъ, за чисто-художественную слабость романа, чѣмъ за реакціонныя тенденціи.

Съ конца 70-хъ г.г. вообще дѣлается замѣтнымъ смягченіе той рѣзкости въ отношеніяхъ русскаго общества къ Тургеневу, которая по временамъ давала себя чувствовать прежде. Шли годы, забывались острые пункты разногласій, и все яснѣе становилось, какой цѣнный вкладъ въ русскую литературу сдѣлалъ кончающій свой жизненный путь писатель. Тѣми горячими оваціями, предметомъ которыхъ сталъ въ 1879 и 1880 г.г. Тургеневъ въ обѣихъ столицахъ, русская интеллигенція показала, какъ высоко она цѣнитъ заслуги романиста. А вскорѣ послѣ этого стали уже распространяться слухи о тяжелой болѣзни Тургенева, и появилось предчувствіе печальнаго конца. При этихъ условіяхъ все менѣе дѣлались возможными слишкомъ рѣзкія насмѣшки, слишкомъ обидныя нападенія. И дѣйствительно, за послѣдніе годы жизни Тургенева очень не много можно отмѣтить въ области эпиграммъ или карикатуръ на него. Укажемъ все, что намъ извѣстно, въ этой области. Говорится мимоходомъ о Тургеневѣ въ романѣ въ стихахъ Буренина «Иванъ Овѣринъ».

¹⁾ «Будильникъ», 1878, № 15.

²⁾ «Историческій вѣстникъ», 1892 № 1.

Когда-то были славные Иваны:
 Герой легендъ—Иванушка-дуракъ
 И царь Иванъ...
 А въ наши дни Иванъ Тургеневъ есть—
 Словесности родной краса и честь.
 Лѣтъ тридцать онъ дворянскіе амурь
 Описывалъ прекрасно, но потомъ,
 Внезапно устыдясъ литературы,
 Далъ клятву больше не шалить перомъ.
 Съ тѣхъ поръ въ отчизнѣ барышни всѣ хмурь
 И молятъ страстно небеса о томъ,
 Чтобъ авторъ «Нови», имъ на утѣшенье,
 Перемѣнилъ жестокое рѣшенье.

Объ одной стихотворной пародіи на Тургенева сообщается въ воспоминаніяхъ Н. С. Русанова. Когда Тургеневъ написалъ «Пѣснь торжествующей любви», то эта вещь заставила довольно много о себѣ говорить. Нѣкоторые старались даже отыскать въ ней какую-то политическую аллегорію. Но многіе осуждали Тургенева за проявленную имъ въ этомъ произведеніи отчужденность отъ очередныхъ вопросовъ русской жизни, не могли ему простить его «экскурсій въ область чистаго искусства». Одинъ адвокат-радикалъ сочинилъ пародію на «Пѣснь торжествующей любви». Изъ этой пародіи Н. С. Русановъ запомнилъ только описаніе перваго визита таинственнаго музыканта къ Валеріи:

«Посмотри», и вверхъ ногами
 Предъ сенъорю сталъ гость,
 Опираясь волосами
 На бамбуковую трость—

на финалъ, когда Валерія обращается къ мужу съ просьбой о пощадѣ:

«Извини, прости, мой милый....
 Извини: вѣдь я во снѣ...
 Написалъ блондинъ картину
 На брюнетовой спинѣ». ¹⁾

Еще одно сатирическое стихотвореніе въ тѣ годы, о которыхъ идетъ рѣчь, было вызвано извѣстной рѣчью Тургенева въ засѣданіи «Общества Любителей Россійской Словесности» на пушкинскихъ торжествахъ. Рѣчи аплодировали, но въ общемъ она произвела довольно блѣдное впечатлѣніе, особенно въ сравненіи

¹⁾ «Былое», 1906, № 12, стр. 48—49.

съ экстатической рѣчью Достоевскаго. Части слушателей рѣчь своимъ содержаніемъ опредѣленно не понравилась. Къ числу такихъ принадлежала писательница Голохвастова ¹⁾, сочинившая по этому поводу такое шуточное стихотвореніе:

Въ рѣчи длинной, тонкой, мѣткой
Намъ Тургеневъ сообщилъ,
Что хорошею отмѣткой
Мериме, сей критикъ рѣдкій,
Геній Пушкина почтилъ.
Но чтобъ намъ не возгордиться,
О себѣ не возмечтать,
Поспѣшилъ оговориться,
Что не слѣдъ намъ торопиться
Пушкина великимъ звать.
Не великъ ужъ, не народень
Нашъ развѣнчанный пбѣтъ,
Мериме хотъ онъ угодень
И для русскихъ превосходень,
Что жъ, объ этомъ рѣчи нѣтъ,
Но Европѣ просвѣщенной
Гдѣ же Пушкина читать!
Будетъ съ насъ, и тѣмъ польщены,
Что Віардо-мъ переведенный
Самъ Тургеневъ ей подъ стать.

Сообщившая это стихотвореніе Л. Нелидова добавляетъ: «Разумѣется, въ этой шуткѣ все преувеличено, но она все же выражаетъ впечатлѣніе, которое рѣчь Тургенева произвела на многихъ, главнымъ образомъ, на извѣстную часть московскаго общества» ²⁾. Подъ «извѣстной частью московскаго общества» здѣсь, вѣроятно, подразумѣваются славянофилы и близкіе къ нимъ. Западничеству Тургенева посвящена и плохая карикатура въ журнальчикѣ «Гусли» ³⁾. Содержаніе ея въ томъ, что мужикъ (очевидно, олицетвореніе русскаго народа) сидитъ на распутьѣ передъ столбомъ съ традиціонной сказочной надписью и пьетъ водку. Съ двухъ сторонъ видны головы «восточнаго духа» и «западнаго духа»—И. С. Аксакова и Тургенева. Первый говоритъ:

¹⁾ Ольга Андреевна Голохвастова (1894), жена извѣстнаго Павла Дмитриевича Голохвастова, писала преимущественно драмы. Въ 70-хъ г.г. участвовала въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и «Бесѣдѣ».

²⁾ Л. Нелидова. Памяти И. С. Тургенева. «Вѣстникъ Европы» 1909, № 9.

³⁾ 1881, № отъ 13-го декабря.

На востокъ солнце всходитъ,
 Озаряя жизни путь, —
 Отъ востока свѣтъ исходитъ,
 Ты слуй восточнымъ будь.

Западный духъ убѣждаетъ съ своей стороны:

Отъ востока свѣтъ исходитъ,

Ты же западникомъ будь:

На востокъ солнце всходитъ,
 Но на западъ держить путь!

Путникъ, выслушавъ все это, заключаетъ:

Хлѣбнувъ (sic), я лягу подъ сосну
 И здѣсь до солнышка сосну.

Мало сказать, что въ самые послѣдніе годы жизни Тургенева стали рѣдкими колкія сатирическія нападки на него: въ юмористической журналистикѣ этихъ лѣтъ появляются карикатуры и пародіи не только не обиднаго, а, наоборотъ, почтительнаго и лестнаго для Тургенева характера. Для полноты нашего обзора, перечислимъ и ихъ. Уже въ 1877 г. «Стрекоза» помѣстила карикатуру Лебедева «Тургеневъ и его критики» (№ 4). Вверху надпись: «А критики кто?» Гигантъ-Тургеневъ стоитъ, сложа руки на груди, съ добродушно-насмѣшливымъ выраженіемъ лица. У ногъ его копошатся крохотные критики-лиллипуты. Одинъ изъ нихъ читаетъ «Новъ», водя пальцемъ по строкамъ, другой пишетъ, остальные проявляютъ различныя враждебныя дѣйствія относительно Тургенева: стрѣляютъ изъ ружья, пускаютъ крохотныя стрѣлы, тщетно пытаются свалить Тургенева съ ногъ и т. п. Насмѣшку надъ критиками Тургенева представляетъ и карикатура въ «Осколкахъ» (1881, № 50) по поводу «Пѣсни торжествующей любви». Чародѣй-Тургеневъ, въ длинномъ восточномъ одѣянніи, играетъ на скрипкѣ. Передъ нимъ пюпитръ, на которомъ лежатъ ноты съ надписью «Флоберъ». У ногъ Тургенева—маленькіе съ карикатурными лицами критики. Реплики ихъ, повидимому, должны показать разноголосицу и неувѣренность сужденій критики по поводу повѣсти Тургенева и нѣкоторое недовольство ея тѣмъ, что Тургеневъ играетъ итальянскій мотивъ, а не русскую пѣсню. Можетъ быть, надписью «Флоберъ» имѣлось въ виду въ то же время показать и подражательность тургеневскаго произведенія?—Въ 1879 г. «Стрекоза» выпустила «Карикатурный альбомъ современныхъ русскихъ дѣятелей» работы Лебедева. Въ III выпускѣ альбома помѣщено изображеніе Тургенева. Въ редакціонномъ примѣчаніи къ карикатурѣ го-

ворится о полномъ признаніи заслугъ Тургенева русскимъ обществомъ. «Съ теченіемъ времени всѣ нападки и упрёки, всѣ старые счёты и полемическія выходки незамѣтно разсѣялись и провалились, а на виду у всѣхъ остались только доброе имя, неумирающая слава и огромная популярность этого наиболѣе близкаго, наиболѣе понятнаго и наиболѣе дорогого для всей русской публики писателя; единственный упрёкъ, съ которымъ можно бы къ нему обратиться—это его нѣсколько преждевременный отдыхъ на лаврахъ,—на что и намекаетъ портретистъ нашего альбома». На рисунокѣ Тургеневъ въ лавровомъ вѣнкѣ лежитъ на ложѣ изъ своихъ произведеній. Въ той же «Стрекозѣ» за 1883 г. (№ 3) находятся пародіи на «Стихотворенія въ прозѣ». Редакція, помѣщая ихъ, прибавила слѣдующее почтительное поясненіе: «Печатая эти, не лишенныя остроумія, бездѣлки, мы смотримъ на нихъ, какъ на безобидную пародію, напоминающую, конечно, только заголовками и внѣшнею формою своею превосходныя и возвышенныя мечты и сказки маститаго беллетриста». Чтобы дать понятія объ этихъ пародіяхъ, приведемъ одну изъ нихъ,—хотя бы «Русскій языкъ»: «Въ минуты сомнѣній, въ минуты тягостныхъ раздумій,—ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о великій правдивый и въ особенности свободный русскій языкъ! На какомъ другомъ языкѣ можно такъ хорошо, такъ великолѣпно выругаться? Какая сила слога! Какое богатство терминовъ! Нѣтъ, нѣтъ! Такой великій языкъ можетъ быть только у великаго народа!»

Смерть Тургенева во всѣхъ группахъ русской интеллигенціи вызвала скорбное чувство тяжелой утраты. Только реакціонеры не могли переварить торжественныхъ похоронъ великаго писателя и сдѣлали изъ нихъ предметъ для глумленія. Де-Волланъ сообщаетъ объ одномъ извѣстномъ ему реакціонномъ салонѣ 80-хъ г.г. слѣдующее: «въ салонѣ Корнилова читаютъ стихи реакціоннаго направленія на Тургенева, на его похороны. на его «Дымъ» и т. д.» ¹⁾

Мы кончили свой обзоръ. Онъ показываетъ, въ какихъ пунктахъ Тургеневъ чаще всего подвергался сатирическимъ ударамъ и уколамъ. Непониманіе идеаловъ молодого поколѣнія и враждебное къ нимъ отношеніе; старо-барскіе взгляды и привычки; чрезмѣрная изысканность стиля, особенно при передачѣ переживаній любви; преклоненіе передъ западно-европейскими формами жизни и, какъ слѣдствіе этого, постоянное проживаніе внѣ отечества; отрицательное отношеніе къ Россіи; склонность къ аристократическимъ связямъ и отношеніямъ; нервное авторское самолюбіе, проявляющееся въ заявленіяхъ о прекращеніи литера-

¹⁾ Де-Волланъ. Очерки прошлаго. «Голосъ Минувшаго», 1914, № 10.

турной дѣятельности—вотъ что представлялось современникамъ, справедливо или нѣтъ, наиболѣе заслуживающимъ осмѣянія въ личности и творествѣ Тургенева. Есть, конечно, среди приведенныхъ нами образцовъ сатирическаго творчества и просто безсодержательныя, грубо-ругательныя выходки,—отъ нихъ вѣдь не застрахованъ ни одинъ сколько-нибудь крупный человѣкъ, стоящій у всѣхъ на виду. Представляетъ извѣстный интересъ вопросъ: какое дѣйствіе производили на самого Тургенева различныя сатирическія произведенія, направленные по его адресу? Принимая во вниманіе чрезвычайно впечатлительный характеръ писателя, можно думать, что не всегда онъ оставался спокойнымъ. и что порою его самолюбіе должно было страдать. Но эти непріятныя переживанія искупились тѣмъ общимъ признаніемъ, яркія проявленія котораго наблюдалъ Тургеневъ въ концѣ своей жизни. До извѣстной степени, къ Тургеневу можно примѣнить его собственныя слова: «...Въ смѣхѣ есть примиряющая и искупающая сила—и если недаромъ сказано: «чему посмѣешься. тому послужишь», то можно прибавить; что надъ кѣмъ посмѣялся. тому уже простилъ, того даже полюбить готовъ».

М. Клевенскій.

Мелочи прошлаго.

Доходы великаго князя ¹⁾.

Шведскій публицистъ Уларъ составилъ въ 1905 г. таблицу доходовъ быв. в. князя Владиміра Александровича.

Въ качествѣ великаго князя Владиміръ получалъ 2¹/₂ милліона рублей ежегодно. Его «частный капиталъ», земли, лѣса, рудники и т. д., подаренные отцомъ, давали ему еще 1¹/₂ милліона ежегодно. 24.000 рублей (кромѣ наградныхъ) онъ получалъ въ качествѣ генерала; 50.000 въ качествѣ начальника петербургскаго военнаго округа; 40.000 какъ членъ Государственнаго Совѣта; 25.000 какъ членъ Комитета министровъ; 30.000 какъ президентъ Академіи Художествъ и наконецъ безчисленныя мелкія суммы въ качествѣ члена различныхъ комиссій, которыхъ онъ никогда не посѣщалъ.

¹⁾ А. Ular. Die russische Revolution. Berlin. 1905.

Царь-миротворецъ.

(Изъ резолюцій Александра III).

«Замѣчанія, когорыя царь пишетъ на поляхъ документовъ, болѣе его характеризуютъ, чѣмъ его отрывочныя бесѣды съ министрами и придворными», пишетъ Диллонъ въ своемъ интересномъ очеркѣ «Александръ III», перепечатанномъ недавно въ «Господѣ Минувшаго» ¹⁾. На основаніи такихъ «замѣчаній», правильнѣе резолюцій, на «Всеподданныйшихъ докладахъ», представляемыхъ царю по различнымъ поводамъ шефами жандармовъ, и попытаемся дать легкій набросокъ, силуэтъ этой заурядной личности, волею судебъ просидѣвшей на тронѣ прародителей болѣе тринадцати лѣтъ.

Александръ III не готовился быть императоромъ. Его старшій братъ Николай скончался юношей, и плохо скроенный, но крѣпко сшитый великій князь дѣлается наслѣдникомъ престола. Высокій, мускулистый, поражавшій физической силой и русскихъ и иностранцевъ, погубившій свое здоровье благодаря обычной русской слабости—пристрастію къ рюмочкѣ, Александръ III удивлялъ своихъ министровъ не только трогательной наивностью въ дѣлахъ правленія, но и поразительной безграмотностью, которая бросалась въ глаза даже въ отрывочныхъ замѣткахъ на подаваемыхъ ему докладахъ.

П. А. Кропоткинъ въ воспоминаніяхъ ²⁾ приводитъ записку молодого наслѣдника къ нареченной датской принцессѣ Дагмарѣ, будущей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ: *«сидимъ за субботнымъ столомъ и ѣдимъ батвснiю»*.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1890 года М. К. Цебрикова послала царю свои извѣстныя брошюры «Письмо къ Александру III» и «Каторга и ссылка», гдѣ рѣзко и правдиво высказалась о политикѣ правительства и старалась обратить вниманіе царя на положеніе политическихъ ссыльныхъ и каторжанъ. Получили брошюры и

¹⁾ № 5—6 май—іюнь 1917, стр. 84—95.

²⁾ П. Кропоткинъ. «Записки революціонера». Москва. 1918.

всѣ редакціи петербургскихъ газетъ. Жандармы узнали о ихъ существованіи чрезъ редактора «Герольда», представившаго книжки градоначальнику. 19 февраля статсъ-секретарь Дурново представилъ объ арестѣ Цебриковой докладъ, на которомъ Александръ III отмѣтилъ: «брошюры при дерзкія». Царь постоянно спотыкался на ѣ: онъ упрямо ее бойкотировалъ или ставилъ не на томъ мѣстѣ, гдѣ ей слѣдовало быть. Знаки препинанія онъ считалъ роскошью, хотя восклицанія подкрѣплялъ тремя знаками сразу. Экзаменъ за четыре класса едва ли могъ осилить всемогущій монархъ.

Не силенъ былъ царь и въ знаніи русской литературы. Прочитывая показанія одного арестованнаго—царь всегда интересовался политическими дѣлами и внимательно слѣдилъ за слѣдственнымъ матеріаломъ—обстоятельно знакомившаго жандармовъ, подъ чьимъ вліяніемъ онъ сдѣлался революціонеромъ, и между прочимъ писавшаго: «героями моихъ юношескихъ лѣтъ были Лопуховъ и Базаровъ», Александръ III былъ озадаченъ. На поляхъ доклада царь задаетъ вопросъ: «кто это?», вѣроятно недоумѣвая, почему Лопуховъ и Базаровъ до сихъ поръ не арестованы. Но увы! оба революціонера оказались за предѣлами досягаемости. Шефу жандармовъ пришлось, по обязанности, разъяснить монарху, что Лопуховъ герой нигилистическаго романа Н. Г. Чернышевскаго «Что дѣлать», а Базаровъ—романа И. С. Тургенева «Отцы и дѣти». Убѣгая отъ бездны премудрости въ наукахъ, преподаваемыхъ ему на русскомъ языкѣ, Александръ не твердъ былъ и въ языкѣ французскомъ ¹⁾, всего же нѣмецкаго онъ принципиально избѣгалъ.

Неучъ самъ, царь ревниво оберегалъ народъ отъ образованія и, какъ извѣстно, не былъ поклонникомъ образованія «кухаркиныхъ дѣтей». Политика Министерства Народнаго Просвѣщенія, возглавляемаго все царствованіе Александра III послушнымъ Деляновымъ, была политикой и русскаго самодержца, съ ужасомъ относившагося къ образованію крестьянской и рабочей массы. Привлеченная по дѣлу 1 марта 1887 г. М. Ананьина, значившаяся по паспорту, какъ жена крестьянина, въ своихъ показаніяхъ мимоходомъ упоминаетъ, что она готовитъ своего сына въ гимназію. Царь даетъ для себя четкую характеристику въ такой резолюціи: «*Это то и ужасно, музикъ а тоже лезетъ въ гимназію*».

Невысокаго мнѣнія былъ царь и о нашихъ университетахъ. Студентовъ онъ считалъ присяжными революціонерами и цѣлкомъ винилъ въ этомъ профессоръ. Замѣчанія Александра III

¹⁾ См. П. Кропоткинъ, «Записки революціонера».

не блещутъ разнообразіемъ, когда онъ ставитъ ихъ по поволу безпорядковъ въ томъ или другомъ учебномъ заведеніи. Онъ не доискивается ихъ, онъ вѣритъ во всемъ на слово шефу жандармовъ, и никакія записки и увѣренія профессорской коллегіи для него не убѣдительны. Для Александра III студенческія волненія есть просто «безобразіе», иногда съ добавленіемъ эпитета «ужасное». Въ январѣ мѣсяцѣ 1890 года на докладѣ по дѣлу студента Бориса Зозулинскаго царь отмѣчаетъ: *«къ сожалѣнію это слишкомъ извѣстно правительству, что одинъ изъ главныхъ очаговъ безпорядковъ это сами профессора»*. По поводу инцидента, разыгравшагося въ 1887 г. въ Казанскомъ Ветеринарномъ Институтѣ между проф. Чуловскимъ и студентомъ Никольскимъ, царь пишетъ: *«хороши наши университеты и наше студенчество»*.

Въ помѣтахъ царя не трудно видѣть почти пренебрежительное отношеніе къ разсадникамъ нашей университетской науки. Его системой было «подавлять безпорядки» полицейской силой, а не стараться уладить мирнымъ путемъ возникавшіе въ академической средѣ конфликты; не всегда онъ бывалъ доволенъ, когда въ эти дѣла вмѣшивались крупные чины правительственной власти, хотя бы и по долгу службы.

Въ 1884 году въ Кіевѣ празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея университета сопровождалось студенческими волненіями. Объ нихъ помѣстили «историческую справку въ журналѣ «Былое» А. Бороздинъ ¹⁾, но въ замѣтку не вошло любопытное донесеніе начальника Кіевского жандармскаго управленія Новицкаго, въ извлеченіи представленное гр. Д. Толстымъ 15 сент. 1884 г. Александру III. Пользуемся случаемъ и приводимъ его съ отмѣткой Александра III).

«7 сего сентября во время торжественнаго обѣда въ актовомъ залѣ Университета, въ присутствіи Главнаго Начальника края. при провозглашеніи тоста «за студентовъ», одинъ изъ присутствующихъ на обѣдѣ, сынъ художника Рокочевскаго громко произнесъ «за студентовъ, стоящихъ на улицѣ» ²⁾. За исключеніемъ этого случая порядокъ во время обѣда 7 сентября не былъ нарушенъ, а Рокочевскому сдѣлано лично Генераль-Губернаторомъ строгое внушеніе. На другой день, 8 сентября, студенты собрались толпой близъ зданія Университета и, встрѣтивъ свистками, криками и даже бросаньемъ камней въ экипажъ Попечителя Учебнаго Округа, направились съ пѣснями по Бульварной

¹⁾ 1917 г. № 3 (25) сентябрь, стр. 156—165.

²⁾ О празднованіи 50-лѣтняго юбилея Кіевского университета см. въ настоящей книжкѣ воспоминанія И. А. Линниченко «Прерванный юбилей».

³⁾ Попечитель кіевского учебнаго округа Голубцовъ распорядился «въ дни юбилея студентовъ въ залу не пускать». См. тамъ же стр. 160.

улицъ и Крещатику къ Михайловскому монастырю. Вслѣдствіе нераспорядительности мѣстнаго Полицеймейстера, толпа безпрятственно прослѣдовала по названнымъ улицамъ и разошлась сама собой. Той же нераспорядительности, повидимому, слѣдуетъ приписать и прискорбныя событія, случившіяся вечеромъ у квартиры ректора Университета профессора Ренненкампа. Несмотря на имѣвшіяся достовѣрныя свѣдѣнія о неудовольствіи студентовъ противъ ректора, не только улица, на которой живетъ ректоръ, но и домъ его оставались безъ всякой дѣйствительной полицейской охраны, вслѣдствіе чего, въ 8 часовъ студенты, въ числѣ около 300 челоуѣкъ, по свисткамъ собрались къ дому профессора Ренненкампа и начали бросать камни въ окна занимаемаго имъ помѣщенія. Въ это время у ректора происходилъ обѣдъ, въ числѣ гостей, кромѣ пріѣзжихъ къ юбилейному торжеству профессоровъ, находился также деканъ Кіевскаго медицинскаго факультета профессоръ Субботинъ, который и былъ легко раненъ однимъ изъ камней, брошенныхъ съ улицы въ обѣденную залу. Возмущенные безнаказаннымъ буйствомъ студентовъ и нераспорядительностью полиціи, профессора немедленно отправились жаловаться къ генераль-губернатору, который вслѣдъ за тѣмъ, въ сопровожденіи своихъ адъютантовъ, прибылъ въ квартиру ректора для выраженія ему сожалѣнія по поводу происшедшаго событія. Генераль-адъютантъ Дрентельнъ былъ встрѣченъ ректоромъ, его супругой въ залѣ, и разговоръ между ними и профессорами первоначально принялъ столь рѣзкое направленіе, что генераль-губернаторъ выразилъ намѣреніе тотчасъ же уѣхать: но затѣмъ, въ виду настояній хозяина остался, продолжая бесѣду съ раненымъ профессоромъ Субботинымъ, который, подъ вліяніемъ раны и выпитаго вина, находился въ крайне возбужденномъ состояніи. Объясненіе это происходило въ непріязненномъ тонѣ и кончилось тѣмъ, что профессоръ Субботинъ, отходя отъ генераль-губернатора, произнесъ слово «негодяй». По удостовѣреніи полковника Новицкаго генераль-адъютантъ Дрентельнъ не могъ слышать направленного противъ него оскорбительнаго слова: находившійся же въ залѣ и слышавшій выраженіе Субботина состоящій при генераль-губернаторѣ полковникъ Треповъ пришелъ въ такое негодованіе, что, не стѣсняясь присутствіемъ въ той же комнатѣ хозяйки дома, ударилъ Субботина по лицу. Субботинъ немедленно отвѣчалъ Трепову двумя ударами, затѣмъ оба взялись за стулья, но были удержаны отъ дальнѣйшихъ насилій профессорами и другими лицами.

Послѣ извиненія, принесеннаго профессоромъ Субботинымъ генераль-губернатору, послѣдній извинился передъ профессо-

рами Ренненкампфомъ и Субботинымъ и пригласилъ полковника Трепова сдѣлать то же самое; но профессора и Субботинъ не удовлетворились формой, въ которой было принесено полковникомъ Треповымъ извиненіе и въ настоящее время, при содѣйствіи полковника Новицкаго, въ видахъ устраненія вооруженной встрѣчи между противниками и другихъ нежелательныхъ послѣдствій, происходятъ переговоры о прекращеніи этого дѣла миролюбивымъ образомъ.

Описанное событіе представляется тѣмъ болѣе прискорбнымъ, что ректоръ Ренненкампфъ и прочіе профессора, находившіеся въ числѣ его гостей, считаются сторонниками строгости и порядка въ университетѣ.

Слѣдствіе о нападеніи на домъ ректора производится судебнымъ слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ, и по послѣднимъ свѣдѣніямъ арестовано до 30 человекъ зачинщиковъ. Одновременно съ тѣмъ генераль-адъютантъ Дрентельнъ сдѣлалъ распоряженіе объ изслѣдованіи образа дѣйствій кievской полиціи въ дни юбилейныхъ празднествъ».

Александръ III поставилъ на докладѣ слѣдующую резолюцію: *«Ужасное безобразіе! Жаль что Дрентельнъ повѣхалъ къ ректору лично.—Интересно будетъ узнать объ этомъ подробности отъ самого генераль-губернатора».*

Царь по-своему любилъ Россію, но отъ его любви не всегда было сладко подданнымъ. Все русское онъ готовъ былъ съ присущей ему прямолинейностью, не рѣдко переходившей въ грубость, восхвалять и ругать все иностранное, хотя несомнѣнно полезное и достойное подражанія. Вильгельма II Александръ III не любилъ, а австрійское правительство не разъ въ своихъ замѣчаніяхъ называетъ «подлымъ». Царь былъ убѣжденный самоперкець. искренно вѣрилъ, что онъ помазанникъ Божій, а случайность своего появленія на престолѣ приписывалъ волѣ Провидѣнія. Въ письмѣ, подлинность котораго не подлежитъ сомнѣнію, отъ 27 апр. 1881 года къ великому князю Владимиру Александровичу, молодой императоръ заявляетъ ¹⁾: *«я никогда не допущу ограниченія самодержавной власти, которую нахожу нужной и полезной Россіи».*

Александръ III обладалъ огромнымъ самомнѣніемъ и добивался положенія руководителя европейской политики. Передаютъ не какъ анекдотъ, такой случай. По лѣтамъ императоръ любилъ отдыхать въ Финляндіи, занимаясь уженіемъ рыбы. Однажды ему докладываютъ, что рѣшеніе по какому-то дѣлу

¹⁾ См. объ этомъ Конни Цилліакусъ. «Революціонная Россія», С.-Пб. 1906 г., стр. 107.

необходимо вынести поскорѣе, такъ какъ его ждутъ другія правительства Европы. *«Когда русскій князь ловить рыбу, Европа можетъ подождать»*, отвѣчалъ россійскій самодержецъ.

Всю жизнь царь дрожалъ за свое существованіе, боялся революціонеровъ, жестоко ихъ преслѣдовалъ и мелочно имъ мстилъ. Идейныхъ враговъ самодержавія онъ считалъ людьми безъ совѣсти и чести. «Каналья», «дрянь», «негодяй», «шуракъ» и т. п.—крылатыя слова его резолюцій. *«Нахальный и дерзкій хвастунишка»*, пишетъ императоръ 13 ноября 1884 года по поводу показаній студента Ковалева, «предполагавшаго совершить покушеніе на жизнь прокурора Московской Судебной Палаты Муравьева».

«Дрянь мальчишка и дерзкій», характеризуетъ Александръ III арестованнаго въ 1886 г. въ Севастополѣ мичмана Черневскаго. *«Хорошо пишетъ каналья»*, отмѣчаетъ царь 17 іюля 1890 г. на докладѣ о Степанѣ Файницкомъ. Твердость, стойкость убѣжденій приводили царя въ бѣшенство. 4 февраля 1887 г. Александръ III, недовольный уклончивыми отвѣтами студента Гаевского, съ досадой отзывается: *«Порядочная скотина, ничего не показываетъ»*.

Въ 1882 году, 10 ноября, министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Толстой «всеподданнѣйшимъ долгомъ поставилъ себѣ доложить», что Б. Оржихъ на судѣ въ Сенатѣ заявилъ о непоколебимости своихъ убѣжденій, и, приговоренный къ смертной казни черезъ повѣшеніе, по выслушаніи приговора громко произнесъ: «браво». Царь безусловно героическій поступокъ твердаго въ своихъ взглядахъ революціонера оцѣнилъ словомъ—«скотъ». Такая резолюція написана краснымъ по бѣлому и покрыта угодливыми руками неизмѣннымъ лакомъ.

Видныхъ революціонеровъ Александръ зналъ по фамиліямъ и строго слѣдилъ за ихъ мѣстопробываніемъ. Весной 1885 года въ иностранныхъ газетахъ, какъ слухъ, промелькнула замѣтка объ освобожденіи Кропоткина изъ тюрьмы, о чемъ шефъ жандармовъ счелъ нужнымъ доложить царю; послѣдній, видимо освѣдомленный изъ другихъ рукъ, отмѣчаетъ на докладѣ: *«Кажется еще нѣтъ»*.

Извѣстный поэтъ и писатель П. Якубовичъ (П. Я. Мельшинъ) былъ арестованъ въ 1884 г. 15 ноября на Бассейной улицѣ «и при немъ», какъ значится въ докладѣ, «не найдено ничего достойнаго вниманія. Равнымъ образомъ и обыскъ въ его квартирѣ не далъ никакихъ результатовъ». Къ сему гр. Д. Толстой счелъ нужнымъ прибавить «что арестованіе Якубовича было вызвано какъ обнаруженнымъ по послѣднимъ свѣдѣніямъ вліяніемъ его привлеченія къ революціонной дѣятельности новыхъ лицъ, такъ, главнымъ

образомъ, и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ виду чрезвычайной его подвижности и осторожности, наблюдавшіе за нимъ въ теченіе двухъ послѣднихъ дней агенты опасались потерять его слѣдъ и тѣмъ дать ему возможность скрыться». На этомъ докладѣ, написанномъ въ нѣсколько виноватомъ тонѣ, царь «соизволилъ начертать»: *«все-таки жаль что пришлось его арестовать такъ рано»*.

Г. А. Лопатинъ былъ арестованъ также на улицѣ незадолго до Якубовича. Ему не разъ приходилось ускользать изъ жандармскихъ лапъ, что и отмѣчается въ докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ. *«Надѣюсь что этотъ разъ онъ больше не уйдетъ»*, твердо заявляетъ Александръ III.

По дѣлу В. Н. Фигнеръ военный судъ вынесъ восемь смертныхъ приговоровъ: Ашенбреннеру, Рогачеву, Похитонову, Ювалову, Штромбергу, Тихановичу, Фигнеръ и Волькенштейнъ. Чуйковъ, Спандони, Суровцовъ и Чемоданова были присуждены къ каторгѣ на разные сроки, а Немоловскій и Ивановъ безъ срока. На этотъ приговоръ царь отзывается замѣткой: *«строго, но совершенно заслуженно и справедливо»*. Замѣняя впослѣдствіи нѣкоторымъ изъ присужденныхъ смерть Шлиссельбургомъ, царь прекрасно понималъ, что онъ дѣлаетъ. Замуровать заживо въ этотъ каменный мѣшокъ было хуже смерти. Вообще относительно шлиссельбургцевъ ничего не предпринималось безъ согласія царя. Министры во многомъ только поддакивали «обожжаемому монарху», распоряженія котораго были рѣшительны и жестоки, а резолюціи грубы и неумны.

Въ 1887 году 1 марта было организовано покушеніе на Александра III. Однимъ изъ руководителей былъ старшій братъ «героя нашего времени» Ленина, А. И. Ульяновъ. Революціонеры были арестованы съ бомбами на Невскомъ проспектѣ, и шефъ жандармовъ спѣшилъ съ докладомъ и съ копіями показаній арестованныхъ къ царю въ тотъ же день. *«На этотъ разъ Богъ насъ спасъ»*, пишетъ Александръ и потомъ меланхолично добавляетъ: *«но надолго ли? Спасибо всѣмъ чинамъ и агентамъ полиціи, что не дремлютъ и дѣйствуютъ успѣшно—все что узнаете болѣе присылайте»*. Во избѣжаніе преувеличенныхъ слуховъ о покушеніи гр. Д. Толстой полагалъ необходимымъ издать правительственное сообщеніе, на что просилъ «Высочайшаго соизволенія». *«Совершенно одобряю»*, соглашается царь, *«и вообще желательно не придавать слишкомъ большаго значенія этимъ арестамъ. По моему лучше было бы узнавши отъ нихъ все что только возможно, не предавать ихъ суду, а просто безъ всякаго шума отправить въ Шлиссельбургскую крѣпость—Это самое сильное и непріятное»*.

наказаніе.—А». Но, видимо, такая «простота» правосудія, похожаго на расправу азіатскаго владыки, поразила даже нашихъ министровъ. Пришлось устроить по дѣлу второго «1 марта» подобіе суда, чтобы, по крайней мѣрѣ, передъ Европой соблюсти нѣкоторое приличіе. Александръ III былъ большимъ сторонникомъ крутыхъ мѣръ въ управленіи, а на розгу смотрѣлъ, какъ на дѣйствительное воспитательное средство, особенно для народа. Ни въ одно, кажется, царствованіе не было такого огромнаго примѣненія тѣлесныхъ наказаній, какъ при Александрѣ III. Введеніе института земскихъ начальниковъ особенно этому способствовало. Пороли и оптомъ и въ розницу; и по отдѣльности и цѣлымъ «міромъ». Не даромъ революціонная печать переименовала рептильный «титულъ»—Царь-Миротворецъ въ Царя-Міропорца.

Зная, что такое «Шлиссельбургъ», Александръ III не сомнѣвался въ разрушительномъ дѣйствиіи его на заключенныхъ. Тюрьма должна была убить въ нихъ все живое, все дѣйственное. Но разочарованіе постигло его и тутъ. Мы теперь знаемъ, каковъ былъ режимъ въ застѣнкахъ Шлиссельбургской крѣпости. Изъ служащихъ тюрьмы по своей жестокости выдавался смотритель ея, нѣкій ротмистръ Соколовъ, прозванный узниками «Иродомъ». Знаменитый Мышкинъ не вынесъ систематическаго глумленія Ирода и въ первый день Рождества 1884 года бросилъ въ него мѣдную тарелку. *«Что за нахалы, даже и тамъ не могутъ вести себя прилично»*, ставитъ резолюцію раздраженный монархъ на докладѣ по этому поводу. Мышкина, какъ извѣстно, предали военному суду и разстрѣляли. Когда въ 1889 году заключенными въ крѣпости была объявлена голодовка, и Александру III объ этомъ сдѣлалось извѣстно, онъ собственноручно начерталъ: *«что за ослы»*.

Напуганный еще при жизни отца революціоннымъ движеніемъ, террористическими выступленіями, закончившимися 1 марта 1881 года, Александръ III всюду видѣлъ анархистовъ и нигилистовъ, ему вездѣ мерещились революціонеры; въ послѣдніе годы онъ боялся даже малѣйшаго проявленія общественной инициативы самаго невиннаго характера. Идутъ ли въ Полтавской губерніи крестьянскіе безпорядки, какъ лѣтомъ 1884 года, онъ «увѣренъ, что это работа нашихъ анархистовъ и что ихъ подстрекательство», возникаютъ ли недоразумѣнія на морозовской мануфактурѣ въ 1885 году, онъ боится, что «это дѣло анархистовъ». При арестѣ Панкратова въ Кіевѣ былъ раненъ жандармъ. 5 марта 1885 года царю уже было объ этомъ доложено, и онъ замѣчаетъ: *«новое доказательство, какъ далеко еще не все успокоилось въ анархической средѣ и сколько еще борьбы предстоитъ правительству»*.

Въ 1882 году въ Одессѣ былъ убитъ Стрѣльниковъ, царь «очень и очень сожалеетъ о Стрѣльниковѣ. Это незамѣнимая потеря. Когда же мы избавимся отъ этихъ убійствъ», добавляетъ онъ едва ли не съ укоризной по адресу полиціи.

Убійство въ 1883 году жандармскаго полковника Судейкина привело вершителей судебъ тогдашней Россіи въ большое замѣшательство. *«Я страшно пораженъ и огорченъ этимъ извѣстіемъ»,* ставитъ 2 октября необычайно для себя длинную резолюцію испуганный самодержецъ. *«Конечно мы всегда боялись за Судейкина, но здѣсь предательская смерть. Потеря положительно незамѣнимая. Кто пойдетъ теперь на подобную должность? Пожалуйста, все, что будетъ дознано новаго по этому убійству, присылайте ко мнѣ. А».* Прошло менѣе года. Клубокъ интригъ убитаго жандарма распутывался все больше и больше. Надъ показаніями арестованнаго въ Кіевѣ въ 1884 году Караулова императоръ размышляетъ: *«Я думаю много тутъ правды. Дѣйствительно, Судейкинъ послѣднее время былъ страненъ, и всѣ его дѣйствія намъ не извѣстны».*

Весьма милостиво и предупредительно отнесся царь къ ренегату Льву Тихомирову, когда онъ изъ лагеря революціонеровъ перекочевалъ въ редакцію «Московскихъ Вѣдомостей», гдѣ также энергично сталъ укрѣплять устои царскаго самодержавія, какъ старался раньше разрушать ихъ въ «Народной Волѣ». О «переходѣ» Тихомирова, какъ важномъ событіи, состоялся письменный докладъ царю 10 августа 1888 г. и была приложена брошюра бывшаго террориста «Почему я пересталъ быть революціонеромъ». Брошюру царь оставилъ у себя, «чтобы прочесть», а на докладѣ написалъ: *«это утѣшительный фактъ. Что предполагаете вы ему отвѣчать. Отталкивать его не слѣдуетъ, онъ можетъ пригодиться».* Объ отношеніяхъ къ сектантамъ и иновѣрцамъ Александра III сообщалось достаточно въ нашей повременной печати. О переходѣ въ православіе изъ-подъ палки писалось не мало и за границей. О каждомъ фактѣ, какъ познаніе истины православной церкви цѣлымъ приходомъ, доводилось до свѣдѣнія царя. Въ маѣ мѣсяцѣ министръ внутреннихъ дѣлъ докладываетъ о ходатайствѣ 500 человѣкъ крестьянъ Леальскаго прихода Эстляндской губерніи перейти въ православіе. *«Надо непременно исполнить ихъ просьбу»,* наивно замѣчаетъ царь, *«и не давать ихъ въ обиду лютеранамъ».* Но достаточно кіевскому митрополиту Платону посѣтить костелы, какъ Александръ уже беспокоится и требуетъ подробныхъ свѣдѣній. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1884 г. извѣстный Пашковъ вызываетъ четырехъ крестьянъ изъ Таврической губерніи для подачи прошенія государю императору.

Государь императоръ оказывается недоволенъ этимъ обстоятельствомъ и требуетъ отъ министра «наконецъ принять мѣры противъ подобныхъ безобразій и сѣздовъ». Несомнѣнно, гр. Толстой не заставилъ себя долго ждать. Отчетливы резолюціи императора по поводу еврейскихъ погромовъ, разразившихся на югѣ и въ Варшавѣ и достигшихъ огромныхъ размѣровъ. Александръ удивленъ прежде всего: откуда сіе.—*«Что это значитъ повсемѣстное грабленіе евреевъ»*, спрашиваетъ онъ въ апрѣлѣ 1881 года. *«Не можетъ быть, чтобы никто не возбуждалъ народъ противъ евреевъ»*, догадывается императоръ. «Необходимо хорошенько произвести слѣдствіе по всѣмъ этимъ дѣламъ». 14 декабря того же года и по тому же поводу онъ заявляетъ: *«Все это прескверно и доказываетъ, что намъ надо какъ можно скорѣе покончить съ еврейскимъ вопросомъ»*. Дѣйствительно, «временными правилами» 3 мая 1882 года съ евреями было «покончено», они лишались права селиться по деревнямъ въ предѣлахъ черты осѣдлости.

По своему характеру Александръ III не былъ типичнымъ Романовымъ. Двухъ лицъ не его черта, но чрезъ него оно передалось отъ дѣдовъ и отца къ его ничтожному сыну. Императорская порфира была не по плечу этому заурядному человѣку съ ограниченной властью. Въ молодости Александръ былъ добрый малый. Въ обыденной жизни изъ него могъ выйти добродушный командиръ эскадрона, кавалергардскій ротмистръ, который по отставкѣ полковникомъ служилъ бы предводителемъ дворянства въ родной глуши, являясь примѣромъ практичнаго хозяина, образцомъ семьянина и поражая своихъ сородичей богатыми—для представительства ежегодными балами, большими охотами и неимовернымъ количествомъ выпиваемой водки и коньяка.

Но судьба сдѣлала по-своему. Она выбрала его властителемъ многомилліоннаго народа, и онъ своимъ грузнымъ, неумнымъ, граничащимъ съ тупостью, крутымъ правленіемъ на туго затянутыхъ удилахъ держалъ, какъ на замѣчательномъ твореніи Паоло Трубецкого, коня-гиппопотама російскаго.

А. Поляковъ.

Въ дополненіе къ матеріаламъ, сообщаемымъ А. С. Поляковымъ мы приводимъ два документа, появившихся въ печати за границею въ 1909 г. ¹⁾).

Александра III, несмотря на его постоянный страхъ предъ бомбами и заговорами, видимо, раздражала иногда назойливость

¹⁾ «Былое», № 9—10, 1909 г., стр. 70.

его охраны. Объ этомъ говорить записка императора къ ген.-ад. Черевину отъ 6 февраля 1885 г.

«Несмотря на мои частыя повторенія, что я не желаю, чтобы, когда я выѣзжаю, за мною ѣздили мушары и проч., я опять замѣчаю, что приказаніе мое не исполняется. Я не знаю, ваши ли это люди или Грессера, но прошу распорядиться, чтобы этого болѣе не было, какъ мѣра совершенно лишняя и конечно ни къ чему не ведущая. Я разрѣшаю Грессеру, *когда онъ находитъ нужнымъ, самому иногда слѣдовать за мною*, когда извѣстно, куда я ѣду, но кромѣ него *я не разрѣшаю никому*, потому что считаю эту мѣру глупою и весьма неприглядною.

Когда я ѣду по заведеніямъ или госпиталямъ, всегда все полицейское начальство той мѣстности является туда, и конечно этого совершенно достаточно.

Прошу въ этотъ разъ сдѣлать распоряженіе разъ навсегда и чтобы не приходилось мнѣ повторять это каждый годъ снова; мнѣ это надоѣло.

Я никогда не мѣшаю Вамъ и Грессеру принимать мѣры, которыя вы находите нужнымъ, но слѣдовать за собой положительно запрещаю.

А.»

6 февраля 1885 г.

Однако ген.-ад. Черевинъ продолжаетъ заботливо окружать царя все новою и новою охраной. Въ маѣ 1886 г., тотчасъ же по прибытіи Александра III въ Петергофъ, Черевинъ находитъ недостаточною тамошнюю охрану въ 50 человѣкъ и распоряжается о присылкѣ новыхъ 30 агентовъ, «какъ было въ прошломъ году»¹⁾.

Второй документъ—телеграмма Александра III отъ 4 іюля 1886 г. по поводу случайнаго взрыва гранаты въ Петербургѣ, за которымъ въ первый моментъ мерещилась попытка неудачнаго покушенія террористовъ.

«Желалъ бы имѣть подробное донесеніе о несчастномъ взрывѣ бомбы на Пескахъ; были ли раненые кромѣ убитыхъ 15 человѣкъ? Откуда была доставлена бомба и какой конструкціи, новой или старой, что можно сдѣлать для семейства убитыхъ и кто они?

Александръ».

Ред.

¹⁾ Тамъ же, стр. 72, 73.

Мелочи прошлаго.

Эпитафія Александрѣ III¹⁾.

Десять лѣтъ онъ Русью правилъ
 Безъ законовъ и безъ правилъ,
 Точно Грозный или Павелъ;
 Милліардъ долговъ прибавилъ,
 Въ Петербургѣ «Крестъ» поставилъ,
 Трепетать всю Русь заставилъ,
 Руси «нечечко» оставилъ
 И себя лишь тѣмъ прославилъ,
 Что Европу обезславилъ,
 А Россію обезглавилъ,
 Бывши ихъ главой.

¹⁾ Летучіе листки, изд. фонд. вольн. русск. прессы въ Лондонѣ
 подъ ред. Ф. Волховскаго. Листокъ 18-й, 29 марта 1895 г.

Пропущенная строфа.

Въ № 12 «Гол. Минувшаго» за 1913 г. была помѣщена поэма
 Альфреда де-Виньи «Ванла». По цензурнымъ условіямъ редакція
 была вынуждена тогда пропустить одну (17-ую) строфу стихо-
 творенія, которую мы возстановливаемъ теперь.

Въ поэмѣ, посвященной памяти декабристовъ, А. де-Виньи
 говоритъ о великомъ поединкѣ между народомъ и царемъ,—
 поединкѣ, начатомъ еще Петромъ. Рисуя картину затаеннаго
 ожиданія предъ встрѣчею двухъ борцовъ, поэтъ говоритъ:

«Вверху монархъ слѣдитъ съ недремлющимъ лицомъ,
 Внизу народъ молчитъ, тая живыя рѣчи,
 Какъ два титана, жаждующіе встрѣчи».

Къ этимъ словамъ поэмы и примыкаетъ непосредственно воз-
 становляемая нами строфа.

17.

Народъ безмолствуетъ; и подымая взоръ
 Къ престолу, гдѣ цари караютъ всѣхъ возставшихъ,
 Въ злобѣщей тишинѣ готовитъ свой топоръ
 И ждетъ, что день придетъ отмстить за братьевъ
 павшихъ;

А тамъ, въ рукахъ царя, отточенъ и остеръ
 Блеститъ топоръ, которымъ Петръ Великій
 Казнилъ бояръ, не внемлющихъ владыкъ.

Изъ переписки московскихъ славянофиловъ.

А. И. Кошелевъ и И. С. Аксаковъ.

Въ различныхъ изданіяхъ напечатано уже не мало тѣхъ писемъ, которыми обмѣнивались между собою члены московскаго славянофильскаго кружка въ 40, 50 и 60-хъ годахъ минувшаго столѣтія. Все же многіе пробѣлы въ этой много знаменательной для исторіи русской культуры перепискѣ до сихъ поръ остаются еще незаполненными въ печати. Серія писемъ Кошелева къ И. С. Аксакову, печатаніе которой начинается въ настоящей книгѣ «Голоса Минувшаго»¹⁾, какъ разъ, заполняетъ одинъ изъ такихъ важныхъ пробѣловъ. Эта серія обнимаетъ продолжительный періодъ времени. Мы разобъемъ ее на три отдѣла: 1) письма за время Крымской кампаніи, 2) письма за время подготовки крестьянской реформы 1861 г. и 3) письма за послѣдующіе годы царствованія Александра II.

Первый отдѣлъ, помѣщаемый въ настоящей книгѣ, долженъ привлечь къ себѣ пристальное вниманіе всѣхъ интересующихся исторіей нашей общественности. Здѣсь съ чрезвычайной яркостью отпечатлѣлись переломы въ общественныхъ настроеніяхъ, пережитые передовыми элементами русскаго общества подъ вліяніемъ событій Крымской кампаніи и переменъ царствованія. Первые письма печатаемой серіи относятся, можно сказать, къ кануну Крымской кампаніи. Шель 1853 г. не появлялось никакихъ проблесковъ чего-либо похожаго на просвѣтъ въ унылыхъ сѣрыхъ сумеркахъ, окутавшихъ всю внутреннюю жизнь Россіи за долгое время царствованія Николая Павловича. Напротивъ того: казалось, что эти сумерки еще болѣе сгущаются, и гнетъ мертвящей реакціи даетъ себя чувствовать на каждомъ шагѣ все осязательнѣе, принимая характеръ все болѣе безмадежной безысходности. Кружокъ московскихъ славянофиловъ только что на себѣ испыталъ всю тяжесть господствующаго политическаго курса. Кошелевъ и Иванъ Аксаковъ предприняли попытку возобновить славянофильскіе «Московскіе Сборники», начало которымъ было положено еще въ 40-хъ годахъ. Эта-то попытка и показала имъ

¹⁾ Письма получены редакціей отъ О. Сивковой.

съ полной неопровержимостью, что при наличныхъ условіяхъ славянофиламъ такъ же, какъ и всѣмъ прочимъ представителямъ независимой общественной мысли, заказаны всѣ пути къ проявленію своихъ идейныхъ стремленій. «Оставь надежду навсегда» — вотъ что осталось имъ, казалось, начертать на обломкахъ бывшихъ надеждъ на литературно-политическую дѣятельность. Не только «Московскій Сборникъ» пришлось признать похороненнымъ усердіемъ цензурныхъ гробокопателей еще прежде, чѣмъ онъ появился на свѣтъ, но въ связи съ этимъ и на будущее время на уста видныхъ московскихъ славянофиловъ была наложена печать молчанія, ибо литературная дѣятельность была обставлена для нихъ впрямь сугубыми цензурными затрудненіями. Печатаемая серія писемъ и открывалась обмѣномъ мнѣній, вызваннымъ этой катастрофой, постигшей славянофиловъ. Что же оставалось дѣлать въ этомъ заколдованномъ кругѣ летаргическаго прозябанія, въ которомъ всякое свободное общее дѣйствіе становилось невозможнымъ, въ которомъ каждый человѣкъ оказывался не болѣе, какъ «отдѣльнымъ посѣтителемъ жизни»? Славянофилы уходять въ сельское хозяйство и на холодныя высоты отвлеченной богословской догматики. Разсужденія о молитвѣ, о воздаяніи за грѣхи, цѣлыя эпистолярныя диссертации о проповѣдяхъ швейцарскаго богослова Винэ наполняютъ переписку членовъ славянофильскаго кружка. Конечно, всѣ эти вопросы имѣли для нихъ самодовлѣющую цѣнность, входили существеннѣйшею частью въ теоретическую область ихъ міросозерцанія. Но все же, обратите вниманіе на то, какъ быстро заслоняются въ письмахъ Кошелева вопросы о взглядахъ и разсужденіяхъ Винэ совершенно иными, чисто жизненными сюжетами, лишь только съ открытіемъ Крымской войны надъ страной пронеслось, словно электрическая искра, сознаніе «начала конца» Николаевского режима! Этотъ режимъ еще стоялъ во всей силѣ. Его руководители и вдохновители и не помышляли еще о сдѣлѣ своихъ позицій. А бессознательное, непроизвольное чувство однихъ, совершенно такъ же, какъ и сознательно-отчетливая мысль другихъ, уже предугадывали, что старый Николаевскій режимъ не переживетъ этой войны и обнаружитъ всю свою непригодность, все свое безсиліе въ дѣлѣ, требующемъ свободнаго и высокаго подъема сознательной гражданственности, которая этимъ самымъ режимомъ какъ разъ начисто отменялась, какъ нѣчто преступное и недопустимое. Какъ иллюстрація этого перелома въ общественномъ настроеніи, этой смѣны безнадёжной апатіи приливомъ дѣйственной гражданственности подѣ въліяніемъ событій войны, — заслуживаетъ особаго вниманія письмо Кошелева отъ 25 мая 1855 г. «И теперь заниматься хозяй-

ствомъ, читать богословскія книги!»—воскликаетъ въ этомъ письмѣ Кошелевъ и тотчасъ же заявляетъ, что это сверхъ его силъ въ виду развертывающихся и назрѣвающихъ событій. Въ этомъ же письмѣ Кошелевъ опредѣленно подчеркиваетъ ту мысль, что для успѣшности выступленій на поприщѣ международной политики Россія прежде всего должна отрѣшиться отъ пути своего стараго внутренняго режима, ибо только страна, имѣющая возможность свободно расправить крылья народныхъ силъ, можетъ противостоять въ полной мѣрѣ натиску внѣшнихъ враговъ. Нельзя въ одно и то же время и призывать народъ къ подвигамъ на бранномъ полѣ и закрывать свободный выходъ подлиннымъ народнымъ и общественнымъ чувствамъ, какъ это было, напримеръ, по отношенію къ Хомякову по поводу написаннаго имъ стихотворенія «Къ Россіи»; нельзя начинать великую войну за освобожденіе единовѣрцевъ «подъ сѣнью изобрѣтеннаго Меттернихомъ консерваторства»—такова основная мысль писемъ Кошелева отъ этой поры. Насколько въ этомъ случаѣ мысли Кошелева, какъ и вообще всѣхъ представителей тогдашняго прогрессивнаго общества, расходились съ воззрѣніями императора и его правительства, это достаточно общеизвѣстно. Въ видѣ иллюстраціи приведемъ лишь цитату изъ одного письма императора Николая Павловича, недавно опубликованнаго въ трудѣ г. Заіончковскаго «Восточная война» и относящагося какъ разъ къ тому времени, когда писались и письма Кошелева. «Нельзя освобождать единовѣрцевъ подъ знакомъ меттерниховскаго консерваторства»—писалъ Кошелевъ, а Николай Павловичъ въ это же время заявлялъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, что различныя народныя организаціи, возникающія на Балканскомъ полуостровѣ, отталкиваютъ его отъ себя тѣмъ, что «отъ нихъ пахнетъ революціонной вонью».

Письма Кошелева отъ этой поры заключаютъ въ себѣ рядъ интересныхъ отголосковъ того оппозиціоннаго общественнаго настроенія, которое развивалось тогда подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ военно-политическихъ событій и въ которомъ уже обозначались зародыши обновленнаго движенія конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ минувшаго вѣка.

А. Кизеветтеръ.

20 марта 1853 года.

Москва.

Извините, дрожайшій Иванъ Сергѣевичъ, что не отвѣчалъ на ваши письма, и что даже сегодня не буду на нихъ отвѣчать, какъ слѣдуетъ: все это время былъ занятъ разными дѣлами, хотя глупыми, но тѣмъ не менѣе необходимыми. Вы теперь уже знаете, что Сборникъ запрещенъ, и что приказано обязать подписками

Хомякова, Кирѣвскаго, Черкаскаго, братьевъ Аксаковыхъ въ томъ, чтобъ они свои сочиненія представляли въ Цензуру не въ мѣстные Комитеты, но въ Глав. Ценз. Ком. въ Питерѣ ¹⁾. Хомяковъ, Кирѣевъ и Черкас. уже обязаны подписками Об. Пол. Лужинымъ. Если вы не желаете, чтобы васъ обязывали подписками черезъ Становаго, то прїѣзжайте съ братомъ сюда, и вы здѣсь дадите подписки; а если вамъ это все равно, то ожидайте подписку въ деревнѣ. Меня ²⁾, Соловьева ³⁾, вашего батюшку и Шеппинга ⁴⁾ исключили изъ этой Кампаніи. Я за себя радъ потому

¹⁾ Рѣчь идетъ о катастрофѣ, постигшей московскихъ славянофиловъ въ началѣ 1853 г. въ связи съ запрещеніемъ славянофильскаго изданія «Московский Литературный и Ученый Сборникъ». Еще въ 1846 и 1847 гг. вышли въ свѣтъ два тома этого «Сборника», изданные Валуевымъ и Аксаковымъ. Въ 1852 г. Кошелевъ предложилъ И. С. Аксакову, незадолго передъ тѣмъ вышедшему въ отставку и не имѣвшему опредѣленныхъ занятій, возобновить изданіе «Московского Сборника». Расходы по изданію Кошелевъ взялъ на свой счетъ. 21 апрѣля 1852 г. И. С. Аксаковъ выпустилъ первый томъ возобновленнаго «Сборника». Наиболѣе замѣчательными статьями этого тома были статья Ив. Кирѣвскаго «О характерѣ просвѣщенія Европы и о его отношеніи къ просвѣщенію Россіи», статья Конст. Аксакова о древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у Русскихъ въ особенности, статья о Гоголѣ и стихотворенія Хомякова «Мы родъ избранный...» и Ив. Аксакова—отрывки изъ поэмы «Бродяга». Министръ народнаго просвѣщенія Ширинскій-Шахматовъ представилъ государю подробный разборъ всѣхъ статей Сборника, признавъ подобныя изданія въ высшей степени опасными и требующими самага бдительнаго цензурнаго надзора. Цензору, пропустившему Сборникъ, кн. Львову, былъ сдѣланъ строгій выговоръ. Въ юлѣ 1852 г. императоръ Николай I, по докладу московскаго генерала-губернатора гр. Закревскаго, предписалъ установить строжайшій личный надзоръ за московскими славянофилами и вмѣнить цензурѣ въ обязанность относиться съ особеннымъ вниманіемъ ко всѣмъ ихъ сочиненіямъ. Еще не зная объ этомъ, Ив. Аксаковъ 1 августа 1852 г. представилъ въ Цензурный Комитетъ второй томъ Сборника. Тамъ были—статья Хомякова о статьѣ Ив. Кирѣвскаго, помѣщенной въ I томѣ Сборника, статья К. Аксакова о богатыряхъ временъ Владиміра по русскимъ пѣснямъ, статьи И. Аксакова о общественной жизни въ губернскихъ городахъ, о ремесленномъ устройствѣ, о фабричныхъ работахъ, объ одномъ мірскомъ приговорѣ; ст. кн. Черкаскаго о подвижности населенія. Попечитель московскаго учебнаго округа Назимовъ представилъ Ширинскому-Шахматову донесеніе о неблагонадежности всѣхъ этихъ статей и, въ особенности, статьи К. Аксакова о русскихъ богатыряхъ. Рукопись была затребована въ III Отдѣленіе и 23 января 1853 г. Дубельтъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія о своемъ рѣшеніи запретить II томъ «Московского Сборника» и прекратить совершенно дальнѣйшее его изданіе. Ив. Аксакова лишить права редактировать какія-либо изданія. Ив. и Конст. Аксаковымъ, Хомякову, Кирѣвскому и кн. Черкасскому воспретить даже представлять къ напечатанію свои сочиненія, и всѣхъ поименованныхъ выше лицъ подвергнуть явному полицейскому надзору. 27 февраля 1853 г. кн. А. Ѳ. Орловъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, что поименованные выше лица могутъ представлять въ цензуру свои сочиненія, но не иначе, какъ непосредственно въ Главное Управление Цензуры.

²⁾ Въ I томѣ «Московского Сборника» 1852 г. была статья Кошелева: «Поездка русскаго землевладѣльца въ Англію на всемірную выставку».

³⁾ С. М. Соловьевъ помѣстилъ въ I томѣ Сборника статью «Псковъ и Ливонія».

⁴⁾ Баронъ Дмитрій Оттовичъ Шеппингъ былъ авторомъ многихъ работъ по мифологіи и этнографіи. Во II томѣ Сборника должны были появиться примѣчанія К. Аксакова на его статью «Нупала и Коляда».

что часто пишу статьи, которые имѣютъ интересъ только временной—объ жатвен. машинахъ, о сѣнокошѣ и проч. а посылать ихъ въ Глав. Ценз. Комитетъ значить просто не писать.

Я вздумалъ съѣздить въ Питеръ. Отправляюсь въ Четвергъ 26-го. Мнѣ тамъ нужно похлопотать по дѣламъ моихъ винокур. заводовъ...

Объ Турціи нѣтъ ничего новаго или рѣшительнаго. Одни говорятъ что все уляжется; а другіе—что всѣ флоты двинулись къ Царьграду. Время покажетъ кто правъ ¹⁾).

На счетъ предложенія моего объ имѣніяхъ, то одно изъ (нихъ) уже сплыло. Кн. Род. Оболенскій за него ухватился, и даетъ такую цѣну, которую я не посовѣтовалъ бы дать. Другое предложеніе состоитъ въ покупкѣ 360 душъ при 5 т. дес. земли въ Сердоб. уѣздѣ за 100 т. руб. сер.—Ето имѣніе досталось двоимъ наслѣдникамъ, которые между собою поссорились, а у одного можно купить, и другой продастъ какъ только возмется за ето дѣло человекъ знающій и не бабьеватый.—Но етотъ наслѣдникъ уѣхалъ изъ Москвы; а потому если вы хотите, то я могу къ нему написать. Можно дѣло такъ устроить что черезъ нѣсколько лѣтъ крестьяне откупятся, а земля останется у покупщика въ другой половинѣ цѣны.

Извините что пишу и дурно и глупо: уже 1-й часъ, отъ меня только уѣхали Самаринъ и Свербѣевъ, я просто сидя засыпаю, всѣ умствен. ящики закрыты и перо чертитъ само безъ моего сознанія.

Прощайте, обнимаю васъ. Если вздумаете пріѣхать, то пріѣзжайте скорѣе, ибо въ четвергъ въ 11 часовъ я ѣду въ Питеръ.

Прощайте. Усерднѣйшій поклонъ всѣмъ вашимъ...

11 мая 1853 года.

Возвратился я изъ деревни, дрожайшій Иванъ Сергѣевичъ. Опять я въ Москвѣ и опять цѣжу время сквозъ рѣшето. Стараюсь заниматься, но то одно, то другое заставляеть меня покидать занятія, и вопреки желанію тратить время по пустякамъ.—Кромѣ

¹⁾ Въ мартѣ 1853 г., когда Кошелевъ писалъ эти строки, «споръ о святыхъ мѣстахъ», послужившій ближайшимъ поводомъ къ началу восточной войны, вступалъ въ критическій фазисъ своего развитія. Въ срединѣ февраля 1853 г. въ Константинополь прибылъ князь Меншиковъ въ качествѣ чрезвычайнаго посла Императора Николая I съ ультимативнымъ предложеніемъ Портѣ относительно «Святыхъ мѣстъ». Князь Меншиковъ началъ выполненіе своей миссіи съ очень рѣзкихъ, вызывающихъ дѣйствій, но какъ разъ къ двадцатымъ числамъ марта переговоры какъ будто начали нѣсколько налаживаться. Это временное улучшеніе положенія рѣзко рушилось уже въ апрѣлѣ и привело въ началѣ мая къ разрыву переговоровъ и демонстративному отъѣзду кн. Меншикова изъ Константинополя.

Discours и Nouveaux discours, прочелъ я Etudes évangéliques, и теперь читаю Nouvelles études. Мое уваженіе къ Vinet растетъ и крѣпнеть ¹⁾. Эти книги производятъ на меня весьма сильное дѣйствіе.—Вотъ одно дѣльное мое занятіе а все прочее—пустяки.

Вчера участвовалъ я въ обѣдѣ, который давали въ честь Щепкина по случаю его отъѣзда за границу. Обѣдъ былъ очень живъ, благопріостенъ, и поѣхавши туда почти противъ воли, возвратился съ весьма пріятнымъ чувствомъ. За обѣдомъ я сидѣлъ между Хомяковымъ и П. В. Кирѣевскимъ. Обѣдъ состоялъ преимущественно изъ малороссійскихъ блюдъ. Первую рѣчь сказалъ Погодинъ; онъ говорилъ не глупо, но съ разными неловкостями. Шевыревъ сказалъ стихи имъ сочиненные—въ нихъ было чувство и умѣстность, а прогос (сдѣлайте-ка существ. изъ слова *кстати*). Потомъ славно прочелъ свои стихи Бергъ. Они были и коротки и хороши. Грановскій сказалъ нѣсколько словъ весьма симпатичныхъ. Щепкинъ отвѣчалъ прекрасно: онъ говорилъ довольно долго, съ глубокимъ чувствомъ, и нѣсколько разъ прерывали его рукоплесканіями. И Константинъ Сергѣевичъ расцѣловалъ бы его за то мѣсто, гдѣ онъ сказалъ: я всѣмъ обязанъ Москвѣ; она меня на ноги поставила; она доставила все то, чѣмъ я заслужилъ торжество сегодншняго дня, который въ 48 лѣтъ сценической дѣятельности я считаю вѣнцомъ моихъ торжествъ и пр. пр.—Послѣ обѣда онъ прочелъ 3-ю главу изъ Мертв. Душъ—именно барина Пѣтуха съ его колюбякою. Онъ прочелъ отлично. За нимъ Садовскій прочелъ генерала Бетрищева—такъ, съ грѣхомъ пополамъ (что самъ чувствовалъ и два раза хотѣлъ прекратить чтеніе).—Пили за здравіе многихъ: Остров., Садов., Погодина, Шевырева и всѣхъ вообще.—Объ Гоголѣ всѣ вспоминали и въ рѣчахъ и въ разговорахъ. Обѣдъ происходилъ на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ два года тому назадъ Гоголь, именинникъ угощалъ своихъ друзей

¹⁾ Винз—историкъ литературы и богословъ, швейцарецъ, профессоръ въ Базелѣ и Лозаннѣ. Среди его историко-литературныхъ трудовъ наиболѣе крупными были «Исторія французской литературы въ XVIII ст.», «Этюды по французской литературѣ XIX ст.», «Моралисты XVI и XVII вв.» и «Поэты вѣка Людовика XIV». Уже съ конца 20-хъ годовъ XIX вѣка Винз выступалъ въ литературѣ въ качествѣ плодовитаго писателя по богословскимъ вопросамъ. Въ 1826 году вышло его сочиненіе «Мемуаръ о свободѣ вѣровданій», въ 1842 г.—«Объ отдѣленіи церкви отъ государства». Въ 30 и 40-хъ годахъ появились тѣ труды, о которыхъ упоминаетъ Кошелевъ: «Discours sur quelques sujets religieux»; «Nouveaux discours sur quelques sujets religieux», «Etudes évangéliques» и «Nouvelles études». Винз выступалъ сторонникомъ свободной церкви, независимой отъ государства. Въ 1845 г. онъ явился однимъ изъ вождей движенія, приведшаго къ основанію независимой церкви: Eglise libre évangélique. Ср. переписку о Винз между Кошелевымъ и Ив. Кирѣевскимъ въ приложеніяхъ къ II тому «Биографіи А. И. Кошелева» Колупанова.

и пріятелей.—Вообще обѣдъ былъ очень радушенъ, живъ и ничѣмъ никого неоскорбилъ ¹⁾).

Наканунѣ этого дня т.-е. 9-го всѣ наши друзія и старыя пріятели утѣшили меня пріѣхавши къ намъ обѣдать, и дружескою бесѣдою оживили 47 лѣтняго новорожденнаго. Мнѣ лѣтъ десять не случалось въ Николинъ день быть въ Москвѣ. Славно провели мы этотъ день, и какъ будто всѣ связи оживились. Очень мнѣ было жаль, что васъ и брата вашего не было въ Москвѣ, и что только въ памяти мы васъ присоединили къ нашему общему дружескому празднику.

Поздравляю Конст. Сергѣевича съ будущимъ его днемъ ангела. Пріѣхалъ бы, но не могу, ибо у сына идутъ теперь экзамены, и отлучиться никакъ не рѣшусь.

Прощайте. Не пріѣдете ли въ Москву? Кирѣевскій васъ ждетъ съ большимъ нетерпѣніемъ, ибо его дѣло поступило въ Сенатъ. Мое почтеніе вашему Батюшкѣ и Матушкѣ и сестрѣ. Поклонъ всѣмъ вашимъ. Душевно вамъ преданный...

8-го августа 1853 года.
с. Песочня.

Весьма благодаренъ вамъ, дрожайшій Иванъ Сергѣевичъ, за сообщеніе Хомяковскаго письма. Оно чудо какъ хорошо, и я съ нимъ вполнѣ согласенъ, и думаю, что и Кирѣевскій его под-

¹⁾ 10 мая 1853 г. въ саду дома Погодина на Дѣвичьемъ полѣ былъ устроенъ обѣдъ въ честь артиста М. С. Щепкина по случаю отъѣзда Щепкина въ заграничное путешествіе. Описаніе этого обѣда было напечатано въ «Москвитянинѣ» (1853 г. май, кн. 2). Погодинъ началъ свою рѣчь съ воспоминаній о Гоголѣ, указавъ на вліяніе Гоголя и Щепкина другъ на друга въ ихъ творческой дѣятельности и закончилъ проведеніемъ параллели между творческимъ сотрудничествомъ Гоголя и Щепкина и таковымъ же сотрудничествомъ Островскаго и Садовскаго. Не въ этой ли параллели Кошелевъ усмотрѣлъ «неловкость»? Шевыревъ въ своихъ стихахъ называлъ Щепкина «жрецомъ красоты и правды», припомнилъ всѣхъ главнѣйшихъ драматурговъ, въ пьесахъ которыхъ выступалъ Щепкинъ, и выразилъ ту мысль, что щепкинскій сценическій смѣхъ никого не обижаетъ, потому что за этимъ смѣхомъ чувствуется любовь къ людямъ:

«Ты любишь насъ, смѣясь надъ нами».

Бергъ тоже началъ съ воспоминанія о Гоголѣ и кончилъ призывомъ выпить за «великаго актера», который «живыхъ его твореній типы намъ передаетъ». Грановскій, воздавъ должное дарованію Щепкина и отмѣтивъ, что благодаря этому дарованію Щепкинъ объединяетъ «всѣ приходы нашей Москвы», затѣмъ провелъ ту мысль, что русскій человѣкъ, будучи надѣленъ богатыми дарованіями, страдаетъ недостаткомъ терпѣнія въ груди, выдержки, умственного упорства и въ этомъ отношеніи Щепкинъ можетъ служить высокимъ образцомъ, трудясь на поприщѣ искусства съ неослабнымъ усердіемъ.

Щепкинъ въ отвѣтной рѣчи говорилъ о томъ избранномъ кругѣ московскихъ литераторовъ, артистовъ и ученыхъ, который принялъ его въ свою среду и въ которомъ онъ вращался въ теченіе тридцати лѣтъ. Вліянію этого круга Щепкинъ приписалъ успѣхи своего эстетическаго развитія, лично на свой счетъ отнесъ лишь способность къ добросовѣстному труду.

пишетъ. Въ письмѣ А. С. есть мѣста восхитительныя по своей простотѣ и глубокости; весьма, весьма вамъ спасибо, что вы написали такое письмо, которое его задѣло заживо и заставило написать славный, чудный отвѣтъ. Очень было бы желательно чтобъ И. В. Кирѣевскій также вамъ отвѣчалъ. Въ замѣчаніи, имъ сдѣланномъ, содержится ключъ къ разрѣшенію труднаго вопроса вами возбужденнаго. Хомяковъ прекрасно освѣтилъ разныя стороны этого вопроса; но до корня вопроса онъ едва коснулся въ словахъ своихъ о молитвѣ. Кирѣевскій указалъ на самый корень разрѣшенія, и весьма было бы желательно чтобъ онъ намъ его если не оголилъ, то покрайней мѣрѣ нѣсколько по опредѣлительнѣе его выказалъ. Я пишу сегодня же къ Кирѣевскому и прошу его не полѣниться взять перо въ руки, и намъ высказать свое чувство по етому вопросу. Вы сообщите ему въ копійхъ и свое и Хомяковское письмо. Не присвоивая себѣ ни глубокости ума Хомякова, ни глубокости чувства Кирѣевского, хочу однако вамъ также отвѣчать и уяснить насколько буду въ состояніи одну сторону вопроса. Но прежде Октября етого сдѣлать немогу ¹⁾. У меня все время теперь занято отдѣлкою церкви и приготовленіями къ освѣщенію, которое должно быть 15 и 16-го Августа. Потомъ чрезъ Дект. Борки ѣду въ Москву, гдѣ разполагаю быть 21 или 22-го Августа. Пробуду въ Москвѣ до 10 Сентября; потомъ въ Рязань на торги, въ Лебедянь на сѣздъ, къ сестрѣ Свѣчиной, которой я не видалъ 3 года и только къ самымъ послѣднимъ числамъ Сентября возвращусь въ Песочню.

Я получилъ очень милое письмо отъ Самарина. Когда увидите

¹⁾ Богословскія произведенія Винэ усердно читались и обсуждались въ кружкѣ славянофиловъ. Обсужденію одного изъ вопросовъ, поднятыхъ швейцарскимъ богословомъ, была посвящена и вся та переписка, о которой здѣсь говорить Кошелевъ. 21 іюня 1853 г. Иванъ Аксаковъ написалъ Хомякову изъ Песочни, гдѣ онъ гостилъ у Кошелева, обширное письмо, посвященное разбору статьи Винэ «Les ténégues des chercheurs». Письмо это напечатано въ приложеніи (№ 11) ко II тому «Біографіи Кошелева», написанной Коллюпановымъ. Винэ проводилъ въ означенной статьѣ ту мысль, что несчастія, постигающія людей, представляютъ собою кару, ниспосылаемую людямъ Божествомъ въ наказаніе за ихъ грѣхи. Противъ этой идеи возставалъ Иванъ Аксаковъ, доказывая, что человѣческія несчастія являются не Божьимъ наказаніемъ, а простымъ логическимъ послѣдствіемъ допущеннаго людьми нарушенія того правильнаго и законченнаго міропорядка, который установленъ Божествомъ и который искажается человѣческими прегрѣшеніями. На это-то письмо и отвѣчалъ Хомяковъ тѣмъ письмомъ, въ которомъ Кошелевъ отзывается здѣсь съ такимъ восторгомъ. Отвѣтъ Хомякова Ивану Аксакову напечатанъ во II томѣ сочиненій Хомякова, тамъ же помѣщено письмо Хомякова къ Константину Аксакову по тому же вопросу, написанное въ отвѣтъ на письменное обращеніе Константина Аксакова къ Хомякову (напечатано въ приложеніи № 12 ко II тому Біографіи Кошелева). Получилъ по этому вопросу письмо отъ Хомякова и Кошелевъ (напечатано въ Русскомъ Архивѣ, 1897 г., III, 282—284 стр.), который и самъ писалъ о томъ къ Хомякову (приложеніе № 13 ко II тому Біографіи Кошелева).

его, то спросите у него исторію моихъ сомовъ и его дрофъ. Онъ рассказывалъ уморительно.—Нѣтъ, Иванъ Сергѣевичъ, Самаринъ будетъ ¹⁾ Въ немъ въ этомъ отношеніи (не говорю о прочихъ), какъ говорятъ Французы beaucoup d'étoffe. Онъ хорошо очень вникаетъ въ корень cadaго дѣла, и никакъ не останавливается на поверхности и не уклоняется въ сторону, какъ то дѣлаетъ одинъ нашъ другъ—великій впрочемъ и ²⁾ по части идеальной.

9-го августа 1853 г.

Сейчасъ получилъ ваши отвѣты на оба мои письма. За одинъ душевно васъ благодарю, и сохраню на всегда какъ памятникъ вашей дружбы; а на второй хотѣлось бы много отвѣчать. Чувствую всю истинну вашихъ словъ въ субъективномъ (т.-е. относительно собственно васъ) смыслѣ, но не мѣшало бы нѣсколько спокойно разсмотрѣть самый етотъ субъективный взглядъ. Конечно другому трудно судить о такихъ чисто личныхъ, задушевныхъ вещахъ; но какъ всѣ мы люди, всѣ должны имѣть одну цѣль, хотя наши пути, дарованія и обстоятельства всема различны, то должны же мы, по достиженіи зрѣлаго возраста, спросить себя: настоящимъ ли путемъ я иду? Разрабатываю ли я тѣ дарованія, которыя Богъ мнѣ далъ? Извлекаю ли я изъ обстоятельствъ все, что они мнѣ представляютъ? Я вижу цѣль, вѣрую въ единое средство къ достиженію оной; но проникнуты ли етою цѣлью дѣйствія мои? Средства мною употребляемыя находятся ли въ связи съ тѣмъ единымъ средствомъ, преподаннымъ человѣчеству? При внимательномъ самоосмотрѣніи мы всѣ даже нѣсколько вѣрующіе должны быть поражены темнотою, покрывающею всю внутренность нашей храмины, въ которой лишь тлѣтся въ уголкѣ лампадка. Наши мнѣнія, наши чувства, наши дѣла такъ отзываются язычествомъ, что словно Христосъ еще не являлся на землѣ.—Понимаю, совершенно понимаю вашу жажду къ дѣятельности видимой, осязательной, приносящей плоды положительныя и отражающейся одобрительно въ душахъ братій; но что же дѣлать? Лбомъ стѣны не прошибешь. Хотѣлось бы мнѣ быть Перв. Министромъ и пр. пр. но не то намъ суждено. Пусть каждый въ своемъ уголкѣ дѣлаетъ все, что можетъ. Потребность обширнаго круга дѣйствія и воздѣйствія отъ людей есть потребность если не чисто языческая, но по крайней мѣрѣ, поверхностно-христіанская.

Извините, увлекся черезъ чуръ. Того и гляди вы скажите—

¹⁾ Слово, неразборчиво написанное.

²⁾ То же.

видно онъ зачитался св. отцовъ. Нѣтъ все лѣто не разкрывали ни одной изъ ихъ книгъ.

Хомяковское письмо къ вамъ возвращено женою по прошедшей почтѣ...

Прощайте. Поклонитесь всѣмъ своимъ.

Душевно преданный.....

1 сентября 1853 года.
Москва.

Письмо ваше, дрожайшій Иванъ Сергѣевичъ, я получилъ. Нимало не считаю съумасбродствомъ или экцентричностью мысль, желаніе ваше совершить кругосвѣтное путешествіе: Весьма желаю чтобъ вамъ это удалось. Не будь у меня семьи, будь я 20 годами помоложе, я счелъ бы за счастье объѣхать вокругъ свѣта. Изъ всего, что теперь можетъ вамъ представиться, по моему, это лучшее для васъ потребленіе времени. А потому да поможетъ вамъ Господь въ етомъ дѣлѣ.

Сочувствуя вполне вашему желанію совершить это путешествіе, я не могу однако не сказать вамъ, что два ожиданія едва ли исполнятся. Вы надѣетесь имѣть пловучій кабинетъ, въ которомъ вамъ будетъ не душно и просторно; и думаете на кораблѣ наслаждаться уединеніемъ. Вы не найдете ни того, ни другаго. Вамъ дадутъ каюту, очень тѣсную и душную; и моряки будутъ васъ навѣщать и рано и поздно, и на кораблѣ будетъ несравненно менѣе уединенія, чѣмъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Но вы увидите много разныхъ земель и городовъ; вы насладитесь (послѣ болѣзни) видомъ моря, который по моему ни съ чѣмъ сравниться не можетъ; и сверхъ того вы потребите излишнюю молодость не въ однообразіи Тифлиса или чего нибудь подобнаго, не въ скукѣ очистки номеровъ, а въ узнаніи разнообразнаго Божьяго міра и въ упоеніи его красотою. Очень, очень желаю чтобъ это дѣло вамъ удалось.

Мы теперь въ Москвѣ. Ваня началъ слушать лекціи. Пробывши еще недѣлю, думаю ѣхать въ Песочню на два мѣсяца, гдѣ намѣренъ крѣпко заняться, и искупить свое лѣтнее малодѣліе нѣсколько пристальными занятіями, особенно изученіемъ Церковной Исторіи за первые три вѣка Христіанства. Собираюсь еще написать къ Кирѣевскому письмо объ одномъ очень важномъ предметѣ.

Самаринъ здѣсь; мы часто съ нимъ видѣлись; онъ ѣдетъ сегодня въ деревню.—Прощайте, дрожайшій Иванъ Сергѣевичъ, пишите о своихъ надеждахъ и успѣхахъ. Я принимаю въ нихъ живѣйшее участіе, въ чемъ надѣюсь вы не сомнѣваетесь. Еще разъ прощайте.

Душевно преданный...

8 сентября 1853 года.
Москва.

Письмо ваше отъ 5 Сентября меня застало въ Москвѣ; и спѣшу вамъ отвѣчать, дрожайшій Иванъ Сергѣевичъ. Весьма вамъ благодаренъ за ваше письмо, но позвольте васъ побранить. Что вы написали къ Ор. ето очень хорошо—кромѣ пользы изъ етаго ничего вытти не можетъ; но вы вѣрно объ етомъ говорили въ Питерѣ и писали и къ своимъ и ко мнѣ по почтѣ. Вообще надобно принять за правило дѣлать, что должно, а говорить объ етомъ еще можно меньше. Извѣстно что слова обездоливаютъ дѣла; ето вѣрно вездѣ, а у насъ вѣрнѣе чѣмъ гдѣ либо. Стоитъ о чемъ нибудь поговорить мнѣ, и етому небывать. На счетъ же почты должны знать что скорѣе можно много напечатать, чѣмъ въ письмѣ написать. Печатаая вы высказываете всю свою мысль; а слѣд. вамъ нечего бояться. Въ письмахъ сообщаемъ свои мысли и чувства кратко такъ сказать полу-словами; а потому очень легко могутъ дать имъ кривой смыслъ, и изъ невиннаго мнѣнія или слова, могутъ вывести Богъ вѣсть что. Къ тому же люди читающіе письма по почтѣ не всѣ люди благонамѣренные. Иной прочитавъ много писемъ и не найдя въ нихъ ничего, а между тѣмъ нужно итти къ начальнику или отослать къ нему выписку, радъ схватить какіе нибудь не ясныя слова и дать имъ подозрительный смыслъ. Такимъ образомъ многіе совершенно невинно попадаютъ въ люди подозрительные, хотя быть можетъ они гораздо честнѣе, православнѣе и преданнѣе Государству, чѣмъ сами читающіе наши письма. Впрочемъ оставимте въ покоѣ етихъ незваныхъ читателей нашихъ писемъ.

Очень, очень жалко что, быть можетъ, мы съ вами долго не увидимся; но мнѣ сдается, что вы не поѣдите, потому что дѣло пошло въ оттяжку, и что объ етомъ было много говорено и толковано. Завтра я уѣзжаю и возвращусь въ Ноябрь. Думаю видѣться съ Хомяковымъ и Самаринымъ въ Лебедяни, на съѣздѣ Сельскихъ Хозяевъ ¹⁾.

¹⁾ Съѣзды сельскихъ хозяевъ въ Лебедяни возникли въ связи съ учрежденіемъ въ 1847 г. Лебедянского Общества сельскаго хозяйства. На Лебедянскую конную ярмарку давно уже съѣзжались помѣщики Тамбовской, Орловской, Тульской, Рязанской, Воронежской губерній. Въ 40-хъ годахъ они начали устраивать частныя бесѣды по вопросамъ, касающимся усовершенствованія сельскаго хозяйства. Одинъ изъ участниковъ этихъ бесѣдъ Н. П. Шишковъ (извѣстный писатель-агрономъ и позднѣе членъ редакціонныхъ комиссій) выдвинулъ мысль о превращеніи этихъ частныхъ собраній въ Лебедянское Общество Сельскаго Хозяйства, уставъ коего и былъ утвержденъ 11 апрѣля 1847 г. По этому уставу засѣданія Общества должны были происходить во время Покровской ярмарки, отъ 10 до 25 сентября. Изъ числа славянофиловъ въ составъ членовъ этого Общества вошли: Кошелевъ, Стаховичъ, Хомяковъ, Юрій Самаринъ. Кошелевъ вступилъ въ Общество съ 1850 г. и тотчасъ же внесъ предло-

Хотѣлось бы съ вами обо многомъ поговорить, но отъѣзжая имѣю много хлопотъ и сверхъ того полагаю что вы теперь такъ заняты своимъ проектомъ, что необходимо ко всему прочему холодно а потому пока прощайте изъ деревни буду къ вамъ писать черезъ Москву; а потому если будете въ Москвѣ, то получите мои письма отъ жены.

Желаю отъ души вамъ успѣха.

Душевно преданный

Перечитывая ваше письмо нужнымъ считаю сдѣлать вамъ одно замѣчаніе: вы хотите ѣхать съ Діанею на свой счетъ, но знаете ли вы какъ вамъ это дорого стоитъ? Въ портахъ все чрезвычайно дорого, и въ компаніи моряковъ нельзя быть скупымъ, да это и въ вашемъ правѣ. Жизнь ваша на кораблѣ вамъ обойдется гораздо дороже чѣмъ въ Москвѣ—неговорю въ Абрамцовѣ. Вы не хотите ни занимать, ни пользоваться доходами отцовскими съ крестьянъ—какъ же вы это согласите съ поѣздкою на Діанѣ собств. коштомъ. Я думалъ, что вы будете считаться на службѣ и получать жалованіе, а жалованіе при кругосвѣт. путешествіи очень значительно. Подумайте ка объ этомъ.—Кирѣевскій совѣтуетъ вамъ повидаться съ морякомъ Матюшкинымъ, который кругомъ свѣта ѣздилъ, и который хотя матросъ, но всегда говоритъ объ этихъ годахъ какъ о времени самага тяжкаго испытанія. Матюшкинъ—славный человѣкъ—вы можете къ нему прямо поѣхать съ поклономъ отъ Кирѣевского и Елагиной и онъ васъ вѣрно очень хорошо приметъ. Я его также знаю, но немного.

Епитетъ: *пророка* мнѣ очень нравится. Не Валаамово ли въ этомъ пророчество?

25 маія 1854 года.

С.

Пишу къ вамъ, дрожайшій Иванъ Сергѣевичъ, подъ гнетомъ самага непріятнаго чувства. Пишу именно къ Вамъ потому, что въ васъ увѣренъ найти всего болѣе сочувствія въ настоящемъ положеніи.—Давно, очень давно не посѣщало меня чувство отнимающее у человѣка всякую возможность чѣмъ либо усердно заниматься. Вы знаете какъ я работалъ эти послѣдніе годы и если мало, почти ничего не сдѣлалъ для другихъ, то въ себѣ самомъ я произвелъ цѣлую революцію. Съ помощью Божьею изъ невѣрующаго я обратился если еще не въ совершенно вѣрующаго (да кто же можетъ себя назвать и чувствовать таковымъ?), то

женіе о заведеніи при Обществѣ періодическихъ сѣздовъ сельскихъ хозяевъ. Лебедянское Общество печатало свои «Записки» и просуществовало до 1865 г., когда оно слилось съ возникшимъ въ этомъ году въ Рязани Обществомъ сельскаго хозяйства.

по крайней мѣрѣ въ человѣка пламенно желающаго вѣровать и во многое уже увѣровавшаго. Вы знаете съ какимъ жаромъ я занимался Богословіемъ и Исторіею Церкви. Вы знаете также, что хозяйствомъ я занимался если уже не соп атоге, то по крайней мѣрѣ безъ малѣйшей скуки. Теперь я рѣшительно ни чѣмъ не могу заниматься: сталкиваю текущія дѣла и читаю газеты. — Чтѣо причиною такой перемѣны? спросите вы. Слушайте мою исповѣдь. Быть можетъ что уже одинъ разсказъ нѣсколько облегчитъ меня.

Произшествія, совершающіяся въ глазахъ нашихъ, потрясли всѣхъ и cadaго. Задача подлежащая Россіи слишкомъ красна и ясна, чтобъ не одушевить cadaго Русскаго и не внушить ему пламеннаго желанія по возможности положить свою лепту въ общую Русскую сокровищницу. Я написалъ три статьи о современномъ вопросѣ, о задачѣ Россіи и средствахъ разрѣшить эту задачу въ духѣ Русскаго народа и его исторіи. Погодинъ также пишетъ нѣсколько статей. Хомяковъ и вы написали славные стихи ¹⁾. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ былъ одинъ духъ—одно чувство; т.-е. пламенная любовь къ отечеству, горячая вѣра въ высокое назначеніе Россіи въ настоящей борьбѣ и полная готовность всѣми силами содѣйствовать Правительству въ удесетереніи его средствъ къ одоленію враговъ. Россія идетъ за вѣру и за братьевъ—что можетъ быть святѣе этого дѣла?—Первое непріятное впечатлѣніе произвело на меня Положеніе о военноплѣнныхъ: мы общаемъ живьемъ кормить Австрійцевъ. Въ одно

¹⁾ Начало восточной войны вызвало появленіе многочисленныхъ записокъ политическаго содержанія, которыя принадлежали различнымъ авторамъ, но на разные лады выражали одну и ту же основную мысль о необходимости полнаго измѣненія политической системы, господствовавшей въ теченіе царствованія Николая I. Кошелевъ въ своихъ запискахъ останавливался болѣе всего на средствахъ, могущихъ привести къ оздоровленію русскихъ финансовъ, и однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ къ тому признавалъ созваніе представителей русской земли. Погодинъ въ это время представилъ рядъ записокъ государю и наслѣднику чрезъ статсъ-секретаря Прянишниковъ и гр. Адлерберга. Сначала Погодинъ касался несообразности нашей внѣшней политики и критиковалъ полицейскую роль, принятую на себя русскимъ правительствомъ въ общеевропейскихъ дѣлахъ. Но затѣмъ Погодинъ перешелъ и къ весьма рѣзкой критикѣ внутренней правительственной системы Николаевскаго царствованія и обличалъ положенную въ ея основу официальную ложь, подавленіе всякой общественной самостоятельности, гоненія на просвѣщеніе и гласность. Стихи Хомякова, о которыхъ упоминаетъ Кошелевъ, были написаны Хомяковымъ по поводу начала Восточной войны. Они начинались обращеніемъ къ Россіи: «Тебя призвалъ на брань святую, тебя Господь нашъ полюбилъ...» Далѣе говорилось, что Россія для того, чтобы явиться избраннѣмъ орудіемъ Бога, должна очиститься отъ своихъ внутреннихъ грѣховъ, которые тутъ же и перечислялись въ такихъ энергичныхъ выраженіяхъ: «въ судахъ черна неправдой черной и игомъ рабства клеймена, безбожной лести, лжи тлетворной, и лѣни мертвой и позорной и всякой мерзости полна». Эти стихи произвели громадное впечатлѣніе на общество въ моментъ своего появленія.

и тоже время объявляется, что мы очищаемъ Малую Валахію—т.-е. прерываемъ прямыя сношенія съ Сербією; Паскевичъ разпускаетъ Греческія и Болгарскія дружины; мы молча входимъ въ Болгарію и только нѣсколькимъ колоколамъ дозволено издать сочувственный звукъ къ братьямъ, къ которымъ мы идемъ на помощь. Посылаемъ Мекленбургскаго еще попытаться какъ нибудь перевязать оборванныя нити Дипломатіи, Подъ этими тяжелыми впечатлѣніями я пріѣзжаю въ Москву и тамъ узнаю, что Закревскій въ Питерѣ принятъ былъ Государемъ очень милостиво, что онъ выхлопоталъ себѣ въ Оберъ-Полицейместера Беринга (III), что Хомяковъ былъ призванъ къ Ген. Губернатору по поводу своихъ стиховъ и что Бартеневъ по поводу этихъ же стиховъ былъ также къ нему требованъ. Всѣ эти обстоятельства сами по себѣ и отдѣльно взятые конечно не значительны; но они весьма важны какъ заявленія духа подъ вліяніемъ коего предполагается вести нынѣшнюю войну. Можно было воевать противъ Польши и противъ Венгерцовъ подъ сѣнью этого Европейскаго, Метернихомъ изобрѣтеннаго Консерваторства; но теперь когда вся Европа на насъ валится, когда у насъ тамъ нѣтъ и не можетъ быть ни одного союзника, когда намъ надобно напрягать всѣ внутреннія силы для побороенія враговъ Россіи и Православія—единственнаго источника всякаго свѣта и добра, когда мы должны заботиться о подачѣ руки братства всѣмъ единовѣрцамъ и врагамъ нашихъ враговъ—теперь мы общаемъ живьемъ кормить Австрію, нашего вѣчнаго врага, боимся слово сказать народамъ, къ коимъ мы идемъ на помощь и у себя дома хотимъ преслѣдовать стихи написанныя безъ лести и самохвальства.—Не грустно ли видѣть что до сихъ поръ не сознаютъ громадности борьбы намъ предстоящей, что вѣруютъ еще въ возможность посредствомъ какой-нибудь дипломатической сдѣлки, отвратить или по крайней мѣрѣ отсрочить эту борьбу; что надѣются посредствомъ усиленнаго Консерваторства побѣдить Европейскій Революціонизмъ; наконецъ что не чувствуютъ, не сознаютъ, что лишь въ Православіи лишь въ духѣ Русскаго народа, православіемъ проникнутаго обрѣтаются силы и средства для преодоленія гордыхъ, богатыхъ лживыхъ цивилизованныхъ враговъ нашихъ. Нѣтъ, ихъ орудіемъ мы ихъ не побѣдимъ. Противъ лжи сильна лишь правда; противъ гордаго всемогущаго лишь истинное смиреніе; богатства ихъ могутъ быть превозойдены только тѣмъ, что мы принесемъ на алтарь отечества и вѣры все что имѣемъ; и цивилизація Европейская ничтожна лишь предъ однимъ свѣтомъ—свѣтомъ слова Евангельскаго.

И теперь заниматься хозяйствомъ, читать Богословскія книги!

Нѣтъ можно это Нѣмцамъ; а для Русскаго это сверхъ силъ его.— Какъ подумаешь, что Хомяковъ, бывшій всегда за вѣру, за отечество въ самомъ обширномъ словѣ, за самодержавіе (по предмету коего надъ нимъ много въ прежнія времена даже насмѣхались). Какъ подумаешь что этотъ человѣкъ можетъ подвергнуться преслѣдованію и гоненію, то право сердце кровью обливается и за него и за нашу землю.

Многое, весьма многое хотѣлось бы вамъ еще сказать; но все будетъ на одинъ ладъ. А толка изъ этого не будетъ никакого. Написалъ два листочка, а на душѣ стало не легче, а еще тяжелѣе. Лучше пойду въ поле и усталостью физическою подавлю бодрость душевную. Прощайте.

Душевно вамъ преданный

Незнаю дойдетъ ли это письмо до васъ, ибо не знаю навѣрное, куда къ вамъ адресовать письма. Жена еще не возвращалась изъ Кіева. Еще разъ прощайте.

Нѣтъ, дрожайшій Иванъ Сергѣевичъ. Занимайтесь ярамарками, валяйтесь въ пухъ, щетинѣ, рухляди и пр. пр. пр.

Не будете ли вы какъ нибудь въ Новомірогородѣ или около этого города? Посѣщеніемъ Вашимъ вы много насъ обяжете.

22 августа 1855 года.
с. Песочня.

Давно, очень давно я не писалъ къ вамъ, любезнѣйшій Иванъ Сергѣевичъ. Причинъ тому много: сперва съѣздъ хозяевъ съ 30-го Іюня по 12 Іюля; они пріѣзжали то одинъ, то двое, то больше то меньше и испытаніе жатвенной машины Г. Петровскаго продолжалось около 2 недѣль *). Машина идетъ впередъ, но еще недостигла вполнѣ цѣли. Были на съѣздѣ изъ извѣстныхъ вамъ людей Самаринъ, Гр. Дм. Н. Толстой и даже—Хомяковъ. Они провели у меня нѣсколько дней.—Потомъ лихорадка нѣсколько дней меня держала въ своихъ когтяхъ. Потомъ провожали Сапож. Дружину. Потомъ всею Сапожк. компаніею поѣхали мы къ Мосолову за 70 верстъ. Тутъ лихорадка опять ко мнѣ возвратилась и продержала меня около 2 недѣль. Съ лихорадкою я отправился въ Москву, куда къ 12-му Августа должны были съѣхаться Хомяковъ, Самаринъ и я для окончательныхъ переговоровъ съ Погодинымъ о передачѣ намъ Москвитянина. Мы желали взять, Погодинъ сильно желалъ сдать, а дѣло не состоялось. Странно!

*) Это произошло отъ того что съѣздъ назначенъ былъ 11-го іюля, а рожь поспѣла 25 іюня; а потому многіе пріѣхали прежде срока.

Видно чему небывать того и крюкомъ не проткнешь ¹⁾. Мы рѣшились на 1856-й годъ издавать новый журналъ, но не ежемѣсячный на 1-й годъ, а трехмѣсячный. Къ 1-му Генваря мы не можемъ управиться, а потому 1-й Номеръ выдетъ въ Мартѣ, слѣдующіе въ Іюнѣ—въ Сентябрѣ и Декабрѣ. Издателемъ будетъ Филипповъ ²⁾, который поѣдетъ въ Питеръ объ этомъ хлопотать, ибо прозъбы мы еще не подавали. Я написалъ на дняхъ программу, и отправилъ ее для разсм. исправ. и изм. къ Хомякову и Самарину. Въ Москвѣ етого сдѣлать не могли, ибо я тамъ пробылъ 3 дня, а Хомяковъ пробылъ 1 день и какъ дѣло съ Погод. шло на ладъ и было почти соверш. кончено, то онъ уѣхалъ, предоставивъ мнѣ дѣйствовать за него по моему усмотрѣнію. Очень странна разстройка по передачѣ Москв. Никто не изыскивалъ затрудненія; всѣ старались дѣло уладить, а дѣло совершенно разстроилось.—Для снятія запрещенія съ участниковъ Моск. Сбор. Хомяковъ написалъ къ Норову и самъ въ Октяб. ѣдетъ въ Питеръ. Вашъ братъ и Кир. также написали.—Участникомъ въ изданіи нашего журнала, который будетъ выходить подъ заглавіемъ: *Русская Бесѣда* кто вы думаете?—Кн. В. А. Черкасскій. Значить онъ перешагнулъ черезъ Рубинонъ и теперь онъ отъ Запада рѣшительно отстаеъ и только задерживается тамъ воспоминаніями, нѣкотор. насмѣшками и пр. Какъ программа составится, то я копію къ вамъ пришлю ³⁾. Въ

¹⁾ Съ конца 1854 и начала 1855 г. Погодинъ строилъ различные планы на счетъ передачи своего журнала «Москвитянина» въ какія-либо другія руки. Онъ заводилъ переговоры объ этомъ съ Е. О. Коршемъ, но безрезультатно. Неудачей кончились и переговоры съ Аполлономъ Григорьевымъ. Какъ видно изъ напечатанныхъ Барсуковымъ отрывковъ изъ дневника Погодина, уже въ январѣ 1855 г. Погодинъ вель о томъ же разговоры съ Хомяковымъ и Кошелевымъ. Однако только въ маѣ 1855 г. Кошелевъ обратился къ Погодину съ письмомъ, предлагая вступить въ серьезные переговоры относительно передачи «Москвитянина». Переговоры съ Кошелевымъ и Самаринымъ продолжались съ перерывами до середины августа 1855 г. и тогда окончательно прервались, не достигнувъ благоприятнаго результата.

²⁾ Терентій Ивановичъ Филипповъ, впоследствии государственный контролеръ.

³⁾ Съ переменною царствованія славянофилы были избавлены отъ той опалы, которая постигла ихъ въ связи съ крушеніемъ ихъ «Московского Сборника». Извѣстную роль сыгралъ въ этомъ случаѣ интересъ, обнаруженный императрицей Маріей Александровной къ богословскимъ брошюрамъ, выпущеннымъ Хомяковымъ за границей въ 1853 и 1855 гг. Въ маѣ 1855 г. министръ народнаго просвѣщенія Норовъ, въ бесѣдѣ съ посѣтившимъ его Кошелевымъ, упрекалъ московскихъ славянофиловъ въ «литературномъ бездѣйствіи». Это обстоятельство, а также возникновеніе въ Москвѣ западническаго журнала («Русскій Вѣстникъ» Каткова) побудили Кошелева и Хомякова серьезно заняться планомъ основанія славянофильскаго журнала и такъ какъ надежды на пріобрѣтеніе «Москвитянина» отъ Погодина не осуществились, то въ срединѣ августа на совѣщаніи у Кошелева рѣшено было основать «Русскую Бесѣду». Кошелевъ, Филипповъ и Хомяковъ тотчасъ же начали хлопоты объ этомъ, но, несмотря на

Кіевѣ ¹⁾ вы объ нашемъ Журналѣ не говорите, но вмѣстѣ съ тѣмъ скажите, что прозьба о разрѣшеніи только на дняхъ подается и что слѣд. разрѣшенія еще нѣтъ. Думаю что мы получимъ дозволеніе издавать Журналъ, ибо замѣтна оттепель по Цензур. части.

Знаете какой отвѣтъ я получилъ на мои фин. записки? Чрезъ Сапожков. *Земскій* судъ мнѣ объявлено: всеподданнѣйшее прошеніе н. с. Кошелева съ приложеніемъ двухъ фин. записокъ препровождено, по Выс. повелѣнію, по принадлежности на разсмотрѣніе Г. Министра Финансовъ, о чемъ и объявить Г. н. с. Кошелеву. Хорошо? ²⁾

Несмотря на это чувствуется оттепель. Прочли ли статью Погодина въ Москвитинѣ и въ Москов. Вѣдомостяхъ въ *память Нахимова*? ³⁾ Статья чудная! Если не прочли, то въ Кіевѣ достаньте и непременно прочтите. Она такъ хороша, что рѣшаюсь велѣть ее списать и къ вамъ ее при семъ препровождаю. Она стоитъ быть всячески разпространена. Да, Иванъ Сергѣевичъ хоть вы и ратникъ, хоть вы и Оберъ Квартирмейстеръ, хоть вы и казначей, хоть у васъ нѣтъ свобод. времени на полушку, а вы должны что нибудь написать для нашего журнала. Вашъ походъ до Кіева и далѣе—взглядъ на Малороссію (въ прош. году)—или что иное, а знайте что безъ вашихъ стиховъ нашъ Журналъ не можетъ вытти. Пишите, а разрѣшеніе отъ ареста получимъ. Лишь бы одинъ получилъ, а то всѣмъ будетъ позволено представить свои статьи въ Мѣстную Цензуру.

Гоголя сочиненія вышли и разхватываются быстро. Болѣе 1000 экз. уже разпродано въ теперешнее глухое время. Все про-

сочувственное отношеніе Норова къ славянофиламъ, хлопоты затянулись, все дѣло чуть было не рушилось изъ-за того, что правящія сферы все еще находились подъ впечатлѣніемъ опалы, постигшей славянофиловъ при Николаѣ I, и только въ февралѣ 1856 г., благодаря усиленнымъ ходатайствамъ попечителя московскаго учебнаго округа Нахимова и поддержкѣ товарища министра народнаго просвѣщенія кн. Вяземскаго, изданіе «Русской Бесѣды» было разрѣшено.

¹⁾ И. С. Аксаковъ находился въ это время въ Кіевѣ въ качествѣ ополченца. Онъ вступилъ въ московское ополченіе въ апрѣлѣ 1855 г. Вмѣстѣ съ своей дружиной онъ прошелъ отъ Серпухова до Бендеръ черезъ Кіевъ и простоялъ въ Бендерахъ до конца войны, т. е. до апрѣля 1856 г.

²⁾ Свою «записку» о состояніи русскихъ финансовъ и о мѣрахъ къ улучшенію ихъ положенія Кошелевъ отправилъ императору Александру II 9-го мая 1855 г. Отвѣтъ, о которомъ онъ здѣсь пишетъ, былъ полученъ Кошелевымъ чрезъ земскій судъ въ концѣ іюня того же года. Записка эта напечатана въ приложеніи къ берлинскому изданію «Записокъ» Кошелева и въ XI приложеніи къ II тому «Биографіи Кошелева», написанной Колюпановымъ.

³⁾ Статья Погодина о Нахимовѣ напечатана въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1855 г. № 91. Перепечатана въ книгѣ Барсукова «Жизнь и труды Погодина», кн. 14. Тамъ же—письмо Кошелева къ самому Погодину объ этой статьѣ, отъ 5 августа 1855 г.

пущено безъ исключенія, даже рѣчь Генераль Губер. помѣщена цѣликомъ ¹⁾.—Необходимо теперь работать и по возможности проводить мысли, которыя мы считаемъ полезными для отечества нашего.

Вы написали къ женѣ моей сильную выпадку противъ введенія женщинами русскаго платья. Много въ ней справедливаго, но много и такого съ чѣмъ согласиться нельзя. По моему женщинами Русское платье можетъ быть скорѣе введено чѣмъ мужчинами. Въ послѣд. случаѣ того и гляди Русское платье сочтется за дѣло *partii*, а въ первомъ случаѣ оно назовется *модой* и дѣло будетъ сдѣлано. Дѣло въ дѣлѣ, а не въ формахъ. По моему вы слишкомъ все свысока берете, а ето не способъ легкій что нибудь сдѣлать. Мужчинамъ изъ платья, дѣлать дѣло—негодится. Пусть ето дѣло сдѣлають женщины; и имъ честь и слава. А мы за ними поплетемся, и дѣло пройдетъ тихо, скромно и незазорно. Вы хотите чтобъ оно совершилось какъ подвигъ гражданскій, какъ манифестація. Такъ долго же вы етого прождете. У насъ Русское платье возвратится лишь двумя путями: или по приказу Царскому или въ видѣ моды. Начинають вводить его послѣд. путемъ, и въ добрый часъ. Нашъ Сапожк. уѣздъ почти весь одѣлся по-русски; въ Москвѣ нѣкоторые лвы одѣлись по русски; въ Тулѣ и Симбирскѣ также одѣваются по русски, и прекрасно.—Чѣмъ долѣе живешь, тѣмъ болѣе убѣждаешься въ томъ, что лишь просто дѣла дѣлаются, а съ мыслью, съ высокою мыслью, съ огромными видами почти ничего общаго не совершается.—Я ожидаю многого отъ войны, а завязалась она изъ чего? Изъ того что самолюбіе Рос. Имп. было оскорблено глупостію Турец. Прав. и происками Франц. посланника.—И въ Исторіи вы видите постоянно что самые важные перевороты, событія и пр. выходили изъ пустяковъ.—Теперь иные надѣваютъ Рус. платье изъ патріотизма, многіе по модѣ, многіе ради удобства, а дѣло подвигается, и я нимало не удивлюсь если Конст. Нарышкинъ и подобные будутъ глав. разпространителями русскаго платья. Лишь бы дѣло дѣлалось—ето главное. Будьте увѣрены, что въ видѣ демонстраціи Русское платье введено не будетъ. По указу не хотѣлось бы надѣть его—

¹⁾ Вопросъ объ изданіи всѣхъ сочиненій Гоголя вмѣстѣ съ посмертными его рукописями былъ поднятъ въ концѣ 1853 г. Шевыревымъ. Шевыревъ вошелъ въ московскій цензурный комитетъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ему приступить къ такому изданію. Тогда по предписанію министра народнаго просвѣщенія Норова, московскій цензурный комитетъ занялся пересмотромъ всѣхъ произведеній Гоголя. Узнавъ объ этомъ, великій князь Константинъ Николаевичъ обратился къ Норову съ письмомъ, въ которомъ настаивалъ на полной возможности и необходимости допустить изданіе произведеній Гоголя безъ всякихъ пропусковъ. 15 мая 1855 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе на печатаніе сочиненій Гоголя «безъ всякихъ исключеній и измѣненій».

слѣд. надобно ввести его въ видѣ патріотичной моды. Слѣд. женщины должны итти впередъ, а мы за ними. Я имѣю теперь полное Русское одѣяніе: и шаровары и зипунъ и кафтанъ и поддевку, и щеголяю въ немъ на пропалую. Надѣюсь и въ Москвѣ носить Русское платье, но клятвы его не скидовать не давалъ, и придется куда нибудь ѣхать въ нѣмецкомъ платьѣ, поѣду въ нѣмецкомъ платьѣ. Главное не должно смотрѣть на его какъ на гражданское дѣло, и тогда оно введется и польза будетъ большая. Охъ, другъ мой Иванъ Сергѣевичъ, ради Бога не мудрите и не *cherchez pas midi á quatorze heures*.

Я теперь здоровъ и много работаю. По хозяйству у меня очень много дѣла: построекъ накопилось ужасно много. Къ тому же много разъѣздовъ. Сверхъ того журналъ требуетъ большей переписки. По желанію Петровъ написалъ статейку. — Читаю теперь Нѣмецкую книгу: *Stein und Sein Zeitalter*. Чрезвычайно интересная книга ¹⁾. Удивительно какъ етотъ человѣкъ почти одинъ произвелъ въ Пруссіи и въ Германіи огромный переворотъ. Мнѣ хочется для журнала написать статью объ Б. Штейнѣ. Она весьма удобо примѣнима къ нашимъ обстоятельствамъ.

Жена моя съ племянницами Кошелевыми ушли пѣшкомъ въ Саровскую Пустынь. Два тарантаса за ними ѣдутъ. Я собираюсь въ Субботу 27-го также туда ѣхать. Пробудемъ тамъ дня три и возвратимся. Очень мнѣ хочется побывать въ Саровѣ.

Многое еще хотѣлось бы вамъ сообщить, но надобно и честь знать. Прощайте. Пишите куда вы изъ Кіева отправитесь. Я полагаю что вы поѣдете на Дунай. Новости плохо радуютъ. Что-то будетъ изъ всего етого. Еще разъ прощайте.

Душевно преданный

¹⁾ Въ 1849—55 гг. выходило въ свѣтъ извѣстное сочиненіе Пертца: *Pertz. Das Leben des Ministers von Stein*. Не объ этой ли книгѣ говоритъ Кошелевъ, неточно передавая ея заглавіе?

Мелочи прошлаго.

Къ характеристикъ Александра II.

Воспитанный между двухъ вліяній, боявшійся отца, а потому нерѣдко лгавшій ему, Александръ II поражалъ потомъ даже и близкихъ друзей своихъ быстрой смѣнчивостью настроеній, уживаніемъ рядомъ чисто нѣмецкой сентиментальности и грубости русскаго необузданнаго боярина, подъ собольей шубой снѣдаемаго грязью и насѣкомыми. Князь Вяземскій, дѣлившій съ нимъ все время и до конца жизни сохранившій благоговѣйное чувство къ своему царственному другу, рассказывалъ на склонѣ лѣтъ А. Н. Кирилину, близкому Александру II человѣку, о такомъ, на примѣръ, случаѣ:

— Вдемъ мы,—говорилъ Вяземскій,—съ императоромъ куда-то на югъ Россіи. Жара, въ каретѣ душно, все давно переговорено. Александръ глядитъ въ одно окно, я въ другое; на колѣняхъ императора лежитъ носовой платокъ, который вдругъ соскальзываетъ, какъ бы отъ толчка кареты, и падаетъ на полъ; я подымаю платокъ и кладу на колѣни къ царю, все смотрящему въ свое окно; черезъ пять минутъ платокъ снова падаетъ; подымаю; черезъ минуту опять; я уже чувствую, въ чемъ дѣло: Александру хочется, чтобъ я разсердился, замѣтилъ ему его маневры, тогда и онъ разсердится, побранится, и время пройдетъ незамѣтно; но я не расположенъ къ ссорѣ и подымаю платокъ счетомъ *шесть* разъ. Лицо царя, раньше кроткое и мечтательное, внезапно искажается злобой, и онъ, не говоря мнѣ ни слова, рѣзко обертывается и *заркаетъ* мнѣ въ лицо. Я молча стираю слюни, и реакція происходитъ моментально: Александръ бросается мнѣ на шею, начинаетъ просить прощенья и въ этихъ занятіяхъ проходитъ одна станція пути.

Вяземскій рассказывалъ еще, что сколько разъ, бывало, передъ какой-нибудь серьезной аудіенціей, царь выходилъ изъ себя, произносилъ самыя площадныя ругательства, швырялъ часы и канделябры, а въ назначенную минуту появлялся передъ собравшимися, и нельзя было повѣрить, глядя на его прекрасное лицо и всегда готовые наполниться слезами глаза, что это одинъ и тотъ же человѣкъ. («Будущее», 1912 г.).

Эпиграмма В. С. Соловьева на Побѣдоносцева.

Въ разныхъ поприщахъ прославился ты много:
Какъ евнухъ ты невинностью сіялъ,
Какъ піэтистъ позорилъ имя Бога
И какъ юристъ старушку обобралъ.

Намекъ на слѣдующій случай. Въ концѣ 90 г.г. вышла «Церковная Исторія» имени автора, на которой не значилось, но внизу стояло: изданіе К. П. Побѣдоносцева. Усердные рецензенты извѣстнаго лагеря превознесли новый трудъ К. П.; въ дѣйствительности же это была простая перепечатка старой книжки статсъ-дамы Бахметевой. Но К. П. Побѣдоносцевъ не счелъ нужнымъ отклонить приписанную ему честь, и книга разошлась, какъ имъ написанная. («Освобожденіе», 1913 г., № 13).

Московская Охранка въ 1915 г.

(Докладъ С. Е. Виссаріонова о произведенной имъ въ декабрь 1915 г. ревизіи б. Моск. Охраннаго Отдѣленія товарищу министра внутр. дѣлъ С. П. Бѣлецкому).

Печатаемый нами докладъ бывшаго члена Совѣта Министра Внутреннихъ Дѣлъ Виссаріонова (хранится въ копіи въ архивѣ дѣлъ б. М. О. О.) представляетъ собою отчетъ о произведенной имъ въ декабрь 1915 г. ревизіи Моск. Охр. Отдѣленія. Есть основанія думать, что ревизія эта назначена была вслѣдствіе доноса въ Департаментъ Полиціи жандармскаго ротмистра А. Ф. Бѣлавина, служившаго въ Моск. Губернскомъ Жандармскомъ Управленіи, на московскихъ охранниковъ во главѣ съ ихъ начальникомъ полковникомъ Мартыновымъ. Доноса этого въ дѣлахъ б. М. Губ. Ж. Упр., поступившихъ въ мартѣ 1917 г. въ «Комиссію по разработкѣ политическихъ архивовъ въ Москвѣ», несмотря на тщательные поиски, до сихъ поръ не найдено ¹⁾, но на основаніи доклада Виссаріонова можно догадываться, что Бѣлавинъ сообщалъ Департаменту Полиціи о той грызнѣ и взаимныхъ подсиживаніяхъ, которыми занимались господа жандармы. Травля охранниковъ другъ-друга приняла слишкомъ ужъ скандальный характеръ, нанося ущербъ дѣлу, которому они призваны были служить, и Департаментъ Полиціи рѣшилъ вмѣшаться: назначена была ревизія. Можетъ быть сыгралъ роль въ этомъ и разстрѣлъ въ Иваново-Вознесенскѣ казаками 10 августа 1915 г. рабочихъ. Начальникъ Владимирскаго Жанд. Управленія определенно обвинялъ секретнаго сотрудника московской охранки «Пелагею» (с.-д. большевикъ, А. С. Романовъ) въ преступной провокаціи. Дѣло это вкратцѣ рассказано въ печатаемомъ докладѣ, изъ котораго видно, что разслѣдованіе Виссаріонова не установило съ несомнѣнностью справедливости обвиненія владимирскихъ жандармовъ, но что московская охранка, и въ частности провокаторъ Романовъ, очень и очень были причастны къ иваново-вознесенскому разстрѣлу, это видно и изъ доклада Виссаріонова

¹⁾ Есть основанія предполагать, что доносъ Бѣлавина былъ «изъятъ» жандармами передъ сдачей дѣлъ «Комиссіи по раз. пол. арх. въ Москвѣ».

и особенно изъ спеціальнаго «дѣла», имѣющагося въ архивѣ б. Моск. Охр. Отд.¹⁾).

Вообще же ревизія Виссаріонова, судя по его докладу, сошла для Мартынова и его присныхъ вполне благополучно: всѣ они остались на своихъ мѣстахъ и продолжали свою, вредную для Россіи и бесполезную для самодержавія, дѣятельность до 26—27 февраля текущаго года, когда пришелъ настоящій «ревизоръ»—революція, при извѣстіи о которой всѣ эти полковники и ротмистры разсѣялись, яко дымъ.

Докладъ печатается нами въ полномъ видѣ, безъ какихъ бы то ни было сокращеній и дополненій. Стоящее у насъ въ скобкахъ, стоитъ въ скобкахъ и въ подлинникѣ (вѣрнѣе въ имѣющейся въ нашемъ распоряженіи копіи).

Въ десяти мѣстахъ доклада имѣются указанія на «приложенія». Этихъ приложений, къ сожалѣнію, у насъ не имѣется.

Свѣдѣнія о секретныхъ сотрудникахъ, даваемые нами въ примѣчаніяхъ, взяты изъ приготовленнаго къ печати (въ видѣ брошюры) членомъ «Комиссіи по обезпеченію новаго строя» С. Б. Членовымъ списка всѣхъ раскрытыхъ и опубликованныхъ Комиссіей секретныхъ сотрудниковъ б. Моск. Охр. отд. Списокъ этотъ представляетъ собою сводку тѣхъ 27 списковъ разоблаченныхъ секретныхъ сотрудниковъ, которые печатались «Комиссіей по обезпеченію новаго строя» въ московскихъ газетахъ въ теченіе марта—сентября текущаго года.

19. XI. 917.

М. Цяловскій.

Совершенно секретно.

Его Превосходительству.

Господину Товарищу Министра Внутреннихъ Дѣлъ Сенатору
С. П. Бѣлецкому.

Члена Совѣта Министра Внутреннихъ Дѣлъ Дѣйствительнаго
Статскаго Совѣтника Виссаріонова

Докладъ.

Вслѣдствіе ордера отъ 8 декабря 1915 года за № 6148 имѣю честь представить Вашему Превосходительству о результатахъ ознакомленія моего совместно съ Подполковникомъ Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ Сушковымъ съ постановкой розыска въ Московскомъ Охранномъ Отдѣленіи.

¹⁾ Нѣкоторыя подробности этого дѣла имѣются въ брошюрѣ М. А. Осоргина «Охранное отдѣленіе и его секреты».

Личный составъ.

Начальникомъ Отдѣленія состоитъ съ 1 іюля 1912 года Полковникъ Мартыновъ.

Помощникомъ его Ротмистръ Знаменскій, который, помимо общаго наблюденія по канцеляріи, ведетъ агентуру и разработку по партіямъ социалистовъ-революціонеровъ и анархистовъ.

Чиновниками для порученій:

Подполковникъ Якубовъ (старшаго оклада) боленъ съ октября 1915 года и предназначенъ къ переводу въ дѣйствующую армію.

Ротмистръ Бѣдиловъ (младшаго оклада) ведетъ агентуру по высшимъ учебнымъ заведеніямъ и заводамъ, работающимъ на нужды арміи; кромѣ того, завѣдываетъ особымъ отдѣломъ, наружнымъ отдѣленіемъ и коннымъ дворомъ.

Другая должность чиновника (младшаго оклада) вакантна—на нее предназначенъ прикомандированный къ Отдѣленію Ротмистръ Зубковскій.

Прикомандированные къ Отдѣленію:

Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ Полковникъ Эрнстъ производитъ переписки по изслѣдованію политической благонадежности и завѣдываетъ 4 отдѣломъ.

Подполковникъ Вахнинъ—ведетъ агентуру по освѣщенію трамвайныхъ служащихъ, исполняетъ переписку по разработкѣ совершенно секретныхъ свѣдѣній и завѣдываетъ агентурнымъ отдѣломъ.

Ротмистръ Ганько—ведетъ агентуру и разработку по Россійской социаль-демократической рабочей партіи.

Ротмистръ Зубковскій—въ помощь ротмистру Ганько.

Помощникъ пристава Московской столичной полиціи Коллежскій ассессоръ Барановъ—помогаетъ полковнику Эрнсту. Чиновникъ для письма Департамента Полиціи Надворный Совѣтникъ Квицинскій—ведетъ агентуру и разработку свѣдѣній по общественному движенію.

Штатныя должности въ Отдѣленіи дѣлопроизводителя, его помощниковъ и другія заняты чиновниками (приложеніе №).

Внутренняя агентура.

Секретная агентура представлена изъ 48 лицъ, изъ нихъ по партіи социалистовъ-революціонеровъ 5, анархистовъ-коммунистовъ 2, Россійской социаль-демократической рабочей партіи 3, по общественному движенію 11, по освѣщенію высшихъ учебныхъ заведеній 5, по польскому движенію 1, по освѣщенію служащихъ на трамваѣ и электрической станціи 7.

Уходъ изъ состава секретной агентуры и притомъ весьма полезныхъ сотрудниковъ вызванъ призывомъ ихъ въ войска.

Партія социалистовъ-революціонеровъ.

На существованіе комитетовъ или кружковъ указаній не имѣется; наблюдались лишь въ 1915 году попытки отдѣльныхъ лицъ составить небольшую группу съ цѣлью постановки техники для выпуска воззваній.

Ни у одного изъ сотрудниковъ нѣтъ въ настоящее время дѣловыхъ связей ни съ границей, ни съ лицами изъ бывшихъ боевыхъ организацій, а посему прибытіе кого-либо изъ-за границы или изъ видныхъ партійныхъ дѣятелей можетъ быть отмѣчено агентурой только случайно.

Въ этомъ отношеніи можетъ составить исключеніе сотрудникъ «Нестеровъ»¹⁾, если немедленно начать использованіе его прежнихъ связей.

Въ послѣднее время такъ называемые «народники» социалисты-революціонеры стремятся использовать кооперативы и потребительскія общества для партійной работы и съ этой цѣлью вошли въ Комитеты, намѣреваясь черезъ своихъ представителей вести пропаганду и установить связь съ сельскимъ населеніемъ. Въ ноябрѣ 1915 года въ Москвѣ началъ выходить народнический органъ подъ названіемъ «Народная Газета», которая за свое направленіе теперь закрыта.

Агентуру составляютъ:

«Леонидовъ»²⁾ служитъ съ декабря 1914 года, получаетъ отъ 50 до 75 рублей въ мѣсяцъ, состоитъ инструкторомъ въ Московскомъ Союзѣ потребительныхъ обществъ, привлекался въ 1913 г. по 121 ст. Уг. Ул., ранѣ принадлежалъ къ Нарвской группѣ партіи социалистовъ-революціонеровъ; освѣтитъ общее положеніе работы социалистовъ-революціонеровъ не можетъ, такъ какъ получаетъ объ этомъ свѣдѣнія со словъ другихъ и притомъ случайно. «Леонидовъ» на свиданіи заявилъ, что если бы въ Москву прибылъ для партійной работы социалистъ-революціонеръ, то

¹⁾ «Нестеровъ» — Сергѣй Алексѣевичъ Ульяновъ, подпоручикъ 1 дивизіона Оссовецкой полевой тяжелой бригады. Началъ сотрудничать въ Охранномъ Отдѣленіи съ октября 1915 г. Освѣдомлялъ Охранное Отдѣленіе по партіи с.-р. Былъ арестованъ. Приговоромъ междупартійнаго совѣстнаго суда отъ 12 іюня лишенъ политическихъ правъ. Освобожденъ подъ поручительство.

²⁾ «Леонидовъ» — Александръ Петровичъ Семинъ, мѣщанинъ г. Сухиничей. Дѣятельный сотрудникъ Охраннаго Отдѣленія по «освѣщенію» дѣятельности союза потребительскихъ обществъ и по партіи с.-р., выдалъ многихъ. Былъ арестованъ. Приговоромъ междупартійнаго суда отъ 17 іюля признанъ опаснымъ. Постановлено сдерживать подъ стражей до созыва Учредительнаго Собранія и лишить политическихъ правъ.

объ этомъ онъ могъ бы узнать со словъ другихъ лицъ. Освѣдомленность «Леонидова» характеризуетъ его не какъ секретнаго сотрудника, а лишь какъ случайнаго освѣдомителя, и потому до-вѣрять его заявленію о томъ, что «въ настоящее время социалисты-революціонеры въ Москвѣ ничего не дѣлаютъ», не приходится.

«Дмитріевъ» ¹⁾—съ мая 1914 года получаетъ 35 рублей въ мѣсяцъ; изъ потомственныхъ дворянъ гор. Москвы; въ бытность свою редакторомъ-издателемъ газеты «Нашъ Путь» былъ приговоренъ въ 1912 году Московской Судебной Палатой къ 7 днямъ ареста за напечатаніе въ газетѣ статьи, въ коей усмотрѣны признаки 129 ст. Уг. Ул.; въ настоящее время имѣетъ связи въ профессиональномъ Обществѣ торговыхъ и коммерческихъ служащихъ и отчасти кооперативахъ; по его словамъ, въ Москвѣ въ работѣ социалистовъ-революціонеровъ наблюдается полное за-тишье. На свиданіи «Дмитріевъ» произвелъ впечатлѣніе крайне вялаго и индифферентнаго сотрудника, поэтому надѣяться на его энергичную въ этомъ направленіи помощь не представляется возможнымъ.

«Радищевъ» ²⁾—съ октября 1912 года, получаетъ 75 руб. въ мѣсяцъ; студентъ сельско-хозяйственнаго института; освѣщаетъ настроеніе студентовъ.

По словамъ «Радищева», въ настоящее время въ Москвѣ опредѣленныхъ организацій партіи социалистовъ-революціонеровъ нѣтъ, но «народниковъ» очень много, хотя желанія активно работать никто изъ нихъ не высказываетъ. «Радищевъ» передаетъ, что одинъ изъ видныхъ дѣятелей-студентовъ Артемьевъ высказывалъ, что сейчасъ, стоя на оборонительной позиціи, работать нельзя; отдѣльные «народники» или социалисты-революціонеры признаютъ необходимымъ проникать въ глубь народной толщи и нынѣ же связываться съ массами. Къ царствующей нынѣ династіи социалисты-революціонеры и народники относятся отрицательно, говоря, что этотъ вопросъ, по окончаніи войны, будетъ разрѣшенъ стихійно.

«Нестеровъ» ³⁾—съ октября 1915 года, опредѣленнаго вознагражденія не получаетъ, въ виду выдачи ему единовременно крупной суммы; прапорщикъ одного изъ гарнизоновъ эвакуиро-

¹⁾ «Дмитріевъ»—Борисъ Викторовичъ Гавеманъ, сынъ статскаго советника, освѣдомитель по партіи с.-р. Былъ арестованъ. Приговоромъ междупартійнаго суда 1 июля 1917 года признанъ провокаторомъ, опаснымъ для новаго строя. Лишенъ политическихъ правъ. Освобожденъ изъ-подъ стражи въ виду серьезной болѣзни.

²⁾ «Радищевъ»—Евгеній Петровичъ Котовъ, сынъ купца, студентъ сельско-хозяйственнаго института. Работалъ въ Охранномъ Отдѣленіи съ 1912 года. Освѣдомлялъ по партіи с.-р. Былъ арестованъ.

³⁾ См. прим. на стр. 254.

ванныхъ крѣпостей; самъ предложилъ услуги въ виду недостатка въ средствахъ; освѣщалъ издававшуюся въ Москвѣ «Народную Газету», имѣя непосредственныя связи съ руководителями этой газеты Зензиновымъ, ¹⁾ Черненковымъ ²⁾ и Мининымъ ³⁾.

По словамъ «Нестерова» определенной группы партіи социалистовъ-революціонеровъ въ Москвѣ нѣтъ, но есть группа, стремящаяся использовать мирнокультурныя предпріятія въ видѣ кооперативовъ; ни техники, ни пропагаторской группы среди социалистовъ-революціонеровъ онъ не замѣчалъ; по утвержденію «Нестерова» настроеніе крѣпостного гарнизона было критическое по отношенію къ высшему командному составу на почвѣ непригодности нѣкоторыхъ вспомогательныхъ средствъ обороны (автомобили, снаряды); такое настроеніе охватывало не только иррегулярныя войска, но и регулярныя. Строгой дисциплины въ регулярныхъ войскахъ нѣтъ, вся сила заключается въ офицерахъ, нижніе чины представляются неорганизованной толпой. Если офицеръ сумѣетъ использовать воинскую часть—она пойдетъ за нимъ всюду.

Сотрудника «Нестерова» мною предложено связать съ членомъ Государственной Думы Керенскимъ, съ которымъ у него есть отдаленная связь. «Нестеровъ» единственный сотрудникъ, котораго по окончаніи войны и разработкѣ его связей можно направить за границу.

«Михайловъ» ⁴⁾—съ сентября 1914 года, освѣщалъ мѣстныхъ интеллигентныхъ социалистовъ-революціонеровъ, имѣвшихъ отношеніе къ изданію въ городѣ Харьковѣ нелегальнаго органа социалистовъ-революціонеровъ «Призывъ», а также кружокъ Бакунина въ Коммерческомъ Институтѣ; предъявленъ не былъ по случаю призыва въ войска.

На замѣчаніе мое о слабости агентуры по социалистамъ-революціонерамъ полковникъ Мартыновъ объяснилъ, что на личную агентуру, въ виду стремленія въ послѣднее время народниковъ

¹⁾ В. Зензиновъ—видный членъ партіи социалистовъ-революціонеровъ, членъ центральнаго комитета.

²⁾ Б. Н. Черненковъ—членъ партіи социалистовъ-революціонеровъ.

³⁾ А. Н. Мининъ, агрономъ—членъ трудовой народно-соціалистической партіи.

⁴⁾ «Михайловъ»—Павель Михайловичъ Николинъ, нижегородскій мѣщанинъ. Служилъ въ потребительскихъ обществахъ, затѣмъ въ Союзѣ Городовъ. Давалъ свѣдѣнія объ с.-р., с.-д., студентахъ Коммерческаго Института и Университета Шанявскаго. Обстоятельно и подробно доносилъ о Союзѣ Городовъ, называлъ служащихъ, распространявшихъ рѣчи депутатовъ Государственной Думы. Давалъ свѣдѣнія о Комитетѣ западнаго фронта въ 1916 г. Былъ арестованъ. Приговоромъ междупартійнаго суда отъ 17 юля 1917 года признанъ опаснымъ для новаго строя и подлежащимъ содержанію подъ стражей до Учредительнаго Собранія. Лишенъ политическихъ правъ.

къ использованию легальныхъ возможностей, онъ направлялъ изъ подполья въ надполье.

Независимо отъ сего ротмистръ Знаменскій, послѣ указанія моего полковнику Мартынову на слабость упомянутой агентуры, въ докладѣ (приложеніе №) отъ 3 сего января заявилъ, что списокъ сотрудниковъ является неполнымъ, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ, какъ «Павловъ», «Томскій», и «Павловскій» временно направлены къ освѣщенію дѣятельности организацій виѣ партій социалистовъ-революціонеровъ.

Съ приведеннымъ заявленіемъ я не могу согласиться, такъ какъ значительно проще освѣщать легальныя организаціи, чѣмъ подпольныя, и если бы перечисленные лица въ достаточной степени могли освѣщать тайныя организаціи, то они должны были использоваться въ этомъ направленіи, а не переводиться въ надполье.

Дѣятельность анархистовъ по Москвѣ не проявлялась. Секретная агентура:

Анархисты-коммунисты.

«Кривцовъ»¹⁾—съ апрѣля 1912 года, получаетъ 40 рублей въ мѣсяцъ; имѣетъ связи съ иностранными анархистами, а также съ анархистами южныхъ городовъ Россіи и содержащимися въ Московской каторжной тюрьмѣ; въ 1915 году онъ далъ полезныя свѣдѣнія о злоупотребленіяхъ на заводѣ «Густавъ Листъ» по выполненію заказовъ морского и военного вѣдомствъ.

«Бѣловъ»²⁾—съ декабря 1912 года, получаетъ 25 рублей въ мѣсяцъ; давалъ ранѣе по анархистамъ свѣдѣнія, по которымъ произведена была ликвидація; нынѣ освѣщаетъ желѣзнодорожныхъ служащихъ и заводскихъ рабочихъ, не теряя связи съ мѣстными анархистами.

Россійская Соціалъ-Демократическая Рабочая Партія.

Соціалъ-демократическая рабочая партія, преимущественно большевики (пораженцы), опасаясь, чтобы патріотическое настроеніе рабочихъ, вызванное настоящей войной, не вывело рабочую массу изъ-подъ ихъ вліянія, принимаетъ мѣры къ сформированію въ Москвѣ тайныхъ группъ, установленію связей съ другими губерніями и къ постановкѣ техники для распространенія рево-

¹⁾ «Кривцовъ»—Михаилъ Романовичъ Абрамовъ, кр. Богородскаго у. Гульской губ. Товаръ по металлу. Освѣдомитель по рабочему движенію, особенно на заводахъ Густава Листъ (Бутырки), Альфреда Гутманъ и «Дукель». Былъ арестованъ.

²⁾ «Бѣловъ»—Михаилъ Дмитриевичъ Черновъ, кр. дер. Поповки. Рязанской губ., конторщикъ товарной стціи Александровской ж. дор. Былъ арестованъ.

люціонныхъ воззваній не только въ Москвѣ, но и въ районахъ прилегающихъ губерній, не оставляя въ то же время обычнаго использованія легальныхъ организацій.

Означенная дѣятельность хотя парализуется мѣрами Московскаго Охраннаго Отдѣленія, но лишь временно, и послѣ закрытія легальныхъ союзовъ или обществъ, ареста техники и ликвидаціи тайныхъ группъ (прѣсененской, тверской), наблюдается со стороны социаль-демократовъ стремленіе вновь сорганизоваться, пользуясь въ послѣднее время для агитаціи возникающимъ на почвѣ дороговизны жизненныхъ продуктовъ недовольствомъ рабочей массы. Въ виду того, что дороговизна можетъ принять затяжной характеръ, и что нѣкоторые изъ фабрикантовъ, вслѣдствіе несвоевременной доставки сырья и топлива, предполагаютъ, по израсходованіи наличнаго матеріала, закрыть фабрики и такимъ образомъ лишить рабочихъ заработка, является необходимымъ съ одной стороны повсемѣстно обратить вниманіе на непрерывное освѣщеніе рабочей среды и вліянія на неагитаціи социаль-демократовъ и на пресѣченіе въ зародышѣ ихъ преступной дѣятельности, а съ другой стороны побудить фабрикантовъ къ улучшенію матеріальнаго быта рабочихъ (приложеніе № 1).

Московское Охранное Отдѣленіе располагаетъ слѣдующей секретной агентурой.

«Пелагея» ¹⁾—съ марта 1910 года, получаетъ 100 рублей въ мѣсяцъ; большевикъ; до 1912 года далъ весьма много цѣнныхъ свѣдѣній, благодаря близости къ центру—о Капрійской школѣ пропагандистовъ и агитаторовъ, о Пражской конференціи; въ настоящее время состоитъ членомъ Областнаго Бюро Центральнаго Промышленнаго Района Россійской Соціально-Демократической рабочей партіи, имѣетъ сношеніе съ наиболее видными

¹⁾ «Пелагея»—Андрей Сергѣевичъ Романовъ, кр. Владимірской губ. Переяславскаго уѣзда, той же волости слободы Нагорной. Типографскій рабочій, занимавшійся переплетнымъ мастерствомъ с.-д. большевикъ. Былъ ученикомъ школы М. Горькаго на о. Капри (1909 г.). По возвращеніи въ мартѣ 1910 г. сдѣлался секретнымъ сотрудникомъ Охраннаго Отдѣленія. Былъ членомъ Московской инициативной группы с.-д., ликвидированной Охраннымъ Отдѣленіемъ по его сообщеніямъ въ 1910 г. Въ 1911 г. былъ сосланъ въ Тулу и Тверь, откуда, въ 1912 году по приглашенію заграничныхъ партійныхъ круговъ, ѣздивъ съ вѣдома Охраннаго Отдѣленія на конференцію большевиковъ. Вернувшись, принялъ участіе въ работѣ Московской областной группы россійской с.-д. р. п. Въ связи съ этимъ, выдалъ очень много членовъ партіи. Сообщилъ Охр. Отдѣленію подробныя свѣдѣнія о предполагавшейся конференціи с.-д., организованной послѣ думской фракціей большевиковъ въ Озеркахъ. Результатомъ сообщеній Романова явился арестъ членовъ думской фракціи с.-д. Получалъ вначалѣ 40 р., впослѣдствіи 100 р. Въ 1915 г. поступилъ во Всероссійскій Земскій Союзъ и былъ завѣдующимъ починно-сапожной мастерской на фронтѣ. Одинъ изъ освѣдомителей исключительной важности. Былъ арестованъ.

членами партіи, живущими въ Россіи и за границей (Ленинымъ); по его свѣдѣніямъ арестована въ ноябрѣ 1914 г. въ Озеркахъ вблизи Петрограда конференція большевиковъ съ участіемъ членовъ социаль-демократической фракціи Государственной Думы.

Пользуясь большими партійными связями и состоя единственнымъ членомъ названнаго Областного Бюро, «Пелагея» имѣла возможность отмѣтить прибытіе въ Москву видныхъ партійныхъ дѣятелей (Вѣры Арнольдъ ¹⁾, Ульяновой ²⁾ и другихъ), а также поддерживать партійную связь съ провинціей и въ этомъ отношеніи быть цѣннымъ сотрудникомъ. Однако какъ «областникъ», могущій освѣщать партійные «верхи», «Пелагея» по своему положенію долженъ давать директивы по партійной работѣ и поэтому крайне осторожно дѣйствовать во избѣжаніе провокаціи; освѣщать же мелкую текущую работу (въ группахъ и на мѣстахъ) онъ не можетъ; такимъ образомъ «Пелагея» (по своему положенію), чтобы обезпечить въ партійныхъ кругахъ положеніе «областника» и оставаться въ то же время добросовѣстнымъ сотрудникомъ, необходимо быть подъ руководствомъ опытнаго розыскаго офицера и находиться подъ тщательнымъ контролемъ. Руководить имъ Ротмистръ Ганько. Изъ агентурной отчетности видно, что свѣдѣнія «Пелагеи» зарегистрированы съ большими промежутками (мѣсяць и болѣе).

Агентура помощниковъ Начальника Московскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія «Филатовъ» ³⁾ и «Корректоръ» ⁴⁾ указала въ январѣ и февралѣ 1915 года, что «Пелагея» разъѣзжаетъ по завѣдываемому имъ району, въ который входятъ Тверь, Ко-

¹⁾ Въ «агентурной запискѣ» (или попросту доносѣ) «Пелагеи» отъ 17 апрѣля 1915 между прочимъ сообщается «На этихъ дняхъ пріѣхала изъ Петрограда въ Москву по порученію «Петербургскаго Комитета Р. С.-Д. Р. П.», нынѣ временно, видимо, исполняющаго функціи Центральнаго Комитета, нѣкая «Татьяна Сергѣевна», до войны долгое время проживавшая за границей, преимущественно въ Цюрихѣ. Противъ этого мѣста на поляхъ отмѣтка: «Татьяна Сергѣевна» устанавливается (т.-е. узнается, кто она такая) и позднѣйшая—«Татьяна Сергѣевна»—Арнольдъ Вѣра Степановна, жена дворянина» («Агентурныя записки» по Р. С.-Д. Р. П. за 1915 г. т. I).

²⁾ Ульянова—Марья Ильинична Ульянова, сестра Ленина. А. С. Романовъ («Пелагея») былъ съ ней близко знакомъ, а потому и много сообщалъ о ней Охранному Отдѣленію.

³⁾ «Филатовъ» не значится въ спискѣ секретныхъ сотрудниковъ, раскрытыхъ и опубликованныхъ Московской Комиссіей по обезпеченію новаго стр. 1.

⁴⁾ «Корректоръ»—Капитонъ Максимовичъ Суховъ, кр. Тульской г., Денисовской вол., с. Токмаковка. Сотрудникомъ Моск. Охран. Отдѣленія состоялъ съ 1911 г. по 1913 г. Въ 1911 году давалъ свѣдѣнія о рабочихъ с.-д. завода Вестингауза и въ Люберцахъ. Въ томъ же году вошелъ въ составъ Мытищинской организаціи р. с.-д. р. п. и сталъ доносить о забастовочномъ движеніи и настроеніи рабочихъ Мытищинскаго вагоностроительнаго завода, о библиотечномъ совѣтѣ при мѣстной библіотекѣ и вообще объ организаціяхъ с.-д. р. п. Былъ арестованъ.

ломна, Кострома, Мытищи. Богородскъ, Иваново-Вознесенскъ. Кохма, Раменское, Кинешма и докладывать по текущимъ партійнымъ дѣламъ, при чемъ съ этой же цѣлью набѣзжаетъ въ Мытищи и другой сотрудникъ Отдѣленія «Мекъ» ¹⁾ (руководилъ имъ полковникъ Мартыновъ и уволить его въ концѣ 1915 года за пьянство).

Между тѣмъ въ свѣдѣніяхъ «Пелаген» объ этихъ набѣздахъ не говорится и за его дѣятельностью съ цѣлью провѣрки наблюденіе установлено не было.

Затѣмъ послѣ свѣдѣнія «Пелаген» отъ 4 июля, имъ даны свѣдѣнія лишь 7 авг. (копія записки прилагается) и между прочимъ о томъ, что къ нему заходили нѣкій «Самарецъ» ²⁾, который прибылъ въ Москву за воззваніями для Иваново-Вознесенска. гдѣ, по его словамъ, рабочіе организованы и намѣреваются учинить вооруженное возстаніе, и что «Самарецъ» передъ отбѣдомъ зайдетъ къ нему. Установленное, по полученіи этихъ свѣдѣній, наблюденіе 8 августа посѣщеніе «Пелаген» «Самарцемъ», который заходилъ имѣя при себѣ одинъ свертокъ бумагъ, а вышедъ отъ «Пелаген» еще съ другимъ такимъ же сверткомъ и затѣмъ съ этими свертками, подъ наблюденіемъ филеровъ, уѣхалъ въ Иваново-Вознесенскъ, гдѣ въ ночь его прибытія были имъ распространены воззванія. Объ этомъ отбѣдѣ «Самарца» въ Иваново-Вознесенскъ Полковникъ Мартыновъ предупредилъ по телеграфу Начальника Владимирскаго Губернскаго Жандарм-

¹⁾ «Мекъ»—Алексѣй Ивановичъ Лобовъ, мѣщ. гор. Саратова, бывш. студентъ Моск. Коммерч. Института, Сотрудникъ «Столичной Молвы», «Нопейка», «Утра Россіи» (хроника профессиональной жизни), с.-д. болшевикъ. По собственнымъ указаніямъ былъ въ Москвѣ представителемъ центр. комитета россійской с.-д. р. п. Входилъ въ составъ Моск. комитета партіи. Находился по документамъ за 1912 г. въ непосредственныхъ дѣловыхъ сношеніяхъ съ заграничными верхами партіи, являлся однимъ изъ наиболее серьезныхъ и законспирированныхъ руководителей партійной работы въ дѣлѣ возстановленія подпольныхъ учреждений партіи въ Москвѣ. Былъ арестованъ въ 1910 и 1913 г.г. и съ августа 1913 г. появляется его подробное донесеніе о московской окружной организаціи с.-д., о дѣятельности депутата Госуд. Думы Малиновскаго (также сотрудникъ Моск. Охран. Отдѣленія подъ кличкой «Портной»), объ организаціи партійной школы въ Пароникѣ (Галиція). Въ 1914 г. давалъ подробныя свѣдѣнія о дѣятельности Областного Бюро центрального района, о работѣ партійныхъ круговъ. Выдавалъ участникамъ такъ наз. «денническаго совѣщанія» (принимая участіе въ немъ и самъ), изъ которыхъ былъ арестованъ делегатъ Новоилпловъ. Въ октябрѣ 1913 г. былъ вызванъ въ Петроградъ Малиновскимъ, отъ котораго получилъ порученіе объѣхать Владимирскую и Костромскую губ., причемъ выдать Охр. Отд. явочные адреса. Въ связи съ этимъ были аресты въ Иваново-Вознесенскѣ, вызвавшіе запросъ въ Государственной Думѣ. Выдавалъ также бывшихъ выборщиковъ с.-д. въ I-ую Госуд. Думу, собиравшихся въ Москвѣ въ октябрѣ 1913 г. По доносамъ Лобова было произведено очень много арестовъ. Одинъ изъ наиболее крупныхъ провокаторовъ. Былъ арестованъ.

²⁾ «Самарецъ» (не сотрудникъ Охр. Отдѣленія; это кличка, данная ему «Пелагеей») — Валеріанъ Николаевичъ Наумовъ, крестьянинъ Вологодской губ., Панфиловской вол., д. Ломка, членъ латышской с.-д. р. п.

скаго Управленія и просить, въ цѣляхъ сохраненія отъ провала агентуры, не арестовывать «Самарца» въ связи съ мѣстной ликвидаціей. Означенныя воззванія были напечатаны въ Москвѣ въ типографіи Тверской Группы, впоследствии арестованной.

Какимъ же путемъ «Самарецъ» связался съ Тверской группой, получить ли онъ воззванія помимо «Пелагеи», или же отъ послѣдняго, точно не выяснено, а также, почему «Пелагея» давала свѣдѣнія съ большими промежутками и почему не зарегистрированы свѣдѣнія «Пелагеи» о послѣднемъ посѣщеніи его «Самарцемъ», осталось также невыясненнымъ.

Независимо сего агентура Владимирскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія по Орѣхову-Зуеву указала, что «Пелагея» прислала для Орѣхово-Зуевской организаціи печать, которая имъ и сдѣлана. Однако, какъ освѣщаетъ эти свѣдѣнія «Пелагея», по дѣламъ отдѣленія не зарегистрировано, и полковникъ Мартыновъ отвѣтилъ, что свѣдѣнія не вѣрны.

Полковникъ Мартыновъ и Ротмистръ Ганько не допускаютъ возможности участія «Пелагеи» въ активной партійной работѣ вообще, въ частности въ связи «Самарца» съ Тверской группой, въ снабженіи его воззваніями и въ посылкѣ печати. На свиданіи «Пелагея» отрицалъ свое участіе, при чемъ произвелъ впечатлѣніе неискренняго сотрудника.

Изложенныя обстоятельства набрасываютъ тѣнь на добросовѣстность «Пелагеи» и указываютъ на отсутствіе должнаго руководства имъ и тщательнаго за его дѣятельностью контроля.

Независимо сего я считаю упущеніемъ со стороны Мартынова еще то, что, если сотрудникъ «Пелагея» неприкосновененъ къ снабженію «Самарца» воззваніями, и если послѣднія было нельзя изъять агентурнымъ путемъ, то не слѣдовало выпускать съ ними «Самарца» до Иваново-Вознесенска, а слѣдовало подъ благовиднымъ предлогомъ задержать его въ пути, какъ практиковалось въ такихъ случаяхъ, дабы не допустить распространенія воззваній. Подобное отношеніе къ секретной агентурѣ можетъ привести къ тому, что сотрудникъ самый добросовѣстный вначалѣ, почувствовавъ свободу дѣйствій, отойдетъ отъ работы, или же, потерявъ довѣріе къ лицу, которое имъ руководить, а такой какъ «Пелагея», лишенный кромѣ того необходимаго для него авторитетнаго руководства, станетъ на путь провокаціи.

Вслѣдствіе сего представлялось бы необходимымъ руководство «Пелагеей» передать болѣе опытному офицеру или же Начальнику Отдѣленія. Къ изложенному надлежитъ присовокупить, что установленные дневники на сотрудниковъ въ Отдѣленіи не ведутся, а потому провѣрить, когда именно происходили сви-

данія съ агентурой, и что агентура сообщала помимо того, что помѣщено въ агентурныхъ запискахъ, нѣтъ возможности.

«Босякъ» ¹⁾—съ апрѣля 1911 года, получаетъ 75 рублей въ мѣсяцъ; старый партійный работникъ, видный представитель мѣстнаго меньшевистскаго подполья, велъ переписку съ выдающимся социаль-демократомъ «Маркомъ» ²⁾, находящимся за границей, прервавшуюся по случаю войны; освѣщалъ въ Москвѣ разбитый Московскій рабочій коллективъ и участвовалъ делегатомъ отъ Москвы въ состоявшейся въ сентябрѣ 1915 года въ Тулѣ конференціи меньшевиковъ: конференція не была задержана съ разрѣшенія Департамента Полиціи съ цѣлью сохраненія отъ провала «Босяка»; однако въ послѣдствіи неосторожная разработка Тульскимъ Губернскимъ Жандармскимъ Управленіемъ свѣдѣній о конференціи вызвала подозрѣніе въ провалѣ участника «Босяка» (отмѣчено сотрудникомъ «Андреевымъ»).

«Андреевъ» ³⁾— съ іюля 1912 года, получаетъ 50 рублей въ мѣсяцъ, наборщикъ, большевикъ; старый партійный работникъ, но вялый и въ настоящее время о текущей партійной работѣ мало освѣдомленъ; состоитъ членомъ группы металлистовъ и давалъ

¹⁾ «Босякъ»—Алексѣй Ксенофоновичъ Маракушевъ, кр. Владимірской губ., Ковровскаго уѣзда, Лежневской вол. Монтеръ формы «Эрик-сень», с.-д. меньшевикъ. Въ 1911 г. вступилъ въ составъ «руководящаго коллектива», имѣвшаго цѣлью возстановленіе московской организаціи с.-д. Въ 1911 г. сдѣлался сотрудникомъ Охран. Отд., которому далъ подробный обзоръ партійной организаціи и дѣятельности с.-д. съ 1905 по 1912 г.г., назвавъ членовъ всѣхъ комитетовъ и комиссій. Указалъ дѣятелей всѣхъ партій, принимавшихъ участіе въ Ковровскихъ волненіяхъ въ 1905 г. Въ 1914 г. игралъ важную роль въ с.-д. организаціяхъ, ведя примиренческое направленіе. Обо всемъ сообщалъ въ Охран. Отд. Въ іюлѣ 1914 г. избирается делегатомъ отъ металлистовъ на междунаро. социалист. конгрессъ въ Вѣнѣ, не состоявшійся изъ-за войны. Кромѣ сообщеній о партійныхъ организаціяхъ, освѣдомлялъ Охр. Отд. о профессиональных обществахъ. Доносилъ о лицахъ, принадлежавшихъ къ анархистамъ-коммунистамъ и къ военнымъ организаціямъ. Получалъ 50 р. въ мѣсяцъ. Одинъ изъ освѣдомителей исключительной важности. Былъ арестованъ.

²⁾ Кличку «Маркъ» носило нѣсколько социаль-демократовъ. О комъ изъ нихъ здѣсь говорится, мы опредѣлить не можемъ.

³⁾ «Андреевъ» — Андріанъ Николаевичъ Николаевъ, мѣщанинъ гор. Таруссы, Калужской губ., работалъ съ ротмистромъ Ганько главн. образомъ по с.-д. движенію. Въ 1914 г. сообщилъ объ образованіи «руководящей инициативной группы большевиковъ» (присутствовалъ на собраніи, гдѣ былъ сдѣланъ докладъ объ этой группѣ). Посѣщалъ собранія замоскворѣцкаго района с.-д. организаціи. Освѣдомлялъ о движеніи въ типографіи Сытина, въ профессиональномъ О-вѣ рабочихъ печатнаго дѣла, въ клубѣ «Просвѣщеніе». Въ 1915 г. былъ членомъ с.-д. коллектива печатниковъ. Сообщалъ о собраніяхъ комитета Тверской группы р. с.-д. р. п., о движеніи среди трамвайныхъ служащихъ, о Прѣсенской группѣ, с.-д. кружкѣ типографовъ. Давалъ общія замѣтки о рабочемъ движеніи. Число выданныхъ имъ довольно велико. Числился сотрудникомъ Охр. Отд. до послѣдняго времени. Былъ арестованъ. Приговоромъ междупартійнаго суда отъ 24 мая признанъ провокаторомъ, оставленъ подъ стражей до созыва Учредительнаго Собранія. Лишенъ политическихъ правъ.

указанія по Тверской и Прѣсенской группамъ, разработка коихъ, попутно со свѣдѣніями другихъ сотрудниковъ, привела къ удачной ихъ ликвидаціи.

«Евгеній» ¹⁾—съ ноября 1912 года, получаетъ 100 рублей въ мѣсяцъ, большевикъ; освѣтилъ составъ Тверской социаль-демократической группы, которая и была ликвидирована.

Въ настоящее время «Евгеній» ни въ одну группу не входитъ, такъ какъ, послѣ ликвидаціи Тверской Группы, его надо было отвести отъ работы; по его словамъ въ настоящее время существуетъ группа литераторовъ, въ которую входятъ присяжные повѣренные Яхонтовъ ²⁾ и Сидовичъ ³⁾.

Соприкасаясь со студентами Коммерческаго Института, «Евгеній» отмѣчаетъ, что среди студентовъ идетъ разговоръ объ организаціи боевой дружины; столовая Коммерческаго Института—настоящее гнѣздо революціи; «Евгеній» входитъ въ исполнительную комиссію по выборамъ представителей отъ рабочихъ въ бюро труда при Всероссийскомъ Союзѣ Городовъ. Потребительское Общество «Кооперация», въ которое вошли не только социаль-демократы, но и социалисты-революціонеры организовалось исключительно съ цѣлью классовой борьбы. Будучи одновременно секретаремъ больничной кассы и имѣя ближайшее соприкосновеніе съ рабочими, «Евгеній» отмѣчаетъ, что настроеніе ихъ возбуждено на почвѣ дороговизны. Для ослабленія рабочаго движенія, по его мнѣнію, слѣдуетъ повысить расцѣнки, въ особенности на фабрикахъ текстильнаго производства.

«Штурманъ» ⁴⁾—съ 1912 года; получаетъ 150 рублей въ

¹⁾ «Евгеній»—Алексѣй Алексѣвичъ Поскребухинъ, мѣщ. гор. Бѣрмова, Тульской губ. Въ 1912—1913 г.г. принималъ участіе въ организаціяхъ с.-д. Былъ представителемъ въ партійныхъ с.-д. организаціяхъ отъ об-ва торгово-промышленныхъ служащихъ. Принималъ участіе въ редакціонномъ комитетѣ марксистскаго журнала. Сообщалъ Охр. Отдѣленію содержаніе предполагаемыхъ къ напечатанію статей въ газетѣ «Рабочій Трудъ» вмѣстѣ съ именами авторовъ. Членъ правленія о-ва торгово-промышленныхъ служащихъ (1915 г.). Входилъ въ составъ «руководящаго коллектива» с.-д., поставившаго цѣлью веденіе работы исключительно въ подпольѣ. Членъ областного комитета, состоявшаго изъ 4-хъ лицъ (1915 г.). Освѣщалъ Охр. Отдѣленію марксистскія группы университета Шанявскаго, Техническаго Училища, Коммерческаго Института, прѣсенскую группу (вся была арестована). Выдавалъ участникамъ экскурсій о-ва общеобразовательныхъ народныхъ развлеченій. Въ іюнѣ 1905 г. сообщилъ о предполагаемой общегородской конференціи с.-д.; участники были арестованы за нѣсколько дней до конференціи. Былъ арестованъ.

²⁾ В. И. Яхонтовъ, московскій присяжный повѣренный—дѣятельный членъ соц.-дем. партіи (объединенцевъ), въ іюнѣ 1917 г. былъ избранъ гласнымъ Городской Думы.

³⁾ П. Г. Сидовичъ—членъ соц.-дем. партіи (большевикъ), членъ московскаго военно-революціоннаго комитета въ октябрѣ—ноябрѣ 1917 г.

⁴⁾ «Штурманъ»—Сергѣй Александровичъ Регекамппъ (онъ же Яковъ Златкинъ), литераторъ, дѣятель кооперативнаго движенія. Былъ арестованъ. Приговоромъ междупартійнаго совѣстнаго суда отъ 5 іюля признано

мѣсяцъ, меньшевикъ, въ партійную организацію не входитъ. связи имѣть съ большевиками и меньшевиками; завѣдываетъ издательскимъ отдѣломъ потребительскихъ обществъ, участвуетъ во всѣхъ просвѣтительныхъ обществахъ, куда введенъ Охраннымъ Отдѣленіемъ. Всюду, по его словамъ, царитъ оппозиціонное настроеніе. Кадетская интеллигенція вслухъ говоритъ о необходимости продолжать войну, а въ дѣйствительности желаетъ мира. Сознывая свое безсиліе, въ виду провала политическаго блока, высказываютъ пожеланія террора, надѣясь, что террористическій актъ испугалъ бы Правительство, которое пошло бы на уступки.

Общество «Кооперация», организованное кадетами, захвачено въ руки социаль-демократами; для ослабленія дѣятельности этого общества необходимо не давать ему выходить за свои предѣлы и не разрѣшать общинныхъ и районныхъ собраний.

Рабочія массы въ упадочномъ состояніи; подъ вліяніемъ дороговизны сильно растетъ желаніе мира («все равно нѣмцевъ не одолѣть»). Революціонная энергія накапливается и по окончаніи войны на почвѣ недовольства можетъ вспыхнуть пугачевщина.

*Кондукторъ*¹⁾—съ мая 1912 года, получаетъ 10 руб. въ мѣсяцъ, старый партійный работникъ, большевикъ, бывший на Лондонскомъ партійномъ съѣздѣ, состоитъ членомъ правленія и секретаремъ профессиональнаго общества металлистовъ. По его свѣдѣніямъ былъ арестованъ на собраніи «Временный Московскій Соціаль-Демократическій Комитетъ» и задержаны прибывшіе изъ-за границы члены Центральнаго Комитета Розмировичъ и Крыленко;²⁾ освѣщаетъ мѣстную большевицкую подполь-

установленнымъ, что Регенкампфъ явился въ теченіе ряда лѣтъ весьма серьезнымъ сотрудникомъ Московскаго Охраннаго Отдѣленія по рабочему движенію, кооперативному движенію и соц.-дем. партіи. Постановлено содержать Регенкампфа подъ стражей до созыва Учредительнаго Собранія и лишить политическихъ правъ.

¹⁾ *«Кондукторъ»*—Сергій Ивановичъ Соколовъ, крестьянинъ Московской губ., Бронницкаго уѣзда, села Рогачева. Слесарь о-ва электрическаго освѣщенія 1886 г. Въ 1911 г. былъ секретаремъ о-ва металлистовъ. Участвовалъ во многихъ с.-д. организаціяхъ рабочихъ. Считался дѣятельнымъ большевикомъ. Представлялъ свѣдѣнія о дѣятельности самыхъ разныхъ образныхъ организацій. Болѣе точныя свѣдѣнія были имъ доставлены о составѣ временнаго комитета Московскихъ с.-д. и о засѣданіяхъ съѣзда Всероссийскаго Союза Городовъ. 25 октября 1915 г. доставилъ свѣдѣнія для ареста членовъ с.-д. комитета. 4 декабря 1915 г. по его указанію были арестованы 4 члена комитета и хозяинъ явочной квартиры. Намѣчалъ отдѣльныхъ лицъ, за которыми устанавливался надзоръ. За одинъ только 1915 г. донесъ больше, чѣмъ на 100 лицъ, изъ которыхъ большая часть была отдана подъ надзоръ. Работалъ въ Охр. Отдѣленіи до послѣдняго времени. Человѣкъ энергичный, освѣдомленный, аккуратный въ донесеніяхъ, доносчикъ-профессиональ. Относится къ числу довольно серьезныхъ, но не первостепенныхъ «секретныхъ сотрудниковъ». Былъ арестованъ.

²⁾ Въ «агентурной запискѣ» *«Кондуктора»* отъ 20 октября 1915 г. между прочимъ сообщается: «Недавно изъ-за границы въ Москву отъ Ленина прѣехали двое соц.-дем. партійныхъ работниковъ—мужчина и

ную среду, поскольку она соприкасается къ обществу металлистовъ; о настроеніи фабричныхъ рабочихъ не знаетъ.

«Рязанскій» ¹⁾—съ ноября 1914 года, получаетъ 30 руб. въ мѣсяцъ; считается въ подпольной средѣ большевикомъ; состоитъ председателемъ въ Обществѣ народныхъ развлеченій и членомъ профессиональнаго Общества деревообдѣлочниковъ; освѣдомленность его ограничивается сферой дѣятельности названныхъ обществъ; указанія же на отдѣльныхъ партійныхъ лицъ внѣ общества могутъ быть случайными.

«Воскресенскій» ²⁾—съ апрѣля 1913 года, получаетъ 50 рублей въ мѣсяцъ; считается меньшевикомъ; освѣщаетъ рабочихъ типографіи Мамонтова и Общество народныхъ развлеченій; о положеніи партійной работы въ Москвѣ не знаетъ; указалъ, что распространенія въ январѣ сего года воззванія по поводу 9 января сочувствія среди рабочихъ не нашли.

«Монтеръ» ³⁾—съ іюля 1910 года; получаетъ 30 рублей въ

женщина, при чемъ послѣднюю зовутъ «Александрой Ивановной», и она одно время работала въ Петроградѣ, состоя, кажется, секретаремъ с.-д. фракціи Государственной Думы. По разработкѣ было выяснено, что женщина эта—Елена Федоровна Розмировичъ, жена Троиновскаго, а мужъ—Николай Васильевичъ Крыленковъ (Крыленко). «Агент. Записки по Р. С.-Д. Р. П. за 1915 г.» № 216).

Н. В. Крыленко—съ ноября 1917 г. «Комиссаръ по военнымъ и морскимъ дѣламъ и верховный главнокомандующій», а Е. Ф. Розмировичъ очевидно та «Е. Розмировичъ», телеграмма которой о переходѣ нѣмецкихъ окоповъ парламентарями Крыленки 14 ноября 1917 г. напечатана въ газетѣ «Новая Жизнь» (№ 181 отъ 15 ноября) за подписью «Секретарь делегаціи Е. Розмировичъ». О Н. В. Крыленкѣ см. еще прим. на стр. 281.

¹⁾ «Рязанскій»—Иванъ Степановичъ Комаровъ, кр. Рязанской губ. Переяславской вол. и села. Деревообдѣлочникъ. Въ 1915 г. былъ председателемъ о-ва содѣйствія устройства общеобразовательныхъ народныхъ развлеченій. Членъ совѣта р.-д. отъ Бутырскаго района. Членъ фракціи большевиковъ с. р. д. Служащій завода «Дуксъ». Принималъ участіе въ экскурсіяхъ, въ сборахъ въ пользу политическихъ ссыльныхъ. На службу въ Охран. Отд. поступилъ послѣ возвращенія въ 1915 г. изъ административной ссылки (согласно прошенію, посланному имъ начальнику Охран. Отдѣленія). Былъ арестованъ. Приговоромъ междупартійнаго Совѣтскаго Суда отъ 27 мая 1917 г. признанъ провокаторомъ, поджегающимъ содержанію подъ стражей до созыва Учредительнаго Собранія. Лишенъ политическихъ правъ.

²⁾ «Воскресенскій»—Валентинъ Михайловичъ Буксинъ, кр. Смоленской губ., Сычевскаго у., Воскресенской вол., печатникъ типографіи Мамонтова. Членъ Правленія О-ва рабочихъ печатнаго искусства и клуба разумныхъ развлеченій. Съ 1911 по 1916 г. состоялъ освѣдомителемъ Охран. Отдѣленія по рабочему движенію въ Москвѣ. Его донесенія весьма многочисленныя, касаются профессиональных союзовъ (печатниковъ и металлистовъ), рабочихъ клубовъ и школъ, экскурсій, санитарныхъ попечительствъ. Отмѣчалъ всѣ проявленія организационной и агитаціонной дѣятельности партіи с.-д. въ рабочихъ кругахъ, попутно доносилъ и на с.-р., и на анархистовъ. Называлъ нѣблизкій рядъ фамилій (между прочимъ донесъ на А. М. Никитина, В. И. Яхонтова и своего родного брата Илью Буксина и многихъ др.). Былъ арестованъ.

³⁾ «Монтеръ»—Александръ Александровичъ Голубевъ, кр. Ардатовскаго уѣзда, Симбирской губ., 32 лѣтъ, конторщикъ Т-ва «Проводникъ». Членъ Моск. Област. Комитета партіи с.-д., членъ о-ва коммерч. служащихъ, кооператива «Трудъ» и кр. Служилъ въ Охран. Отд. съ 1910 г. до послѣдняго времени. По его доносамъ многіе арестованы. Былъ арестованъ.

мѣсяцъ, считается большевикомъ; состоитъ предсѣдателемъ Общества безмѣстныхъ коммерческихъ служащихъ и членомъ комиссіи рекомендательнаго бюро Общества торговыхъ служащихъ; послѣдняя комиссія состоитъ изъ социаль-демократовъ; о положеніи партійной работы въ Москвѣ не знаетъ; освѣщаетъ названные общества.

«Валентинъ» ¹⁾—съ апрѣля 1915 года; получаетъ 35 руб. въ мѣсяцъ, считается меньшевикомъ, служитъ въ типографіи Зеликмана наборщикомъ, состоитъ предсѣдателемъ клуба «Просвѣщеніе» и помощникомъ секретаря Общества народныхъ развлеченій, которое и освѣщаетъ. О положеніи партійной работы въ Москвѣ не знаетъ.

«Паша» ²⁾—съ октября 1915 года, получаетъ 35 рублей въ мѣсяцъ, считается большевикомъ; состоитъ Товарищемъ Предсѣдателя Симоновской больничной рабочей кассы и служитъ на заводѣ, изготовляющемъ военные заказы, ранѣ служилъ на заводѣ «Динамо», при чемъ директоромъ этого завода уволенъ за сообщеніе Охранному Отдѣленію свѣдѣній о неблаговидныхъ дѣйствіяхъ администраціи завода; полезенъ какъ установщикъ и для наблюденія за исполненіемъ военныхъ заказовъ.

«Майскій» ³⁾—съ декабря 1915 года, получаетъ 60—70 рублей въ мѣсяцъ, большевикъ, близко стоитъ къ комитету Московской латышской социаль-демократической организаціи, латышъ, живетъ нелегально подъ фамиліей Ермолова во избѣжаніе призыва къ воинской повинности; состоялъ ранѣ сотрудникомъ въ Либавѣ подъ кличкой «Петерсонъ», гдѣ послѣ ареста Клепера былъ заподозрѣнъ и выѣхалъ въ Ригу; здѣсь послѣ ареста въ 1914 году на улицѣ съ револьверомъ сталъ оказывать услуги въ Лифляндскомъ Губернскомъ Жандармскомъ Управленіи; послѣ оправданія партійной слѣдственной Комиссіей, перешелъ на нелегальное положеніе и скрылся отъ воинской повинности въ

¹⁾ «Валентинъ»—Александръ Ивановичъ Мироновъ, кр. Хитровской вол. Данковского у., Рязанской губ. Состоялъ членомъ правленія клуба «Просвѣщеніе» и секретаремъ общества содѣйствія устройства общеобразовательныхъ народныхъ развлеченій. Давалъ свѣдѣнія о партійныхъ организаціяхъ (с.-д.) и профессиональныхъ союзахъ. Былъ арестованъ.

²⁾ «Паша»—Филиппъ Кирьяковичъ Волковъ, крест. Тульской губ., Веневского уѣзда, Подоходинской вол., села Подоходина. Рабочій, послѣднее время служилъ на телефонномъ заводѣ. Работалъ въ Охр. Отдѣленіи съ октября 1915 г. Освѣдомлялъ по рабочему движенію. Былъ арестованъ.

³⁾ «Майскій»—Рудольфъ Ивановичъ Берманъ, латышъ, бывш. сотрудникъ Охр. Отдѣленія въ Либавѣ подъ кличкой «Петерсонъ». Давалъ свѣдѣнія о латышскихъ с.-д. организаціяхъ въ связи съ антивоенной пропагандой, при чемъ самъ стоялъ къ этимъ организаціямъ очень близко. Въ 1916 г. давалъ свѣдѣнія объ анархистахъ—рабочихъ и о планахъ побѣга изъ тюрьмы. Былъ арестованъ.

Москву, гдѣ самъ явился въ Охранное Отдѣленіе съ предложеніемъ услугъ; близко стоитъ къ видному партійному дѣятелю въ Москвѣ нелегальному Блюмфельду и къ другимъ партійнымъ латышамъ: «Майскій» плохо говоритъ по-русски, и руководство имъ необходимо поручить лицу, знающему латышскій языкъ.

«Красный» ¹⁾ и «Молодой» ²⁾—съ конца 1915 года, получаютъ 75 рублей въ мѣсяцъ, супруги, латыши, большевики, изъ нихъ «Молодой» близко стоитъ къ членамъ совѣта и комитета латышской организаціи; освѣдомлены о мѣстной работѣ латышей; необходимо ихъ также вести лицу, знающему латышскій языкъ. Вслѣдствіе сего крайне желательно для этой цѣли прикомандировать къ Отдѣленію кого-либо изъ служащихъ въ Жандармскихъ Управленіяхъ Прибалтійскаго края, имѣвшихъ сношеніе съ агентурой и знающихъ латышскій языкъ.

«Владимиръ» ³⁾—съ ноября 1915 года, получаетъ 20 руб. въ мѣсяцъ; безпартійный, служитъ въ трамвайномъ паркѣ и состоитъ членомъ Союза металлистовъ; неразвитой; о социаль-демократахъ ничего не знаетъ; освѣщаетъ трамвайный паркъ и близко стоитъ къ сектѣ адвентистовъ, посѣщаетъ ихъ бесѣды и потому можетъ быть использованъ для ея освѣщенія.

«Фотографъ» ⁴⁾—съ декабря 1915 года, опредѣленнаго вознагражденія не получаетъ; работаетъ въ типографіи Сатанова; вращается въ кругу большевиковъ, но о партійной ихъ дѣятельности не знаетъ; фотографъ-любитель и въ качествѣ такового приглашается на экскурсіи, устраиваемыя иногда съ партійной цѣлью; кромѣ того, хорошо знакомъ съ сотрудникомъ «Пеллагеей» и виднымъ большевикомъ Федоровымъ; можетъ быть использованъ въ качествѣ вспомогательнаго сотрудника-справочника.

¹⁾ «Красный»—Карлъ Вилюмовичъ Спрогисъ, кр. Неппенской вол., Рижскаго у., Лифляндской губ. Сотрудничалъ раньше въ Лифляндскомъ губернскомъ жандармскомъ управленіи, 29 лѣтъ, типографъ, лютеранинъ. Давалъ свѣдѣнія о латышскихъ организаціяхъ с.-д. Самъ былъ секретаремъ О-ва взаимопомощи, редакторомъ рабочаго отдѣла газеты «Laikā Domas». Доносилъ на многихъ; нѣкоторые арестованы по его указанію. Не разысканъ.

²⁾ «Молодой»—Марья Петровна Спрогисъ, крест. Лифляндской губ., жена К. В. Спрогиса, также бывшая сотрудница лифляндскаго губернскаго жандармскаго управленія. Не разыскана.

³⁾ «Владимира» не значится въ списокъ секретныхъ сотрудниковъ бывшаго Московскаго Охраннаго Отдѣленія, раскрытыхъ и опубликованныхъ Московской Комиссіей по обезпеченію новаго строя.

⁴⁾ «Фотографъ»—Николай Андреевичъ Барышниковъ, кр. Раменской волости, Бронницкаго уѣз., Московской губ. Служилъ въ типографіи Сатанова и «Мюръ и Мерилизъ», с.-д., секретарь профессиональнаго общества рабочихъ печатнаго искусства. Былъ арестованъ. Приговоромъ междупартійнаго Суда отъ 9 іюня 1917 г. признанъ опаснымъ для новаго строя и подлежащимъ содержанію подъ стражей до Учредительнаго собранія. Лишенъ политическихъ правъ.

«Птицынъ» ¹⁾—съ января сего года, опредѣленнаго вознагражденія не получаетъ, бывший сотрудникъ Петроградскаго Охраннаго отдѣленія по Р. С.-Д. Р. П.; ему воспрещено жительство въ Петроградѣ; переѣхалъ въ Москву по семейнымъ обстоятельствамъ; имѣть въ Москвѣ связи съ видными социаль-демократами; можетъ быть полезенъ, если его жена не провалитъ; къ устраненію семейныхъ недоразумѣній мѣры приняты.

«Максимъ» ²⁾—ноября 1915 года, получаетъ 20 рублей въ мѣсяцъ, вращается среди меньшевиковъ, освѣщаетъ рабочихъ артиллерійскаго завода и дѣятельность профессиональнаго общества металлистовъ.

«Кузьмичъ» ³⁾—съ декабря 1915 года, опредѣленнаго вознагражденія не получаетъ, считается большевикомъ и соприкасается съ отдѣльными лицами изъ латышской организаціи.

Кромѣ перечисленныхъ лицъ имѣются безпартійные «Васильевскій» ⁴⁾ и «Метелкинъ» ⁵⁾, освѣщающіе рабочихъ фабрики «Густавъ Листъ» и завода «Гужонъ», и «Чиркашевъ» ⁶⁾ по освѣщенію дѣятельности сестры милосердія санитарнаго поѣзда № 217 Рахили Рочко ⁷⁾.

¹⁾ «Птицынъ»—Фаддей Николаевичъ Поповъ, кр. Виленской губ., бывш. сотрудникъ Петроградскаго Охраннаго Отдѣленія, гдѣ былъ проваленъ; рабочій, давалъ свѣдѣнія объ организаціяхъ с.-р., с.-д. и анархистовъ. Былъ арестованъ въ Петроградѣ.

²⁾ «Максимъ»—Иванъ Семеновичъ Байковъ, кр. Смоленской губ., Ельницкаго уѣзда, рабочій на заводѣ «Динамо». Давалъ свѣдѣнія по рабочему движенію. Былъ арестованъ. Приговоромъ междупартійнаго Суда отъ 10 июля 1917 г. признанъ незначительнымъ освѣдомителемъ. Лишенъ политическихъ правъ. Изъ подъ стражи освобожденъ.

³⁾ «Кузьмичъ» не значится въ спискѣ секретныхъ сотрудниковъ бывш. Московскаго Охраннаго Отд., раскрытыхъ и опубликованныхъ Московской Комиссіей по обезпеч. нов. строя.

⁴⁾ «Васильевскій»—Иванъ Семеновичъ Ереминъ, кр. Зарайскаго уѣзда, Рязанской губ., Онъ же Нестеровъ Василій Петровичъ. Былъ арестованъ. Приговоромъ междупартійнаго Суда 24 мая 1917 г. признанъ незначительнымъ освѣдомителемъ и освобожденъ изъ-подъ стражи. Лишенъ политическихъ правъ.

⁵⁾ «Метелкинъ» не значится въ спискѣ секретныхъ сотрудниковъ бывш. Московск. Охранн. Отд., раскрытыхъ и опубликованныхъ Моск. Ком. по обезпеч. новаго строя.

⁶⁾ «Чиркашевъ»—Иванъ Федоровичъ Стоговъ, санитаръ поѣзда № 217. Въ 1915—16 г.г. освѣдомлялъ Охранное Отдѣленіе о персоналѣ санитарнаго поѣзда. Велъ наблюденія за сестрой милосердія Рочко. Оправданъ приговоромъ междупартійнаго Суда отъ 17 июля 1917 г.

⁷⁾ Изъ дѣла б. М. О. О. о Рахили Рочко видно, что по поступившимъ въ 1915 г. (4 апрѣля) въ Охран. Отдѣленіи свѣдѣніямъ она вела пропаганду среди раненыхъ и больныхъ нижнихъ чиновъ; по выясненіи оказалось, что Рочко служитъ въ Военно-Санитарномъ поѣздѣ № 217 Земскаго Союза, куда Охран. Отд. помѣстило въ качествѣ служащаго освѣдомителя «Чиркашева»

Объ этомъ начальникъ б. М. О. О. писалъ жандармскому подполковнику Тишевскому: «Въ ноябрѣ сего года, согласно предложенія Департамента Полиціи отъ 14 ноября с. г. за № 174085, отдѣленіемъ была приобрѣтена въ вышеуказанномъ поѣздѣ секретная агентура по наблюденію за дѣятельностью Рахили Рочко, 16 декабря с. г., по возвращеніи поѣзда»

Въ виду серьезнаго значенія, приобретаемаго въ настоящее время фабриками и заводами, представлялось бы желательнымъ усилить рабочую агентуру въ Москвѣ.

Высшія учебныя заведенія.

Стремленіе къ организованности въ студенческой средѣ наблюдалось съ начала 1915 года, когда начали образовываться особыя марксистскія группы при Императорскомъ Техническомъ Училищѣ, Университетѣ, Коммерческомъ Институтѣ и Народномъ Университетѣ Шанивскаго; группы эти выпускали воззванія о текущемъ моментѣ, но, благодаря отсутствію у студентовъ связей съ рабочими и принятымъ Охраннымъ Отдѣленіемъ мѣрамъ, воззванія имѣли незначительное распространеніе.

Агентуру составляютъ:

«Томскій» 1) — съ апрѣля 1912 года, получаетъ 60 рублей въ мѣсяцъ, слушательница университета Шанивскаго и членъ правленія общества названнаго Университета; помимо университета соприкасается со студентами социаль-демократами и освѣщаетъ ихъ группировки, ея свѣдѣнія очень способствовали ликвидациі Прѣсненской группы Р. С.-Д. Р. П., когда были арестованы техники и отчетность группы.

«Томскій» очень нервная, бойкая и увлекающаяся, а потому требуетъ умѣлаго руководства.

«Кудрявецъ» 2) — съ декабря 1913 года, получаетъ 40 рублей въ мѣсяцъ, студентъ Московскаго Коммерческаго Института и состоитъ членомъ социаль-демократической группы названнаго Института; освѣщаетъ настроеніе студентовъ Института, дѣятельность кружка «Солидарность» имѣетъ и связь съ кооперативными

изъ побѣды, сообщившая, что поведение Рочко въ побѣдѣ дѣйствительно внушаетъ подозрѣнія: въ пути Рочко спрашиваетъ раненыхъ о срокахъ службы, о принадлежности ихъ къ воинскимъ частямъ, о мѣстѣ нахождения этихъ частей, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ раненъ, говорила, что скоро войнѣ конецъ, такъ какъ призываютъ студентовъ, которые въ большинствѣ безусловно противъ войны, посѣщала вѣтрѣнные побѣды съ плѣнными австрійцами, давала имъ деньги и говорила по-нѣмецки.

1) «Томскій» — Марія Владиміровна Мароши, слушательница Моск. Высш. женск. курсовъ, австрійская подданная. Работала въ Моск. Охр. Отдѣленіи съ 1912 г. до послѣдняго времени. Освѣщала студенческое движеніе, доносила объ Обществѣ оказанія помощи политическимъ осѣлымъ (междупартійный «Красный Крестъ»), гдѣ сама принимала участіе. Доносила на членовъ с.-д. организацій, особенно о прѣсненской группѣ. Была арестована. Приговоромъ междупартійнаго Суда отъ 24 мая 1917 г. лишена политическихъ правъ и оставлена подъ стражей до созыва Учредительнаго Собранія. 5 июня освобождена по болѣзни.

2) «Кудрявецъ» — Федоръ Егоровичъ Транзильникій, студентъ Коммерческаго Института экономическаго отдѣленія. Служилъ въ Охранномъ Отдѣленіи не менѣе 3-хъ лѣтъ, до послѣдняго времени. Освѣдомлялъ о партійныхъ студенческихъ кружкахъ. Былъ арестованъ.

обществами; въ последнее время «Кудрявцевъ» часто болѣетъ, и кромѣ того занятъ экзаменами, а потому немного отошелъ отъ работы.

«Павловскій» ¹⁾—съ сентября 1912 года, получаетъ 35 рублей въ мѣсяцъ, слушатель Университета Шанявскаго; привлекался въ 1907 году за принадлежность къ социаль-демократической организаціи и отбылъ по суду въ крѣпости; много говоритъ и безсодержательно; нужно его тщательно направлять; вращается среди социаль-демократовъ, но о положеніи партійной работы по городу Москвѣ не знаетъ; даетъ свѣдѣнія по Университету и по союзу служащихъ въ торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ.

«Костромской» ²⁾—съ сентября 1910 года, получаетъ 20 рублей въ мѣсяцъ; студентъ Московскаго Университета; даетъ свѣдѣнія по Университету и главнымъ образомъ о настроеніи слушателей физико-математическаго факультета.

«Ивановъ» ³⁾—съ 1912 года, получаетъ 30 рублей въ мѣсяцъ; студентъ, освѣщаетъ настроеніе слушателей Университета Шанявскаго и ихъ группировки, а также общественное движеніе, имѣя связи въ разныхъ слояхъ демократическаго общества.

Освѣщеніе высшихъ учебныхъ заведеній необходимо признать недостаточнымъ. На мое замѣчаніе по этому поводу полковникъ Мартыновъ заявилъ, что часть агентуры отошла вслѣдствіе призыва на военную службу, и пробѣлъ этотъ пополняется агентурой, освѣщающей общественное движеніе. Съ объясненіемъ этимъ я не могу согласиться, такъ какъ агентура эта не можетъ быть въ курсѣ того, что происходитъ въ средѣ учащейся молодежи.

На замѣчаніе 6-го дѣлопроизводства Департамента полиціи о томъ, что свѣдѣнія Московскаго Охраннаго Отдѣленія, зарегистрированы по высшимъ учебнымъ заведеніямъ отъ различныхъ партійныхъ сотрудниковъ, находящихся въ вѣдѣніи нѣсколькихъ офицеровъ, т.-е., что освѣщеніе названныхъ заведеній не

¹⁾ «Павловскій»—Павелъ Никитичъ Муратовъ, сынъ Московскаго 2-й гильдіи купца, служащій Управленія Александровской жел. дор. слушатель Университета Шанявскаго. Сталъ давать свѣдѣнія съ 1913 г. Всего имъ дано свыше 80 донесеній. Освѣщаетъ студенческія группы Унив-та Шанявскаго, профессиональные союзы и дѣятельность отдѣльных лицъ, принадлежащихъ къ нелегальнымъ партіямъ. Не разысканъ.

²⁾ «Костромской»—Михаилъ Васильевичъ Тисзецкій, кр. Сувалской губ., Вилькомирскаго уѣзда. Служилъ въ Охранн. Отдѣленіи не менѣе 6 лѣтъ, до послѣдняго времени; будучи студентомъ, доносилъ о студенческомъ движеніи, особенно о литовскихъ и польскихъ организаціяхъ. Получалъ официально 40 р. въ мѣсяцъ. Умеръ.

³⁾ «Ивановъ»—Сергій Семеновичъ Звѣревъ, ученикъ школы Живописи Ваянія и Зодчества. Работалъ въ Охр. Отдѣленіи съ 1910 г., давалъ свѣдѣнія по Университету Шанявскаго. Былъ арестованъ. Приговоромъ междупартійнаго Суда отъ 10 іюля дѣятельность Звѣрева въ Саратовѣ признана провокаторскою, а въ Москвѣ освѣдомительскою. Лишенъ политическихъ правъ. Оставленъ на свободѣ въ виду болѣзни.

сосредоточено въ однѣхъ рукахъ, и что, кромѣ того, въ агентурныя записки по студенческому движенію помѣщаются свѣдѣнія партійнаго характера, каковыя должны регистрироваться по агентурнымъ запискамъ соотвѣтственно партіямъ, полковникъ Мартыновъ заявилъ, что означенный порядокъ допущенъ потому, что партійная дѣятельность воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній освѣщается агентурой, предназначенной для высшихъ учебныхъ заведеній и отмѣчается попутно партійной агентурой, каковая распределена соотвѣтственно партіямъ между отдѣльными офицерами, въ виду чего въ агентурной запискѣ по студенческому движенію могутъ оказаться свѣдѣнія о революціонной дѣятельности воспитанниковъ и о такого рода дѣятельности тѣхъ же лицъ свѣдѣнія, поступившія отъ партійной агентуры, проходятъ по партійнымъ агентурнымъ запискамъ.

Принятый въ Московскомъ Охранномъ Отдѣленіи порядокъ порождаетъ слѣдующія затрудненія.

Для правильной регистраціи партійныхъ свѣдѣній необходимо, чтобы въ розыскныхъ учрежденіяхъ и въ Департаментѣ Полиціи всѣ свѣдѣнія по одной партіи сосредоточивались въ одномъ отдѣленіи или въ однѣхъ рукахъ, а потому свѣдѣнія эти, отъ какой бы агентуры ни поступали, должны заноситься въ агентурную записку по соотвѣтственной партіи, тогда записка всегда своевременно поступитъ въ соотвѣтственное партіи отдѣленіе или къ завѣдующему определенной партіей лицу и будетъ вшита въ соотвѣтственное партіи дѣло.

При установившемся въ Московскомъ Охранномъ Отдѣленіи порядкѣ, свѣдѣнія о революціонной дѣятельности, проходящія по агентурной запискѣ для «Студенческаго движенія или «по высшимъ учебнымъ заведеніямъ» не поступаютъ непосредственно въ отдѣленіе, которое вѣдаетъ упомянутой въ свѣдѣніяхъ партіей, а направлены будутъ сперва въ отдѣленіе, которое вѣдаетъ перепиской о движеніи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, по использованіи свѣдѣній въ послѣднемъ отдѣленіи; записка, спустя время, будетъ предъявлена въ партійное отдѣленіе и затѣмъ по исполненіи, если встрѣтится надобность запросовъ и указаній, записка съ перепиской должна вернуться въ отдѣленіе, вѣдающее движеніемъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Между тѣмъ слѣдить за разработкой партійныхъ свѣдѣній и давать по нимъ указанія обязано партійное отдѣленіе, гдѣ и должны эти свѣдѣнія остаться въ дѣлахъ.

Помѣщенные въ агентурной запискѣ по студенческому движенію партійныя свѣдѣнія иногда заслуживаютъ особаго вниманія, такъ какъ могутъ быть болѣе полными, нежели свѣдѣнія.

полученныя о тѣхъ же лицахъ отъ партійнаго сотрудника, и иногда не согласоваться съ послѣднимъ, и потому важны для оцѣнки и провѣрки партійной агентуры; наконецъ, можетъ оказаться, что въ одной агентурной запискѣ по студенческому движенію помѣщены свѣдѣнія по различнымъ партіямъ. Когда записка должна быть предъявлена въ нѣсколько партійныхъ отдѣленій, при чемъ въ каждомъ отдѣленіи придется вести по разработкѣ отдѣльную переписку, для чего потребуется значительное время.

Вслѣдствіе сего необходимо, чтобы въ Московскомъ Охранномъ Отдѣленіи велся на каждаго сотрудника дневникъ, и чтобы данныя сотрудникомъ свѣдѣнія, полученныя на свиданіи и касающіяся различныхъ партій, не заносились непосредственно цѣликомъ въ одну агентурную записку, какъ практикуется нынѣ. А согласно инструкціи по веденію внутренней агентуры, заносились бы непосредственно въ дневникъ сотрудника, а затѣмъ направлялись въ формѣ агентурныхъ записокъ (въѣдъ не всѣ свѣдѣнія, данныя сотрудникомъ, могутъ быть, въ цѣляхъ сохраненія его отъ провала, помѣщены изъ дневника въ агентурную записку), при чемъ свѣдѣнія, относящіяся къ различнымъ партіямъ, должны разбиваться по соотвѣтственнымъ партіямъ агентурнымъ запискамъ, которыя затѣмъ поступаютъ непосредственно для разсмотрѣнія въ подлежащія партійныя отдѣленія, гдѣ и останутся въ дѣлахъ. Такой порядокъ значительно облегчитъ справку по освѣщенію и о положеніи партіи, а также о работѣ агентуры и сократитъ время для исполненія по свѣдѣніямъ переписки.

Общественное движеніе.

Общественное движеніе освѣщаютъ сотрудники: «Блондинка», «Павловъ», «Цвѣтковъ», «Анненковъ», «Петровский» ¹⁾, «Евдокимовъ», «Ивашовъ», «Покровский» ²⁾, «Рышетовъ» ³⁾, «Сидоровъ» ⁴⁾ и «Промышленникъ», а также выше охарактеризованный сотрудникъ «Штурманъ». Съ большинствомъ изъ названныхъ лицъ свиданія, по заявленію полковника Мартынова, ведутся имъ.

¹⁾ «Петровский» не значится въ спискѣ секретныхъ сотрудниковъ бывш. Моск. Охран. Отд., раскрытыхъ и опубликованныхъ Московской Комиссіей по обезпеченію новаго строя.

²⁾ «Покровский» — Алексѣй Петровичъ Петровъ, архивариусъ Московской Судебной Палаты. Давалъ свѣдѣнія въ 1916 г. по общественному движенію. Допрошенъ.

³⁾ «Рышетовъ» — Михаилъ Александровичъ Михайловъ, телеграфистъ. Сообщать о настроеніяхъ московскихъ телеграфныхъ служащихъ. Не разысканъ.

⁴⁾ «Сидоровъ» не значится въ спискѣ секретныхъ сотрудниковъ бывш. Моск. Охр. Отд., раскрытыхъ и опубликованныхъ Московской Комиссіей по обезпеченію новаго строя.

самимъ или единолично или при помощи Надворнаго Совѣтника Квицинскаго, но провѣрить это, за отсутствіемъ дневниковъ на каждаго сотрудника, невозможно. Весь названный персоналъ въ общемъ удовлетворительно освѣщаетъ общественное движеніе лѣвыхъ московскихъ круговъ, обрисовывая настроеніе Обще-Земскаго, Обще-городскаго Союзовъ, Военно-Промышленнаго Комитета, членовъ конституціонно-демократической партіи, кооперативныхъ, потребительскихъ обществъ и различныхъ просвѣтительныхъ учреждений; монархическое же движеніе до послѣдняго времени оставалось въ полной тѣни. Въ Охранномъ Отдѣленіи не оказалось даже перечня нынѣ дѣйствующихъ монархическихъ организацій.

Сотрудникъ «Блондинка» ¹⁾ работаетъ съ 1910 года и получаетъ 125 рублей въ мѣсяцъ. Соприкасаясь съ газетными и общественными работниками, «Блондинка» всегда въ курсѣ злобы дня. Владѣя перомъ, сотрудникъ облакаетъ свѣдѣнія свои въ форму литературно написаннаго доклада. Съ «Блондинкой» я видѣлся 17 декабря и 14 января.

По его словамъ, настроеніе напряженное, противодинастическое. Вернувшійся съ Галиційскаго фронта членъ Государственной Думы Маклаковъ передавалъ, что среди арміи ходятъ слухи о возможности дворцоваго переворота. Лозунгъ: полное спокойствіе во время войны, расплата съ «шофферомъ» послѣ войны. На первый планъ выдвигается стремленіе сорганизоваться. Видную роль въ ростѣ и питаніи оппозиціоннаго настроенія играютъ Обще-Земскій и Обще-Городской Союзы и Московскій Областной Военно-промышленный Комитетъ. Сотрудникъ, подробно освѣщаетъ дѣятельность главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ этихъ союзахъ. За послѣднее время выдвинутъ на первый планъ на совѣщаніи у Московскаго Городскаго Головы Челно-

¹⁾ «Блондинка» — Иванъ Яковлевичъ Дриликъ. Работалъ съ начальникомъ Охраннаго Отдѣленія полков. Мартыновымъ. Сотрудникъ «Русскаго Слова», гдѣ завѣдывалъ одно время Петроградскимъ Отдѣломъ. Работалъ также въ «Кіевской Мысли». Вращался въ прогрессивныхъ кругахъ, особенно среди к.-д. Давалъ точныя свѣдѣнія не только о засѣданіяхъ партіи народной свободы, но и о работѣ и настроеніи въ Комитетѣ партіи. Сообщалъ о засѣданіяхъ на частныхъ квартирахъ, при чемъ нѣкоторыя рѣчи, какъ напр., рѣчи Коновалова, приводилъ почти дословно. Доставлялъ свѣдѣнія (повидимому съ чужихъ словъ) о собраніяхъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Эрмитажѣ». Сообщалъ массу свѣдѣній объ отношеніи общественныхъ дѣятелей къ правительственной политикѣ, къ выборамъ въ Государственную Думу. Въ 1911—1912 г.г. давалъ свѣдѣнія о съѣздахъ: потребительскихъ обществъ, по народному образованію: о лекціяхъ общества народныхъ университетовъ. Въ 1914 г. давалъ свѣдѣнія: о поѣздкѣ Щепкина въ Варшаву, о докладѣ Прокоповича въ Союзѣ городовъ. Въ 1916 г. сообщалъ о поѣздкѣ общественныхъ дѣятелей за границу, о подготовительной работѣ къ кооперативному съѣзду и т. д. Числился на службѣ до послѣдняго времени. Не разысканъ.

кова вопросъ о поѣздѣ членовъ Государственной Думы въ Англію для переговоровъ съ членами парламента о внѣшнемъ займѣ, по польскому вопросу и объ условіяхъ мира. Сотрудникъ приводитъ отзывъ члена Государственной Думы Шингарева о томъ, что наступить моментъ, когда надо прекратить переговоры съ официальной Россіей и начать говорить съ неофициальной. Идетъ общій говоръ, что послѣ войны послѣдуетъ капитуляція правительства передъ общественными силами.

Предполагается испросить разрѣшеніе созыва Всероссийскаго Съѣзда военно-промышленныхъ комитетовъ одновременно съ съѣздами обще-земскимъ и обще-городскимъ съ участіемъ представителей отъ рабочихъ. Подробная записка по свѣдѣніямъ «Блондинки» съ примѣрнымъ перечнемъ мѣръ къ ослабленію роста оппозиционно-революціоннаго движенія подъ заглавіемъ «Что дѣлать», мною лично представлена Вашему Превосходительству 26 декабря 1915 года ¹⁾.

«Павловъ» ²⁾ работаетъ съ февраля 1915 г., получаетъ 150 руб. въ мѣсяцъ, служитъ въ Московскомъ областномъ Военно-Промышленномъ Комитетѣ, который подробно освѣщаетъ. Между прочимъ онъ сообщилъ, что предсѣдатель Комитета Рябушинскій, вопреки запрещенію Командующаго Войсками генерала отъ инфантерій Мрозовскаго, передалъ англійскому послу составленную членомъ этого Комитета Поплавскимъ записку о работѣ Московскаго Промышленнаго Района.

У «Павлова» есть преступное прошлое и старыя революціонныя связи. Живетъ онъ легально. Въ виду того, что «Павловъ» представляется человѣкомъ бывалымъ, довольно сообразительнымъ и желающимъ заработать, я вступилъ съ нимъ въ обсужденіе возможности перенесенія его работы за границу, при чемъ рекомендовалъ ему самый актъ переѣзда обставить въ видѣ командировки его Военно-Промышленнымъ Комитетомъ. Такъ какъ «Павловъ» теперь стоитъ далеко отъ подполья, то ему нужно

¹⁾ «Трудъ» этотъ въ разобранныхъ дѣлахъ бывш. Моск. Охр. Отд. не найденъ. Мы не теряемъ надежды отыскать его.

²⁾ «Павловъ» — Александръ Михайловичъ Кошкаревъ, секретарь Бюро Московскаго военно-промышленнаго комитета. Съ начала дѣятельности военно-промышленнаго комитета и до самаго послѣдняго времени давалъ подробныя свѣдѣнія о засѣданіяхъ президіума и комиссій военно-пром. комитета. Доставлялъ Охранному Отдѣленію копіи стенограммъ засѣданій и переписки военно-промышленнаго комитета. Получалъ въ Охранномъ Отдѣленіи 200 руб. постояннаго жалованія. Кромѣ подробныхъ свѣдѣній о военно-промышленномъ Комитетѣ, освѣдомлялъ Охран. Отд. объ Обществѣ имени Чупрова (1915—1916 г.г.), объ Обществѣ сближенія съ Англіей, о засѣданіяхъ Московской Городской Думы, о настроеніяхъ въ кругахъ гласныхъ, о Союзѣ Городовъ и «Земгорѣ». Ранѣе работалъ въ Вятскомъ Губернскомъ Жандармскомъ Управленіи по партіи соц.-рев. подъ кличкой «Викторовъ». Былъ арестованъ.

всесторонне обдумать этотъ вопросъ и о послѣдующемъ дать знать Начальнику Отдѣленія.

«Промышленникъ»¹⁾ работаетъ съ 21 декабря 1915 года. Самъ предложилъ услуги Департаменту Полиціи, коимъ и передавъ въ Отдѣленіе. Ранѣе не привлекался. Служить въ чайной развѣсочной. Одинъ изъ девяти членовъ Московскаго Областнаго Военно-Промышленнаго Комитета.

Сотрудникъ производитъ впечатлѣніе умнаго интеллигентнаго рабочаго. По его словамъ, рабочіе пошли въ Промышленный Комитетъ ради классовой организаціи, рабочая группа требуетъ самостоятельности въ работѣ, а промышленники имъ въ этомъ отказываютъ.

«Анненковъ»²⁾ служить съ 4 сентября 1915 года, получаетъ 100 рублей въ мѣсяцъ и проситъ объ увеличеніи этого оклада. Съ 10 ноября 1915 г. по 12 января сего года свѣдѣній отъ «Анненкова» не поступало. «Анненковъ» мелкій сотрудникъ въ газетѣ «Русскія Вѣдомости» по отдѣлу хроники и какъ таковой связанъ со многими общественными дѣятелями. Никакого значенія въ редакціонной средѣ не имѣетъ и не можетъ оказать вліянія на появленіе тѣхъ или иныхъ статей въ газетѣ.

«Евдокимовъ»³⁾ работаетъ съ 22 ноября 1916 года и получаетъ 75 рублей въ мѣсяцъ. Самъ предложилъ услуги. Готовится къ экзамену на аттестатъ зрѣлости. «Евдокимовъ» командированъ отдѣленіемъ на публичныя лекціи и даетъ свѣдѣнія о засѣданіяхъ общества «Кооперация», куда вошелъ членомъ. Сотрудникъ особаго интереса не представляетъ.

«Цвѣтковъ»⁴⁾ служить съ 23 апрѣля 1915 года и получаетъ

¹⁾ «Промышленникъ» — Иванъ Григорьевичъ Вязковъ, кр. Калужской губ., д. Вяткино. Членъ Совѣта р. д. Членъ рабочей группы Областнаго военно-промышленнаго комитета. Былъ въ Петроградѣ делегатомъ на совѣщаніи 14 декабря въ помѣщеніи рабочей группы Центрального военно-промышл. комитета. По его допосу не допущено собраніе выборщиковъ отъ рабочихъ въ Московскій областной военно-промышленный Комитетъ 15 октября 1916 г., въ домѣ Купческаго Общества на Солянкѣ. Былъ арестованъ. Приговоромъ междупартійнаго Суда отъ 20 мая 1917 г. признанъ опаснымъ и подлежащимъ содержанію подъ стражей до созыва Учредительнаго Собранія. Лишенъ политическихъ правъ.

²⁾ «Анненковъ» — Федоръ Максимовичъ Кицнеръ. Работалъ для освѣщенія общественнаго движенія съ надворнымъ совѣтникомъ Квицинскимъ. О немъ въ архивѣ дѣлъ бывш. Моск. Охр. Отд. имѣются свѣдѣнія съ 1915 г. Давалъ свѣдѣнія о настроеніи въ московскихъ общественныхъ и промышленныхъ кругахъ, сообщалъ о предстоящихъ засѣданіяхъ земскаго и городского союзовъ и давалъ о нихъ отчеты Охранному Отдѣленію. То же о промышленномъ Комитетѣ. Давалъ свѣдѣнія о политическихъ взглядахъ большаго числа московскихъ политическихъ дѣятелей. Принадлежалъ къ числу «репортеровъ» Охр. Отдѣленія. Умеръ.

³⁾ «Евдокимовъ» — Владиміръ Николаевичъ Псяковичъ. Сообщалъ Охранному отдѣленію о дѣятельности общества «Кооперация». Давалъ отчеты о лекціяхъ и рефератахъ. Былъ арестованъ.

⁴⁾ «Цвѣтковъ» — Евгеній Михайловичъ Боровиковъ, сотрудникъ «Райнаго Утра», велъ тамъ Академическій Отдѣлъ и отдѣлъ провинціаль-

100 рублей въ мѣсяцъ. «Цвѣтковъ» сотрудникъ въ газетѣ «Раннее Утро», въ которой помѣщаетъ отчеты о дѣятельности ученыхъ и просвѣтительныхъ обществъ.

Между тѣмъ «Цвѣтковъ» сообщилъ, что центральный Комитетъ кооперативовъ разсылаетъ всѣмъ мѣстнымъ Комитетамъ воззванія съ предложеніемъ организоваться всѣмъ народнымъ силамъ, чтобы взять въ свои руки отвѣтственность за будущее Россіи.

Соприкасаясь въ легальныхъ засѣданіяхъ съ представителями студенчества, «Цвѣтковъ» даетъ общаго характера свѣдѣнія о жизни учащейся молодежи. «Цвѣтковъ» привлекался въ административномъ порядкѣ въ 1906 году при Вятскомъ Губернскомъ Жандармскомъ Управленіи, послѣ чего былъ высланъ въ гор. Омскъ. Здѣсь онъ былъ привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго по 102 ст. Угол. Улож. за участіе въ областной организаціи партіи социалистовъ-революціонеровъ и былъ въ сношеніяхъ съ военной организаціей этой группы и съ членами боевиками.

Сотрудникъ живетъ теперь легально и отказывается говорить о своихъ прежнихъ связяхъ. Вообще «Цвѣтковъ» производитъ впечатлѣніе человѣка, который далекъ еще отъ роли сотрудника. Это еще сырой матеріалъ, незамиранный врагъ Правительства.

Я не раздѣляю мнѣнія полковника Мартынова, что «Цвѣтковъ» могъ бы быть использованъ въ качествѣ сотрудника заграничной агентуры. «Цвѣтковъ» прямо заявляетъ, что если онъ и пошелъ на компромиссы съ Охраннымъ Отдѣленіемъ, то исключительно при условіи давать свѣдѣнія не о тайныхъ сообществахъ, а легальныхъ организаціяхъ.

Этому сотруднику при настоящихъ условіяхъ серьезнаго значенія нельзя придавать, и съ нимъ нужна большая осторожность, выдержка и терпѣливая работа, ибо онъ даетъ минимумъ. безъ коего онъ не можетъ рассчитывать на жалованіе.

Остальные изъ перечисленныхъ сотрудниковъ по общественному движенію, вслѣдствіе недостаточнаго значенія представленныхъ ими свѣдѣній, не были предъявлены.

Польское движеніе:

«Пріятный» ¹⁾—съ декабря 1915 года, получаетъ 200 рублей въ мѣсяцъ; переданъ изъ Варшавскаго Охраннаго Отдѣленія

ныхъ газетъ. Дѣлопроизводитель О-ва дѣятелей періодической печати. Освѣдомлялъ Охранное Отдѣленіе о работахъ экстренныхъ сѣздовъ уполномоченныхъ земствъ и городовъ (1915 г.). Давалъ свѣдѣнія о настроеніи студенчества и профессуры (1916 г.), о сѣздѣ журналистовъ, о дѣятельности кооперативовъ. Былъ арестованъ. Приговоромъ между партійнаго Суда отъ 20 мая 1917 г. освобожденъ изъ подъ стражи. Лишенъ политическихъ правъ.

¹⁾ «Пріятный»—Здиславъ Антоновичъ Смулка, полякъ, австрійскій подданный. Сотрудникъ польскихъ газетъ. Сообщалъ въ 1916 г. о поль-

послѣ эвакуаціи, принадлежитъ къ русско-польской группѣ кадетской партіи, бывший сотрудникъ зарубежныхъ польскихъ газетъ и Московской газеты «Польское Эхо»; обслуживаетъ польскіе кружки, группирующіеся въ Москвѣ возлѣ А. Р. Ледничаго и Л. Даровскаго; имѣетъ большое знакомство среди польской колоніи въ Москвѣ и среди петроградскихъ, варшавскихъ и зарубежныхъ поляковъ; отмѣчаетъ направленіе польской политической мысли и ближайшіе планы польскаго движенія въ Россіи.

По его словамъ, поляки, послѣ окончанія войны, отнюдь не будутъ удовлетворены автономнымъ устройствомъ Польши на началахъ, указанныхъ въ воззваніи Великаго князя Николая Николаевича, а будутъ бороться за независимость польскаго государства, въ каковомъ направленіи и подготавливаетъ польско-русское общество легальная польская пресса въ Россіи.

Независимо перечисленной агентуры въ вѣдѣніи полковника Вахнина находятся вспомогательные сотрудники: «Соколъ»¹⁾, «103»²⁾, «Бодрый»³⁾, «Рязанцевъ»⁴⁾, «Новскій»⁵⁾, «Сокольниковскій»⁶⁾, «Ильинскій»⁷⁾, освѣщающіе настроеніе среди трам-

скомъ движеніи, главнымъ образомъ объ антирусскомъ направленіи польской интеллигенціи, группировавшейся, по его словамъ, вокругъ «Дома Польскаго», о газетѣ «Эхо Польское» и еженедѣльникахъ «Польское Дѣло» и «Огниско» и о польскомъ Комитетѣ. Донесъ на двухъ служащихъ въ американскомъ консульствѣ поляковъ, австрійскихъ подданныхъ, которые были арестованы. Работалъ надъ монографіей «Польскія земли подъ прусскимъ владычествомъ». Многихъ поляковъ обвинялъ въ военномъ шпіонажѣ. Былъ арестованъ въ Петроградѣ.

¹⁾ «Соколъ»—Василій Ивановичъ Силаевъ, кр. Тульской губ., Кутульской вол., вагоновожатый трамвая. Освѣдомлялъ по трамвайному движенію. Былъ арестованъ.

²⁾ «103»—Станиславъ Ивановичъ Янушкевичъ, кр. Новогрудскаго уѣз., Минской губ., служащій Миусскаго парка. Допрошенъ.

³⁾ «Бодрый»—Михаилъ Петровичъ Комаровъ, кр. Микул. вол., Стар. уѣз., Тверской губ., кондукторъ трамвая. Мелкій освѣдомитель. Допрошенъ.

⁴⁾ «Рязанцевъ»—Акимъ Алексѣевичъ Анохинъ, кр. Рязанской губ., кондукторъ трамвая. Освѣщалъ рабочее и трамвайное движеніе, между проч., во время октябрьской забастовки 1915 г. сообщалъ фамиліи делегатовъ отъ своего (Рязанскаго) парка. По его доносу арестованъ делегатъ отъ парка И. Ожиговъ. Незначительный освѣдомитель. Былъ арестованъ. Приговоромъ междупартійнаго Суда отъ 6 іюля 1917 г. признанъ незначительнымъ освѣдомителемъ по легкомыслію. Лишенъ права участія въ политическихъ организаціяхъ и активнаго и пассивнаго избирательнаго права при выборахъ Учредительнаго Собранія и органовъ самоуправления. Не лишенъ права участвовать въ профессиональныхъ и экономическихъ организаціяхъ. Изъ подъ стражи освобожденъ.

⁵⁾ «Новскій» не значится въ спискѣ секретныхъ сотрудниковъ бывш. Московск. Охр. Отд., раскрытыхъ и опубликованныхъ Моск. Комиссіей по обезпеченію новаго строя.

⁶⁾ «Сокольниковскій»—Василій Андреевичъ Рожковъ, кр. Александровскаго уѣзда Владимірской губ., вагоновожатый трамвая. Освѣдомлялъ Охр. Отдѣленія въ 1915 г. по трамвайному движенію. Освѣщалъ главнымъ образомъ Ново-Сокольничій паркъ. Былъ арестованъ. Приговоромъ междупартійнаго Суда отъ 10 іюля 1917 г. освобожденъ, какъ неопасный для новаго строя.

⁷⁾ «Ильинскій» не значится въ спискѣ секретныхъ сотрудниковъ бывшаго Московск. Охраннаго Отдѣленія, раскрытыхъ и опубликованныхъ Московской Комиссіей по обезпеченію новаго строя.

вайнныхъ служащихъ и «10»¹⁾ дающій свѣдѣнія о настроеніи служащихъ главной электрической станціи Общества освѣщенія 1886 года; всѣ они получаютъ отъ 3 до 18 рублей въ мѣсяцъ.

Заканчивая обзоръ секретной агентуры, необходимо отмѣтить, что свѣдѣнія о званіи, имени и фамиліи секретной агентуры, имѣвшейся въ 1915 году, не сосредоточены лично у Начальника Отдѣленія, поэтому полковникъ Мартыновъ не могъ самъ дать объ этомъ справку, а пришлось собирать у офицеровъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, при чемъ на убывшихъ «Зернова»²⁾, «Медика»³⁾, и «Сысоева»⁴⁾, прошедшихъ по денежной отчетности, нужныя свѣдѣнія не были даны совершенно.

Въ разработкѣ агентурныхъ свѣдѣній усмотрѣно, что, несмотря на неоднократныя указанія Департамента Полиціи, въ Губернскія Жандармскія Управленія не всегда сообщаются полученныя въ Отдѣленіи свѣдѣнія, касающіяся ихъ районовъ. Полковникъ Мартыновъ заявилъ, что свѣдѣнія эти не передавались непосредственно Отдѣленіемъ съ цѣлью сохранить отъ провала агентуру, тѣмъ болѣе, что разработку можетъ произвести Департаментъ Полиціи по агентурнымъ запискамъ и этимъ скрыть источникъ ихъ полученія.

Казалось бы возможнымъ, безъ ущерба для агентуры, означенныя свѣдѣнія сообщать непосредственно Отдѣленіемъ Начальникамъ Управленія съ просьбой использовать ихъ съ крайней осторожностью и съ сохраненіемъ источника полученія ихъ. Принятый полковникомъ Мартыновымъ порядокъ, помимо того, что указываетъ на недовѣріе къ надлежащему отношенію Начальниковъ Управленій къ разработкѣ агентурнаго матеріала, но затрагиваетъ установившійся общій порядокъ непосредственнаго обмѣна между жандармскими учрежденіями агентурными свѣдѣніями, направленіе же въ Департаментъ Полиціи свѣдѣній съ цѣлью сообщенія ихъ съ мѣста, только задержать разработку ихъ.

О цензурѣ.

Замѣтно значительное уменьшеніе числа поступающихъ по цензурѣ совершенно секретныхъ свѣдѣній, такъ въ 1914 году ихъ было 242, а въ 1915 году 159, при чемъ, напримѣръ, въ мартѣ мѣсяцѣ 1915 года доставлено 6 свѣдѣній, въ іюль—5, въ августѣ—7, а въ ноябрѣ—4 (приложеніе №).

Явленіе это вызвано крайне инертнымъ отношеніемъ къ дѣлу

¹⁾ «10» то же.

²⁾ «Зерновъ» тоже.

³⁾ «Медикъ» тоже.

⁴⁾ «Сысоевъ» тоже.

стоящаго во главѣ цензуры престарѣлаго Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Яблочкова, имѣющаго 52 года государственной службы. Еще въ 1910 году я, ознакомившись съ постановкой секретной цензуры, докладывалъ о полной непригодности г. Яблочкова къ несенію столь серьезныхъ обязанностей, причемъ мнѣніе мое раздѣлялось и бывшимъ почтъ-Директоромъ Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ Похвисневымъ.

Кромѣ того, по удостовѣренію нынѣшняго почтъ-Директора фонъ-Фика, лица, причастнаго къ цензурѣ, одновременно привлечены по собственному желанію къ военной цензурѣ и, получая за это суточные деньги по 3 рубля въ сутки, вынуждены свой трудъ раздѣлять между секретной и военной цензурой, что, конечно, не замедлило отразиться на дѣлѣ.

Выпускъ изъ Москвы возмутительнаго стихотворенія подъ заглавіемъ «Пазаретные Досуги—кто противъ Россіи», на что Вашимъ Превосходительствомъ обращено особое вниманіе 11 сего января, объясняется исключительно недостаточнымъ наблюденіемъ со стороны органовъ секретной агентуры (приложеніе №).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, во исполненіе Вашей резолюціи, я предложилъ Полковнику Мартынову направить агентуру на раскрытіе виновниковъ изданія и распространенія означеннаго стихотворенія, а также просилъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника фонъ-Фика воздействовать на г. Яблочкова съ цѣлью вызвать со стороны его и подчиненныхъ ему лицъ болѣе интенсивную работу.

Наружное наблюденіе.

Завѣдующій наружнымъ наблюденіемъ—вакансія.

Со времени ухода завѣдывающаго наблюденіемъ Капитана въ отставкѣ Подгаевского, Полковникомъ Мартыновымъ не принималось рѣшительныхъ мѣръ къ подысканію замѣстителя, и временное завѣдываніе наблюденіемъ поручено ротмистромъ Бѣликову.

Необходимо освободить отъ этихъ обязанностей названнаго офицера, ведущаго спеціальную агентуру по освѣщенію высшихъ учебныхъ заведеній и заводовъ и завѣдывающаго особымъ отдѣломъ, дабы предоставить ему возможность заняться усиленіемъ агентуры.

Если Начальникъ Отдѣленія не имѣетъ своего кандидата, то Департаменту Полиціи надлежитъ самому замѣстить эту должность. По штату установлено филеровъ—65. По списку оказалось—43; изъ нихъ въ командировкѣ въ Могилевѣ 9, исп. обязанности Казначей Отдѣленія—1, занимается въ особомъ отдѣлѣ—1,

въ агентурномъ отдѣлѣ—2, курьеромъ—1, конюхами—2, въ охранѣ Великой Княгини Елизаветы Федоровны—2, для службы на постахъ имѣется 25 филеровъ. Принимая во вниманіе, что въ среднемъ въ день большую часть года приходится для разработки свѣдѣній, помимо постоянного наблюденія за 7 вокзалами, ставить до 15—22 постовъ и имѣть, кромѣ того, филеровъ на дежурствѣ при отдѣленіи для непредвидѣнной надобности, наличныхъ филеровъ крайне недостаточно. Вслѣдствіе сего приходится уменьшать число необходимыхъ постовъ и пополнять недостатокъ въ филерахъ полицейскими надзирателями. Въ теченіе января текущаго года число постовъ за наблюдаемыми уменьшилось до 5—7.

Московскій Градоначальникъ признаетъ также необходимымъ для продуктивной разработки усилить составъ наружнаго наблюденія, а также не менѣе какъ 2 филерами охраны Великой Княгини.

Въ виду изложеннаго слѣдовало бы вернуть изъ Могилева филеровъ Петроградскаго Охраннаго Отдѣленія или эвакуированныхъ Управленій, командированныхъ въ это Отдѣленіе на время для пополненія увеличеннаго недавно штаба охранной команды и, кромѣ того, принять мѣры къ доведенію штатнаго числа филеровъ въ Московскомъ Отдѣленіи до нормы.

Увеличеніе же штатнаго числа филеровъ, сверхъ установленныхъ 65, о чемъ ходатайствуетъ полковникъ Мартыновъ, пока отложить.

На свиданіи сотрудникъ «Молодой» (изъ Риги) замѣтилъ, что имъ встрѣчены были въ наблюденіи за членами латышской организаціи извѣстные послѣднимъ по Ригѣ филеры Лифляндскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія (два командированы въ Московское Охранное Отдѣленіе), благодаря чему члены организаціи въ тотъ день домой не заходили, пріостановили посѣщеніе квартиръ съ партійной цѣлью и переѣхали затѣмъ на другія квартиры; этотъ случай заставилъ прибывшихъ въ Москву латышей провѣрять за собой наблюденіе и замѣчать мѣстныхъ филеровъ.

Независимо сего, Генераль-Майоръ Климовичъ ¹⁾ нашелъ недостаточно инструктированными филеровъ, несущихъ службу по охранѣ Великой Княгини, такъ какъ съ ихъ стороны не принимаются мѣры къ недопуску къ ея Высочеству, при поѣздкахъ по городу, крайне назойливыхъ просителей (одна сумасшедшая женщина просительница неоднократно обращалась при посѣщеніи Великой Княгиней церкви).

¹⁾ Е. Климовичъ въ то время былъ московскимъ градоначальникомъ.

Переписка по охранѣ.

Въ производствѣ оказалось:

У Ротмистра Ганько объ установкѣ личности и изслѣдованіи политической благонадежности прапорщика запаса Крыленко, онъ же нелегальный Сидоровъ; арестантская, начата 5 ноября 1915 года ¹⁾.

У полковника Эрнста о задержаніи японскими властями въ гор. Кобе 3.000 кипъ шерсти, проданной въ Америку фирмой «Ч. Стукентъ и К-о» въ Москвѣ и отправленіи туда Московской транспортной конторой «Э. Гербель»; привлечены 2 лица, на свободѣ (приложение №).

Упущеній въ производствѣ не замѣчено.

Дѣятельность Отдѣленія.

Съ 1 января 1915 года по 21 декабря включительно поступило переписокъ—входящихъ 24.057, исходящихъ—13.873, причемъ:

¹⁾ Николай Васильевичъ Крыленковъ (Крыленко), сынъ чиновника, родился 2 мая 1885 г. въ м. Долонатино Смоленской губ. Сычевскаго уѣз. русский, православный; окончилъ курсъ въ Люблинской гимназіи, Филологическій факультетъ Петроградскаго Университета и Юридическій факультетъ Харьковскаго Университета; прапорщикъ запаса, въ 1912—13 гг. отбывалъ воинскую повинность въ 69 пѣхотномъ Рязанскомъ полку въ г. Люблинѣ, ко вторичному призыву 1914 г. не явился; занимался педагогической дѣятельностью (былъ учителемъ русскаго языка въ Люблинской гимназіи, а позднѣе—въ Москвѣ, въ санаторіи дефективныхъ дѣтей).

Подлежалъ аресту въ 1906 г. въ виду принадлежности къ Р. С.-Д. Р. П., но скрылся и былъ задержанъ 5 іюня 1907 г. въ г. Петроградѣ подъ именемъ Влад. Ник. Постникова; оправданъ по суду и освобожденъ. Но 13 сентября 1907 г. былъ вновь арестованъ на Финляндскомъ вокзалѣ; дѣло было прекращено, и наказаніе (за неблагонадежность) ограничено воспрещеніемъ жительства въ Петроградѣ впредь до распоряженія. Въ періодъ 1906—07 гг., состоя членомъ Могилевской организаціи Р. С.-Д. Р. П., проявилъ исключительную энергію, какъ агитаторъ и организаторъ заграничныхъ литературныхъ транспортовъ; затѣмъ переходитъ въ лагерь революціонныхъ синдикалистовъ и, какъ таковой, пріобрѣтаетъ большую роль и вліяніе. Въ 1910—11 гг. Крыленко является однимъ изъ главныхъ руководителей забастовокъ, митинговъ, выборовъ въ IV Государственную Думу, распространенія литературы. Въ 1913 г. онъ состоитъ подъ наружнымъ наблюденіемъ въ г. Петроградѣ, которымъ установлена его связь съ большевистской фракціей Госуд. Думы и редакціей газ. «Правда». 12 декабря того же года обыскомъ у него обнаружена с.-д. литература, и рукописи тенденціознаго содержанія, вслѣдствіе чего установленъ гласный надзоръ полиціи съ высылкой въ избранное имъ, кромѣ столицы, мѣсто на 2 года,—Крыленко выѣхалъ въ г. Харьковъ 20 марта 1914 г. 20 и 27 іюня 1914 г. въ Харьковѣ у него были произведены обыски, въ результатъ коихъ Крыленко былъ привлеченъ при Жандармскомъ Управленіи къ отвѣтственности, но до допроса успѣлъ скрыться. Въ сентябрѣ 1915 г. Крыленко съ Е. Розмировичъ пріѣхалъ изъ-за границы въ Москву, гдѣ 5 ноября по ордеру Охраннаго Отдѣленія былъ арестованъ крест. Бессарабской губ. Василій Степановичъ Сидоровъ, оказавшійся, по выясненіи Николаемъ Васильевичемъ Крыленко; согласно предложенію Департамента Полиціи отъ 22 декабря 1915 г. Крыленко препровожденъ этапнымъ порядкомъ въ распоряженіе Харьковскаго уѣзднаго воинскаго начальника, какъ подлежащій призыву и не явившійся на военную службу. (Дѣло б. М. О. О. № 1301—1915 г.).

запросы о политической благонадежности Начальниковъ Жандармскихъ Управлений и другихъ учреждений записываются по входящему журналу подъ однимъ общимъ номеромъ, несмотря на количество бумагъ и рядомъ съ входящимъ номеромъ вписываются исходящіе номера того учреждения, откуда поступила бумага.

Если бы каждая такая бумага записывалась подъ отдѣльнымъ номеромъ, то въ день увеличилось бы приблизительно до 100 входящихъ номеровъ.

Кромѣ того, не записываются во входящій журналъ поступающія ежедневно въ архивъ для провѣрки требованія изъ различныхъ отдѣловъ канцеляріи Градоначальника, каковыхъ требованій поступаетъ въ день приблизительно до 500.

По 21 декабря заведено въ 1915 году 1156 дѣлъ. Дѣла заводятся на каждое лицо специальное или на нѣсколькихъ лицъ одно, смотря по количеству лицъ и удобству формировки дѣла. Въ 1915 году провѣрено по архиву Отдѣленія 100.000 рабочихъ фабрикъ и заводовъ, работающихъ на нужды арміи, и осталось для провѣрки еще около 100.000 рабочихъ.

Арестованныхъ въ 1915 году по 21 декабря по партіямъ:

анархистовъ-коммунистовъ	1
соціалистовъ-революціонеровъ	29
соціаль-демократовъ	210
для установки личности	29
за участіе въ забастовочномъ движеніи	22
военно-обязанныхъ	18
по подозрѣнію въ военномъ шпіонствѣ	29
за участіе въ уличныхъ беспорядкахъ	29
за уклоненіе отъ воинской повинности	11
за враждебное отношеніе къ русскимъ	23
по требованіямъ Жандармскихъ управлений и слѣдователей	10

Всего 411

Изъ этого числа направлено:

Въ особое совѣщаніе съ ходатайствомъ о высылкѣ подъ гласный надзоръ полиціи—47.

Прокурору Московской Судебной Палаты—68.

Начальнику Московскаго Губернскаго Жандармскаго Управления и другихъ Управлений—26.

Московскому Уѣздному Воинскому Начальнику—10.

Въ судное Отдѣленіе канцеляріи Московскаго Градоначальника—7.

Въ Московскую Сыскную Полицію—6.

Воспрещено жительство въ гор. Москвѣ и въ предѣлахъ Московскаго Градоначальства—138.

Выслано военно-обязанныхъ—16.

Освобождено—93. (приложение №).

Обращаясь къ оцѣнкѣ распредѣленія работы, необходимо признать, что Охранное Отдѣленіе нуждается въ офицерахъ или интеллигентныхъ чиновникахъ, знающихъ польскій и латышскій языки. Вести свиданія съ сотрудниками латышами и поляками нельзя, не зная языковъ.

Я ходатайствую передъ Вашимъ Превосходительствомъ о дополненіи состава Отдѣленія такими 2 лицами, если нѣтъ въ распоряженіи Департамента одного лица, знающаго эти языки.

Кромѣ того, я признаю совершенно ненормальнымъ, чтобы помощникъ Начальника Охраннаго Отдѣленія, на коемъ лежитъ вся переписка, былъ бы кромѣ того и главнымъ агентурнымъ офицеромъ. Въ подобныхъ случаяхъ всегда страдаетъ какая-либо одна сторона: или переписка ложится всецѣло на дѣлопроизводителя, или по агентурѣ помощникъ не успѣваетъ.

Въ настоящемъ случаѣ это отразилось на ослабленіи агентуры по партіи социалистовъ-революціонеровъ. Поэтому, если возможно будетъ усилить Отдѣленіе офицерами или чиновниками, надлежитъ освободить помощника отъ свиданія съ агентурой, оставивъ у него въ видѣ исключенія одного или не болѣе 2 наиболее серьезныхъ сотрудниковъ.

Далѣе, порученіе одному офицеру, какъ это было до послѣдняго времени съ Ротмистромъ Ганько, свыше 20 сотрудниковъ равносильно обреченію его на малоуспѣшность.

Провести тщательно свиданія съ 20 лицами, составить основательно агентурныя записки, разработать ихъ, слѣдить за литературой не по силамъ одному человѣку. Результатъ не замедлилъ сказаться: при использованіи сотрудника «Пелагеи» были допущены серьезныя техническія упущенія, вызвавшія въ свою очередь прибытіе въ Иваново-Вознесенскъ агитатора Наумова, распространеніе послѣднимъ прокламацій и подготовка политической забастовки, а также запоздалая ликвидація существовавшей въ Москвѣ Тверской группы рос. соц.-дем. рабочей партіи, успѣвшей поставить технику и способствовать выпуску преступныхъ воззваній, получившихъ распространеніе въ губерніяхъ.

Большинство докладовъ по общественному движенію изготовляется или самими сотрудниками «Блондинкой» и «Штурманомъ», или чиновникомъ Квицинскимъ. Всѣ названныя лица,

владѣя перомъ, оказываютъ Начальнику Отдѣленія существенныя услуги.

Въ приложенномъ къ сему докладу отдѣльномъ отчетѣ (приложеніе №) подробно изложены результаты ознакомленія съ денежной частью Отдѣленія.

Что же касается взаимоотношеній между служащими въ Охранномъ Отдѣленіи, считаю долгомъ доложить Вашему Превосходительству, что въ 1913 году, по инициативѣ полковника Мартынова, нѣкоторые офицеры, какъ подполковникъ Турчаниновъ, ротмистръ Ивановъ были замѣнены другими лицами, атмосфера въ Отдѣленіи и донинѣ остается сгущенной.

Главная причина этого заключается въ томъ, что полковникъ Мартыновъ не препятствуетъ помощнику своему ротмистру Знаменскому проявлять самовластіе въ отношеніи г.г. офицеровъ. Полковника Мартынова и ротмистра Знаменскаго связываетъ прошлая служба въ Саратовѣ и увѣренность перваго въ работоспособности и преданности дѣлу ротмистра Знаменскаго.

Масштабъ московской жизни широкъ. Начальникъ Отдѣленія часто отвлекается по различнымъ служебнымъ и житейскимъ поводамъ и днемъ и по вечерамъ, а это вызываетъ необходимость расширенія правъ ближайшихъ помощниковъ.

При такихъ условіяхъ дѣлопроизводитель Охраннаго Отдѣленія Загоровскій и помощникъ начальника ротмистръ Знаменскій пріобрѣтаютъ выдающееся значеніе въ Отдѣленіи, которое и учитываетъ каждый по своему.

Загоровскій, бывший околоточный надзиратель, грубый по природѣ, развилъ грубое отношеніе съ подчиненными и даже позволялъ себѣ повышать тонъ на офицеровъ, напр., при разговорѣ съ подполковникомъ Якубовымъ кричалъ и стучалъ кулакомъ по столу. Играя на бѣгахъ и въ карты, Загоровскій нуждается въ деньгахъ и, по слухамъ, старается извлекать матеріальныя выгоды при назначеніяхъ мелкихъ служащихъ и при обращеніи просителей. По свидѣтельству самого полковника Мартынова, ротмистръ Знаменскій отличается тяжелымъ характеромъ, ревнуя всѣхъ къ полковнику Мартынову.

По словамъ подполковника Якубова и ротмистра Ганько, ротмистръ Знаменскій завидуетъ служебному успѣху другихъ, стремится захватить все въ Отдѣленіи и отстранить всѣхъ отъ начальника. Такъ, у него было даже и съ тѣми, кто по его рекомендаціи былъ устроенъ въ Отдѣленіи, напр. съ ротмистромъ Кирпотенко, съ капитаномъ въ отставкѣ Подгаевскимъ, который завѣдывалъ наружнымъ наблюденіемъ. Грубый тонъ, устройство

неприятностей, обидныя сплетни—все пускается въ ходъ, чтобы извести противника.

Обладая властнымъ характеромъ, ротмистръ Знаменскій стремится, чтобы вновь поступающіе въ Отдѣленіе старшіе служащіе или офицеры были бы всецѣло обязаны ему. На должность помощника дѣлопроизводителя онъ провелъ своего родного племянника, окончившаго курсъ юридическихъ наукъ въ Варшавскомъ Университетѣ Знаменскаго, и для того, чтобы освободить его отъ исполненія воинскаго долга, его зачислили секретнымъ надзирателемъ.

Поэтому, когда въ Отдѣленіи былъ устроенъ по инициативѣ полковника Мартынова ротмистръ Ганько, отношенія послѣдняго и ротмистра Знаменскаго приняли настолько ненормальный характеръ, что ротмистръ Ганько намѣревался подать рапортъ на дерзкое обращеніе ротмистра Знаменскаго, но Полковникъ Мартыновъ отговорилъ его. Въ настоящее время эти оберъ-офицеры не говорятъ другъ съ другомъ. Подполковникъ Якубовъ также прервалъ всякія отношенія съ ротмистромъ Знаменскимъ.

По мнѣнію ротмистра Ганько, главная причина нерасположенія Знаменскаго заключается въ условіяхъ, при коихъ состоялся переходъ ротмистра Ганько въ Отдѣленіе. Кромѣ того, ротмистръ Ганько склоненъ считать себя обиженнымъ неправильнымъ докладомъ ротмистра Знаменскаго, который былъ сдѣланъ послѣднимъ послѣ обзорѣнія въ 1913 году въ гор. Ельцѣ агентуры у ротмистра Ганько (приложеніе №№).

Всѣ изложенныя обстоятельства создали натянутыя отношенія между названными офицерами, которыя окончательно нарушились послѣ того, какъ ротмистру Ганько его первый визитъ семьѣ ротмистра Знаменскаго былъ отданъ спустя два мѣсяца и притомъ въ то время, когда семья ротмистра Ганько выѣзжала на 4 дня.

Наконецъ, описанныя взаимоотношенія перешли въ личныя объясненія, когда секретная агентура по социаль-демократамъ, состоящая въ вѣдѣніи ротмистра Ганько, указала на преступную дѣятельность секретныхъ сотрудниковъ ротмистра Знаменскаго по партіи социалистовъ-революціонеровъ «Леонидова» ²⁾ и «Гаврилова» ¹⁾. Изъ этихъ сотрудниковъ «Гавриловъ» былъ изоблаченъ въ поѣздкѣ безъ разрѣшенія ротмистра Знаменскаго въ Петроградъ и въ привозѣ въ Москву воззваній, выпущенныхъ

¹⁾ «Гавриловъ» — Иванъ Ивановичъ Комаровъ, крестьянинъ Вологодской губ. Верхототянской вол. Сольвычегодскаго уѣзда. Съ октября 1914 г. сталъ давать свѣдѣнія Моск. Охр. Отдѣленію. Освѣщаль дѣятельность профессиональных союзовъ и обществъ, въ которыхъ игралъ видную роль. Въ апрѣлѣ 1915 г. былъ признанъ Охраннымъ Отдѣленіемъ незаслуживающимъ довѣрія. Не разысканъ.

Петроградскимъ Комитетомъ россійской социаль-демократической рабочей партіи, которыя и были распространены. «Гавриловъ» былъ послѣ этого по просьбѣ ротмистра Ганько обысканъ и арестованъ, причемъ на допросѣ признался ему, что объ арестѣ своемъ онъ былъ предупрежденъ ротмистромъ Знаменскимъ, о чемъ ротмистръ Ганько доложилъ полковнику Мартынову. Послѣ этого «Гавриловъ» былъ уволенъ и по представленію Начальника Московскаго Охраннаго Отдѣленія о его недобросовѣстности объявлено въ циркулярѣ Департамента Полиціи отъ 27 апрѣля 1915 г. за № 168807.

Что же касается «Леонидова», то онъ, по заявленію ротмистра Ганько, несмотря на принадлежность къ партіи социалистовъ-революціонеровъ, принялъ участіе въ изготовленіи на гектографѣ воззваній отъ имени россійской социаль-демократической партіи, какъ о томъ рассказали ротмистру Ганько его сотрудникъ «Рязанскій» ²⁷⁾. Ротмистръ Ганько предполагаетъ, что «Леонидову» было разрѣшено ротмистромъ Знаменскимъ принять участіе въ изданіи воззваній, чтобы показать на недостаточную освѣдомленность агентуры, руководимой ротмистромъ Ганько.

Взаимоотношенія ротмистровъ Ганько и Знаменскаго служатъ предметомъ постоянного обсужденія всѣхъ служащихъ въ Охранномъ Отдѣленіи, и давленіе на окружающихъ со стороны ротмистра Знаменскаго создаетъ тягостную атмосферу, къ разряженію коей со стороны полковника Мартынова никакихъ мѣръ до настоящаго времени не принималось.

Заканчивая настоящій докладъ, считаю долгомъ присовокупить, что описанная выше поѣздка въ Иваново-Вознесенскъ агитатора Наумова съ прокламаціями съ вѣдома Московскаго Охраннаго Отдѣленія, обостренное отношеніе Начальника Владимирскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія къ дѣятельности Охраннаго Отдѣленія, которое, по мнѣнію полковника Немировича-Данченко, допустило распространеніе прокламацій во ввѣренномъ ему районѣ, невдумчивое спокойное отношеніе къ поѣздкѣ Наумова полковника Мартынова, считавшаго свои обязанности исполненными постановкой наблюденія за Наумовымъ до Иваново-Вознесенска, направленіе социаль-демократической работы изъ Москвы—все это вмѣстѣ взятое ставитъ меня доложить Вашему Превосходительству, не изволите ли признать своевременнымъ присвоить Начальнику Московскаго Охраннаго Отдѣленія права и обязанности Начальника Центральнаго района, какъ это имѣло мѣсто до упраздненія. Въ этомъ случаѣ Начальникъ Московскаго Охраннаго Отдѣленія, зная агентуру района и объединяя всю работу, заинтересованъ, чтобы сообщаемыя

имъ свѣдѣнія были бы надлежащимъ образомъ разработаны, а въ необходимыхъ случаяхъ, какъ напр., при выѣздѣ Наумова и слабости мѣстныхъ силъ, долженъ былъ бы командировать подрѣдомственное ему лицо для производства ликвидаціи.

Объ изложенномъ имѣю честь почтительнѣйше представить на благоусмотрѣніе Вашего Превосходительства.

Подписаль Членъ Совѣта Министра Внутреннихъ Дѣлъ

Виссаріоновъ.

5 февраля 1916 года.

Мелочи прошлаго.

Изъ афоризмовъ Плеве.

«Намъ, съ полнымъ ручательствомъ за достовѣрность, сообщаютъ, что недавно г. фонъ-Плеве, въ присутствіи графа Шереметева и барона Фредерикса, на вопросъ послѣдняго, что онъ будетъ дѣлать, если произойдетъ въ С.-Петербургѣ демонстрація, отвѣтили *дословно*: «Высѣку».—Собесѣдники усомнились. Тогда г. ф.-Плеве говоритъ: «Такъ говорятъ же вамъ не засѣку, а только высѣку. Губернаторы увлеклись».—«Ха, ха, ха, а курсистокъ?»—«Съ тѣхъ и начну. Не стыдятся же онѣ св. церковь осквернять, надъ Казанскимъ Соборомъ ругаться!»¹⁾—«Ну; Нарышкина²⁾ Вамъ задала бы за это!»—«Я то свое сдѣлаю, повѣрьте, а тамъ ужъ какъ кому угодно».

(«Освобожденіе» 1903 г. № 14).

¹⁾ Извѣстная гнусная клевета.

²⁾ Статсъ-дама Нарышкина въ 1889 г., когда на Карѣ высѣкли Сигиду, жаловалась Александру III.

Дружескія рѣчи.

Какъ Мещерскаго не знать,
 Не искать съ нимъ встрѣчи?
 Самъ царь сталъ распростра-
 нять

«Дружескія рѣчи!».
 Царь Мещерскаго спросилъ:
 «Ты повѣдай, княже,
 Отчего отъ вражьихъ силъ
 Каждый день намъ гаже?
 Мнилъ покойный мой папа
 Что крамолу дланью
 Раздавилъ онъ, какъ клопа,
 Купно съ всякой дрянью.
 А теперь же эта дрянъ
 Снова расплодилась,
 И крамола—гдѣ ни глянь—
 Всюду вкоренилась.
 Но опаснѣе всего,
 Я скажу межъ нами,
 Что крамолу разнесло
 Между мужичками.
 Добрый русскій нашъ народъ
 Былъ опорой трона,
 А теперь ужъ онъ не тотъ—
 Задастъ намъ звона.
 Еще это съ полбѣды,
 Коль сбѣсился съ жира,

Ну, а если съ лебеды—
 Такъ не жди здѣсь мира.
 Охъ, боюсь я за себя
 И за царство дюже!
 Научи ты, князь, меня,
 Помоги мнѣ, друже!
 Мужиковъ чѣмъ охранять
 Отъ лихой заразы?
 И какіе мнѣ писать
 Для сего указы?»
 «Мужичью,—князь отвѣчалъ,—
 Для охраны мозга
 Нуженъ нравственный журналъ,
 А для зада—розга.
 Драть народъ не прекращай,
 Чтобъ смириѣй былъ мухи;
 Вмѣстѣ съ этимъ просвѣщай
 Въ православномъ духѣ.
 Чтобъ любовью хамъ пылалъ
 Къ трону жарче печи—
 Издавать давай журналъ
 «Дружескія рѣчи».
 Будетъ страшенъ тотъ журналъ
 Дьявольской крамолѣ—
 Толькобъ денегъ ты давалъ
 На него поболѣ».

(«Освобожденіе». 1903 г. № 6/30).

Запрещеніе Н. Г. Чернышевскому выѣхать за границу ¹⁾.

Совершенно секретно.
 Циркулярно.

Господину Начальнику Губерніи.

Покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство въ случаѣ поступленія къ Вамъ просьбы отъ литератора Николая Чернышевскаго о снабженіи его заграничнымъ паспортомъ, не выдавать ему онаго, а представить на разрѣшеніе ввѣреннаго мнѣ министерства.

Подписаль: Министръ Внутреннихъ Дѣлъ статсъ-секретарь *Валуевъ*.

Скрѣпилъ: Правитель канцеляріи *М. Шидловскій*.

Вѣрно: Секретарь *Перфильевъ*.

¹⁾ Изъ собранія В. И. Семевского.

МАТЕРІАЛЫ ПО РЕВОЛЮЦІИ 1917 г.

Генераль Духонинъ въ Ставкѣ.

(По неопубликованнымъ даннымъ).

То, что появилось до сихъ поръ въ печати о генералѣ Духонинѣ, даетъ весьма смутное представленіе объ этомъ человѣкѣ, ужасной смертью котораго открывается новая страница нашей революціи, — страница террора, организованныхъ убійствъ и массовыхъ самоубійствъ.

Мы несомнѣнно вступаемъ въ ту полосу развитія революціи, когда на поверхность народнаго океана, кипящаго разнообразными страстями, взбаломученнаго до дна, выбрасывается и самое низменное и самое возвышенное и цѣнное, что таится въ глубинахъ народныхъ.

Къ проявленіямъ наилучшихъ сторонъ человѣческаго духа, конечно, будетъ отнесенъ и подвигъ трагически погибшаго на своемъ посту генерала.

Между тѣмъ русскому обществу совершенно неизвѣстны ни обстоятельства привлеченія покойнаго къ командованію нашей арміей въ тяжелый для нея періодъ послѣ ликвидаціи, такъ наз. корниловскаго мятежа, ни планы его по реорганизаціи разлагающейся арміи, ни условія дѣятельности въ послѣдніе дни Ставки, съ паденіемъ которой, по крайней мѣрѣ временно, порывались охраняемая ею связи не только единой арміи, но и единаго государства.

Послѣ того, какъ разрушающія волны большевизма неожиданно залили значительную часть тыловой Россіи, — все русское сознательное общество съ надеждой обратило свои взоры въ сторону Могилева. Ставка олицетворяла собой армію, и о ней говорили, какъ о неприступной твердынѣ. Въ армію все еще вѣрили.

Но вотъ твердыня внезапно пала. И взоры съ горькимъ разочарованіемъ отвернулись отъ нея, и о человѣкѣ, который мужественно принялъ на себя ударъ волны и трагически погибъ во вражескомъ станѣ, одинокій и беззащитный, — скоро забыли.

Даже непосредственно вслѣдъ за этой ужасной смертью, кромѣ возмущенія самосудомъ, кромѣ общихъ мѣсть о томъ, что этотъ генералъ умеръ «какъ честный русскій человѣкъ», да нѣсколькихъ легкихъ критическихъ замѣчаній по поводу того, что за время своей работы въ Ставкѣ онъ, якобы, все передалъ комиссарамъ и комитетамъ, а самъ исключительно сидѣлъ надъ оперативной картой, кромѣ этихъ полупохвалъ, полуупрековъ, другихъ словъ почти не нашлось.

Постараемся же, хотя бы на основаніи отдѣльныхъ разсказовъ очевидцевъ и незначительныхъ матеріаловъ, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи, возстановить нѣкоторые факты, освѣщающіе фигуру покойнаго и его кратковременную дѣятельность въ Ставкѣ.

I.

Имя генерала Духонина, какъ кандидата на отвѣтственный военный постъ, было впервые произнесено во Временномъ Правительствѣ въ связи съ выступленіемъ ген. Корнилова и послѣдующей за симъ реорганизаціей Ставки.

Соглашались въ послѣднихъ числахъ августа занять должность начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго, генералъ Алексѣевъ предъявилъ нѣсколько условий. Между прочимъ онъ требовалъ, чтобы военнымъ и морскимъ министрами не назначались штатскіе люди и, чтобы въ составѣ министровъ не было ни одного циммервальдиста.

Первое изъ этихъ условий было принято. На вопросъ Алексѣева о кандидатахъ въ военные и морскіе министры Керенскій назвалъ двѣ фамиліи—Верховскаго и Духонина. Поддерживая кандидатуру Духонина, Алексѣевъ возражалъ противъ назначенія Верховскаго. Однако въ случаѣ устраненія Верховскаго, въ Правительствѣ признавалось необходимымъ включить въ составъ министерства одного виднаго партійнаго социалиста, причастнаго къ Циммервальду. Тогда Алексѣевъ согласился на Верховскаго.

10 сентября Керенскій пріѣхалъ въ Ставку, куда вызвалъ и Духонина, предполагая назначить его главнокомандующимъ какого-нибудь фронта дѣйствующей арміи. Духонинъ въ то время состоялъ начальникомъ штаба Западнаго фронта. Керенскій познакомился съ нимъ въ періодъ лѣтнихъ боевъ, когда Духонинъ былъ начальникомъ штаба Юго-западнаго фронта. Въ военныхъ кругахъ Николай Николаевичъ Духонинъ былъ извѣстенъ какъ молодой боевой генералъ—ему было 42 года. Уроженецъ Кіева и воспитанникъ одного изъ Кіевскихъ военныхъ училищъ, окончившій затѣмъ академію генеральнаго штаба. Духонинъ

началь свою военную карьеру съ самыхъ незначительныхъ должностей въ армейской пѣхотѣ. Онъ никогда не пользовался протекціей и совершилъ большую часть настоящей кампаніи въ качествѣ командира 156 Лужскаго полка. Полкъ его отличался необыкновенной стойкостью. Его любили солдаты и офицеры. Онъ самъ водилъ ихъ въ атаку, былъ раненъ, награжденъ 2-мя степенями Георгія. За нимъ прочно установилась репутація безукоризненно честнаго, прямого, отзывчиваго и беззаветно храбраго человѣка.

Отказъ Алексѣева отъ дальнѣйшаго исполненія обязанностей начальника штаба совпалъ съ пребываніемъ Керенскаго въ Могилевѣ. Какъ на возможнаго своего преемника Алексѣевъ указалъ на Духонина.

Однако Керенскій, начальникъ его кабинета ген. Барановскій, въ послѣдствіи назначенный генералъ-квартирмейстеромъ сѣвернаго фронта, и нѣкоторые другія лица, близкія къ Керенскому, настойчиво выдвигали, въ качествѣ замѣстителя Алексѣева, ген. Черемисова. Этотъ генералъ былъ извѣстенъ своимъ доброжелательнымъ отношеніемъ къ армейскимъ комитетамъ и «революціонному порядку» въ арміи. Тогда Алексѣевъ сказалъ, что въ случаѣ назначенія Черемисова начальникомъ штаба, онъ порветъ со Ставкой всякую связь. Раньше онъ обѣщалъ свою помощь Ставкѣ и даже возвращеніе на постъ начальника штаба къ ноябрю мѣсяцу. Съ назначеніемъ Черемисова Алексѣевъ отказывался отъ всякой помощи Временному Правительству.

Несмотря на рѣзкость сужденій Алексѣева относительно политики Керенскаго, къ чести послѣдняго надо замѣтить, что онъ былъ чуждъ мелкихъ уколовъ самолюбія и въ интересахъ дѣла продолжалъ высоко цѣнить военный авторитетъ Алексѣева.

Кризисъ разбился въ духѣ пожеланій Алексѣева.

Начальникомъ штаба былъ назначенъ Духонинъ. Вырубовъ и Дидриксъ—сохраняли свои посты; первый помощника начальника штаба и второй генералъ-квартирмейстера.

Сдѣлавшись начальникомъ штаба, Духонинъ немедленно приступилъ къ разработкѣ цѣлаго ряда мѣръ по возсозданію боеспособности арміи. Несмотря на свой чрезвычайно мягкій характеръ, онъ во всѣхъ важныхъ вопросахъ неуклонно проводилъ свои опредѣленные взгляды.

Его «положеніе о поднятіи боеспособности арміи» суживало права комитетовъ и главнымъ образомъ комиссаровъ; къ институту комиссаровъ онъ относился особенно отрицательно, какъ къ ненужному средостѣнію между начальникомъ и солдатомъ.

Въ этомъ онъ сумѣлъ убѣдить и Керенскаго, который признавалъ, что «институтъ комиссаровъ въ арміи провалился».

По выработанному «положенію» комиссары обращались въ простыхъ непосредственно подчиненныхъ помощниковъ команднаго состава.

Смертная казнь отмѣнялась, но вводились дисциплинарныя наказанія. Если «декларация правъ солдата» говорила исключительно «о правахъ солдата», то «положеніе» Духонина опредѣляло права офицера, а также, на ряду съ правами солдата, предусматривало и его обязанности. Уже въ послѣднихъ числахъ сентября это «положеніе о поднятіи боеспособности арміи» обсуждалось, на ряду съ вопросомъ о продолженіи войны, въ Военномъ Совѣтѣ, состоявшемся въ Могилевѣ по пріѣздѣ Керенскаго (на этомъ Совѣтѣ, кромѣ Керенскаго, присутствовали Терещенко, Маклаковъ, Петряевъ, Вырубовъ, адмиралъ Бубновъ, генералы: Алексѣевъ, Духонинъ, Дидериксъ, военный министръ Верховскій и морской министръ Вердеревскій).

«Положеніе» должно было вводиться въ жизнь по соглашенію Ставки съ Военнымъ Министерствомъ. Но въ послѣдствіи, когда надо было осуществлять это соглашеніе, Совѣтъ при военномъ министрѣ занялъ непримиримую позицію въ вопросѣ о правахъ комитетовъ. Онъ отстаивалъ право комитетовъ на отзывъ о командномъ составѣ, что противорѣчило главнымъ основаніямъ положенія, выработаннаго Ставкой. Въ этомъ вопросѣ Духонинъ не шелъ ни на какія уступки. Проведеніе въ жизнь «положенія» всячески тормозилось изъ Петрограда.

Между тѣмъ съ фронта и ближайшаго тыла телеграфъ приносилъ въ Ставку извѣстія одно тревожнѣе другого. Развалъ арміи захватывалъ все новыя и новыя части. Всюду были отказы отъ исполненія приказаній, продажа солдатскаго обмундированія, разгромы имѣній и заводовъ, насилія надъ офицерами и убійства. Отовсюду неслись вопли о помощи. Украинская Рада требовала признанія ея правъ, казаки сведенія въ крупныя войсковыя единицы, различныя делегаціи являлись съ протестами противъ того и другого.

Духонинъ часами просиживалъ надъ вероухами телеграммъ, писать резолюціи, принималъ делегаціи, говорилъ по прямымъ проводамъ,—но въ концѣ-концовъ чувствовалъ себя въ положеніи человѣка, которому предложили небольшимъ ведромъ заливать громадный тысячеверстный пожаръ. Помогали ли ему въ работѣ армейскія организаціи? Большинство изъ нихъ несомнѣнно желало оказать такую помощь. Но какими же средствами располагали все эти Румчороды и Искомзапы, когда темная солдатская

масса избирателей шла за ними и слушала ихъ лишь постольку, поскольку они говорили угодное и пріятное. Требовалось что-то совершенно новое, полная ломка существующаго, чтобы спасти остатки арміи. Оцѣнивая всѣ вышеприведенные факты, Духонинъ пришелъ къ убѣжденію, что единственное спасеніе Россіи въ добровольческой арміи. Вопросъ объ этомъ былъ разработанъ имъ совместно съ Дидериксомъ и Вырубовымъ, по возвращеніи Духонина изъ Петрограда 12 октября, куда онъ ѣздитъ для доклада о положеніи арміи въ комиссіи по оборонѣ Совѣта Республики. Уже 16 октября Керенскій утвердилъ главные положенія предложеннаго ему проекта.

За какіе-нибудь полтора мѣсяца (съ 25 октября всякая плановая работа Ставки была подорвана) пребыванія своего на посту начальника Штаба Духонинымъ были разработаны «положеніе о поднятіи боеспособности арміи», проектъ добровольческой арміи, а также проекты о роспускѣ запасныхъ полковъ и о демобилизаціи нѣсколькихъ годовъ наиболѣе отдаленныхъ призывовъ.

Теперь съ каждымъ днемъ дѣлается все яснѣе, насколько правильны были идеи, положенныя Духонинымъ въ основу своей работы въ Ставкѣ. Не ошибался онъ, повидимому, и въ своемъ сочувственномъ отношеніи къ націонализаціи войскъ.

Многое изъ намѣченнаго Духонинымъ уже начинало проводиться въ жизнь, новые вопросы стояли на очереди, но неожиданно нагрянувшія событія прервали не только его работу, но и жизнь.

II.

22 или 23 октября Керенскій вызвалъ Духонина въ Петроградъ, гдѣ обсуждался вопросъ о продовольствіи арміи. Поѣздъ начальника штаба уже стоялъ на Могилевской станціи. Все было готово къ отѣзду.

24 октября Комиссарверхъ Станкевичъ, бывшій въ тѣ дни въ Петроградѣ, телеграфировалъ Духонину: «Министръ-предсѣдатель проситъ васъ сегодня не выѣзжать изъ Ставки впредь до новаго извѣщенія».

Въ ту же ночь (на 25 окт.) изъ Петрограда по прямому проводу были получены тревожныя свѣдѣнія о возстаніи большевиковъ.

Въ первые дни никакихъ сношеній съ Петроградомъ, кромѣ разговоровъ по прямому проводу, Ставка не имѣла. Слѣдуетъ замѣтить, что переговоры по прямому проводу не представляютъ удобствъ телефоннаго разговора, когда вы слышите голосъ собесѣдника, легко можете его переспрашивать, выяснить подроб-

ности и т. д. Переговоры по прямому проводу состоятъ въ чередующемся обмѣнѣ телеграммами. Говорящій стоитъ у особаго телеграфнаго аппарата и диктуетъ работающему телеграфисту то, что слѣдуетъ передать собесѣднику. Телеграфистъ трогаетъ соотвѣтствующи клавиши аппарата, словно играетъ на какомъ-то инструментѣ, въ родѣ маленькаго рояля. Съ колесика аппарата ползаетъ узкая бумажная полоса (лента), на которой отпечатывается, какъ передаваемое телеграфистомъ, такъ и отвѣты вашего собесѣдника. Передача и приемка словъ совершается немедленно, почти безъ интерваловъ. Требуется времени лишь самое соединеніе двухъ переговаривающихся аппаратовъ передъ разговоромъ.

Изъ приводимыхъ ниже текстуальныхъ выдержекъ изъ переговоровъ по прямому проводу за 25 и 26 октября можно составить себѣ довольно ясное представленіе о томъ, какъ доходили до Ставки извѣстія о происходящихъ событіяхъ въ столицѣ, чѣмъ были задержаны направлявшіеся эшелоны, сколько тревоги и тягостныхъ сомнѣній, часами простаивая у аппарата, должны были пережить Духонинъ въ связи съ непонятной линіей поведенія, принятой Главнокомандующимъ Сѣвернаго фронта ген. Черемисовымъ и невозможностью лично переговорить съ Керенскимъ.

Ночью Духонинъ говорилъ съ Петроградомъ и получилъ свѣдѣнія о приказѣ Петроградскаго Совѣта не исполнять приказаній штаба Петроградскаго округа, о рѣчи Керенскаго въ Совѣтѣ Республики съ призывомъ вступить въ рѣшительную борьбу съ большевиками, о прибытіи матросовъ изъ Кронштадта и захватѣ телефонной станціи. «Въ общемъ—передавала телеграфная лента—впечатлѣніе, какъ будто бы Временное Правительство находится въ столицѣ враждебнаго государства, закончившаго мобилизацію, но не начавшаго активныхъ дѣйствій. Эта малая рѣшимость большевиковъ, давно уже имѣющихъ фактическую возможность раздѣлаться со всѣми нами и дать право считать, что они не посмѣютъ пойти вразрѣзъ съ мнѣніемъ фронтовой арміи».

По заранѣе выработанному плану, въ случаѣ нужды, къ Петрограду должны были двинуться войсковыя части съ сѣвернаго фронта, какъ ближайшаго къ столицѣ. Въ ночь съ 24 на 25-е Духонинъ разговаривалъ со штабомъ Сѣвернаго фронта. Онъ былъ недоволенъ медленностью дѣйствій Главкосъва (Главком. Сѣв. фронтомъ) и переговорами съ его штабомъ. Утромъ онъ говорилъ по прямому проводу съ Петроградомъ. Вотъ этотъ разговоръ:

- У аппарата генераль N.
- У аппарата Духонинъ.
- Генераль N.—Доброе утро.

— *Духонинъ*, — Очень радъ, что могу съ вами разговаривать. Съ Главкоэфвомъ наладилось за ночь. Передаю телеграммы. (Далѣе приводится рядъ телеграммъ о движеніи воинскихъ частей съ Сѣвернаго фронта).

Кромѣ того 3 и 5 самокатные двинуты по желѣзной дорогѣ. Признаю необходимымъ навстрѣчу этимъ частямъ послать довѣренныхъ лицъ съ копіями этихъ телеграммъ для соотвѣтствующаго разъясненія людямъ. Кромѣ того предложилъ Сѣверному фронту послать съ частями своихъ выборныхъ представителей комитетовъ. Общеармейскій комитетъ при Ставкѣ, оповѣщенный ночью о выступленіи большевиковъ противъ Правительства, въ экстренномъ засѣданіи выразить рѣзкое осужденіе этому выступленію. Постановленіе разсылается по телеграфу на все фронты армій и округа. Въ Ставкѣ совершенно спокойно. Все части вѣрны Временному Правительству. Что у васъ дѣлается теперь?

— *Генералъ Н.* — Здравствуйте Николай Николаевичъ ¹⁾. Въ Петроградѣ сейчасъ, благодаря подавляющему количеству Петроградскаго гарнизона, не осталось ни одной части въ полномъ смыслѣ этого слова, на которую могло бы опереться Правительство. Въ эту исключительную роковую минуту наша армія подвергается неслыханному издѣвательству. Въ то время, когда на фронтѣ, оборванные и голодные русскіе люди, грудью отражаютъ врага, здѣсь кучка сытыхъ людей, повліявшая на трусливый гарнизонъ, захватываетъ власть въ руки и продаетъ Россію. Черезъ пятнадцать минутъ я передамъ вамъ воззваніе Верховнаго, если вообще смогу передать. Вотъ все, что я сейчасъ могу сказать.

— *Духонинъ*. — Все время мысленно переносимся къ вамъ и переживаемъ душою все происходящее. Спросите пожалуйста Александра Федоровича ²⁾, нужно ли подробно обо всемъ ориентировать Главкофронтвъ, кромѣ телеграммы политическаго Управленія, или вы сами уже говорили по этому поводу...

— *Генералъ Н.* — Сейчасъ идетъ офицеръ къ Александру Федоровичу за указаніемъ по ориентировкѣ войскъ.

— *Духонинъ*. — А что военныя училища и школы прапорщиковъ?

— *Генералъ Н.* — Никакой активности не проявить и пассивности то же самое.

— *Духонинъ*. — Буду ждать отъ васъ воззваніе и желательную ориентировку.

Событія нарастаютъ съ каждымъ часомъ. Послѣ полудня Духонинъ опять былъ вызванъ къ аппарату Петроградомъ.

¹⁾ Николай Николаевичъ Духонинъ.

²⁾ Керенскаго.

— Пожалуйста попросите генерала Духонина.

— У аппарата генералъ Духонинъ.

— У аппарата генералъ N.

— *Генералъ N.*—Дорогой Николай Николаевичъ, обстановка ухудшилась, Александръ Федоровичъ выѣхалъ навстрѣчу самокатнымъ баталіонамъ. Я остался здѣсь одинъ и буду оставаться, пока меня отсюда силой не выведутъ, чтобы до послѣдней крайности ориентировать мозгъ арміи—Ставку.

Черезъ нѣсколько часовъ изъ Петрограда говорилъ Комиссар-верхъ Станкевичъ.

— *Станкевичъ.*—Положеніе съ каждой минутой сложнѣе. Маринскій Дворецъ занятъ большевиками. На Невѣ стоятъ два крейсера изъ Кронштадта. Попытка занять нашимъ карауломъ телефонную станцію при содѣйствіи юнкеровъ, окончилась неудачей, такъ какъ юнкера были встрѣчены броневиками. Въ рукахъ Правительства лишь центральная часть города, включая Штабы и Зимній Дворецъ. Силы Правительства двѣ съ половиною школы юнкеровъ и батарея Михайловскаго училища и два броневика. Этихъ силъ достаточно продержаться 48 часовъ, но не больше, и нѣтъ возможности безъ помощи извнѣ предпринять какія-либо активныя мѣры. На улицахъ внѣшнее спокойствіе: уличное движеніе продолжается, но очень грозно обстоитъ вопросъ съ продовольствіемъ. Временное Правительство, Предпарламентъ засѣдаютъ. Генералъ-губернаторомъ Петрограда назначенъ Кишкинъ. Неизвѣстно ли вамъ, въ какомъ положеніи посылка отряда съ сѣвфронта?

— *Духонинъ.*—Здравствуйте Владимиръ Венедиктовичъ. Свѣдѣнія, которыя я имѣю, я сообщилъ генералу N. Изъ нихъ вы увидите, что войскъ назначено достаточно. По справкѣ, которую я взялъ у Начвосоверха (начальника военныхъ сообщений) самокатные баталіоны въ ночь на сегодняшнее число со станціи Передольское и Батецкая отправлены по желѣзной дорогѣ въ Петроградъ. По моимъ расчетамъ они должны бы уже давно придти по назначенію. Неужели нѣтъ свѣдѣній объ ихъ приходѣ? Мнѣ передавали, что поѣхали ихъ встрѣчать. Болѣе подробныхъ свѣдѣній о другихъ частяхъ нѣтъ, ибо сѣвфронтъ ихъ еще собираетъ. Но я думаю, что войска продвигаются по желѣзной дорогѣ изъ Ревеля и черезъ Псковъ и Финляндію. Какъ только Начвосоверхъ получитъ данныя о мѣстѣ нахожденія эшелоновъ, я вамъ тотчасъ же сообщу. Думаю, что къ завтрашнему утру безусловно должно подойти нѣсколько эшелоновъ. Мнѣ непонятно, почему столь ничтожны силы Правительства. Что дѣлаетъ Константиновское училище? Николаевское кавалерійское? Вѣроятно найдутся

еще. Я думаю, что силъ достаточно можно найти. Необходимо лишь надлежащимъ образомъ организовать это дѣло, а тамъ начнутъ подходить войска съ фронта. У насъ спокойно. Комитетъ общearмейскій высказался противъ выступленія большевиковъ и вошелъ въ связь со всѣми комитетами фронтовъ. Я думаю, что начальникамъ приходящихъ эшелоновъ необходимо давать указанія, что если имъ по приходѣ въ Петроградъ штабъ округа не будетъ въ состояніи дать какія-либо указанія, то имъ слѣдуетъ оставить охрану на вокзалѣ, немедленно идти къ штабу округа и къ Зимнему Дворцу, хотя бы на улицахъ имъ пришлось встрѣтиться съ препятствіемъ. Я считаю необходимымъ условіемъ высылку подходящимъ навстрѣчу войскамъ за 2—3 станціи особо довѣренныхъ лицъ изъ Петрограда. Объ этомъ я сегодня ночью говорилъ генералу Н. Кромъ того просилъ штабъвъ (штабъ Сѣвернаго фронта) высылать съ эшелонами представителей армейскихъ или фронтового комитета. Очень былъ бы вамъ обязанъ, если бы около полуночи обрисовали положеніе. Сейчасъ мнѣ докладываютъ, что по другимъ проводамъ, какъ-то Довмин (Домъ военнаго министра въ Петроградѣ), и Огснвар (Округъ генераль-квартир. части генер. штаба) намъ почему-то не отвѣчаютъ.

— *Станкевичъ.*—Слушаюсь, въ 24 часа (12 час. ночи) постараюсь быть у аппарата. Ваши указанія не только передамъ, но можетъ быть и самъ постараюсь выѣхать навстрѣчу. Больше ничего?

— *Духонинъ.*—Всего хорошаго. Видите ли вы А. Ф.?

— *Станкевичъ.*—Нѣтъ, онъ уѣхалъ навстрѣчу.

— *Духонинъ.*—Меня это беспокоить. Все ли благополучно? Возможно ли было благополучно добратъся?

Станкевичъ.—Были приняты всѣ мѣры, и я надѣюсь, что ничего не случилось, а оставаться ему здѣсь было невозможно.

Духонинъ.—Я съ этимъ вполне согласенъ. Рѣшеніе безусловно правильное и наиболѣе рациональное въ сложившейся обстановкѣ. Если проѣздъ черезъ городъ былъ обезпеченъ, тогда значить все хорошо. Пока до свиданія. Очень вамъ признателенъ, что подѣлились со мной. Значить, еще поговоримъ позже.

Станкевичъ.—Такъ точно, до свиданія.

По другому проводу изъ Петрограда въ тотъ же день 25 октября сообщали объ удаленіи Предпарламента, о захватѣ кучкою людей въ 50 чел. Петроградскаго штаба. «Временное Правитель-ство,—сообщалъ аппаратъ—въ полномъ составѣ въ Зимнемъ Дворцѣ и не думаетъ отсюда уходить до ликвидаціи конфликта. Понемногу налаживается организація и руководство тѣми многими частями, которыя у насъ есть».

Въ то же время Петроградъ усиленно запрашивалъ свѣдѣнія о времени прибытія воинскихъ частей съ сѣвернаго фронта и изъ Финляндіи на выручку Правительства. Съ двигающимися эшелонами происходило, однако, что-то странное. На телеграмму Коновалова, въ которой говорилось: «Правительство можетъ передать власть лишь Учредительному Собранію. Рѣшило не сдаваться и передать себя защитѣ народа и арміи. Ускорьте посылку войскъ» Духонинъ отвѣчалъ, что мѣры къ продвиженію принимаются, и докладывалъ, что «въ районѣ, ближайшемъ Петрограду, задержанія въ движеніи происходятъ независимо отъ насъ».

Въ концѣ этого дня (25 октября) Духонинъ получилъ отъ штаба Сѣвернаго фронта неожиданныя извѣстія, что войска задержаны распоряженіемъ Главнокомандующаго Сѣвернымъ фронтомъ генераломъ Черемисовымъ. Изъ приводимыхъ ниже переговоровъ по прямому проводу читатель увидитъ, до какой степени полученные ставкой свѣдѣнія были необъяснимы и противорѣчивы. Керенскій упорно не подходилъ лично къ аппарату, а то, что сообщалось его именемъ, невольно наталкивало на самыя тяжелыя подозрѣнія. Вотъ что говорилъ Духонину изъ штаба Сѣвернаго фронта генераль Х.

«Всѣ распоряженія, посланныя сегодня утромъ о направленіи назначенныхъ Главковерхомъ войсковыхъ частей Петроградъ и въ копіи, представленныхъ мною вамъ, Главкосъвъ сегодня въ 10 часовъ вечера отмѣнилъ. О причинѣ отмѣны я не знаю. Главкосъвъ указалъ мнѣ по телефону, что онъ объяснить мнѣ такое распоряженіе нѣсколько позже. Нынѣ войсковыя части эти уже задержаны на мѣстахъ посадки или возвращаются съ пути. Комкоръ 3 коннаго прислалъ запросъ на мое имя, сообщая, что онъ имѣетъ личное приказаніе ввести первую Донскую въ Петроградъ отъ Главковерха и поэтому недоумѣваетъ, получивъ послѣднее приказаніе объ отмѣнѣ такого движенія. Мы сговорились съ нимъ, что для выясненія этого вопроса онъ пріѣдетъ сегодня ночью въ Псковъ и лично явится къ Главкосъву.

Духонинъ.—Я не понимаю, чѣмъ вызывается такая отмѣна. Буду ждать объясненія Главкосъва. Подожду Главкосъва, если вы мнѣ не можете объяснить отмѣны распоряженія.

Генераль Х.—Иду доложить объ этомъ Главкосъву.

Генераль Черемисовъ.—Здравствуйте, Николай Николаевичъ. Вы что-то начали сейчасъ говорить?

Духонинъ.—Генераль Х, мнѣ сообщилъ, что вами отдано распоряженіе, отмѣняющее отправку войскъ въ Петроградъ по приказанію Главковерха. Чѣмъ это вызывается?!

Черемисовъ.—Это сдѣлано съ согласія Главковерха, получен-

наго мною отъ него лично. Извѣстна ли вамъ обстановка въ Петроградѣ?

Духонинъ.—Будьте добры мнѣ подробно сообщить обстановку, и гдѣ сейчасъ находится Главковерхъ.

Черемисовъ.—Временнаго Правительства прежняго состава уже не существуетъ. Власть перешла въ руки революціоннаго комитета. Казачьи полки остались пассивными въ своихъ Петроградскихъ казармахъ. Броневики перешли на сторону революціоннаго комитета. Сегодня вечеромъ кто-то, повидимому правые элементы, назначили генераль-губернаторомъ Петрограда Кишкина, принадлежность котораго къ кадетскимъ партіямъ извѣстна на фронтѣ. Это назначеніе вызвало рѣзкій переломъ въ войсковыхъ организаціяхъ фронта не въ пользу Временнаго Правительства. Въ Петроградѣ привело къ тому, что революціонныя войска заняли штабъ округа и повидимому прекратили дѣятельность генераль-губернатора. Керенскій отъ власти устранился и выразилъ желаніе передать должность Главковерха мнѣ. Вопросъ этотъ вѣроятно будетъ рѣшенъ сегодня же. Благоволите приказать отъ себя, чтобы перевозки войскъ въ Петроградъ, если онѣ производятся на другихъ фронтахъ, были прекращены. Главковерхъ у меня. Не имѣете ли вы что передать ему?

Духонинъ.—Можно ли просить его къ аппарату?

Черемисовъ.—Невозможно въ его интересахъ. Будете ли вы что-нибудь говорить?

Духонинъ.—Да. Мною получены слѣдующія свѣдѣнія изъ Зимняго Дворца.

Въ дальнѣйшемъ Духонинъ передаетъ свѣдѣнія о положеніи Петрограда и убѣждаетъ Черемисова въ томъ, что положеніе вовсе не такъ безнадежно. Черемисовъ хочетъ прекратить разговоръ и заявляетъ, что его зовутъ, что онъ вызоветъ Духонина часа черезъ 1½, но Духонинъ продолжаетъ его убѣждать: «Если кандидатура Кишкина непріемлема,—говоритъ онъ,—то въ такомъ случаѣ можно просить Временное Правительство замѣнить его другимъ лицомъ, военнымъ. Если Главковерхъ Керенскій предполагаетъ передать должность вамъ, то я, во имя горячей любви къ родинѣ, умоляю васъ разрѣшить мнѣ передать объ этомъ Временному Правительству, съ которымъ есть у меня связь. Васъ же—не останавливать отданныхъ распоряженій о движеніи войскъ, назначенныхъ въ Петроградъ. Я убѣжденъ, что при надлежащей организаціи все обойдется безъ особыхъ кровопролитій, зато будетъ сохраненъ въ неприкосновенности фронтъ, и вамъ, какъ будущему Главковерху, не придется считаться съ весьма тяжелыми...

Черемисовъ перебивая.—Извиняюсь, Николай Николаевичъ.

меня давно уже зовутъ. Можно ли будетъ васъ вызвать часа черезъ два. Я считалъ только своимъ долгомъ освѣтитъ вамъ всю обстановку и возможные послѣдствія. Минута слишкомъ серьезна и отвѣтственна передъ родиной. Сейчасъ меня снова зовутъ. Часа черезъ два я васъ долженъ буду вызвать. Пока все, что говорилось, держите про себя, но имѣйте въ виду, что Временнаго Правительства въ Петроградѣ нѣтъ уже. Пока до свиданія. Черезъ два часа мнѣ будетъ крайне необходимо васъ вызвать.

Духонинъ.—Слушаю, черезъ два часа я буду у аппарата, но содержаніе ленты извѣстно отчасти комитету, который находится тутъ же въ одной комнатѣ со мной.

Черемисовъ.—Отъ комитета это не секретъ. Я говорю въ смыслѣ сношеній вашихъ съ оставшимися въ Петроградѣ членами Временнаго Правительства».

Таковы были эти свѣдѣнія, которыя новый Главковерхъ предписывалъ Духонину почему-то держать въ секретѣ отъ «оставшихся въ Петроградѣ (и ожидающихъ эшелоновъ ген. Черемисова) членовъ Временнаго Правительства». Духонинъ, какъ увидимъ ниже, не послѣдовалъ этому совѣту.

Одновременно съ переговорами съ Черемисовымъ по другому аппарату Главнокомандующій Западнаго фронта сообщилъ офицеру Ставки слѣдующее.

«Сейчасъ меня вызвалъ къ аппарату Черемисовъ, сообщивъ, что въ Петроградѣ вся власть перешла въ руки революціоннаго комитета. Ген.-губернаторомъ Петрограда назначенъ Кишкинъ, и такъ какъ онъ кадетъ, то посылка войскъ въ Петроградъ является безцѣльной и даже вредной, такъ какъ очевидно войска на сторону Кишкина не станутъ, и просилъ меня объединить дѣйствія и взгляды на ближайшее будущее хотя бы двухъ фронтовъ, Сѣвернаго и Западнаго. На это я ему отвѣтилъ: «Очень жаль, что ваши войска участвуютъ въ политикѣ. Мы присягали Временному Правительству и не наше дѣло разсуждать, состоитъ ли петроградскимъ губернаторомъ Кишкинъ или кто другой. Мы должны принять всѣ мѣры къ тому, чтобы сохранить свой фронтъ, чтобы не прибавить къ разрухѣ въ Россіи прорыва его нѣмцами, и я не понимаю, о какомъ объединеніи фронтовъ онъ говоритъ, такъ какъ объединеніе это должно быть сосредоточено въ Ставкѣ, гдѣ по закону, въ случаѣ отсутствія Главковерха, долженъ дѣйствовать Наштаверхъ, что у меня на фронтѣ пока все спокойно; большевики притихли, а фронтовой комитетъ и съѣздъ крестьянскихъ депутатовъ вынесли резолюцію, что всякое выступленіе большевиковъ и безпорядки будутъ подавляться силою оружія. Вотъ что хотѣлъ я доложить Николаю Николаевичу и въ то же время просить ориентировать меня и дать указанія».

Одинъ изъ чиновъ штаба Духонина немедленно снесся съ Петроградомъ. «На Сѣверномъ фронтѣ происходитъ что-то непонятное и тревожное»—сообщилъ онъ, передавая разговоръ Духонина съ Черемисовымъ, а также сообщеніе Главнокомандующаго Западнымъ фронтомъ.

«Совершенно не понимаемъ,—отвѣчали изъ Петрограда,—откуда у Главкоѣва могли быть свѣдѣнія объ отказѣ Керенскаго отъ командованія и тѣмъ болѣе о передачѣ власти ему. Объ этомъ не было и рѣчи».

Разговоръ съ Петроградомъ ничего не выяснилъ и лишь увеличилъ сомнѣнія. Въ томъ же положеніи невѣдѣнія Ставка оставалась всю ночь на 26. 26-го было получено извѣстіе о рѣшеніи «Викжеля» не перевозить войскъ. Днемъ 26 Духонинъ вновь велъ переговоры съ штабомъ Сѣвернаго фронта. Генераль Х. сообщилъ изъ Пскова.

«Вчера послѣ отдачи распоряженія по отмѣнѣ движенія войсковыхъ частей къ Петрограду пріѣхалъ Александръ Федоровичъ, который не раздѣляетъ мнѣнія Главкоѣва на необходимость отмѣны движенія назначенныхъ войсковыхъ частей къ Петрограду. Однако передать распоряженіе съ подтвержденіемъ приказа о движеніи на Петроградъ не удалось, такъ какъ у аппаратовъ революціоннымъ комитетомъ, формировавшимся въ Псковѣ, были поставлены особые дежурные члены этого комитета. Въ 5 съ половиною часовъ 26 Александръ Федоровичъ выѣхалъ въ Островъ вмѣстѣ съ Комкоромъ 3-го коннаго (ген. Красновымъ команд. 3 коннаго корпуса), который пріѣзжалъ въ Псковъ въ 3 часа ночи 26-го. Лично я Главковерха не видѣлъ».

Такимъ образомъ, по словамъ Черемисова, онъ отдалъ распоряженіе о пріостановкѣ движенія на Петроградъ по приказанію Керенскаго. Между тѣмъ ген. Х. сообщалъ, что Керенскій пріѣхалъ уже послѣ этого распоряженія ген. Черемисова и отмѣнилъ его.

Очень волновала Духонина невозможность войти въ непосредственную связь съ Керенскимъ.

Отвѣчая ген. Х. въ Псковѣ, онъ говорилъ:

«Не можете ли вы точно установить, гдѣ сейчасъ находится Главковерхъ, и могу ли войти съ нимъ въ связь черезъ васъ. Необходимо немедленно установленіе этой связи, прошу по исполненіи этого мнѣ телеграфировать...»

Генераль Х.—Ждемъ Главковерха сегодня же въ Псковѣ, куда Главковерхомъ приказано перемѣститься и штабу 3-го коннаго корпуса. Надежной связи телеграфной между Псковомъ и Островомъ у насъ нѣтъ, но Штабъвъ можетъ принять вашу депешу

и немедленно отправить ее съ офицеромъ на автомобилѣ навстрѣчу Главковерху. Все.

Духонинъ.—Хорошо, передаю телеграмму: «Главковерху Керенскому. Прошу васъ немедленно по прибытіи Штасъва переговорить со мной по аппарату. Желая вамъ доложить вчера лично, я просилъ объ этомъ Главкосъва, но онъ не призналъ возможнымъ».

Только на слѣдующій день 27 октября одинъ изъ чиновъ штаба Сѣвернаго фронта, въ квартирѣ котораго въ Псковѣ останавливался Керенскій, болѣе подробно передалъ по прямому проводу о происходившемъ въ Псковѣ 25 и 26 ночью. По словамъ его, Черемисовъ дѣйствительно убѣждалъ Керенскаго въ безнадежности арміи и безцѣльности посылки войскъ въ Петроградъ. Склонялся Керенскій и къ назначенію Черемисова Верховнымъ Главнокомандующимъ. Въ это время принесли телеграфную ленту изъ Ставки. Ознакомившись съ ней, Керенскій сказалъ: «По свѣдѣніямъ Ставки большинство арміи сейчасъ на сторонѣ Временнаго Правительства».

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ Черемисовъ,—поѣзжайте въ Ставку и лично провѣрьте эти свѣдѣнія.

Керенскій, якобы, согласился, но 26 ночью въ Псковъ пріѣхалъ командиръ 3 коннаго корпуса ген. Красновъ, который въ свою очередь убѣдилъ его немедленно двинуться на Петроградъ. Онъ утверждалъ, что, въ виду чрезвычайно противорѣчивыхъ приказовъ Керенскаго за истекшій день, люди его пойдутъ къ Петрограду только въ томъ случаѣ, если самъ Керенскій побѣдетъ съ ними. Послѣ этого въ 5½ утра 26 октября Керенскій вмѣстѣ съ Красновымъ уѣхалъ въ Островъ.

Судя по тѣмъ же свѣдѣніямъ, полученнымъ Ставкой изъ штаба Сѣвернаго фронта, Керенскій не подходилъ лично къ аппарату для переговоровъ съ Духонинымъ, опасаясь ѣхать въ штабъ, гдѣ его могли арестовать члены революціоннаго комитета, возникшаго въ Псковѣ.

Всѣ эти свѣдѣнія дошли до Ставки однако уже на 3-й день возстанія. Несомнѣнно, если бы 25 и 26 Сѣверный фронтъ дѣйствовалъ рѣшительно, событія подъ Петроградомъ развернулись бы совершенно иначе. Но время было упущено, и уже не во власти Духонина было его вернуть. Исторія быть можетъ установитъ со временемъ съ полной ясностью правдивую картину происходившаго на Сѣверномъ фронтѣ, выяснивъ роли Керенскаго, Черемисова и другихъ лицъ въ вопросѣ объ этомъ странномъ приказѣ о пріостановкѣ эшелоновъ, которыхъ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидало Правительство, отдавшее себя «на защиту арміи и народа».

Числа 27-го были получены свѣдѣнія о возстаніи въ Москвѣ. Опять были отданы распоряженія о движеніи эшелонѣвъ. 28 окт. генералъ Красновъ телеграфировалъ, что имъ взято Царское Село и Радіотелеграфъ. Настроеніе въ Ставкѣ поднялось, но уже ночью отрядъ Краснова оставилъ Царское и отступилъ въ Гатчину. Радіо стало передавать воззванія Троцкаго и Ленина. Въ то время, какъ большевики дѣйствовали рѣшительно и смѣло, политика общearмейскаго комитета и другихъ революціонно-демократическихъ армейскихъ организацій въ эти дни носила на себѣ печать нерѣшительности и колебаній. Такая политика вообще была характерна для круговъ, которымъ, казалось бы, въ первую очередь надлежало защищать Временное Правительство. Не оказывая никакихъ препятствій распоряженіямъ Духонина и даже заявивъ себя сторонникомъ Временнаго Правительства, общearмейскій комитетъ велъ себя чрезвычайно блѣдно. Боязнь контръ-революціи, «реальная опасность справа»—были преобладающими темами въ засѣданіяхъ указанныхъ организацій въ первые дни октябрьской революціи. Могли ли дѣйствовать энергично люди съ такимъ настроеніемъ? Эти настроенія высшихъ организацій, конечно, невидимымъ токомъ передавались и въ армію, и количество защитниковъ Правительства таяло съ каждымъ часомъ.

1 ноября Керенскій палъ, наканунѣ отдавъ распоряженіе о пріостановкѣ движенія эшелонѣвъ. Бѣгство Керенскаго, подробности коего въ Ставкѣ первоначально не были извѣстны, подѣйствовало на Духонина угнетающе.

Только послѣ этихъ событій Духонинъ уступилъ настоянію чиновъ своего штаба, и согласился отдать приказъ о пріостановкѣ движенія войскъ.

Впрочемъ, къ тому времени всякое движеніе уже фактически было почти невозможно.

III.

Послѣ паденія Керенскаго общearмейскій комитетъ вызвалъ въ Могилевъ Чернова, и начались совѣщанія объ образованіи однороднаго соціалистическаго Министерства. Въ Могилевѣ появились Гоцъ, Скобелевъ, Авксентьевъ и др. Въ этихъ совѣщаніяхъ Духонинъ никакого участія не принималъ. Онъ говорилъ, что вступаетъ въ обязанности Верховнаго Главнокомандующаго лишь до образованія новой власти.

Къ посту Верховнаго Главнокомандующаго онъ относился, какъ къ посту священному, и принималъ на себя обязанности Верховнаго Главнокомандующаго, какъ великій постригъ, послѣ котораго онъ уже не принадлежитъ себѣ. Духонинъ вовсе не счи-

таль себя выдающимъ генераломъ и былъ чуждъ всякаго честолюбія. Онъ говорилъ, что судьба поставила его на такой высокій постъ, которому онъ, конечно, не соотвѣтствуетъ, и что въ сложившейся обстановкѣ ему остается только хорошо и честно умереть за Россію.

7-го ноября въ Ставкѣ была получена радіотелеграмма. Большевики категорически требовали въ ней отъ Духонина высылки парламентаревъ къ нѣмцамъ для переговоровъ о мирѣ.

Духонинъ отказался.

Къ 12 ноября выяснилось, что изъ совѣщаній объ образованіи однородной соціалистической власти ничего не вышло. Черновъ уѣхалъ изъ Могилева.

11 ноября было получено извѣстіе о выѣздѣ Крыленко въ Исковъ, а 12 онъ предложилъ Духонину сдать обязанности Верховнаго Главнокомандующаго начальнику Могилевского гарнизона генералу Бончъ-Бруевичу. 13-го онъ уже былъ въ Двинскѣ и въ тотъ же день выпустилъ приказъ по арміи и флоту, въ которомъ объявлялъ, что вступаетъ въ переговоры о мирѣ съ нѣмцами, распускаетъ общеармейскій комитетъ и предлагаетъ Могилевскому совѣту устранить Духонина отъ власти.

Исполнительный Комитетъ Могилевского Совѣта, обсудивъ телеграмму, вынесъ резолюцію о неподчиненіи распоряженіямъ Крыленка.

О Духонинѣ въ этой резолюціи не говорилось ни слова. Вообще характерно, что, выражая въ личныхъ бесѣдахъ готовность поддерживать ген. Духонина, мѣстные демократическія организаціи избѣгали говорить объ этомъ прямо въ своихъ официальныхъ воззваніяхъ.

Мало-по-малу становилось ясно, что Ставка доживаетъ послѣдніе дни. 13 ноября Духонинъ выпустилъ свое обращеніе къ русскому народу о необходимости созданія власти, которая одна можетъ дать странѣ и арміи необходимый миръ. Но уже 14 ноября изъ приказа Крыленка по арміи, жаждущіе мира солдаты узнали, что нѣмцы согласились на переговоры о перемиріи съ большевиками.

Эти вѣсти о мирѣ, идущія изъ большевистскаго стана, принимавшія все большую реальность, окончательно кружили голову людямъ, утомленнымъ войной. Западнѣй фронтъ сдѣлался большевистскимъ. Сѣверный тоже. Связь съ комиссарами фронтовъ терялась. Главнокомандующіе фронтовъ (Сѣвернаго и Западнаго) устранялись и замѣнялись большевиками.

Нѣкоторые представители арміи въ общеармейскомъ комитетѣ отзывались и на ихъ мѣсто назначались большевики.

17 ноября въ Ставкѣ состоялся съѣздъ представителей армій, который рѣшилъ предупредить возможное кровопролитіе и выслать депутацію для переговоровъ съ Грызенкомъ. Въ ставкѣ было извѣстно, что его эшелоны съ матросами уже выѣхали въ Могилевъ изъ Петрограда.

Утромъ 17-го запросили Украинскую Раду о возможности переѣзда Ставки въ Кіевъ. Представители Рады отвѣтили, что вопросъ слишкомъ серьезенъ, и что отвѣтъ на него Рада можетъ дать только къ вечеру. Въ ночь на 18-е у Духонина состоялось совѣщаніе всѣхъ высшихъ чиновъ Ставки. Большинство членовъ совѣщанія высказывалось за перенесеніе Ставки въ другой городъ. Однако на переѣздъ всей Ставки потребовалось бы до 30 поѣздныхъ составовъ. Достать ихъ въ ближайшее время было невозможно. Тогда былъ рѣшенъ выѣздъ Духонина съ оперативнымъ отдѣломъ. Во время совѣщанія Духонинъ повторялъ, что ему противно бѣжать, что онъ не видитъ въ этомъ смысла и цѣли. Возраженія присутствующихъ, что онъ обязанъ выѣхать, чтобы увезти съ собою «идею Верховнаго Главнокомандованія» заставили его подчиниться общему рѣшенію.

Утромъ 18 уже стали выносить изъ помѣщенія, занятаго оперативнымъ отдѣломъ, вещи на поданные грузовики. Все было готово къ отѣзду, какъ вдругъ Духонинъ приказалъ остановить погрузку.

На рѣшеніе его остаться въ Могилевѣ повліяло, какъ это онъ самъ говорилъ на общемъ собраніи чиновъ Ставки, заявленіе одного изъ иностранныхъ агентовъ. Смыслъ заявленія былъ тотъ, что союзники, повидимому, склоняются разрѣшить Россіи сепаратное перемиріе. Разрѣшеніе нашихъ союзниковъ можно бы было истолковать, какъ отказъ отъ первоначальныхъ протестовъ, заявленныхъ въ Ставкѣ ген. Бартеромъ за недѣлю передъ тѣмъ, и признаніе правительства комиссаровъ. До разъясненія этого заявленія рѣшиться на отѣздъ Ставки было невозможно.

Когда разгруженные автомобили возвращались въ гаражъ, солдаты георгіевскаго баталіона заявляли шоферамъ: «Мы бы васъ все равно изъ Ставки не выпустили». Это послужило поводомъ къ слухамъ по городу, что Ставка хотѣла бѣжать, но ея не выпустили георгіевцы. Это сообщалось потомъ даже въ «Русскомъ Словѣ».

Между тѣмъ слухъ этотъ совершенно не соответствуетъ дѣйствительности. Въ распоряженіи Духонина находилось достаточно силъ, чтобы подавить всякую попытку воспрепятствовать переѣзду Ставки.

Въ четвертомъ часу дня въ Управленіи дежурнаго генерала

состоялось общее собраніе чиновъ Ставки съ участіемъ солдатъ. Оно было очень многолюдно. Духонинъ, прибывшій на собраніе по приглашенію особой делегаціи, просто и спокойно разсказалъ о положеніи Ставки, о первоначальномъ намѣреніи перенести ее въ другой городъ и объ отказѣ отъ этого рѣшенія въ виду упомяну- таго заявленія агента. Онъ предполагалъ, что къ вечеру полу- чить уже официальное разрѣшеніе правительствъ союзниковъ на заключеніе Россіей сепаратнаго перемирія. «Я считалъ,—гово- рилъ онъ,—что измѣна союзникамъ является позоромъ Россіи, и находилъ необходимымъ защищать честь родины. Въ настоящее время положеніе измѣнилось, и надо надѣяться, что дѣло обой- дется безъ кровопролитія».

Въ это же время въ собраніе была доставлена только что полу- ченная большевистская радіотелеграмма. Она была оглашена въ присутствіи Духонина. Въ ней Духонинъ объявлялся врагомъ народа.

Духонину была устроена овація. Онъ благодарилъ, указавъ, что считаетъ за величайшее для себя счастье умереть за честь родины.

Уходя изъ собранія, онъ еще разъ сказалъ: «Прошу васъ, го- спода вѣрить, что во мнѣ бьется русское сердце и бьется оно любовью къ родинѣ». Его провожали аплодисментами.

Послѣ ухода Духонина длинную рѣчь произнесъ комиссаръ Станкевичъ.

На вопросъ представителя ударниковъ, должны ли они защи- щать Ставку въ случаѣ вторженія въ нее большевистскихъ эше- лоновъ,—Комиссаръ верхъ отвѣтилъ утвердительно.

Такой же вопросъ былъ заданъ члену общеармейскаго коми- тета. Послѣдній давалъ весьма уклончивые отвѣты. Подъ конецъ онъ заявилъ, что ударники должны всецѣло слушать приказаній общеармейскаго комитета. Что предприметь комитетъ было, од- нако, неизвѣстно.

Около 7 часовъ вечера, ничего не рѣшивъ, собраніе разошлось.

По городу ходили слухи, что депутація общеармейскаго коми- тета возвращается обратно. Она, якобы, даже не была принята большевиками.

19 въ Могилевѣ образовался военно-революціонный комитетъ, объявившій Духонина подѣ домашнимъ арестомъ. Общеармейскій комитетъ объявилъ себя распущеннымъ.

Въ тотъ же день въ Могилевъ парламентаромъ отъ Крыленка пріѣхалъ ген. Одинцовъ. Это былъ товарищъ Духонина по вы- пуску академіи генеральнаго штаба.

Къ Духонину онъ вошелъ въ штатскомъ, сконфуженный и

какъ бы заискивающий. На лицѣ его было написано ожиданіе, что ему никто не подастъ руки.

Однако онъ былъ принятъ, какъ гость, и вскорѣ пріободрился.

Прежде всего онъ сталъ уговаривать Духонина остаться начальникомъ штаба. Онъ проводилъ параллели между Керенскимъ и Крыленкомъ, а также другими дѣятелями революціи, и находилъ, что разницы между ними мало. Денинъ и Крыленко, напримѣръ, по его словамъ не участвовали въ экспроприацияхъ въ 1906 г. Въ силу всѣхъ этихъ соображеній и во имя арміи и Россіи Духонинъ, по его мнѣнію, вполне можетъ продолжать работу съ новой властью.

Духонинъ, однако, отклонилъ это предложеніе, заявивъ, что останется на своемъ посту до тѣхъ поръ, покуда его не арестуютъ.

Одинцовъ увѣрялъ, что, если не будетъ оказано сопротивленія, все обойдется по-хорошему. Все ограничится лишь арестомъ Духонина и отправленіемъ его въ Петропавловскую крѣпость. Просилъ никого не уѣзжать. Выражалъ увѣренность, что матросы даже не войдутъ въ Могилевъ. Духонинъ сказалъ, что всякое сопротивленіе считаетъ излишнимъ, и просилъ не вводить никакихъ эшелоновъ въ Могилевъ, хотя бы первые дни.

Надо замѣтить, что въ этотъ же день, еще до разговора съ Одинцовымъ, Духонинъ узналъ, что комиссаръ Станкевичъ выѣхалъ изъ Могилева. Можетъ быть въ создавшейся обстановкѣ и комиссарамъ и комитетамъ ничего и не оставалось дѣлать, какъ только распускаться и уѣзжать. Это вопросъ другой. Но фактъ остается фактомъ: Духонинъ долженъ былъ одинъ принять на себя всю отвѣтственность за политику общеоармейскаго комитета, за всѣ эти демократическія засѣданія объ образованіи однородной социалистической власти съ В. М. Черновымъ во главѣ, въ которыхъ онъ не принималъ никакого участія. Онъ долженъ былъ на себѣ сосредоточить всю ненависть къ Ставкѣ матросовъ и красногвардейцевъ. Онъ одинъ долженъ былъ защищать идею Верховнаго командованія, честь арміи, честь Россіи.

Еще и въ этотъ день онъ могъ уѣхать изъ Могилева. Но, когда ему предлагали это, онъ улыбался въ отвѣтъ своей свѣтлой, мягкой улыбкой и говорилъ:

«Нѣтъ ужъ я лучше останусь до конца. Я не боюсь смерти... Только бы не умереть отъ самосуда».

Возможность самосуда заставляла его ежиться и вздрагивать.

Всякое сопротивленіе было неразумно. По свѣдѣніямъ Ставки эшелоны матросовъ приближались къ Могилеву, несмотря на увѣренія ген. Одинцова. Въ Ставкѣ къ этому времени было 4 сотни казаковъ, по 60 пашекъ въ сотнѣ, 290 ударниковъ и 1 финляндскій ударный баталіонъ въ 800 штыковъ. Георгіевцы были ненадежны.

Начать бой и въ концѣ концовъ загубить всѣхъ этихъ людей, подвергнуть Ставку разгрому, вызвать въ арміи поголовное избиеніе офицеровъ,—вотъ чего рѣшили избѣжать Духонинъ. Собственно говоря, онъ поступилъ такъ же, какъ въ свое время генераль Корниловъ. Онъ рѣшилъ сдаться безъ сопротивленія.

Но Корниловъ сдавался ген. Алексѣеву, который отвѣчалъ за свои слова и всѣ принятыя условія выполнилъ до конца. Духонинъ же сдавался безотвѣстному большевизму, который не былъ въ силахъ выполнить самыхъ торжественныхъ обѣщаній. Вечеромъ, послѣ разговора съ Одинцовымъ, былъ отданъ приказъ ударникамъ отправиться на Кавказскій фронтъ. Ставка осталась безъ защитниковъ.

На слѣдующій день, 20 ноября, около 10 утра, въ Могилевъ вступили матросы. Въ лохматыхъ шапкахъ, въ черныхъ шинеляхъ, съ винтовками за плечами, съ лицами побѣдителей,—они группами ходили по тротуарамъ могилевскихъ улицъ, останавливались на перекресткахъ, толпились у домовъ. Прохожіе сторонились ихъ, но кое-гдѣ у воротъ уже слышался примирительный бабій визгъ и хихиканье.

Духонина арестовали и отвезли на вокзалъ, а около 6 часовъ вечера онъ былъ звѣрски убитъ у салонъ-вагона прапорщика Крыленка нѣсколькими матросами.

Едва ли новый Верховный Главнокомандующій и его штабъ могли защитить отъ самосуда генерала, имъ же объявленнаго «врагомъ народа». Во всякомъ случаѣ, если они и могли остановить матросовъ, то, конечно, не убѣжденіями, а только ударами шашекъ и выстрѣлами револьверовъ. Но этого они не сдѣлали. И матросы убили Духонина, тѣло его на грязныхъ деревянныхъ носилкахъ сволокли на сосѣдній путь и штыками швырнули въ вагонъ, въ которомъ до этого перевозился скотъ.

Ночью трупъ былъ ограбленъ: сняты сапоги, шинель, все платье. Утромъ на слѣдующій день началась оргія самыхъ утонченныхъ издѣвательствъ и глумленій надъ мертвымъ тѣломъ. Его таскали по вагону, ставили въ уголъ, въ мертвый ротъ вставляли дымящіеся папирсы.

Люди эти не отдавали себѣ отчета въ томъ, что, издѣваясь надъ холоднымъ, обезображеннымъ и ограбленнымъ трупомъ, они не въ силахъ осквернить отлетѣвшую отъ него человѣческую душу. Безсильны умертвить свѣтлую память о человѣкѣ.

Эти матросы—«краса и гордость революціи» и цвѣтъ большевизма—не понимали, что въ садизмѣ собственной жестокости они топятъ всякую идейность большевизма.

И въ то же время они невольно вѣнчали ореоломъ мученичества убитаго ими человѣка.

Н. В.

Московская охранка о А. И. Шингаревъ.

(съ 1891 по 1915 г.).

«Недостаточно быть пролетаріемъ и голоднымъ, чтобы стать революціонеромъ», съ грустью говорилъ когда-то Герценъ, пристально вглядываясь въ тогдашнюю духовную сущность западно-европейской демократіи, въ душу рабочаго и «полевого мѣщанина»—крестьянина.

Никогда еще эта глубокая и блестяще выраженная истина не была болѣе справедлива, чѣмъ въ примѣненіи къ данному общественно-психологическому моменту русской жизни.

Недостаточно трусливо подкрасться ночью къ изголовью ни въ чемъ неповинныхъ, больныхъ спящихъ людей, хотя бы и бывшихъ министровъ к.-д., и убить ихъ, чтобы считаться борцомъ за идеалы соціальной справедливости. Къ сожалѣнію, массовое одичаніе является въ данный моментъ не случайнымъ, а претендующимъ на роль непогрѣшимаго революціоннаго принципа, стремящагося подчинить своей свирѣпой власти всѣ проявленія народной жизни.

Но легко можно убить беззащитнаго, образованнаго и независимо мыслящаго «буржуя» за то только, что онъ образованный и свободно мыслящій человѣкъ, но онъ убитый останется навѣки свободнымъ и достойнымъ имени человѣка.

Такими внутренне свободными и достойными гражданами считала А. И. Шингарева и О. О. Кокошкина и гасительница родной мысли московская «охранка» и поэтому преслѣдовала ихъ. Заглянемъ же въ ея черную лѣтопись объ одномъ изъ нихъ и познакомимъ съ ея содержаніемъ читателя.

* * *

Перенесемъ мысленно къ началу 90-хъ годовъ минувшаго вѣка,—въ атмосферу московской студенческой кружковщины, вечеринокъ въ складчину, гдѣ велись пылкіе разговоры на тему о созданіи общестуденческаго «литературно-общественно-политическаго органа»—«Летучаго Листка», гдѣ «собирались члены кружка В. М. Чернова»...

«По агентурнымъ свѣдѣніямъ» 6 марта 1891 года у Екатерины Алексѣевны Вишневецкой, учительницы музыки, «состоялась платная вечеринка, по 50 коп. съ персоны», въ пользу Нижегородскаго землячества. Собралось около 70 человѣкъ, «и лица, пожелавшія заняться революціонными разговорами, уединились въ отдѣльную комнату, гдѣ завязался горячій споръ между сыномъ отставнаго полковника Сергѣемъ Николаевичемъ Прокоповичемъ и студентомъ Андреемъ Ивановичемъ Шингаревымъ, уроженцемъ Воронежской губ., занимавшимся тамъ статистическими работами и по своимъ убѣжденіямъ склоннымъ къ тенденціямъ «бунтарей». Разговоръ, конечно, большинство слышать не могло, такъ какъ этому мѣшала музыка и танцы въ сосѣднихъ комнатахъ, но Прокоповичъ остался очень доволенъ своимъ противникомъ, и они вмѣстѣ ушли съ вечеринки. Шингареву принадлежитъ идея общестуденческой кассы, библіотеки, кухмистерской и проч.»... ¹⁾.

15 декабря 1892 г. оберъ-полицеймейстеръ Власовскій предлагалъ «учредить негласный надзоръ полиціи за студентомъ Московскаго Университета, изъ мѣщанъ, Андреемъ Ивановичемъ Шингаревымъ».

Первая «поднадзорная вѣдомость на А. И. Шингарева» относится къ 15 января 1893 года; изъ нея мы узнаемъ, что онъ родился въ 1869 году въ Воронежѣ, окончилъ мѣстную гимназію, «средства получалъ отъ отца», знакомство его—К. Г. Хрущовъ. Эта же «вѣдомость» даетъ намъ свѣдѣнія о немъ, «добытыя наблюденіемъ», а именно: «Шингаревъ свободное время отъ занятіи проводилъ усебе въ квартирѣ. Образъ жизни велъ трезвой, обедалъ и ужиналъ въ домѣ Энгельгарда по Плющихѣ 1 учас. Хомовничн. части умосковскій мешанке Полинарій Глебовой Павловой, плотилъ за столъ съ коль неизвѣстно» ²⁾.

Затѣмъ, нѣсколько времени спустя, тотъ же лѣтописецъ намъ повѣствуетъ, что А. И. Шингаревъ «занимаетъ 2 комнаты и прихожую и живетъ вмѣстѣ съ Николаемъ Алексѣевичемъ Вырубковымъ» ³⁾.

Подъ конецъ своего университетскаго курса въ 1897 г. онъ изъ студента, «склоннаго къ тенденціямъ «бунтарей» превращается въ «мирнаго», выходитъ изъ центральной студенческой кассы. «такъ какъ потерялъ въ нее вѣру». Въ ноябрѣ того же года пишетъ по поводу своего землячества сестрѣ своей ⁴⁾ въ Женеву:

¹⁾ «Казанское дознаніе» о Летучемъ Листкѣ—1891 г. по описи № 369.

²⁾ Сохраняемъ орфографію подлинника.

³⁾ Подъ этими «свѣдѣніями» подпись полицейскаго надзирателя Есенина и датированы они 26-ымъ мартомъ 1893 г.

⁴⁾ Извѣстный врачъ и земскій дѣятель, нынѣ проф. Казанскаго унив.; видный членъ нар.-соц. партіи, чл. 2 Гос. Д.

⁵⁾ Отрывокъ изъ перлюстрированнаго письма.

«Довольно грустное положеніе нашего землячества. Оно распадается, и, повидимому ничто не может вернуть его къ жизни, такъ неживъ и безучастно отношеніе къ нему моихъ товарищей. Въ прошломъ году у насъ произошелъ расколъ; часть говорила о направленіи кассы мирномъ, часть о ея оппозиціонной работѣ, т.-е. о противленіи существующему строю. Съ послѣднимъ я лично не согласился и теперь ухожу изъ кассы. Нѣтъ, уже очень мало надежды, чтобы дѣла ея пошли хорошо; на песокъ не выстроишь ничего».

Окончивъ университетъ, А. И. Шингаревъ послѣ хлопотъ о полученіи свидѣтельства о политической благонадежности, поступаетъ на должность запаснаго земскаго врача въ Большой Верейскій, Землянскаго уѣзда, Воронежской губ. Въ 1901 году проводится врачомъ земской больницы въ село Гвоздиловку того же уѣзда. Во все время своей службы состоитъ «подъ гласнымъ надзоромъ». Во время его поѣздокъ въ Москву, мѣстная полиція *аккуратно* отправляетъ московской «охранкѣ» извѣщенія съ обычной при этомъ «поднадзорной вѣдомостью», снабженной «свѣдѣніями, добытыми наблюденіемъ» въ родѣ такихъ: «носить пиджачную черную пару, черную, мягкую шляпу и сѣрое лѣтнее пальто, получать изъ-за границы нелегальную литературу и вести знакомства съ лицами, скомпрометированными въ политическомъ отношеніи»¹⁾.

Въ 1908 году А. И. Шингаревъ посѣщаетъ лекціи Кизеветтера и Муромцева въ университетѣ Шанявскаго, и полиція на это обращаетъ вниманіе.

«Изъ числа посѣщающихъ лекціи обращаютъ на себя вниманіе своимъ вызывающимъ поведеніемъ нижеслѣдующіе слушатели: Шингаревъ, Миклашевскій, Снегиревъ, Богдановъ, Астровъ и Шульманъ».

Въ 1911 году полковникъ Заварзинъ сдѣлалъ интересное донесеніе департаменту полиціи, относящееся къ А. И.:

«Доношу департаменту полиціи, что ввѣреннымъ мнѣ отдѣленіемъ получены нижеслѣдующія, не поддающіяся провѣркѣ, свѣдѣнія, о текущей дѣятельности представителей Россійской социаль-демократической рабочей партіи:

Въ одной изъ дачныхъ мѣстностей близъ города Кутаиса, въ послѣднихъ числахъ минувшаго августа мѣсяца, или началѣ текушаго сентября, состоялся рядъ собраній представителей мѣстной социаль-демократической партійной организаціи. Одно изъ этихъ собраній, между прочимъ, ознаменовалось появленіемъ

¹⁾ Послѣднія свѣдѣнія относятся къ 1905 году.

пріѣхавшихъ изъ-за границы Владиміра Ильича Ульянова (партийный псевдонимъ Ленинъ) и Григорія Валентиновича Плеханова.

На собраніи этомъ Ленинымъ былъ прочитанъ обширный докладъ, касавшійся своимъ содержаніемъ дѣятельности нынѣ функционирующей III Государственной Думы и намѣчавшій въ общихъ, конечно, чертахъ возможные способы реагирования на предстоящую предвыборную въ IV Государственную Думу кампсію.

Цѣль пріѣзда на Кавказъ вышеназванныхъ лицъ неизвѣстна, но, принимая во вниманіе то обстоятельство, что здѣсь же произошли дѣловыя встрѣчи ихъ съ членомъ Государственной Думы Андреемъ Ивановичемъ Шингаревымъ,—возможно предположить, что ведутся негласно переговоры о блокѣ кадетъ и социаль-демократовъ на время предвыборной кампаніи.

Свѣдѣнія эти въ виду невозможности провѣрить степень ихъ достовѣрности, въ Кавказское Районное Отдѣленіе не сообщались.

Съ этого года Московская «охранка» особенно усердно слѣдитъ за А. И. Когда въ 1913 году онъ былъ приглашенъ съ Керенскимъ и Чхеидзе на IV профессиональный съѣздъ торгово-промышленныхъ служащихъ въ качествѣ почетнаго гостя, то министерство внутреннихъ дѣлъ прислало Московскому градоначальнику подробный перечень всѣхъ его провинностей:

«Шингаревъ, Андрей Ивановичъ, врачъ, нынѣ членъ Государственной Думы и членъ С.-Петербургской Городской Комиссіи по канализаціи и водоснабженію, въ 1893 году, въ бытность свою студентомъ Московскаго Университета былъ замѣченъ въ сношеніяхъ съ лицами, скомпрометированными въ политическомъ отношеніи».

«Въ 1898 году Шингаревъ, по свѣдѣніямъ, не провѣреннымъ формальнымъ порядкомъ, состоя на службѣ Воронежскаго земства, распространялъ среди крестьянскаго населенія брошюры тенденціознаго характера подъ названіемъ: «Два короля» и по свидѣтельству мѣстнаго епископа, оказывалъ вредное вліяніе въ религіозномъ отношеніи на то же населеніе, послѣдствіемъ чего явилось прекращеніе имъ посѣщенія церкви».

«Въ 1905 году Шингаревымъ, по имѣвшимся въ распоряженіи начальника воронежскаго губернскаго жандармскаго управленія свѣдѣніямъ, были приглашены, въ цѣляхъ принятія мѣръ противъ ожидавшейся холерной эпидеміи въ Воронежской губ., для временной службы врачи, студенты и курсистки, преимущественно изъ числа скомпрометированныхъ въ политическомъ отношеніи».

«Въ 1907 г. Шингаревъ, состоя членомъ Государственной Думы и принадлежа къ конституціонно-демократической партіи, участвовалъ въ 10-мъ Пироговскомъ съѣздѣ, гдѣ произнесъ въ заклю-

чительномъ засѣданіи рѣчь, въ которой превозносили значеніе работы конституціонно-демократической партіи въ Думѣ и говорили о необходимости упорной борьбы съ произволомъ».

4 сентября 1910 года Шингаревъ прочиталъ въ гор. Воронежѣ. съ разрѣшенія администраціи докладъ о прошедшихъ въ Государственной Думѣ законопроектахъ и работъ думскихъ комиссій. Въ названномъ докладѣ онъ высказалъ, что считаетъ работу Думы незначительной, что правительство добилось не «законопослушной», а просто «послушной» Думы, что Государственный Совѣтъ и Совѣтъ Министровъ стѣсняють дѣйствія Думы разными способами. Страна совершенно не поддерживала своихъ посланниковъ и не отвѣчала ничего на эти притѣсненія, поэтому нельзя ни въ чемъ обвинять Думу, которая дѣлала, что могла. Дума стремится ввести земства въ Сибири, на Кавказѣ, Польшѣ и Финляндіи. Работа вообще тормозится неполученіемъ отвѣтовъ на нѣкоторые запросы, сдѣланные Думой правительству, которое умышленно затягиваетъ дѣло, не отвѣчая на эти запросы, такъ какъ отвѣчать на нихъ ему не выгодно. Этимъ многія рѣшенія Думы отодвигаются на неопредѣленный срокъ. Осуждалъ Государственный контроль, который неудовлетворителенъ, такъ какъ состоитъ изъ чиновниковъ, находящихся въ зависимости отъ министерства, не могущаго дѣйствовать самостоятельно. Далѣе указалъ, что законъ о смертной казни не удалось рассмотреть, какъ это слѣдовало бы, и его возвратили въ комиссію. Законъ о свободѣ печати разсматривать не даютъ, такъ какъ печать не хотятъ сдѣлать свободной. Правительство старается натравливать одну на другую народности, входящія въ составъ Россійской Имперіи, что ясно видно изъ законопроекта о финляндскомъ земствѣ.

Въ заключеніе онъ сказалъ: «мы будемъ стоять за государя, освободившаго крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ шести-десятихъ годахъ и давшаго манифестъ 17 октября, а не за тѣхъ, кто будетъ всѣ эти дары отбирать, такъ какъ мы считаемъ это гибельнымъ для нашей родины». Въ настоящее время Шингаревъ стоитъ въ рядахъ партіи народной свободы и 25 мая сего 1913 года принималъ участіе въ неразрѣшенномъ собраніи членовъ Думы означенной партіи, состоявшемся въ квартирѣ одного изъ бывшихъ членовъ Государственной Думы».

«11—13 іюля 1915 г. А. И. Шингаревъ сдѣлалъ докладъ «о дороговизнѣ» на съѣздѣ союза городовъ, и прочелъ резолюцію», — записала въ своихъ анналахъ Московская охранка. Это—послѣднія, дошедшія до насъ ея слова о немъ. Весь остальной охранный литературный матеріалъ за 1916 г. и часть 1917 года объ Андреѣ Ивановичѣ уничтоженъ въ хаосѣ мартовскаго взятія «Бастиліи» московскаго политическаго сыска.

В. И. Карякинъ.

МЕЛОЧИ ПРОШЛАГО.

Современныя стихотворенія по поводу
отлученія Л. Н. Толстого отъ церкви.

«Живые цвѣты».

(Сонъ Побѣдоносцева).

Что давно услодой было	Вы, смиренные, вы паки
Лишь для умственного взора,	Миромъ Господу молитесь!
И чего давно желало	
Сердце Оберъ-Прокурора—	Факель мнѣ!»... И вотъ все гуще
Виць-мундирнаго монаха,	Дымъ струится синеватый,
То, чего просилъ у неба,	Камилавки закрестилъ,
То свершилося воочью.	Замолились «паки, паки»,
Отошли вездѣ обѣдни;	И имъ вторить мѣднымъ гласомъ
Свѣтитъ солнце надъ синодомъ;	По сосѣдству сталъ Исакій.
Шумъ, оружія бряцанье;	Дымъ все гуще; запылаетъ
Площадь занята народомъ.	Весь костеръ смолистый скоро,
За толпой штыки и пики—	И совсѣмъ въ восторгѣ мѣшетъ
Видъ колючаго забора...	Сердце Оберъ-Прокурора.
И въ восторгѣ бьется сердце,	Вдругъ... что это? Козни бѣса?
Сердце Оберъ-Прокурора.	Анархистовъ шутки злая?—
Что за странное видѣнье?	Надъ толпой цвѣтная туча,
Вотъ дрова, пучки соломы—	И летятъ цвѣты живые:
Не костеръ ли для сожженья?	На толпу, костеръ и митры,
Да, костеръ и столбъ и цѣпи,	На коней, на казакины
(Изъ музея видно взяты),	Густо надаютъ левкои,
И отъ факеловъ въ сторонкѣ	Розы, ландыши, жасмины,
Дымъ струится синеватый.	И надъ площадью безшумной
Вотъ и «онъ» среди конвоя—	Ходятъ волны аромата...
Еретикъ, въ рубашкѣ бѣлой,	Кучка митръ и камилавокъ
Онъ—ругатель вѣры нашей,	Видитъ, ужасомъ объята,
Лжеучитель закоснѣлый.	Какъ, все гуще осыпая
«Такъ иди-жь, склонивши выю,	Весь костеръ, цвѣты стремятся
Подъ ярмомъ грѣха, позора!»	Загасить огонь священный...
И опять выиграло сердце,	И... дрова ужъ не дыматся...
Сердце Оберъ-Прокурора.	«Да воскреснетъ Богъ! Спаси-
«Дайте факель. Самъ зажгу я	тель!»
Сей костеръ во славу Божью!	Раздались повсюду крики.
Обвивайте цѣпью крѣпко!	Вонъ смѣшались въ общемъ бѣг-
На смолу вы не скупитесь!	ствѣ

Камилавки, митры, пики...	«Все по старому. Я въ домѣ
Прокуроръ глядитъ и видитъ,	Синодальномъ, на Литейной,
Полный страха и тревоги,—	Но... такое сновидѣнье!
По ковру цвѣтному сходить	Да съ окраскою идейной!»
Лжеучитель босоногій...	И—о ужасъ! Посрамленье!
«Ахъ уйдеть онъ невредимый!	Православья сила, гдѣ ты?
Нѣтъ колючаго забора!»	Наяву цвѣты!—Вотъ пишутъ
И въ испугѣ безпокойно	Въ новомъ номерѣ газеты.
Бьется сердце Прокурора.	Тамъ, на выставкѣ, бросали.
Онъ съ трудомъ перекрестился,	Оскорбивъ синодъ глубоко,
Безнадёжно оглянулся,	Изъ цвѣтовъ живыхъ букеты
Закричалъ визгливо: «люди,	Предъ... портретомъ лжепро-
Помогите!»—и проснулся.	рока! ¹⁾
«Слава Богу! это были	Боже правый! Видно скоро
Только чары Черномора.	Будетъ свѣтопреставленье!
И спокойнѣй стало биться	Или, можетъ быть, и это
Сердце Оберъ-Прокурора.	Сновидѣнье? Сновидѣнье...

Левъ и ослы.

(Басня).

Въ одной странѣ, гдѣ правили Ослы,
 Левъ завелся и сталъ налѣво и направо
 О томъ, о семъ судить; и вотъ во всѣ углы
 Про рѣчи львиныя зашла далеко слава.
 Извѣстно всѣмъ, какой Львамъ громкій голосъ данъ;
 Какая скрыта въ нихъ и сила и отвага;
 А этотъ первымъ былъ среди и львиныхъ странъ,
 И громко говорить для всѣхъ считалъ за благо.
 И такъ какъ Львы ничуть не схожи на Ословъ,
 И все въ привычкахъ ихъ и ихъ рѣчахъ иное,
 То все правленіе ослиныхъ тѣхъ головъ
 Отъ львиной дерзости лишилося покоя.
 «Какъ! Рядомъ долгихъ лѣтъ природныя Ослы
 Обычай нашъ и нравъ привили мы народу,
 А дерзкій Левъ рычить на насъ свои хулы
 И подъ носомъ плодить намъ львиную породу!
 Къ несчастью пущему народъ нашъ не глухой,
 И данъ языкъ ему, какъ ни прискорбно это;
 Одинъ послушаетъ, послушаетъ другой,
 Глядишь,—и разнесутъ ту ересь на полсвѣта.
 Судить, немедля. Льва!» И семеро Ословъ

¹⁾ Послѣ отлученія отъ церкви Л. Н. Толстого его портретъ на Передвижной выставкѣ въ Петербургѣ былъ публично осыпанъ цвѣтами. *Ред*

²⁾ «Вѣстникъ русской революціи». 1902. № 2. Женева.

Собрались засѣдать: какъ быть съ врагомъ косматымъ?
 И сановитѣйшихъ ослиныхъ семь головъ
 Такъ разрѣшаются посланьемъ витѣсватымъ:
 Левъ названъ гибельнымъ служителемъ страны,
 Порвавшимъ дерзостно съ премудростью ослиной,
 За что и ждутъ его рогатки сатаны,
 Лизанье сковородъ и свистъ, и шипъ змѣиный.
 Готовы-бъ съѣсть Ослы, да все-жъ боятся Льва.
 И только издали они его лягали,
 И даже ясно такъ звучали ихъ слова:
 «Вамъ, Левъ неистовый, покаяться нельзя ли?
 Забудьте львиныя замашки и хулы.
 Покайтесь, будетъ вамъ, пойдите-ка въ Ослы,
 Кто знаетъ? Можетъ быть, чины бы получили»...
 Когда же Льву прочли зловѣщую рацею,
 То онъ сказалъ, махнувъ презрительно хвостомъ:
 «Здѣсь все написано ослинымъ языкомъ.
 А я лишь понимать по-львиному умѣю».

Голуби-побѣдителя ¹⁾.

Чѣмъ дѣло началось—не помню, хоть убей.
 Но только семь «смиранныхъ» голубей,
 Узнавъ, что Левъ блюсти не хочетъ ихъ обычай,
 А смѣетъ—дерзость какова!—
 Жить наподобье Льва,
 Рѣшили отлучить его отъ стаи птичьей.
 Ни для кого теперь ужъ не секретъ,
 Что посланъ Льву такой декретъ,
 Чтوبъ съ голубями онъ не смѣлъ летать, покуда
 Онъ не научится, какъ голубь, ворковать
 И крошки хлѣбныя клевать.
 Никують голуби: мы побѣдили! чудо!
 Мы надо Львомъ свершили правый судъ.
 Въ лицѣ своемъ соединить умѣя
 И мудрость голубя и кротость змѣя!
 Но, можетъ быть, вопросъ намъ зададутъ:
 Да—гдѣ жъ побѣда тутъ?
 Но такъ какъ, если вѣрить слуху,
 Тѣ голуби сродни Святому Духу,
 То каждый, чтобы быть цѣлѣй,
 Конечно отъ такихъ воздержится вопросцевъ
 И будетъ славить дѣло голубей-побѣдоносцевъ. «К. Р.».

¹⁾ Стихотвореніе это приписывалось в. кн. Константину Константиновичу.

Критика и бібліографія.

Н. С. Гольдинъ. Паденіе сословно-земскаго строя въ прусской монархіи. Стр. XV+362. Харьковъ: 1916 г. Цѣна 2 руб.

Книга г. Гольдина представляетъ изъ себя ученую диссертацию, ограниченную опредѣленными и тѣсными хронологическими рамками,—главнымъ образомъ, второй половины XVII вѣка. Центръ тяжести изслѣдованія г. Гольдина падаетъ на правленіе великаго курфюрста, и такого рода хронологическая оріентація придаетъ его труду не узко спеціальное, а общее и довольно широкое значеніе. Вторая половина XVII в.—одна изъ самыхъ значительныхъ эпохъ въ исторіи Пруссіи (тогда еще курфюршества Бранденбургскаго). Въ это время государственно-правовой дуализмъ прусской монархіи, заключавшійся въ томъ, что земскіе чины и княжеская власть стояли другъ противъ друга, какъ двѣ равноправныя силы, переживалъ начало своего перерожденія въ абсолютную монархію и на мѣсто сословно-земскаго самоуправленія назрѣвали формы военно-бюрократическаго государства. Въ короткій срокъ прусская монархія пережила очень глубокія измѣненія въ своемъ государственно-строѣ и за какія-нибудь 50—60 лѣтъ стала совершенно неузнаваемой. Диссертация г. Гольдина и посвящена изслѣдованію этихъ государственно-правовыхъ измѣненій въ прусской монархіи второй половины XVII вѣка; ея основная тема—это ростъ княжевласти въ Пруссіи, совершающійся на фонѣ общеевропейской тяги къ установленію самодержавныхъ порядковъ и общеевропейскаго упадка сословно-представительныхъ учреждений. Въ основу своего труда авторъ положилъ обширный архивный матеріалъ, частью еще неизданный, (донесенія провинціальныхъ правленій, земскія челобитныя, рескрипты и резолюціи курфюрстовъ, сеймовыя постановленія и т. п.), частью изданный; среди матеріаловъ, которыми пользовался авторъ, есть такіе, которые еще не затронуты изслѣдованіями (напр. архивный фондъ Восточной Помераніи). Но документальный матеріалъ использованъ авторомъ далеко не въ сыромъ видѣ; онъ приведенъ въ довольно стройную систему, подчиненъ извѣстнымъ руководящимъ принципамъ, и ученая мысль автора не тонетъ въ безднѣ сырыхъ, необработанныхъ документальныхъ данныхъ, какъ это нерѣдко бываетъ въ ученыхъ диссертацияхъ. Наиболѣе общіе выводы автора заключаются въ томъ, что уже при великомъ курфюрстѣ конституціонныя права земскихъ чиновъ прусской монархіи «не будучи

формально уничтожены, на дѣлѣ превратились въ совершенную фикцію, едва прикрытую условной терминологіей политическихъ документовъ». Но курфюрсту Фридриху—Вильгельму еще не удалось прилатъ его правительству централистической организаци; централизовано было только податное дѣло, на которое курфюрстъ обратилъ особенное вниманіе, ибо подчиненіе его видамъ монарха было необходимо для того, чтобы имѣть возможность содержать большую армію и вести агрессивную внѣшнюю политику. Зато другія отрасли управленія не имѣли центрального органа, который руководилъ бы дѣятельностью провинціальныхъ агенто́въ власти. Провинціальные правленія, хотя и отказались отъ своей прежней систематической оппозиціи княжеской власти, тѣмъ не менѣе не были еще объединены въ подчиненіи центральной власти, не являлись орудіями послѣдней. Съ другой стороны остались совершенно незатронутыми дѣятельность великаго курфюрста социальныя привилегіи и матеріальныя льготы дворянства. Фридрихъ—Вильгельмъ, охраняя власть помѣщиковъ надъ крестьянами и надъ ихъ землями, ревностно заботился, чтобы на мѣстахъ дворянство не оскудѣвало и не вырождалось. «Такимъ образомъ», говоритъ авторъ въ заключеніи своей книги: та «революція сверху», какую склонны видѣть нѣмецкіе историки въ преобразовательной работѣ прусской монархіи XVII вѣка, въ существенныхъ своихъ чертахъ сводится къ чисто политическому перевороту и не затронула болѣе глубокихъ основъ взаимныхъ отношеній въ обществѣ и хозяйствѣ».

Къ внѣшнимъ достоинствамъ диссертациі г. Гольдина, помимо стройной конструкціи всей книги, относится и ея изящный и выработанный языкъ. Принимая все это во вниманіе, мы думаемъ, что его работа будетъ достояніемъ не однихъ только специалистовъ, но найдетъ себѣ читателей и изъ широкой публики.

В. Перцевъ.

Н. Митрофановъ. Леопольдъ II Австрійскій. Внѣшняя политика Т. I. Петроградъ, 1916 г. Стр. 464. (Цѣна не обозн.).

Авторъ обширнаго изслѣдованія о «Реформахъ Іосифа II» продолжаетъ разработку австрійской исторіи конца XVIII столѣтія. Онъ перешелъ теперь къ кратковременному, но богатому событіями царствованію Леопольда II, брата и преемника Іосифа. Изслѣдованіе задумано въ очень большомъ масштабѣ и должно коснуться какъ внѣшней, такъ и внутренней политики Леопольда. Но, какъ поясняетъ авторъ въ предисловіи, начавшаяся въ 1914 г. война помѣшала ему закончить изысканія въ австрійскихъ архивахъ, и онъ пока ограничился изданіемъ лишь первой части задуманнаго труда, посвященной исторіи внѣшней политики Леопольда до столкновенія съ революціонною Франціей.

Слѣдуетъ, прежде всего, признать, что предъ нами—серьезный научный трудъ, основанный отчасти на неизданныхъ, отчасти на изданныхъ первоисточникахъ; авторъ очень критически относится къ обширной литературѣ предмета, улачно полемизируетъ со своими предшественниками, стремится всюду дать (и во многихъ случаяхъ, дѣйствительно, даетъ) самостоятельное освѣщеніе разрабатываемому обильному фактическому матеріалу. Планъ

разсматриваемой части изслѣдованія таковъ: сначала дается общая характеристика императора Леопольда II и его министровъ, затѣмъ характеристика отношеній Австріи къ европейскимъ державамъ въ моментъ вступленія Леопольда на престолъ, за этимъ слѣдуетъ подробнѣйшій анализъ рейхенбахскихъ конференцій, борьбы Австріи съ бельгійскою революціей, разсказывается о первыхъ попыткахъ сближенія между Австріей и Пруссіей и, наконецъ, дается изслѣдованіе положенія вещей, создавшагося въ 1791 году въ связи, во-первыхъ, съ окончаніемъ русско-турецкой войны, и во-вторыхъ, съ провозглашеніемъ конституціи третьяго мая въ Польшѣ.

Собственно самая лучшая, самая свѣжая часть книги это—страницы, посвященные рейхенбахскому конгрессу и паденію бельгійской эфемерной самостоятельности. Если бы книга состояла только изъ этихъ двухъ сотъ страницъ (135—348), то и тогда она имѣла бы серьезное научное значеніе. Въ Рейхенбахѣ въ 1790 г. происходили долгія и сложныя негоціаціи между Австріей и Пруссіей; Пруссія стремилась воспользоваться положеніемъ Австріи, которая была съ одной стороны занята восточнымъ кризисомъ, а съ другой—бельгійскимъ возстаніемъ противъ австрійскаго владычества, чтобы выговорить себѣ возможно больше выгодъ и земель за счетъ Польши. Регулирующая и, въ сущности, рѣшающая роль была сыграна при этомъ стоявшимъ въ тѣни Вильямомъ Питтомъ. По мнѣнію проф. Митрофанова «въ концѣ концовъ, и Австрія, и Пруссія одинаково проиграла, и всѣ выгоды отъ конвенціи получила Англія, которая явилась *tertius gaudens*... конвенція... осуществляла цѣликомъ англійскую программу: война была предотвращена; европейское равновѣсіе не нарушено, Турція спасена отъ разгрома; Бельгія въ рукахъ австрійцевъ осталась буферомъ противъ Франціи; Польша, необходимая для снаряженія флота, сблизилась именно съ Англіей». Анализъ проф. Митрофанова очень доказателенъ для этого вывода. Въ упрекъ автору можно тутъ поставить лишь совсѣмъ ненужное стремленіе индивидуализировать, такъ сказать, дипломатическія дѣйствія каждой страны, т.-е. рѣзко отличать, что отъ какого дипломатическаго чиновника или представителя данной державы исходить. Это и почти всегда произвольно, да и не интересно съ научной точки зрѣнія нисколько. А кромѣ того, отъ этого получается столпотвореніе фактовъ, именъ, психологическихъ догадокъ,—что также развлекаетъ вниманіе и приковываетъ его къ совсѣмъ неважнымъ мелочамъ. Этотъ упрекъ, впрочемъ, относится ко всей книгѣ, а не только къ разсматриваемой главѣ.—Страницы, посвященные возставшей Бельгіи, хороши во всемъ, что касается, такъ сказать, международной, дипломатической стороны бельгійской революціи; еще лучше, прямо превосходно, рассказана и оцѣнена австрійская политика относительно возстанія. Но возстаніе, взятое само по себѣ, очерчено было, немотивированно во многихъ частяхъ. Въ авторѣ чувствуется убѣжденный государственный; душою онъ гораздо болѣе проникновенно хочетъ и можетъ оцѣнить старую государственную дисциплину прилунайской монархіи, чѣмъ отнестись съ пристальнымъ и *невраждебнымъ* вниманіемъ къ такому истори-

ческому факту, какъ бельгійская революція. «Разговаривать разговоры и постановлять въ Брюсселѣ рѣшенія à la Brutus было легко», презрительно пишетъ авторъ (на стр. 249). Увѣренъ ли авторъ, что это было такъ ужъ «легко»? Слова тоже бываютъ дѣломъ, и Бельгія въ 1789—90 г.г. именно это и доказала. Авторъ ужасается полицейскому режиму, обыскамъ, черному кабинету и т. д., введеннымъ въ Бельгію инсurreкціонными правителями. О всѣхъ этихъ фактахъ можно было бы рассказать съ тѣмъ спокойствіемъ, которое, вѣдь, нисколько не нарушается у автора, когда онъ говоритъ объ австрійскомъ абсолютизмѣ. Довольно сбивчиво охарактеризованы оба основныя теченія бельгійской революціи: клерикальное и демократическое. Все это, оказывается, были яко бы какіе-то мелкіе по натурѣ людишки, «ползавшіе по бельгійскому болоту» (это выраженіе примѣнено къ ванъ-Эйпену, вождю клерикальной партіи, но, по смыслу повѣствуемаго могло бы быть примѣнено и къ другимъ лидерамъ). Ссылки, въ данномъ случаѣ, у автора неизвинительны: въ годину революціи и борьбы партійныхъ страстей кого изъ вожаковъ не топчутъ въ грязь противники? О комъ не нишутся статьи, листовки, памфлеты, стремящіяся запятнать его честь? А за пересказомъ всего этого злословія читатель теряетъ порою изъ вида идейныя разногласія и социальныя противорѣчія бельгійской революціи, т.-е. единственное, что важно.

Зато очень ярко, выпукло, иногда, положительно художественно охарактеризованы слабый, робкій, хитрый императоръ Леопольдъ II и весь его антуражъ. Эти страницы хочется перечитывать, — хотя авторъ ихъ и портитъ, отчасти, излишне-фамиллярнымъ тономъ, слишкомъ ходкими словечками и т. п.

Кончая чтеніе этой интересной свѣжей, талантливо, хоть и нервно, капризно, кое-гдѣ какъ будто хаотично написанной книги, я вспомнилъ Карлейля: эта манера смутно напоминаетъ тонъ и манеру автора «Французской революціи» и «Sartor resartus'a»; теперь въ ученой книгѣ рѣдко проявляется такъ рѣзко и четко темпераментъ писателя. Это могутъ счесть достоинствомъ, могутъ счесть недостаткомъ; позволительно только утверждать одно: скуки—эта книга не вызоветъ ни въ комъ изъ своихъ читателей, даже наименѣе подготовленныхъ къ серьезному чтенію. Магистерская диссертация П. П. Митрофанова (о реформахъ Іосифа II) была въ свое время переведена на нѣмецкій языкъ и вызвала, въ общемъ, лестную оцѣнку за границей. Пожелаемъ, чтобы и эта работа тоже вошла въ западно-европейскій научный оборотъ. И еще пожелаемъ, чтобы поскорѣе вышла въ свѣтъ слѣдующая часть такъ интересно начатаго новаго труда; чтобы и самъ авторъ, и читатель могли забыть грустныя слова предисловія: «хищная болѣзнь подстерегаетъ человѣка въ извѣстномъ возрастѣ и отнимаетъ у него надежды на будущее».

Первая часть заставляетъ съ особеннымъ нетерпѣніемъ ждать продолженія. Это—*настоящее* изслѣдованіе, а не одна изъ расплывшихся въ послѣдніе годы фальсификацій науки.

Е. Тарас.

К. Тиандеръ. *Общій курсъ исторіи античныхъ и западныхъ литературъ. Выпускъ I Эллада и Римъ. Петроградъ 1915. Стр. 126. Ц. 60 коп. Вып. II Возрожденіе стр. 109 ц. 60 коп. Выпускъ III. Классицизмъ 1916 стр. 131, цѣна 1 р. Выпускъ IV. Начала романтизма. 1916, Стр. 91. Цѣна 1 р.*

У насъ нѣтъ книги по исторіи западныхъ литературъ, которая соединяла бы доступность съ научностью и отличалась бы систематической полнотой.

Но и курсъ г. Тиандера не восполняетъ этого пробѣла въ русской научной литературѣ. Въ предисловіи къ IV выпуску авторъ самъ объясняетъ недостатки своего курса условіями, въ которыхъ онъ возникъ: выпуски предназначены для слушателей и опредѣленному количеству времени. Что уровень нашихъ аудиторій университетскихъ и другихъ—не особенно вѣсокъ,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Этимъ, конечно, объясняется необыкновенная популярность изложенія.

Наибольше возраженій можетъ вызвать планъ курса. Въ выпускъ II «Возрожденіе» мы ожидаемъ встрѣтить между прочимъ Шекспира. Но его нѣтъ и въ III, гдѣ авторъ рассматриваетъ послѣ французскаго классицизма нѣмецкую литературу конца XVIII вѣка. Шекспиръ появляется только въ IV выпускѣ «Начала романтизма». Тамъ, пожалуй, подъ этимъ заглавіемъ онъ на мѣстѣ, но относить Гете къ классицизму можно только условно и не цѣликомъ, и уже конечно игнорировать Шекспира при изученіи Гете—крупнѣйшая ошибка.

Вполнѣ правильно г. Тиандеръ ограничивается только исторіей художественной литературы, имѣющей общечеловѣческое значеніе, исключая изъ своего курса такія явленія, которыя имѣютъ большое историческое значеніе, но изученіе которыхъ могло бы или нарушить стройность курса или непомѣрно расширить его. Исторію поэзіи авторъ рассматриваетъ на философской основѣ,—и постольку касается философскихъ системъ. Это сообщаетъ его курсу оригинальность. Къ сожалѣнію анализъ формы вводитъ авторъ въ свой курсъ не систематически, а изрѣдка.

Переходя къ отдѣльнымъ частямъ курса, отмѣтимъ слѣдующее. Наибольшей стройностью плана отличается выпускъ I.

Второй выпускъ посвященъ Возрожденію, только итальянскому. Данте—одно изъ слабыхъ мѣстъ курса. Такъ, неувѣренно устанавливаетъ авторъ хронологію «Божественной комедіи», забывая, что въ текстѣ поэмы есть точка отправленія, устраняющая всѣ сомнѣнія (Адъ, пѣсня XXI, 112—114). Не нужно подробное изложеніе поэмы; оно не даетъ представленія о ней, и слѣдовало замѣнить его выясненіемъ основныхъ принциповъ съ соотвѣствующими примѣрами. Очень удачны очерки о Тассо и Аріосто. Жаль, что авторъ не нашелъ мѣста для Камюэнса: его Эпопея едва ли не лучше всѣхъ другихъ въ этомъ родѣ.

Третій выпускъ испорченъ общимъ планомъ. Здѣсь очень удачно изложеніе французскаго классицизма; ошибка плана роковымъ образомъ сказалась въ изложеніи Гете и Шиллера,

очень ужъ поверхностномъ. «Фаустъ»—на трехъ страничкахъ едва ли можетъ кого-либо удовлетворить.

Четвертый выпускъ—самый удачный. Статья о Шекспирѣ можетъ служить образцомъ того, чего бы слѣдовало ожидать отъ автора въ другихъ мѣстахъ курса.

Еще одно возраженіе—невыдержанность въ написаніяхъ собственныхъ именъ. Г. Тиандеръ то сохраняетъ имена собственные въ неприкосновенности («Andromaque»), то пишетъ ихъ русскими буквами (Андромакъ!), то руссифицируетъ ихъ (Говелія), то вдругъ латинизируетъ (Ариція). Естественнѣе всего—третій приемъ: наше ухо привыкло къ склоняемымъ именамъ—Арисія, Ифигенія, Эсѳирь, Андромаха...

Несмотря на указанные недостатки, курсъ г. Тиандера читается съ пользою и удовольствіемъ и для широкой публики является пока незамѣнимымъ для ознакомленія съ главными явленіями западно-европейской литературы.

Влад. Фишеръ.

Пушкинистъ. Историко-литературный сборникъ подъ редакціей проф. С. А. Венгерова. Выпускъ II. Издательство «Прометей». Петроградъ. 1916. Ц. 1 р. 75 к.

Въ области изученія русской литературы много непочатыхъ темъ, много вопросовъ, нуждающихся въ коренномъ пересмотрѣ, а между тѣмъ энергичныхъ и опытныхъ работниковъ сравнительно мало. Поэтому нельзя не привѣтствовать попытокъ нѣкоторыхъ руководителей историко-литературныхъ семинаріевъ въ Петроградскомъ университетѣ и на Бестужевскихъ женскихъ курсахъ печатать наиболѣе выдающіеся рефераты своихъ учениковъ и ученицъ. Сборники такихъ рефератовъ, при умѣлой постановкѣ дѣла, представляютъ несомнѣнный научный интересъ. Такимъ является, напр., вышедшій въ 1911 г. подъ редакціей В. В. Сиповскаго сборникъ статей, посвященныхъ Ломоносову. Таковъ въ высшей степени интересный «Тургеневскій сборникъ», результатъ занятій «Тургеневского кружка» подъ руководствомъ Н. К. Пиксанова. Къ этому же типу изданій относится и «Пушкинистъ» проф. С. А. Венгерова.

Намъ уже приходилось на страницахъ «Голоса Минувшаго» (1915 г. № 6) давать отзывъ о первомъ выпускѣ «Пушкиниста». Тогда мы указывали, что за послѣдніе годы все болѣе и болѣе сказывается насущная потребность въ изученіи не только словаря, но и поэтического стиля, ритма и метрики Пушкина, и мы сожалѣли, что въ семинаріяхъ проф. Венгерова на это почти не обращается вниманія. Теперь справедливость нашего указанія подтверждается наблюденіемъ самого проф. Венгерова. «Нужно отмѣтить», говоритъ онъ въ предисловіи ко II выпуску, «все растущій интересъ молодыхъ научныхъ силъ къ вопросамъ формы литературныхъ произведеній. Вотъ уже 2—3 года я замѣчаю въ своемъ семинаріи, что цѣлый рядъ способныхъ юношей прямо страстно отдаются изученію стиля, ритма, рифмы, эпитетовъ, классификаціи мотивовъ, установленію аналогій приемовъ у разныхъ поэтовъ и всякимъ пнымъ наблюденіямъ надъ внѣшнимъ воплощеніемъ поэзіи». И дѣйствительно: въ списокѣ

рефератовъ, прочитанныхъ на семинаріи въ Петроградскомъ университетѣ за послѣдніе 2 года, мы находимъ уже нѣсколько такихъ темъ, тогда какъ въ спискѣ за предыдущія 5 лѣтъ, помѣщенномъ въ первомъ выпускѣ «Пушкиниста», подобныхъ темъ не было.

Какъ же отнесся проф. Венгеровъ къ этимъ новымъ интересамъ научно-работающей молодежи? «Не скрою», рассказываетъ онъ, «что сначала меня интенсивнѣйшій интересъ отборной части молодыхъ «пушкинистовъ» именно къ формѣ, въ ущербъ вниманію къ другимъ сторонамъ поэтическаго творчества, какъ-то беспокоилъ... Въ этомъ пристальномъ вниманіи именно къ формѣ... мнѣ чужалось какое-то холодное александринство». Однако по мѣрѣ того, какъ проф. Венгеровъ приглядывался ближе къ этому явленію, оно представлялось ему подъ другимъ угломъ зрѣнія, и онъ сталъ сочувствовать ему, объясняя его появленіе крайнимъ злоупотребленіемъ въ предшествующее время другими методами изученія литературы. Ему стало казаться, что общественно-публицистическій подходъ «въ неумѣлыхъ рукахъ переходитъ въ самую противную дешевку», а подходъ религіозно-философскій почти ничего не даетъ для объясненія «очарованія, производимаго на насъ великими произведеніями искусства». Вѣдь если разсматривать только идеи, то великій художникъ можетъ оказаться въ этомъ отношеніи тождественнымъ съ какимъ-нибудь бездарнымъ писателемъ. Отсюда необходимость анализировать въ произведеніяхъ не только самыя идеи, но и то, *какъ* онѣ воплотились.

Врядъ ли проф. Венгеровъ правъ, объясняя это новѣйшее явленіе, пристальное вниманіе молодыхъ пушкинистовъ къ формѣ художественныхъ произведеній, только естественной реакціей противъ злоупотребленій общественно-публицистическимъ подходомъ. Намъ думается, что тутъ есть и другія, болѣе глубокія причины. Разгадку этого явленія надо искать въ новѣйшихъ успѣхахъ психологіи творчества и въ широкомъ распространеніи идей знаменитаго русскаго филолога-Потебни.

Дѣло въ томъ, что въ своихъ взглядахъ на отношеніе между формой и содержаніемъ проф. Венгеровъ держится устарѣвшаго воззрѣнія: онъ считаетъ словесную форму только «оправой», куда можетъ быть вставленъ драгоценный «алмазъ» содержанія. Современное состояніе психологіи творчества, равно какъ и языкознаніе, не допускаютъ уже такой точки зрѣнія. Давно провозглашенъ принципъ неотдѣлимости въ искусствѣ формы отъ содержанія. Относительно же поэзіи высказываются даже взгляды, что тутъ слово первичнѣе образовъ и сюжета, что правильнѣе было бы слово считать «содержаніемъ» поэзіи, а идеи и сюжеты только «формой». Отсюда увлеченіе метрикой, инструментовкой и т. д., увлеченіе, доходящее порою до крайностей.

Конечно, изучать надо и то и другое: и мысль и слово. Но въ то время какъ для изученія идей существуютъ старыя, хорошо испытанные методы, для изученія художественнаго слова, какъ таковаго, методы еще только вырабатываются. Наиболѣе повезло съ легкой руки Андрея Бѣлаго изученію ритма и метрики, но

надо сознаться, что всѣ эти попытки Сергѣя Боброва, покойнаго Гинцбурга, Чудовскаго и другихъ поэзію «разъять какъ трупъ» и «повѣрить алгеброй гармонію» являются лишь попытками, болѣе или менѣе интересными, болѣе или менѣе талантливыми, но и только. Каждый изслѣдователь предлагаетъ свой методъ, и каждый предлагаемый методъ имѣетъ свои существенныя неудобства.

Проф. Венгеровъ полагаетъ, что чѣмъ суше будетъ анализъ «формы» (употребляемъ слово «форма» въ общепринятой терминологіи), тѣмъ ближе подойдемъ мы къ постиженію тайнъ творчества. Мнѣніе это кажется намъ совершенно ошибочнымъ. Пусть, напр., Каролина Павлова въ результатѣ изслѣдованія ея ритма по способу Андрея Бѣлаго оказывается одной изъ крупнѣйшихъ величинъ на русскомъ Парнассѣ, это такъ въ теоріи и останется, а стихи ея все-таки сравнительно рѣдко идутъ въ душу. Нѣтъ, тайны вдохновенія открываются только вдохновенію, и все то цѣнное, что уже сдѣлано въ этой области, гораздо болѣе обязано своимъ возникновеніемъ интуиціи, чѣмъ методу. Доведенный въ неумѣлыхъ рукахъ до крайностей методъ Андрея Бѣлаго легко можетъ создать такую мертвечину, которая, право, ничѣмъ не лучше той «дешевки», какую усмотрѣлъ проф. Венгеровъ въ злоупотребленіяхъ общественно-публицистическимъ подходомъ. Намъ думается, что отъ молодыхъ пушкинистовъ, посвящающихъ себя изученію стиля великаго поэта, требуется особая осторожность и талантливость. Иначе всѣ ихъ труды, какъ и «философскій подходъ», къ которому охладѣлъ проф. Венгеровъ за послѣднее время, ничего не дадутъ для объясненія очарованія, производимаго на насъ произведеніями искусства, и только напомнятъ намъ знаменитое сравненіе Пушкина: бездарный ученый подобенъ муллѣ, который изрѣзаетъ и съѣлъ коранъ, думая преисполниться духа святого. Впрочемъ, проф. Венгеровъ указываетъ, что стилистическими упражненіями въ его семинаріяхъ увлекается «отборная часть» молодыхъ пушкинистовъ. Будемъ надѣяться!

Во второмъ выпускѣ «Пушкиниста» это новое научное увлеченіе представлено только однимъ рефератомъ г. Тамашева «Опытъ анализа осеннихъ мотивовъ въ творествѣ Пушкина». Въ силу указанныхъ выше причинъ, отсутствія выработанныхъ методовъ и т. д., рефератъ показался намъ вообще мало убѣдительнымъ. Правда, авторъ избѣгъ тѣхъ опасностей, на которыя мы указывали, не впалъ въ крайности, и статья его можетъ быть прочитана не безъ интереса, но въ научномъ смыслѣ мы все же должны отдать предпочтеніе тремъ другимъ рефератамъ второго выпуска, оперирующимъ со старыми, давно испытанными методами. Особенно цѣнной является работа студента петроградскаго университета Александра Попова на мало разработанную доселѣ тему: «Пушкинъ и французская юмористическая поэзія XVIII вѣка».

Обширная статья г. Энгельгардта «Историзмъ Пушкина» читается съ интересомъ, но грѣшитъ тѣмъ, что Пушкину приписываются нѣкоторыя концепціи новѣйшей германской философіи.

Кромѣ того, статья написана очень неровно. Данъ мастерской анализъ «Бориса Годунова», но анализъ «Мѣднаго всадника» исполненъ грубаго непониманія. Въ представленіи г. Энгельгардта Евгений—трусливый эгоистъ, «чиновникъ прежде и больше всего», къ строительству личной жизни относящійся «нѣсколько почичиковски». Произведеніе Пушкина вовсе не даетъ матеріала для такой пренебрежительной характеристики. Совершенно на-противъ! Пушкинъ указываетъ идеалистическія черты въ своемъ героѣ. «Бѣдный Евгений» является «бѣднымъ рыцаремъ» своей Параше. Когда началось наводненіе, «онъ страшился, бѣдный, не за себя». Трусливый эгоистъ, типичный чиновникъ не сошелъ бы съ ума отъ гибели невѣсты. Онъ легче бы примирился съ фактомъ и въ послѣдствіи, вѣроятно, нашелъ бы счастье съ другой Парашей. Всякія ассоціаціи съ Чичиковымъ являются тутъ совершенно неумѣстными.

Въ сборникѣ помѣщенъ еще рефератъ Ю. Оксмана: «Программа драмы Пушкина о паписсѣ Іоаннѣ».

Въ общемъ, второй выпускъ «Пушкиниста» составленъ интересно и производитъ еще болѣе благопріятное впечатлѣніе, чѣмъ первый.

Ив. Розановъ.

Сергій Ефремов.—Исторія українського письменства.—К. 1917. стр. II+460+VI. Цѣна 5 руб.

Вышедшая недавно третьимъ изданіемъ исторія украинской литературы, принадлежащая перу извѣстнаго украинскаго журналиста, литературнаго критика и общественнаго дѣятеля—г. Ефремова, появляется какъ нельзя болѣе своевременно. Судьбы украинской литературы тѣсно связаны съ ходомъ украинскаго движенія, и именно въ словесномъ творчествѣ украинцевъ всего легче найти отраженіе и выявленіе души украинскаго народа, его національныхъ стремленій и идеаловъ.

«Исторія» г. Ефремова написана съ огнемъ и увлеченіемъ, напоминающимъ о роли самого автора въ томъ общественномъ явленіи, анализъ и широкое освѣщеніе котораго составляетъ задачу его книги. Опредѣляя исторію всякой литературы, какъ исторію идей, руководившихъ духовною жизнью данной народности и проявлявшихся въ ея творчествѣ, г. Ефремовъ своей оцѣнкѣ литературныхъ фактовъ придаетъ преимущественно общественный характеръ, оставляя за эстетическимъ критеріемъ второстепенное, служебное значеніе. Эта точка зрѣнія, объективно пожалуй, спорная, даетъ автору возможность развить послѣдовательную и для даннаго случая убѣдительную картину вѣкового служенія украинскаго слова, одной основной идеѣ,—освободительной. Въ борьбѣ противъ историческихъ и иныхъ условий, удерживавшихъ украинскій народъ въ положеніи матеріала для удобренія чужой почвы, для питанія сосѣднихъ политическихъ и культурныхъ организмовъ,—вотъ въ чемъ, главнымъ образомъ, въ оцѣнкѣ г. Ефремова, заключались задачи, значеніе и содержаніе украинской литературы. И дѣйствительность нашихъ дней вполне подтверждаетъ эту оцѣнку: если украинская народность не только устояла противъ денационализаціи, которую

планомѣрно проводила на Украинѣ русская официальная политика въ теченіе почти 300 лѣтъ,—но даже смогла опереться на свое національное самосознаніе въ періодъ государственнаго распада,—то въ этомъ украинцы справедливо видятъ заслугу родной литературы, сумѣвшей оберечь и пронести черезъ долгіе годы тяжелыхъ испытаній огонь любви къ родинѣ, къ родному языку и къ свойственнымъ родному народу демократическимъ началамъ.

Книга г. Ефремова распадается на 14 главъ, которымъ предпослано предисловіе съ общими замѣчаніями и очеркомъ литературы предмета. Въ первой главѣ авторъ даетъ обзоръ древней письменности украинскаго юга, отмѣчая характерныя черты, роднящія творчество кievской Руси съ произведеніями украинскаго слова позднѣйшихъ періодовъ. Вторая глава посвящена общему очерку литературы литовско-польскаго періода; третья—литературѣ драматической, поэтической и исторической XVII—XVIII вв.; четвертая—украинской народной поэзіи. Въ остальныхъ десяти главахъ изложенъ новѣйшій періодъ литературнаго творчества, основаннаго на живой народной рѣчи и связаннаго съ національнымъ возрожденіемъ украинскаго народа, а также съ сопутствовавшею этому возроженію политикою административной борьбы противъ украинской національной идеи. На фонѣ этой борьбы исторія украинской литературы является, въ сущности, ея мартирологомъ. Система подавленія печатнаго слова, въ наши дни широко примѣняемая правительствомъ большевиковъ, въ свое время особенно энергично примѣнялась царскимъ правительствомъ къ украинской литературѣ. Послѣ прочтенія относящихся къ этому предмету главъ книги г. Ефремова, становится понятнымъ помѣщенный на ея обложкѣ терновый вѣнецъ, а, съ другой стороны, представляется достойною удивленія та сила духа, которая при такихъ условіяхъ выдвинула цѣлую плеяду крупныхъ литературныхъ талантовъ во всѣхъ областяхъ художественнаго творчества.

По сравненію съ первыми изданіями авторомъ сдѣланы существенныя перемѣны и дополненія, особенно въ послѣднихъ главахъ. Исключительную цѣнность труда г. Ефремова придаютъ обширные библиографическіе указатели, помѣщенные въ концѣ каждой главы.

Въ заключеніе, нельзя не высказать, что русское общество до сихъ поръ не имѣетъ для ознакомленія съ украинской литературой иныхъ источниковъ, кромѣ устарѣлыхъ уже очерковъ Петрова, Пыпина и Дашкевича. Современные событія, несомнѣнно, усилятъ интересъ русскаго читателя къ духовной жизни украинскаго народа и, прежде всего, слѣдовательно, къ его литературному творчеству. Было бы желательнo поэтому появленіе книги г. Ефремова въ русскомъ переводѣ. А необходимымъ дополненіемъ къ ней долженъ бы явиться сборникъ лучшихъ образцовъ украинской письменности въ переводѣ на русскій языкъ. Русская широкая публика до сихъ поръ плохо была знакома съ украинскою литературою и, нужно сказать правду, пренебрегала ею.

Теперь этот пробѣлъ долженъ быть заполненъ, ради исправленія прошлыхъ ошибокъ русской общественности въ украинскомъ вопросѣ и для использования уроковъ настоящаго.

П. Стебницкій.

Бар. Н. В. Дризенъ. *Сорокъ лѣтъ театра. Воспоминанія 1875—1915 годовъ. Петроградъ. К-во «Прометей». Цѣна 3 руб.*

Имя автора «Матеріаловъ по исторіи русскаго театра» и другихъ цѣнныхъ работъ по исторіи русской сцены настолько извѣстно, что выпущенныя имъ въ свѣтъ «Воспоминанія» не могли не возбудить живѣйшаго интереса.

Къ сожалѣнію ближайшее знакомство съ новой книгой автора нѣсколько разочаровываетъ его обычныхъ читателей.

Оказывается, что каждый разъ какъ бар. Дризену приходится отойти отъ фундамента точныхъ архивныхъ данныхъ и перенестись въ область, независимую отъ документа, цѣнность его работъ замѣтно понижается. Такъ было съ трудомъ о М. Н. Ермоловой, мало прибавивш имъ къ уже выполненному ранѣе; такъ, на нашъ взглядъ, обстоитъ дѣло и съ «Воспоминаніями».

Правда, авторъ, пользуясь афоризмомъ Герцена, оговаривается, что «никто не обязанъ читать воспоминаній», но врядъ ли это замѣчаніе можетъ всецѣло оправдать появленіе въ свѣтъ отдѣльной, богато изданной и дорого стоящей книгой «замѣтокъ» (такъ лучше было бы назвать новый трудъ) бар. Дризена. Прежде всего самое заглавіе книги не вполне соответствуетъ ея содержанию. Значительная и наиболѣе существенная ея часть—собраніе отрывочныхъ впечатлѣній, случайныхъ замѣчаній, анекдотовъ, афоризмовъ и парадоксовъ, касающихся театральной жизни нашихъ дней или самаго ближайшаго, памятнаго всѣмъ «взрослымъ», прошлаго. И лишь первыя 30—40 страницъ (изъ 188) говорятъ о болѣе или менѣе отдаленномъ времени: о концѣ 70-хъ и 80-хъ годахъ. И намъ кажется, что новая работа бар. Дризена значительно выиграла бы и больше бы отвѣчала своему назначенію, если бы составила часть книги «Мысли и парадоксы о театрѣ», подготовляемой авторомъ къ печати.

«Историческая» часть «Воспоминаній» бар. Дризена не обогащаетъ исторіи театра сколько нибудь цѣнными данными, чѣмъ и отличается отъ аналогичныхъ работъ Боборыкина, Потѣхина и др. Въ самомъ дѣлѣ—эпизоды изъ дѣтской жизни автора занимаютъ здѣсь первое мѣсто и описаны съ трогательной подробностью, фактовъ же, интересныхъ историку театра, почти нѣтъ. Иногда, за отсутствіемъ этихъ фактовъ, авторъ, вообще излишне тяготящійся къ немудреному анекдоту, стремится замѣнить имъ дѣйствительность. Такъ, наприм., характеристику театральной публики «Александринки» 80-хъ годовъ авторъ строитъ на анекдотѣ («передавали, какъ фактъ») о лопнувшей въ ложѣ бутылкѣ кваса. Смѣемъ увѣрить бар. Дризена, что рассказанный имъ «фактъ» былъ еще въ 40-хъ годахъ использованъ въ одномъ изъ водевилей.

Порой кажется, что авторъ поставилъ себя цѣлью во что бы то ни стало «смѣшить» читателя. Такъ, напримѣръ, мы узнаемъ, что прислуга Варламова говорила (сказала?) «кастриули»

вмѣсто «гастроли», но о самомъ Варламовѣ свѣдѣнія наши не обогатятся. Если же обогатятся, то вовсе не въ «театральномъ» отношеніи: мы узнаемъ, что знаменитый комикъ, обидѣвшись на домохозяина, переѣхалъ на новую квартиру. Такого же рода «воспоминанія» имѣются у автора и объ И. Горбуновѣ («его жену звали Амалія Ивановна»), когда же авторъ пытается вспомнить что либо, относящееся къ творчеству знаменитаго рассказчика, то только для того, чтобы читатель сильнѣе оцѣнилъ великолѣпныя страницы «Воспоминаній» гр. Шереметева («Отзвуки рассказовъ И. Горбунова»).

Въ большинствѣ своихъ сужденій авторъ очень рѣшителенъ, но и очень поспѣшенъ. Такъ, увидавъ Цукки всего одинъ разъ, онъ отказываетъ ей въ драматическомъ талантѣ только потому, что артистка послѣ сильно-драматической сцены «очаровательно улыбалась» публикѣ...

Объ опереточныхъ постановкахъ Рейнгардта въ Мюнхенскомъ театрѣ авторъ судить по одной «Лизистрата». Намъ пришлось видѣть тамъ же «Орфея въ аду», и мы думаемъ, что авторъ отказался бы отъ нѣкоторыхъ своихъ утверждений, если бы увидалъ именно послѣднюю постановку. Такъ случайны впечатлѣнія автора, претендующія, однако, на обобщенія. Иногда поражаетъ парадоксальность замѣчаній: «Живой трупъ» гр. Л. Толстого былъ оцѣненъ авторомъ, какъ драматическое произведеніе, лишь на нѣмецкой сценѣ.

Вообще иностранный театръ лучше поддается характеристикѣ автора, чѣмъ русскій. Наиболѣе удачныя страницы книги и отдѣльныя замѣчанія посвящены Монсси, Сарѣ Бернаръ, французскому театру въ Петербургѣ, мейнингенцамъ, побѣдкѣ въ Обераммергау. Послѣдняя глава вообще лучшая въ книгѣ: половина ея—«историческая», а потому авторъ здѣсь въ своей сферѣ: онъ опирается на документы и хронологическія даты.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что за немногимъ исключеніемъ (иностранцы, Заньковецкая, Бравигъ) сужденія автора о видѣнныхъ имъ «знаменитостяхъ» страдаютъ такой лаконичностью, что читатель лишенъ возможности составить себѣ сколь-либо обоснованное мнѣніе о творчествѣ того или другого исполнителя..

Такъ объ Ант. Рубинштейнѣ мы узнаемъ, что онъ «игралъ изумительно», о Мазини, что у него «ріано удивительное» (тутъ же анекдотъ про «икоту» артиста), о вел. кн. Павлѣ Алек.—чѣ, что онъ «игралъ примѣчательно»; Е. П. Жулева была «очаровательна», г-жа Приселкова въ роли Анисьи опять «удивительна» и т. д. и т. д. Когда же дѣло коснется интереснѣйшихъ подробностей первой постановки «Власти тьмы», авторъ цитируетъ всѣмъ извѣстныя страницы статей г-на Приселкова («Первая постановка «Власти тьмы» на любительской сценѣ»).

Память довольно часто измѣняетъ автору. Такъ, напр., фамилія артистки, создавшей на русской сценѣ образъ Ганнеле—не Озерова, а Надеждина. Репертуаръ московскаго Художественнаго театра складывался не совсѣмъ такъ, какъ это кажется автору (см. «Исторію» этого театра въ изд. журн. «Рампа и Жизнь»). Говоря о первыхъ шагахъ «суворинскаго» театра въ

Петербургъ, авторъ главное вниманіе удѣляетъ анекдоту съ собакой, выбѣжавшей на сцену, а Орленеву, начавшему въ этомъ театрѣ свою «серьезную» работу, отводить 10 ничего не говорящихъ строкъ. А между тѣмъ именно здѣсь впервые извѣстный артистъ выступилъ не въ водевилѣ (дебютъ въ «Грозѣ»), выступилъ неудачно, потомъ вдругъ обнаружилъ свой глубокій талантъ въ «Злой ямѣ» Фалѣева, послѣ въ «Еедорѣ Іоан: овичѣ». Для артиста М. А. Михайлова, чей Акимъ въ «Власти тьмы» остается непревзойденнымъ, у бар. Дризена находится нѣсколько игривыхъ словъ на тему о «порокахъ русскихъ талантовъ». Что, кстати сказать, не вполне точно, такъ какъ относится только къ первымъ годамъ сценической дѣятельности Михайлова. Странно освѣщенъ авторомъ провалъ пьесъ съ «настроеніемъ» на сценѣ этого же театра: дѣло не въ анекдотѣ съ неудачно сказанной фразой не трезваго актера, а въ непониманіи духа и характера новой драматургіи представителями театра (отчасти и публикой) тѣхъ дней. Пишущему эти строки пришлось присутствовать не только на первомъ представленіи «Тайнъ души» Метерлинка, о которомъ рассказываетъ авторъ, но и на «эсвистаніи» «Чайки» А. Чехова. Актеры явно не понимали, что играли, а режиссура, въ другомъ мѣстѣ очень цѣнная, (въ обоихъ случаяхъ одна и та же) не могла избавиться отъ своихъ бытовыхъ навыковъ. И потому въ «Чайкѣ» на первомъ планѣ выдвигался тучный Варламовъ, смѣшившій публику своими «словечками», а «настроенія» были затушеваны. Да и могло ли быть иначе, если умный и интеллигентный М. И. Писаревъ, игравшій въ «Чайкѣ» Дерна, задолго до спектакля публично (въ кружкѣ любителей-студентовъ) разносилъ пьесу, какъ «ерунду» и рѣзко и цинично называлъ такой родъ творчества «символизмомъ» съ нѣкоторымъ, однако, звуковымъ измѣненіемъ слова. Большинство молодыхъ слушателей вполне раздѣляло взглядъ заслуженнаго «бытовика». Особое мѣсто въ книгѣ бар. Дризена занимаютъ страницы о Московскомъ Художественномъ театрѣ. Размѣры рецензіи не позволяютъ намъ остановиться подробнѣе на этой части «Воспоминаній». Мысли автора о томъ, что рѣзкому успѣху театръ обязанъ въ значительной мѣрѣ своей «гражданской» закваской, не особенно новы и не получаютъ въ «Воспоминаніяхъ» дальнѣйшаго углубленія. Лучше развита мысль о «новыхъ пріемахъ игры» (хотя и на это подробно указано въ упомянутой «Исторіи» Московскаго Худож. Театра) и къ сожалѣнію, по ти оставлена безъ вниманія наиболѣе существенная сторона въ работѣ театра, продолжающая поддерживать интересъ къ нему до нашихъ дней,—умѣнье при общемъ сотрудничествѣ актеровъ, художниковъ, режиссеровъ, авторовъ—выявить философскую основу произведенія, ввести въ «святая святыхъ» авторскаго замысла, раскрыть единство творческой идеи въ многообразіи образовъ.

Заканчивая рецензію мы скажемъ: новая книга бар. Дризена (въ настоящемъ ея видѣ) можетъ быть съ интересомъ перелистывана «гурманомъ» театра, но ни серьезный любитель сцены, ни тѣмъ болѣе историкъ—не найдутъ въ ней большихъ цѣнностей.

А. Фовицкій.

А. Туна: *Исторія революціоннаго движенія въ Россіи. 1895—1917 г. Съ дополнительной главой о событіяхъ послѣднихъ десятилѣтій до сверженія Николая II.* М. 1917. 2 нум. + 224. 2 руб.

Новое изданіе хорошо извѣстной русскому обществу книги проф. А. Туна нѣсколько отличается отъ рѣды предыдущихъ изданій. Лучшее изъ нихъ, изданное въ 1906 г. О. Н. Рутенбергомъ («Библіотека для всѣхъ»), содержитъ, кромѣ перевода книги А. Туна «Geschichte der revolutionären Bewegungen in Russland», воспоминанія объ авторѣ Л. Дейча, пространное и во многомъ не только раздѣляющее, но и дополняющее содержаніе книги предисловіе Г. Плеханова, и нѣсколько статей, продолжающихъ изслѣдованіе А. Туна, которое доведено имъ до 1883 г. Статьи эти ¹⁾, какъ и предисловіе Г. Плеханова, дѣлали книгу цѣнной и интересной. Кромѣ этого «Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи» издавалась въ 1905 году. Это изданіе давало лишь переводъ книги Туна.

Вышедшее же изданіе 1917 года, въ сравненіи съ упомянутыми, дополнено переводомъ изъ сочиненія Туна главы «Национально-федеративныя стремленія», главой «О событіяхъ послѣднихъ десятилѣтій», принадлежащей перу неизвѣстнаго автора, и библіографіей «русской революціонной литературы, исправленной А. Туномъ». Переводу предшествуетъ краткое предисловіе. Въ немъ, между прочимъ, указывается, что «извѣстная книга проф. А. Туна съ полнымъ основаніемъ считается капитальнымъ трудомъ по исторіи русскаго революціоннаго движенія» и что «она среди русскихъ изслѣдователей, заслужила... репутацію солидной научной работы». Къ сожалѣнію, авторъ предисловія не указываетъ имени этихъ изслѣдователей. Намъ же извѣстно, что, напр., Г. В. Плехановъ, авторъ одного изъ дѣйствительно капитальныхъ трудовъ по исторіи общественнаго и освободительнаго движенія ²⁾, въ предисловіи къ переводу книги А. Туна, говорилъ, что «она *совсѣмъ* (курсивъ нашъ. Б. Т.) не обладаетъ какими-нибудь первостепенными достоинствами», что «въ ней нѣтъ оригинальной мысли», что «не отличается она и особенно искусной группировкой фактовъ, и что при этихъ недостаткахъ книга имѣетъ лишь одно достоинство—*достоинство добросовѣстности*» (курсивъ Г. Плеханова). Такимъ образомъ, авторъ предисловія къ новому изданію слишкомъ переоцѣниваетъ, думается намъ, предлагаемую вновь читателю книгу А. Туна.

Останавливаясь на содержаніи ея мы не будемъ—это значило бы повторить то, что было уже сказано (Плехановымъ и др.). Необходимо лишь сдѣлать нѣсколько замѣчаній о «дополнительной главѣ», издаваемой—какъ говорится въ предисловіи,—«вкратцѣ ходъ революціоннаго движенія въ Россіи, начиная съ 1882 г. до послѣдняго времени». Въ дѣйствительности же эта глава не только не излагаетъ «*хода*» революціоннаго движенія, но, представляя собою бѣглый и сухой перечень неудачно сгруппированныхъ фактовъ, она въ то же время сообщаетъ просто

¹⁾ Д. Кольцовъ. Конецъ «Народной Воли» и начало социаль-демократіи. Г. Плехановъ. О социальной демократіи въ Россіи.

²⁾ Г. Плехановъ. Исторія русской общественной мысли.

нестыжные свѣдѣнія. Одно изъ нихъ особенно очевидно. Анонимный авторъ «дополнительной главы», утверждаетъ, что во время съѣзда социаль-революціонеровъ въ декабрѣ 1905 г. и въ январѣ 1906 г. въ социаль-революціонной партіи обозначилось нѣсколько теченій, причемъ Мякотинъ, Пѣшехоновъ и Анненскій выдѣлились (курсивъ нашъ, Б. О.), образовавъ группу «народныхъ социалистовъ» (ст. 215). Смѣемъ увѣрить автора, что ни Мякотинъ, ни Пѣшехоновъ, ни Анненскій *никогда* въ партіи социалистовъ-революціонеровъ не состояли, о чѣмъ, напр. Пѣшехоновъ опредѣленно говоритъ въ своей статьѣ «Почему мы тогда ушли?» («Русское Богатство», 1916 г., № 11—12), и что «выдѣлиться» поэтому изъ партіи «социаль-революціонеровъ» они не могли. Они и Якубовичъ предлагали съѣзду организовать открытую политическую народническую партію. Съѣздъ это предложеніе отвергъ, и изъ партіи тогда вышелъ, насколько намъ извѣстно, Якубовичъ. Пѣшехоновъ, Мякотинъ, Анненскій и Якубовичъ вслѣдъ за этимъ организовали не «группу», а *партію*, получившую тогда же названіе «Народно-соціалистической (трудовой) партіи» (Подробнѣе объ этомъ см. брошюру А. Сиг—а. О Народно-соціалистической партіи. Птг. 1917). Говоря объ общественныхъ настроеніяхъ предшествовавшихъ революціи 1905 г., авторъ совершенно умалчиваетъ о роли земствъ въ то время. Отмѣчая роль Государственной Думы въ подготовкѣ событій февраля и марта 1917 года, авторъ не упоминаетъ объ извѣстномъ засѣданіи Думы 1 ноября 1916 года и слѣдующихъ, когда, дѣйствительно, Дума, рѣчами ораторовъ оппозиціи и даже центра, опредѣленно и рѣзко выразила недоувѣріе правительству и создала въ странѣ рѣзко-оппозиціонное отношеніе къ нему.

Такимъ образомъ, попытку дополнить содержаніе книги Туна «главой о событіяхъ послѣднихъ десятилѣтій» несомнѣнно слѣдуетъ признать неудачной. Отъ «дополнительной главы» книга не выигрываетъ, не дѣлается интереснѣе, и каждому, желающему прочесть книгу А. Туна, мы рекомендуемъ не новое ея изданіе, а упомянутое выше изданіе «Библиотеки для всѣхъ».

Б. Оедоровъ.

Борисъ Садовскій. *Ледоходъ. Статьи и замѣтки.* Изд. автора Петроградъ. 1916. Стр. 206. Цѣна 2 р. 50 к.

Статьи, замѣтки, воспоминанія, матеріалы, памфлеты—таково пестрое содержаніе этой книги, написанной талантливо, но крайне неуравновѣшенной по характеру. Она предполагаетъ самыхъ разнообразныхъ читателей: къ ней обратится и ученый специалистъ, изучающій Фета и найдетъ цѣнные матеріалы, варианты, письма; историкъ литературы найдетъ въ ней статьи критическаго характера; публика найдетъ въ ней элементъ злободневный. Все это авторъ стремится объединить протестомъ противъ «литературщины», которая, по его мнѣнію, отрываетъ современныхъ писателей отъ жизни, противъ современныхъ литературныхъ нравовъ, уничтожающихъ свободу писателя. Какъ «крикъ души», «Ледоходъ» получить историческое значеніе. Но авторъ, повидимому, самъ не стоитъ на должной вышотѣ, чтобы стать судьей другихъ. Много въ немъ еще не улеглось,

чувствуется накупъ литературныхъ страстей, онъ самъ еще не чуждъ «литературщины», онъ далекъ еще отъ внутренней свободы.

Достоинства и недостатки Б. Садовскаго ярко проявились въ самой интересной статьѣ «Ледохода»—о Тургеневѣ. Нельзя отказать автору въ искусствѣ, съ которымъ онъ нарисовалъ образъ Тургенева: это—не икона, а живой портретъ. Но такъ какъ Б. Садовскій не любитъ Тургенева, то ему не удастся художественно объективировать образъ великаго писателя: онъ относится къ нему несвободно.

Да, Тургеневъ былъ слабохарактеренъ, разсѣянъ, иногда неискрененъ, иногда тщеславенъ,—и все-таки г. Садовскій не замѣтилъ главнаго. Онъ скользитъ по поверхности, не замѣчая, что тѣ же черты можно приписать и Пушкину, и Л. Толстому, и сами по себѣ онѣ ничего не говорятъ. При томъ—придирки и подтасовки.

Г. Садовскому не нравятся критическіе отзывы Тургенева о своихъ собратяхъ-писателяхъ—отрицательное сужденіе о «Обрывѣ», «Подросткѣ», о стихахъ Некрасова. Ну, а Л. Толстой какъ отзывался о томъ же Тургеневѣ, о Достоевскомъ, Некрасовѣ, Гончаровѣ и многихъ другихъ? Неужели и его г. Садовскій обвинить въ мелкой зависти, лукавствѣ? Авторъ указываетъ, что другіе писатели относились къ Тургеневу хорошо; но г. Садовскій умышленно замалчиваетъ отношенія къ Тургеневу Гончарова, и позднѣйшее отношеніе Достоевскаго. Г. Садовскій не удовлетворенъ и отношеніемъ Тургенева къ народу, къ религіи и къ смерти. Это—дѣло вкуса, конечно. Мечта Тургенева быть похороненнымъ у ногъ Пушкина кажется г. Садовскому тщеславіемъ(!). «Тургеневъ никогда не сходилъ дружески ни съ кѣмъ изъ писателей. Исключая Полонскаго, онъ никому не говорилъ «ты» (стр. 53). И Толстой, за исключеніемъ Островскаго, никому не говорилъ «ты», и изъ этого ничего не слѣдуетъ.

Такъ собираетъ г. Садовскій мелкія черты, и онѣ даютъ иллюзію живости. Но это только иллюзія. Тургенева онъ не понялъ, какъ личности. Онъ приступилъ къ его характеристикѣ съ опредѣленными требованіями: ему хотѣлось, чтобы Тургеневъ былъ благообразенъ, чтобы онъ вѣрилъ «въ будущую жизнь», «въ безсмертіе души», чтобы онъ на смерть смотрѣлъ, какъ на естественный отдыхъ отъ долгой жизни»... (Стр. 55—56). Этого не нашелъ г. Садовскій—и разсердился. Онъ нашелъ нѣчто сложное, противорѣчивое, ирраціональное, какъ сама жизнь, а г. Садовскій самъ знаетъ, что въ этомъ «литератору» не разобраться.

Влад. Фишеръ.

Книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

- 1) И. А. Аксеновъ. Елисаветинцы, вып. I. М. 1916 г. Ц. 4 р. Библиотека гражданина. Изд. «За друга». 2) В. Лебедевъ. Какъ и за что умирають сербы. Ц. 45 к. 3) Н. Е. Румянцевъ. Какъ живетъ Германія во время войны и чѣмъ она сильна. Ц. 50 к.
- 4) Вановскій, А. Проблемы революціи. Хаб. Ц. 50 коп. 5) Э. Гектеръ. Экономика міровой войны. П. Ц. 3 руб. 20 к. 6) Н. В. Давыдовъ. Изъ прошлаго, ч. 2. М. Ц. 5 р. 7) С. Ефремовъ. Исторія украинскаго письменства, вид. 3. К. 1917. Ц. 5 карб. 8) Извѣстія отдѣленія русскаго яз. и словесности россійской Академіи Наукъ, т. XXII, кн. 1. П. 1917. 9) П. А. Кропоткинъ. Письма о текущихъ событіяхъ. М. 1918 г. Ц. 2 р. 10 к.
- ЛИГА АГРАРНЫХЪ РЕФОРМЪ:** 10) Б. Д. Бруцкусъ. Обобществленіе земли и аграрная реформа. Ц. 40 к. 11) Н. Я. Быховскій. Русская община и земельная реформа. Ц. 50 к. 12) З. С. Каценеленбаумъ. Финансовая сторона аграрной реформы. Ц. 50 к. 13) Статистическій сборникъ по аграрному вопросу, в. I. Землевладѣніе и землепользованіе. Ц. 50 к. 14) Труды II Всероссийскаго съѣзда Лиги аграрныхъ реформъ. Вып. II. М. 1917.
- 15) П. Н. Меньшиковъ. Краткій историческій очеркъ Маньчжуріи. Хаб. 1917. Ц. 1 р. 16) Н. А. Морозовъ. Эволюціонная социологія. Земля и трудъ. П. Ц. 75 к.
- МОСКОВСКАЯ ПРОСВѢТИТЕЛЬНАЯ КОМИССІЯ:** 17) Байковъ, В. Страхование отъ безработицы. Ц. 30 к. 18) С. Гессенъ. Политическія идеи жирондистовъ. М. 1917 г. Ц. 1 р. 19) М. О. Донзель. Парижская коммуна. М. 1918 г. Ц. 1 р. 20) Пойминовъ, А. Единая и недѣлимая Россія. Ц. 30 к. 21) Проф. А. Рождественскій. Одна или двѣ палаты? Ц. 35 к. 22) Б. В. Чрединъ. Народное трудовое государство и основныя экономическія права. М. 1918. Ц. 2 р. 25 к. 23) Чулковъ, Г. Мих. Бакунины и бунтари. Ц. 30 к. 24) В. М. Устиновъ. Монархія и республика. М. 1918 г.
- 25) В. А. Мякотинъ. Разбродъ въ партіи с.-р. М. Ц. 20 к. 26) Островцовъ, А. Послѣдніе могикане стараго строя. Ц. 1 р. 25 к. 27) А. Н. Пыпинъ. Очерки литературы и общественной при Александрѣ I. П. Ц. 9 р.
- Революція и исторія.** Изд. «За друга». 28) В. И. Поповъ. Е. К. Брешко-Брешковская, бабушка русской революціи. М. 1918 г. Ц. 90 к.
- 29) Россійская Акад. Наукъ. Труды комиссіи по изученію племенного состава Россіи. Вып. 2. Этнографическая карта бѣлорусскаго племени. (Составилъ Г. Ф. Карскій). 30) Русскій филологическій вѣстникъ, т. 78. П. 1917.
- Свобода и братство народовъ.** Изданіе «За друга». 31) М. Марковский. Литовцы въ прошломъ и настоящемъ. П. Ц. 50 к. 32) К. Тіандеръ. Финляндія и Россія. П. Ц. 65 к.
- 33) Средніе вѣка въ очеркахъ и разсказахъ подъ ред. А. М. Васютинскаго, А. К. Дживелегова, В. Н. Перцева и К. В. Сивкова. Ч. I. М. 1917. Ц. 4 р. 75 к. 34) I. А. Хлѣбцевичъ. Жертва великой революціи. Краткій біографическій очеркъ студента В. И. Хлѣбцевича.

Редакторъ-издатель С. П. МЕЛЬГУНОВЪ.

Принимается подписка на 1918 г.

на литературный, научный и политический журналъ

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“

издаваемый В. Г. КОРОЛЕНКО,

при ближайшемъ участіи:

А. Г. Горнфельда, Діонео, С. Я. Елпатьевского, О. Д. Крюкова, В. А. Мякотина, А. Б. Петрищева, А. В. Пѣшихонова и А. Е. Рѣдько.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой:

на годъ—36 руб., на 6 мѣс.—20 р., на 4 мѣс.—14 р. на 2 мѣс.—7 руб.
за границу: на годъ—50 руб. на 6 мѣсяцевъ—25 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ ПЕТРОГРАДѢ: въ конт. журн. «Русское Богатство» Баскова ул. 9.
въ МОСКВѢ: въ книжномъ складѣ «Задруга», Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер. 9.

XXIX г.
изданія.

Открыта подписка
НА ЖУРНАЛЪ

1918 г.

„Вѣстникъ Воспитанія“

Журналъ ставитъ своею задачею выясненіе вопросовъ образованія и воспитанія на основахъ научной педагогики, изученія природы ребенка, естествознанія и обществовѣдѣнія, въ духѣ общественности, демократизма и свободного развитія личности.

Журналъ въ теченіе 3 лѣтнихъ мѣсяцевъ не выходитъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ годъ безъ доставки 18 р. съ доставкой и пересылкой 20 р., въ полгода 12 р., съ пересылкой за границу 25 р.

Земствамъ, городскимъ самоуправленіямъ, просвѣтительнымъ организаціямъ, учительскимъ союзамъ и обществамъ при подпискѣ не менѣе чѣмъ на 10 экземпляровъ дѣлается уступка по особому соглашенію, при непремѣнномъ условіи высылки денегъ непосредственно въ редакцію.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-конюшенный пер. д. № 32), во всѣхъ почтовыхъ и почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ Н. Ф. Михайловъ.

== ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1918 годъ ==

на ежемѣсячный литературно-политическій журналъ

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

Редакторъ-издатель П. Б. Струве.

«Русская Мысль» будетъ издаваться въ 1918 году по прежней программѣ, какъ и раньше, твердо проводя идею національной русской культуры и удѣляя всего больше мѣста вопросамъ и темамъ, связаннымъ съ высшими стремленіями и цѣнностями человѣческаго духа. Въ дни величайшаго униженія Россіи мы будемъ отстаивать идеалы, создавшіе ея мощь и величіе, и вести борьбу съ идолами, ввергающими ее въ бѣдствія и неслыханный позоръ.

Условія подписки на 1918 годъ:

Съ дост. и перес.	Годъ	6 мѣс.	3 мѣс.
Въ Россіи	48 р.	26 р.	14 р.
За границу	55 «	30 «	16 «

Цѣна отдѣльнаго номера въ продажѣ 8 р.

Принимается подписка и производится розничная продажа номеровъ журнала въ Петроградѣ, въ главной конторѣ журнала: Таврическая, 29; въ Москвѣ, въ отдѣл. конторы: Сивцевъ-Вражекъ д. 20, кв. 3, а также у всѣхъ крупныхъ книгопродавцевъ обѣихъ столицъ (у Н. П. Карбасникова, Петроградъ, Гостиный дворъ, и Москва, на Моховой) и большихъ провинціальныхъ городовъ.

Принимается подписка на 1918 годъ на двухнедѣльный журналъ

„ЗЕМСКІЙ РАБОТНИКЪ“

Органъ Всероссійскаго Союза Союзовъ Земскихъ Работниковъ, посвященный вопросамъ земскаго дѣла, профессиональнаго положенія и организаціи земскихъ работниковъ.

Первый номеръ можно выписывать со склада: Москва, Садовая-Триумфальная, Губ. Земск. Управа, Исполн. К-тъ Союза, а также получать въ мѣстныхъ губернскихъ и уѣздн. союзахъ земскихъ работниковъ.

Цѣна отдѣльнаго номера 1 р. 50 к.

Въ конторѣ журнала: Москва, Садовая-Триумфальная, Губ. Земск. Управа, принимается подписка на 1918 г. Подписка принимается только на первое полугодіе 1918 г. За полгода—12 р., за 1 м. 2 р. Для земскихъ работниковъ допускается разсрочка по 2 р. въ мѣсяцъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на неперіодическое изданіе

„ПСИХОЛОГІЯ И ДѢТИ“.

Педагогическій альманахъ, посвященный вопросамъ воспитанія основаннаго на изученіи природы ребенка.

Подъ редакціей пр.-доц. К. Н. Корнилова; проф. Г. И. Росолимо, Н. А. Рыбникова, пр.-доц. В. Е. Смирнова, И. М. Соловьева, И. П. Тутышкина и А. М. Шуберть.

Условія подписки: при подпискѣ вносится 4 рубля, каковыя засчитываются по 1 руб. на каждую книгу. Цѣна сборника для подписчиковъ предположена 4—5 руб. Пересылка за счетъ издательства. Въ отдѣльной продажѣ цѣна на каждый сборникъ будетъ повышена.

Контора и редакція журнала: Москва, Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., 9., книгоиздательство „ЗАДРУГА“.

Отдѣленія: въ Петроградѣ, Гончарная, 24.

„ . . . Харьковъ: Горькинскій пер., 11, кн. магазинъ „Народная свобода“.

Изданія журнала „ГОЛОСЪ МИНУВШАГО“.

ИМѢЕТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ КНИГА:

Вып. Іеромоваха
ИЛЮДОРА.**„СВЯТОЙ ЧОРТЪ“** (ЗАПИСКИ О
РАСПУТИНѢ)

Цѣна 3 руб.

„НИКОЛАЙ II“ Матеріалы для характеристики личности и
царствованія. Изданіе 2-е. Ц. 4 руб.**„Николай II въ Москвѣ въ 1912 году“** (по даннымъ бывшаго московскаго
охраннаго отдѣленія).

Приготовилъ къ печати М. А. Цявловскій. Цѣна 85 коп.

„Изъ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи“ Статьи и воспо-
минанія профес.
Довнаръ-Запольскаго, В. Н. Фигнеръ, Е. Сазонова, П. Л. Лаврова и друг.
(№ 7—8 „Голосъ Минувшаго“ за 1917 г.). Цѣна 5 р.

В. Б. ЖИЛИНСКІЙ.

**„Организація и жизнь охраннаго отдѣленія во времена
царской власти“** (Съ иллюстраціями).
Цѣна 1 руб.**„ВЛАСТЬ НАРОДА“**

Газета демократическая и социалистическая.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ на 1918 г.:

Съ доставкой и пересылкой въ Москвѣ и провинцію: на 6 мѣс. 30 руб.,
на 5 мѣс. 26 р., на 4 мѣс. 21 р., на 3 мѣс. 16 р., на 2 мѣс. 11 руб., на
1 мѣс. 6 руб.**Льготная подписка:** кооперативамъ, социалистическимъ организаціямъ,
профессіональнымъ союзамъ, рабочимъ клубамъ, народнымъ домамъ, народнымъ
библіотекамъ и народнымъ учителямъ и учащимся при непосредственномъ обра-
щеніи въ Главную Контору: на 6 мѣс. 28 р. на 3 м. 15 р. на 1 м. 5 р.**ГЛАВНАЯ КОНТОРА:**

Москва, Большая Дмитровка, д. № 26. Телефонъ: 4-49-80.

Адресъ для телеграммъ: Москва — Власнаръ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1918 годъ

на СТАРѢЙШІЙ изъ ПЕДАГОГИЧЕСКИХЪ журналовъ

„ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ“

54-й годъ изданія.

Выходитъ ежемѣсячно книжками отъ 5 до 10 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна съ доставкой 12 руб. Иногородніе адресуютъ въ ре-
дакцію: Петроградъ, Тучковъ пер., д. 11 кв. 11. Телефонъ редакціи и кон-
торы 234—39.

Открыта подписка на новое издание.

„Материалы по истории революціоннаго и общественнаго движенія въ Россіи“.

Подъ общей редакціей **С. П. Мельгунова и М. А. Цявловскаго.**

Издание будетъ выпускаться сборниками отъ 10 до 20 листовъ, включая преимущественно неопубликованные еще документы изъ различныхъ секретныхъ архивовъ стараго режима.

Въ первую очередь готовятся сборники:

- Вып. I. **Дѣятели революціи: партія большевиковъ.** Ред. М. А. Цявловскій.
» II. **Первая русская революція.—1915 г.** Ред. В. Н. Сторожевъ.
» III. **Русская провокація.** Ред. С. П. Мельгуновъ и М. А. Цявловскій.
» IV. **Майскій погромъ въ Москвѣ въ 1915 г.** Ред. В. Н. Сторожевъ.
» V. **Ходынка.** Ред. В. Н. Сторожевъ.
» VI. **Въ цензурныхъ тискахъ.** Ред. В. Е. Максимовъ и В. В. Міаковскій.
» VII. **Священная дружина.** Ред. С. П. Мельгуновъ.
» VIII. **Лорисъ-Меликовъ и его время.** Ред. С. П. Мельгуновъ.

Въ слѣдующей серіи намѣчены матеріалы о декабристахъ, Герценѣ, 70-хъ годахъ (Хожденіи въ народъ) и т. д.

Редакція оставляетъ за собой право замѣнить одинъ сборникъ другимъ въ зависимости отъ условій подготовки изданія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: Не имѣя возможности въ настоящее время опредѣлить размѣръ приготавливаемыхъ къ печати сборниковъ, а равно стоимость изданія, цѣна на сборники назначается по разсчету отъ 30—40 коп. съ листа—16 стр. (включая пересылку). При подпискѣ вносится задатокъ въ размѣрѣ 3 руб.; при выходѣ каждого тома оплачивается его стоимость; задатокъ засчитывается при выходѣ послѣдняго VIII-го тома. Подробное содержаніе каждого сборника будетъ объявлено въ слѣдующей книжкѣ.

Въ отдѣльную продажу сборники будутъ поступать по значительно повышенной цѣнѣ.

Подписчики журнала «Голосъ Минувшаго» при непосредственномъ обращеніи въ Контору имѣютъ право на полученіе изданія безъ задатка.

Т-во „ЗАДРУГА“.

МОРОЗОВЪ, Н. А. Повѣсти моей жизни. Т. I. 2-е изд. (Печ.), т. II. (По волнамъ увлеченія. Свободныя горы). Ц. 5 р. т. III и IV. (печат.).

ДАВЫДОВЪ, Н. В. Изъ прошлаго. Ч. II. (Воспоминанія. Очерки былого). Ц. 5 р.

БЪЛОКОНСКІЙ, И. П. Дань времени. Воспоминанія. Ц. 6 р. 50 к.

РОПШИНЪ, В. Во Франціи во время войны. Ч. I и ч. II, по 3 р. 75 к.

**ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1918 г.
НА ЖУРНАЛЪ
ИСТОРИИ И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ
„ГОЛОСЪ МИНУВШАГО“
(6-й годъ изданія).**

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ на годъ 40 руб., на $1\frac{1}{2}$ года 22 р.,
на 4 мѣсяца 15 руб.

—==== перемѣна адреса 60 коп. —====

Въ виду отказа газетной экспедиціи почтамта доставлять періодическія изданія по городу Москвѣ, журналъ высылается городскимъ подписчикамъ простой бандеролью; принимая же во вниманіе, что при такомъ способѣ пересылки часто теряются книги, Контора журнала предлагаетъ городскимъ подписчикамъ получать №№-ра журнала въ конторѣ; желающіе же получать журналъ ЗАКАЗНОЙ бандеролью, должны доплатить къ подписной платѣ 3 руб. въ годъ.

Городскіе подписчики при подпискѣ благоволятъ указывать, какимъ изъ вышеуказанныхъ способовъ они будутъ получать журналъ. Подписчикамъ, не давшимъ отвѣта на поставленный вопросъ, журналъ будетъ высылаться простой бандеролью, и Контора въ этомъ случаѣ не отвѣчаетъ за пропажу номеровъ журнала.

**Комплекты за прежніе годы: 1913 (безъ № 1),
1914 (безъ № 5), 1915 (безъ № № 4, 6, 12.)—по 16 руб.;
1916 (безъ № 3)—20 руб.; 1917 (безъ № 2)—25 руб.**

Подписка принимается:

въ Москвѣ, въ Конторѣ журнала: Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. 9.
Въ отдѣленіи Конторы; Петроградъ, Гончарная, 24, Книгоиздательство «ЗАДРУГА».

Адресъ редакціи: Москва, Гранатный, 2, кв. 31.

ПРІЕМЪ ПО ДѢЛАМЪ: вторникъ, отъ 4 до 6 час.

Отд. редакціи въ Петроградѣ: В. О., 8 линія, д. 59, кв. 12. Пріемъ
ежедневно отъ 6 до 7 ч. веч.

Цѣна 10 руб.

Редакторъ-издатель С. П. МЕЛЬГУНОВЪ.

Тип. Т-ва Рабочихъ и писателей. Москва.